

**АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ**

**ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ УЗБЕКИСТАНА
В XX ВЕКЕ**

**Ташкент – 2014
Издательство “NAVRO’Z”**

КБК: 82.11 (5Ўзб) 7
М.45
УДК: 94 (575.1)
001.0891.(575.1)

История и историки Узбекистана в XX столетии. Navro'z. – Т., 2014. 428 б. +16 с. илл.

Ответственный редактор:

Доктор исторических наук, профессор Д.А. Алимова

Рецензенты:

Доктор исторических наук, академик АН РУз Э.В. Ртвелалзе

Доктор исторических наук, профессор М.М. Исхаков

Жамият тарихий тафаккурининг шаклланишида тарих фани зиммасига алоҳида вазифа юкланади. Айниқса бу XX асрда яққол намоён бўлди. Бу жараён маълум бир соціо-маданий ва мафкуравий маконда яшаган ва ўз академик асарларини яратган тадқиқотчи-тарихчиларнинг ҳаёти ва фаолиятини ўрганишда янада ёркинроқ кузатилади. Такдим этилаётган монография XX асрда яшаб ижод этган, Ватанимизнинг машхур тадқиқотчи-тарихчиларининг ижодий ва ҳаётий биографиясини тиклашдаги дастлабки уринишдир. Бунда маданий жараёнлар ва академик трендлар контекстида қайд этилган даврнинг сиёсий-мафкуравий муҳити инобатга олинди. “Темир парда” ва бошқа ҳаддан ортиқ ғоявий тазйиқларга қарамай Ўзбекистондаги тарихий жараёнларнинг бу даврда халқаро академик ҳамжамиятларнинг диққат-эътиборида бўлганлигини назарда тутиб, тўпламга Марказий Осиё ҳудудини ўрганиш билан шуғулланган бир қатор хорижий тадқиқотчиларнинг ижодий биографияси ҳам киритилган. Асосий манбавий материал сифатида мемуарлар, архив ҳужжатлари, оғзаки хотиралар, шунингдек ўрганилаётган даврда яратилган катта ҳажмдаги илмий адабиётлар жалб этилган.

В формировании исторического сознания общества исторической науке нередко суждено играть определяющее значение. Особенно ярко это проявилось в XX веке. Этот процесс наиболее четко прослеживается при изучении жизни и деятельности исследователей-историков, живших и создававших свои академические труды в конкретном социо-культурном и идеологическом пространстве. Представленная монография предпринимает одну из первых попытку воссоздания творческой и жизненной биографии видных отечественных исследователей-историков XX века в контексте культурных процессов и академических трендов указанной эпохи с учетом политико-идеологического фона. Принимая во внимание, что исторические процессы в Узбекистане в этот период, несмотря на “железный занавес” и иные идеологические пережития XX столетия, продолжали находиться в фокусе внимания международного академического сообщества, в сборник также включены творческие биографии отдельных зарубежных исследователей, занимавшихся изучением центрально-азиатского региона. Основным источниковым материалом выступили мемуары, архивные источники, устные воспоминания, а также обширный корпус научно-исследовательской литературы, созданный в рассматриваемый период.

Монография подготовлена в рамках проекта прикладного исследования (ФА-А-А3-Г035) Государственного Комитета по координации развития науки и технологий при КМ РУз.

ISBN 978-9943-381-99-5

© Издательство “Navro'z”, 2014

ВВЕДЕНИЕ

Влияние истории на общество безмерно. Однозначное определение, что ее создает народ, нуждается, на наш взгляд, в некоторой корректировке. Поскольку история касается абсолютно всех сторон человеческой жизни, то в ее создании участвуют не только массы, но и индивиды, которые, получив лидерство, сильно влияют на политические процессы и как следствие – на ход самой истории. Значительное влияние на историю оказывают природные и географические условия, в большей части не ожидаемые людьми и круто меняющие всю структуру жизни, о чем примеров множество. К резким поворотам исторических событий приводят, как известно, и технологические открытия, зачастую меняющие геополитику мира. Однако одним из главных двигателей истории является общественное сознание.

Сознание общества состоит из множества элементов: взглядов, идей, политических, экономических и культурологических теорий, которые существуют в истории и историчны¹, поэтому оно никак не может абстрагироваться от истории. История всегда выступала как аргумент в государственном и национальном строительстве. Особенно в кризисные периоды политического состояния и социально-экономического развития государств появлялась необходимость апеллировать к истории для определения своего места в мировой системе. У каждой эпохи и государства был свой уровень исторических обобщений, соответствующих представлениям об общественном развитии. Но, несомненно, идейные заимствования помогали «выстраивать жизнь, наполнять ее ощущением своей значимости, определить место и роль страны в современном ей мире, место и роль власти в системе общества»².

Как видим, в отличие от других дисциплин история интегрирована с политикой и она нередко стремится подчинить ее своим насущным интересам. Однако понять и в нужном русле использовать деструктивный и созидательный потенциал истории – в этом огромная роль принадлежит историкам. Интерпретация истории, создание исторического сознания и социального самосознания – это удел историков, выступающих в роли арбитра пережитого. В определенной степени они создают духовный климат, влияя на восприятие обществом его прошлого. От уровня их объективности и

¹ Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. М.: Высшая школа, 1989. С. 108–109.

² Сахаров А.Н. История и стабилизация общества // Современное состояние и перспективы развития исторической науки Казахстана и России. Алматы, 2008. С. 31.

квалифицированности, способности адекватно оценить источники зависит по большому счету моральное состояние общества и даже государства.

С того момента, как история стала самодисциплиной и начала развиваться как одно из важнейших направлений науки, стал предметом дискуссий и вопрос о роли историка в историческом процессе. Особенно это характерно для XX в., в котором до развала СССР уместились две разнохарактерные по идейному и социально-политическому содержанию эпохи и началась третья, концептуально изменившая содержание истории. И поскольку именно XX в. стал временем наиболее активного развития исторической науки, деятельность историков этого периода следует рассматривать в разрезе происходивших событий социально-политической и повседневной жизни, в данном случае – народов Центральной Азии.

Какова же была ниша историка в этом сложном противоречивом столетии применительно к нашему региону? Чтобы ответить на этот достаточно сложный вопрос, нужно вспомнить, что XX в. продолжал предыдущее столетие, но уже в других условиях. На территории региона происходило столкновение и принятие той и другой стороной двух различных цивилизаций. Вхождение новых технологий, но сохранение старых устоев в образе жизни населения составили множество парадоксов, которые определили в конечном итоге характер взаимоотношений власти и народа. Одновременно регион открылся не только для российского капитала, но и для разнообразных идейных течений и демократических движений, которые обогатили весь спектр уже назревших здесь представлений о лучшей жизни. Туркестан открылся и для российской науки, в частности востоковедов. Центральноазиатская историография сложилась благодаря их усилиям по сохранению рукописных источников по истории края.

Важно и то, что представители национальной интеллигенции, просветители и джадиды не остались в стороне от определений роли и значения истории в жизни коренных народов Туркестана, включаясь и в научные дискуссии.

Дальнейший ход истории, смена власти, трансформация социально-политической системы, большевизация, а затем и коммунистический режим со всеми его подавляющими функциями определили векторы и культурно-интеллектуального развития Туркестана, а затем Узбекистана и других республик Центральной Азии. Первые шаги большевиков по установлению контроля над сферой гуманитарного знания, в частности над исторической наукой, утверждение

априори марксистской версии истории, развитой М.Н. Покровским, сопровождалась вынужденным сохранением сложившейся системы институтов науки, в том числе исторической, функционированием «старой школы», что создавало в первые годы советской власти возможность для существования альтернативного мышления в исторической науке. Благодаря этому историография имеет прекрасные образцы трудов по разным аспектам истории, созданным в это время. Дальнейшее развитие исторической науки проходило в сложных условиях с примесью идеологических внедрений.

Новый курс в отношении истории в условиях сталинского режима, перестройка научно-исторических учреждений, идеологический диктат и репрессии, коснувшиеся и научных работников, нанесли большой урон и исторической науке.

Однако говорить о полном отсутствии новых идей, взвешенных выводов и отсутствии талантливых историков в этот период было бы большой ошибкой.

Руководство страны было заинтересовано в развитии исторических знаний, как в целом науки, конечно же, с учетом идеологических рамок. В послевоенные годы и до конца советской власти оно обеспечивало институциональное развитие и финансирование как академической науки, так и образовательной системы, в том числе в разрезе исторических изысканий. Начавшееся в Узбекистане с 30-х годов XX в. формирование национальных кадров завершилось в 1950-е уже мощным потенциалом отечественных историков и в дальнейшем пополнялось непрерывно, обогащая кадровую базу исторической науки по таким важнейшим направлениям, как источниковедение, востоковедение, археология, этнография, древняя и средневековая история.

Значительный вклад в развитие этих отраслей внесла Академия наук Узбекистана, в которой были сосредоточены все научно-исследовательские институты, в том числе гуманитарного профиля.

Ученым этого времени мы во многом обязаны сохранением и изучением историко-культурного наследия народов Центральной Азии, величайшими открытиями культурных памятников, вошедших в сокровищницу мировой культуры, определением возраста древнейших городов Узбекистана, нахождением и изучением научных трудов и трактатов величайших мыслителей средневековья.

Большая часть интеллектуально-исторического наследия народа изучена в XX в., и в этот же период была заложена большая исследовательская база, благодаря которой были совершены и уникальные открытия начала XXI в. в области истории. Все это было

делом труда и размышлений историков, которые в сложнейших условиях запретов, порой некомпетентного вмешательства, давления все же смогли довести свои изыскания до конца, оставив потомкам свое неоспоримое по своей интеллектуальной значимости научное наследство.

Как они работали, как жили, как воевали на фронтах войны и идеологии, как смирялись или боролись, о чем думали, как функционировали в тех или иных политических условиях, что дали науке, как оценивали свой период, в котором жили? На эти и ряд множества других вопросов попытались ответить авторы этой книги.

История и историки в XX в. – неразрывно связанные два понятия, которые могли сосуществовать или антагонизировать. Каждый из историков по своему выбирал свою судьбу, но она не была отделима от своего времени и происходивших в нем событий.

Такой подход в оценке наиболее приметных ученых-историков предпринимается впервые. Выбор историков произведен по хронологии и охватывает колониальный и советский периоды. В книгу включены также очерки, освещающие исторические взгляды видных просветителей Туркестана, представителей джадидского движения, отражающие попытки нового осмысления национальной истории. Их оценки не претендуют на профессиональность, но свидетельствуют о том, что они считали историческую память важнейшим компонентом национального самосознания.

Альтернативное историографическое разномыслие, которое еще наблюдалось в первой трети XX в., представлено людьми, которые были не только историками, но и политиками, служившими не только властям, но и своим идеям и пытавшимися внедрить свои позиции в общество.

Значительную часть книги составляет картина жизни и творчества известных ученых-профессионалов в своем деле, внесших своими трудами огромный вклад в развитие исторической науки.

Авторы попытались показать их образы на фоне происходивших событий политического и социального характера. Вместе с тем в книге широко использованы мемуарные источники, свидетельствующие о некоторых особенностях их личной жизни.

Возможно, очерки не лишены некоторой предвзятости в положительную сторону. Но, как известно, каждый пишущий историк пропускает свою тему через свое сердце и его труд представляет его личное видение проблемы. Особенно, если это касается личностей. В данном случае все лица, о которых рассказывается в книге, заслуживают нашей памяти. Очень важно, что монография не ограничена

только узбекистанскими учеными. В ней дана оценка и деятельности некоторых зарубежных исследователей истории Центральной Азии.

Книга – это первая попытка, первая часть многотомного труда по освещению деятельности историков Узбекистана и в целом Центральной Азии, которая, несомненно, будет продолжена и выйдет в будущем за пределы истории, охватив и другие сферы гуманитарной науки.

Наша главная цель – воздать объективное должное нашим ученым-предкам и донести до следующего поколения знания о нашем интеллектуальном богатстве во всем его разнообразии.

Авторский коллектив:

Введение *(д.и.н., проф. Д.А. Алимова)*.

Исхакхан Ибрат и его труды по истории Ферганы *(к.и.н. Д.М. Кенжаев)*.

Абдулла Авлонийнинг маърифат ва тарих хақидаги қарашлари. *(к.и.н. Н.А. Мустафаева)*.

Абдурауф Музаффарзоданинг мушоҳадасида Туркистон тарихи ва маданияти масалалари. *(к.и.н. Н.А. Мустафаева)*.

Туркистон ўтмиши ва келажаги Мухтор Бакир асарларида. *(к.и.н. С.Н. Мадъярова)*.

Николай Маллицкий: на службе империи и на службе науке. *(к.и.н. О.Г. Пуговкина)*.

Вадим Чайкин и его альтернативное постижение истории. *(к.и.н. В.А. Германов)*.

Шерали Лапин – лидер «кадимистов», историк, политик. Профессор Пулат Салиев: судьба и драма. *(к.и.н. В.А. Германов)*.

Василий Вяткин и Самаркандская старина. *(к.и.н. Ф.Ш. Шамукарамова)*.

Пулат Салиев: судьба и драма. *(к.и.н. В.А. Германов)*.

Файзулла Ходжаев: историк и государственный деятель. *(д.и.н., проф. Д.А. Алимова, д.и.н. Н.Р. Махкамова)*.

Основные характеристики советской историографической школы в Узбекистане. *(к.и.н. Ш.И. Асадова)*.

Михаил Евгеньевич Массон и археология Средней Азии. *(к.и.н. Ф.Ш. Шамукарамова)*.

Историк и археолог Яхъя Гулямович Гулямов и его вклад в развитие науки. *(к.и.н. Ф.Ш. Шамукарамова)*.

Две музы узбекской медиевистики: творческие портреты Розии Мукминовой и Ольги Чехович. *(к.и.н. У.А. Абдурасулов)*.

Рахима Аминова – историк «по велению сердца». (д.и.н., проф. Д.А. Алимова).

«Улама» в советском Институте востоковедения. (д.и.н. Б.М. Бабаджанов).

Борис Владимирович Лунин – патриарх среднеазиатской школы историографии. (д.и.н., проф. Д.А. Алимова, к.и.н. В.А. Германов).

Тарихшунос Фарҳод Ҳабибович Қосимов. (к.и.н. Ш.И. Асадова).

‘Sovetological Islamology’: история академического тренда в исследованиях и персоналиях (1940 – 1980-е годы). (к.и.н. Х.И. Абдурасулова).

«Постколониальные» теории в англоязычной историографии Центральной Азии. (м.н.с. А.А. Турсунметов).

Работы Адиба Халида и его взгляд на историю Туркестана. (м.н.с. А.А. Турсунметов).

Техническая подготовка монографии к печати:

У.А. Абдурасулов, кандидат исторических наук

О.Г. Пуговкина, кандидат исторических наук

Ф.Ш. Шамукарамова, кандидат исторических наук

З.Э. Халилова, младший научный сотрудник

Б.Ш. Шокаримов – дизайн обложки и иллюстраций.

ГЛАВА I. НАЧАЛО XX ВЕКА: НОВОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Исхакхан Ибрат и его труды по истории Ферганы

Завоевание Российской империей среднеазиатских ханств, наряду с негативными последствиями привело в известной мере, и к позитивным сдвигам, в частности, создало объективную возможность для развития новых отраслей народного хозяйства, транспорта, способствовало изменению инфраструктуры экономики. Туркестан, Бухарский эмират и Хивинское ханство были вовлечены в мировой рынок, приобщены в определённой степени к передовой науке и технике.

Отдавая должное этим объективно-позитивным изменениям, передовая интеллигенция региона хорошо осознавала, что в их основе лежит, прежде всего, стремление превратить регион в сырьевую базу империи. В числе факторов, способствовавших относительно быстрому завоеванию края царской Россией, джадиды в качестве основных называли распри правящих кругов ханств и консервативную позицию местного мусульманского духовенства, приведшую, вследствие неверного понимания и толкования предписаний ислама, народы Средней Азии к бедственному положению, оторванности от мирового развития и культурной ограниченности. Именно поэтому в числе первоочередных мероприятий, проводимых представителями передовой национальной интеллигенции, было движение за правильное толкование норм ислама, предписаний Корана, хадисов и шариата, реформирование системы образования, приведение её в соответствие с требованиями времени¹.

¹ Бехбудий М. Эҳтиёжи миллат // Самарқанд. 1913, 12 июл; Его же. Тарих ва жуғрофия // Ойна. 1914. № 17. Б. 502–505; Его же. Уқувчиларга ёрдам керак // Ойна. 1914. № 31. Б. 601–604; Его же. Танланган асарлар. 2 нашр. Тузатилган ва тўлдирилган. Тошкент: Маънавият, 1999. – 280 б. и многие его другие публикации в джадидской периодической печати; Абдурашидхонов Мунаввар Қори. Тошкентда муслмон жамияти // Самарқанд. 1913, 20 август; Его же. Ҳавойижи диния. Тошкент: Шарқ, 1993. – 92 б.; Его же. Хотираларимдан (жадидчилик тарихидан лавхалар). Тошкент: Шарқ, 2001. – 128 б.; Его же. Мусульманство. Ташкент: Мовароуннахр, 2004. – 32 с. и многие его публикации в джадидской периодической печати; Авлоний А. Она тилимиз // Садои Туркистон. 1914, 28 май; Его же. Танланган асарлар. Тошкент: Маънавият, 1998. – 304 б.; Абд-ур Рауф. Рассказы индийского путешественника. (Бухара как она есть) / Перевод с персидского А.Н. Кондратьева. Самарқанд, 1913. – 102 с.; Его же. Мухтасар ислом тарихи // Сирли олам. 1992. № 3–4. Б. 7–11; Его же. Нажот йўли (Раҳбари нажот) / Масъул муҳаррир З. Чориев. Таржимон Ш. Воҳидов. Тошкент: Шарқ, 2001. – 176 б.;

Высоко оценивая роль науки и просвещения, они рассматривали их в качестве важнейших атрибутов при решении социальных и культурных проблем. Джадиды выступали с открытым осуждением тех представителей мусульманского духовенства, негативная позиция которых в отношении науки отбросила общество назад и стала причиной технологической отсталости. «Наука, – писал А.Фитрат, – причина процветания государства. Наука – причина прогресса народа. Наука – это то могучее средство, посредством которого некогда «дикие» жители Америки сейчас достигли высокого уровня развития и могущества»¹.

О необходимости синтеза науки и религии высказывался и Абдулла Авлоний, видя в науке направляющую силу прогресса и процветания, единственное средство борьбы против мракобесия. «Знание – как зеркало показывает нам наше состояние, – писал просветитель. Оно заостряет наш разум и мысли подобно мечу, отделяет благодеяние от греха, дозволенное от запретного, чистое от нечистого, и как путеводная звезда ведет в правильном направлении, являясь причиной нашего счастья на этом и на том свете»². Продолжая перечислять позитивные стороны науки и образования, А. Авлоний отмечал, что людей науки ценят и уважают всюду, что шариат обязывает изучать те науки, которые дают пользу человечеству. Поэтому он призывал не упускать любую возможность для получения знаний, как можно усерднее бороться с врагом человечества – невежеством.

Понятие «наука» просветители использовали не в современном её понимании, как исследование в той или иной области, а как в целом знание и образование. В пропаганде такого многомерного понятия (наука, знание, образование, просвещение) они опирались на религию, пытаясь на основе Корана обосновать их необходимость и дать им религиозную легитимизацию. Такой подход был наиболее действенным, так как просветители знали о высокой степени религиозности населения.

Особую роль в развитии общества реформисты отводили исторической науке. Интерес джадидов к истории как к науке не был случайным. Они справедливо считали её принципиально важной составной частью культуры, источником национального самосозна-

¹ Фитрат А. Ҳиндистонда бир фаранги ила бухороли муддариснинг жадид мактаблари хусусида қилган мунозараси // Абдурауф Фитрат. Танланган асарлар. Тошкент: Маънавият, 2000. 62-бет.

² Авлоний А. Туркий гулистон ёхуд ахлоқ // Авлоний А. Танланган асарлар. Тошкент, 1998. 2-жилд. 48-бет.

ния. Как известно, джадиды были свидетелями проникновения в Среднюю Азию новых технических достижений, современной научной мысли, произведений мировой литературы и культуры.

Однако, как отмечает Р.М. Абдуллаев, «признавая очевидные объективно-позитивные последствия российской колонизации края, представители национальной интеллектуальной элиты, тем не менее, прекрасно понимали, что в условиях политической и экономической зависимости, в которой находились туркестанцы, в их общественном сознании будет стремительно расти чувство национальной ущербности и неполноценности, что самым губительным образом может сказаться на темпах и перспективах развития среднеазиатских народов, как современных и самодостаточных наций»¹.

Вот почему и прогрессисты считали, что одним из важнейших факторов, определяющих духовное состояние нации, является уровень исторического сознания общества. Выход из создавшегося положения многие из них видели в апелляции к наиболее ярким, значимым страницам национальной истории, которые будут не разобщать людей, а наоборот – объединять. Вот почему и представители национального движения серьезно интересовались историей человечества и были очень хорошо осведомлены о прошлом своей страны. Они знали, что на этой земле в свое время существовали могущественные государства, в которых жили великие ученые и мыслители, внесшие неоценимый вклад в развитие мировой цивилизации. Понимание этого обстоятельства, по мнению прогрессистов, должно было помочь их соотечественникам, наконец, преодолеть мучительное чувство национальной несостоятельности.

Историческое мировоззрение национально-прогрессивной интеллигенции, а также выявление роли, которая, по их мнению, была отведена исторической науке в развитии общества, были впервые исследованы Д.А. Алимовой². На основе анализа содержания работ просветителей она приходит к выводу, «что методологические познания в области наук, и особенно истории, позволяли джадидам, исходя из исторического опыта народов Средней Азии, изучая их современное положение, делать проекции на будущее их устройство»³.

¹ Абдуллаев Р.М. Интеграционные процессы в мусульманском мире и Туркестанские джадиды // Жадидчилик: ислохот, янгиланиш, мустақиллик ва тараккиёт учун кураш. (Туркистон ва Бухоро жадидчилиги тарихига янги чизгилар). Даврий тўплам № 1. Тошкент: Университет, 1999. С. 81.

² Алимова Д.А. Джадидизм в Средней Азии. Пути обновления, реформы, борьба за независимость. Ташкент. Узбекистон, 2000. – 24 с.; Алимова Д., Рашидова Д. Махмудходжа Бехбудий и его исторические воззрения. Ташкент: Маънавият, 1998. – 40 с. и др.

³ Алимова Д. А. Джадидизм в Средней Азии... С. 16.

Важное место в творчестве джадидов занимают работы в области истории. Поэтому изучение исторического наследия джадидов, особенно трудов М. Бехбуди, А. Фитрата, И. Ибрата, Ф. Ходжаева, М. Саиджанова даёт более полное представление об историческом мировоззрении этих среднеазиатских интеллектуалов начала XX в.

Интерес к истории как к науке проявлял и Искахкан Ибрат, один из ярких представителей кокандской школы историков, автор таких исторических произведений, как «Тарихи Фаргона», «Тарихи Маданияти», «Мезон ул замон».

Разносторонняя деятельность Ибрата, как общественного деятеля, просветителя, филолога, историка, поэта, с одной стороны, а с другой – тот факт, что он в 1937 г. был репрессирован, стало определяющим в исследованиях его жизни и деятельности. Хотя жизнь и деятельность Ибрата изучалась и в советской историографии, его работы, за редким исключением, не были введены в научный оборот. Поворотной вехой в изучении его наследия стало обретение Узбекистаном независимости.

В данный историографический период творчество Ибрата стало объектом специальных научных изысканий¹. Впервые в отечественной историографии научно-историческое наследие Ибрата выступило объектом специального исследования, построенного на историографическом анализе, в диссертации К. Вохидовой².

Просветитель, поэт, филолог, историк, один из первых узбекских издателей Исхакхан Ибрат (*Исхакхан Жунайдуллоходжа Ибрат – 1862 – 1937 гг.*) родился в 1862 г. в кишлаке Туракурбан, близ Намангана.

Первоначальное образование получил в старометодной школе. В 1878 г. Ибрат поступил в одно из Мадраса Коканда, которое закончил в 1886 г. Годы учебы в мадраса совпали со временем, когда в Кокандском ханстве начинает формироваться национально-демократическое дви-

¹ Бобобеков Х.И. Ибратнинг «Тарихи Фаргона» асарига ёзилган сўз боши. Тошкент: Камалак, 1991; Долимов У. Исҳоқхон Ибрат. Тошкент: Шарқ, 1994. – 114 б.; Ибрат, Сиддикий-Ажзий, Сўфизода. Танланган асарлар. Тошкент: Маънавият, 1999.

² Вохидова К.А. Исҳоқхон Ибрат // *Фан ва турмуш*. 1995. № 4. Б. 26-27; Её же. Исҳоқхон Ибратнинг «Луғати ситта ал сина» номли асарининг бугунги кундаги аҳамияти // *Ўзбекистонда ижтимоий фанлар*. 1995. № 10-11-12. Б. 63-68; Её же. Исҳоқхон Ибратнинг «Тарихи Фаргона», «Тарихи маданият», «Мезон ул замон» асарлари тарихий, илмий, маданий манба сифатида // *Ўзбекистон тарихининг долзарб муаммоларига янги чизгилар*. Даврий туплам. № 2. Ташкент: Шарқ. 1999. Б. 112-123; Её же. Исҳоқхон Ибратнинг «Тарихи маданият» асари Марказий Осиё шаҳарсозлиги ва маданияти тарихига оид манба // *Қадимий Қарши, Ўрта Осиё шаҳарсозлиги ва маданияти тарихи*. Қарши: Насаф, 1999. Б. 161-162; Её же. Ибратининг ибратли йўли // *Фидокор*. 1999, 24 сентябрь; Ибрат. *Фаргона вилоятидаги Ахси шахрининг қадимий тарихи* (К. Вохидова нашрга тайёрлаган) // *Ўзбекистон тарихи*, 2000. № 3. Б. 67-71; Её же. *Исхакхан Жунайдуллоходжа Ибрат и его научно-историческое наследие*. Автореф. дис. ... кан. ист. наук. Ташкент, 2002. – 25 с.

жение, зародившееся в среде местной интеллигенции. Вдохновленный идеями просветительства, возвратившись в родной кишлак после окончания мадраса, он в этом же году открывает первую в Туракургане новометодную школу.

Консервативное духовенство объявило ее «школой неверных», и родители стали забирать из нее детей. Общение в среде джадидов, чтение газет «Таржумон», «Вакт», «Юлдуз» и др., несомненно, оказали большое влияние на формирование мировоззрения молодого Ибрата, также как и обучение в стенах мадраса.

Конец 80-х – 90-е гг. стали для Ибрата годами открытия мира. В 1887 г. Исхакхан Ибрат совершил паломничество в Мекку. Он посетил такие города Европы, как Стамбул, София, Афины, Рим. Долгое время Исхакхан прожил в Жидде, Бомбее, Калькутте. Там он изучил английский, арабский, персидский, урду, индийский языки, а также иврит и санскрит.

В 1896 г. он едет в Кашгар, посещает внутренние районы Китая. Из этих путешествий Ибрат привез не только знание иностранных языков (хинди, английского, диалектов китайского), его любознательность, стремление к знанию способствовали тому, что в поле его зрения оказывались обычаи и традиции других народов, их быт и культура, социальные отношения. Особенно его впечатлили достижения науки и техники.

Ибрат всю жизнь мечтал, чтобы его народ был образованным и просвещенным и делал все возможное для этого. За последние 20 лет своей жизни он написал 14 научно-исторических, лингвистических произведений. Составил сборник стихотворений «Девони Ибрат», являвшийся результатом 30-летнего поэтического творчества. Большой вклад он внес и в развитие исторических знаний, написав такие произведения, как «Тарихи Фаргона» («История Ферганы»), «Тарихи маданият» («История культуры»), «Мезон уз-замон».

В 1896 г. он возвратился в Туракурган. Знание языков и приобретенный опыт позволили ему составить шестязычный уникальный словарь «Лугати ситта алсина», который был издан в 1901 г. Этот словарь использовался в новометодных школах как единственное пособие по изучению русского и восточных языков. В 1912 г. Исхакхан Ибрат написал научный труд «Жамеъ ул-хутут» («Сборник письменности»), посвященный истории письменности, и издал его в собственной типографии «Матбаи Исхокия».

Летом 1913 г. Ибрат принимал участие в дискуссии, организованной обществом археологов по вопросам истории Ахсы, выступив с докладом на тему: «История древнего города Ахсы в Ферганской

области». Доклад Ибрата был опубликован в нескольких номерах газеты «Туркистон вилоятининг газетеси»¹. В этом докладе прозвучало предложение о создании специальной брошюры по истории этого города, включая сведения о начале формирования города, его правителях, хозяйстве, культуре населения Ахсы.

Последние годы жизни Ибрата были беспокойными. В апреле 1937 года в возрасте 75 лет поэт и просветитель был репрессирован, заключен в Андижанскую тюрьму, где и скончался.

Разделяя идеи других просветителей о необходимости прогресса, нововведений в экономику края, новометодных школ, он стремился претворить их на практике, начав со своего родного кишлака.

Как известно, в течение жизни Ибрат написал свыше 20 работ. О взглядах Ибрата на развитие общества и его состояние в конце XIX - начале XX в., на историю Ферганы мы можем судить по трем его работам: «Тарихи Фаргона», «Тарихи Маднияти», «Мезон ул замон».

Интерес Ибрата к истории не был случайным. Для него она являлась принципиально важной составной частью культуры, источником национального самопознания. Он подчеркивал причинно-следственные связи между прошлым и настоящим, анализировал эти связи, чтобы обосновать необходимость реформ. История для Ибрата не статичный объект, в ней он видел диалектику развития, прогресса и упадка общества. Сочинение Ибрата «Тарихи Фаргона», написанное в лучших традициях данной эпохи на узбекском языке, придерживаясь устоявшихся методов Фазли Фергани, Мушрифата и др., завершало, с одной стороны развитие кокандской исторической школы, но вместе тем, в отличие от них, Ибрат был хорошо знаком с трудами западных и русских ориенталистов, а также проводил этнографические и археологические исследования². В частности, он пользовался трудами В.В. Радлова, В.В. Бартольда, Г. Вамбери, В. Наливкина и дал их произведениям свою оценку. Особенно всесторонне было проанализировано произведение В. Наливкина «Краткая история Кокандского ханства», написанное в 1886 г. Ибрат большое значение придавал объективной оценке исторических событий и фактов.

«Тарихи Фаргона» посвящена истории Ферганы с древнейших времен до событий, современником которых был сам автор. Источниковой базой сочинения послужили легенды, династийные хроники, свидетельства современников и др. Его работа охватывает целый ряд

¹ Ибрат. История древнего города Ахсы в Ферганской области // Туркистон вилоятининг газетеси. 1913, 23 июнь.

² Вохидова К.А. Исхакхан Жунайдуллаходжа Ибрат и его научно-историческое наследие. Автореф. дис. ... кан. ист. наук. Ташкент, 2002. С. 17.

актуальных для его времени проблем, включая анализ причин экономического упадка, бедственного положения народных масс. «Тарихи Фаргона» состоит из следующих пятнадцати частей¹:

- Введение;
- Основание города Коканда;
- Век Норбутахана;
- Век Олимхана ибн Норбутахана;
- Век Умархана;
- Время смерти Умархана и правление Мухаммед Алихана;
- Век Мухаммеда Алихана ибн Умархана;
- Правление Шералихана;
- Правление Шохмуродхана и его смерть; возвращение к ханству Худоярхана;
- История султана Саййида ибн Маллахана;
- Четвертое правление Худоёрхана;
- Фуладхан ибн Мурадхан;
- «Рассказ»;
- История города Андижана;
- История Намангана.

Как мы видим, структура работы охватывает историю Ферганы с древнейших времен до событий, современником которых был Ибрат.

После традиционного начала Ибрат говорит о пользе истории и путешествия. По мнению автора, интерес к самому себе и родному краю должен побудить человека лучше узнать землю, на которой живет, поскольку жизнь и деятельность людей прошлого служат примером для будущего. Ибрат, осознав важную роль истории в образовании и прогрессе, изучил исторические произведения и попытался изложить историю своего родного края.

Раннюю историю и культуру Ферганы Ибрат рассматривает как симбиоз тюркских, иранских, арабских и монгольских культурных, политических и военных традиций. В то же самое время, говоря о языке жителей Ферганской долины, Ибрат критикует преподавателей-современников, которые после завоевания региона Российской империей не усилили роль тюркского языка, допустив консервативность². При этом к доисламской эпохе истории автор проявляет уважение, не отрывая ее от мусульманского периода.

¹ Исҳоқхон Жунайдуллоххўжа ўғли Ибрат. Фаргона тарихи // Мерос туркуми. Тошкент: Камалак, 1991. Б. 266-327; Ибрат Исҳоқхон Тўра. Танланган асарлар. Тошкент: Маънавият, 2005. Б. 79-143.

² Бабаджанов Б.М. Кокандское ханство: власть, политика, религия. Токио-Ташкент, 2010. С. 48.

В изложении истории Кокандского ханства заметна критика деяний правителей, глав племен. При изучении «Тарихи Фаргона» особо стоит выделить рассказы о событиях, связанных с завоеванием Кокандского ханства Российской империей. Ибрат в произведении подробно рассматривает причины поражения Коканда. По мнению автора, главными причинами этого явились междоусобицы, отсутствие регулярной армии и непросвещенность народа.

Как известно, при исследовании истории периода XIX – начала XX в. ученые широко опираются на архивные данные, которые зафиксировали одну точку зрения. В советской историографии считалось, что национальные источники по этому периоду отсутствуют, хотя они были изъяты из научного оборота по идеологическим причинам. «Тарихи Фаргона» Ибрата доказывает, что национальная историография конца XIX – начала XX в. является важной составной частью мировой историографии по Средней Азии этого периода, без тщательного изучения которой невозможно объективно отразить историю Узбекистана, всей Средней Азии.

Два других крупных произведения Исхакхана Ибрата, сохранившихся в списках – «Тарихи маданият» и «Мезон ул замон» представляют некоторую трудность для анализа мировоззренческих, концептуальных положений этих работ, а также в определении даты их написания. На основании содержания, конкретных фактов, приводимых Ибратом, они могут быть датированы десятиными – двадцатыми годами XX в.

«Тарихи маданият» – это страстная проповедь о необходимости развития страны, будущее которой Ибрат связывал со становлением профессионального образования, созданием школ для девушек, высших учебных заведений, исследовательских институтов¹. Для Ибрата невежество – главный враг. В «Тарихи маданият» он говорит о том, что необходимо сделать, чтобы родина стала процветающей; знаменательно, что Ибрат подробно останавливается на экономических вопросах. Он говорит о необходимости развития местной промышленности, ремесел, о постройке ирригационных сооружений, о ведении сельскохозяйственных работ, восстановлении внутренней и внешней торговли; он рассматривает возможности добычи и переработки подземных богатств, предлагая экспортировать не сырье, а готовую продукцию. И вновь он призывает учиться, перенимать опыт у зарубежных предпринимателей.

В этом произведении проявилась принципиальная сторона мировоззрения Исхакхана Ибрата; экономика и образование выступают ос-

¹ Вохидова К.А. Исхакхан Жунайдуллаходжа Ибрат и его научно-историческое наследие... С. 17.

новополагающим условием преодоления отсталости, в них заключено будущее процветания родины.

Однако Ибрат был противником слепого подражания чужой культуре. Для него важно сохранение народом своего национального лица, своих корней. Об этом он говорит в своей работе «Мезон ул замон»¹.

«Мезон ул замон» состоит из девяти разделов, которые можно условно обозначить главами². Каждая из девяти глав посвящена отдельной теме. Произведение построено так, чтобы показать связь времен – эпох и одновременно определить в каждой из них свое особенное, проходящее и неизменное. Ибрат рассматривал следующие вопросы:

- в первой главе давалось обоснование принципа историко-хронологического подхода к явлениям и событиям. В частности, он рассматривал отношение населения к новшествам человечества. Здесь слышен призыв автора, обращенный к людям науки и религии: служить на благо нации вместо того, чтобы заниматься бесполезными спорами³;

- вторая глава посвящалась толкованию ислама и шариата, в частности он осуждал разделение населения на различные группировки, обосновывая свои положения аятами Корана и хадисами, комментируя их;

- в третьей главе он рассматривал вопрос о единстве слова и дела, построенный на примерах ростовщичества и обмана в торговом деле;

- в четвертой главе он затрагивал проблемы отсталости и прогресса. Ибрат здесь углубленно развивал мысль об огромном значении воспитания подрастающего поколения и новометодных школ в жизни нации;

- в пятой главе, которая логически продолжала четвертую, Ибрат сопоставил на конкретных примерах жизнь народа в 1873 г. и в настоящее для автора время;

- шестая глава посвящалась этике быта, порицанию расточительности и неумеренности;

- в седьмой главе Ибрат возвратился к идеям необходимости прогресса и современного образования как к требованию времени;

- в восьмой главе Ибрат особо подчеркивал необходимость сохранения культурных традиций, касаясь в частности национальной одежды;

- в девятой главе содержались удивительные точные и меткие

¹ Ибрат Исҳоқхон Тўра. Танланган асарлар. Тошкент: Маънавият, 2005. Б. 160-187.

² Там же. С. 160-187.

³ Там же. С. 161.

определения положительных качеств людей прошлой эпохи, их углубленный анализ¹.

По структуре и концептуальным положениям «Мезон ул замон» представляет исследование по философии истории. Талант Ибрата проявляется не только в том, что он логически стройно объяснял каждое положение, но также в том, что эта работа, как и «Тарихи Фаргона» и «Тарихи маданият», написана простым, доступным языком, и построена на примерах, взятых из окружающей действительности, которые служат убедительным обоснованием мысли Ибрата, его взглядов и концепций. В этом отношении его работу можно считать одним из лучших образцов национальной научно-популярной литературы.

На проблемы взаимоотношений с российскими колонистами Исхакхан Ибрат высказал толерантную точку зрения. В его сочинении «Мизан аз-заман» проблемы джихада совершенно неактуальны. Близкие контакты с русскими, а через них и с европейцами, показали, на взгляд Ибрата, самую важную для мусульман проблему – технической и научной отсталости мусульман. Правда, будучи традиционалистом по духу, Ибрат объяснял эту отсталость тем, что мусульмане, в отличие от европейцев, не следовали главному предписанию Бога – осваивать знания, а религиозные науки заменили бесплодной схоластикой и фанатизмом². Использование предметов и технических новшеств (ашйа-йи джадид), произведённых христианами, Ибрат характеризует как «хорошее новшество» (бид'а хасана). Кроме того, он полагал, что с русскими следует быть более открытыми и толерантными и обосновывал это ссылкой на некоторые аяты Корана и хадисов, в которых идёт речь о том, что все люди – «дети Адама и Евы». Любую другую позицию он считал фанатичной и вредной для уммы³. Ибрат избегал резких характеристик в отношении русских. В отличие, например, от Мирза Алима ибн Мирза Рахима Ташканди, он говорил, что их нельзя обвинять в «неверии», так как Иисус ('Иса) признанный в Коране Пророк⁴.

¹ Исҳоқхон Тўра. Танланган асарлар... Б. 164.

² Бабаджанов Б.М. Кокандское ханство: власть, политика, религия... С. 48.

³ Русская колонизация Центральной Азии: взгляд местных интеллектуалов // Исламские ценности и центральноазиатские реалии. Тексты выступлений на международной конференции, организованной IFEAC при участии Гёте Института в 2003 г. в Ташкенте в рамках программы регионального сотрудничества (СОСОР) Министерства Иностранных Дел Франции. Рабочие документы ИФЕАК. Ташкент, 2004. № 7. С. 14-16.

⁴ Исхак-хан тура ибн Джунайдаллах Хваджа ('Ибрат). Мизан аз-заман / Подготовка к изданию и предисловие: Коматцу Х., Бабаджанов Б. Ташкент-Токио, 2001. С. 9-12, текст л. 8а, 9б-10а.

Несмотря на такую толерантную позицию, близкие контакты с русскими Ибрат рассматривал, прежде всего, как средство достижения западного уровня развития науки и промышленности.

Несколько размыты идеи Ибрата о политическом статусе мусульман. Например, он говорил, что «все люди этого брэнного мира происходят от одного отца (Адама) и одной матери (Евы), и поэтому необходимо жить под защитой какого-нибудь справедливого султана»¹. В другом месте, толкуя значение религиозных и светских наук², он говорит о как бы «общем для всех людей» Халифе, далее статус правителя сравнивается с разумом, тело – с подданными. Причем «разум» он обозначал словом «падишах»³. Своё сравнение Ибрат завершает мыслью, что ни одна часть тела не может существовать друг без друга, намекая, очевидно, что политический институт правителя (падишах) – естественное состояние существования общества. При всей неустойчивости в терминологии, заметно, что Ибрат допускал возможность сосуществования мусульман и представителей других конфессий в составе одного государства и “при одном правителе”. Правда, он не давал никаких толкований о его статусе или конфессиональной принадлежности.

На основе анализа трудов Ибрата, работ его современников, а также исторической литературы о периоде конца XIX – начала XX в., можно сделать заключение, что Ибрат разделял взгляды М. Бехбудий, А. Фитрата и многих других просветителей на пути выхода из кризиса, в каком мусульманское общество оказалось с конца XVIII в.

Изучение исторического наследия джадидов, в том числе И. Ибрата, дает более полное представление об их историческом мировоззрении. Как было отмечено, особенностью трудов И. Ибрата заключалась в историческом освещении текущих злободневных процессов как материального, так и морального состояния общества, выявления социально-экономических тенденций эпохи. Именно для этой цели он обращал свой взор к событиям далёкой истории.

Стремясь доказать необходимость научного и технического прогресса, заимствования всего лучшего, Ибрат одновременно призывал к сохранению своих культурных корней, своей самобытности. Будучи убежденным сторонником реформ, он не отрицал традиционное в угоду прогрессивному, так как полагал, что и традиция, и новация могут нести в себе помимо положительного, так же и отрицательное влияние на жизнь общества.

¹ Исхак-хан тура ибн Джунайдаллах Хваджа (Ибрат). Мизан аз-заман ... Л. 10.

² Там же. Л. 11а.

³ Там же. Л. 12 а.

В историческом процессе Ибрат различал меняющееся и неизменное, к последнему относил морально этические, духовные основы общества, которые, подобно прогрессивной части мусульманского духовенства, он находил в исламе. Исхакхан Ибрат как и другие просветители стремился раскрыть недостатки своего времени через призму исламского самосознания.

Абдулла Авлонийнинг маърифат ва тарих ҳақидаги қарашлари

XX аср бошларида туркистонликларни илм-фан, маърифат ва маданиятга йўналтиришда салмоқли хизматлари билан катта мавқега эга шахслардан бири Абдулла Авлонийнинг номи алоҳида ўрин тутди. Чунки бу инсоннинг саъй-ҳаракатлари, миллий матбуот саҳифаларида чоп этилган мақолалари, нашр этилган асарлари том маънода миллат равнақиға хизмат қилганлиги ва бугунги кунда ҳам ўз аҳамиятини йўқотмаганлигида кузатиш мумкин.

XX асрнинг 60-йилларидан бошлаб Авлоний ижодини илмий таҳлил қилиш бошланди. Абдулла Авлонийнинг ҳаёти ва ижоди адабиётшунослар томонидан бир қадар чуқур ўрганилган, унинг таржимаи ҳоли, маърифатпарварлик ҳаракати, миллий адабиётга қўшган ҳиссаси, драматурглик, педагогик, таржимонлик фаолияти тадқиқ этилган, асарлари нашр қилинган. Умуман, бу йиллардаги тадқиқотлар, асосан, маърифатпарварнинг педагогик ва театр соҳасидаги фаолиятига бағишланди¹. 70 – 80-йилларда Б. Қосимов, Ж. Шарипов, А. Жалолов, А. Абдураззоқовлар ўз тадқиқотларида адибнинг бадиий ижодига мурожаат қилдилар².

Мустақилликнинг дастлабки йиллариданоқ Абдулла Авлоний асарларини халққа тақдим қилиш борасида самарали ишлар олиб борилди³, янгича мушоҳада асосида яратилган диссертациялар ҳимоя

¹ Бобохонов А., Махсумов М. Абдулла Авлонийнинг педагогик фаолияти ва таълим-тарбия тўғрисидаги фикрлари. Тошкент: Ўқитувчи, 1966; Махсумов М. Авлонийнинг педагогик фаолияти. Филол. фан. номз. ... дисс. Тошкент, 1967; Раҳмонов М. Ўзбек театри тарихи (XVIII асрдан XX аср аввалигача). Тошкент: Фан, 1968.

² Авлоний Абдулла. Тошкент тонги / Тўпловчи ва сўзбоши муаллифи Б. Қосимов. Тошкент, 1979; Шарипов Ж. Бадиий таржималар ва моҳир таржимонлар. Тошкент, 1972; Абдураззоқов А. Педагогическое наследие узбекского просветителя Абдуллы Авлони: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Фрунзе, 1979; Жалолов А. Ўзбек маърифатпарвар демократик адабиёти. Тошкент: Фан, 1979; Қосимов Б. Излай-излай топганим... Тошкент, 1983.

³ Авлоний Абдулла. Туркий гулистон ёхуд ахлоқ / Нашрга тайёрловчи Л.Халилов. Сўзбоши муаллифи М.Махсумов. Тошкент, 1992; Авлоний Абдулла. Ўсон миллат / Нашрга тайёрловчилар ва сўзбоши муаллифлари Б.Қосимов, Ш.Ризаев. Тошкент: Шарқ, 1993; Авлоний Абдулла. Танланган асарлар. 2 жилдлик / Тўпловчи ва сўзбоши муал-

қилинди¹. Бу борада Авлонийнинг ҳаёти ва ижодини чуқур таҳлил этган адабиётшунос олим Бегали Қосимовнинг меҳнатларини алоҳида қайд этиш ўринли. У А. Авлонийнинг асарларини тўплаб, икки жилдда нашрга тайёрлади ва ушбу асарлар бир неча бор қайтадан чоп этилди. Китобнинг биринчи жилдига Авлонийнинг шеърляти ва дарсликлардаги ихчам ҳикоялари ҳамда ҳажвияларидан намуналар киритилган бўлса, иккинчи жилдида адибнинг драмалари, саёҳатномаси, мақолалари билан бирга тараққийпарварни барчага машҳур қилган “Туркий гулистон ёхуд ахлоқ” асари ўрин олди.

Мустақиллик йилларида Ўзбекистонда XX аср бошлари тараққийпарварлик ҳаракати тарихини холисона ўрганиш бошланди. Бу ўринда тарихчилар ўз илмий тадқиқотлари доирасида ушбу ҳаракат иштирокчилари шахси, уларнинг фаолияти мавзусига алоҳида эътибор қаратдилар². Жумладан, Абдулла Авлоний ҳаёти ва фаолиятини ўрганиш бу ҳаракат тарихини тўлақонли ёритишда муҳим ўрин тутди. Бироқ, ҳозиргача унинг илмий мероси, тарихий тафаккури тарихшунослик нуқтаи назаридан таҳлил қилинган эмас.

Абдулла Авлоний Тошкентнинг Шайхонтоҳур даҳасидаги Мерганча маҳалласида 1878 йил 12 июлда оддий тўқувчи оиласида дунёга келди. Оддий мактабда савод чиқарди ва 12 ёшида мадрасага ўқишга кирди. Бироқ, оиладаги фақирлик туфайли у мардикорлик билан шуғулланишга мажбур бўлди. Бу эса унинг ўқишига таъсир кўрсатди. Авлонийнинг таржимаи ҳолида ёзилганидек, у 1894 йилдан шеърлар машқ қилади ва шу вақтдан эътиборан унинг адабий фаолияти бошланди. Б. Қосимовнинг таъкидлашича, унинг “ёшлик даврида яратган шеърларининг ҳеч бири бизгача сақланмаган”³. Айниқса, ёш Абдулла ўша давр учун янгилик бўлган “Русиянинг турли шаҳарларида чиққан матбуот-газета ва журналлар билан танишиб, ўқиб маълумотини орттира борди. “Таржимон” газетасин ўқиб замондан хабардор бўлди. Шул замонда ерли халқлар орасида

лифи Б. Қосимов. Тошкент: Маънавият, 1998. (2006 йилда қайта нашр этилган); Ризаев Ш. Жадид драмаси. Тошкент: Шарқ, 1997.

¹ Баракаев Р. XX аср бошларида ўзбек болалар адабиёти ва Абдулла Авлоний ижоди: Филол. фан. ном. ... дис. Тошкент, 1994; Азимова Ҳ.И. Абдулла Авлоний драматургияси (ғоявийлик ва маҳорат): Филол. фан. ном. ... дис. Тошкент, 1999.

² Абдурашидхонов М. Танланган асарлар. Тошкент, 2003; Авлоний Абдулла. Танланган асарлар. Тошкент, 1998; Беҳбудий М. Танланган асарлар. Тошкент, 1999; Алимова Д.А., Рашидова Д. А. Маҳмудхўжа Беҳбудий ва унинг тарихий тафаккури. Тошкент, 1999; Воҳидова К.А. Исҳоқхон Жунайдуллохўжа ўғли Ибрат ва унинг тарихий илмий мероси. Тошкент, 2008. Долимов У. Исҳоқхон Ибрат. (Истиқлол фидойилари сериясидан). Тошкент, 1994. Туркистон матбуоти тарихи (1870-1917) / Тузувчи: т.ф.д. Н.А.Абдуазизова. Тошкент, 2000 ва б.

³ Қосимов Б. Оқ тонгларни орзулаган шоир / Авлоний Абдулла. Танланган асарлар. 1-жилд. Тошкент: Маънавият, 2006. 5-бет.

эскилик-янгилик (жадид-қадим) жанжали бошланди. Газет ўқувчиларни муллалар “жадидчи” номи билан атар эдилар. У ҳам шул жадидчилар қаторига кирди”¹. 1904 йилдан бошлаб Авлоний жадидчилик ҳаракатининг фаол иштирокчисига айланади. Бу фаолиятнинг амалий натижаси сифатида у Тошкентнинг Миробод маҳалласида янги-усул мактаб ташкил этиб, ўзи ўқитувчилик фаолиятини олиб борди. Бироқ, бу мактаб 1908 йилда ёпилди. Зотан, бунга сабаб қилиб Авлоний: “Мактабимда ер, одамлар, тоғ-тошлар, дарё, осмон ҳақида суҳбатлар ўтказмоққа ҳаракат қилганимни Миробод жоҳил кишилари билишиб, мени кофир бўлдинг, деб мактабимни ёпдилар...”², – деб кўрсатган эди. Аммо мактаб иши, халқ болаларини маърифатли қилиш Авлонийнинг 1917 йилгача бўлган фаолиятининг бош йўналишини ташкил этган ва бу йўлда ҳар қандай қийинчиликларни енга олган, яна янги мактаблар очиб, улар учун турли-туман дарсликлар яратган.

Б. Қосимов: “Авлоний томонидан 1909 – 1917 йиллар давомида махсус мактаб болалари учун ёзилган ўндан ортиқ китоблар майдонга келди. Унинг “Биринчи муаллим”, “Иккинчи муаллим”, “Туркий Гулистон ёхуд ахлоқ”, “Мактаб гулистони” сингари дарсликлари “Адабиёт ёхуд миллий шеърлар” тўплами инқилобга қадар бир неча бор босилиб чиқди ва Туркистоннинг жуда кўп янги усул мактаблари учун қўлланма бўлиб хизмат этди. ...Маълум сабабларга кўра босилмай қолган “Учинчи муаллим”, “Мактаб жуғрофияси”, “Ҳисоб масалалари” сингари дарслик китоблари ҳақида ҳам адибнинг замондошлари илиқ фикрлар айтадилар”³, – деб ёзган эди. Дарҳақиқат, мазкур асарлар ўзбек педагогика тарихида муҳим аҳамият касб этувчи асарлар сирасига кириб, ўз даврининг етакчи тажрибаларидан фойдаланилганлиги, шубҳасиз. Шунингдек, ўша даврдаги Туркистон “усули жадида” мактаблари талабалари учун мўлжалланган алифбо ва ўқиш китобларига илғор рус болалар адабиёти намуналари – Лев Толстойнинг “Алифбо”, “Янги алифбо” ва тўрт китобдан иборат “Рус ўқиш китоблари” ҳамда К.Д. Ушинскийнинг “Болалар дунёси” ва уч қисмдан иборат “Она тили” дарсликлари таъсири кучли бўлган. Адабиётшунос Р. Баракаев тадқиқотига кўра, 1917 йилгача Лев Толстойнинг 40 дан ортиқ кичик асари – ҳикоя, масал, эртаклари ўзбек тилига таржима қилинган бўлса, шулардан фақат иккитаси

¹ Таржимаи ҳолим / Авлоний Абдулла. Танланган асарлар. 2-жилд. Тошкент: Маънавият, 1998. 288-бет.

² Бобохонов А., Махсумов М. Абдулла Авлоний. Педагогик фаолияти. Тошкент: Ўқитувчи, 1966. 43-бет.

³ Қосимов Б. Оқ тонглари орзулаган шоир / Авлоний Абдулла. Танланган асарлар. 1-жилд. Тошкент: Маънавият, 2006. 20-бет.

“Туркистон вилояти газети”да, қолганлари эса алифбо ва ўқиш китобларида чоп этилган. Бу таржималардан 11таси Авлоний қаламига мансуб. 1917 йилгача ўзбек тилига таржима қилинган К.Д. Ушинскийнинг 8 та кичик асаридан 6таси, И.А. Криловнинг 20га яқин масалидан 9таси Авлонийга тегишли бўлиб, бу асарларнинг барчаси жаид мактаблари дарсликларига киритилган эди¹.

Барчага маълумки, Абдулла Авлонийни машҳур қилган, унинг номини тарих саҳифаларига муҳрлаган асарларидан бири – 1914 йилда чоп этилган “Туркий гулистон ёхуд ахлоқ” китобидир. У ўз замондошлари томонидан ҳам юқори баҳоланган, ҳатто совет йилларида яратилган адабиётларда ҳам номи алоҳида зикр этиб кетилган асарлар сирасига киради. “Садои Туркистон” газетаси бу ҳақда “Туркистонга зўр шодлиғ” сарлавҳасида хабар босиб, унда: “Кўпдан бери кутилган Туркистон учун энг керакли “Туркий гулистон” исмли ахлоқ китоби очуқ тилда, Туркистон шеvasида Шайх Саъдий усулида Абдулла Авлоний тарафиндан ёзилуб, тошбосмада босилуб, 132 бетдан иборат муҳим асар майдонга чиқди. Ҳар бир адабиёт ошиқларина, хусусан муаллим афандилара бирор нусхасини тавсия қилурмиз”², деб ёзилди.

Авлоний ўз асарининг бош мақсади қилиб тарбия масаласини ахлоқ орқали шарҳлашни белгилаб олди. У ахлоқни “инсонларни яхшиликга чақиргувчи, ёмонликдан қайтаргувчи бир илм”, деб баҳолайди ва “яхши хулқларнинг яхшилигини, ёмон хулқларнинг ёмонлигини далил ва мисоллар ила баён қиладургон китобни ахлоқ дейилур. Ахлоқ илмини ўқуб, билуб амал қилган кишилар ўзининг ким эканин, жаноби Ҳақ на учун халқ қилганин, ер юзида нима иш қилмак учун юрганин билур”³, деб қайд этди. Мактабнинг юқори синф ўқувчилари учун мўлжалланган мазкур китоб ўсмирларни шаклланиш даври, уларнинг яхши ва ёмонни ажрата олиш ёшини инобатга олинганлиги жуда муҳим. Зеро, ёш авлод тарбиясида, уларни тўғри йўналтира олишда инсон хулқини классификация қила олиш хусусиятини шакллантириш ва унинг таснифи билан таништириш Авлонийнинг педагогик маҳорати юқорилиги ва кучли қалам соҳиби эканлигининг далолатидир. Муаллиф, асарда хулқларни икки қисмга ажратар экан, 34та яхши ва 21та ёмон хулққа таъриф берди, уларни буюк алломалар Суқрот, Арасту, Ибн Сино, Мирзо Бедил, Румий, Ибн Сино, Шайх Саъдий фикрлари, “Қуръони Карим” оятлари,

¹ Баракаев Р. XX аср бошларида ўзбек болалар адабиёти... 154-155-бетлар.

² Садои Туркистон. 1914 йил 3 декабрь.

³ Авлоний Абдулла. Туркий гулистон ёхуд ахлоқ / Авлоний Абдулла. Танланган асарлар. 2-жилд. ... 34-бет.

Ҳадислар билан кучайтирди. Шунинг ўзиёқ ўқувчида дунёда яхшилик, эзгулик устун эканлиги, ёмонлик оқибати инсонни тўғри йўлдан адаштириши мумкинлиги ҳақидаги фикрлар шаклланишига олиб келиши муқаррар эканлигини кўрсатади.

Асарда нафақат тарбиявий масала, шунингдек, ўз даврининг илғор намояндаларини қаттиқ ташвишлантирган Туркистон жамиятининг ҳолати, ижтимоий-сиёсий мавқеи, маданий-маърифий қолоқлик масалалари ҳам муаллифнинг назаридан четда қолмади ва у ўзининг ўткир қалами билан буларни ўқувчиларга етказишга интилди. У, асарда “тарбиянинг ахлоққа таъсири йўқ, инсонлар асл яратилишида қандай бўлсалар, шундай ўсарлар, табиат ўзгармас”¹, деган фикрларни инкор этади, тарбиянинг ахлоққа таъсирини очиб берар экан “тарбия бизлар учун ё ҳаёт - ё мамот, ё нажот - ё ҳалокат, ё саодат - ё фалокат масаласи”² қаторига киритади.

“Жаҳолат, – деб ёзади Абдулла Авлоний, – ўқумаган, билимсиз, ҳеч нарсага тушунмайдурган нодонлиғни айтилуру. Жаҳолат инсониятнинг энг зўр душмани ва ёмон хулқларнинг бошлиғидир. Маорифдан, фунун ва маданиятдан маҳрум қолган халқ жаҳолат панжаларининг орасида эзилур”³.

Абдулла Авлоний фикрича, ҳар бир инсон ўзининг маиший турмушида ҳам ўзгаришлар ясаши лозим. Чунки моддий бойлиги бўлмаган, унга интилмаган халққа маданият, тараққиёт ҳақида гапиравериш кутилган натижани бермайди. Энг аввало, иқтисодий маданиятни ривожлантириш даркор. Зеро, “ҳозирги замонда ботирлик – бойликда, қайси давлат ва миллатнинг давлати бўлса, шул устун бўлмақдадур. Чунки ҳукумат учун халқ, халқ учун ҳунар, ҳунар учун илм, илм учун ақча лозимдур”⁴. Унинг фикрича, “Боболаримизнинг “бўлса бўлар, бўлмаса ғовлаб кетар” замонлари ўтуб, ўрнига “билган битар, билмаган йитар” замони келди. Америкаликлар бир дона буғдой экуб, йигирма қадоқ буғдой олурлар, овруполиклар ўзимиздан олган беш тийинлик пахтамызни кетуруб, ўзимизга йигирма беш тийинга сотурлар. Аммо биз осиелилар, хусусан туркистонлилар, думба сотуб, чандир чайнаймиз, қаймоқ беруб, сут ошиймиз, нон ўрнига кесак тишлаймиз. Сўзнинг қисқаси, ҳозирги замонга мувофиқ киши бўлмақ учун илм ва маърифат ила баробар иқтисод, инсоф, туганмас саъй, битмас ғайрат лозимдур”⁵.

¹ Авлоний Абдулла. Туркий гулистон ёхуд ахлоқ... 36-бет.

² Ўша асар. 38-бет.

³ Ўша асар. 74-бет.

⁴ Ўша асар. 47-бет.

⁵ Ўша асар. 62-бет.

Абдулла Авлоний ҳам барча тараққийпарварлар сингари ўз халқини бошқа маданий миллатлардан ўрناق олишга ундайди ва қарамлик сабабини шижоатсизликда кўради. Бу борада унинг қуйидаги фикрлари аҳамиятли: “Сарватли миллатлар миллиятларини йўқотмас, роҳат ва саодатда яшар. Бу кунда маданий миллатлар урушларини тижорат ва саноатга айландурдилар ва бу сояда бир-бирларига ғалаба ва рақобат қила бошладилар. Сеҳргар ва жодугарлик ила эмас, тижорат ва саноатгарлик ила чолишкон Оврўпо Африқо ва Осиёни ўзига асир ва мусаҳҳар қилмакдадур”¹. Жамият тараққиёти эса кучли интизомга таянмоғи, қонун доирасида ривожланиши даркор. “Ислом давлатларининг барпоси низом ва интизом ила ўлдиғи каби, барбод ва инқирози ҳам тартиб ва низомсизлик ила бўлмишдир”, – деб ёзади Авлоний. Муаллифнинг ўша давр учун жуда кучли фикрларидан яна бири: “Ҳар бир миллатнинг тараққий ва таолийси ишларини вақтида низомдан чиқармай тартиби ила юритмакға боғлидур. Шогирдлар мактаб ва мадрасалардаги замонга мувофиқ равишда қурилмиш, низом ва тартибларни риоя қилмаклари лозимдир. Чунки тартиб ва низомни риоя қилмаган кишиларнинг ишлари ҳамма вақт нотаом, ўзлари паришон бўлурлар. Аммо ишларини тартиб узра юритган кишиларнинг ишлари ерида, ўзлари тинч ва роҳатда умр ўткарурлар”². Албатта, содда сўзлар билан битилган ушбу мисралар моҳиятида адолатли, қонун устуворлиги таъминланган жамият ҳақидаги орзу, ётганлиги шубҳасиз.

Авлоний Туркистон бойларини иқтисодий ҳаётга янги технологиялар кириб келаётган бир вақтда уларнинг тўхтаб қолаётганлиги, синишларининг биринчи сабаблари қилиб “ахлоқсиз, билимсиз, мусриф, ялқов кишиларга топширувлари ила баробар ўзларининг замонға мувофиқ тартиб ва низомдан хабарсизликлари”ни кўрсатди. Шунинг учун бўлса керак, у ўзининг “Туркий гулистон ёхуд ахлоқ” асарида: “Инсонларни яхшиликға чақиргувчи, ёмонликдан қайтаргувчи бир илмдур”³, – деб алоҳида урғу берди. Авлоний илмни диний ва фанний қисмларга бўлади. “Диний киши бўлмак учун улуми диния ўқумак ила баробар ҳисоб, ҳандаса, тарих, ҳикмат, кимё, тиб, зироат илмлари каби фанний илмларни ҳам билмак, чин олим бўлмак лозимдур. Чунки бу илмларнинг иккиси ҳам дунё охиратимиз, ҳаёт ва саодатимиз учун энг керакли нарсалардур”⁴.

¹ Авлоний Абдулла. Туркий гулистон ёхуд ахлоқ. 47-бет.

² Ўша асар. 52-53-бетлар.

³ Ўша асар. 34-бет.

⁴ Ўша асар. 49-бет.

Авлонийнинг яхши хулқлар категориясига киритган энг муҳим сифатлардан бири – “Ватанни суймак” ҳисобланади. “Биз туркистонлилар ўз ватанимизни жонимиздан ортиқ суйдиғимиз каби, араблар Арабистонларини, қумлик, иссиғ чўлларини, эскимўлар шимол тарафларини, энг совуқ қор ва музлик ерларини бошқа ерлардан зиёда суярлар”¹, деб ёзади у.

Муаллиф алоҳида эътибор берган ижобий хулқлардан яна бири бу – “Ҳифзи лисон”, яъни тил софлиги масаласи эди. Маълумки, XX аср бошларида тараққийпарвар зиёлилар маҳаллий халқ фарзандларини жамият ҳаётида ўз ўринларини эгаллаши, ўз Ватани ва миллат тақдири учун жон куйдирувчи мутахассислар бўлиб етишишларида тилни ўрганиш сув ва ҳаводек зарурлигини матбуот саҳифаларида қайта-қайта таъкидлаганлар. Рус тилини ўрганиш борасида турлитуман таклифлар ҳам ўртага ташланган. Шу билан бир қаторда рус тилини ўрганиш маҳаллий тил қоидаларига зарар етказмаслиги хусусида ҳам мушоҳадалар билдирилган. Масалан, Садриддин Айний “Ҳар миллат ўз тили ила фахр этар” мақоласида тилга ҳурмат, унга европача сўзларни, уларнинг туркий тилдаги маънодоши бўлса ҳам, қўшиб ишлатиш унга путур етказиши мумкинлигига урғу берган эди². Абдулла Авлоний ҳам “ҳар бир миллат ўз она тили ва адабиётининг сақламагини” “ҳифзи лисон” деб атайди. Чунки “ҳар бир миллатнинг дунёда борлигини кўрсатадирғон ойнаи ҳаёти тили ва адабиётидур. Миллий тилни йўқотмак, миллатни руҳини йўқотмақдур”³. Албатта, унинг мазкур фикрлари ҳозирда ҳам ўз аҳамиятига эга. Авлонийнинг фикрича: “... рус лисонин билмак ҳаёт ва саодатимиз учун ош ва нон каби кераклик нарсадур. Лекин ўз еринда ишлатмак ва сўзламак лозимдур. Зиғир ёғи солуб мошкичири каби қилуб, аралаш-қуралаш қилмак тилнинг руҳини бузадур”⁴.

1913 йилда Абдулла Авлоний “Мухтасари тарихи анбиё ва тарихи ислом” асарини ёзиб тугатди. Бу китоб махсус усули жаҳид мактабларининг учинчи ва тўртинчи синф шогирдлари учун, туркистон шевасида яратилди. “Мухтасари тарихи анбиё ва тарихи ислом” асари ўз номи билан мухтасар, яъни унда пайғамбарлар Одам, Шис, Идрис, Нух, Худ, Солиҳ, Иброҳим, Лут, Исмоил, Исҳоқ, Яъқуб, Юсуф, Айюб, Шуъайб, Мусо, Юшаъ, Довуд, Сулаймон, Илёс, Аļйасаъ, Юнус, Ашъиё, Дониёл, Закариё, Яхё, Исо, Муҳаммад алайҳиссалом-

¹ Авлоний Абдулла. Туркий гулистон ёхуд ахлоқ. 55-бет.

² Садриддин Айний “Ҳар миллат ўз тили ила фахр этар” // Ойна (1914-1915 й.). Тошкент, 2001. 11-12-бетлар.

³ Авлоний Абдулла. Туркий гулистон ёхуд ахлоқ / Авлоний Абдулла. Танланган асарлар. 2-жилд. ... 60-бет.

⁴ Уша жойда.

ларнинг ҳаётлари ва ишлари ҳақида қисқача маълумот беради¹. Асарнинг биринчи қисмида аввалги пайғамбарлар тарихи, иккинчи ярмида эса ислом динининг пайдо бўлиши ва Ҳазрати Муҳаммад алайҳиссаломнинг бу борадиги хизматлари ҳикоя қилинади. Адабиётшунос олим Р. Баракаевнинг таъкидлашича, ушбу асар “ўзбек боларини бошланғич диний маълумотини мустаҳкамлашга қаратилган бўлиб, “Ҳафтияк” таҳсилдан кейинги босқич, яъни Қуръони каримни муфассал ўрганиш йўлидаги бир қадамдир. Аслида, Қуръони каримдаги оятларнинг еттидан бир қисмини ажратиб олиб, бошланғич мактабларда айнан шу қисмини ўргатишнинг ўзи ҳам катталар учун яратилган асарни болаларга мослаштиришнинг бир усули сифатида баҳоланиши жоиз”². Умуман олганда, Авлоний ушбу асарида пайғамбарларга тегишли энг асосий маълумотларни жамлади, уларнинг асосий сифатлари, фазилатларини очиб берди. Бу асарнинг қимматли томони яна шундаки, унда Оллоҳнинг бирлиги тан олиниб, у томонидан нозил қилинган турли динлар эътироф этилди, бу эса турли дин вакилларига ҳурмат ҳиссини бўлиши, бағрикенглик тамойилларига асосланганлиги билан белгилаш мумкин.

Асарда “Ҳотам-ул Анбиё” – сўнгги пайғамбар Ҳазрати Муҳаммад алайҳиссалом тарихига алоҳида ўрин ажратилди. Барча тарихий воқеа-ҳодисаларни деталлаштириб, шарҳлашга уринган Авлоний китобхонга пайғамбар Ҳазрати Муҳаммад алайҳиссаломнинг ислом динини ёйиш борасидаги заҳматларини етказишни мақсад қилган. Асар сўнггида муаллиф пайғамбар авлодлари, шунингдек, Абу Бакр Сиддиқ, Умар, Усмон ва Али халифаликлари давридаги вазиятлар, низолар хусусида маълумот беради. XX аср бошлари учун бу асар диний адабиётлар рўйхатидаги мукамал намуналар сирасига киради.

Авлонийнинг яна бир муҳим сифатларидан бири – унинг журналистик фаолияти ҳисобланади. Унинг муҳаррирлиги остида “Шухрат”, “Осиё” газеталари қисқа вақт бўлса-да, нашр этилди. 1914 йилдан бошлаб чоп этилган “Садои Туркистон” газетасида у “Индамас” таҳаллуси билан қалам тебратди. У, асосан, жамиятда содир бўлаётган камчиликларни танқид орқали очишга ҳаракат қилганлиги учун ҳам, мақолалари кўпинча фельетон жанрига ўхшаб кетган. Масалан, у “Маданият тўлқинлари” фельетонида маданият муаммолари ҳақида фикр юритар экан, “маданият қонунида фано ва бузуқ ишлар бўлмаслиги керак”, деб ёзади. Айниқса, ёшларга қарата:

¹ Авлоний Абдулла. “Мухтасари тарихи анбиё ва тарихи ислом” / Авлоний Абдулла. Танланган асарлар. 2-жилд. ... 93-128-бетлар.

² Баракаев Р. XX аср бошларида ўзбек болалар адабиёти... 80-бет.

“... усти ялтираган, ичи қалтираган бўлуб, бошлариға европача қалпоғини кийиб “маданият!”, “маданият!” деб оғизларини кўпиртируб, оз-моз мусулмонча, чала-ярим русча сўйлашиб кулгу бўлуб юрмак маданият бўлмай, масхарабозликнинг шабадасидир”¹, дея киноя қилади. Унинг “Эҳтимол бизнинг халқ илм ва маорифни, тарбия ва таълимни, ҳунар ва саодатни яхши кўрар, деб ўйландурғондирсиз. Йўқ. Бу фикримиз янглиш”², деб бошланган “Ким нимани яхши кўрар” ҳажвий мақоласида жамиятнинг барча ижтимоий қатламларидаги мавжуд иллатлар қаттиқ танқид остига олинади ва бундай шароитда у ўзининг индамай юрганлигини ҳам кулгу остига олади.

“Ҳар бир миллат маишат тарафиндан тараққийга юз қўймаса, маънавий тарафдан, яъни маърифат тарафидан ҳам тараққий қилолмас”³, деб ҳисоблайди Абдулла Авлоний. У, энг аввало, топилган молиявий бойликнинг қадрига етишга ва беҳуда исроф қилмасликка чақиради. Туркистон аҳолисининг тараққиёт ва маданиятга етишмаётганлигининг бош сабаби “тўй деб мингларча ақчаларни беҳуда исроф қилмак, ... тўй деган ерда Ватанини сотуб, сарф қилмоқдан тортинмайдирган “ҳозирам ҳузурам” деб истиқболини ўйламаган” лигидадир. “Бунинг давоси ва чораси учун ҳеч бир табибга муҳтож ўлмасдан, балки бир оз орқа-ўнгга қарамак, ҳамённинг оғзини маҳкам қилмак, иқтисодни риоя қилмак, исрофдан сақланмак лозимдур”⁴. Маданият тўлқинлари кириб келаётган XX аср бошларида Туркистон аҳолисининг исроф ва бидъатга қараб орқага кетаётганлигидан қаттиқ куюнган Абдулла Авлоний “ёшларимиздан маданиятга лойиқ равишда ўқуб, диний ва маданий кишилар ҳозирланса, тарбия ва таълимга моҳир олим ва олима, адиб ва адибалар етушса, мактаб ва мадрасаларимиз мунтазам ва тартиблик бўлса, зироат, саноат ва тижорат ишларига моҳир кишилар етушуб, замонга мувофиқ равишда иш юритилса, тартиблик “Дору-л-ятим” – етимхоналар, “Дору-л-ожизин” – камбағалхоналар, кутубхоналар ва қироатхоналар очилса, ширкатлар барпо қилинса, замонага лойиқ улум ва фунундан бохабар уламоларимиз кўпайса, оч ва яланғоч кишиларимизнинг маишатларини тузатмак учун ҳаракат қилинса, ўкутулса, ахлоқ ва одоб ўргатилса, шул вақтда эскинча орасидан чиқуб, ҳақиқий маданият бўстониға юзлангон ҳамда маданият

¹ Индамас. Маданият тўлқинлари // Садои Туркистон. 1914 йил 11 май.

² Индамас. Ким нимани яхши кўрар? // Садои Туркистон. 1914 йил 7 декабрь.

³ Индамас. Маданият тўлқинлари...

⁴ Ўша жойда.

тўлқунларидан қутулуб, соҳили саломатға чиқгон бўлур эдук”¹, деган таклифларини ўртага ташлайди. Абдулла Авлоний ҳақиқий маданиятлилик белгисини уч қисмга бўлади: илм, маиший турмуш ва ахлоқ². Табиийки, бу йўналишлар бугунги ва келажак авлод тарбиясида муҳим ўрин тутадиган компонентлар бўлиб, Авлоний тимсолида биз аждодларимизнинг етук тафаккур соҳиблари эканликларига амин бўламиз.

Ўлкага замонавий театрнинг кириб келиши Туркистон маданий-маърифий ҳаётида катта воқеа бўлди. Айнан бу даврда театр ҳаваскорларининг ижодий жипслашуви ва труппа шаклида ўз фаолиятларини ривожлантириш имкониятлари вужудга келди. 1913 йилда “Падаркуш”дан сўнг миллий драматургияда янги асарлар вужудга келди. Хусусан, Хожи Мўин ва Нусратилла Қудратилланинг “Тўй”, Абдулла Қодирийнинг “Бахтсиз куёв”, Абдулла Авлонийнинг “Адвокатлик осонми?”, “Пинак”, Хожи Мўиннинг “Мазлума хотун” каби спектакллари театр труппалари репертуарларидан жой олди³. Мазкур асарлар сюжетлари маҳаллий халқ турмушидан олинган бўлиб, унда ижтимоий ҳаётдаги дардларни томошабинга етказишни мақсад қилган эди. Шу ўринда Абдулла Авлоний қаламига мансуб “Тиётр хусусида мунозара” мақоласини таҳлил қилиш жоиз. Чунки ушбу мақолада публицистиканинг қизиқарли услубларидан бири диалог, яъни икки киши суҳбатининг талқинидан фойдаланиб, театр нима эканлиги тўғрисида ўқувчига тушунтириш олиб борилади. Суҳбат қурганлардан “бири муллогина, аҳволи оламдин хабардор, бир киши эканлиги сўзи ва қиёфасидан маълум эди. Иккинчиси эса ўқумаган, чапани, қизиқроқ бир киши” бўлиб, уларнинг ҳар иккиси театр томошаларини кўрганлар. Улар ўртасидаги мунозара орқали муаллиф “тиётр ҳар бир миллатнинг ямон урф ва одатларини йўқ қилмак учун, ўзини аҳволини тузатмак учун боқадурган ойинаси” эканлигини, бу томошалардан тушган маблағлар “миллат фойдасига, яъни жамияти хайриянинг фойдасига” сарф бўлаётганлиги, театрни “бидъат” деб қараганларга Қозон, Миср, Истанбулдаги театрларнинг кенг ривожланаётганлиги, ушбу томошалар орқали Туркистон мусулмонларига “миллат” сўзининг мазмун-моҳиятини тушунтириш зарурлиги муаммоларига урғу беради⁴.

¹ Индамас. Маданият тўлқинлари...

² Ўша жойда.

³ Бу ҳақда қаранг: Ризаев Ш. Жадид драмаси. Тошкент: Шарқ, 1997.

⁴ Авлоний Абдулла. Тиётр хусусида мунозара / Авлоний Абдулла. Танланган асарлар. 2-жилд. ... 220-226-бетлар.

Мақолада жамият аъзоларининг тўлиқ исм-шарифлари келтирилади, жамиятнинг мазмун-моҳияти ва вазифалари, театрнинг аҳамияти содда тилда тушунтирилади. Шундай қилиб, театр соҳаси тараққийпарвар назарида, энг аввало, “улуғлар мактаби”, “ибратхона” бўлиб, худди мактаб ва матбуот каби маърифат, илм олиш каби ғояларни тарғиб қилган. Иккинчи тарафдан, айнан театр орқали топилган маблағлар маданий-маърифий жараёнларга хизмат қилган. Шу билан бирга, Туркистонда янгича театр санъатининг майдонга келиши ва драматургиянинг шаклланишида муҳим омил бўлиб хизмат қилди.

1917 йил воқеаларидан сўнг Авлонийнинг фаолияти сиёсий жараёнларга янада боғланди. 1917 йил июнда у большевикларга яқинлашади. Натижада, Авлоний Тошкент ишчи ва солдат депутатлари совети қарорига кўра “Эски шаҳар озиқ-овқат комиссияси аъзоси”, ноябрдан эса “Русиянинг бошқа вилоят ва губернияларига Сирдарё вилоятидан юбориладиган энг зарур озиқ-овқат маҳсулотларини ушлаб қолиш ва Эски шаҳар озиқ-овқат комитетига маълум қилиш ҳуқуқи билан назорат этувчи вакил” қилиб тайинланди¹. 1918 йилда Авлоний коммунистик партия сафига кирди. У ўз таржимаи ҳолида “1917 йилда 2-краевой съездга вакил бўлиб сайландим. 5-краевой съезддан 10-краевой съездгача вакил бўлиб ҳам член ТурЦИК бўлиб сайланиб, турли масъулиятли ўринларда хизмат қилиб келдим”², деб ёзган эди. Албатта, у янги давлат мисолида озод, эркин миллатни орзу қилган бўлиши шубҳасиз. Аммо унинг бўҳронли, зиддиятли бир даврда яшаганлиги ва даврга ҳамоҳанг равишда ҳаракатланганлигини инобатга олсак, буни “омон қолиш ва яшаш учун кураш” деб баҳолашимиз ҳам мумкин.

1919 йил июнда Авлоний Афғонистонга юборилган делегация таркибига киритилди ва Ҳирот шаҳрида “... генералний консул бўлиб турди. Бир йилу уч ой Шўролар ҳукматининг хорижия хизматинда юруб, 7 ой консуллик вазифасин адо қилуб, касаллиги”³ туфайли бу вазифани топширди. Шу вақт давомида у кўрган-кечирганларини қоғозга тушуриб, хотираларга яқин бўлган кундаликлар ёзди⁴. Асарнинг қимматли тарафи шундаки, унда муаллиф афғон ўлкасидаги ижтимоий-сиёсий, иқтисодий ҳаёт билан бир қаторда, афғон халқининг маиший турмуши, яшаш тарзи, ташқи кўриниши ва

¹ Қосимов Б. Оқ тонглари орзулаган шоир / Авлоний Абдулла. Танланган асарлар. 1-жилд. ... 68-бет.

² Таржимаи ҳолим / Авлоний Абдулла. Танланган асарлар. 2-жилд. ... 291-бет.

³ Ўша жойда.

⁴ Авлоний Абдулла. Афғон саёҳати / Авлоний Абдулла. Танланган асарлар. 2-жилд. ... 237-286-бетлар.

умуман, ўлкага тааллуқли барча этнографик маълумотларни ўз назаридан четда қолдирмаган.

Афғон сафаридан кейинги йилларда Абдулла Авлоний ўз фаолиятини кўпроқ яна маърифий-маданий ишларга қаратди. У Туркбюронинг маданият бўлими бошлиғи сифатида ўз фаолиятини давом эттирди. Авлоний шу йилларда “Касабачилик ҳаракати” журналининг муҳаррири, “Қизил байроқ” газетаси таҳрир хайъати аъзоси сифатида иш олиб борди. 1921 – 1930 йиллар мобайнида эса турли ўқув муассасаларида педагогик фаолият олиб борди¹. Зеро, айнан шу соҳа тараққийпарвар қалбига яқин, сиёсатдан бир оз холи ва энг асосийси “бежавотир” ҳаёт кечириш учун имкон яратар олар эди.

Педагогик фаолият билан бир қаторда, Авлоний ўзининг қалбига яқин бўлган театр соҳасидаги фаолиятини ҳам тўхтатиб қўйгани йўқ. 1924 йили Авлоний қаламига мансуб “Португалия инқилоби” пьесаси саҳна юзини кўрди ва уни муаллифнинг ўзи саҳналаштириб, режиссерлик маҳоратини яна бир бор намоён этди. Пьесани саҳнага қўйилиши ҳақида 1924 йил “Туркистон” газетасининг 376-сонида “Чолғу томоша” деб номланган мақола эълон қилинади. Унда: “16 октябрда Свердлов театрусида ўлка ўзбек эрлар ҳам қизлар билим юртларининг ўқувчилари томонидан Абдулла Авлонийнинг “Португалия инқилоби” томошага қўйилди. Пьеса Португалия подшосини тушуриб, жумҳурият тузиш тўғрисида вазирлар, командорлар, адвокатлар, дўхтирлар инқилобининг мажлисларин ҳам подшони туширишлари тасвир этмоқчи бўлдилар ... биринчи маротаба саҳнага кўтарилган ўзбек қизлари Собирахоним ва бошқа қизлар отин билолмадик, бурро сўзлари, кўрқмас ҳаракатлари билан 7-8 йил артистлик қилғонлардан дадил ва қувноқ эди”, деб ёзилган эди. “Португалия инқилоби” пьесасини якуний нуқталарига асосланиб адабиётшунос Ҳ. Азимова: “Асар ғоясини Авлонийнинг “Туркистон мухторияти” билан мажруҳ қилинган армонлари, юрт мустақиллиги ҳақидаги орзу-умидлари ташкил қилган”², – деб баҳо беради.

Албатта, адабиётшунослар Авлонийнинг совет йилларидаги ижодини танқидий ўргансалар-да, аммо унинг асарларидаги мазмундан замон мураккаблиги шароитида маълум бир ушалмаган орзулар мавжудлигини изоҳлашга интиладилар.

¹ 1921 йилда – Тошкент ўлка ўзбек билим юрти мудир, 1922 йилда – Тошкент хотин-қизлар билим юрти мудир, 1923 йилда – Тошкент шаҳар маориф кенгаши раиси, 1924-1929 йилларда – Ҳарбий-сиёсий мактабда она тили муаллими, 1925 – 1934 йилларда САКУ ва САГУда тил ва адабиёт кафедраси ўқитувчиси (профессор, кафедра мудир). Маълумотлар Авлонийнинг “Таржимаи ҳоли” асосида тайёрланди.

² Азимова Ҳ.И. Абдулла Авлоний драматургияси (ғоявийлик ва маҳорат) ... 114-бет.

1933 йилда Абдулла Авлоний адабиёт хрестоматияси тузиб, унда 20 – 30-йилларда ижоди гуллаётган ўнлаб ўзбек адибларининг номларини келтирди, уларнинг асарларида парчаларни киритди¹. Улар орасида Ҳамид Олимжон, Ғафур Ғулом, Уйғун ва бошқаларга “иқтидорли”, “маҳоратли” деган баҳоларни берган эди. Давр билан ҳамоҳанг яшаган миллатпарвар халқни маърифатли қилишга, ёшларни фаол бўлишларига чин дилдан хизмат қилиб келди. У 1927 йили “Меҳнат қаҳрамони”, 1930 йили “Ўзбекистон халқ маорифи зарбдори” фахрий унвонларига сазовор бўлган. Аммо, бевақт ўлим унинг қизғин фаолиятига чек қўйди. Лекин ўйлаймизки, агар Авлоний тирик бўлганда ҳам, уч йилдан сўнг бошланган совет қатағон сиёсати уни ўз домига тортган ва бошқа замондошлари сингари у ҳам “халқ душмани”га айланган бўлар эди.

Умуман, Абдулла Авлонийнинг бутун умри, фаолияти халқ манфаати ҳимояси, ватан тараққиёти, маданият ва маърифат ривожига қаратилди. Давр мураккаблигини инобатга олсак, у ўз замонининг маҳсули эди ва ҳар қандай шароитда ҳам халқига содиқ ҳамда миллат равақига ҳисса қўшган ватандошимиз сифатида эътирофга лойиқдир.

Абдурауф Музаффарзода мушоҳадасида Туркистон тарихи ва маданияти масалалари

Турли тарихий даврларда, географик жойлашувидан қатъи назар, ҳар қайси жамиятда, айниқса у тараққиётдан оқсаётган бўлса, унинг энг сара намояндаларидан иборат бир гуруҳ қатлами ижтимоий таназзулдан чиқишнинг маълум бир йўллари излашга ҳаракат қиладилар. Тарихдан бунга кўплаб мисоллар келтириш мумкин. Шу жиҳатдан Туркистон ҳам XX асрга мустамлака, халқнинг оғир иқтисодий аҳволи, жаҳоннинг тараққий этган мамлакатларидан иқтисодий жиҳатдан ортда қолиши, маданий қолоқлик, ижтимоий онгдаги турғунлик каби иллатлар билан қадам қўйган эди. Бу эса жамиятнинг миллий манфаатини ифодаловчи ва ҳимоя қилувчи қатлами бўлган миллий зиёлиларни қаттиқ ташвишга солган. Улар жамиятда туб ўзгаришларни амалга ошириш учун энг аввало маданият ва таълим соҳасида ислоҳатлар зарурлигини тушуниб етдилар ва бу жараёнларнинг нафақат назарий, балки амалий жиҳатдан фаол иштирокчиларига айландилар.

¹ Авлоний Абдулла. Адабиёт хрестоматияси. Тошкент, 1933.

XX аср бошлари Туркистонда яшаб ижод этган ва замон билан ҳамнафас бўлган фидойий тарихий шахслар қаторида Рауф Музаффарзоданинг ҳам туркистонликларни илм-фан, маърифат ва маданиятга йўналтириш йўлидаги хизматларини алоҳида қайд этиш даркор. Миллати татар бўлган Абдурауф Музаффаров 1889 йилда Россиянинг собиқ Симбирск губерниясидаги Сенчилевск уезди, Старо-Тимошкина қишлоғида туғилган. Такдир тақозосига кўра, у 1914 йилнинг бошларида Туркистонга келиб, шу ердан паноҳ топган¹.

Кўплаб туркистонлик тараққийпарварлар сингари Музаффарзода ҳам ўз даврининг илғор замондоши сифатида одамлар орасида яшаб, уларнинг маънавий тафаккурига таъсир кўрсатишга, жамиятдаги камчиликларни халққа тушунтиришга уринган ва бу нуқсонларни бартараф этишга чақирган. Бу борада матбуот энг муҳим минбар вазифасини ўтаган. Маълумки, 1914 йилда Туркистон ўлкасида бир вақтнинг ўзида иккита миллий газета нашри йўлга қўйилди. Булар Тошкентда Убайдулла Хўжаев муҳаррирлигидаги “Садои Туркистон” ва Кўқонда Обиджон Маҳмудов бошчилигидаги “Садои Фарғона” газеталари бўлиб, бу ўлка ижтимоий ҳаётида муҳим аҳамият касб этди. Ушбу нашриёт органлари ўз даври учун долзарб мавзуларни ёритиб, халқнинг тараққийси ва дунёқараши кенгайишига катта хизмат қилган. Миллат ва матбуот фидойиси Маҳмудхўжа Бехбудий “Садои Туркистон”нинг чиқарилишига бағишлаб “Ойна” журналида чоп эттирган кутлов мақоласида ўз хурсандчилигини яширмаган ҳолда, “Бор бўлсин миллат, яшасин тараққийпарвар ёшлар, фидокор тужжорру муҳаррирлар. Обод бўлсин Ватан!”, дея хитоб қилган эди. М. Бехбудий Убайдулла Хўжаев ташаббусини қизғин олқишлаб, “Садои Туркистон” газетаси ижодий жамоасига ўзининг самимий тилакларини изҳор қилган.

“Садои Туркистон”нинг асосий мақсадини Убайдулла Хўжаев қуйидагича талқин қилган эди: “... биз, туркистонликлар ҳозирда на замонга қараб ҳаракат қилурмиз, на дин шариатимизга суянурмиз, на тарихимиздан ибрат олурмиз... Бизим шул қадар ғафлат ва жаҳолатимизни кўратуриб янада сабр ва қаноат ила сукут этмак муқаддас ватанимиз ва меҳрибон онамиз бўлгон Туркистонга кўб оғир келди. Шул сабабли ул ўзининг дилдан чиққан хазин “Садоси” ила ўз авлодларина насиҳат қилмоққа қарор берди. Мана бизим жаридамиз шул ватан муқаддасимиз бўлгон Туркистоннинг ўз авлодларина сўйлагон сўзу, чиқаргон садоларининг таржумони бўладур. ... Олия муқаддас онамиз бўлгон Ватанга шояд ожизона бир

¹ Унинг ҳақида маълумотлар етарли ўрганилмаган.

хизмат бўлса деб биз ҳам зиммамизга “Ватан таржумони” каби оғир бир юкни юкламакка жасорат этдук”¹.

Убайдуллахўжа Асадуллахўжаев “Садои Туркистон”ни ўқимишли, қизиқарли ва халқ орасида обрўли қилиш мақсадида, ўз даврининг етук вакиллари бўлган маърифат дарғаларини ишга жалб этишга муваффақ бўлди. Абдулла Авлоний, Мунавварқори Абдурашидхоновларни таклиф этган ҳолда, Туркистонга ташриф буюрган Абдурауф Музаффарзодани ҳам “Садои Туркистон” идорасида ишлашга чақирди. 1914 йил Тошкентда бўлган татар сайёҳи, журналист Иброҳим Тоҳирий Оренбургда нашр этиладиган “Шўро” журналида “Кўрган билгандан” сарлавҳали мақоласида “Садои Туркистон” газетаси тўғрисида илиқ фикрлар билдиради. Муаллиф унда “газетада иштирок этувчилар Рауф афанди Музаффаров (татар) бирла мактаб китоблари ёзувчи ҳам Тошканд мактабларин биринда муаллимлик этувчи Қори Мунавваров афанди жанобларидур”² деб маълумот берар экан, уларни бўлим муҳаррирлари, “газетанинг маънавий устунлари” ҳам деб атаган эди. Бу шахслар “Садои Туркистон” газетаси ижодий жамоаси ўзагини ташкил этган ва уларнинг ҳар бири матбуот соҳасида маълум тажрибага эга бўлиб, ижтимоий ҳаётдаги барча ҳолатларнинг замирини теран тушунадиган, қаламлари ўткир муаллифлар ҳам эдилар. Улар нафақат газетанинг бош мавзусини белгиладиган муҳим материалларни ёзганлар, бундан ташқари, уни нашрдан чиқариш, тарқатиш, турли мавзуларни ёрита оладиган муаллифларни жалб этиш каби сермашаққат юмушларни ҳам фидоийлик билан бажарганлар. Бу борада айниқса Абдурауф Музаффаровнинг фаолияти самарали бўлган. Амалда у бош муҳаррир муовини ва газетанинг саркотиби эди.

Абдурауф Музаффаров “Садои Туркистон” таҳририятига ишга келган пайтда эндигина 25 баҳорни қаршилаган навқирон йигит бўлган. Ёш бўлишига қарамай, у таҳририят котиби зиммасидаги машаққатли барча юмушлар билан бирга, ўз ижодида сермахсул фаолият юритди. “Садои Туркистон” саҳифаларида бу муаллиф қаламига мансуб 40 дан ортиқ мақолалар чоп этилди. Газетанинг қарийб ҳар бир сониди “Рауф Музаффарзода”, “А.Музаффаров” имзолари билан унинг мақолалари нашр қилинган. Улар муаллифнинг ўткир зеҳнли, билимдон, муаммоларни теран фаҳмловчи, эътиқоди кучли қалам соҳиби бўлганлигидан далолат беради.

Унинг аксарият мақолалари Туркистон халқи маданиятини ривожлантириш, маърифатга чақириш, Ватан тақдири ва унинг

¹ Садои Туркистон. 1914 йил 1-сон.

² Пидаев Т. Матбуот – миллат чироғи. Тошкент, 1999. 31-бет.

истиқболи учун қайғуриш каби муаммоларга бағишланган эди. Музаффарзоданинг орзуси барча тараққийпарварлар сингари туркистонликларни таназзулдан чиқариш, илғор халқлар қаторида кўриш, жаҳон маданияти тизимидан жой олиш, ўз миллий маданиятини дунё оммасига танитиш кабилардан иборат бўлди. У халқнинг миллийлигини сақлаб қолган ҳолда турмуш тарзини замонавийлаштириш маданиятлиликнинг бир белгиси деб ҳисоблар эди. Рауф Музаффарзоданинг “Садои Туркистон” саҳифаларида чоп этилган мақолаларида айнан шу масалалар қамраб олинган. Чунончи, унинг “Миллат краби (кемаси – Н.М.) нима кутар”¹, “Миллий ҳаёт ва Туркистон мусулмонлари”², “Маданият ва биз”³, “Маданий жараён ва миллий тарихимиз”⁴, уч қисмдан иборат “Маданият нардбони”⁵, “Дин, миллат миллият ила қойимдир”⁶, “Тил ва имло масаласи”⁷ ва бошқа бир қатор мақолаларида Туркистон мусулмон маданиятининг тараққиёт йўллари, ҳал қилиниши лозим бўлган муаммолар, бартараф этилиши зарур бўлган камчиликларни очишга ҳаракат қилди. Албатта, унинг ғоялари М. Беҳбудий, А. Авлоний, М. Абдурашидхонов каби зиёлиларнинг фикр-мулоҳазалари билан ҳамоҳанг эди. Зеро, тараққийпарварларнинг бундай хатти-ҳаракатлари жамият эҳтиёжи билан вужудга келган ва уларнинг ўзлари яшаб турган ижтимоий тузилмадаги реал воқеликда туб ўзгаришлар зарурияти етилганлиги билан боғлиқ бўлди.

Рауф Музаффарзода кўплаб европалик маърифатпарварлик ҳаракати намояндалари ва файласуфларининг асарлари билан таниш бўлганлиги, шубҳасиз. Бу унинг фикр-мулоҳазалари европалик алломаларнинг назарий хулосалари билан аксарият ҳолларда яқинлигида намоён бўлади. Рауф Музаффарзоданинг маданият ва тарих ҳақидаги назарий қарашларида нафақат Туркистон, балки тараққиётга муҳтож ҳар қандай жамиятни ёруғликка олиб чиқиш, ривожланган миллатлар сафидан ўрин олиш зарурлиги каби ғоялар ўрин олган эди.

Музаффарзода, энг аввало, инсон омилига урғу бериб: “... Инсон олам ва руҳ тарбияси илагина инсондир. Руҳ тарбияси кўрмаган, илм ва маориф ила ақл ва фикрини орттирмаган кишининг сомон ичида ёнуб кун ўтқарган ила турли мавжудот ичида турғони орасида ҳеч

¹ Садои Туркистон. 1914 йил 17 декабрь. 52-сон.

² Ўша манба, 29 июль. 31-сон.

³ Ўша манба, 30 май. 14-сон.

⁴ Ўша манба, 9 сентябрь. 39-сон.

⁵ Ўша манба, 5 август, 33-сон. 20 август, 35-сон. 28 август, 37-сон.

⁶ Ўша манба, 26 ноябрь. 49-сон.

⁷ Ўша манба, 1915 йил 19 февраль. 60-сон.

фарқ қолмайдири”¹, – деб ёзганди. Алломанинг фикрича, одамда икки вужуд мавжуд: моддий ва маънавий. Маънавий вужуд бу – инсоннинг ақл ва фикри тараққийидир. Агар улар ривожлантирилмаса, “албатта ҳайвондан жузъий фарқли бўлиб, кўзга кўрилатургон мавжудотдан бошқа ҳар нарсени инкор этмакни ўзига лозим билур”². Мазкур фикрларни билдирган Рауф Музаффарзода туркистонликларга қарата: “Қани бизда илм, қани руҳоният, маданият қани? Биз буларнинг исмларинигина бўлса ҳам яхшилаб билмаймиз ва тушунмаймиз. Ҳатто, тушунмакни хоҳламаймиз. Демак биз бу тариқа маҳзи илм, маҳзи маданиятдан иборат исломиятни бир тарафга қолдируб, дин ва инсоният душмани бўлган жоҳил, ғафлат ва маданиятсизликни қабул қиламиз”, – деб ёзади куйиниш билан. Бу борада у замонанинг олди сафларида бўлган уламо ва зиёлиларни “инсоф ва виждон кўзи ила ҳолимизга назар қилсалар юзлари қизарур, виждонлари ҳаё ҳарорати ила кабоб бўлиб қовурилур”³, деб ҳисоблайди. Фикримизча, бундай баҳо миллатни уйғотиш, бир оз бўлса-да, жамиятнинг сара қатламини ҳаракатлантиришга қаратилган эди.

Музаффарзоданинг яна бир қизиқарли мушоҳадаларидан бири бу – Туркистон маданий ҳаётидаги турғунликни табиат ҳодисаси сифатида талқин этишга ҳаракат қилганлигидадир. Аксарият европалик файласуфлар каби у ҳам маданий жараёнларга қуйидаги баҳони беради: “Шамол табиатнинг ер юзидаги энг кучли воситачисидир. Шамол бўлмаса ва ул воситачилик қилмаса эди, қавм, тупроғ ва ҳаво ҳеч ҳаракат қилмасдан ва кўчмасдан ёлғуз бир ўриндагина турур эдилар. Сувлар ва денгизлар ҳаракатланмас, фўртонолар ҳосил бўлмас ва алҳосил ер юзида табиат қўли ила ювилмас ва сирламас эди. Бунинг натижаси ўлароқ ҳаво бузулиб турли ҳашаротлар ер Бир тарафдан қараганда бизим ҳозирги ҳолимизни ҳам шул намунага одам болалариға мискин бўлмаслик даражасида салоҳиятсиз бўлиб қолар эди. Ҳозирда миллатимиз манзара нуқтаи назаридан худди денгиз ўртасида тўхтаб, ёрдамдан маҳрум қолган шамол кемасиға ўхшайдир. Ҳаводан ёрдамсиз қолган кемадек Туркистон миллати ҳам чарчаб қолган, атрофда фойдали ва матлуб тарафга қараб юрадиган шамоллар келганин кутмақдадир. Миллат краби сув устида ҳаракатдан онгсиз ва муовинат миллиядан маҳрум бўлиб турмақда, даҳшатли денгиз гирдоблариға муоруз қолуб шул кўрқинчли тўлғалар орасида йўқолмоғидан хавф этмақдадур. Шунинг учун ул

¹ Музаффарзода Р. Тарбияга аҳамият бермабмиз // Садои Туркистон. 1914 йил 7 октябрь.

² Ўша жойда.

³ Ўша жойда.

заволли кема янги шамолни ва матлуб тарафга ўзини олуб борадирган фойдали шамолларга мунтазир”¹. Музаффарзода янги маданият шамоллари деганда, албатта миллий ва маданий ислохотларни назарда тутган. Миллатни маданият кемасига ўхшатиши эса, уни ҳаракатлантириш зарурлиги ва бевосита ижтимоӣ таназзулдан олиб чиқиш, маданий эҳтиёжларини қондириш зарурлигига қаратилди. У “Маданият ва биз” мақоласида юртдошларини “маданият қандай бўлғонини кўзимиз билан кўриб турсак ҳам, маданий бўлғон эҳтиёжларимиздан кўз юмамиз”², деб айблайди. Фикримизча, тараққийпарвар маданиятнинг инсондан айро мавжуд бўлмаслигини яхши тушунган. Зеро, П. Сорокин сўзлари билан айтганда, “маданиятнинг моҳиятини тушуниш учун инсон ва халқларнинг фаолияти призмасида мушоҳада этиш зарур”³.

Р. Музаффарзоданинг “Маданият нардбони” номли катта мақоласида “маданият” иборасига бир-икки сўз билан таъриф бериб бўлмаслиги ҳақида таъкидланган. Унингча, маданият бу – “қоронғу гўшаларғача ўзининг нурини тушурган маданият офтобининг исми ҳар дақиқада тилларда сўйлануб кўзларга кўрилса ҳам онинг нима эканлиги, бунинг илагина албатта билуниб битмайдур”⁴ган иборадир. Маданиятнинг тадрижий ва ўзига хос ривожга эга эканлигига Рауф Музаффарзода шундай таъриф беради: “Дунёда ҳеч бир миллат бутун йигирманчи аср маданиятидан биргина мартаба қўли ила ҳовучлаб олмаган, ҳар бири тадрижий тараққий эткан. Миллатларнинг тараққий ва тамаддун даврлари ўнлабгина эмас, юзлаб ҳисобланадурлар”⁵. Рауф Музаффарзода бу ерда маданиятларнинг локал хусусиятларига тўхталган бўлса, ажаб эмас. Дарҳақиқат, олға бораётган маданият албатта такомиллашади, ўзидан аввал ўтган маданиятлар эса унга маънавий мерос сифатида ўтади. Музаффарзода илм ва маданиятни тарқатувчи зиёлиларни алоҳида эътироф этди. Унингча, “дунёнинг қоронғу кўчаларида маданиятдан илм ва урфондан бебаҳра қолғонларга маданият, илм ва маориф нима эканини билдира олувчилар илм ва маданият дунёсида энг олий сиймолардан саналадурлар”⁶. Миллатнинг маданиятлилик даражасига эришишнинг муҳим зинопоялари сифатида Музаффарзода илм-маориф, матбуот, театр, жамиятлар, нашриёт ширкатлари ва энг

¹ Музаффарзода Р. Миллат краби нима кутар? // Садои Туркистон. 1914 йил 17 декабрь.

² Музаффарзода Р. Маданият ва биз // Садои Туркистон. 1914 йил 30 май.

³ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 220.

⁴ Музаффарзода Р. Маданият нардбони. 1-қисм // Садои Туркистон. 1914 йил 5 август.

⁵ Ўша жойда.

⁶ Музаффарзода Р. Маданият нардбони. 2 қисм // Садои Туркистон. 1914 йил 20 август.

асосийси тарихга мурожаат масалалари эканлигини кўрсатди. Зеро, замоннинг ҳақиқий воқелигини тўлиқ ангалашда ўтмишни ўрганиш ғоятда муҳим саналади.

Музаффарзода тарих фанининг аҳамияти ҳақида гапириб, инсоннинг камол топишида ва жамиятнинг бошқарувида бу фаннинг ўрни беқиёслигини кўп мартаба таъкидлаб ўтади. Маданият тарихини у миллат ва жамият тарихи билан боғлиқликда кўрди. Унинг фикри бу борада қуйидагича: “Ҳозирда ҳар миллатнинг ўзининг маданият тарихини ёзмак учунга қанча жилдлар қораламак лозим бўладир. Маданият! Маданият! деб ҳар вақт қичқирмак ва ёзмак илагина ҳам маданият нима бўлганини албатта фаҳмлай олмайдир. Маданият сўзи қандай усулларнинг ва қандай маишатларнинг ҳаёт мажмуасига оталиқ қилганини билувчи ақидалар марҳамат қилуб қаламларни қўллариға олсунлар ва халқимизға тадрижий маишат ва маданият усулларин кўрсата бошласунлар эди. Мана шул вақтда биз ўзимизни (шукрлар бўлсин биз ҳам маданият йўлиға қадам босдук) дейур эдик”¹. Кўриниб турганидек, муаллиф бу борада тарихчи олимларнинг зарурлигини қайд этади. Агар биз ўша давр ижтимоий-сиёсий муҳитини эътиборга олсак, Музаффарзода истагидаги замонавий мутахассис тарихчилар деярли бўлмаганлигини айтиш керак. Бундай ҳолатни муаллиф қуйидагича ифода этди: “Аввало бизим бу тариқа осмондан тараққий ёмғури ёғганини кутуб иқтисодий, маиший ва санойй биргина доно бўлуб рисола, ёхуд мақола ёзмасдан ётишимиз ва мактабларимизда шогирдларга маълумот мадания дарслари ўқутмаслигимиз, ...халқнинг маданий тараққийсига салбий таъсир этишишини, агар янги тарихий билимлар тақдим этилса, “билакс илм ва маданиятга ва янги ислоҳатға бўлган борлиқ муҳаббат ва ҳуснларига сабаб бўлиши табиий бир ҳолдир”².

¹ Музаффарзода Р. Маданият нарdbони. 2 қисм ...

² Ўша жойда.

Музаффарзода миллий маданий тарих яратиш хусусида ўзининг “Маданий жараёнлар ва миллий тарихимиз” номли мақоласида ҳам қизиқарли фикрлар билдирди. Унингча: “Маданий жараён инсонларнинг тарихий давларида энг муҳим миқёсдир. Бунинг ила даврда келган уламо ва мутафаккирнинг, санойи ва ҳиммат арбобининг ва алҳосил миллатларида бўлган ҳар синф халқнинг не даражада ўзгариш кетурганларини билмак мумкиндир. Маданий жараён муаррихларнинг энг кўб истеъмол қиладургон қуроллари бўлган каби бутун тарихларнинг ягона бир занжиридир”¹.

Демак, маданий ҳолат тарихий жараёнларни очиб беришда энг муҳим компонент вазифасини ўтайди. Маданиятнинг ҳақиқий ҳолатини эса ҳар бир даврнинг жамиятдаги ижодкорлик, яратувчанлик каби имкониятлари белгилаб беради. Музаффарзода: “... Тарихларнинг жиҳозлари миллатларнинг қолдирғон моддий ва маънавий асрорларидир. Жараён маданий эса тарихларнинг манбаларидан олғон маълумот тарихияга марказлик ташкил этуб аларни доимо табдил қилувчи маънавий бир матлаидир”, деганда ҳақ эди. Унингча маданий жараёнлар “муаррихлар учун маънавий ва қувватли бирлашғон улуғ бир тарих ўлчови ўрнида истеъмол қилиниши” зарур. Бевосита Туркистон тарихига тўхталар экан муаллиф “... Ҳозирда бизим миллий тарихимиз Туркистон вилоятида асрлардан бери тирикчилик қилиб келган турк қавмининг ҳар турли аҳволдан иборатдир. Энди бизга ҳам ўзимизнинг боболаримизни халқимизга танитмак ва мактабларимизда миллий тарих дарслари ўқитмак замони келди. Бунинг учун албатта яқинда бир миллий тарих ёзмак лозим эди”², – деб ҳисоблайди.

Албатта, юқорида айтганимиздек, ўша даврда миллий тарихни ёзиш учун тарихчи мутахассислар бўлмаган мана шундай шароитда Рауф Музаффарзода: “Агар Туркистонда ўзимиздан бу хизматни матлуб даражада фаолиятга чиқарурдай қувват соҳиблари бўлмаса, бу кундан эътиборан ҳеч нарсага қарамасдан Туркистондаги машҳур шаҳарларнинг ҳар бирида илми тарафидан бирор кичик ҳайъат ташкил қилинса, нечук бўлар экан. Бу ҳайъатлар 3-4 зотдан мураккаб бўлуб, бўш вақтларида тарихий музокараларда бўлунурлар ва миллий тарихимиз учун моддий ва маънавий эҳтиёжни битирмак йўлида ғайрат этар эдилар. Бу вақтда қария ва қишлоқлардан ҳам мазкур ҳайъатларга тарихий маълумот бериб турувчилар бўлур эди. Йиғилғон маълумот ва материаллар миллий жаридаларда эълон

¹ Музаффарзода Р. Маданий жараёнлар ва миллий тарихимиз // Садои Туркистон. 1914 йил 9 сентябрь.

² Ўша жойда.

қилуниб турилса ва қатъий этгач, бир ерға тўплануб муносиб кишилар тарафиндан жам ва тартиб қилунур эдилар. Сўнгра буни нашр этуб фойдаси овоз ила маданий хожатларимизга сарф қилинур эди. Шул тариқа бир миллий тарих **фақат асосли бўлгон бир тарих** вужудга келтурур эдик”¹, – деган таклифни ўртага ташлайди. Кўриниб турганидек Музаффарзода жойлардаги миллий зиёлиларга катта умид билдирган ва маҳаллий тарихни яратишда *оғзаки тарих* усулини қўллаш тарафдори бўлган.

Туркистон миллий тарихини яратиш хусусидаги мунозараларга ХХ аср бошларида машхур бўлган “Ойна” журналида ҳам кенг ўрин берилган эди. Жумладан, “Туркистон тарихи керак” мақоласининг муаллифи М. Беҳбудий: “Тарих кўп аҳамиятли ва фойдали бир нарсадир. Тарихнинг фойдаларидан баъзиси ушбудирки, бир миллатнинг на тариқада, қайси йўл ила тараққий этганин ўқуб ибрат олмак ёки бир миллатнинг на сабаблардин таназул этиб, охири мунқариз бўлиб кетганин ўқиб мундин ҳам истифода этмак мумкиндир”², деб ҳисоблайди ва “Садои Туркистон” газетасида мурожаат этилган “миллий тарихимизни ким ёзар?” саволига қуйидагича жавоб беради: “Бизнинг фикримизча, мундай тарихни ёзмоқлик ниҳоятда қийин иш бўлуб, ҳозирда бунинг ийфоси бизнинг қўлимиздан келмайдургонга ўхшайдур. Шунинг учун, бу хизматни Туркистон тарихи ила ошно бўла бошлаган ёш муарриҳимиз, муҳтарам Аҳмад Закий Валидий афандининг қаламидин умид этмакдамиз”³. Лекин, дейди муаллиф, тарих бўйича ёзилган китоб йўқ деб бўлмайди. “Туркий, форсий ва арабий тилларда неча китоблар ёзилгандурки, у китоблардан рус ва бошқа еврўпойлар истифода этган ва этмакдадурлар. Тарихий асарлардан биз туркистонийлар истифода этуб, янги муҳокама ва тадқиқот ила ўз шевамизда мунтазам бир асар вужудга келтурганимиз йўқ”⁴. Ушбу ҳолатда энг катта айб моддий манфаат топишни мақсад қилган ноширлар зиммасига қўйилган эди.

Рауф Музаффарзоданинг матбуотни ривожлантириш тўғрисидаги фикрлари ҳам ғоятда қимматли. Унинг “Миллий ҳаёт ва Туркистон мусулмонлари”⁵ мақоласида матбуотнинг аҳамиятига эътибор берилган ҳолда, “Садои Туркистон” ва “Садои Фарғона” газеталари ҳамда “Ойна” журналининг катта Туркистон аҳолиси учун етарли эмаслиги, газета-журналларнинг қўламини кенгайтириш масаласи кўтарилди. “Бизим Туркистон аҳолисининг ҳам миллий ва маданий

¹ Ўша жойда.

² Туркистон тарихи керак // Ойна 1914 йил 12 июль. 38-сон.

³ Ўша жойда.

⁴ Ўша жойда.

⁵ Садои Туркистон. 1914 йил 29 июль.

ислоҳати хусусида матбуотга бўлган назарлари ва қўлланган муоммолари шул зикр қилинғонлардан ошиғ бир тарзда бўлмаса албатта кам эмас. Ўн миллион қадар нуфузли улуғ бир миллатда жаҳолат ўзларининг берган изтироб ва аламларидан ожиз қолиб керак сўзларини ҳам айта омайдурғон икки (садо) ила бир (ойна)нинг ажал тўшакларида инграб ётувлари бу миллатда қанча таассиб ва жаҳолат ҳукм сурғонини шоид кўрсатса керак”, деб ёзади муаллиф. Мавжуд таназзулли ҳолатда матбуотни сақлаб қолиш, айниқса унга ёш, истеъдодли, соҳа мутахассисларини жалб этиш, кучли қалам соҳибларини кўпайтириш каби долзарб муаммолар мақоланинг асосини ташкил этган. Бу борада ёшларни ўрни катта бўлиши лозимлиги, аммо уларнинг аксарияти жараёнларга лоқайд эканлигига Музаффарзода куюнчаклик билан ёндашади: “Ҳозирда Туркистон ёшлари шул қадар фикрсиз ва руҳсиздирларки, буларнинг орзулари ҳам боболарининг орзулари ила баробардур. Миллатни тил, миллий адабиёт ва матбуот ҳаваскорлари ёшлардан бир оз бўлса ҳам йўқ масобасида оздир. Буларни ҳақинча тақдир этувчилар ҳар юз мингтадан биргина киши бўлса ҳам Туркистон мусулмонларининг ҳоллари бироз умидли бўлур эди”¹. Лекин Р. Музаффарзода миллатнинг маданий тараққиётини фақат матбуот ривожига боғлаб қўймайди.

Унинг “Мустақил инсонлар”² номли мақоласида Туркистонда яшовчи миллатнинг қайғуси, ижтимоий-маданий ривожлантиришга ундовчи фикрлари мужассамлашган. Муаллиф осори атиқаларга бой бўлган тарихий жойлар – Бухоро, Самарқанд ва Туркистоннинг бошқа шаҳарларини Лондон, Париж сингари маданий марказларга айлантириш каби мушоҳадаларни ўртага ташлади. У яна бир бор бундай янгиликлар фақатгина таълим ислоҳотлари ва ижтимоий онгдаги ўзгаришлар билан амалга оширилишини бир неча бор қайд этди.

Бу даврда тараққийпарвар зиёлилар маҳаллий халқ фарзандлари жамият ҳаётида ўз ўринларини эгаллаши, ўз Ватани ва миллат тақдири учун жон куйдирувчи мутахассислар бўлиб етишишларида тилни ўрганиш сув ва ҳаводек зарурлигини матбуот саҳифаларида қайта-қайта таъкидлаганлар. “Тил ва имлони муайян бир изга қўйиш матбуот ва адабиёт учун энг муҳим бўлган масаладир”, деб ҳисоблаган Рауф Музаффарзода: “Халқга таъсир этмак ва энг паст унсурларга ҳақиқий ҳаёт ва маишат қандай бўлганини англатмак учун алар тили, иборалари ва ёзган нарсалари тамоман аларнинг аҳволи

¹ Садои Туркистон. 1914 йил 29 июль.

² Ўша манба, 19 ноябрь.

руҳиятларига қараб бўлсин”¹, – деб ҳисоблаган эди. Умуман, барча етакчи миллий зиёлилар каби Музаффарзода ҳам бошқа тилларни ўрганиш билан бир қаторда, миллат тилини ривожлантириш, унинг софлигини сақлаш, она тили билан фахрланиш ғояларини илгари сурган. Чунки бу миллий тарбия учун эътиборга молик омил ҳисобланган.

1915 йил 10 апрелда “Садои Туркистон”нинг сўнгги 66-сони чоп этилди. Тарихчи олим, журналист Тоҳир Пидаевнинг ёзишича, “Садои Туркистон” фаолияти тўхтагандан кейин ҳам Рауф Музаффарзода ўз мақоланавислик фаолиятини давом эттирган. Чунончи, М.Қ. Абдурашидхонов муҳаррирлигида нашр қилинган “Нажот” газетаси билан ҳамкорлик қилган². Бироқ, Туркистонда 1917-1918 йиллар миллий матбуоти тарихини ўрганган А. Мингноровнинг диссертацион тадқиқотида 1917 йилда чиққан “Нажот” газетаси* ташкилотчилари қаторида Рауф Музаффарзоданинг номи келтирилмайди. Тадқиқотчининг фикрича: “Мунаввар Қори газета муҳаррири бўлгани билан кўп мақолаларни ўзининг имзоси остида нашр қилган эмас”³. Ҳақиқатан ҳам, бу мулоҳазаларга қўшилган ҳолда айтиш мумкинки, балки бу йилларда миллий газеталарда чоп қилинган таҳлилий, аммо имзосиз мақолалар Музаффарзода қаламига ҳам мансуб бўлган бўлса ажаб эмас. Зотан, Р.Музаффарзода ҳар қандай вазиятда ҳам Убайдулла Хўжаев, Мунаввар Қори Абдурашидхоновлар билан бир сафда бўлганлиги шубҳасиз.

Мазкур мақола доирасида биз кўпроқ Рауф Музаффарзоданинг “Садои Туркистон” газетасида нашр қилинган маданият ва жамият тараққиётига оид назарий фикрларини таҳлил қилишга ҳаракат қилдик. Тараққийпарвар қаламига мансуб Туркистоннинг ижтимоий, сиёсий, иқтисодий ҳаётига доир мақолаларни ҳам кенг ўрганиш ғоятда муҳим. Рауф Музаффарзоданинг фаолияти, тақдири ва илмий меросини ўрганиш Ўзбекистон тарихининг очилмаган қирраларини ёритишда катта аҳамият касб этади.

¹ Музаффарзода Рауф. Тил ва имло масаласи // Садои Туркистон. 1915 йил 19 февраль.

² Пидаев Т. Матбуот – миллат чироғи... 33-бет.

* “Нажот” газетаси 1917 йил июнда ўз фаолиятини тўхтатгач, унинг ўрнига “Кенгаш” газетаси нашр қилинган. Бироқ 1917 йил октябрда унинг фаолияти ҳам тўхтатилган.

³ Мингноров А.Т. Туркистонда миллий-озодлик ҳаракати масалалари давр миллий матбуотида (1917 йил февраль - 1918 йил ўрталари): Тарих фан. ном. ... дисс. Тошкент, 2000. 40-бет.

Туркистон ўтмиши ва келажаги Мухтор Бакир асарларида

Туркистон тарихида ўзига хос ўринга эга бўлган татар зиёлиларидан бири – Мухтор Бакирдир. У тахминан 1887-1889 йилда Оренбургдаги Нижняя-Озерная қишлоғида¹, имом оиласида таваллуд топган. Онаси ҳам ўз даврининг зиёли кишиларидан бири ҳисобланган. Маълум вақт унинг ота-онаси Истамбулда яшаган. Шунинг учун ёш Мухтор Бакир илк сабоқларни Истанбул мактабларида, кейинроқ, яна ўз юртига қайтиб келгач, Оренбургдаги Карвонсарой мадрасасида олади. Сўнгра Қозонга бориб, бир йил давомида Қосимия мадрасасида ўқишни давом эттиради.

Оренбургга қайтгач, Мухтор Бакир Россиянинг йирик уламо-ларидан ҳисобланган, Арабистонда таҳсил кўрган Аҳмад Фоиз Махдум исмли фозил бир кишидан тафсири Ҳадисни ўрганadi. 26-27 ёшларида эса у Оренбургдаги мадрасалардан бирида мударрислик қилади.

Уни Туркистонга қандай ва қачон келгани бизга ҳали номаълум бўлсада, Туркистондаги дастлабки фаолиятини муаллимлик билан бошлаганлигини аниқ айтиш мумкин².

Р. Шарипов ўз тадқиқотида Қозондан келган бир неча татар зиёлилари қаторида Мухтор Бакир бўлганлиги ва бир вақтлар Хива хони Исфандиёрхон хузурида муаллимлик қилгани, уни Қозон шаҳрида таълим олган А. Бектемиров, Ш. Мухторий, Ш. Сулаймон, И. Обидов, Ғ. Юнус каби зиёлилар билан биргаликда Туркистонда катта ишларни амалга оширганини ҳақида маълумот беради³.

М. Бакирнинг замондоши бўлган Шокир Мухторий унинг ўлка тараққиётида олиб борган фидокорона фаолиятини юксак баҳолаб: "Мухтор Бакир афанди Туркистонда анча вақт муаллим бўлиб тургани учунми, ёки бошқа бир сабабданми Туркистон халқининг аҳволи руҳиясига хизмат этмакни билар ва шунга бутун жони ва дили билан киришгандир"⁴, – деб ёзади.

¹ Қўлимизда М. Бакирнинг шахси ҳақида аниқ далиллар йўқлиги туфайли, «Улуғ Туркистон» газетасининг 36-сонида «Муаррих ва муҳаррирларимиз диққати» деб номланган мурожаатнома сўнггида «Тошкентда Иржар кўчаси 29-уй: биродарон Бакировлар ва ширкатнинг китобхонаси» деб берилган маълумотга асосланиб, ушбу тахминни келтирмақдамиз. Кабир Бакир ҳақида қаранг: Татарский Энциклопедический словарь. Казань, 1999. Т. I. С. 57.

² Мухторий Ш. Мухтор Бакир афанди // Меҳнаткашлар товуши. 1918 йил 19 июль.

³ Шарипов Р. Туркистонда жадидчилик ҳаракати тарихидан. Тошкент: Ўқитувчи. 2002. 39-бет.

⁴ Мухторий Ш. Мухтор Бакир афанди...

М. Бакир мақолаларини кўздан кечирганда, мамлакат ҳаётининг ўша давр учун жуда долзарб бўлган масалалар хусусида қалам тебратганлиги яққол кўзга ташланади.

Муаллиф Хива ва Туркистонда содир бўлаётган ҳар бир жараённи диққат билан кузатиб борди ва бу борадаги шахсий мулоҳазаларини Туркистон миллий матбуоти саҳифаларида бериб борди. Унинг Хива ва Туркистоннинг ижтимоий-иқтисодий, сиёсий ва маданий ҳаёти билан боғлиқ масалаларга бағишланган мақолалари кўпчиликни ташкил этади.

Мазкур даврдаги Туркистон миллий нашрларидан бири – “Улуғ Туркистон” газетасида унинг ўттиздан ортиқ турли мавзудаги мақолалари ўрин олган. М. Бакирнинг нашрлари мазмун-моҳиятидан келиб чиқиб, уларни қуйидагича гуруҳлаштириш мумкин:

1. Хива хонлигининг ижтимоий-сиёсий ва маданий ҳаётига бағишланган мақолалар.

2. Туркистон ўлкасидаги ижтимоий-иқтисодий, сиёсий ва маданий масалаларга оид мақолалар.

3. Тарихий-географик йўналишдаги нашрлар.

“Улуғ Туркистон” газетасининг 14-сонидан бошлаб, бу вақтда Хивада муаллимлик вазифасида ишлаётган М.Бакирнинг хонликдаги ижтимоий-сиёсий ҳаёт билан яқиндан танишиб чиқиб, жиддий муҳокама сўнггида ёзилган мақолалари нашр этила бошлаган.

Унинг “Хива ҳоллари”, уч қисмдан иборат “Хивада аҳвол”, “Хива аҳволидан”, “Хивадаги ҳоллар”, шунингдек, “Хивада туркман ихтилоли” каби мақолалари шулар жумласидандир.

“Хива ҳоллари”, “Хивада аҳвол” мақолаларида 1917 йилнинг ёз ойларида Хивада юз берган воқеалар, Тошкентдан келган комиссарлар хайъати ва Хива ҳукумати идорасини қўлга олган кишиларнинг мамлакат ижтимоий-сиёсий, иқтисодий масалаларига доир тадбирларидаги камчиликлар ва уларнинг салбий оқибатлари хусусида тўхталиб ўтилган. Шунингдек, 1917 йилнинг 8 апрелида мамлакатни бошқариш учун хон ҳузурида ташкил этилган Мажлис ва Нозирлар Кенгаши вакилларининг ер ва солиқ, иқтисодий масалалар юзасидан олиб борган ислохотларига салбий баҳо берилган¹.

“Хивада туркман ихтилоли” мақоласида ҳам мазкур Мажлис аъзолари қаттиқ танқид остига олинган бўлиб, Мажлис ва Нозирлар Кенгашининг ўлкада ҳукм сураётган иқтисодий қийинчиликлар ва туркман исёнчилари билан боғлиқ масалалардаги қониқарсиз тадбирлари, 1917 йилнинг ноябрь ойларида Ёш хиваликларга нисбатан

¹ Бакир М. Хивада аҳвол. 1917 йил 2 сентябрь

ўтказилган тазйиқлар хусусида маълумот берилган. Муаллиф, Туркистонда миллий давлатчилик учун астойдил курашилаётган бир пайтда хонликда мавжуд иттифоқсизлик, ўзаро низоларни қаттиқ қоралайди¹.

Хива хонлиги билан боғлиқ масалалардан ташқари, 1917 йил февраль инқилобидан кейинги мамлакатни бирлаштириш, миллий мустақилликни қўлга киритиш, Туркистон халқларининг сиёсий онгини янада юксалтириш каби масалалар Мухтор Бакирни ҳам бефарқ қолдирмади.

М. Бакирнинг “Хасталикларимиз”, “Туркистоннинг барпо бўлишига куч керак”, “Булутлар қуйиладур”, “Туркистон муассасони (Эл қурултойи)”, “Туркистон ва туркистонликлар” каби мақолаларида эса унинг Туркистон давлатчилиги билан боғлиқ қарашлари акс эттирилган².

Ўлка зиёлилари халқ таълимини ривожлантиришни тараққиётнинг муҳим омили ва миллий давлатчиликнинг зарурий белгиларидан бири сифатида қарадилар. Чунончи, Туркистон тараққийпарварларининг барчаси каби Мухтор Бакир ҳам халққа зиё улашишга, илм-маърифатдан ортда қолаётган Туркистон халқига илм олиш ва унинг фойдасини тушунтиришга интилди. Бу унинг “Хасталикларимиз” деб номланган мақоласида ўз аксини топган.

Мазкур мақолада муаллиф февраль инқилобидан кейин ўлкада бошланган сиёсий жараёнлар ҳақида фикр юритар экан, илм ва маорифга эътибор сусайганлиги ҳақида қайғуриб шундай ёзади: “Халқимиз сиёсат саросимлиги билан ўқув ва ўқитув ишларини эътибордан туширди. Мактаб ва мадрасалар, қироатхона ва кутубхоналар, миллий муза (музейлар. – С.М.) очувлар бутунлай унутилди. ... Майдонга газета ва журналлар чиқиб турарлар. Лекин, халқда аввало бу матбуотни ўқирлиқ савод йўқ, иккинчидан савод бўлсада, ҳавас йўқ. ... Ҳаммасидан аввал халқимизнинг саводини чиқарурга, они ўқурга ўргатурга ва онинг кўзин очурга керакдур”³.

Бу вазифаларни амалга ошириш учун Мухтор Бакир миллат болалари учун ўқув юртлари очиш, эски, хароб бўлган мактабларни ислоҳ қилиш, уларни жонлантириш, муаллимлар учун алоҳида ўқув курсларини ташкил қилишга аҳамият берилиши зарур, деб ҳисоб-

¹ Бакир М. Хивада туркман ихтилоли 1917 йил 10, 30 сентябрь.

² Бакир М. Хасталикларимиз // Улуғ Туркистон. 1917 йил 25 март; Булутлар қуйиладур // Улуғ Туркистон. 1918 йил 21 январь; Туркистон мухториятини барпо бўлишига куч керак // Улуғ Туркистон. 1917 йил 24 декабрь; Туркистон мажлиси муассасони (Эл қурултойи) // Улуғ Туркистон. 1918 йил 19 февраль.

³ Бакир М. Хасталикларимиз // Улуғ Туркистон. 1917 йил 25 март.

лади. Бу эса, ўз навбатида зиёли, мударрис, муаллим ва ҳимматли кишилар зиммасига масъулиятли вазифаларни юклар эди.

Туркистон мусулмонларининг фавқулодда IV қурултойи янги тузилган Муваққат ҳукумат аъзолари олдиға яқин орада чақириладиган Таъсис мажлиси масаласини кўриб чиқиш вазифасини юклади. Туркистон Мухторияти Муваққат ҳукумати томонидан Туркистон Таъсис мажлисини ўтказилиши 1918 йил 10 март кунига белгиланди¹.

М. Бакирнинг мазкур масалаға бўлган муносабати унинг “Туркистон мажлиси муассасони” (“Эл қурултойи”) мақоласида ўз ифодасини топган. Унда муаллиф Туркистон мусулмонларининг IV фавқулодда Умумтуркистон ўлка съезди томонидан яқин орада Мажлиси муассасонни (Таъсис мажлисини. – С.М.) вужудға келтирилиши зарур ва лозим топилгани, уни Муваққат ҳукумат томонидан 1918 йилнинг 20 мартада очишға қарор қилингани ҳақида ёзиб, уни мамлакатда бўлган қонун ва низом тузишға молик бўлган бир олий муассаса сифатида таърифлайди.

1917 йили ноябрда эълон қилинган Туркистон Мухториятининг умумхалқ хоҳиши билан вужудға келгани, уни мазкур қурултой тарафидан тасдиқ қилингани ҳақида сўз юритган муаллиф, “қурултой чақирилиши билан Муваққат ҳукуматнинг вазифаси тамом бўлгач, ҳукумат унинг аъзолари халқ вакиллариға ҳисоб бериши ҳамда қурултой тарафидан доимий бир ҳукумат сайланиб қўйилиши керак”², деб ёзади.

М. Бакирнинг таъкидлашича, қурултойнинг энг биринчи ва энг муҳим вазифаси – мамлакат учун қонун асоси бўлган тартиб ва интизом ўрнатишдир³.

Мазкур мақола ўзининг эркин, лекин ўз навбатида кескин фикрлари билан ажралиб туради. Муаллиф миллий демократик давлат “қонун ва интизомлар мажмуи” – конституцияға эға бўлиш ҳақида гапирар экан, уни Европа халқларидан шунчаки кўчириб қўймасдан, миллий анъана, тарихий ва географик вазият тақозосига кўра, миллий менталитетға асосланиб янги конституция яратиш лозимлигини⁴ алоҳида таъкидлаб кўрсатади.

Миллий давлатчиликнинг вужудға келиши ва куч олишиға халақит бераётган омиллардан бири – турли ижтимоий-сиёсий

¹ Туркистон Учредителний собранияси // Улуғ Туркистон. 1918 йил 19 декабрь.

² Бакир М. Туркистон мажлиси муассасони (Эл қурултойи) // Улуғ Туркистон. 1918 йил 19 февраль.

³ Ўша жойда.

⁴ Ўша жойда.

кучлар ўртасидаги иттифоқсизликни бартараф этиш масаласи ўлкадаги бошқа тараққийпарварлар каби М. Бакирни ҳам бепарқ қолдирмади. Унинг Туркистон уламолари ва улар тарафидан мухторият ҳукуматига қарши чиқарилган қарорларини танқид остига олган “Биз не вақт одам бўламиз” деб номланган мақоласи¹ бунга мисол бўла олади.

Бундан ташқари, Мухтор Бакирнинг Туркистонда тузилажак мустақил давлатнинг иқтисодий жиҳатларига ҳам алоҳида эътибор қаратганини айтиб ўтиш жоиз. У Туркистон мусулмонларининг фавқулодда IV қурултойида Фарғона вилоятидан миллат мажлиси аъзоси сифатида қатнашган ҳамда бошқарув комитетининг бош вазири Муҳаммаджон Танишбоевнинг ўринбосари вазифасига сайланган ҳуқуқшунос Ислом Шоаҳмедовнинг ер-сув масаласини ҳал этиш, ссуда (кредит – *С.М.*) ва касб ишларини йўлга қўйиш зарур, деган фикрига қўшилган ҳолда мухториятни сақлаб қолишда миллий хазинани ташкил этиш, молияни ислоҳ қилиш, солиқ ва закотларни бир интизомга солиш орқали ҳукуматнинг даромадини таъмин қилиш кераклиги ва буларни амалга қўйишда тажриба ва фидокорлик талаб қилинишини уқтиради².

У миллий армия ташкил этилишига ҳам алоҳида эътибор билан қаради. М. Бакир миллий армиянинг ташкил этилишини мухториятни сақлаб қолишнинг энг муҳим омилларидан бири деб ҳисоблади ва ўз мақолалари орқали туркистонликлардан миллий аскар ташкил этишга даъват этиб борди³.

Ўша даврда совет ҳукуматига умид билан қараган, уларнинг “барча миллатлар тенглиги” шиорига ишонган бошқа миллий тараққийпарвар зиёлилар қатори М. Бакирда ҳам кўп вақт ўтмай большевикларга нисбатан умидсизлик пайдо бўлди.

Ўлкадаги мавжуд сиёсий муносабатларга, айниқса, совет ҳокимияти томонидан амалга оширилган сиёсатларга норозилик кайфияти унинг қуйидаги фикрида яққол акс эттирилган: “Марказий ҳокимият бошида турган айбдошлар (большевиклар – *С.М.*) ўзларининг ҳукуматларини тан олгиси келмай, мухторияти миллия асоси билан идора қилинурга тилаган миллат ва партиялар билан ваҳшиёна урушлар эттирарлар. Ўзларидан бошқа ҳамма кишини “буржуй ва муҳофазакорчилик” билан туҳмат этарлар ва шул заминда

¹ Бакир М. Биз не вақт одам бўламиз // Улуғ Туркистон. 1918 йил 24 январь.

² Бакир М. Туркистон ва туркистончилар // Улуғ Туркистон. 1917 йил 20 декабрь.

³ Бакир М. Туркистон мухториятининг барпо бўлишига куч керак // Улуғ Туркистон. 1917 йил 24 декабрь.

Русиянинг турли кўчаларинда инсониятнинг хотирини келмайтурсан ваҳшат ва барбодликлар қиладилар”¹.

Муаллиф мазкур газетанинг 1917 йил декабрь сонларидан бирида чоп эттирган мақоласида большевикларга ишончсизлик билдириб, уларнинг қандай бўлмасин мухториятни йўқ қилиш ҳаракатида юрганликларини қуйидагича ёзади: “Мухторият ҳар жиҳатдан ҳавф – хатардадир. Мухториятнинг барпо бўлишига дохилдан ҳам, хориждан ҳам душманлар кўпдир. Хусусан, ҳозирги ҳокимият тепасида турган большевиклар Туркистонда ҳар нечукда тартибсизликлар чиқарувнинг ҳаракатидадурлар. Камбағал ила бойлар, деҳқонлар ила савдогарлар, ёшлар фирқаси ила уламолар орасига васваса ва душманлик солишга тиришарлар”².

Дарҳақиқат, кўп ўтмай унинг бу хавотирлари тўғри чиқди. 1918 йилнинг феврида Қўқон шаҳри большевиклар томонидан қонга ботирилиб, Туркистон Мухторияти ҳукумати ноқонуний равишда ағдариб ташланди ва ҳокимият улар томонидан қўлга киритилди.

Туркистон Мухторияти куч билан бостирилгандан кейин, жадидчилик ҳаракати намояндалари икки гуруҳга ажралиб кетди: янги тузум билан келиша олмаган биринчи гуруҳдаги тараққийпарварларнинг бир қанчаси большевиклар томонидан қўлга олиниб, отиб ташланди ёки бўлмаса ватандан ташқарига сургун қилинди. Иккинчи гуруҳи эса, гарчи большевиклар сиёсатини қабул қилмаган бўлсалар ҳам, ўз ғоя ва мақсадларини совет ҳокимияти идораларидаги амалиётлари орқали амалга оширмақчи бўлдилар. Уларнинг кўпчилиги ўз фаолиятларини маориф соҳасида давом эттирдилар. Мухтор Бакир ҳам шу йўлни танлади ва имкон қадар халқ манфаатига хизмат қилишга ҳаракат қилди.

Унинг ўлкадаги фаолияти Туркистон дорилфунуни билан ҳам боғланади. Мунаввар Қори Абдурашидхоновнинг ташаббуси билан 1918 йилда ташкил этилган мазкур дорилфунунни ташкил этилиши муносабати билан тузилган комиссия таркибига Мухтор Бакир ҳам киритилиб, шу йилнинг 3 майида ташкил этилган университет раҳбарияти сайловида саркотиблик вазифасига сайланади³.

Шунингдек, М. Бакир ҳафтада бир чиқадиган илмий, фанний, иқтисодий, адабий газета – “Халқ Дорилфунуни” (“Народный Университет”)нинг масъул муҳаррири вазифасида ҳам фаолият олиб борди.

Мазкур газетанинг деярли ҳар бир сонидида унинг маориф масаласига бағишланган мақолаларини учратиш мумкин⁴. Бизнинг

¹ Бакир М. Булутлар қуйиладур // Улуғ Туркистон. 1918 йил 21 январь.

² Бакир М. Туркистон мухториятини барпо бўлишига куч керак ...

³ Мунаввар Қори Абдурашидхонов. Хотираларимдан. Тошкент: Шарқ, 2001. 8-бет.

⁴ Мунаввар Қори Абдурашидхонов. Аввалги ва ҳозирги ҳолимиз // Халқ дорилфунуни. 1918 йил 15 июнь; Ўша муаллиф. Мактабдор ва муаллим бўлишни хоҳлаганлар диққатини // Халқ дорилфунуни. 1918 йил 28 июнь; Ўша муаллиф. Мусулмон маориф қурултойи // Халқ дорилфунуни. 1918 йил 30 июнь; Ўша муаллиф. Ўзимизга оид // Халқ дорилфунуни. 1918 йил 30 июнь; 5 июль; Ўша муаллиф. Мусулмон маориф

фикримизча, мазкур газетадаги муаллифи қайд этилмаган бош мақолалар ҳамда “Осиёли” тахаллуси остидаги мақолалар Мухтор Бакирга тегишли бўлса керак. Чунки, газетада унинг исми, отасининг исми ёки шунга ўхшаш қисқартмали тахаллус учрамайди.

Совет ҳокимиятининг дастлабки йиллариданоқ фанда ҳам бошқа соҳалардаги каби сохтакорлик, тарихни инқилоб ва янги тузум манфаатларига мослаб ёзиш тамойили пайдо бўлди.

Жадидларнинг миллий тарих яратиш тўғрисидаги ҳаракатлари 1917 йилги октябрь тўнтаришидан кейинги йилларда ҳам кузатилади. Ана шундай нашрлардан бири – Мухтор Бакирнинг 1918 йилда чоп этилган тарих ва география фанига оид совет давридаги дастлабки маҳаллий туркий тилдаги “Туркистон қитъаси (Тарихий ва жўғрофий жиҳатдан)”¹ асаридир.

Мазкур дарслик мактаблар, шунингдек, муаллимлар курсида ўқитилиши учун мўлжалланган бўлиб, араб алифбосида, тошбосма кўринишда “Ака-ука Бакировлар компанияси тижоратхонаси”да нашр этилган. Унинг умумий ҳажми 189 саҳифани ташкил этади. Уч бобдан иборат дарсликнинг биринчи (Туркистон тарихи ва географиясига бағишланган қисми) боби 1918 йилнинг апрель ойларида ёзиб тамомланган.

Муаллифнинг сўзига қараганда, “Туркистон тарихи ва географияси бўйича туркий тилда бирорта ҳам асар йўқлиги мазкур дарсликни яратилишига туртки берган”².

“Россияда бу кунга қадар Туркистон мамлакати ҳақида жўғрофий ва тарихий маълумот берадиган туркий бир асарнинг йўқлиги мактаб ва адабиётимиз учун улуғ қусур эди”, – деб ёзади муаллиф, – мана шул ҳолни мулоҳаза этиб, биз Туркистон ҳақидаги ислом ва оврўпа асарларина мурожаат қилиб ҳам баъзи бир миллий мажалла ва жаридаларимизда Туркистон ҳақида ёзилган илмий ва ижтимоий мақолаларга таяниб, турк мактабларинда Туркистон жўғрофияси ва тарихи ҳақида бир дарслик бўлур умиди ила ушбу асарни майдонга кўюрга жасорат этдик.

Кўмилиб ётган туркий асарларини қазиб чиқариб, унутила бошлаган маданиятимиз ва миллий анъаналаримизни тургизганлар (Рус тадқиқотчилари назарда тутилмоқда. – С.М) Турк маданиятини бутун жаҳонга танитганлар. Уларнинг шул хизматларига қарши нақадар ташаккур қилсакда, оздир.

қурултойи; 1918 йил 18 июл; Тараққийга бир одим // Халқ дорилфунуни. 1918 йил 18 июл; Ўша муаллиф. Ислом матбуоти // Халқ дорилфунуни. 1918 йил 21 июль.

¹ Бакир М. Туркистон қитъаси (тарихий ва жўғрофий жиҳатдан). Тошкент: Биродарон Бакировлар ва компанияси тижоратхонаси, 1918. 189-бет.

² Ўша асар. 3-бет.

Туркистон тўғрисида оврупаликлар тилинда кўплаб (фақат рус тилинда) 300 дан ортиқ маснифот бўлгани ҳолда туркийча биргинада асар йўқ ҳукминда эди. Биз туркларга нақадар орликдурки, ўз юртимизни ўзимиз тафтиш қилиш ўрнида бизга уни ажнабийлар тафтиш этиб берарлар!¹ Муаллиф "... Таасуфки, ҳатто оврупаликларнинг шул асарларинининг борлигидан хабаримизда йўқ...", деб ёзар экан, европаликларнинг Туркистондаги тадқиқот ва кашфиётлари билан ғоят катта хизмат қилганликлари, кўмилиб ётган туркий тиллардаги асарларни ўрганишга, унитила бошлаган маданият ва миллий анъаналарни тиклашга, маданиятимизни бутун жаҳонга танитишга қўшган улкан хизматларини юксак баҳолайди, бу хизматлари учун уларга юксак эҳтиром билдиради ва шу билан бир қаторда, уларнинг асарларида ёзилган ҳар бир нарсани ҳақиқат деб қабул этиб бўлмайди, деб ҳисоблайди. Унинг фикрича, "илмий ва фанний жиҳатдан улуғ қисмат жоиз бўлган бу асарларнинг баъзида миллият ва исломият нуқтаи назаридан ҳақиқатдан йироқ бўлган баъзи нарсалар ҳам ёзилиб, муҳаррирлари тарафгирлик ҳамда таъсиби миллийдан қутула олмаганлар"².

Ана шу жиҳатларни эътиборга олган ҳолда Мухтор Бакир Мушкетов, Логофет, Данилевский, Прежевальский, Гайер, Абазо, Грулев, Павлов, Н.П. Остроумов, Шишов, Н. Ликошин, Лавров сингари рус тадқиқотчилари асарларидан, "Шажараи турк", "Мустафод-ал хабар", "Тарихи қавм турки", "Тарихи Бухоро", "Тарихи хоний ("Тарихи ал хавоин")", "Хива саёҳатномаси", "Осиё васати саёҳати", "Амир Темур", "Тарихи афғон", "Қомус-ул улум" каби туркий асарлардан ҳамда баъзи миллий журнал ва газеталардан ўрин олган Туркистонга оид илмий ва ижтимоий мақолалардан фойдаланган ҳолда Туркистон тарихи ва географиясини ёритиб беришга ҳаракат қилган.

Асарнинг аҳамиятли томонларидан бири – унда Туркистон ўлкаси ҳудуди, иқлими, халқлари, хўжалигига доир батафсил маълумотлар берилгани, Туркистондаги ўтроқлашув жараёнлари бошланишидан то 1918 йилга қадар бўлган давр орлиғидаги тарихий воқеа-ҳодисалар содда, равон ва тушунарли тилда баён қилинганлигидадир. Унда Туркистоннинг ҳар бир вилояти аҳолисининг ижтимоий, сиёсий, маданий ҳаётига оид муҳим маълумотлар учрайди. Айниқса, муаллиф томонидан берилган статистик маълумотлар асар қимматини янада оширади.

¹ Ўша асар. 3-бет.

² Бакир М. Туркистон қитъаси... 3-бет.

Шу билан бирга, мазкур асарда бир қатор камчиликлар ҳам мавжуд. Жумладан, унда муаллифнинг баъзи бир тарихий масалаларга синфийлик нуқтаи назардан ёндашгани кузатилади.

Чунончи Туркистон Мухторияти бостирилишидан аввал ёзган мақолалари орқали у мухториятнинг вужудга келишини Туркистон халқининг неча йиллик орзулари заминида рўёбга чиққанлиги, миллий ўзликни англаш, мустақилликка интилиш, совет ҳокимиятининг миллий масаладаги хатоларини очиқчасига қоралаб чиққан эди. Туркистон Мухторияти бостирилгандан сўнг, кўп эмас, уч ой ўтиб муаллифнинг большевиклар ва уларнинг мухторият ҳукуматини бостириш борасидаги тадбирларини “силлиқлаб” ўтиб кетиши, “тор миллатчилик асосига бино қилинган ва кўпроқ аъзолари сармоядорлардан иборат бўлган”, “мухтор ҳукумат аъзоларининг баъзисининг тутган сиёсатлари социализм ва жумҳурият асосларига хилоф бўлганлигидан большевиклар тарафидан қувилиб, тарқатилган”¹ ҳукумат сифатида баҳолагани кишини ажаблантиради.

Бу дарслик Октябр тўнтариши тарихшунослигига оид изланишлар олиб борган совет даври тарихшуноси Р. Бойжоновнинг 1960 йилда нашр этилган тадқиқотида қисқагина тилга олинган бўлиб, унда М. Бакир «буржуа тарихчиси»² дея таърифланган.

Умуман олганда, Мухтор Бакир фаолияти Хива ва Туркистон ўлкасининг XX аср бошларидаги ижтимоий-сиёсий ҳаётида ўзига хос ўринга эга бўлди. У ҳам бошқа тараққийпарвар зиёлилар қатори ҳар қандай зулм ва адолатсизлик, жамият ҳаётига салбий таъсир қилувчи иллатларга қарши чиқди. Туркистонни ривожланган давлат сифатида кўришни истаб, унга эришиш йўлини маърифатда деб билди ва шу мақсад йўлида қўлидан келганича ҳаракат қилди. Аммо, Мухтор Бакирнинг миллий ўзликни англаш, мустақилликка интилиш, совет ҳокимиятининг ўша даврдаги камчиликларни очиқ кўрсатиб берган мақолалари ва асари узоқ йиллар давомида китобхонлар эътиборидан четда тутиб келинди. Зеро, М. Бакирнинг тарихий билимлари, ижтимоий-сиёсий қарашлари маълум даражада Ватан тарихшунослиги асосларини шакллантиришда ўзига хос ўрин тутди.

¹ Бакир М. Туркистон қитъаси (Араб алифбосида). Тошкент: Союз рабочих печатного дела, 1918. 77-101-бетлар.

² Бойжонов Б. Октябр революцияси тарихини ўрганилишига доир. Тошкент: Фан, 1960. 5-бет.

ГЛАВА II. АЛЬТЕРНАТИВНОЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗНОМЫСЛИЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Николай Маллицкий: на службе империи и науки

...Я пришел к выводу, что свой богатейший опыт этот человек приобрел не только постоянным, я бы сказал, жадным чтением литературы по географии и другим смежным дисциплинам, но и непрерывным общением с исследователями Средней Азии в течение всей своей жизни.

Е.К. Бетгер

Исключительный эрудит в области географии советской Средней Азии и сопредельных стран зарубежного Востока.

М.Е. Массон

...Интерес к Средней Азии возник с детства

Николай Гурьевич Маллицкий. Это имя хорошо знакомо каждому географу и этнографу не только Узбекистана, но, пожалуй, всей Средней Азии.

Находясь на посту редактора «Туркестанских ведомостей» он превратил их в центральный краеведческий печатный орган по истории, археологии и этнографии Средней Азии.

В период с 1906 по 1917 гг. он, занимая должность городского головы Ташкента, смог радикально изменить его облик.

Мы встречаем его имя в бурных дебатах с джадидскими лидерами.

В советское время он получит ученую степень доктора географических наук без защиты диссертации. За это решение проголосуют видные советские ученые – А.А. Семенов, Л.В. Ошанин, М.Е. Массон, Г.Н. Черданцев, О.Ю. Пославская¹. Но это все случится уже позже.

Николай Гурьевич Маллицкий родился в селе Дедово, Оренбургской губернии 18 (30) сентября 1873 года. Предки Маллицких, шляхтичи из под г. Львова, были высланы в Россию за участие в восстании. Отец и мать Николая Гурьевича были сельскими учителями, вступившими на путь народовольческого движения, что вынудило их вместе с младшими детьми уехать в Восточную Сибирь. Так, воспитанием Н.Г. Маллицкого занялся его дед – священник, отец Александр Маллицкий².

¹ ЦГА РУз, ф. Р-2231, оп. 1, д. 301.

² ЦГА РУз, ф. Р-2868, оп. 1, д. 419, л. 2.

Любовь к Средней Азии и к географии у Николая Гурьевича Маллицкого родом из детства и связана с его родным городом – Оренбургом.

По его собственным воспоминаниям, Оренбург того времени был *«границей между Средней Азией и Россией, не только пограничный пункт, но и крупный торговый центр»*¹. Жизнь в Оренбурге того времени кипела: торговые караваны с хлопком и сушеными фруктами, рассказы о среднеазиатских походах старых солдат и казахская речь, которой он овладел от своих друзей по гимназии, и постоянные наблюдения за жизнью местного населения.

Интерес к географии был поддержан и учителями Оренбургской гимназии, которые всячески поощряли его стремления к новому и неизведанному.

*Он получил разрешение посещать хранилище при гимназии и никем не посещаемый кабинет с зоологическими и ботаническими коллекциями, вывезенными из Средней Азии Карелиным, Бутаковым и различными экспедициями прошлого столетия, для которых Оренбург был базой*².

Окончив гимназию с золотой медалью, он поступает в Санкт-Петербургский историко-филологический институт – единственное тогда в России высшее учебное заведение, где наряду с историческими и филологическими дисциплинами, преподавались и географические.

Атмосфера института, его замечательные педагоги, окончательно утвердили Н.Г. Маллицкого в правильности избранного пути. В своей неопубликованной рукописи «Н.Г. Маллицкий, как географ»³, он с особой теплотой вспоминает И.В. Мушкетова, курс которого по физической географии он прослушал дважды, Н.И. Билобина – у которого занимался по математической географии, преподавателя методики географии – А.Ф. Соколова, академика А.С. Лаппо-Данилевского, Ф.Ф. Соколова – «величайшего знатока греческой древности»⁴. Но именно профессор И.В. Мушкетов познакомил его с геологическими коллекциями Горного института и приобщил к работе в Географическом обществе, бессменным членом которого он был до конца своих дней⁵.

¹ ЦГА РУз, ф. Р-2231, оп. 1, д. 148, л. 132.

² Там же.

³ Там же, д. 148.

⁴ Там же, д. 301, л. 38.

⁵ Там же, д. 148, л. 123.

О студенческом периоде жизни Н.Г. Маллицкого значительный материал содержат его лекционные тетради¹. Они были испещрены различными записями. С особой тщательностью им конспектировались лекции таких профессоров, как А.С. Лаппо-Данилевский и Форстенъ. Хотелось бы отметить, что по этим тетрадям он вел занятия впоследствии не только в гимназиях, но и когда уже преподавал в советских вузах. Лишь в некоторые годы материал дополнялся им.

Особое внимание в его тетрадях привлекают изображения гор, встречаются и лица: в анфас и профиль², героические и обыкновенные, мифические животные; на полях значительное количество четверостиший о студенческой жизни, преподавателях, лекциях.

*Один Данилевский умеет
Любовь нам к науке внушить
А потому и не смею
Перо его нами чернить.*

*Они подвигают науку,
Не знаю ли взад иль вперед,
Но точно от их лекций скуки
Нас давит ужасный гнет³.*

Но помимо такого легкомысленного материала, огромное количество выписок с размышлениями о духовности, религии, о смысле жизни, цитаты великих людей.

В определенной степени, свои незаурядные педагогические способности, которые он в полной мере сможет раскрыть намного позже, он начал реализовать уже в студенческие годы. По воспоминаниям дочери, он ежегодно ездил работать репетитором (в те времена в институт присылали специальные приглашения для желающих подработать – О.П.) в различные богатые имения. Он всегда находил общий язык со своими воспитанниками, завязывались дружеские отношения, которые продолжались на протяжении всей жизни.

Все годы учебы в институте особенно манил Н.Г. Маллицкого Ташкент.

В институте товарищи знали о его мечте. Однажды ему сказали: «Приехал из Ташкента Ф.М. Керенский, главный инспектор

¹ ЦГА РУз, ф. Р-2231, оп.2, д. 151.

² Современные психологи, проанализировав рисунки Н.Г. Маллицкого, пришли бы к выводу об его обостренном чувстве одиночества и беспокойства за своё будущее.

³ ЦГА РУз, ф. Р-2231, оп. 2, д. 151, л. 131 об.

народных училищ, сидит у директора. Ему нужен учитель истории и географии в Ташкентскую учительскую семинарию. Папа – к директору, стал просить Керенского взять его в Ташкент. Кедров огорчился и рассердился, т.к. хотел оставить его в институте. Керенский видя заминку сказал, что ему нужен «человек знающий», на что Кедров возразил: «Да он у нас лучший!». Керенский зачислил его, и папа, окончив институт, поехал в Ташкент. Кедров позже писал ему, звал вернуться в Петербург, в институт¹.

Институт Н.Г. Маллицкий закончил со степенью кандидата наук, и ему была предложена подготовка к профессорскому званию по истории эллинизма.

Позднее, профессор Л.В. Ошанин напишет: «в случае оставления его при институте, на этом обычном для ученого пути, Николай Гурьевич, благодаря своим дарованиям, преданности науке и исключительных трудолюбии и трудоспособности, которые в дальнейшем красной нитью проходят через всю его жизнь и неизменно поражают решительно всех, ожидала незаурядная карьера ученого. Однако, будучи не только историком, но и географом и, притом «географом по преимуществу», Николай Гурьевич предпочел пути изучения истории Востока по первоисточнику, путь прямого и непосредственного изучения самого Востока»².

* * *

Начиналась новая глава его жизни. Н.Г. Маллицкий прибыл в Ташкент в августе 1895 года, как пишет он сам, чтобы занять «скромное место преподавателя истории и географии в Туркестанской Учительской семинарии в Ташкенте»³. Путь к месту службы был долг, но не лишен очарования, достойного географа: «по Волге, Каспийскому морю до Баку и Красноводска, по железной дороге до Самарканда, а там до Ташкента на почтовых лошадях через не дорожную тогда Голодную степь»⁴.

Первый этап педагогической работы пришелся на 1895-1901 годы. В это время он преподавал в Ташкентской учительской семинарии – историю и географию (1895-1898) и в Ташкентской мужской гимназии (1898-1901). Свою любовь к науке он смог передать своим ученикам. Среди них – будущий член-корреспондент Академии наук Узбекистана профессор Г.Н. Черданцев, старший научный сотрудник Государственной библиотеки им. Алишера Навои Е.К. Бетгер, член-

¹ ЦГА РУз, ф. Р-2868, оп.1, д. 419, л. 6.

² Там же, ф. Р-2231, оп. 1, д. 301, л. 37.

³ Там же, д. 148, л. 124.

⁴ Там же, л. 133.

корреспондент Академии наук СССР, профессор А.Ю. Якубовский и многие др., вписавшие свои имена в историю советской науки.

Л.В. Ошанин вспоминал:

Его уроки носили характер всегда живых и интересных лекций, далеко превосходя обычный уровень преподавания в средней школе. Огромная заслуга его, между прочим, заключалась в том, что он сразу же стал знакомить нас с окружающей природой Туркестана, путем организации интереснейших экскурсий. Мне лично посчастливилось быть участником двух: в 1900 году – в горы Туркестанского хребта, в 1901 году – к слиянию рек Пскема, Угама и Чаткала. В этих экскурсиях, юный Николай Гурьевич был не только нашим педагогом и воспитателем, но и веселым, жизнерадостным товарищем. Такие экскурсии позже он совершал со студентами различных вузов Ташкента¹.

Многие люди, хорошо его знавшие, отмечали нестандартные методы проведения им уроков. Так, О.Ю. Пославская отмечала, что *«он в совершенстве знал узбекский и таджикский, отлично знал народный эпос и фольклор, стихи, пословицы и поговорки, удачно цитировал классиков литературы... он прекрасно изучил Ташкент и его окрестности, совершал самостоятельные экскурсии и походы... Это были не просто развлекательные походы, легкий отдых от тяжелой зимней работы в гимназии. Н[иколай] Г[урьевич] сразу проявил себя как зрелый, вдумчивый исследователь»².*

Примечательно, что все поездки и экспедиции проводились им за свой счет и исключительно в свободное от исполнения прямых служебных обязанностей время. И это были не просто слова. За этот период он опубликовал более 53 научных работ, которые внесли значительный вклад в отечественную географическую науку и были оценены очень высоко. Явная его заинтересованность в географии и истории определили степень его участия в работе Туркестанского отделения ИРГО, где он постоянно выступал с докладами.

Весьма примечательна история оставления Н.Г. Маллицким педагогического поприща. Весной 1901 года с инспекцией в Ташкент приехал А.Н. Куропаткин, посетивший гимназию, в которой преподавал историю Маллицкий.

..Зашел на какой-то урок в 8-й класс. Вызвал одного из учеников по списку и спросил о каком-то из своих удачных походов. Ученик был хороший, но заикался, а от волнения стал заикаться еще сильнее. «И кто, в самом деле, у вас преподает историю?» - спросил Куропаткин.

¹ ЦГА РУз, ф. Р-2231, оп. 1. д. 301, л. 65.

² Там же, л. 2.

Маллицкому это передали, он возмутился, и даже потребовал, чтобы тот принес свои извинения, и объявил о своей отставке¹. Такую резкость отца Елизавета Николаевна объясняла «его уязвленным самолюбием учителя»², статус которого он ставил очень высоко.

Но надолго Н.Г. Маллицкий без работы не оставался. Предложение о трудоустройстве поступило несколько: пришло письмо из Санкт-Петербурга от Кедрова с предложением продолжить научную работу; С.М. Граменицкий, инспектор народных училищ края, предложил ему место инспектора народных училищ в Фергане. Другой вакансией была должность редактора «Туркестанских ведомостей». По рекомендации временного редактора Геппенера, он занимает должность редактора.

...Интереснее всего казалось редакторство

... Ему принадлежит заслуга создания первого по существу научно-исследовательского органа в Средней Азии, а именно «Туркестанских ведомостей»

... Этот орган сыграл в свое время большую роль в деле разработки научных вопросов географии Средней Азии...

Н.Г. Черданцев³

Первый журналистский и редакторский опыт Н.Г. Маллицкий получает в возрасте 13 лет. Тогда, собственный журнал юного Николая Маллицкого назывался «Звездочка» и датировался он 1886 годом⁴.

Но реальную должность главного редактора он занял 5 ноября 1901 г. В новое дело Николай Гурьевич окунулся со всей страстью его натуры. С 1901 по 1907 годы Николай Гурьевич Маллицкий трудился в должности главного редактора «Туркестанских ведомостей». Новая должность позволила Н.Г. Маллицкому не только продолжить занятие любимым делом, но еще глубже изучить интересующий его предмет – историю и географию Средней Азии.

О временах своего редакторства Н.Г. Маллицкий вспоминал так: *«Я имел меньше времени заниматься своими научными трудами, но зато в поле моего зрения оказалась вся Средняя Азия. Официальные*

¹ ЦГА РУз, ф. Р-2868, оп. 1, д. 419, л. 10.

² Там же, ф. Р-2231, оп. 2, д. 36, л. 136-137.

³ Там же, оп. 1, д. 301, л. 18.

⁴ Там же, оп. 2, д. 37, л. 70-97. Помимо самого Николая Гурьевича в создании журнала участие принимал его младший брат и школьный товарищ.

отчеты, донесения, разного рода статьи – все это дало мне возможность начать сборы материала с целью подготовки географической энциклопедии Средней Азии...

...Новая должность давала широкие возможности для изучения Средней Азии, т.к. корреспонденты её были рассеяны по всей этой громадной стране»¹. Материалы поступали от значительной армии корреспондентов в Петербурге, Москве, Владивостоке и др. городов Российской империи.

Многие исследователи истории Туркестанского края отмечали, что при нем газета сделалась серьезным краеведческим органом, и ученые стремились именно здесь опубликовать свои материалы.

В ней печатались как местные ученые – В.Л. Вяткин, М.С. Андреев, Н.С. Лыкошин, Диваев, Комаров, представители местной интеллигенции – Саттархан Абдул Гафаров, а также и маститые ученые – В.В. Бартольд, Л.С. Берг.

Со многими из них, позднее, из деловых, отношения переросли в дружеские на долгие годы.

Редакция газеты «Туркестанские ведомости» располагалась в то время на Самаркандской улице, напротив сада князя Романова. В этот период помощником редактора был Эжен Михайловский, помощником по хозяйственной части - Мещеряков. По воспоминаниям близких ему людей: «... он горячо окунулся в новую жизнь. Работал дни и ночи, домой почти не приходил»².

Поэтому, по решению супруги Н.Г. Маллицкого – Ольги Николаевны Маллицкой вся семья переехала в здание редакции, где размещалась квартира редактора.

«Воспоминание о редакции, об этой обстановке общего доверия – одно из ярких воспоминаний моего детства»³... Чудесное воспоминание о типографии. Весело кипит работа... Лица у всех оживлены... »⁴, – так описывала свои детские впечатления о редакции его дочь – Е.Н. Маллицкая.

Н.Г. Маллицкий был настолько увлечен работой, что начинал мечтать о том, чтобы всю свою жизнь посвятить редакторству. Несмотря на достаточно короткий срок своего редакторства – 6 лет, он смог в полной мере реализовать свои способности ученого, исследователя, организатора. Официальные материалы, отчеты, донесения, разного рода статьи, письма корреспондентов – все это давало ему

¹ ЦГА РУз, ф. Р-2231, оп. 1, д. 148, л. 136.

² Там же, оп. 2, д. 36, л. 138.

³ Там же, л. 139.

⁴ Там же, л. 141.

возможность начать сбор материалов по различным районам Средней Азии. Н.Г. Маллицкий собирал до конца своих дней – Географическую энциклопедию Средней Азии.

По воспоминаниям самого Николая Гурьевича: *«Туркестанские ведомости» той эпохи вовсе не были только официальным органом, в котором печатались только правительственные распоряжения. При скудности научной периодической печати в ту эпоху и при почти полном отсутствии ее в Средней Азии, это единственная газета использовалась местными и приезжими учеными для опубликования своих исследований. ... «Туркестанские ведомости» носили серьезный краеведческий характер и в этом отношении сыграли огромную роль, не утратившую своего значения и поныне»¹.*

Действительно, «Туркестанские ведомости» являются ценным источником по истории, географии, археологии и этнографии Средней Азии. О непреходящем значении «Туркестанских ведомостей» говорит тот факт, что в 60-е годы XX века, учеником Н.Г. Маллицкого, известным отечественным библиографом – Е.К. Бетгером были составлены указатели к газете.

«Туркестанские ведомости»² отличало многообразие поднимаемых тем. Здесь печатались статьи и экономического характера, статьи по истории, археологии, культурных памятниках всей Центральной Азии. Большое внимание уделялось местному фольклору, переводным изданиям зарубежных авторов.

Для исследователей начала XXI века газета «Туркестанские ведомости» – важный исторический источник, без изучения которого невозможно иметь представления об истории, археологии, географии, этнографии Центральной Азии.

Городской голова Ташкента

В его личных бумагах, относительно перемещения по службе под пунктом № 12 в очередной графе написано:

«9 января 1907 года допущен к исправлению должности Ташкентского городского головы по избранию Ташкентской городской Думы, впредь до утверждения в этой должности военным министром (что было осуществлено 11 января 1907 года)»³.

¹ ЦГА РУз, ф. Р-2231, оп. 1, д. 148, л. 125.

² Декретом от 1918 года после 48 лет непрерывной работы газета «Туркестанские ведомости» была закрыта как «контрреволюционное буржуазное издание, препятствующее строительству коммунизма».

³ ЦГА РУз, ф. Р-2231, оп. 1, д. 148, л. 49.

Почему так скоро Н.Г. Маллицкий был вынужден покинуть пост главного редактора «Туркестанских ведомостей» и занялся совершенно незнакомым ему делом?

В воспоминаниях Елизаветы Николаевны¹ мы находим прелюбопытную историю причин отставки ее отца. Согласно ей Н.Г. Маллицкий был отстранен от должности за посещение Бухарского ханства². Судя по воспоминаниям дочери, Е.Н. Маллицкой, экспедиция удалась. Николай Гурьевич побывал не только в Бухаре, но даже спускался в бухарский зиндан (кстати, рисунок зиндана, его форму приводит Елизавета Николаевна в своих воспоминаниях, а также истории заключенных и род их занятий – *О.П.*), беседовал с заключенными. Об этом событии узнал эмир, он немедленно написал гневное письмо царю, Субботич был смещен, а через 4 месяца Н.Г. Маллицкий отстранен от должности главного редактора.

Новая должность не заставила себя долго ждать. Надежда Николаевна Остроумова, сестра его жены³ в своих воспоминаниях отмечала, что *«его интересовало хозяйство города. Он делается гласным думы и стал ходить по вечерам на заседания. Когда были назначены выборы городского головы, он получил самое большое число голосов и стал городским головой. В это время приехал новый генерал-губернатор и поехал по краю. Ему указали взять с собой Николая Гурьевича – «никто не знает так край, как он»⁴.*

По воспоминаниям же его дочери, в конце 1906 г. «папу заставили (подчеркнуто нами – *О.П.*) баллотироваться в гласные

¹ ЦГА РУз, ф. Р-2231, оп. 1, д. 36, л. 87-99.

² Известный краевед Б.А. Голендер приводит такую историю: « [...] Подкупил стражников и тайно проник в зиндан русский, приехавший из Ташкента. Звали его Николай Гурьевич Маллицкий. Это имя было хорошо известно в Туркестане. Н.Г. Маллицкий возглавлял редакцию главной газеты края – «Туркестанские ведомости». Он направился в Восточную Бухару «брать интервью у узников зиндана по специальному заданию туркестанского генерал - губернатора Деана Йовановича Суботича».

Д.Р. Припоминаю, что в моей семье частенько мелькал тот факт, что попутчиком Николая Гурьевича был ни кто иной, как знаменитый художник Верещагин. Автор таких картин, как “Апофеоз войны”. В Ташкентском музее изобразительных искусств как раз и хранится полотно этого мастера, в память о том детективном задании. Картина так и называется “Зиндан”. Не могу ручаться за достоверность сего факта, но похоже на правду //http://mytashkent.uz/2007/07/31/mallitskiy-nikolay-gurevich/. [Подчеркнуто нами – *О.П.*] Но вряд ли товарищем Н.Г. Маллицкого в этом «предприятии» мог быть В. Верещагин. Он погиб вместе с адмиралом Макаровым на броненосце «Петропавловск», который подрывался на японской мине 13 апреля 1904 года.

³ Надежда Николаевна и Ольга Николаевна – это дочери известного туркестановеда Николая Петровича Остроумова

⁴ ЦГА РУз, ф. Р-2231, оп. 2, д. 35, л. 1.

Ташкентской городской Думы. Там за три дня выбрали в управу и в городские головы. В то время ему было 34 года»¹.

Весьма примечательным был тот факт, что для баллотирования в Думу, необходимо было иметь недвижимость. У Маллицких была собственность – дом, который был построен в бытность его учителем и записан на Ольгу Николаевну. С постройкой дома им помогал и Н.П. Остроумов (отец Ольги Николаевны – *О.П.*), подаривший земельный участок. По сути, собственности, как таковой у Н.Г. Маллицкого не было. Дом был оценен, и Ольга Николаевна переписала дом на мужа, Николая Гурьевича, и лишь после этого он смог баллотироваться в Думу.

Мы можем предположить, что Н.Г. Маллицкий был очень ярок, гармоничен в должности редактора «Туркестанских ведомостей», симпатичен местному населению, что и повлияло на его выбор в качестве городского головы. Естественно, что его назначение было санкционировано и высшей властью Туркестанского края. В условиях тогдашнего Ташкента трудно было на него не обратить внимания. Сложилась весьма парадоксальная ситуация, что будучи далеким, от хозяйственных и административных дел, Н.Г. Маллицкий смог продержаться в должности городского головы в период с 1907 по 1917 годы. Он четырежды избирался городским головой Ташкента, что позволяет говорить о его достаточно высоком авторитете в городе и в крае.

Многообразные дела городского хозяйства очень увлекли его, он работал с большим воодушевлением. По воспоминаниям дочери, городское хозяйство он получил в плохом состоянии: долги на управе, взяточничество. А тем более, вновь назначенный генерал-губернатор Мищенко был крайне не доволен, тем, что городская дума и городской голова не подчиняются ему, но ничего не мог поделать.

За эти 10 лет Н.Г. Маллицкий смог добиться много. При нем строятся значительное число больниц, новые дороги, пущена первая ветка трамвая, появляется электричество, упорядочивается сбор налогов. В планах городского головы к 1914 г. были проекты по строительству четырех канализаций, электростанций, началась прокладка железной дороги Ташкент-Новониколаевск (Турксиб), доведенной до Джамбула, однако все эти мероприятия были остановлены в связи с начавшейся войной.

Н.Г. Маллицкий лично ездил на встречу с министром П.А. Столыпиным в Петербург хлопотать о строительстве железной дороги и

¹ ЦГА РУз, ф. Р-2231, оп. 2, д. 36, л. 97.

университета¹. Одновременно с ним приехал и городской голова Саратова, просивший также университет и железную дорогу. Петр Аркадьевич Столыпин «дал» Ташкенту железную дорогу, а Саратову - университет.

Николай Гурьевич считал своим долгом проверять исполнения любого назначенного им дела, а если в городе случались экстренные события, городской голова всегда был там одним из первых. Он старался вникать в любое дело, обладал даром слушать людей, и не будем забывать, – он прекрасно владел местными языками.

Особое его внимание занимала вода, орошение города и пригородов. Постоянно он ездил с Маруф-ханом, вторым аксакалом, первым был - Муратов Ширмагомед, которого отец считал «богом Чирика». Он постоянно обретался в голове Чирчика. Приходилось очень следить за головами арыков в городе – Салар, Гадраган, Дархан, Турк-арык, Ялангач... Наводнений никогда не было»².

Нельзя сказать, что все окружавшие его люди, относились к нему хорошо. В материалах его архива можно найти несколько листков с угрозами жизни в его адрес в бытность городского головы³. Но избираемый на четыре срока (1907, 1910, 1913, 1917) городской голова не уходил с избранного им пути. Когда состоялись последние выборы, весной 1917 г., ему было опять предложено занять должность городского головы, но он отказался, согласившись лишь быть товарищем (помощником).

К слову добавим, что, несмотря на весь груз обязанностей, он продолжал руководить Туркестанским отделением Русского Географического общества, принимал активное участие в научной жизни.

Н.Г. Маллицкий хранил копии документов по городскому хозяйству и всем проводившимся работам у себя дома. Они лежали в отдельном сундуке... В Ташгорисполкоме сгорел архив, и представители его попросили Маллицкого отдать все эти документы, что он

¹ Здесь и состоялась примечательная встреча Н.Г. Маллицкого с Петром Аркадьевичем Столыпиным. Он пригласил Маллицкого к себе, отметив, что у них есть общий предок, которым они могут вместе гордиться – М.Ю. Лермонтов. Насколько было велико, да и было ли влияния П.А. Столыпина на карьеру Маллицкого судить трудно. Центральная власть видела в Н.Г. Маллицком фигуру, устраивавшую ее во всех отношениях. Н.Г. Маллицкий плавно влился в политическую элиту туркестанского общества, всеми своими действиями и поступками показывая, что он в состоянии принимать решения, руководить жизнью крупного города, способен на диалог с центральной властью и хорошо понимает нужды простых людей.

² ЦГА РУз, ф. Р-2231, оп. 2, д. 37, л. 106-107.

³ В 1916 г. он трижды получал письмо следующего содержания: «Прекратите вашу полезную деятельность», другие были более агрессивные – «1 января вы будете убиты».

и сделал. Сундук с документами увезли. Было это в тридцатых годах, когда отец уже вернулся из ссылки¹.

* * *

*Два раза смерть своим крылом
Меня в темницах задевала
И, как хозяин за столом,
Свою мне чашу пить давала.
Но оба раза был спасен
Я изволением высшей силы
И, как на крыльях, унесен
От разверзавшейся могилы.
И все же неблагодарен я;
Грешу, я, боже, пред тобою
Да человек порой свинья
С поднятой кверху головою.
24/X.1934*

После октябрьского переворота 1917 г. Николай Гурьевич возвратился к педагогической деятельности: преподаванию любимого предмета географии в различных учебных заведениях Ташкента: в САГУ, Ирригационном и Педагогическом институтах, Лесном техникуме, на Высших военных курсах.

Казалось, что его карьера с установлением советской власти первоначально складывалась вполне благополучно. Его не высылают из Туркестана, как многих из «бывших» чиновников края, не ущемляют его прав, он преподает в учебных заведениях. Но, тем не менее, в первый раз Н.Г. Маллицкого арестовали на 16 дней в январе 1919 года, во время Осиповского мятежа, но потом отпустили. Но это было, как оказалось, лишь первое предупреждение.

В 1920 г. Н.Г. Маллицкий был избран профессором Среднеазиатского Государственного университета, а позже стал работать профессором геолого-почвенно-географического факультета. Как пишет О.Ю. Пославская: «до последнего дня своей жизни он был любимым профессором на кафедре физической географии нашего факультета»². Жизнь в новом советском крае продолжалась. Остались прежние друзья, общение с которыми помогало жить дальше.

С 1922 года с моими родителями поселился и жил до конца своей жизни (т.е. до ноября 1930 г.) дедушка Николай Петрович Остроумов. Жизнь была очень интересной. Приходили Ошанины – Лев Васильевич с женой Натальей Николаевной, младшей из сестре Остроумовых. Папины друзья – Благовидов, Граменицкий и др. К дедушке Остроумову

¹ ЦГА РУз, ф. Р-2868, оп. 1, д. 419, л. 22.

² Там же, ф. Р-2231, оп. 2, д. 31, л. 5.

приходили многие молодые ученые – Умняков, Бетгер, Массон. Собирались родные. Кроме того в 1927 и 1929 годах в Ташкент летом приезжал Бартольд. Обязательно каждую субботу он приходил к нам и уходил в воскресенье вечером. Сидели и беседовали часто в саду¹.

В 1931 г. Н.Г. Маллицкий находился под следствием по делу профессоров САГУ, затем его опять отпустили. 7 мая 1932 г. он вновь арестован.

Папа получил три года «вольной высылки». Во время заключения на допросах он держался твердо, отстаивая честь своего имени. Место высылки предложили выбрать, исключая столицу, Ферганскую долину и Таджикистан. Он выбрал Чимкент – и неудачно. В 1933-1934 годы там было голодно. Отец попросил привезти к нему жену – О.Н. Маллицкую, т.к. привык к постоянному общению с ней. Каждый месяц я (Елизавета Николаевна – О.П.) ездила в Чимкент и возила продукты. Какие и сколько – горько вспоминать. Например, чемодан картошки, немного хлопкового масла².

По воспоминаниям Елизаветы Николаевны, Николай Гурьевич очень тяжело переживал этот период своей жизни, и лишь присутствие его супруги – Ольги Николаевны, смогло скрасить годы высылки в Казахстане. И даже здесь, в ссылке, в городе Чимкент, Н.Г. Маллицкий много работает: два года и четыре месяца он приводил в порядок архив Облводхоза. Весьма примечательным явился и тот факт, что с разрешения того же ГПУ Н.Г. Маллицкому было разрешено читать лекции в Чимкентском Хлопково-ирригационном институте.

Эта работа позволила ему лучше узнать и изучить географию и гидрографию Казахстана³.

По окончании ссылки ему разрешили вернуться в Ташкент. Николай Маллицкий продолжил свою научную и педагогическую деятельность.

Известность Н.Г. Маллицкого как «лучшего знатока Средней Азии» была так велика, что именно ему Штаб Туркестанского военного округа поручил составить «Описания физико-географических районов Средней Азии», которое он закончил перед началом Великой Отечественной войны, в 1941 г. Обилие его переписки по этому вопросу поражает тем, насколько ответственно он относился к взятым на себя обязательствам, делая все возможное для завершения этой работы в короткие сроки.

¹ ЦГА РУз, ф. Р-2231, оп. 2, д. 31, л. 30.

² Там же, л. 32.

³ Там же, оп. 1, д. 301, л. 51.

В последние годы своей жизни (1944-1947 гг.) Н.Г. Маллицкий увлекся вопросами этнической истории народов Средней Азии. Об этом свидетельствуют материалы его личного архивного фонда. В целом же, им был подготовлен ряд очерков по этнографии казахского и узбекского народов, с описанием особенностей хозяйства, составлена этнографическая карта бывшего Ташкентского уезда (дол. р. Чирчик и Ангрэн)¹, собраны предания, сказки народов Востока², подготовлен этнографический очерк населения Узбекистана³, собраны материалы о происхождении туркменского народа и др. Эти работы и по сей день представляют большой интерес, но пока не нашли своих исследователей.

Н.Г. Маллицкий был прирожденным педагогом. На протяжении всей его педагогической деятельности у него были особые, трепетные отношения со студентами.

Последний год своей жизни он все свои усилия направляет на то, чтобы быть избранным в академики. По воспоминаниям его дочери – им двигало отнюдь не честолюбие, все это делалось для студентов, *«чтобы они увидели, что в общественном мнении я стою высоко»*⁴. Общественным мнением он никогда не пренебрегал и очень дорожил. *«Не беда, если нас обманут, лишь бы мы никого не обманули»* – таков был его девиз по жизни. Как писала Елизавета Николаевна: *«Он любил молодежь, радовался каждому пытливному вопросу, каждому отличному ответу студентов. Мы, его семейные, знаем всех его слушателей по его характеристикам, а его отзывы о людях, были всегда самые благоприятные»*⁵.

Жизненный путь Н.Г. Маллицкого, его научная деятельность были целиком и полностью направлены на изучение Средней Азии, во всем ее многообразии: география, история, язык, культура, нравы. Созданные им труды имеют огромное научное значение и представляют исключительную ценность в равной степени как для географа, так для этнографа или историка.

Лучшим подтверждением признания заслуг Н.Г. Маллицкого перед любимой им географией можно считать тот факт, что его именем названы ледники в Киргизском Алатау (в 1935 г.) и группа ледников в хребте Кокша-Алатау⁶.

¹ Объяснительная записка к этнографической карте бывшего Ташкентского уезда (дол. р. Чирчик и Ангрэн). 1941.

² Этнографические заметки. Предания, сказки народов Востока (Черн. Не опуб. 1944).

³ Этнографический очерк населения Узбекистана (без нач. и конца, 1946-1947).

⁴ ЦГА РУз, ф. Р-2231, оп. 1, д. 302, л. 89.

⁵ Там же, л. 80.

⁶ Там же, д. 301, л. 26.

Научно-историческое наследие Н.Г. Маллицкого

Из имеющегося описания его научного наследия – 116 трудов, 62 работы посвящены изучению разнообразных явлений физической географии Средней Азии, ее истории и археологии, 15 – этнографии, а также вопросам демографии, статистики, лингвистики, экономики¹.

Им были исследованы и описаны Хождентские надгробные надписи XIV столетия, пещера Кани-гут, горная страна в верховьях Заравшана – Кухистан.

Над исследованиями, посвященными Ташкенту, Н.Г. Маллицкий работал более 40 лет. Он дал описание Ташкента, его истории, быта, жителей, географии, экономической жизни, управлению: «О вакфах на территории Ташкента», «О ташкентском городском общественном управлении для Туркестанского землячества», «О колебании туркестанского климата, о значении Ташкентской обсерватории»².

Николай Гурьевич тщательно изучил старую узбекскую часть города, собрал значительный фактический материал по исторической топографии Ташкента. Он был положен в основу такой его работы как «Ташкентские махалли и мауза». Н.Г. Маллицкий привел составленные списки нескольких сот названий городских кварталов и пригородных участков с целью отметить в этих наименованиях воспоминания о различных племенах, эпохах, воспоминания о различных исторических событиях и личностях. К этой работе им был приложен тщательно составленный эскизный план города Ташкента и его окрестностей.

Совершенно иначе и очень широко был задуман и построен его «Исторический очерк Ташкента». В этой работе он проследил процесс заселения области Шаша и последовательную смену этнолингвистического состава населения Ташкента на всем протяжении его существования.

Заслуживают внимания и такие его работы, как «Обычное водопользование в Ташкентском уезде и отношение к шариату», «Система наименования у коренного населения Ташкента», «Ташкент. Исторический очерк» и др.³

Профессор Л.В. Ошанин, характеризуя Н.Г. Малицкого как исследователя писал, что *«он никогда не бросал раз начатого вопроса, а продолжал расширять и углублять его в течение всей последующей жизни, не упуская его из поля зрения, несмотря на чрезвычайную насыщенность этого поля целым рядом других физико-географи-*

¹ ЦГА РУз, ф. Р-2231, оп. 1, д. 301, л. 29.

² Там же, д. 68, 69, 73а.

³ Там же, оп. 2, д. 2, 3, 6, 8 и др.

ческих, этнографических, исторических, археологических вопросов и проблем»¹.

Именно так и случилось с Ташкентом. И в советское время он продолжал работу над изучением города. Так и неопубликованным остался его очерк по географии города – «Физико-географический очерк города Ташкента», подготовленный специально для юбилейной брошюры «Ташкент – столица Узбекской ССР»². Архивные материалы позволяют говорить о том, что Н.Г. Маллицкий постоянно вносил изменения и дополнения в основной текст. В данном очерке Ташкент рассматривается как большой городской центр, узел важнейших путей Средней Азии, окружающие его минеральные богатства, водные системы. «Ташкент, – как отмечал Н.Г. Маллицкий, – самый значительный город Средней Азии, по количеству человек с ним может соперничать только Стамбул... Бомбей в Индии и Бейпин в Китае...»³.

В советские годы Николаем Гурьевичем были написаны фундаментальные труды и монографии по всей Средней Азии, носящие итоговый характер его научных изысканий: «География Таджикистана», «О динамике водных ресурсов Средней Азии», «Физико-географическое описание районов Узбекистана, Каракалпакии, Туркмении» и, пожалуй, самый любимый его труд, материалы к которому он собирал в течение 40 лет – «Материалы к географической энциклопедии Средней Азии». Как отмечал Е.К. Бетгер: «в его личных бумагах мы обнаруживаем следы желания составить Среднеазиатскую энциклопедию или «Советского Масальского»»⁴.

В центре внимания ученого были вопросы этнографии, географии и истории Казахстана. Из его научного наследия, в первую очередь, хотелось бы выделить ряд исследований, посвященных этнографии казахского народа⁵. Материалы, к нему Н.Г. Маллицким собирались на протяжении всей его жизни. Вообще, большим замыслом Н.Г. Маллицкого было издание ряда очерков, под общим

¹ ЦГА РУз, ф. Р-2231, оп. 1, д. 301, л. 60-61.

² Там же, д. 37а, л. 1-7, д. 37, л. 28-30 об.

³ Там же.

⁴ Там же, д. 301, л. 78.

⁵ ЦГА РУз, ф. Р-2231, оп. 1 д. 46а. Программа по сбору сведений по этнографии киргиз, 1927; Там же, д. 49. Древние черты в хозяйстве и быте народов Средней Азии (Казахи), 1944; Там же, д. 50. Казахи, 1944; Там же, д. 51. Этнографические заметки. Предания на Востоке, 1944; Там же, д. 88. Материалы к этнографическому очерку. Казахи, 1944. Этнографический очерк. Древние черты в хозяйстве и быте народов Средней Азии. 1. Казахи (3 варианта черн. Не опубл. 1944. оп. 1, д. 49); Этнографический очерк. Казахи (Черн. Не опуб. 1944; Материалы к этнографическому очерку «Казахи» (выписки из книг, заметки, вырезки), 1944.

названием – «Древние черты в хозяйстве и быте народов Средней Азии». Один, из уже подготовленных, посвящался казахскому народу и к 1944 году был в основных своих частях написан, однако, он постоянно редактировался и дополнялся, и по этой причине, наверное, так и не был опубликован.

Основными источниками для его написания послужили материалы периодической печати времен Российской империи, а также статьи, публиковавшиеся по данной тематике и в советской печати. В очерке давалось представление о происхождении казахского народа, месте его исторического проживания в зависимости от родового деления, описывался внешний облик, особенности быта, обычаи и традиции. Весьма примечательным являлся тот факт, что Н.Г. Маллицкий не только описывал устоявшиеся быт и традиции народа, но и показывал, если позволяли накопленные материалы, и те изменения, которые происходили в эти годы в их повседневной жизни.

Другая значительная группа работ, выявленная и систематизированная в его личном архиве, посвящена географическому описанию Казахстана¹. Здесь, конечно же, сказался тот факт, что география, в научных интересах Н.Г. Маллицкого всегда стояла на первом месте.

Собранные Н.Г. Маллицким материалы по географии Казахстана можно разделить на две группы: работы общего характера, где вопросы географии Казахстана рассматривались через призму общей географии Средней Азии и работы, посвященные непосредственно самой территории Казахстана, охватывающие такие районы, как Заилийский Алатау, бассейн реки Чу, Чимкент, Джамбул, Аулие-Ата, Талас и др.

Необходимо отметить, что большое внимание в своих работах Н.Г. Маллицкий уделял исторической географии. Нет, наверное, ни одной работы, где бы он не разбирал этимологию того или иного населенного пункта, реки, горы или перевала. Так в его рукописи «О

¹ ЦГА РУз, ф. Р-2231, оп. 1, д. 2. Краткий географический очерк Средней Азии (для гидропроекта). Черновик. 1937; Там же, д. 17. Описание физико-географических районов Средней Азии. Бассейн реки Чу и озеро Иссык-куль; Там же, д. 3. Описание физико-географических районов Средней Азии. Заилийский Алатау. Б.д.; Там же, д. 43. Описание физико-географических районов Средней Азии. Чимкент. Б.д.; Там же, д. 10. Описание физико-географических районов Средней Азии. Голодная степь. Б.д.; Там же, д. 99. Материалы для географической энциклопедии Средней Азии. №9. Джамбул. Аулие-Ата, Талас; Там же, д. 105. Материалы для географической энциклопедии Средней Азии. №15. Казахстан; Там же, д. 106. №16. Материалы для географической энциклопедии Средней Азии. Северная часть Казахстана; Там же, д. 136. Материалы для географической энциклопедии Средней Азии. № 50. Чимкент и Туркестан и др.

некоторых среднеазиатских географических терминах»¹, Н.Г. Маллицким выясняются происхождение слов «Сырдарья», «Голодная степь» и ряд других.

В другой его неопубликованной работе², написанной для слушателей Туркестанских курсов востоковедения дается полное описание современного положения советской Казахской республики³: география, водные ресурсы, рельеф, природа, животный мир, промышленность, население. Обращает на себя внимание тот факт, что автор рассматривает историю Казахстана в исторической перспективе, не оторвано от прежней истории, а как составную его часть. В частности, приводимые современные на тот момент статистические данные о развитии нефтяной промышленности⁴ сравниваются с периодом нахождения указанной территории в составе Российской империи.

И такая особенность характерна для всех исследований Н.Г. Маллицкого – наличие тесной связи истории и географии.

«Вряд ли кто-нибудь из серьезных ученых-исследователей, работающих над вопросами географии, истории и этнографии Средней Азии не знает имени Николая Гурьевича Маллицкого.

... Нельзя научным работникам в указанных отраслях знания не знать имени ученого и исследователя.

... Этот человек свыше 30 лет являлся наиболее активным членом Среднеазиатского Географического общества и четверть века его руководителем, крупным организатором научно-исследовательской работы в Средней Азии, одним из лучших его знатоков, консультацией которого по тем или иным вопросам на протяжении нескольких десятилетий неизменно пользовались не только начинающие молодые ученые, но и люди с вполне сложившейся солидной научной репутацией, высококвалифицированные в своих специальных областях знаний»⁵.

17мая 1943 г. Доктор экономических наук Г.Н. Черданцев

* * *

*Пускай на шею мне звеня
Падет судьбы топор
Ты лучше сделала меня
Чем был я до сих пор!*

¹ ЦГА РУз, ф. Р-2231, оп. 1, д. 146, лл. 80-96.

² Там же, д. 163, лл. 1-16 об. Конспект лекций (Киргизия), 1927.

³ Хотя в самой рукописи идет название «Киргизская». В главе «Население Киргизии» отмечается, что «3,4 млн. населения составляют коренные жители, неправильно называемые киргизами, а правильное название – «Казах»» (Л. 9).

⁴ ЦГА РУз, ф. Р-2231, оп. 1, д. 163, л. 15 об.

⁵ Там же, д. 301, л. 29.

Зачастую исследователями упускается факт, что в становлении известных мужчин значительную роль сыграли верные спутницы их жизни – жены. В рамках нашего очерка я хотела бы остановиться на образе Ольги Николаевны (Остроумовой) Маллицкой¹, жены Николая Гурьевича Маллицкого.

Ольга Николаевна Маллицкая, в девичестве – Остроумова, одна из 4-х дочерей Николая Петровича Остроумова. Дочери Н.П. Остроумова сделали прекрасные партии: Александра Николаевна – вышла замуж за Владимира Николаевича Жемчужникова. К слову, она была талантливейшей учительницей и работала с 1907 г. до конца жизни; имела звание заслуженного учителя. Судьба у Надежды Николаевны сложилась трагически. Несмотря на тяжелую болезнь, она смогла окончить гимназию. Наталья Николаевна стала женой Льва Васильевича Ошанина. Ну и, конечно же, Ольга Николаевна, в замужестве – Маллицкая.

По воспоминаниям Елизаветы Николаевны отношения между отцом – Николаем Гурьевичем и матерью – Ольгой Николаевной были замечательные, эти трепетные отношения они пронесли через всю жизнь, несмотря на горести и лишения.

Во всех начинаниях мужа, Ольга Николаевна принимала самое активное и живое участие. Именно так и случилось, когда Николай Гурьевич должен был баллотироваться в Городскую Думу.

Но такая преданность у Ольги Николаевны была не только по отношению к мужу, но и в отношении единственной дочери. По окончании в 1914 г. школы Елизавета Николаевна принимает решение поступить на курсы «сестер милосердия». Ольга Николаевна поддержала дочь, они обе закончили курсы.

С лазаретом Красного креста поехали на фронт и были на фронте полтора года. ... Когда мы поступили на курсы, он (имеется в виду отец – Николай Гурьевич – О.П.) тоже просился в армию, чтобы поехать на фронт. Но ему отказали: он был очень близорук... Он остался на своем посту.

Тяжелые военные годы Первой Мировой войны Ольга Николаевна вместе с дочерью провели в военных госпиталях. И даже здесь она проявила свои замечательные качества – исключительная преданность делу, которым занимаешься и безмерное сострадание к раненым.

¹ К женской тематике обращался Б.В. Лунин. На дневники О.Н. Маллицкой ссылается В.А. Германов в своей работе «Восточный фронт». Из последних публикаций можно отметить статью Ю.С. Флыгина, посвященную непосредственно О.Н. Маллицкой.

Особый интерес при изучении образа Ольги Николаевны имели написанные ею дневники. Они позволяют не только воссоздать произошедшие события, но и узнать ее внутренний мир, что она думала, как оценивала людей, почему писала те или иные вещи, как относилась к происходящим событиям и какое влияние они оказали на ее жизнь.

... Заявили с первого же раза, что молодые врачи приезжают на войну учиться, а значит кромсать больных направо и налево, благо никто за это отвечать не будет, а наши тюфячки молча соглашались и вот у нас операции. Куда девалось гуманное отношение к больным?... На завтра у нас назначено семь операций: двоим вынуть по одному глазу, одному – оба, одному – трепанация черепа, двоим ампутация ног и еще что-то. Живодер такой – каких мало. Один раз я с ним поспорила до слез, и так как он привык к безусловному подчинению и даже преклонению, то между нами установились вежливые, но холодные отношения¹.

Судить о том, какой была Ольга Николаевна Маллицкая позволяют личные воспоминания ее дочери – Елизаветы Николаевны.

Елизавета Николаевна писала, что отцом часто увлекались женщины, но он отличался скромностью и не замечал этого. Его часто поддразнивали, но он слишком любил жену и был увлечен работой². Именно их взаимная привязанность и способствовала переезду Ольги Николаевны в Чимкент, вслед за Николаем Гурьевичем. К моменту переезда в Чимкент она была больна ревматизмом и почти не передвигалась. Но душевное состояние Николая Гурьевича, со слов дочери, внушало опасения. Елизавета Николаевна вспоминала: «в ссылке, он страшно тосковал, негодовал, падал духом. Пришлось привезти к нему маму... Она могла его успокоить»³.

Ее присутствие заставляло Николая Гурьевича крепиться, собраться духом, быть сильным при слабой женщине. И это ему удалось в полной мере. В один из дней в своем дневнике Ольга Николаевна напишет: «Деда (так она его называла ласково – О.П.) пришел неестественно весел и с первых слов сообщил, что был в техникуме (хлопководческом), где уже две зимы читал лекции по гидрологии и ему грубо сказали, что больше преподавать не будет. Щелочек по самолюбию и по карману»⁴.

¹ ЦГА РУз, ф. Р-2231, оп. 1, д. 213, л. 2-3об.

² Там же, д. 302, л. 12.

³ Там же, л. 13

⁴ Там же, д. 267, л. 47.

Нужно сказать, что чимкентская ссылка буквально всколыхнула саму Ольгу Николаевну. Она заставила ее многое передумать, переосмыслить. Все ее мысли отражены в ее дневниках. В Центральном Государственном архиве Узбекистана можно найти лишь 3 тетради ее воспоминаний¹. Хотя, по ее словам, их было у нее 12, на момент ареста Николая Гурьевича. Во время ареста все они, вместе с бумагами мужа, были изъяты, среди них были материалы богословского содержания, святые картинки и прочее. Позднее 8 тетрадью ей вернули.

Все Чимкентские переживания – это постоянный диалог, спор с кем-то незримым, но все понимающим. Иногда в дневниках она обращается к своим внучкам, а иногда, создается впечатление, что и к читающему этот дневник. Под огонь ее критики попали многие – и декабристы, и Горький, и Кропоткин, и Фигнер, Желябов и многие др. В чимкентской ссылке, вероятно, у нее была возможность много читать, потому что в воспоминаниях мы встречаем выдержки из «Капитанской дочки» А.С. Пушкина, части из русской истории начала 19 века, в частности, история восстания декабристов 1825 г.

Для воспоминаний Ольги Николаевны характерна некоторая хаотичность в изложении своих мыслей. Вполне возможно, что это была рефлексия на окружающую обстановку, происходящие события, новости, на все увиденное или услышанное, оказавшее на нее сильное впечатление, что волновало ее в данный момент.

В свете произошедших событий октябрьского переворота 1917 года ее внимание привлекли декабристы с их идеями свободы и лучшего будущего. Она считала, что в *«такие эпохи хорошо жить борцам, т.к. есть широкое поле для применения сил и удовлетворения честолюбия, а людям же мирным, кабинетным ученым (вполне вероятно, она имела ввиду и своего супруга – Николая Гурьевича – О.П.), в такие эпохи трудно найти свое место»*². Она сравнивала свое положение с судьбой жен-декабристов, которые вслед за мужьями отправлялись в ссылку. Но если жены декабристов вызывали у нее восхищения, то методы борьбы самих декабристов, она не поддерживала. Особо жаркие споры были у нее именно с декабристами. Она была категорически против лозунга – «Цель оправдывает средства»:

Ведь если из 150 дворян – 5 было повешено, а остальные ушли в Сибирь, то целые полки взбунтовавшиеся прошли сквозь палочный строй. Сколько их погибло! Сколько искалечено!

¹ ЦГА РУз, ф. Р-2231, оп. 1, дд. 265, 266, 267.

² Там же, д. 267, л. 47-47об.

... Нет, если мысли декабристов и были верны и цели благородны – эти пути преступны¹.

Рассуждая о социальных переворотах – революциях, она приводит слова Клемансо: *«Революция – однородная каменная глыба, которую не должно расчленять, а следует брать во всем целом. Но нет, хорошо ему было говорить почти через 100 лет после Февральской революции, а нам ведь больно, когда она нас давит часто насмерть и уйти от нее некуда»².*

Она спорит с Герценом, который восклицал: *«Оценят ли грядущие люди всю трагическую сторону нашего существования?»*. В противовес этому, Ольга Николаевна восклицает: *«А между тем, наши страдания – почва, из которой разовьётся их счастье!»*. Она была против такой цены за счастье. И в тоже время с грустью замечала, что *«Наше время долго будет вдохновлять будущих писателей»³*. Далее она приводила слова Николая Гурьевича о том, что *«если и грянет социализм, то все же он будет не однороден, а с разными вариациями, как христианство подразделилось на католицизм, православие, протестантизм»⁴*. К слову, для Николая Гурьевича был один вариант революции – бескровная... Но такого история человечества не знает.

Глубокие размышления были по поводу наступившей эпохи социализма. Складывается ясное представление, что не таким оно мыслилось в умах русской интеллигенции. Примечательно, что столько негативного было в ее записях о новой власти и эпохе, что, наверное, в ее дневниках-воспоминаниях было больше крамолы, нежели во всех бумагах, изъятых у Н.Г. Маллицкого в момент ареста. Она спорит с Максимом Горьким, давшим интервью в одной из газет о *«замечательной советской действительности»*:

Неужели он ничего не видит? В маленьком Чимкенте, а что на Кавказе? На Украине? Тоже самое! (о случаях людоедства во времена голода 1933 года). Вот Вам, товарищ Горький, картинки из нашей прекрасной действительности, в которой, по Вашему мнению, так много «непосредственной радости!»⁵.

Образование колхозов и политика власти к единоличникам, стремление председателей колхозов и местного руководства к завы-

¹ ЦГА РУз, ф. Р-2231, оп. 1, д. 267, лл. 83об. – 84.

² Там же, л. 87 об.

³ Там же, л. 88 об.

⁴ Там же, л. 89.

⁵ Там же, л. 41.

шению показателей, также вызывала у нее вполне закономерную критику.

А наши присяжные писаки, новоиспеченные таланты, по системе Горького, разливаются соловьем, воспевая колхозное житье, строительство советское, успехи социализма. Стыдно, Вам, Господа, помогать этому великому злу, служить великой неправде... На костях Ваше строительство социализма. Вы, отвергающие связь с историей, Вы сами не замечаете, что повторяете дикие нравы, воспоминания и которых, сохранились в легендах?¹

Мысль о несправедливости и униженном положении советского народа она продолжает развивать в другом эпизоде, в связи с переговорами, которые велись между Советским государством и Америкой:

Между прочим, Рузвельт спросил Литвинова: Смогут ли его соотечественники отправлять у нас свои религиозные обряды: крестить, венчаться, хоронить? Президент свободной страны старается оградить, обезопасить свободу своих сограждан среди рабства миллионов! Или он не замечает этого противоречия или не хочет замечать рады выгоды торговли? А давно ли Америка освободила рабов?²

Вообще история бунтов и переворотов в России занимает значительную часть ее Воспоминаний. Движущую силу любого бунта и восстания составляет народ, а движет этой массой некая сила, которую Ольга Николаевна называет «русской правдой»:

С Романовыми народ покончил, русской правде подчинился, и к Пугачеву его тянет стихийно. Самозванец – это наш народный герой и сколько их перебивало даже за последние 300 лет романовской эпохи. А наш народный эпос, наши Ильи Муромцы... Соловьи Разбойники и др., которых народ воспевал в своих былинах, ведь все они, хотя и служили великому князю, Владимиру Красное Солнышки, но держались самостоятельно и народным героем был не князь, а богатырь³.

Она понимает, что русский народ – это мощная сила, которую необходимо направить в правильное русло. Но при этом, она прекрасно осознавала, что одно дело организовать народ, а другое дело – создать этому народу нормальную достойную жизнь, после того как он привел к власти «сторонников социализма». Именно эти мысли постоянно вызывают ее переживания и находят отражение в ее дневнике. В ее описаниях – наступившая социалистическая реальность в Чимкенте – это голод, бездомные дети, вымирание казахского

¹ ЦГА РУз, ф. Р-2231, оп. 1, д. 267, л. 75.

² Там же, л. 72об. – 73.

³ Там же, л. 68.

народа – социалистическая реальность, не совпадающая с тем, что прокламировалось большевиками.

Человек для человека – все для человечества (и это теперь насильственно проводится в жизнь) – это формула социализма. На алтарь человечества (проблематического) мы вынуждены жертвовать всем. Мы не принадлежим себе, но всецело государству. Нас кормят, смотря на работу (не трудивый¹ – да не ест). Нас одевают тоже по работе. Наше время нам не принадлежит, так как выходные дни жертвуем опять таки государству. Часть своего заработка добровольно отдаем на выполнение пятилетки. Последние силы изматываются. Наше поколение постепенно сходит со сцены, на наше место идет молодежь, пока радостная и самоуверенная, безрассудная... Ей льстят преувеличивая в ее сознании ее силы и этой лестью подталкивают растрачивать природой данный капитал, который потом уже ничем не вернуть. Зато – все для человечества. Как будто мы являем это на деле. Хотя бы насильственно, а отчасти под гипнозом².

Она хорошо осознавала, что внутри партии и партийцев кипят страсти – доносы, аресты, расстрелы. Никогда не были так сильны волчьи инстинкты, как теперь. Сами партийцы не смеют «инако» помыслить, ... а большая часть населения томиться по подвалам, ссылкам и высылкам³.

Особую жалость вызывали у Ольги Николаевны тысячи беспризорных детей – реалии первых десятилетий советской власти, а также политика по борьбе с ликвидацией этого страшного явления. Она отмечала, что их собирали по улицам и грузили по машинам в мешки, отправляя затем в детские дома. Но будущее этих детей, по ее мнению было печальным.

Для большинства из них это только этап, чтобы дальше попасть в яму. Бродячих собак ловят, накидывая мешок, чтобы не кусались, а детишек просто хватают за ручонку или ногу и бросают на дно ящика, где уже в кучу свалены такие же ... Почему же их так много, этих покинутых малюток, не виноватых в своем появлении на свет?⁴

Но наиболее ужасающие в ее описании – это картины голода. Именно на 1933 г. пришлось время голода, от которого пострадал и казахский народ. Она пишет о том, как голод менял людей, они

¹ Стилистика изложения сохранена

² ЦГА РУз, ф. Р-2231, оп. 1, д. 267, лл. 3-3об.

³ Там же, л. 37.

⁴ Там же, л. 5 об.

превращались буквально в зверей, выхватывают друг у друга куски хлеба, еду и быстро заглатывают, а их избивают. Это бывает ежедневно и все это примелькалось до того, что просто вошло в жизненный обиход¹. И если в городе люди могли найти себе хоть какое-нибудь пропитание, то положение в степи было ужасающим.

Обессиленные голодом люди инстинктивно тянулись к городу ... и по большей части находили смерть в глубоких снежных сугробах. Город для них был иллюзией спасения. Но именно только иллюзией, так как городское население, урезанное в пайках до минимума, потеряло последние остатки чувства человеколюбия и равнодушно смотрело на гибель пришлых степняков. Трупы на улицах и по дорогам было обычным явлением².

Значительное место в воспоминаниях занимают вопросы человеческой судьбы и предопределения, Божьего промысла, ее размышления о судьбе православия в советском государстве. Она верит в то, что все происходящее – есть Божий промысел, эта та ноша, которую должен вынести человек и не сломаться. Она не сломалась:

На старости пришло испытание настоящее: и болезнь, приковавшая к постели и общее бездействие. Вот теперь то не утратить веры, вот теперь то чаще молиться и помнить, что ни один волос не упадет с головы без его святой воли³.

Не исповедимы пути Господни! Может, для очищения самого Христианства нужны эти испытания, чтобы чистый кристалл освободить от вековых наслоений⁴.

В другой части воспоминаний она пишет:

Давно не смотрела я в зеркало, а вчера Вера (женщина, помогавшая Маллицким в ссылке – О.П.) поднесла мне, чтобы я посмотрела какой-то укус на лбу. И я увидела свои волосы. Они были только с проседью, когда я сюда приехала, а теперь совершенно седые. Недаром дается ссылка, хотя и, недалеко от Ташкента. Всего 112 верст отделяют меня от своих, а попасть нельзя. И эта невозможность, сознание подневольности, гнетет душу⁵.

Особое место в ее воспоминаниях занимают рассуждения о вере, о гонениях на священнослужителей, о закрытии храмов. Она пишет о сносе церквей – Военного собора, Сергиевской церкви, Храма Христа

¹ ЦГА РУз, ф. Р-2231, оп. 1, д. 267, л. 4.

² Там же, л. 2об.

³ Там же, л. 3б.

⁴ Там же, л. 81об.

⁵ Там же, л. 41.

Спасителя в Москве. Она постоянно проводит исторические параллели между современностью и первыми годами христианства:

Храмы уничтожаются повсеместно или закрываются, и обращаются в лучшем случае в музей, а то просто в клубы и красные уголки¹.

Несмотря на развернувшуюся активную борьбу советской власти со всеми проявлениями религиозности у народа, она пророчески пишет о событиях, которые действительно произойдут через полвека:

... Все, все когда-нибудь будет известно и тогда, образ священника не того, что изображают теперь, чтобы поселить в детских душах по меньшей мере недоумение и отвращение, а настоящий образ страдальца за свободу совести возсияет и получит надлежащую оценку².

Ее беспокоил тот факт, что ее внучки (Ольга и Надежда) растут в обстановке полного безверия. Именно с этими словами Ольга Николаевна обращалась к ним:

Все таки кто-то пойдет в церковь, кто-то услышит весть, что Христос рождается. Христос есть то, на чем зиждется жизнь. Милосердие. Справедливость. Снисхождение, прощение... Все это воплощает в себе любовь, а Христос – есть воплощение любви - этой великой силы – двигателя жизни. Девочки мои милые. Не октябрьли Вас, а получили вы при своем рождении крещение православное и имена святые – Ольги и Надежды³.

Читая дневник Ольги Николаевны Маллицкой приходит осознание того, что она верила, что наступит время, когда его прочтут. Она стремилась, как бы громко это не было, для грядущего поколения показать, что было пережито и испытано, показать эпоху, описать свои переживания, окружающую ее реальность в Чимкенте, предвидя, что наступит время, когда история даст объективную оценку тем событиям.

Стоит отметить, что супруги с достоинством вынесли это тяжелое бремя и большая заслуга в этом, была, конечно же, Ольги Николаевны.

Последующая жизнь Ольги Николаевны протекала в более благоприятных условиях. Они много путешествовали и проводили вместе последние их совместные годы.

24 июня 1943 году Ольги Николаевны Маллицкой не стало.

¹ ЦГА РУз, ф. Р-2231, оп. 1, д. 267, л. 37.

² Там же, л. 38.

³ Там же, л. 80об.

С ее смертью папа (Николай Гурьевич – О.П.) потерял значительную долю своей жизнерадостности¹.

*Твоя душа была алмаз
Прозрачайшей воды
Он мягкий свет кидал не раз
Во тьму чужой беды.*

Вадим Чайкин и его альтернативное постижение истории

Вадим Афанасьевич Чайкин родился в апреле 1886 г. в Ново-Оскольском уезде Слоновской волости в Курской губернии, по национальности русский. Окончил среднюю и приходно-высшую школу. В 1904 – 1905 гг. – он уфимский гимназист.

С 1904 г. – член Партии социал-революционеров, избирался в Центральный комитет, с 1915 г. работал как журналист, историк, зарабатывал уроками и литературной деятельностью. Не раз до 1917 г. Чайкин подвергался арестам, в 1915 г. был в ссылке.

В национальных районах России, в том числе в Туркестане, большой популярностью пользовались социалисты-революционеры. Особенно активно эсеры заявили о себе после Февральской революции, когда появилась реальная возможность непосредственной, легальной борьбы за власть. Из наиболее известных туркестанских эсеров можно назвать В. Чайкина, М. Сосновского, Л. Гриневича, К. Успенского, П. Домогатского и др.

Организации социалистов-революционеров кроме Ташкента появляются в Самарканде, Скобелеве, Намангане, Андижане и в некоторых других населённых пунктах Туркестана².

По инициативе общественного деятеля Туркестана эсера В.А. Чайкина и мусульманской фракции в августе 1916 г. была организована поездка в Туркестан ее членов (К. Тевкелева, К. Бактыгиреева, У. Ходжаева, Ш. Мухамедьярова, М. Чокаева). Они побывали в Ташкенте, Самарканде, Андижане, Джизаке, Коканде, где приняли большое число просителей, выступали перед населением, знакоми-

¹ ЦГА РУз, ф. Р-2231, оп. 1, д. 267, л. 34.

² Абдуллаев Р.М. Общероссийские политические организации Туркестана в 1917 году // Туркистон мустакиллиги ва бирлиги учун кураш сахифаларидан. Тошкент: Фан, 1996. С. 46.

лись с ситуацией на местах, собирали материалы о злоупотреблениях администрации по отношению к мусульманам и евреям.

При изучении архивно-следственных дел репрессированных историков, было установлено наличие архивно-следственного дела, заведённого на Чайкина Вадима Афанасьевича, 1886 года рождения, репрессированного в 1933 г. Из рукописных материалов В.А. Чайкина, присланных в 1933 г. Среднеазиатским отделением государственного издательства для ознакомления директору Среднеазиатского научно-исследовательского института истории революции Д.И. Манжаре, бывшему слесарю в Главных железнодорожных мастерских в Ташкенте, возглавившему к тому времени историческую науку в среднеазиатских республиках, а также из предисловия уцелевшего экземпляра книги первого из них предстаёт оригинальный проект воссоздания истории российской революции¹. Следует обратить внимание, что не «первой революции» – 1905 – 1907 гг., не «второй» – февральской 1917 г., и не «третьей» – октябрьской 1917 г. (так было принято обозначать по большевистской схеме), а Российской революции 1904 – 1921 гг. В самом заголовке, хронологии, ракурсе просвечивает авторская концепция этого крупнейшего события XX в.

В.А. Чайкиным преподносится это как бы само собой разумеющимся, без всяких комментариев и доказательств. В самом деле, ведь были Английская буржуазная революция, Французская революция 1789 г. В заголовок выносятся название народа, который её устроил, а не название какого-нибудь месяца брюмера, термидора, октября или февраля. Российская революция тоже в 1904 – 1905 гг. имела своё начало. Конец – октябрьский переворот 1917 г. и установление диктатуры большевиков вплоть до окончательного их утверждения в 1921 г. Впоследствии В.А.Чайкин расширил хронологические рамки для своего замысла с 1904 по 1930 г.² Возможно, потому, что 1929 г. – год «великого перелома»?

Итак, труд, задуманный В.А. Чайкиным и объединённый под общим заголовком – «К истории русской революции (1904 – 1921 годов)», ставил своей задачей сохранить для будущего в объективном и точном освещении все те исторические события, факты, материалы и документы, которые могли затеряться среди великих потрясений переживаемой эпохи либо подвергнуться искажению. «Беспредельности этой задачи, непосильной и для десятка профессиональных

¹ ЦГА РУз, ф. Р-1747, оп. 1, д. 9, л. 1-14; Чайкин В. К истории русской революции. Вып. 1. Казнь 26 бакинских комиссаров. М.: Изд-во З.И. Гржебина, 1922. – 196 с.

² ЦГА РУз, ф. Р-1747, оп. 1, д. 9, л. 4.

историков, – отмечал В.А. Чайкин¹, – автором труда будут противопоставлены два ограничительных требования: описывать лишь те события, участником которых он был, и, безусловно, воздерживаться от суждений и выводов, не основанных на непосредственных наблюдениях или бесспорных документальных данных»².

Отдельные выпуски числом до десяти, позже планировалось и до двенадцати³, автор данного труда предполагал, после окончательного оформления передавать в печать по мере сосредоточения необходимых материалов и в зависимости от технических возможностей. В исключительных случаях, требующих собой доказательности, предполагалось воспроизведение в тексте и в «приложениях» фотографических снимков подлинных документов.

Вадим Чайкин с 1920 г. в основном занимался историческими исследованиями. Судя по содержащимся в его книге упоминаниям в 1922 г., к печати готовились собранные полностью следующие первые пять выпусков «К истории Русской революции», «Казнь 26 бакинских комиссаров» (был издан), «Черноморское повстанчество 1912 – 1920 годов» (Выпуск второй), «Международные взаимоотношения революционной России» (Выпуск третий), «Материалы по истории революционного народничества (1904 – 1920)» (Выпуск четвёртый), – «Туркестан и империалисты» (Выпуск пятый)⁴. Сведениями о том, были ли изданы четыре из указанных пяти выпусков и сохранились ли оригинальные рукописи В.А. Чайкина, мы не располагаем. Судя по сноскам на них в выпуске первом, они содержали многие редкие источники, часть из которых не сохранилась до наших дней. Ничего не известно и о судьбе планировавшихся В.А. Чайкиным следующих безымянных пяти или семи выпусков.

В.А. Чайкину принадлежит честь расследования подлинной картины расстрела 26 бакинских комиссаров. Анастас Иванович Микоян проживший самую длинную жизнь в Политбюро ЦК КПСС в своих мемуарах «Так было» вспоминал об этом следующее:

«В марте 1919 г., когда мы только что вернулись из тюрьмы, в Баку появился Вадим Чайкин. Это был видный юрист, член Центрального комитета партии эсеров, избранный по их спискам в Учредительное собрание от Туркестана. Он добивался встречи со мной, и мы встретились на нелегальной квартире. Чайкин сообщил, что находился более месяца в Закаспии, стараясь выяснить все фактические

¹ Чайкин В. К истории русской революции... С. 7.

² Там же.

³ ЦГА РУз, ф. Р-1747, оп. 1, д. 9, л. 4.

⁴ Чайкин В. К истории русской революции... С. 6, 9, 12, 26, 98 и др.

обстоятельства расправы над бакинскими комиссарами. Делал он это не только как профессиональный юрист, но и как член партии эсеров, желая лично убедиться, принимал ли кто-либо из членов его партии, входивших в правительство, участие в этом убийстве. Он хотел первым разоблачить их, осудить и тем самым смыть позорное пятно, дискредитирующее всю партию эсеров, в которую он верил.

Чайкин считал твердо, что, не будь за спиной закаспийского эсеровского правительства английского командования, само это правительство не осмелилось бы на преступление. Он заявил мне, что считает своим моральным долгом организовать в международном масштабе кампанию по разоблачению и привлечению к судебной ответственности всех действительных виновников этого злодеяния – как граждан России, так и англичан. Надо сказать, что это были не пустые слова. Чайкин сразу начал активно действовать в этом направлении в Баку и в Тифлисе. Он направил 3 апреля 1919 г. в Лондон письмо председателю Палаты общин с обвинениями в совершении уголовного преступления главой Британской миссии в Ашхабаде капитаном Реджинальдом Тиг-Джонсом и председателем Закаспийского розыскного бюро Семеном Дружкиным, генералом Маллесоном, высшим дипломатическим и военным представителем Великобритании в Туркестане и Персии, генералом Томсоном. Конечно, ни английский парламент, ни английские судебные органы, ни тем более английское военное командование не захотели расследовать это дело.

Следствие по делу об убийстве 26 бакинских комиссаров началось у нас в 1925 г. Весной 1926 г. выездная сессия Верховного Совета СССР рассмотрела в Баку дело Фунтикова. В состав суда входили: председатель суда Камерон (Москва), члены суда Мир Башир Кусумов, И.И. Анашкин, видные Бакинские рабочие, государственным обвинителем выступал Сергей Кавтарадзе.

Многие лица, причастные к убийству бакинских комиссаров, сумели бежать за границу еще до победы Советской власти в Закаспии и в Закавказье. Но один из главных виновников и непосредственный исполнитель расправы над Бакинскими комиссарами, Федор Фунтиков, был разыскан в 1925 г. и предстал перед судом»¹.

О большевистском и более того чекистском прошлом С.Л. Дружкина, одного из главных виновников гибели в Закаспийской области 26 бакинских комиссаров никто не подозревал. Все эти факты, в результате расследования самого Л.А. Зимины всплыли впоследствии.

¹ Микоян А.И. Так было. М.: Вагриус, 1999. С. 65.

Они проверены и засвидетельствованы В.А. Чайкиным документально¹.

Мустафа Чокаев и Вадим Чайкин во время своего пребывания в Закаспийской области установили, что в начале 1919 г. по желанию местного населения членом Закаспийского правительства, помимо его воли, был избран Л.А. Зимин. «В виду значительного влияния, которым пользовался в широких кругах населения и даже среди туркмен Л.А. Зимин, – пишет В.А. Чайкин, – капитан Тиг-Джонс ... запросил его, согласится ли он войти после переворота в новое правительство – «директорию». Зимин ответил отказом и пытался принять меры к предотвращению захвата власти англичанами². Тем не менее он был единогласно избран. Согласившись после долгих колебаний принять пост министра иностранных дел, он смог предотвратить многие случаи кровопролития. Но не смог помешать организации убийства 26 бакинских комиссаров, в планы которого, заранее зная его реакцию, просто решено было его не посвящать.

Ещё 22 июля 1918 г., когда на закрытом совещании Временного Исполнительного комитета был вынесен смертный приговор 9 ашхабадским комиссарам, Л. А. Зимин, *это он говорил мне сам лично, показывая номер, – свидетельствовал В.А. Чайкин, –* напечатал в закаспийской газете, за подписью «старый эс-эр» негодующую статью против этой казни³. Поэтому от него сочли необходимым сохранить в тайне предстоящую расправу над 26 бакинскими комиссарами, о которой он был оповещён постфактум. Л.А. Зимину удалось спасти от расправы жён и детей бакинских комиссаров и помочь собрать В.А. Чайкину документальные свидетельства о времени и месте их гибели и захоронения. Всё это дало В.А. Чайкину возможность путём публикации в социалистической прессе своего расследования об убийстве 26 бакинских комиссаров первым внести ясность в самые противоречивые слухи, так как упорно муссировалась версия о вывозе всех двадцати шести в Индию⁴.

¹ Чайкин В.А. К истории Российской революции... С. 106, 107, 189-191.

² Там же. С. 25.

³ Чайкин В.А. К истории Российской революции... С. 132-133.

⁴ В самом конце предпоследнего десятилетия XX века книгу В.А. Чайкина «К истории русской революции. Вып. 1. Казнь 26 бакинских комиссаров. М.: Изд-во З.И. Гржебина, 1922. – 196 с.» мне (т.е. автору данной статьи – В.Г.) презентовала моя аспирантка Светлана Олеговна Маджи, происходившая из стародавнего венецианского аристократического рода, даровавшего миру ряд дипломатов, живописцев, ориенталистов, геологов. Среди них был по семейному преданию и один из дождей Венеции. Отец Светланы – Олег Петрович Маджи открыл второе по значению месторождение золота в Узбекистане Кизил Алмасай. Её предки переселились в Российскую империю во второй половине XIX в. Прадеды, деды, родители Светланы жили в Петербурге, Ишиме, Тобольске, Скобелеве (ныне Фергане), Ташкенте. У бабки Светланы – Натальи

Воспоминания В.А. Чайкина наполнены теплотой и признательностью по отношению к этому незаурядному учёному и человеку, знавшему и любившему страны Среднего Востока. «Л.А. Зимин, – вспоминает В.А. Чайкин, – которого я впервые увидел 23 февраля на его асхабадской квартире и простился навсегда 4 марта (1919 г. – В.Г.), был известен в Туркестане ещё до февральской революции как видный ориенталист и радикальный культурник¹.

Интересно, что о В.А. Чайкине – «главе эсеров Туркестана» и об ориенталисте Л.А. Зимине тепло вспоминал в своих воспоминаниях и Заки Валиди Тоган.

Заки Валиди Тоган вспоминал: *«В том же году [в 1913. – В.Г.], будучи в Фергане, я неоднократно встречался с Вадимом Чайкиным, представителем местных социал-революционеров. И с ним мы говорили о необходимости создания собственной организации мусульман, решили издавать газету «Голос Туркестана» на русском и тюркских языках. О выпуске варианта газеты я вёл переговоры с адвокатом Убайдуллою Ходжаевым и учителем Мунаваром Кари из Ташкента, а также с Аширالی Ходжаевым из Коканда. Я познакомил их с Вадимом Чайкиным. Идеологическую программу будущей газеты, если таковая состоится, я определил примерно в таких трёх пунктах:*

1. *Достижения равноправия и одинакового налогообложения местного населения и русских, проживающих в пространстве между Сибирской железной дорогой с севера и афгано-иранской границей с юга;*

2. *Прекратить выделение земельных площадей русским переселенцам до перехода мусульман-кочевников к оседлости и определения мест расположения их сёл и городов;*

3. *Предусмотреть создание современной системы народного просвещения.*

Михайловны Саввич-Маджи одной из первых женщин кандидатов медицинских наук в Ташкенте, служившей в Ташкентской физиотерапевтической больнице имени Семашко в самом начале 30-х гг. XX в. и завёлся интересный пациент. Звали его Вадим Чайкин. Их по всей вероятности связывало многое. Вероятно, они слышали друг о друге ещё по Фергане. В роду Натальи Михайловны были народовольцы. Н.М. Саввич-Маджи окончила гимназию с золотой медалью. У неё было высшее медицинское образование, полученное в Среднеазиатском государственном университете в Ташкенте, САГУ, «Крёстного отца» высшего светского образования в Средней Азии и высшее литературное полученное в Московском историко-философском литературном институте, знаменитом МИФЛИ. Наталья Савич дочь русского офицера занималась литературным трудом, писала романы, новеллы. Признательный пациент рассказывал ей о своих историко-литературных замыслах и подарил ей с дарственной надписью «Доктору Нат. Савич от признательного пациента автора. 1930 год» свою первую книгу, изданную в издательстве З.И. Гржебина.

¹ Чайкин В.А. К истории Российской революции. Вып. I. Казнь 26 бакинских комиссаров. М.: Изд-во З.И. Гржебина, 1922. С. 115.

Согласившись с этой программой, социалист Чайкин приступил к изданию газеты в Андижане, а Убайдулла Ходжаев – в Ташкенте. В них-то я и опубликовал под псевдонимом статьи об организации в Туркестане муниципалитетов и губернских земств¹.

В Петербурге передавали о нём [об ориенталисте Л.И. Зимине – В.Г.] в высшей степени положительные отзывы известного востоковеда профессора Бартольда, вспоминал В.А. Чайкин, и предсказывали молодому учёному блестящую будущность... я был представлен ему и его жене Чокаевым, который раньше встречал их в Ташкенте на общественно-просветительской работе... С первого момента и взгляда, по той сияющей радости, с какой приветствовал Зимин наш приезд ... я понял, что ... могу всецело положиться на его личную честность и искренность ... Сама внешность Л.А. Зимины с широкой, окладистой длинной бородой, несмотря на его сравнительную молодость (36 лет), с открытым лицом и ясными голубыми глазами – располагала к такому доверию. Говорил он без малейшей аффектации и, несомненно, с первых слов, всё, что знал и думал»².

В.А. Чайкин впоследствии очень страдал, что не смог предотвратить бессмысленную казнь Л. А. Зимины, о которой узнал слишком поздно.

«...Впервые о казни Л. А. Зимины, – вспоминал В. А. Чайкин, – я узнал от бывшего секретаря бакинской рабочей конфедерации Восканова в начале июня 1920 г. В ответ на мои сомнения в правильности этих сведений Восканов развернул номер бакинского «Коммуниста» от 11 мая, где был приведён официальный список лиц, расстрелянных в Баку после установления там советской власти. Под одиннадцатым номером этого списка действительно значилось – «Зимин Лев Александрович», а в графе «причины казни» – «За участие в убийстве 26 бакинских комиссаров и сообщение англичанам сведений, облегчающих борьбу с советской властью» Я был, как громом поражён, – продолжает Чайкин, – первой частью этой мотивировки смертного приговора. Считая казнь Л.А. Зимины бессмысленной, никому и ничему не нужной жестокостью, я, однако способен был, кажется, легче примириться с самым фактом насильственной смерти, чем с такой вопиющей и непоправимой несправедливостью»³.

¹ Заки Валиди Тоган. Воспоминания. Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрок за национальное бытие и сохранение культуры. Книга I. Уфа: Китап, 1994. – 400 с. С. 158, 159, 174, 175, 176, 177, 178, 181, 196, 273, 274.

² Чайкин В.А. К истории русской революции... С. 24.

³ Там же. С. 115.

«7 января 1921 года я, – писал В. А. Чайкин, – виделся в Баку с женою Зимины – М. В. Зиминой. Она рассказывала, что её муж имел возможность уехать из Баку ещё при переходе советскими войсками азербайджанской границы у станции «Ялама», но не пожелал этого сделать. «Я не вижу оснований уклоняться от ответственности за свои ошибки», – говорил он даже во время ареста. Последние полгода Зимин был профессором Азербайджанского университета, преподавал арабистику и историю Востока, и, по словам жены, конечно, не допускал мысли, что будет обвинён в убийстве комиссаров...»¹.

Ещё в Закаспии Л. А. Зиминым с гневом было отвергнуто предложение британских властей, которым не хотелось оставлять слишком осведомлённых свидетелей их присутствия в Туркестане, на почётную эвакуацию его через Персию и Индию в Лондон, при этом в случае положительного ответа гарантировалась «за оказание британскому правительству в тяжёлый момент услуги... троим (членам директории. – В.Г.) уплата 5 миллионов рублей золотом»².

Об умении Вадима Чайкина увидеть, казалось, в обычном, банальном для взгляда обывателя случае событие мирового порядка свидетельствует предпринятое им расследование и написание очерка «Правда о деле профессора И.П. Михайловского». Самоубийство профессора медицины Среднеазиатского университета И.П. Михайловского в августе 1929 г., ставившего опыты по оживлению людей и пытавшегося воскресить собственного умершего и мумифицированного им сына, было использовано в политических целях для наступления на православную церковь. Архиепископ Лука, он же профессор медицины Среднеазиатского государственного университета В.Ф. Войно-Ясенецкий был обвинён в доведении до самоубийства своего коллеги. Сделано это было якобы потому, что И.П. Михайловский шёл против Бога, ставя опыты по оживлению людей. В дело включились карательные органы и пресса. Чекисты решали превратить «дело И.П. Михайловского» в политическое и антицерковное. Член президиума ЦКК ВКП(б) А.А. Сольц послал в Ташкент телеграмму с требованием прислать ему обвинительное заключение по «делу Михайловского». Фельетонист партийного официоза «Узбекистанской правды», собственный корреспондент «Известий» и «Правды» в Ташкенте Габриэль Аркадьевич (Аршалуйшович) Урекциян, взявший псевдоним Эль Регистан, родившийся в Самарканде («соавтор» вместе с поэтом

¹ Чайкин В.А. К истории русской революции... С. 134-135.

² Там же. С. 26.

С.В. Михалковым текста Государственного гимна СССР¹), ещё до расследования предложил полную и окончательную схему событий, якобы имевших место в случае с профессором И.П. Михайловским. Социальный заказ принимали писатели М.В. Борисоглебский (роман «Грань»), С.Н. Сергеев-Ценский (пьеса «Ребёнок и обезьяна»), К.А. Тренёв (пьеса «Опыт»), Б.А. Лавренёв (пьеса «Мы будем жить»)².

Свою версию этого дела дал В.А. Чайкин. «Принятое в историческом аспекте, – писал он, – и отторгнутое методами объективного описания происшедшего от узких интересов сегодняшней среды и сегодняшнего дня, оно займёт своё место наряду с наиболее трагическими страницами истории прошлого. Такие мировые процессы (не в узко-судебном значении этого слова), как дело Каласа, Тиса – Эсларский ритуальный процесс, понятные ещё современникам, присуждение к пожизненному заключению на Чёртовом острове Альфреда Дрейфуса, Мултанское дело и дело Бейлиса должны быть пополнены «делом Михайловского» и всех прикосновенных к этому симптоматически-грозному для оценки степени нашей послереволюционной культуры и культурному процессу прогрессивного общественного мнения человечества с косностью и фанатизмом прошлого и настоящего»³.

* * *

В 1914 – 1915 гг. в Туркестане выходили газеты «Садои Туркистон» (Голос Туркестана) и «Садои Фергана» (Голос Ферганы) в Ферганской долине. В деятельности этих двух газет принимали участие самые передовые силы общества. На страницах газет обсуждались насущные проблемы общества, подвергались жесткой критике различные общественные пороки.

Основателем газеты «Туркестанский голос»⁴, по сообщению охранного отделения, был родной брат В.А. Чайкина – Анатолий

¹ Опубликована версия, что на самом деле автором слов гимна СССР являлся сын Габриэля Урекляна от первой жены – Гарольд.

² Поповский М. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга // Октябрь. 1990. № 3. С. 83-107.

³ ЦГА РУз, ф. Р-1747, оп. 1, д. 10, л. 9.

⁴ В архивных документах приводятся данные, касающиеся других сотрудников газеты «Туркестанский голос». В частности, на выпускника юридического факультета Харьковского университета И.Я. Шапиро. Оценивая его деятельность, охранное отделение подчеркивало, что он является как бы юрист-консультантом газеты. В каждом номере печатается объявление на русском и узбекском языках, где И.Я. Шапиро предлагает помощь населению в юридических делах, в частности, уголовных, гражданских и административных. М.М. Бердичевский, литературный псевдоним «Маркович», был корреспондентом в г. Коканде в конторе Вадьяевского товарищества. Н.М. Норинский – журналист, бывший редактор газеты в г. Полтаве, сотрудничал в газете «Туркестан-

Афанасьевича Чайкин. В этом документе подробно излагалась революционная деятельность В.А. Чайкина, который в 1908 г. был выслан в Якутскую область за принадлежность к партии социал-революционеров¹.

9 января 1917 г. до редактора газеты «Голос Туркестана» А.А. Чайкина было доведено постановление военного губернатора Ферганской области о приостановлении деятельности газеты и выходе вместо нее газеты «Туркестанское слово».

Ранее Актом 3 июня (1907 г. – В.Г.) Азиатская Россия, в том числе Сибирь, были значительно урезаны в своих правах, а Туркестан и Степной край совершенно лишены своих представителей. Узбекская национальная и местная русская буржуазия во время восстания 1916 г. все чаще обращались в Думу с просьбой прислать своих представителей в край для ознакомления с его нуждами. Так, по сообщению охраны, в Петроград специально выезжали ташкентский крупный предприниматель Убайдулла Ходжа Асадулла Ходжаев, джадидский лидер Мустафа Чокаев, редактор Андижанской газеты «Голос Туркестана» А.А. Чайкин и другие.

В фондах Туркестанского охранного отделения хранятся документы, раскрывающие историю появления газеты «Голос Туркестана», на страницах которой печатались сообщения и статьи по вопросам социально-экономической и политической жизни. 24 сентября 1916 г. начальник Туркестанского районного охранного отделения доложил туркестанскому генерал-губернатору о деятельности этой газеты, которая начала издаваться с 1 июля 1916 г. вместо газеты «Туркестанский край» в Коканде. Редактором и издателем газеты был андижанский домовладелец и владелец довольно обширной пасеки (свыше 200 пчелиных ульев), председатель Общества взаимного кредита и член Андижанского военно-промышленного комитета А.А. Чайкин². Газета печаталась на средства издательского товарищества, каждый член которого был обязан вложить по 25 руб. В ее деятельности участвовали сотрудники газеты «Туркестанский край», редактор газеты «Садои Туркестан», известный прогрессист

ский голос» под псевдонимом «Вл. Туркестанский» и «Ю. Саламатин». О сотруднике газеты Г.И. Павлюченко сообщалось, что в г. Коканде в 1915 г. он был фактическим редактором газеты «Утро Ферганы» (фиктивным редактором был некий Львов).

¹ ЦГА РУз, ф. И-461, оп. 31, д. 1144, л. 5 об.

² Шадманова С.Б. Архивные документы – важный источник изучения истории периодической печати Туркестана. По материалам Центрального государственного архива Республики Узбекистан // Вестник архивиста. 2009. № 3(107). Июль – сентябрь. С. 33, 34, 35.

Убайдулла Ходжаев (он же Убайдуллаходжа Асадуллаходжаев¹), который имел издательский опыт, и принимал самое непосредственное участие в финансировании этой газеты. Туркестанское охранное отделение оценивало его как «убежденного панисламиста с начала 1913 г., когда он прибыл в г. Ташкент из г. Саратова и стал заниматься отчасти адвокатурой, отчасти пропагандистской деятельностью. По закрытии газеты «Садои Туркестан» он поселился в г. Андижане, где занимался исключительно адвокатурой до 1 июля сего года, с этого времени стал также сотрудничать в газете «Голос Туркестана»².

Как полагает Адиб Халид: «союз между Убайдуллой Ходжаевым и социал-революционером Вадимом Чайкиным представляет один из немногочисленных примеров политического сотрудничества в Туркестанском крае между членами русской и национальных общин... Это весьма наглядный пример стратегии джадидов в это тревожное время»³. Но, тем не менее, как замечает Адиб Халид, данное сотрудничество в целом своей цели не достигло.

В первых числах октября 1916 г. Туркестанское районное охранное отделение информировало, что «в помещении редакции андижанского оппозиционного направления газеты «Голос Туркестана» ежедневно по вечерам под председательством редактора-издателя А.А. Чайкина, происходят собрания молодых, прогрессивного сартов в количестве до 20 человек, образовавших в г. Андижане группу «Таракки-Парвар»⁴.

В состав группы «Таракки-Парвар» входят следующие лица:

¹ Убайдуллаходжа Асадуллаходжаев получил 12 декабря 1913 г. разрешение на выпуск газеты «Садои Туркистон». Однако из-за нехватки средств издание газеты до 1 апреля 1914 г. было отложено. В первом номере от 4 апреля 1914 г. Убайдуллаходжа Асадуллаходжаев отмечал, что она издается на благо Родины. В осуществлении задач газеты редактору помогли национальные прогрессисты Мунаввар Кари Абдурашидхонов, Абдулла Авлоний, Тавалло, Саидносир Миржалилов, Хамза Хакимзода, Холид Саид, Абдулхамид Сулаймон, Муминджан Мухаммаджанов, Абдулла Эргазиев, Нуширавон Ёвушев, Сиддикий, Лутфулла Олимий, Мулла Саид Ахмад Васлий, Фузайил Жонбоев, Мухаммаджон (мударрис), Бадриддин Аълами, Хаджи Муин, Ш. Рахимий. Однако в связи с тяжелым финансовым положением прежде ежедневная газета начала выходить еженедельно, даже появилась опасность ее закрытия. Тогда редакция газеты обратилась к состоятельным людям, которым была небезразлично судьба нации. В обращении говорится, что для 10-миллионного населения Туркестана грех не поддержать издание трех газет, когда единоверцы татары, которые составляют 4-5 миллионов, выпускают 30 газет и прогрессируют изо дня в день. Но эти призывы остались без ответа и 10 апреля 1915 г. газета «Садои Туркистон» после выпуска 66 номера была закрыта.

² ЦГА РУз, ф. И-461, оп. 31, д. 1144, л. 2 об.

³ Khalid A. The Politics of Muslim cultural reform. Berkeley. Los Angeles, 1999. Ibid. P. 242.

⁴ Абдуллаев Равшан. Интеграционные процессы в мусульманском мире и туркестанские джадиды // Евразийское сообщество. Экономика, политика, безопасность. 1997. № 2(18). С. 123-133, 129.

1. Сайдулла Ходжаев, торговец, имеет в пассаже Мир-Комиля собственную мануфактурную лавку.

2. Алимжон Ходжа Мирза Юнусов, бывший писарь Ассакинского волостного управления, ныне без определённых занятий.

3. Мухаммаджон Якуб Саркаров, определённых занятий не имеет.

4. Мирали Умарбаев, городской депутат.

5. Латифжон Мадали Казиев, переводчик пристава 11-й части г. Андижана.

6. Кочкарбай Миралиев, приказчик.

7. Атахан Назарбаев, имеет в старой части г. Андижана собственный книжный магазин.

8. Мирхайдар, владелец мануфактурного магазина.

Объединителями деятельности этих лиц являются:

1. Анатолий Афанасьевич Чайкин.

2. Убайдулла Асадуллаходжаев.

3. Шапиро, корреспондент газеты «Туркестанский голос».

Целью деятельности этой партии является желание унижить авторитет местной русской власти»¹. Кроме того, агентура особо отмечала, что «члены партии «Тарақи-Парвар» своими умышленно направленными толкованиями газетных сведений смущают население и посеяют среди такового различные слухи о слабости России, возможном отделении от таковой населяющих Россию мусульман и образовании последними самостоятельного государства»².

Такого рода донесения заставляли официальные власти принимать самые решительные меры: производство допросов и обысков, конфискацию имущества, депортацию и пр. Так, одному из руководителей организации «Падаркуш» и «Тарақи Парвар» Убайдулле Ходжаеву распоряжением Туркестанского генерал-губернатора в начале 1917 г. (после произведённого допроса и обыска) было запрещено проживание в г. Андижане и Ташкенте³.

19 ноября 1916 г. главе правительства, военному министру, министрам внутренних дел и юстиции были поданы три запроса депутатов Думы – социал-демократов, трудовиков, кадетов, прогрессистов. В них говорилось о жестокости карательных операций против коренного населения, сожжении населенных пунктов, конфискации имущества и недвижимости, нарушении законодательства в ходе

¹ ЦГА РУз, ф. И-461, оп. 1, д. 1968, лл. 25-27.

² Там же, л. 31.

³ Там же.

подавления восстания. Эти факты подтверждались и думской комиссией по военным и морским делам¹.

В материалах Ташкентского районного охранного отделения имелись сведения об издании В.А. Чайкиным газеты «Голос Ферганы».

Таким образом, В. Чайкин всеми своими действиями поддерживал национальных прогрессистов, всячески содействуя их политической деятельности.

После Февральской революции председатель Ферганского областного Совета рабочих и солдатских депутатов В.А. Чайкин принимал 9 – 16 апреля активное участие в зародившемся после Русской революции в феврале 1917 г. демократическом движении, в частности, в проходившем здесь в апреле 1917 г. съезде депутатов исполнительных комитетов Туркестанского края. Он участвовал в прениях по вопросам²: создание областных парламентских органов самоуправления, губернских и городских земств. Знаменательны слова В.А. Чайкина, о том, что в свободной России такой политике управления по отношению к национальным меньшинствам, как в Британской империи, или Французской республике, не должно быть места³.

Примечательно, что в работе съезда приняли участие русские соотечественники. С особым вниманием участники съезда встретили выступление Вадима Чайкина. Вот выдержка из его речи: «Дорогие друзья-мусульмане. Я поздравляю вас со Свободой. То, что мы достойны этой Свободы, было известно уже с июля прошлого года (*имеется в виду восстание 1916 г.*). Я отношусь к той партии, в которой состоит и уважаемый Керенский. Я выступаю за предоставление каждому народу отдельной федерации, а малым нациям – национально-культурной автономии»⁴.

На съезде победила точка зрения В.А. Чайкина и его сторонников – М. Бехбуди, Муновар-Кары, А. Валиди, Л.А. Зимина и других, об установлении в России Демократической Республики на принципах широкой автономии отдельных областей государства с предоставлением в отдельных случаях полной федеративности, с ограничением прав меньшинства»⁵.

¹ Российский государственный военно-исторический архив (Далее – РГВИА), ф. 1720, оп. 2, д. 196, л. 209.

² ЦГА РУз, ф. Р-1760, оп. 1, д. 2, лл. 1-370.

³ Протоколы съезда депутатов исполнительных комитетов Туркестанского края. Протокол № 8. Заседание 15 апреля 1917 года.

⁴ Наджот. 1917, 23 апреля.

⁵ ЦГА РУз, ф. Р-1760, оп.1, д. 2, л. 1-70.

Первый состав Турккомитета Временного правительства, возглавляемый кадетом Щепкиным. Не встретив, естественно, поддержки у местных политических деятелей, 1 июля 1917 г. сложил свои полномочия. На этот пост представителями мусульманской общины была выдвинута кандидатура видного политического деятеля Туркестана эсера Вадима Чайкина, пользовавшегося большим авторитетом среди коренного населения. В этот же день, находясь в Самарской губернии он был назначен председателем Туркестанского комитета Временного правительства. Узнав об этом, находившийся в Петрограде в качестве делегата на I Всероссийском съезде Советов будущий большевистский комиссар А.Я. Першин 5 июля сообщил в Ташсовет: «Мусульмане выставили кандидатуру Чайкина, мы протестовали. Сегодня мы предупредили Убайдулла Ходжаева, чтобы он и мусульманский комитет сепаратным путем не действовали и не выдвигали бы кандидатур на место председателя Турккомитета без согласия Краевого Совета»¹. Еще более выразительно прозвучало недовольство Першина инициативой, Краевого мусульманского совета, рекомендовавшего В. Чайкина: «Чайкин снюхался с мусульманами, везде и повсюду его Убайдулла Ходжаев рекомендовал как хорошего революционера и знатока края и что, мол, он очень любит туземцев и печалится о них. Товарищи! Я спрашиваю Вас, разве нам для края таких людей надо, которые любили бы только туземцев и обтирались бы об их халаты?»².

Таким образом, кандидатура единственного из русских демократов убежденного сторонника полного права на национальное самоопределение Вадима Чайкина была встречена буквально в штыки. 8 июля Временное правительство все же издало указ о назначении В.А. Чайкина председателем Турккомитета³. Этот указ совсем взбесил Першина и Булинского, и они, не дожидаясь рекомендаций Краевого совета, решили действовать против Чайкина с применением отработанного большевиками метода угроз и шантажа. Эти действия Першина подтверждались телеграммой И. Шоахмедова и У. Ходжаева из Петрограда: «Делегаты из Ташсовета Булинский и Першин усиленно выставляют на должность председателя Турккомитета кандидатуру Наливкина. Если же пройдет Чайкин, то они, по их словам, отправят

¹ Государственный архив Ташкентской области. Ф. 10, оп. 13, д. 19, л. 45.

² Там же, л. 78.

³ Агзамходжаев С. История Туркестанской автономии (Туркистон Мухторияти). Ташкент: Тошкент ислом университети, 2006. С. 92-94.

его в арестантском вагоне. Поэтому Чайкин полностью отказался. По нашему мнению, кандидатура уважаемого Наливкина неприемлема»¹.

Свой отказ от поста В.А. Чайкин в заявлении на имя министра внутренних дел обосновал следующим образом: «Ввиду полной невозможности для меня по состоянию здоровья занять пост председателя Туркестанского комитета Временного правительства и исходя из уверенности, что при создавшихся за последние дни в Туркестане условиях, о которых ЦК уведомлен срочными депешами Краевого Совета, должно последовать немедленное вступление председателя Комитета в исполнение обязанностей. Находя, что срочное назначение на пост Турккомитета тов. В.П. Наливкина может наилучшим образом способствовать при данных условиях устранению тяжелых недопониманий между Турккомитетом и Советами края, я от занятия поста председателя Комитета, на который назначен указом Временного правительства от 8 июля, отказываюсь»².

Это заявление было датировано 19 июля 1917 г., а уже 20 июля Першин напишет письмо в Ташсовет: «Нам с товарищем Булинским много стоило труда добиться назначения товарища Наливкина председателем Турккомитета, во всем этом нам портил дело господин Чайкин, которого Вам назначили 8 июля в председатели Туркестанского комитета. Но мы приняли все усилия, заставили Чайкина отказаться от этого почетного места и настояли во что бы то ни стало назначить председателем Турккомитета тов. Наливкина». Здесь же Першин выразил свои колебания: «Не знаем, товарищи, хорошо мы это сделали или нет, судите сами, Вы нам ничего не сообщали, а мы действовали по прежним нам указаниям»³.

23 июля 1917 г. в связи с его отказом Чайкин освобожден от должности председателя Туркестанского комитета Временного правительства.

В начале декабря 1917 г. 7 левых членов Партии социал-революционеров вошли в Совет народных комиссаров Российской Федерации, а также во все коллегии комиссариатов и военные органы. Аналогичные процессы распада происходили и в туркестанской организации. Правая её часть не хотела проводить социализацию земли под тем предлогом, что якобы отсутствуют фонды земли.

Между тем крестьянство и дехканство, главным образом безземельное и малоземельное, требовали решения земельной проблемы

¹ Кенгаш. 1917, 28 июля.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 1900, оп. I, д. 29, л. 46.

³ Агзамходжаев С.С. Указ. монография. С. 92-94.

от своих представителей в Петрограде А.Ф. Керенского и В.А. Чайкина, делегированных от социал-революционеров Туркестана¹.

В феврале 1918 г. Вадим Чайкин, предпринимая эффективные меры по преодолению тяжёлого экономического положения в Туркестане, добивался создания в Петрограде специального органа – Ферганского закупочного бюро, т.е. Фербюро. ассигнования Народным комиссариатом продовольствия Российской Федерации в распоряжение Фербюро 20 млн. руб. и отпуска на 10 млн. руб. товаров. В. Чайкину также удалось получить для Туркестана имущество пяти вещевых складов на Украине².

Показав себя действительным патриотом Туркестана и, неустанно напоминая о разразившемся голоде в Туркестане, он выступил с предложением о переброске туда «многомиллионного интендантского имущества Украинского юга России»³ в связи с приближающейся оккупацией Украины германской армией. Но большевистское правительство России в лице Г.К. Орджоникидзе помешало реализовать эту акцию. Советские и партийные организации Туркестана, с самого начала проявлявшие поразительную беспомощность и бездеятельность в преодолении голода и, более того, сами повинные в нём, не могли допустить, чтобы предложение Чайкина было взято за основу выхода страны из тяжелейшего состояния. Однако свою истинную причину они прикрыли обвинениями Фербюро и Вадима Чайкина в их заинтересованности получить денежные средства и использовать официальную советскую вывеску в целях организации свержения советской власти в Туркетсане.

В 1918 г. Чайкин вышел из Центрального комитета Партии социалистов-революционеров, но в годы гражданской войны Вадим Чайкин вновь ведёт активную политическую деятельность. Один из немногих он выступал за пропорциональное представительство мусульман в политических и государственных органах. При этом много спорил с группой «старых большевиков» во главе с И.О. Тоболиным.

После 1917 г. В. Чайкин регулярно привлекался к ответственности в административном порядке, а с 1924 г. неоднократно арестовывался органами ОГПУ Средней Азии. За «активную контрреволюционную деятельность» с 1924 по 1927 г. он отбывал трёхлетнее

¹ Никишов П.П. Борьба большевиков за упрочение власти советов в Киргизии / Под ред. проф. В.В. Миртова. Фрунзе: Кыргызстан, 1976. С. 15, 16; Его же. Из истории краха левых эсеров в Туркестане / Ред. к.и.н. В.Н. Семенов. Фрунзе: Кыргызстан, 1965. – 177 с.

² ГАРФ, ф. 1334, оп. 1, д. 28, л. 74.

³ Там же, л. 68.

наказание в концентрационном лагере, после чего был осуждён на ссылку с 1927 по 1930 г. в город Вятку. Вслед за тем с формулировкой «минус 10» (т.е. без права проживания в течение трёх лет в десяти крупнейших городах страны) он был препровождён в г. Ташкент.

Срок этот истекал 8 апреля 1933 г. Но накануне истечения этого срока – 21 февраля 1933 г. последовал новый арест¹. С марта 1917 г. по день ареста 21 февраля 1933 г. Чайкин работал в качестве журналиста, как общественник на многих выборных постах. Кроме этого на жизнь зарабатывал литературной деятельностью, давал частные уроки. Но главной своей деятельностью считал работу в качестве историка – специалиста по истории Революции в России, Украине и особенно – на Востоке.

Причиной нового ареста послужили материалы, поступившим в ПП ОГПУ Средней Азии, согласно которым, В. Чайкин, отбывавший в Ташкенте ссылку, являлся убеждённым членом Партии социал-революционеров. Он продолжал проводить в Ташкенте активную антисоветскую деятельность, направленную к организационному оформлению актива Ташкентской ссылки, установлению нелегальных связей с другими городами СССР.

Арестован был Вадим Афанасьевич был дома на своей квартире. О чём он сам упоминает в своём следственном дёле: «Ввиду того, что одинок (возможно, приедут родственники, – сестра Юлия Афанасьевна Чайкина – Воппова – 54 лет, преподавательница математико-физических наук в школах, проживающая в Харькове по адресу: Обходной переулок, дом 7) моя комната – квартира в Ташкенте по улице Новая, дом 31, опечатана агентурой Постоянного представительства ОГПУ Средней Азии 21/П-33 г. со многими вещами и особенно рукописями, книгами, бумагами. 21 февр. 1933. Подпись заключённого (подпись)».

В деле особо подчеркивалась деятельность В.А. Чайкина в период курса его лечения в больнице им. Семашко в Ташкенте, где он якобы распространял провокационные слухи, дискредитирующие вождей революции, И.В. Сталина. (Следствие несколько раз ссылается на этот таинственный «секретный пакет», о содержании, которого можно только догадываться. – В.Г.).

¹ Архив Службы национальной безопасности Республики Узбекистан (Далее – АСНБ РУз). Архивно-следственное дело № 5621 по обвинению Скрипниченко П. Архивно-следственное дело № 5621 по обвинению: Чайкина Вадима Афанасьевича, Скрипниченко Павла Васильевича, Евдокимова Никиты Георгиевича, Дусалимова – Гельметдинова Мухамеда по ст.ст. 58/10; 58/11; 82 УК РСФСР.

В деле содержались высказывания В. Чайкина о политике большевиков в области сельского хозяйства, «насильственной дубинной коллективизации крестьянства. ... В результате этой палочной системы в стране повсеместный голод, вымирание. Крестьянство бежит из колхозов. Вся Россия сейчас на колёсах. Налицо полный крах проводимых мероприятий по аграрному вопросу»¹.

Проблемы сельского хозяйства волновали Вадима Чайкина и его ташкентских единомышленников, членов Партии социал-революционеров, находившихся здесь, как и он в политической ссылке. Их конспиративные встречи и обсуждения аграрной политики большевиков, как правило, отслеживались и фиксировались компетентными органами. Следователи ПП ОГПУ по Средней Азии подчёркивали в материалах дела, что члены партии эсеров высказывались о политике коммунистической партии, как о «втором крепостном праве», расшифровывая аббревиатуру ВКП(б), «второе крепостное право большевиков», доказывая неизбежность падения советской власти в результате всеобщего развала крестьянства в СССР. «Это не власть рабочих и крестьян, – утверждали они, – а гнёт рабочих и крестьян. Глупой колхозной политикой разорено всё крестьянство, благодаря колхозам все сидят голодные. Будет вторая революция. Большевики не отдадут сейчас себе отчёта в своей линии, а просто слепо исполняют распоряжения лиц, которые создали себе благополучие и большие оклады»².

Особо отмечалось, что, называя себя литератором, В.А. Чайкин утверждал: «Я никогда не назову себя советским писателем. Это несовместимо со званием эсера. Вся советская печать продажная, никакой литературы, в сущности, нет, пишут под общую указку»³.

В Обвинительном заключении подчеркивалось, что по поступившим в Постоянное представительство ОГПУ по Средней Азии материалам отбывающие в Ташкенте «ссылку члены Партии социалистов-революционеров Чайкин В.А. и другие, являясь убеждёнными эсерами, непримиримо настроенными к советской власти, проводили активную антисоветскую деятельность, направленную на организационное оформление актива ташкентской ссылки, создание новых антисоветских кадров, установление нелегальных связей с другими городами СССР. В качестве организационного оформления в колонии ссыльных эсеров в ноябре 1931 г., под руководством администра-

¹ АСНБ РУз, Архивно-следственное дело № 5621 по обвинению: Чайкина Вадима Афанасьевича, Скрипниченко Павла Васильевича и др.

² Там же.

³ Там же.

тивно ссыльного члена ЦК Партии социал-революционеров Ракова Дмитрия Фёдоровича, с которым обвиняемые поддерживали тесную связь, была создана нелегальная касса взаимопомощи. Активными членами кассы состояли П.В. Скрипниченко и Н.Г. Евдокимов, которые уплачивали в кассу членские взносы в размере 2 % с получаемого ежемесячного оклада жалования»¹.

В Обвинительном заключении также утверждалось, что В.А. Чайкин оказывал материальную помощь «контрреволюционному элементу вообще». Так, например, отбывающему в городе Котласе ссылку, члену контрреволюционной организации «Миллий Истиклал» и бывшему члену ЦК «Миллий Иттихад» Убайдулле Ходжаеву В.А. Чайкин делал денежные переводы до 125 рублей.

Следственное дело № 5621 было направлено на рассмотрение Особого совещания при Коллегии ОГПУ для внесудебного разбирательства. 4 октября 1933 г. было принято постановление о высылке В.А. Чайкина через ПП ОГПУ в Казахстан сроком на 3 года, считая срок с 25/1У-1933 года. Тем не менее, через несколько месяцев «компетентные органы» вновь вернулись к рассмотрению дела В.А. Чайкина в связи с его резко ухудшившимся здоровьем. У него практически не работала одна почка. Он до последнего ареста регулярно принимал водолечение в Ташкентской больнице им. Семашко, о чём в деле подшито несколько справок и выписок из больничных карточек. На основании медицинского заключения о состоянии здоровья В.А. Чайкина был проведён пересмотр дела, согласно подшитой выписке из протокола Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 21 января 1934 года и принято Постановление: *Чайкина Вадима Афанасьевича – условно досрочно от наказания освободить, разрешить свободное проживание по СССР.*

Его оставили в Ташкенте. Но ненадолго. В 1937 г. В.А. Чайкин арестован (по др. сведениям арестован в 1938 г. в Ташкенте), обвинен по ст. 58 ч. 2 УК, в 1941 г. находился в заключении в Орловском политизоляторе. В.А. Чайкин и другие перечисленные выше лица были обвинены в том, что, отбывая наказание в Орловской тюрьме, проводили антисоветскую агитацию и распространяли клеветнические измышления о мероприятиях ВКП(б) и советского правительства.

О дальнейшей судьбе Вадима Чайкина скупо свидетельствуют документы. Свинцовую точку в его деле поставил Приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР от 8 сентября 1941 г., вынесенный «по ч. 2 ст. 58-10 УК РСФСР (в редакции 1926 г.) о высшей мере

¹ АСНБ РУз, Архивно-следственное дело № 5621 по обвинению: Чайкина Вадима Афанасьевича, Скрипниченко Павла Васильевича и др.

наказания – расстрелу В.А.Чайкин». Расстрелян 11 сентября 1941 г. во время эвакуации Орловской тюрьмы в Медведевском лесу под Орлом.

В деле В.А. Чайкина имеется также выписка из Постановления Пленума Верховного Суда СССР от № 1541-90 от 26.07.90 г., косвенно проливающая свет на его дальнейшую судьбу. В ней указано, что *«приговором Военной коллегии Верховного Суда СССР от 8 сентября 1941 г. осуждён по ч. 2 ст. 58-10 УК РСФСР к высшей мере наказания – расстрелу. ... Расследованием же установлено, что Военная коллегия Верховного Суда СССР 8 сентября 1941 г. вынесла заведомо неправосудный приговор, и поэтому он подлежит отмене ... Приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 8 сентября 1941 года в отношении Чайкина В.А. и др. отменить и дело прекратить за отсутствием события преступления»*¹.

Шерали Лапин² – лидер «кадимистов», историк, политик

5 октября 1900 г. письменный переводчик при военном губернаторе Самаркандской области генерал-майоре В.Ю. Мединском, коллежский регистратор Сера-Али Мунайбасович Лапин³ сделал Представление Туркестанскому генерал-губернатору. К Представлению прилагались Всеподданнейшее прошение и реверс, а также послужной список⁴.

Сер-Али Мунайбасов Лапин всеподданнейше просил: *«Расстроенные домашние обстоятельства лишают меня возможности продолжать службу Вашего императорского Величества, и потому всеподданнейше прошу:*

¹ АСНБ РУз, Архивно-следственное дело № 5621 по обвинению: Чайкина Вадима Афанасьевича, Скрипниченко Павла Васильевича и др. См. также: Германов В.А. Общественный и политический деятель Туркестана: судьба исторического наследия Вадима Чайкина // Тарихнинг номаълум саҳифалари. Иккинчи китоб. Тошкент: O'qituvchi, 2010. С. 45-72.

² В узбекском произношении и написании имя казаха Сер-Али Лапина или Серали Лапина традиционно отображалось и продолжает отображаться как Шерали. См. также: Германов В.А. Лидер партии «Шурои Улема» Серали Лапин: путь от лояльной оппозиции до непримиримой конфронтации // Россия – Средняя Азия. Т. 1. Политика и ислам в конце XVIII – начале XX вв. М.: ЛЕНАНД, 2011. С. 289-305.

³ О Лапине см., например, сверхлаконичную справку со многими вопросительными знаками: Лапин. Сер-Али (?—?) // Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. 2-е изд. Перераб., подготовил Кононов А.Н. М.: Наука, 1989. С. 141-142.

⁴ РГВИА, ф. 400 (Главный Штаб), оп. 17, д. 12833, л. 1-10.

... Дабы повелено было уволить меня от службы с награждением следующим чином ...

Сиё прошение сочинял и набело переписывал сам проситель.

Прошению письменный переводчик при военном губернаторе Самаркандской области, коллежский регистратор Сера-Али Мунайбасов Лапин руку приложил.

Я, нижеподписавшийся, даю сей реверс в том, что если последует разрешение об увольнении меня от службы, то о казённом содержании просить нигде не буду»¹.

Из Послужного списка становится известным, что коллежский регистратор Серали Мунайтбасович Лапин, письменный переводчик при военном губернаторе Самаркандской области, родился в марте 1869 г., вероисповедания магометанского, имеет серебряные медали: в память царствования императора Александра III и св. коронования их величеств 14 мая 1896 г. и тёмно-бронзовую медаль за труды по первой всеобщей переписи Российской империи. Бухарские ордена Золотой звезды 3-й степени и Серебряной 1-й степени. Содержания получает в год жалования 500 руб., столовых 500 руб. Всего 1000 руб. Происходит из киргиз Перовского уезда Сырдарьинской области. Имения у него самого и его родных ни родового, ни благоприобретённого не было. Имелось лишь два дома из сырцового кирпича с участком земли в Самарканде.

Воспитывался Серали первоначально в Перовском 4-классном городском училище, затем в Туркестанской учительской семинарии, где окончил полный курс наук. В Туркестанской учительской семинарии с 1 июня 1889 г. по 8 января 1892 г. состоял репетитором местных языков. Тогда же он выдержал полное испытание в Педагогическом совете Ташкентской мужской гимназии на звание домашнего учителя по предмету русский язык. 2 сентября 1891 г. ему дозволяется принять это звание со всеми выгодами и преимуществами, присвоенными означенному званию.

Далее его служебная карьера раскручивается по нарастающей. Орденом председателя Самаркандского областного суда он 1 февраля 1892 г. утверждается в должности переводчика суда. А ровно через год, день в день, Лапин приказом по Самаркандской области назначен письменным переводчиком при военном губернаторе Самаркандской области.

В 27-й день января 1894 г. российский император Александр III высочайше соизволил Серали Лапину принять и носить Бухарский

¹ РГВИА, ф. 400, оп. 17, д. 12833, л. 3, 4.

орден Восходящей серебряной звезды I-й степени. 14 мая 1896 г. ему пожалована Серебряная медаль в связи с коронованием Николая II. Приказом по Самаркандской области от 28 августа 1896 г. письменный переводчик командировался в распоряжение главного начальника края для сопровождения командующего войсками Туркестанского военного округа генерал-губернатора барона А.Б. Вревского в Керки и далее в Бухару. Император Николай II в 3-й день февраля 1897 г. высочайше соизволил разрешить Серали Лапину принять и носить Бухарский орден золотой звезды 3-й степени. Военным губернатором Самаркандской области с 21 июня по 23 июля 1897 г. командирован в Искандеровскую волость Самаркандского уезда для изучения ягнобского языка. Военным губернатором Самаркандской области с 26 мая по 8 июня 1898 года командирован в Ферганскую и Сырдарьинскую области для сопровождения в качестве переводчика министра путей сообщения России.

Он был командирован в качестве переводчика при депутации от населения Туркестанского края для присутствования при открытии памятника в г. Москве скончавшемуся императору Александру II. Высочайшим приказом по военному ведомству о чинах гражданских, состоявшимся 11 октября 1898 г., подписанным императором Николаем II за отличие по службе Серали Лапин произведён в коллежские регистраторы.

По личному распоряжению председателя высочайше утверждённой комиссии о мерах предупреждения и борьбы с чумной заразой его высочества принца Ольденбургского командирован в Искандеровскую волость Самаркандского уезда с известными его высочеству поручениями с 3 по 30 ноября 1898 года. По распоряжению Главного начальника Туркестанского края генерал-губернатора генерал-лейтенанта С.М. Духовского, отданному в постановлении по Самаркандской области от 28 июня 1899 г., был командирован для сопровождения учащейся молодёжи из числа местного населения при их образовательной поездке с 24 июня по 16 августа по Европейской России.

По распоряжению Туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенанта С.М. Духовского с 18 августа по 24 сентября 1899 г. командирован для сопровождения его высокопревосходительства в качестве переводчика при поездке по Закаспийской и Ферганской областям и Бухарским владениям.

Главный начальник Туркестанского края генерал-лейтенант С.М. Духовской командировал его с 21 июня по 17 августа 1900 г. для сопровождения учащейся молодежи в их образовательной поездке по Европейской России.

И, тем не менее, Послужной список не даёт ответа, почему коллежский регистратор Лапин, наказаниям или взысканиям, соединённым с ограничением в преимуществах по службе, не подвергавшийся, под следствием или дознанием не состоявший, в походах против неприятеля не бывший, был уволен в отставку, хотя ждала его, судя по всему, в Туркестане безусловная карьера штатского генерала. Тем более, что жена его – дочь губернского секретаря Ахмерова, Биби Зюхре Нур Мухамедовна Ахмерова, уже родила ему к тому времени 19 ноября 1893 г. дочь Биби Рабига, 15 марта 1895 г. – Биби Райхана и сына Мир Али Шира, родившегося 3 октября 1896 г. – т.е. он лишался приличных по тому времени средств на содержание семьи.

Ответ на этот вопрос следует искать, видимо, не в служебной, а, скорее, в общественной деятельности Серали Лапина. Не следует забывать, что он выпускник Туркестанской учительской семинарии, открытой в Ташкенте в августе 1879 г., по инициативе генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана, провозгласившего, что «только народное образование способно завоевать народ духовно: ни оружие, ни законодательство не могут сделать этого, а школа, и только школа может»¹.

В 1877 г. администрацией Туркестанского генерал-губернаторства в Ташкент был приглашён Н.П. Остроумов. Он был рекомендован К.П. фон Кауфману самим Н.И. Ильминским, причём взамен самого себя, как первоначально того желал генерал-губернатор – для организации системы народного образования в крае, в первую очередь – для организации Туркестанской учительской семинарии. По положению одна треть слушателей семинарии должна была состоять из представителей местных национальностей. Именно здесь должна была формироваться лояльная империи национальная интеллектуальная и политическая элита.

Следует признать, что в самом начале своей служебной карьеры Лапин делает ряд успешных шагов в этом направлении. Во второй половине 90-х годов XIX в. его в Самарканде увлекает историко-краеведческая деятельность. Здесь он сближается и тесно сотрудничает с другим выпускником Туркестанской учительской семинарии В.Л. Вяткиным, раскопавшим знаменитую обсерваторию Улугбека. Его захватывает перевод надписей на исторических памятниках Самарканда. Его переводы публикуются Самаркандским областным

¹ К истории народного образования в Туркестанском крае. Константин Петрович фон Кауфман. Устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. Остроумова (1877 – 1881 гг.). Ташкент: Типо-Литография т.д. Ф. и Г. Бр. Каменские, 1899. С. 54-55.

статистическим комитетом под редакцией М. Вирского¹. В научном сотрудничестве с В.П. Наливкиным, Г. Усовым, Н.П. Вирским и В.Л. Вяткиным он проводит исследования современного состояния и деятельности мусульманского духовенства, разного рода духовных учреждений и учебных заведений мусульманского населения Самаркандской области с некоторыми указаниями на их историческое прошлое².

19 ноября 1894 г. действительный член Самаркандского областного статистического комитета С.-А. Лапин во вступительной статье «Вместо предисловия к первому изданию» к составленному им «Карманному Русско-Узбекскому словарю» писал: *«Настоящий труд является попыткой – ответить на давно назревшую потребность у местного русского населения в «общедоступном» словаре узбекского языка. Ввиду подобного своего назначения предлагаемый «Карманный Русско-Узбекский словарь» не претендует на полноту и непогрешимость, представляет из себя «справочную книжку», могущую быть полезной для русского человека при разговорах с оседлыми туземцами Туркестанского края. При этом считаю долгом высказать, что Словарь этот изданием своим всецело обязан просвещённому содействию г. Председателя Самаркандского областного статистического Комитета графа Н.Я. Ростовцева, принимавшего живое участие также в составлении его»*³.

Примечательно, что к Словарю прилагалась «Грамматика узбекского языка». Ранее и много позднее вообще речь не шла об узбекских словарях, узбекской грамматике, применялись понятия сартовский словарь, сартовская грамматика и т.д. Например, В.П. Наливкин и его знаменитый «Русско-сартовский и сартовско-русский словарь. – Ташкент, 1912». Такой подход был отнюдь не случаен, он выливался в большую дискуссию, которую Лапин будет вести и с Н.П.

¹ Перевод надписей на исторических памятниках г. Самарканда. С.А. Лапина // Справочная книжка Самаркандской области. 1897. Издание Самаркандского областного Статистического комитета. Под редакцией И.д. Секретаря Комитета Вирского М. Вып. V. Самарканд: Типография Самаркандского областного Правления, 1897. С. 1-22.

² Наливкин В.П., Усов Г., Вирский Н.П., Лапин С.А., Вяткин В.Л. Краткий очерк современного состояния и деятельности мусульманского духовенства, разного рода духовных учреждений и учебных заведений туземного населения Самаркандской области с некоторыми указаниями на их историческое прошлое // Сборник материалов по мусульманству. Ташкент, 1899; То же в Туркестанские ведомости. 1899. № 60-64.

³ См., например: Карманный русско-узбекский словарь. 4000 слов для обыденного разговора с оседлыми туземцами Туркестанского края. С приложением краткой грамматики узбекского языка. Издание Самаркандского Областного Статистического Комитета. Составил Действительный член Статистического Комитета Лапин С.А. Самарканд: Типография газеты «Русская Окраина», 1907. – 63 с.

Остроумовым¹ и с В.В. Бартольдом.

Поводом критики со стороны В.В. Бартольда С.М. Лапина стала заметка «Сарты и их язык», опубликованная последним в «Оренбургском листе» (1984. № 6)», в которой указывается, что «нет ни сартов как народа, ни сартовского языка», что слово *сарт* есть искажение слов *сары-ит* («желтая собака») и представляет насмешливое прозвание, данное кочевниками-киргизами оседлому населению края без различия происхождения.

Не соглашаясь с выводами С.М. Лапина, В.В. Бартольд указывал: 1) что уже у писателей XV и начала XVI в. Навои и Бабур слово *сарт* употребляется в смысле «перс, таджик» и противопоставляется слову *тюрк*, а не слову *казак*; 2) что термин *сарт* придуман не киргизами; 3) что сколько-нибудь научных объяснений слова *сарт* до сих пор нет; 4) что слово *сарт* не встречается в сочинениях домонгольского периода, а так как оно впервые употреблялось монголами, то объяснения слова *сарт*, вероятно, следует искать в монгольском языке; 5) что монголы называли словом *сартакты*, в смысле «таджик», всех мусульман без различия; 6) что во время походов Чингиз-хана тюрки старались сближаться с монголами и, вследствие этого сближения, монголы стали называть сартами не всех мусульман, а только сохранивших свою обособленность арийцев, и что от монголов этот термин перешел и к тюркам. По мере смешения с тюрками сарты утратили свой арийский язык и приняли тюркский².

С.М. Лапин откликается на это статьёй «О значении и происхождении слова «сарт»³, представляющей ответ на заметку В.В. Бартольда «О преподавании туземных наречий в Самарканде». В.В. Бартольд в свою очередь приводит некоторые примеры из этой статьи С. Лапина и указывает, что она не имеет серьезного значения⁴. Развивая свои мысли В.В. Бартольд в новой статье делает следующие выводы:

1) «Слова сартактай и сартаул встречаются у Рашид ад-дина, а слово сарт впервые мы находим у Неваи. В одном анонимном глоссарии начала XIV в. слово сартаул переводится словом «мусульманин».

¹ Остроумов Н.П. Русские не выдумывали слово «сарт» (По поводу заметки «Происхождение слова «сарт»)) // Туркестанские ведомости. 1912. № 241.

² О преподавании туземных наречий в Самарканде // Окраина. 1894. № 19 (12/24.111); См. также: Бартольд В.В. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. Сочинения. Т. II. Ч. 2. М.: Наука, 1964. С. 303-305.

³ Лапин Сер-Али. О значении и происхождении слова «сарт» // Туркестанские ведомости. 1894. № 36 (22.V/3.VI), 38 (29.V/10.VI), 39 (2/14.VI).

⁴ Бартольд В. Вместо ответа г-ну Лапину // Туркестанские ведомости. 1894. № 48 (7/19.VII). См. также: Бартольд В.В. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии... С. 306-309.

2) Слова сартаул и сартактай происходят от общего корня сарт.

3) Монголы первоначально называли сартами приезжавших к ним мусульманских купцов, среди которых были почти исключительно таджики.

4) Тюрки, сблизившись с монголами, по примеру последних стали называть горожан-таджиков сартами. Принимая оседлую жизнь, тюрки не хотели называть себя сартами и стали противопоставлять язык и литературу сартов своим собственным тюркским произведениям.

5) Для узбеков, завоевавших в начале XVI в. владения Тимуридов, сартами являлись оседлые жители покоренной ими страны в противоположность завоевателям-узбекам и союзным с ними кочевым народам.

6) Так как большинство оседлого населения после узбекского завоевания говорило по-тюркски, то сартами стали называться только горожане-тюрки в противоположность не только кочевникам, но и таджикам. Таким образом, установилось различие между терминами сарт и таджик, которые некогда были синонимами»¹.

Тем не менее, как ни прав был В.В. Бартольд с точки зрения академической науки, обосновывая существование в природе самостоятельного сартского языка («сарт тили») в противовес наименования его, как предлагал Серали Лапин, узбекским языком, реальная жизнь, которую знал практик и политик Серали Лапин, в отличие от кабинетного затворника-учёного В.В. Бартольда, предпочла вариант первого из них. Кстати, о переносе смысла этнонима «сарт» с течением времени с одной этнической группы на другую рассуждал в указанных статьях сам В.В. Бартольд. Разве не мог он тогда допустить, что нечто подобное может произойти и в данном случае? И это произошло, утвердилось историческое название языка не по В.В.Бартольду, а по Шерали Лапину, утвердилось, исходя не из европейского академического смысла, а исходя из восточной ментальности.

Из развернувшейся полемики видно, что это уже не тот Серали Лапин, что в 1899 и 1900 гг. по распоряжению Туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенанта С.М. Духовского сопровождал молодых мусульман в их образовательной поездке по Европейской России, дабы поразить их воображение величием империи.

В 1900 г. летом была организована экскурсия туркестанской

¹ Бартольд В. Еще о слове «сарт» // Туркестанские ведомости. 1895. № 30 (28.IV/10.V); Его же. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии...

молодёжи в Москву и Петербург в составе 19 молодых людей почти из тех же городов Туркестанского края; 13 участников экскурсии были посланы за счёт государства и 6 – на средства родителей. По национальности это были 2 казаха, 2 каракалпака, узбеки и таджики. Из 19 человек 10 – ученики русско-туземных школ разных городов, а 7 – окончившие эти школы. Возраст экскурсантов от 13 до 22 лет. Руководителем поездки состоял переводчик при военном губернаторе Самаркандской области С. Лапин. Эту группу молодежи также представляли царю и членам его семьи. Военный министр принял их и дал 400 руб. для пребывания в Петербурге «сверх маршрута». Это позволило им прожить в Петербурге на неделю дольше и посетить окрестные города и сёла Петербурга. В Казани на обратном пути экскурсанты осматривали университет и его научно-исследовательские учреждения¹.

В истории поездок молодых представителей коренного населения Средней Азии в Россию как в капле воды отражалось двойственное отношение различных слоёв российского общества к судьбам культурного развития Туркестана².

Спустя четыре года после своего выхода в отставку Серали Лапин сдаёт экзамены по курсу юридического факультета Санкт-Петербургского университета, после чего начинает карьеру присяжного поверенного и с головой окунается в политическую деятельность. К февралю 1917 г. Лапин вполне сформировавшийся политик: его имя на слуху среди политиков мусульман России.

В обстановке нарастающей напряженности в Ташкенте с 16 по 21 апреля 1917 г. проходил I Всетуркестанский съезд мусульман, созданный по инициативе «Шурои Исламия». На нем присутствовали 150 делегатов, представлявших все коренные народы края. Серали Лапин был избран в президиум съезда. В повестку дня наряду с другими были включены вопросы, связанные с отношением к Временному правительству, формой правления в России, подготовкой к созыву Учредительного собрания³.

Различное понимание конечных целей национально-освободительного движения лидерами либерально-демократического (джадидского), кадимистского (возглавляемого «Шурои Уламо») и только еще нарождающегося радикал-социалистического направления

¹ Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865-1924). М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1960. С. 219.

² ЦГА РУ, ф. Р-2866, оп. 1, д. 35, л. 10-14..

³ Туркестан в начале XX века: К истории истоков национальной независимости. Ташкент: Шарк, 2000. С. 30.

осложняло консолидационный процесс, порождая в нем центробежные и центростремительные тенденции.

Между тем «Шурои Уламо» игнорировали решение созванного по их же инициативе съезда туркестанских и казахских мусульман (17 – 20 сентября) о необходимости выступить сплоченным фронтом при выдвижении кандидатов в Учредительное собрание. 8 – 11 октября они проводят в Ташкенте Сырдарьинский областной съезд мусульман, представлявший преимущественно их сторонников. Представителей шуроисламистов на съезде были единицы. В повестку дня были включены два вопроса: составление списка кандидатов в делегаты Учредительного собрания от Сырдарьинской области и выбор двух членов от области в Краевой совет мусульманских депутатов¹.

Ожесточенный спор, разгоревшийся при обсуждении первого пункта повестки дня, по сути вылился в вопрос о сущности будущего государственного устройства края. Доводы шуроисламистов о необходимости добиваться в Учредительном собрании осуществления решений всероссийских съездов мусульман о федеративном устройстве России и национальной автономии Туркестана не устраивали сторонников «Шурои Уламо». Их лидер Сер Али Лапин, неоднократно выступавший на съезде, настаивал на признании приоритетности и верховенства в общественном устройстве края законов шариата и проводящих их органов. Съезд поддержал его позицию, в результате чего ему удалось провести свой список кандидатов². 18 октября газета «Улуг Туркистон», анализируя итоги работы съезда, с горечью констатировала, что, по представлению его участников, будущая власть в Туркестане может быть только властью «Уламо»³.

15 ноября 1917 г. в Ташкенте открылся III Краевой съезд советов рабочих и солдатских депутатов. На повестке дня съезда стояли вопросы организации краевой власти, создания власти на местах и выборов в Учредительное собрание. Большевики с самого начала решительно настаивали на создании краевой власти на тех же принципах, на которых была организована новая власть в центре: на строго пролетарской основе. «Победили солдаты, рабочие и крестьяне, – говорил в своем выступлении большевик Ф.И. Колесов. – И они должны взять власть в свои руки... Мы требуем всей власти советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»⁴.

¹ Туркестан в начале XX века: К истории истоков национальной независимости... С. 57.

² Улуг Туркистон. 1917, 18 октября.

³ Там же.

⁴ Наша газета. 1917, 18 ноября.

На съезде прозвучали два диаметрально противоположных выступления представителей коренного населения, выражавших разные направления национально-освободительного движения народов края: лидера «Шурои Уламо» Серали Лапина и делегата от Ходжентского совета мусульманских рабочих депутатов Абдуллы Рахимбаева. Первый не был делегатом III Краевого съезда советов, присутствовал на нем по поручению краевого совещания мусульман и выступил от его имени.

Серали Лапин 18 ноября 1917 г. огласил на съезде резолюцию совещания мусульман об организации краевой власти. Затем он заявил, что мусульманам должно быть предоставлено в ее органах 3/4 мест. «Основываясь на принципе самоопределения... мусульманство могло бы потребовать себе и всей власти, – сказал Серали Лапин, – но оно делает уступку пришлым элементам, допуская их представителей к власти... Путь мусульман самостоятельный. Он указывается им Кораном и правилами шариата, поэтому они не могут примкнуть ни к одной из русских политических партий, но будут поддерживать ту власть, которая, опираясь на все народные организации, приведет к Учредительному собранию... Мусульмане верят в обещание русской революции о самоопределении»¹.

Выступление Лапина было опротестовано председателем Ходжентского совета мусульманских рабочих депутатов Абдуллой Рахимбаевым. Он предложил съезду не считаться с мнением «Объединенного совещания различных мусульманских групп», не являвшегося, по его мнению, выразителем настроений всего мусульманского населения, каковым может быть только общемусульманский съезд, созыв которого назначен на 25 ноября².

Не получив понимания и поддержки, Серали Лапин покинул съезд. Так съездом был отвергнут предложенный совещанием мусульман компромисс в формировании краевой власти из представителей различных партий и организаций края с предоставлением при этом преимуществ коренному населению, составлявшему более 9/10 жителей Туркестана.

Отказав мусульманскому населению Туркестана в праве на управление краем, правящие партии отвергли возможность компромиссного решения вопроса о власти и предопределили тем самым будущую конфронтацию сил в политической жизни края. Решения съезда окончательно развеяли иллюзии у тех, кто до него еще

¹ Архив Аппарата Президента Республики Узбекистан (Далее – ААП РУ), ф. 60, оп. 1, д. 1, лл. 1-2.

² ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 1, лл. 1-2.

надеялся на создание коалиционного правительства, и еще более утвердили в своей позиции тех, кто еще до съезда твердо заявлял о своем отмежевании от большевиков.

Эти настроения сказались на работе IV Чрезвычайного краевого мусульманского съезда, созыв которого был объявлен лидерами национальной демократии еще в первые дни после вооруженного переворота в Ташкенте. Он начал работу 26 ноября 1917 г. в Коканде.

Кроме делегатов от областей на съезде присутствовали представители «Шурои Исламия», «Шурои Уламо», совета воинов-мусульман, краевой еврейской организации (Паолей-Сион), а также туземных евреев.

При формировании рабочих органов съезда делегаты высказались за включение в их состав представителей всех народов, проживающих в крае. Также было решено пригласить на съезд с правом совещательного голоса «сведущих лиц из европейского населения».

В утвержденной съездом повестке стояли вопросы: формы управления Туркестаном, о вступлении Туркестана в Юго-восточный союз «войск горцев Кавказа и вольных народов степей», выборы Исполнительного комитета, содержание наказа ему, пере выборы Туркестанского совета мусульманских депутатов, доклады с мест, текущий момент, о Туркестанском учредительном собрании, милиции, финансах и др.

В центре внимания съезда встал вопрос о форме управления Туркестаном. Всеми поддерживалась идея объявления автономии и независимости. Участники съезда убежденно продемонстрировали стремление защитить свою веру, обычаи, национальные права.

За три дня работы участники съезда окончательно определили свое видение будущего политического устройства Туркестанского края. В принятой 27 ноября 1917 г. в 12 часов ночи резолюции указывалось, что съезд, «выражая волю населяющих Туркестан национальностей к самоопределению на началах, возвещенных великой Российской революцией, объявляет Туркестан территориально автономным в единении с Федеративной Российской республикой, предоставляя установление форм автономии Туркестанскому Учредительному собранию».

28 ноября было дано название формирующемуся государственному образованию – Туркистон мухторияти (Туркестанская автономия). Съезд определил структуру власти: до созыва Учредительного собрания вся полнота власти сосредотачивалась в руках Туркестанского Временного Совета и Туркестанского Народного (Национального) собрания. Правительство, которое возглавил М. Тынышпаев –

премьер-министр, формировалось из членов Временного Совета в составе 12 человек. Численность Туркестанского Временного Совета была определена по количеству ранее делегировавшихся депутатов от Туркестанского края во Всероссийское Учредительное собрание – 32 человека.

В составе Временного Народного Совета (Национального Собрания) одна треть выделялась представителям от различных краевых европейских организаций. Фактически в основу предлагавшейся схемы государственного устройства предполагалось положить принцип пропорционального представительства крупнейших этнических групп.

Утвержденные съездом принципы государственного устройства свидетельствовали о победе демократически настроенной части интеллигенции.

В состав Национального собрания, избранного съездом, первоначально был включен и лидер «Шурои Уламо» С. Лапин, но он отклонил свою кандидатуру¹. Разногласия в кабинете министров Туркистон мухторияти и деловых кругах, поддержавших его, резко обострились и в конечном итоге привели к смещению М. Тынышпаева с поста премьера и назначению на этот пост М. Чокаева, обещавшего реализовать программу «более решительных мер в деле защиты мусульманских интересов». Новое руководство действительно начало действовать более активно.

Тем не менее, прибывшими из Ташкента войсками Туркистон мухторияти было объявлено вне закона, начались повальные аресты. Некоторых арестованных расстреливали без суда и следствия². В панике устремились из города и его жители.

Серали Лапин после разгрома Кокандской автономии скрывался в Бухаре, затем, приехав в Ташкент, обратился здесь за помощью в Германскую комиссию военно- и гражданских пленных, которая снабдила его необходимыми документами для поездки в Москву. Добравшись до Москвы, Лапин с помощью немецкого генерального консула принял турецкое гражданство и выехал в Петербург, а оттуда через Псков отправился в Германию и 20 сентября 1918 г. прибыл в Берлин³.

¹ Улуғ Туркистон. 1917, 13 декабря.

² См.: Туркестан в начале XX века: К истории истоков национальной независимости ...

³ Воробьев П.П. Экономические и политические интересы Германии в Средней Азии (начало XX в. – 40-е гг. XX в.). Машинопись историка Петра Петровича Воробьева (1964 – 1994). 121 л. Личный архив историка В.А. Германова.

Находясь в Германии, он 25 сентября встретился с представителем политического отдела Генерального Штаба лейтенантом Эльснером, которого ознакомил с политическим положением в Туркестане, сложившимся после октябрьского переворота, акцентировав своё внимание на деятельности правительства Кокандской автономии. Суть его позиции заключалась в необходимости оказания поддержки антибольшевистскому движению в Туркестане со стороны Германии, а в случае победы он видел этот край в качестве протектората Германии с монархической формой правления.

Серали Лапин направляет в Германский МИД письмо, где обстоятельно изложил цель своего визита в Берлин «как президента бывшего национального парламента автономного Туркестана» и как представителя единственной влиятельной в Средней Азии партии «Улема», которые уполномочили его от имени шести миллионов мусульман Туркестана вести переговоры о некоторых политических вопросах¹.

Организация военного вмешательства в туркестанские события по представлениям Серали Лапина могла выглядеть следующим образом:

С территории Турции через Закавказье перебрасываются войска в Закаспийскую область. При этом важная роль отводилась дружеским отношениям в тот момент Германии с советским правительством. Под предлогом оказания помощи большевикам в их борьбе с английскими интервентами, имевшими тесные связи с русскими белогвардейцами, Германия добивается разрешения послать свои войска в Среднюю Азию, а затем, однако, принимает участие в ликвидации здесь «большевистского господства» и в подготовке мусульманского населения к походу в Индию, вовлекая в этот поход Афганистан и Турцию»².

Что касается непосредственного осуществления военной экспедиции, то, по мнению лидера «улемистов», после пересечения Каспийского моря она должна продвигаться из Красноводска в двух направлениях: через Ашхабад, Мерв, Чарджуй, Бухару и через Перовск, Ташкент, наполняясь в пути представителями местных народов. Через 4 – 5 месяцев намечалось соединение этих двух групп в районе Ташкента или Самарканда. Руководство всей экспедицией, а также её экипировка возлагались на Германию. Одна из задач, которую затем предстояло решить, заключалась в создании при

¹ Воробьёв П.П. Указ. машинопись. С. 65.

² Там же. С. 65-66.

помощи немцев туркестанской армии с использованием в качестве инструкторов находившихся в Германии и Австро-Венгрии военнопленных мусульман.

Дальнейшее развитие Туркестана Серали Лапин связывал с Германией, с её интересами на всём Среднем Востоке.

Германские правительственные круги не спешили с ответом представителю туркестанской оппозиции, несмотря на все его усилия всячески подчеркнуть выгодность германского присутствия в Средней Азии и постоянные заявления о чувствах симпатии, которые питало к немцам местное население. Вероятно, такое довольно прохладное отношение к Серали Лапину объясняется и тем, что он весьма настоятельно просил, почти требовал от правительства Германии оказать ему финансовую помощь в виде кредита на сумму 200 тысяч марок за те материальные издержки, которые имелись в ходе продолжительной поездки из Ташкента в Берлин, обещая вернуть деньги, как только установится нормальная связь с Туркестаном¹.

22 ноября Харальд Козак, обращаясь к фон Бюхнеру по поводу Серали Лапина, всё же счёл нужным обратить внимание на него, предположив, что позже, когда для Германии пройдут тяжёлые времена, связи, установленные с этим человеком, могут стать весьма ценными.

Однако приступ психического расстройства, происшедший с Серали Лапиным 17 декабря 1918 г., вследствие которого он был госпитализирован в институт Эдель, окончательно подорвал к нему доверие, более того, была предпринята попытка связаться с его семьёй и возложить на неё оплату пребывания больного в больнице².

Его жизнь и смерть и поныне заключают в себе немало загадок. Так, в статье узбекских историков К. Раджабова и М. Хайдарова, написанной ими для Узбекской национальной энциклопедии утверждается, что он умер в 1919 г. в Самарканде и похоронен на кладбище Шах-и Зинда³. Если это только не красивая, интересная легенда, то остаётся загадкой, как «турецкоподданный» эмигрант Лапин сумел вернуться в родной Самарканд.

На такой пронзительно печальной ноте обрывается эта научная и политическая биография.

¹ Воробьёв П.П. Указ. машинопись. С. 67.

² Там же.

³ Раджабов К., Хайдаров М. Лапин Шерали (Серали) Мунайтпасович (1868, Окмачит – 1919, Самарканд). Узбекистон миллий энциклопедияси. Т. 5. Конимех – Мирзокуш. Тошкент: Узбекистон миллий энциклопедияси, 2003. Б. 227.

Его дочь Робия Сералиевна Лапина стала женой видного казахского политического и государственного деятеля Санджара Джафаровича Асфендиарова, в своё время окончившего Петербургскую Военно-медицинскую академию, кстати, автора многих трудов, посвящённых истории казахского народа, погибшего в период большого террора 30-х годов XX в. Отца своего зятя – Султана Саида Джафара, переводчика Канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, С. Лапин хорошо знал по службе. А вот со своим тестем Асфендиарову в 1917 г. приходится много раз вести идейные политические диспуты. Через полтора месяца после ареста Асфендиарова, его супруга Р.С. Лапина, работавшая научным сотрудником Национальной библиотеки Казахстана, была арестована. Приговором трибунала Туркестанского военного округа Р.С. Лапина была осуждена на 8 лет и отправлена в Карагандинский лагерь политзаключённых. Она мужественно вынесла все тяготы, выпавшие на её долю. Но не дожидаясь своей реабилитации четырёх лет – умерла в 1954 г.¹ Школу унижения прошли и две внучки Шерали Лапина – Рахилия и Анеля, которых сегодня уже нет в живых. Лишь праправнуки берегут сегодня память о нелёгком жизненном пути своих предков.

Василий Вяткин и Самаркандская старина

Жизнь и многогранная научная деятельность одного из известных ученых – археолога, источниковеда, историка – Василия Лаврентьевича Вяткина непосредственно связана с изучением истории и археологии Узбекистана.

В разные годы XX в. ему были посвящены статьи в научных изданиях², имя его нередко упоминалось в работах по истории востоковедения и археологии³, была даже защищена кандидатская диссертация⁴. Однако специального монографического исследования, раскрывающего многогранный научный и жизненный путь В.Л. Вяткина, до сих пор нет. Данная работа в свою очередь послужит дополнением к уже существующим исследованиям.

¹ Махмудов М.М. Санджар Джафарович Асфендиаров (1889 – 1938) // Революцией призванные. Биографические очерки. Вып. II. Ташкент: Узбекистон, 1991. С. 60.

² Бетгер Е.К. Список трудов Василия Лаврентьевича Вяткина // Труды ТашГУ. Ташкент, 1960. Вып. 172. С. 124–127; Шишкин В.А. Василий Лаврентьевич Вяткин (к тридцатилетию со дня смерти) // ИМКУ. Ташкент, 1963. Вып. 4. С. 144–151 и др.

³ Лунин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Ташкент: Фан, 1958. С. 88–91.

⁴ Аббасов А. В.Л. Вяткин – историк-источниковед, историк-археолог Узбекистана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1969. – 47 с.

В.Л. Вяткин родился 18 августа 1869 г. в городе Верном Семиреченской области в семье казака-переселенца. После окончания Ташкентской учительской семинарии в 1894 г. он некоторое время работал учителем в г. Ош, где и начал интенсивное изучение истории азиатских народов. Через некоторое время он перебрался в Самарканд, любовь к которому он сохранил до конца своей жизни. Со временем имя В.Л. Вяткина стало неотъемлемой частью истории изучения Самарканда и его окрестностей, охраны и описания местных памятников старины, коллекционирования предметов древности и восточных рукописей. Интерес Василия Вяткина к краеведению способствовал тому, что он становится членом Самаркандского областного статистического комитета, основанного в 1877 г. Впоследствии при активном его участии 21 июля 1896 г. в Самарканде был открыт «Музей Самаркандского статистического комитета».

Формирование мировоззрения В.Л. Вяткина проходило, главным образом, под влиянием русской интеллигенции Туркестана, а также благодаря изучению им работ великих мыслителей Средней Азии¹.

Искренне полюбив Туркестанский край, его богатую историю, народ, В.Л. Вяткин стал прилагать все усилия для развития здесь исторической науки и образования. Придавая огромное значение созданию общедоступных библиотек – одному из основополагающих факторов развития образования, он в 1902 г. в небольшой статье постарался ответить на жалобу читателей газеты «Русский Туркестан» на отсутствие в городе Самарканде общественной библиотеки:

«... В Самарканде оказалась необходимость в постройке музея... Военный губернатор области, сочувствуя делу кружка народных чтений и давно назревшей потребности в общедоступной библиотеке, еще в начале прошлого года (1901 г. – Ф.Ш.) возбудил ходатайство перед генерал-губернатором о разрешении построить на городские средства здание для музея, вместе с тем просил разрешить постройку ... помещения для библиотеки с читальней и зала для народных чтений ... В настоящее время утверждение проекта и сметы близко к осуществлению и мы надеемся, что постройка здания откроется в предстоящий строительный сезон»². Вероятнее всего, что В.Л. Вяткин приложил немало усилий в данном мероприятии.

В Самарканде свои исследования В.Л. Вяткин начал с изучения многочисленных вакфных документов, постепенно переходя на другие письменные источники. Здесь уместно привести следующее

¹ Аббасов А. В.Л. Вяткин – историк-источниковед, историк-археолог Узбекистана: ... С. 4.

² В.В. [Вяткин В.Л.] Из Самарканда (Кор. «Русск. Турк.») // Русский Туркестан. 1902. 13 февраля. № 36.

высказывание В.А. Шишкина:

«Молодой Вяткин, не получивший специального историко-востоковедческого образования, без всякого научного руководства, через два года после приезда в Самарканд, начал публикацию серии научных работ, свидетельствующих о его глубоких и разносторонних знаниях»¹.

Так, внимание научной общественности привлекли такие работы исследователя по краеведению, как «К исторической географии Ташкентского района»² и «Материалы к исторической географии Самаркандского вилаета»³. Они были написаны с использованием большого количества вакфных документов, впервые вводившихся в научный оборот. В частности, В.В. Бартольд о статье В.Л. Вяткина по исторической географии Самаркандского вилаета писал:

«Несмотря на свой сравнительно небольшой объем, статья В.Л.Вяткина по богатству заключающегося в ней нового материала вполне заслуживает названия капитального труда»⁴.

В.Л. Вяткин неоднократно утверждал, что знание и умение работать с письменными источниками является самой важной задачей и должны стать «точкой опоры русским исследователям» в изучении Средней Азии. Он резко негативно характеризует участвовавшие случаи скупки рукописей у частных лиц и их массового вывоза за границу. В частности, он писал:

«Лицу, ознакомленному до некоторой степени с местными языками и желающему заняться изучением прошлого нашей окраины в том или ином отношении, с первых же шагов встречается серьёзное препятствие – отсутствие в целом крае сносно общественного собрания первоисточников и сырых материалов, над которыми прежде всего пришлось бы такому лицу поработать, т.е. восточных рукописей. Тот, кто способен, не устрашится приведенного препятствия, должен или ехать в Петербург и Западную Европу, где имеются библиотеки восточных сочинений...»⁵.

В.Л. Вяткин с большим сожалением писал о вывозе редких и ценнейших рукописей за пределы региона:

«Количество рукописей все уменьшается в Туркестане; рукописи энергично скупаются для иностранных библиотек и лиц; цена на них

¹ Шишкин В.А. Василий Лаврентьевич Вяткин (к тридцатилетию со дня смерти) // ИМКУ. Ташкент: Фан, 1963. Вып. 4. С. 144–151.

² Вяткин В.Л. К исторической географии Ташкентского района // Туркестанские ведомости. 1900. № 101.

³ Вяткин В.Л. Материалы к исторической географии Самаркандского вилаета // Справочная книжка Самаркандской области. Самарканд, 1902. Вып. VII. С. 1–63.

⁴ Записки Восточного отделения Российского археологического общества (ЗВОРАО). 1903. Т. XV. С. 51–52.

⁵ В.В. [Вяткин В.Л.] Точка опоры // Туркестанские ведомости. 1902. № 92.

поднимается очень быстро, так как иностранцы вообще мало стесняются ценами...

За практическим изучением выдвинется с течением времени изучение научное, всестороннее и глубокое, и тогда вопрос о собрании рукописей еще более обострится. Не только в странах ислама, исстари отличающихся широко развитой грамотностью, но и повсюду письменные памятники, отражающие как внешний, так и внутренний быт народа, являются краеугольным камнем науки о прошлом, – часто единственным источником наших познаний о той или другой области исторической жизни народа. ... Необходимо спасти от расхищения иностранцами те письменные сокровища, которые еще сохранились в крае, и приобрести их для Ташкентской публичной библиотеки»¹.

В.Л. Вяткин и сам собрал большую коллекцию восточных рукописей (273), которая после его смерти поступила в фонды Государственной публичной библиотеки².

К археологии его привело еще одно направление исторической науки – изучение исторической топографии. Этому способствовало и увлечение В.Л. Вяткиным древними архитектурными памятниками Самарканда, любовь к которым он сохранил до конца жизни. Исторические памятники одного из древнейших и красивых городов Центральной Азии – Самарканда всегда привлекали и привлекают внимание тех, кто интересуется историей этого региона. В.Л. Вяткин сыграл огромную роль в изучении и сохранении памятников материальной культуры Самарканда.

18 апреля 1903 г. состоялось назначение В.Л. Вяткина смотрителем всех памятников Самарканда: «как лица, изучающего историю Средней Азии по мусульманским источникам и, попутно, вопросы по истории памятников строительного искусства, а главное, как лица, знающего разговорный и письменный язык местных [народов]»³. В обязанности В.Л. Вяткина входили надзор за состоянием сооружений и организация ремонтных мероприятий.

Не теряя времени, он начал свою деятельность на данном поприще с докладной записки на имя Военного губернатора Самаркандской области⁴ о состоянии исторических памятников Самарканда, в которой поставил вопрос о необходимости обращения «с

¹ В.В. [Вяткин В.Л.] Точка опоры...

² Чабров Г.Н. В.Л. Вяткин – книговед // ОНУ. 1969. № 11. С. 72–73.

³ Письмо Туркестанского генерал-губернатора Археологической комиссии от 29/31 марта 1903 г. № 3756. Архив Археологической комиссии, д. № 693 – 1895 г. (В Институте археологии АН СССР) // Шишкин В.А. Василий Лаврентьевич Вяткин (К тридцатилетию со дня смерти) / ИМКУ. Вып 4. Ташкент, 1963. С. 145.

⁴ ЦГА РУз, ф. Р-1591, оп. 2, д. 58, л. 9.

соответствующими ходатайствами одновременно к 1) правительству, 2) к Самаркандскому городскому хозяйственному управлению, 3) к Императорской Археологической Комиссии и 4) к частной благотворительности, испросив разрешение на открытие подписки для пополнения специального фонда на реставрацию и ремонт памятников древности в г. Самарканде между населением Туркестанского края и Бухарского ханства».

«Мне кажется, – писал В.Л. Вяткин, – что частная благотворительность при отзывчивости мусульман на дела, связанные с «савабом» (награда в будущей жизни), к числу каковых именно и относится поддержание их святынь – памятников древности при умелом распространении, через администрацию и почетных, уважаемых лиц, среди населения подписных листов с соответствующим воззванием, должна дать благоприятные результаты»¹.

За год до этого, в 1902 г., в печати появилась статья В.Л. Вяткина, где автор сетовал на плачевное состояние самаркандских памятников и призывал официальные власти к ответственности за их сохранение. В ней, в частности, отмечалось:

«... Мы ... не можем не признать, что забота о поддержании величественных памятников древности, ценных в культурно-историческом отношении, даже независимо от того, обладали они ранее вакуфною поземельной податью, или нет, а единственно в силу значения их для науки, – должна лежать на правительстве»².

Это говорит о том, что В.Л. Вяткин предусматривал все возможные пути изыскания денежных средств для сохранения памятников Самарканда.

Главное свое профессиональное предназначение В.Л. Вяткин видел в изучении и заботе о сохранности архитектурных памятников города. Пребывая в должности смотрителя памятников Самарканда Василий Лаврентьевич взял на учет и составил план расположения всех памятников Самарканда и его округа. Все свое время он посвящал тщательному изучению источников, в которых они упоминались. Этому способствовало знание восточных языков, изучение вакфных документов и постоянное общение с местным населением. Благодаря этим знаниям, он по достоинству оценил культурное и историческое наследие Туркестана, в частности Самарканда.

«Такой чудный памятник прекрасного прошлого Средней Азии, как бывшая соборная мечеть Биби-ханым, самое обширное и грандиозное сооружение великого полководца Тимура, соответствовавшее

¹ ЦГА РУз, ф. Р-1591, оп. 2, д. 58, л. 9об.

² Вяткин В.Л. К вопросу о поддержании памятников древности в Самарканде // Туркестанские ведомости. 1902. № 85.

подавляющему величию и мощи своего строителя, в создание которой вложены были искусство и талант лучших мастеров того времени. ... Однако это творение Тимура быстро подвигается к окончательному разрушению. ... На наш взгляд, заслуживают прежде всего реставрации и дальнейшего поддержания следующие важнейшие памятники древности в Самарканде: четыре медресе, три из которых окружают площадь Регистан с трех сторон: 1) Мирза-Улуг-бек, построенная самаркандским правителем, внуком Тимура, известным астрономом и историком, имя которого он носит, в 823 (1420) году; 2) Шир-дор и 3) Тилля-кари, ... и 4) еще одна, расположенная при мазаре Ходжа Ахрара, на окраине города, в садах, называемая мадрасою Надыр-диван-беги и построенная в 1040 (1630-1631) году. ... Мавзолей Тимура (Гур-и-Амир), построенная им незадолго до смерти, ... принадлежит к числу замечательных сооружений этого государя, строительная деятельность которого сосредоточена была главным образом в Самарканде»¹.

В своей статье сильно переживая за состояние самаркандских памятников, требующих безотлагательной реставрации Василий Лаврентьевич был вынужден с прискорбием констатировать:

«Время идет; молчаливые свидетели старины, вызывающие в нас восторг и удивление, продолжают ветшать и разрушаться: увеличиваются щели, появляются новые трещины, отваливаются карнизы, обсыпаются изразцы, вываливаются кирпичи, утрачиваются архитектурные линии. Работа по поддержанию и реставрации из года в год становится труднее и сложнее»².

Кражи отдельных фрагментов исторических памятников, которые впоследствии оказывались в музеях и частных коллекциях за рубежом, В.Л. Вяткин считал вандализмом. Так, в частности, в 80-х годах XIX в. французская супружеская чета Уйфальви, путешествующая по городам Туркестана с целью сбора представляющих историческую ценность предметов старины, будучи в Самарканде, наняла ничего еще не понимающего подростка для снятия со стен исторических памятников цветных изразцов с помощью топорика. После этого, изразцы были размещены в семи ящиках и увезены во Францию³. В качестве подтверждения приводим факсимиле рапорта В.Л. Вяткина Военному губернатору Самаркандской области от 21 апреля 1905 г.⁴, где излагается случай об очередном подобном вандализме – снятии ночью неизвестными лицами изразцовой надписи на входной двери усыпальницы Гур-Эмир в Самарканде.

¹ Вяткин В.Л. К вопросу о поддержании памятников древности в Самарканде...

² Там же.

³ Тарих шоҳидлиги ва сабоқлари. Тошкент: Шарқ, 2001. Б. 376.

⁴ ЦГА РУз, ф. И-18, оп. 1, д. 6218 – О похищении в усыпальнице «Гур-Эмир» неизвестными изразцов на коих изображена древняя надпись, л. 1-1об.

Смонтировано
надгробными камнями
древности в г. Сая-го
21 апреля 1950.

Господину Военному Инженеру
Саянскской области

Репорт

II-100.

Кл. неведомому
исполнению сообщить
получившему для
разрешения похити-
телей и похищенную
израза.

За губ. С.Г.

21/IV 1950

Сегодня при осмотре усыпальницы Турч.
эмиры можно убедиться, что черта надъ бо-
ковую входную дверь в кость отбиты на про-
тяжении около сажени длиной и около трех деци-
метров шириной. Черта дала впечатление над-
пись: «это гробница эмира Шихура Туратлы»
и т.д.

Оказавшись в усыпальнице помощник мой
тавил обломки, что погреб во вторник, когда
ока котелок в усыпальнице с откид узелком, мало
помогло помыслилось етуча в боковую дверь, а таблич-
ки, прикреплявшие по узелку, но с акцентом
армянским или персидским, медальки попки вых-
диль и помыслилось, гроб в противной етуча зар-
зайт. В узелку ситки окна с левой стороны эта-
ченной двери заштукатурены были от француз в герман,
но отбивали черта дружок ища. Эмоциональные
пис не только помыслилось. Болталось раскрас отбитых

черта в челека, а черта с отбитыми дубов-
ми и етуча оставили дна у порога двери. Она
же удалена каменка била в саду при усыпальни-
це, ближе к прочку, ведущему к городской уличке.
Фонировало обь илюженной, прошу распоря-
жений Вашего Преосвященства обь усилении
погреб помыслилось в районе Турч. эмиры
кроме того городское хозяйство управление мож-
ет етуча содержимого ища дна сада при усы-
пальнице сарайка-обьрауи вайк самой усыпа-
льнице туратлы и его помощнику.

Командирский репорт В.В. М. М.

Не менее грубым нарушением прав туркестанцев и культурным ханжеством он считал снятие изразцов со зданий ансамбля Шах-и-Зинда царской администрацией для хранения их в музее Штиглица в Петербурге и с возмущением писал:

«... Какое же чувство будет вызвано у мусульман надругание над их святыней, привлекающей ежедневно даже из отдаленных мест паломников? Вправе ли мы вызывать это чувство? Наконец, один увезет двери, другой – намогильный камень, третий – облицовку с купола зданий, четвертый пожелает перетащить гробницу Тамерлана и конец этому расхищению может наступить только тогда, когда тащить нечего будет. Мы надеемся, что не только содействия, но и разрешения не последует на такое постыдное для нас дело, как варварское калечение доставшегося нам от былых времен художественного наследия»¹.

Будучи зрителем самаркандских памятников, он из года в год вел постоянную переписку с административными органами, обращаясь с просьбой о выделении денежных средств на ремонт и реставрацию того или иного исторического здания.

Не ограничиваясь обращением в административные органы и не дожидаясь ответа, В.Л. Вяткин искал помощи и среди местных предпринимателей и мастеров².

Еще одно обращение В.Л. Вяткина касалось медресе Мирзо Улугбека, спасение и сохранение которого имеет длинную и многолетнюю историю, а начало свое, как выяснилось при изучении личного фонда Василия Вяткина, берет не в 1918 г., как отмечал в своей брошюре М.Е. Массон³, а в 1916 г. Еще в январе 1916 г. В.Л. Вяткин, как зритель Самаркандских памятников, написал рапорт Военному губернатору Самаркандской области по поводу ухудшения состояния здания медресе Улугбека в Самарканде⁴. В рапорте он просил «назначить комиссию для освидетельствования минарета..., которая должна определить степень устойчивости минарета, возможность его фактического сохранения путем каких-либо приспособлений или необходимость снятия верха и до какой высоты».

Из содержания данного рапорта становится ясно, что еще в 1916 г. обнаружилась угроза падения северо-восточного минарета медресе Мирзо Улугбека, и уже тогда В.Л. Вяткин забил тревогу и

¹ ЦГА РУз, ф. Р-1591, оп. 2, д. 58, л. 6–6об.; Шишкин В.А. Василий Лаврентьевич Вяткин (К тридцатилетию со дня смерти) // ИМКУ ... С. 147.

² ЦГА РУз, ф. Р-1591, оп. 1, д. 11, л. 1-1об.

³ Массон М.Е. Падающий минарет. Ташкент, 1968.

⁴ ЦГА РУз, ф. Р-1591, оп. 1, д. 15, л. 1.

начал прилагать усилия для сохранения исторического памятника, который в настоящее время составляет часть неповторимой целостной картины площади Регистан в Самарканде.

Благодаря исключительному знанию Василием Лаврентьевичем Самарканда, ни одно историческое исследование по этому старинному городу, а иначе его называли «лик земли», никакие археологические раскопки не обходились без его непосредственного участия, которые в большинстве организовывались по его же инициативе. Одним из основных объектов археологических раскопок ученого был Афрасиаб, в изучении которого он участвовал с 1904 г. под руководством В.В. Бартольда по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнологическом отношении. После отъезда В.В. Бартольда обратно в Петербург, дальнейшие раскопки на Афрасиабе были в ведении В.Л. Вяткина. Результатом этих многолетних изысканий явилась работа «Афрасиаб – городище бывшего Самарканда»¹.

Однако наиболее значимым во всех отношениях достижением, принесшим В.Л. Вяткину мировую известность, – стали поиск, находка и открытие обсерватории Мирзо Улугбека, явившейся одним из величайших археологических открытий начала XX в. Он тщательно собирал и анализировал сведения о месте нахождения обсерватории, о чем впоследствии писал:

*«Хотя обсерватория, построенная Мирза Улуг беком в окрестностях Самарканда, и упоминается у многих мусульманских писателей, а Мирза Бабур в своих известных мемуарах даже указывает приблизительное ее местоположение, но до последнего времени, несмотря на понятный интерес к этому историческому памятнику, не было точно известно, где именно было расположено это, судя по описаниям, грандиозное сооружение...»*².

В 1908 г. В.Л. Вяткин с помощью известного в свое время каллиграфа из квартала Заргарон – Абусаида³ (В.Л. Вяткин в это время снимал у Абусаида квартиру. – Ф.Ш.) при разборе целой корзины с вакфными документами середины XVII в. обнаружил в одном из них слово «тал-и-расад» (обсерватория). Хотя, еще с конца XIX в. рядом исследователей высказывались различные версии местонахождения обсерватории Мирзо Улугбека, но именно данный вакфная грамота,

¹ Вяткин В.Л. Афрасиаб – городище бывшего Самарканда. Археологический очерк. Ташкент, 1927. – 65 с. и илл.

² Вяткин В.Л. Отчет о раскопках обсерватории Мирза Улугбека в 1908 и 1909 годах. Спб.: Типография Императорской Академии Наук, 1912.

³ Остонова Г.Ю. Вақф ҳужжатида Улуғбек расадхонаси ҳақида маълумот // ОНУ. 1994. № 9–10. С. 58–62.

прочитанная Василием Лаврентьевичем поставила окончательную «точку» в данном вопросе. Тщательно изучив документ, он определил точное место обсерватории, известное в настоящее время под названием Накш-и-джахан возле арыка Оби-Рахмат.

«Открытием местоположения обсерватории мы обязаны найденному мною вакуфному документу, написанному около 250 лет тому назад, в котором в числе описанных границ земельного участка указан холм обсерватории («тал-и-расад») и известные в настоящее время под теми же названиями арык Аби-Рахмат и местность Накш-и-джахан. Документ этот давал настолько точные и вполне определенные указания на место расположения обсерватории, что отыскать в натуре холм, упоминаемый в документе, трудности не представляло»¹ – писал В.Л. Вяткин в своем отчете о раскопках обсерватории Мирзо Улугбека, опубликованном в 1912 г.

После установления советской власти в Туркестане В.Л. Вяткин наряду с другими обязанностями продолжает работу по охране памятников Самарканда и избирается председателем Самкомстариса*, входившего в состав Туркомстариса**. Все исследователи, приезжавшие в Самарканд с археологической, историко-архитектурной экспедицией, или с какой-либо другой научной целью, в первую очередь обращались к Василию Лаврентьевичу Вяткину, так как он был ведущим специалистом по памятникам Самарканда.

Именно по его инициативе в 1918 г. была составлена комиссия, в состав которой вошли инженеры М.Ф. Мауэр и Б.Н. Кастальский, по оказанию «скорой помощи» северо-восточному минарету медресе, построенного в 1417 – 1420 гг. Мирзо Улугбеком².

В Государственном архиве Республики Узбекистан в личном фонде В.Л. Вяткина³ сохранилось множество документов, протоколов, писем, обращений, свидетельствующих о том, какие невероятные практические и научные усилия были приложены для сохранения сегодняшнего облика площади Регистан в Самарканде в сложное для Узбекистана время. Как писал М.Е. Массон, *«члены комиссии отчетливо сознавали, что знаменитое медресе Улугбека является памятником большого научного и художественного значения, и что главный*

¹ Вяткин В.Л. Отчет о раскопках... С. 76.

* Самкомстарис – Самаркандский комитет по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы.

** Туркомстарис – Комитет по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы Туркестанской АССР.

² Массон М.Е. Падающий минарет. Ташкент: Узбекистан, 1968; Шамукарамова Ф. Из истории спасения минарета медресе Мирзо Улугбека // *Ўзбекистон тарихи*. 2006. № 1. С. 16–23.

³ ЦГА РУз, фонд Р-1591.

его фасад без одного углового минарета окажется недопустимо обезображенным», так как и без этого в 1870 г. рухнул один из четырех минаретов медресе, чуть позже и второй. Почти каждое заседание комиссии, отдельные из которых проходили прямо на площади Регистан, сопровождались бурными спорами в вопросе скорейшего спасения и выпрямления минарета медресе. Работы велись в течение 1918 – 1932 гг. и были завершены успешно. Это был беспрецедентный случай в мировой истории реставрационной практики.

Наравне со служебными обязанностями и научно-исследовательской работой непосредственно в Самарканде В.Л. Вяткин по линии Средазкомстариса не раз был командирован в разные регионы Узбекистана для ведения археологических раскопок, обследования архитектурных памятников региона со всеми полномочиями, касающимися его деятельности¹. Где бы он ни работал, всегда возвращался в родной для него Самарканд². Этот неутомимый разносторонний ученый находился в постоянном научном поиске.

После упразднения предшественника Туркомстариса – Средазкомстариса В.Л. Вяткин был также первым председателем Узкомстариса, находившегося в Самарканде.

Трудно переоценить роль В.Л. Вяткина в изучении и сохранении бесценных культурных памятников Самарканда. Не имея специального образования, он в высшей степени состоялся как талантливый исследователь, превосходный организатор, большой энтузиаст, бескорыстно увлеченный своим делом. За открытие в 1908 – 1909 гг. остатков обсерватории Мирзо Улугбека В.Л. Вяткин по праву был удостоен золотой медали имени акад. В.Р. Розена. Но, пожалуй, главным критерием признания его деятельности можно считать огромное уважение среди местного населения Самарканда.

По характеру В.Л. Вяткин был довольно своеобразным человеком. Так, М.Е. Массон в одной из своих работ приводит воспоминания Н.П. Остроумова:

«... «Бука» Вяткин ... упрямый, нелюдимый какой-то, большой индивидуалист. Не хочет, вот как другие, делиться с ним, Николаем Петровичем, услышанными от туземцев сказками, пословицами, загадками. Все для себя бережет. При всем том застенчивый уж очень. Стесняется, что не умеет держаться в обществе. Но вообще

¹ ЦГА РУз, ф. Р-1591, оп. 2, д. 7, л. 1, 3, 4, 7, 8.

² Судя по одному архивному документу, В.Л. Вяткин большую часть служебной и научной работы предпочитал выполнять дома. В этой связи председателем Облгорисполкома было подписано удостоверение на выделение ему дополнительной жилплощади в размере 20 кв. аршин. См: ЦГА РУз, ф. Р-1591, оп. 2, д. 7, л. 2.

многообещающий молодой человек»¹.

Понимая, насколько важно для глубокого изучения истории Узбекистана знать и уметь читать первоисточники, В.Л.Вяткин в то время писал:

«Надо будет изучать язык и арабский шрифт, так как всегда мы будем прибегать к первоисточнику, как бы мы не освещали исторические факты... Для написания истории культуры, истории быта, истории общества и общественных элементов необходимо тем не менее изучать вообще историю Средней Азии. Историк должен оперировать вообще всем материалом, для этого он должен владеть языками»².

Эти высказывания ученого, впрочем актуальны и в настоящее время.

При изучении описи личного фонда М.Е. Массона нам удалось обнаружить неопубликованные работы В.Л. Вяткина: 1) машинописный научный труд «К вопросам изучения узбеков в Средней Азии. XVI век», объемом в 150 листов; 2) перевод рукописи «Васики сиджият и утверждение продаж» объемом в 513 листов. Возможно, еще придет время и кому-нибудь удастся изучить и издать эти труды, так как, вероятно, мало кто из современных исследователей знает о них.

Помимо научных изысканий В.Л. Вяткин вел и педагогическую деятельность, в частности, он был одним из первых профессор-историков Самаркандского государственного университета, почетным членом ученых Советов Среднеазиатского государственного университета в Ташкенте (ныне Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека) и Восточного института.

Академик Яхъя Гулямов, вспоминая свои студенческие годы в Самарканде, писал:

«Начались лекции В. Вяткина по курсу «История мусульманского Востока». Он читал лекции, шагая из одного конца аудитории в другой... Он не смотрел ни на конспекты, ни на студентов. Выбрав и смотря только на одну точку, он читал наизусть стихи на фарси, относящиеся к теме... На первой же лекции он в корне перевернул мои предыдущие взгляды, потому что перед его знаниями мои познания по истории показались ничтожными. Он изученные им письменные источники X века, в частности, произведения Мухаммада Жарир Табарий, Мухаммада Наршахий и живших позже Ибн ал-Асир, Жувайни и других, так характеризовал, что до сих пор прочитанные мною книги по истории показались ничтожными. Во время лекции мы

¹ Массон М.Е. Рудник погибели. Фрунзе: Кыргызстан, 1971. С. 10–11.

² Аббасов А. В.Л. Вяткин – историк-источниковед, историк-археолог Узбекистана... С. 17.

прерывали его и задавали вопросы, он обязательно отвечал на них. Потому что в конце лекции он не оставлял времени для вопросов, и после звонка сразу выходил из аудитории. В. Вяткин из моих вопросов, кажется, понял, что я очень внимательно слушал его лекции, и однажды подждал меня в коридоре. Как только я приблизился к нему, он по-узбекски начал комментировать свой ответ на мой вопрос. Именно В. Вяткин впервые мне посоветовал внимательно изучить первоисточники. После очередной его лекции В. Вяткин повел меня в старую часть Самарканда. Завел в библиотеку на улице Регистана. Работавшие там сотрудники от молодых до людей в возрасте сразу стали тепло приветствовать его на узбекском языке, обращаясь к нему уважительно «домла» (учитель. – Ф.Ш.). Я тогда понял, насколько его уважает местная интеллигенция и в каких он с ними теплых отношениях. Учитель поставил стул возле высокого шкафа и достал оттуда покрытую пылью книгу. Это был турецкий перевод «Тарихий Табарий» («История Табарий»). Он показал, какую главу мне следует прочитать в первую очередь. Хотя книга была на турецком, но заглавия глав были на фарси. Я и представить не мог насколько он хорошо владеет фарси и турецким. В тот же день В. Вяткин повел меня в свой кабинет на Регистане. Его кабинет был расположен в одной из худжр (келья – Ф.Ш.) медресе Тилла-кори. Его стол был заполнен папками и книгами, а возле них в папиросной коробке лежали старые монеты. На деревянных полках старинные в ряд стояли керамическая, стеклянная посуда, разнообразные фрагменты настенных росписей, фрагменты мраморных надписей, керамические статуэтки людей, лошадей и других животных. Потом я узнал, что В. Вяткин является председателем Комитета по охране старинных памятников. Он вежливо приняв, поговорив с посетителями, вернулся и увидев, как я заинтересованно разглядываю эти предметы, обратился ко мне со словами:

– Ну что, мулло Яхъя, что скажете по поводу этих находок, на что они похожи? – и громко рассмеялся.

– Предположительно, они найдены в результате археологических находок, но какая из них какого периода?... – спросил я.

– Весь вопрос в этом, это и есть археология, о которой я говорил, – ответил он, и, встав с места, обозначив несколько предметов керамической посуды, плитки с высеченными надписями, стал пояснять, какие относятся к периоду Саманидов, какие к периоду Караханидов, какие к XVI веку. Насколько я к ним тогда относился равнодушно,

настолько он с теплотой и увлечением знакомил меня с находками»¹.

Приведенные воспоминания Я.Г. Гулямова свидетельствуют о том, как трепетно В.Л. Вяткин относился к каждой найденной старинной вещи, и каким образом он внимательно и осторожно воспитывал в молодых одаренных студентах любовь к науке.

Наверное, очень трудно переоценить вклад Василия Лаврентьевича Вяткина в только зарождающуюся тогда археологию в регионе, популяризацию и развитие исторической науки Узбекистана, изучение и сохранение древних памятников, особенно Самарканда. Более 35 лет своей насыщенной и богатой открытиями жизни он отдал исторической науке Средней Азии, воспитанию молодого поколения ученых.

Василий Лаврентьевич Вяткин скончался 26 июня 1932 г. В знак признания его научных и практических заслуг он был похоронен на Регистане в Самарканде, но позже, 29 декабря 1934 г. его останки были перенесены и захоронены на территории открытой им самаркандской обсерватории Мирзо Улугбека. Согласно его воле, собранная им коллекция предметов старины (древние терракоты, фрагменты оссуариев, стеклянные изделия, образцы художественной керамики) была передана родному для В.Л. Вяткина Самаркандскому музею.

Научная и практическая деятельность В.Л. Вяткина в изучении и сохранении историко-культурных памятников Самарканда и ее результаты служили научной базой для более глубоких и разносторонних научных исследований учеными последующих поколений. Кроме того, благодаря его знаниям и умению воспитывать молодое поколение, ряд самых известных в научном мире ученых могут считать В.Л. Вяткина своим первым учителем, пробудившем в них любовь к науке.

Профессор Пулат Салиев: судьба и драма

Среди имен выдающихся историков Узбекистана первой трети XX столетия, стёртых или полустёртых из памяти народа, значительное место занимает имя первого узбекского профессора истории, основоположника узбекской и среднеазиатских научных

¹ Алиев Б., Ҳакимов Н., Ҳакимжонов А.Ю. Академик Яҳё Ғуломов. Тошкент, 1998. Б. 6–8.

школ средневековой и новой истории Средней Азии Пулата Маджитовича Салиева¹.

И действительно, сегодня мало кто в мире знаком с его историческими сочинениями, увидевшими свет на узбекском и, в меньшей мере, на русском языках в 20-30-е годы XX столетия. Созданные на основе древних средневековых манускриптов, написанных на староузбекском, арабском языках и на языке фарси, в своё время они были изъяты из библиотек и подверглись уничтожению как идеологически не выдержанные. До нас дошли лишь немногие экземпляры книг Пулата Салиева, долгие годы находившихся на спецхранении в нескольких крупнейших библиотеках страны, среди которых: «Индия под игом Англии» (1920 и 1926), «Бухара в эпоху династии мангытской династии» (1920 и 1926), «История Бухары» (1923), «История Средней Азии. Часть 1» (1926), «Узбекистан и Таджикистан. Экономико-географический очерк» (1926), «Эпоха торгового капитала в Средней Азии. Часть 1» (1926), «Распространение ислама в Средней Азии» (1928).

Критически относясь к тенденциозным историческим хроникам придворных летописцев и одновременно пользуясь рядом фактических данных, извлечённых из восточных рукописей позднего средневековья, П. Салиев создаёт свой главный опубликованный труд «История Узбекистана. XV – первая половина XIX вв.» (1929).

Кроме того, существуют свидетельства родственников и близких о том, что П. Салиев предпринял попытку создания первого за всю историю узбекского народа обобщающего труда «История Узбекистана с древнейших времён до настоящего времени в двух томах». Считается, что это произведение было конфисковано во время ареста и, быть может, навсегда утрачено. Вероятно, это и была «Тайная история Пулата Салиева», его сокровенная авторская версия, которую он «писал в стол», не надеясь на скорую публикацию. Во время обыска были также изъяты подготовленные к печати рукописи работ «Материалы к истории узбекского народа» (объём 30-35 печатных листов), «Эпоха торгового капитала в Средней Азии. Часть 2» (объём 20 п. л.) и «История Средней Азии. Часть 2.» (объём 10 п. л.).

За глубокие научные исследования и труды, по свидетельству современников, П. Салиев удостоился быть избранным в почётные члены Турецкого исторического общества (Turk Tarih Kurumu), образованного в 1931 г. по инициативе Кемалья Ататюрка.

¹ Гуломов Я., Хабиб Р. Улкан тарихшунос // Ўқитувчилар газетаси. 1967. 11 май. №38 (2149); Хабиб Р. Тарихчи Олим // Тошкент оқшоми. 1967. 9 июнь. №133 (288).

Жизнь и смерть П. Салиева, судьба его обширного историко-литературного наследия, архива и широко известной за пределами Узбекистана библиотеки полны многих неразгаданных тайн и загадок. Известно, что родился Пулат Салиев в 1882 г. в семье астраханца из племени мангыт¹. Астрахань издавна служила одной из главных перевалочных торговых баз на пути из Средней Азии в Россию, где находились Бухарская, Индийская и Армянская торговые колонии.

Вся история возникновения торговых колоний в Астрахани тесно связана именно с давними и широкими контактами, осуществляемыми между Астраханью и Средней Азией. Пример тому астраханский гостиный бухарский двор. Астрахань стала единственным русским городом, где узбекские купцы платили минимальные пошлины. Узбекские купцы стали жить в Астрахани чаще и дольше, они не тратили время на дальние поездки в другие русские города. В 1673 г. в Астрахани воеводе было приказано: старый бухарский двор свести в юрт и устроить новый бухарский двор, который располагался к югу от кремля.

Отец П. Салиева, уроженец аула Кызан, как гласило семейное предание, являлся выходцем из бухарской колонии, а его предки, по словам дочери учёного Фариды Пулатовны, в свою очередь происходили из-под Ташкента. Эта красивая семейная легенда с детства привлекала внимание П. Салиева и волновала его. Он ставил перед собой цель в будущем вернуться на родину предков в Туркестан⁴.

К своему 15-летию П. Салиев успел закончить сельскую школу, получить образование в медресе «Низамия» Абдрахмана Умарова (Гумари) – учёного-богослова, историка, этнографа и редактора татарской газеты «Идель» («Волга») в Астрахани, издававшейся в 1907-1914 годах, ученика Шигабуддина Марджани. Затем П. Салиев поступил в Казани в известное медресе Мухаммадие и закончил его в 1905 г., год он проработал в деревенской школе и в 1906 г. стал шакирдом старшего класса медресе Галие в Уфе. Ректором медресе был знаменитый татарский исламовед, автор оригинальных работ Зия Камали.

Вспоминая своего ученика, Зия Камали отмечал его незаурядные способности, особенно ораторские. Здесь Пулат сдружился со своим одноклассником Галимжаном Ибрагимовым (впоследствии видным татарским писателем, учёным, публицистом, общественным и государственным деятелем, погибшим в годы сталинского терро-

¹ Гулямов Я.Г. Академик АН УзССР. О Пулате Салиеве. Машинопись. 3 л. Личный архив Германова В.А. Л. 1.

ра), с которым они сняли квартиру в Уфе и были неразлучны. После окончания медресе в 1909 г. судьба их разлучит, дав возможность увидеться ещё раз, летом 1914 г. в Даулекане (ныне Республика Башкортостан), когда П. Салиев, Г. Ибрагимов и Мажит Гафури (классик башкирской и татарской литературы) приедут в дом к своему однокласснику Мухтару Ибрагимову. Несколько дней прогулок на лодке, воспоминания о родном медресе, шутки и вновь расставание. Разлучались друзья на время, а как оказалось - навсегда.

После сданных выпускных экзаменов с отличием в медресе Галие П. Салиеву было предложено остаться здесь же для преподавательской работы. Но он отказался, объясняя свой поступок желанием вернуться на родину предков в Среднюю Азию с целью просветительской деятельности.

Закончив два медресе, П. Салиев свободно владел арабским, персидским, турецким и русским языками. Говорил и читал на языках народов Средней Азии. Впоследствии он изучил французский и немецкий языки.

Пулат Салиев в Туркестане: от просветительства к политике

Пулат Салиев в 1909 г. приехал в Среднюю Азию. Прибыв в город Ташкент, он поселился в кишлаке Джагайбайлы в семье Сегизбая Атабаева и начал свою педагогическую деятельность. В семье Сегизбая он обратил внимание на его сына Султана, отметив его необыкновенные способности. Впоследствии оба уедут в Казань, где Салиев успешно подготовит Султана к поступлению в гимназию.

Пока же П. Салиев учит детей в окрестных кишлаках истории, арифметике и родному языку, а с 1917 г. приступил к преподаванию в городских школах, сотрудничая в газете «Иль» («Отчизна»), издававшейся в то время в Москве. Его деятельность привлекла внимание главного инспектора училищ Туркестанского генерал-губернаторства историка Федора Михайловича Керенского.

Любопытные подробности об этом периоде деятельности узбекского историка приводил в своей автобиографии, написанной в 1937 г., один из его учеников, в то время уже председатель Совета народных комиссаров Узбекистана Султан Сегизбаев. Он писал, что в кишлаке Джагайбайлы (ныне Аккурганский район Ташкентской области), где он проживал, не было школы – кишлачного мактаба и поэтому его старший брат разыскал в местности Иски-Ташкент учителя и привел его домой. «Ввиду того, – продолжает Султан Сегизбаев, – что в то время царское правительство преследовало татар-учителей, он учил нас нелегально. (Астраханец по происхож-

дению, П. Салиев для многих оставался татарин, ногоем, а потому был отнесён в этот разряд неугодных учителей. – В.Г.). Учились мы у него примерно 2 года, после чего бдительное око царской полиции разыскало его, и под конвоем отправил в Ташкент. Где-то через полгода вновь по инициативе моего же учителя и вместе с ним мои родители отправили меня в г. Казань»¹.

Один из учеников – аккурганцев, обучавшихся в то время у П. Салиева, впоследствии рассказывал, как изобрели остроумный способ обучения детей. Было решено замаскировать школу под специально открытую для такого случая керосиновую лавку. Пулат Салиев с чалмой на голове обучал детей в Аккурганском районе, приходивших к нему под видом покупки керосина. Тем не менее, хитрость была разгадана. Некоторые муллы, не желавшие иметь у себя под боком конкурента, написали в Ташкент. И П. Салиев отсидел пять суток под стражей в жандармском управлении, арестованный участковым приставом Пскентской волости за «незаконную» учительскую деятельность в кишлаке. Современники, хорошо знавшие просветителя Бек Булата (так подписывал некоторые свои статьи П. Салиев. – В.Г.), убеждённо относили его к числу «старых джадидов»².

С 1913 г. он стал учителем в русско-татарском училище в Ташкенте, а затем переехал в Коканд, где на протяжении двух лет работал директором учительской семинарии и народного университета.

В 1916 г. П. Салиев взял в жёны Фатиму Файзираханову, родную сестру его товарища Хади Файзи, с которым они оба учились в Уфе в медресе Галие. Родом брат и сестра были из Тараза (Джамбула). Отца Фатимы и Хади звали Зарифулла ота. Он был учёным-муллой, получившим образование в городе Бухаре. Их мама Мастура опа была акушеркой и принимала роды у местных женщин.

* * *

Л.А. Азиз-заде, старший научный сотрудник Института востоковедения Академии наук Узбекистана, оставил о П. Салиеве скупые воспоминания: «Я знал Пулата Салиева с 1916 г. Весной 1916 г. в доме Мирвафобая, махалле «Мерганча» – Шайховандтахуре открылись

¹ Архив Службы национальной безопасности Республики Узбекистан (Далее – АСНБ РУ), архив.-следств. дело №П-21224, л. 343.

² Азиз-заде Л.А., старший научный сотрудник Института востоковедения АН УзССР. Краткие сведения о профессоре Пулате Салиеве. Машинопись. Личный архив Германа В.А. С. 1, 2.

трёхмесячные курсы по подготовке учителей, где первый урок по истории провел Пулат Салиев.

На этих курсах учились Маннан Маджиди (уйгур), Абдулхай Таджиев, педагог Лутфулла Насыров, ... и другие... Пулат Салиев был человеком огромной эрудиции, в совершенстве владеющим арабским, персидским, русским, узбекским, таджикским и казахским языками, он не любил многословия, отличался большой выдержкой и скромностью...»¹.

Дочь профессора Салиева – Фарида Пулатовна рассказывала мне, что Февраль 1917 г. он встретил с большой надеждой и вскоре выехал в Санкт-Петербург на встречу с возглавившим Временное правительство России А.Ф. Керенским, которого знал по Туркестану, был им принят и вернулся в Ташкент окрылённый².

Российский премьер обещал всемерное содействие при осуществлении в жизнь беспрецедентно широкой программы народного образования среди коренного населения Средней Азии.

В это же время П. Салиев вместе с другими представителями демократически настроенных национальных интеллектуалов, демонстрируя лояльность Временному правительству, активно обсуждает вопрос о будущем государственном устройстве Туркестанского края. Высказываются самые разные точки зрения. Проблема Автономии стала основным предметом дискуссий.

Пришедшие к власти в октябре 1917 г. большевики провозгласили, что «мощью революции» охраняются права всех народов России. Однако национальная политика в реальности, проводившаяся правительством, избранным на III Краевом съезде Советов Туркестанского края не устраивала большинство коренного мусульманского населения, в нём совершенно не представленного. Совершенно иная задача была поставлена на проходившем 27 ноября 1917 г. в Коканде IV Краевом чрезвычайном мусульманском съезде, где была провозглашена идея создания территориально Автономного Туркестана в единении с Федеративной Российской Республикой.

П. Салиев принимал участие в формировании в Коканде нового государственного образования – «Туркистон Мухторияти» («Туркестанская автономия»). Войдя в состав членов Туркестанского временного совета и Туркестанского народного (национального) собрания, из которых должно было быть сформировано правительство, а также

¹ Азиз-заде Л.А. Краткие сведения о профессоре Пулате Салиеве. Машинопись. С. 1,2.

² Воспоминания Фарида Пулатовны Салиевой, дочери профессора П.М. Салиева. Машинопись. Л. 16. Личный архив Германова В.А.

являясь главным редактором газеты «Эль байроги» («Знамя отчизны»), издававшейся Кокандским городским книжным магазином «Гайрат», он позднее активно содействовал преобразованию этой газеты в печатный орган автономного правительства Туркестана. Однако после выпуска 20-ти номеров эта газета перестала существовать. П. Салиев примыкал к части демократически настроенных интеллектуалов, которой удалось добиться включения в программные документы идей пропорционального представительства в органах государственной власти крупнейших этнических групп. Следует отметить, что на всём протяжении существования Туркестанской автономии шла ожесточённая борьба между консерваторами-кадемістами во главе с Шерали Лапиным и сторонниками радикальных реформ, среди которых был и Пулат Салиев и активный деятель «Туркистон Мухторияти», его друг и сокурсник по учёбе в медресе Галие Хади Файзи.

Вихри сложнейших политических амбиций, кружившихся над Средней Азией, не могли не погубить этот во многом еще наивный и утопический проект государственного образования. Более того, всё это, в конечном счёте, предопределило гибель и самого П. Салиева. Ну, а в то время, он был полон надежд и оптимизма. Возглавляемая им газета «Эль байроги» публиковала «Обращение правительства Туркестанской автономии». В «Обращении» утверждалось, что «политая потоками человеческой крови земля вопиет к небесам о мире, и уставшее человечество в бессилии опускает свой меч... а людское безумие уступает место божественному разуму...». Однако все закончится кровавым хаосом? Спустя много лет, вспоминая это время, П. Салиев говорил почему-то, что «он в то время был сумасшедшим»¹.

Состоявшийся во второй половине апреля 1918 г. V съезд Советов Туркестана, на котором была провозглашена Туркестанская Республика, даровал полную амнистию лицам, участвовавшим в буржуазно-автономном движении в Туркестане и ранее объявленным этого вне закона. Впоследствии они даже внешне привлекались к строительству новой государственности и участвовали в политической деятельности. Но прошло время, и П. Салиеву, как и многим другим деятелям Туркестанской автономии, пришлось дорого заплатить за участие в этом движении.

¹ АСНБ РУ, архив.-следств. дело ХаП-20737, л. 31.

Жизнь в науке

После разгрома Туркестанской автономии П. Салиев отошёл от политической деятельности и стал работать в учреждениях Народного комиссариата просвещения – сначала Туркестанской Республики, затем Узбекской Республики. В 1918 г. он продолжает просветительскую и педагогическую деятельность. Организует совместно с Назиром Тюракуловым курсы по подготовке учителей для сельских школ в городе Фергане (тогда город Скобелев). В ноябре того же года участвует в организации и становится первым директором Кокандского Народного университета для подготовки учителей из местных национальностей. С начала 1919 г. он постоянно проживал в Фергане, где являлся членом редколлегии газеты «Новый Восток». Со второй половине 1919 г. П. Салиев стал в Ташкенте организатором и первым директором Тюрко-татарского (с 1921 г. Узбекского) Института просвещения. Ведя преподавание на различных курсах и рабочих факультетах, он также являлся членом редколлегии журнала «Тонг», а позднее становился ответственным секретарём журнала «Инкилоб», писал статьи в газеты и журналы, печатался в журнале «Агитпроп»¹.

В те же годы он совершая научные экспедиции по изучению, этнографии, экономики, социального быта населения Средней Азии. В 1920 г. в самый разгар классовых битв П. Салиев опубликовал книгу «Индия под игом Англии», поднимая вопрос о национально-освободительной борьбе.

Близким окружением П. Салиева остаётся передовая интеллектуальная элита Абдурауф Фитрат, Назир Тюракулов, Садриддин Айни, Абдулла Бита, Ашурали Захири, Гази Алим, Хади Файзи, Абдулла Кадири и другие. Его статьи, публиковавшиеся в местной печати, выходили в ту пору под инициалами «ПС».

В сентябре 1920 г. произошёл военно-революционный переворот в Бухаре, а в октябре того же года I Всебухарский курултай народных представителей провозгласил создание Бухарской Народной Советской Республики. Примечательно, что в одном из первых постановлений Бухарского правительства упоминалось и имя П. Салиева. Так, 11 ноября 1920 г. Назират народного просвещения БНСР постановил издать «Историю революции в Бухаре», в связи с чем был утверждён и состав авторов, в который вошли Садриддин Айни, П. Салиев и другие².

¹ Рахман Хабиб (Хабибулин Рахман). Профессор Пулат Салиев. Машинопись. Л. 2. Личный архив Германова В.А.

² ЦГА РУз, ф. 56, оп. 1, д. 10, л. 23.

Замысел этот, т.е. создание «Истории революции в Бухаре» в какой-то степени удалось осуществить Садриддину Айни и Файзулле Ходжаеву, между которыми сразу же обозначился различный подход к ряду позиций.

С 1922 г. П. Салиев – председатель Научного Совета Народного Назирата Просвещения Бухарской Народной Советской Республики, одновременно читает лекции в Учительском институте по истории арабской литературы и по теории и практике арабского языка. Он также редактирует журнал «Маориф ва маданият» («Просвещение и культура»), выходившем в 1923 – 1924 годах в Бухарской республике на узбекском языке в арабской графике.

Бухарский период творчества историка П. Салиева связан с интенсивным изучением им прошлого этого одного из любопытнейших и малоисследованных среднеазиатских государств. Появляются и переиздаются такие его труды, как «Бухара в эпоху мангытской династии. Исторический очерк» (публиковалась дважды в 1920 и 1926 гг.) и «История Бухары» (вышла в свет в 1923 г.). Здесь, в Бухаре, П. Салиеву, кажется, сама судьба преподносит уникальный подарок, о котором может мечтать историк. Он получает редкую возможность одним из первых работать с архивом и в богатейшей библиотеке бухарских эмиров. Позднее он вместе с Абдуррауфом Фитратом и Лутфуллой Аляви войдёт в число тех, кому будет поручен разбор этого архива и этой библиотеки, и их подготовка для передачи в научно-исследовательский институт. Журнал «Инкилоб» в одном из своих номеров напечатает отчёт о разборе этих древних архиво- и книгохранилищ. В 1921 – 1922 годах Салиев исследовал, главным образом, исторические сочинения, написанные на арабском и персидско-таджикском языках, хранившиеся в то время в Бухаре.

В августе 1924 г. Назират народного просвещения Бухарской республики командировывает П. Салиева в Москву в качестве преподавателя в Бухарский Дом просвещения. С конца 1924 года он работает здесь же научным сотрудником в Среднеазиатской секции Центрального издательства народов СССР. Параллельно он посещает занятия в Институте Красной профессуры, который заканчивает в 1926 году вольным слушателем. Одновременно П. Салиев посещал лекции в Коммунистическом Университете им. Свердлова.

Среди материалов и бумаг, связанных с деятельностью Полномочного представителя ОГПУ в Средней Азии, нами были обнаружены два любопытных агентурных донесения, входящих в специально составленный меморандум по органам Народного комиссариата просвещения Узбекской ССР Узбекскому Государственному издатель-

ству и Академическому центру. Эти документы свидетельствуют, что чекисты не выпускали из своего поля зрения оппозиционно настроенного историка и в 20-е годы. Так, в донесении секретного сотрудника ГПУ Узбекистана действовавшим под «малокультурным» псевдонимом «Культурник», датированном 22 января 1926 г., сообщалось: «В Самарканд 17-го сего числа прибыл известный писатель Булат Салиев [уроженец гор. Аулие-Ата] (так, неверно указано в документе. – В.Г.). Причиной остановки здесь является заключение договора с Ак[адемическим] центром Народного Комиссариата Просвещения на составление книги «История узбекского народа». Конспект им уже приготовлен и по получении от Народного Комиссариата Просвещения 50 % задатка выедет в Бухару по сбору исторических материалов. В Самарканде остановился у секретаря журнала «Учитель и просвещение» Субаева Махмуда; бывает у Чулпана, В. Махмудова, Ильбека, Аляви, беседуя с ними по сути конспекта, намеченной им к составлению книги»¹.

Второй любопытный документ, представляющий собой агентурное донесение секретного сотрудника под псевдонимом «Бывший», датирован 23 сентября 1926 г., проливающий некоторый свет на московскую жизнь историка. П. Салиев разговаривал со своим, не известным нам по понятным причинам собеседником, не подозревая, что тот является осведомителем. Приведём полностью текст документа от 23 сентября 1926 г.

«Пулат Салиев в разговоре 20/ГХ сообщил, что его нахождение в Москве было кстати, ибо во время дискуссии мог тоже попасть в переделку с причислением к «старым [джадидам]», а это довело бы его до нищенства в материальном отношении. Сейчас положение его обеспеченное: учится в Москве в Институте красной профессуры, из Ак[адемического] центра взял заказ на составление исторического произведения, берет научно-литературные переводы и у Узбекского Государственного Издательства, также у издательства «Народы Востока», и если к этому прибавить еще пенсию, получаемую из Узбекистана, то ежемесячный заработок составляет минимум триста рублей, В мае 1927 года Салиев полагает возвратиться из Москвы в Узбекистан со званием профессора, надеясь этим укоротить направленные против него языки левых коммунистов. В Москве он получает

¹ АСНБ РУ, архив.-следств. дело № ЛФ-37, литерное дело с докладными записками, агентурными сводками, меморандумами и перепиской Постоянного Представительства ОГПУ в Средней Азии и ГПУ Узбекистана по разработке националистов за 1925 – 1926 гг., л. 562.

хорошую поддержку от Тюракулова и Рыскулова. Салиев заключает договор с Ак[адемическим] центром Народного Комиссариата Просвещения, по коему он к 1-му сентября 1927 года должен подготовить материалы по «Истории узбеков» в размере десяти печатных листов с освещением этапов экономическо-хозяйственного и культурного развития узбеков.

Автор надеется, что эта книга станет известной всему научному миру, тогда упрёки русских историков об отсталости узбеков окажутся пустыми словами.

Ввиду окончания бюджетного года, Ак[адемический] центр Народного Комиссариата Просвещения обещает из аванса пятьсот рублей выдать только сто, а остальные переведёт в Москву, куда он тоже надеется прибыть не позднее 5/X-26 г., оставивши своё намерение о поездке в Бухару, так как сумеет посоветоваться с Фитратом в Москве, причиной же этой необходимости Салиевым выдвигается желание ознакомления с конспектом приготавливаемой книги Фитрата «История узбекской литературы», на которую последний тоже заключил договор с Ак[адемическим] центром.

По мнению Салиева, как его труд, так и труд Фитрата взаимно должны дополнять друг друга особенно не должно быть расхождения по линии идеологической»¹.

В 1926 г. П. Салиев был временно отозван из Москвы в Узбекистан для сбора древних рукописей и создания фонда рукописных памятников Средней Азии.

Командированный в Москву из Бухарской республики, Салиев в 1927 г. окончательно возвратился в Узбекистан, но не в Бухару, а в Самарканд², в чём своя логика. Так, за время его деятельности и учёбы в Москве в Средней Азии после национально-государственного размежевания возникают новые государства, среди которых и Узбекистан, столицей которого стал Самарканд. Новая столица быстро превратилась в крупный промышленный и культурный центр. Согласно переписи 1923 г. численность населения Самарканда составляла 71,3 тысяч человек, достигнув в 1926 г. более 105 тысячи человек, от общего числа которых европейцы составляли чуть более четверти.

До 1927 г. единственным высшим учебным заведением в Узбекистане, готовившем педагогические кадры, был Среднеазиатский государственный университет, который не мог удовлетворить расту-

¹ АСНБ РУ, архив.-следств. дело № ЛФ-37 ... л. 562.

² ААП РУ, ф. 58, оп. 8, д. 868, л. 39.

щие потребности школ в педагогах. П. Салиев знал, что в Узбекистане назревает вопрос об организации столичного педагогического вуза. Роль такого высшего учебного заведения сыграл Самаркандский высший педагогический институт, открытый в январе 1927 г., преподавателем которого почти одновременно становится П. Салиев. В апреле 1928 г. по ходатайству известного среднеазиатского археолога В.Л. Вяткина и П.М. Салиева в институте был открыт кабинет истории Востока. Пулат Маджитович Салиев назначается заведующим кабинетом, который вскоре превращается в место теоретических споров по методологии истории, археологии и литературы народов Средней Азии.

В своих воспоминаниях известный узбекский учёный-археолог, создатель Узбекской школы археологии, академик Академии наук Узбекистана Я.Г. Гулямов отмечал: «Я был его временно исполнявший делами ассистента по Кабинету Средней Азии в институте, аспирантом научно-исследовательского института при С[овете] Н[ародных] К[омиссаров] УзССР и его сотрудником по сбору исторических документов в Ферганской долине в 1930 г. Он любил спорить со мной по теоретическим вопросам, иногда его раздражали мои несовершенные и вздорные подходы к вопросу... особенно он обращал внимание историков Самарканда к материалам исторических дискуссий в Москве – «Проблемы механической тенденции в исторической науке», в Баку – «Об азиатском способе производства»¹.

В 1928 и 1929 гг. П. Салиев, заведующий кабинетом истории Средней Азии, одновременно был доцентом истории Узбекистана. В 1930 г. Высший педагогический институт был реорганизован в Узбекскую государственную педагогическую академию, на которую возлагалась задача подготовки педагогических кадров для рабфаков и техникумов республики по общеобразовательным дисциплинам, а также преподавателей педагогики. 28 сентября того же года приказом по Узбекской государственной педагогической академии П. Салиев зачисляется профессором. В целях развёртывания научно-исследовательской работы и подготовки кадров для высшей школы в январе 1931 г. при академии учреждается аспирантура.

В феврале 1930 г. на основе хранилища восточных рукописей в Самарканде был создан Узбекский государственный научно-исследовательский институт при Совете народных комиссаров Узбекистана, сокращённо УзГНИИ, в составе которого была создана кафедра исто-

¹ Гулямов Я.Г. Несколько слов о научной деятельности профессора П. Салиев. 30 декабря 1964 года. Машинопись. Л. 1. Личный архив Германова В.А.

рии Востока, система аспирантуры. Немало на это было положено и трудов П. Салиева. В библиотеке УзГНИИ имелось также отделение восточных рукописей. В 1933 г. началась централизованная научная работа по составлению их каталогов. Поэтому все рукописные Фонды УзГНИИ были перевезены в Ташкент в Государственную публичную библиотеку.

Этому способствовали специальное постановление СНК Узбекистана от 25 апреля 1933 г., «Об объединении республиканских рукописных фондов», а также объявление Государственной публичной библиотеки в Ташкенте центральным хранилищем восточных рукописей. В 1935 г. в ней было сосредоточено свыше 4 тысячи восточных рукописей с 10 тысячами названий. П. Салиев гордился тем и часто о том говорил, что многие учёные мира всю первую половину XI века в истории мировой науки называют эпохой Беруни. Деятельность Беруни проходила вначале в Академии Мамуна в Хорезме, и П. Салиев надеялся дожить до времени, когда Узбекистан вновь обретёт свою Академию.

Важным событием в истории Узбекистана и в жизни П. Салиева стало преобразование в 1933 г. на основе постановления правительства республики Узбекской педагогической академии в Узбекский государственный университет. В 1935 г. из семи его факультетов наиболее полно научно-педагогическими кадрами был укомплектован лишь исторический факультет. В 1934 г. в Самаркандском Государственном университете были развёрнуты исторические специальности на всех пяти его курсах. Тем не менее, преподавательский корпус еще не обеспечивал осуществления учебного плана. В Университете не было специалистов историков по средним и новым векам, отечественной истории, истории колониальных и зависимых стран¹.

На кафедрах исторического факультета СамГУ вместе с Пулатом Салиевым читали лекции профессора А.М. Красноусов, С.А. Ляковский, С.В. Юшков, А.Б. Козырев, Д.А. Жаринов, М.Я. Феноменов, А.А. Макиев, А. Фитрат, А. Хашимов и другие.

В сентябре 1935 г. в Узбекском государственном университете открылась первая в истории Средней Азии кафедра истории Средней Азии, на организацию которой П. Салиевым было положено много сил.

И ему суждено стать первым заведующим кафедрой истории Средней Азии.

¹ ААП РУ, ф. 58, оп. 11, д. 1038, л. 47-49.

Время сохранило для нас несколько приказов, изданных по Самаркандскому (Узбекскому) Государственному университету, по которым мы можем судить о его деятельности в стенах этого высшего учебного заведения. Они представляют тем большую ценность, ибо сегодня приходится возвращать творческую биографию учёного из забвения или скупой полуправды.

Листая немногие странички, читаем:

Приказом № 82 § 1 от 3 июля 1935 года профессор П. Салиев за хорошую работу по подготовке кадров премирован.

Приказом № 83 § 1 от 28 июня 1936 г. профессору П. Салиеву объявлена благодарность за активное участие в учебной и научно-исследовательской работе университета.

Приказом № 144 § 7 от 26 октября 1936 года профессору П. Салиеву с 1.ГХ.36 года установить персональную профессорскую ставку.

И, наконец, уже не первый, но грозный признак неминуемости ареста:

Приказом № 136 § 9 от 7 сентября 1937 года профессор Пулат Салиев освобожден от работы на Историческом факультете УзГУ за неимением нагрузки¹.

В 1932-1933 гг. П. Салиев был откомандирован в Ташкент в Узбекский научно-исследовательский Институт истории революции. Правительством республики приняло решение написать историю Узбекистана с древнейших времён до современности. П. Салиеву отводится в этом замысле одна из главных ролей.

В 1936 г. учёный окончательно переехал в Ташкент, поскольку основным местом его работы стал Комитет наук, учреждённый в 1932 г. при ЦИКе Узбекистана, затем переданный в ведение СНК Узбекистана, где он возглавляет секцию истории Узбекистана. Однако почти до самого его ареста осенью 1937 г., П. Салиев продолжал читать лекции в высших учебных заведениях не только Ташкента, но Самарканда и Ферганы².

Казалось, что всё обойдётся. Но вышло по-другому.

* * *

Переехав по предложению правительства Узбекистана в Ташкент, П. Салиев получил со своей большой семьёй большую четырехкомнатную квартиру в Доме специалистов на набережной Анхора по улице 9 января (переименована на улицу Тураба Тулы),

¹ АСНБ РУ, архив.-следств. дело № П-20737, л. 138.

² Там же.

дом №18, квартира №33. Завершение строительства Дома совпало с переездом профессора в Ташкент. Квартиры в нём были заселены людьми с известными в Узбекистане именами. Соседом профессора П.М. Салиева по площадке на первом этаже стал известный археолог профессор М.Е. Массон. Двери, которых были друг - против друга.

Проявляя заботу о высококвалифицированных специалистах, удобно расселив их вместе, власти преследовали и иную скрытную цель. Ведь за компактно поселенными людьми с громкими фамилиями было легче осуществлять тайную слежку и надзор. Работники домоуправления, честно отработывали два оклада, совмещая штатную профессию со службой в качестве секретных сотрудников НКВД.

Вслед за Домом на набережной Анхора рядом вскоре был построен его близнец, предназначенный для работников НКВД Узбекистана.

Профессор П. Салиев с грустью вспоминал собственный дом в Самарканде, в котором его семья проживала до 1936 года. В связи с переездом в Ташкент свой дом учёный безвозмездно оставил городу Самарканду. Дом состоял из двух больших комнат, соединённых между собой широким коридором. Двор был большой. Украшением и гордостью самаркандского дома был большой сад, в котором имелось множество фруктовых деревьев, диковинных растений и цветов. Половину сада занимали различных сортов розы. Здесь же произрастали ели. Сам учёный любил ухаживать за садом. Здесь цвели и плодоносили неведомые самаркандцам экзотические деревья. Друзья и знакомые, зная давнюю слабость профессора, отовсюду привозили ему редкостные саженцы. Семья жила скромно, из мебели в доме имелись лишь кровати, столы и небольшой шкаф (горка), а также большой сундук жены профессора Фатимы Зарифуллаевны. Самой большой ценностью в доме была библиотека с редчайшими древними рукописями на многих восточных языках и целые свитки документов. Имелись также книги на европейских языках. Свою библиотеку П. Салиев собирал на протяжении всей жизни.

* * *

25 мая 1937 г. в Самарканде открылся I съезд учёных Узбекистана. Газета «Правда Востока» от 27 мая 1937 г. опубликовала приветственную речь к его участникам председателя Совнаркома Узбекистана Файзуллы Ходжаева, обращенную к учёным республики, а также к гостям из Москвы и Ленинграда (ныне Санкт-Петербурга). На съезд были приглашены такие известные учёные, как Т. Кары-Ниязов, С. Айни, И. Муминов, П. Иванов и другие. В числе исследователей, высту-

пивших на съезде по секции истории и археологии, были С.А. Асфендиаров с докладом «К вопросу о происхождении узбеков и казахов», П.М. Салиев с докладом «О земельно-водных отношениях и крепостничестве в Ферганской долине», Х. Хамраев с докладом «Положение рабов в Бухарском ханстве в XVIII-XIX вв.», П.П. Иванов с докладом «К вопросу о социально-экономическом характере Узбекистана», Алимов с докладом «Социально-экономическая характеристика Узбекистана в 50 – 60-х гг. XIX в.», З.Д. Кастельская с докладом «Аграрная политика царизма в Узбекистане», З.Г. Гимадиев с докладом «Об итогах и перспективах научно-исследовательской работы по разработке вопросов истории Узбекистана»¹. Казалось бы ничто не предвещало грозы.

Уже осенью 13 октября 1937 г. сотруднику Управления госбезопасности НКВД Узбекистана Махмуду Гайнетдинову был выдан ордер на право обыска и ареста гражданина П. Салиева, проживающего в Доме специалистов. Обыск и арест были произведены в присутствии двух понятых: управдома и соседа П. Салиева, известного художника О.К. Татевосяна. В квартире сургучом была запечатана комната, в которой хранились библиотека и личный архив учёного².

Незадолго до ареста в жизни П. Салиева произошёл эпизод, наиболее ярко высветивший его истинную суть. И не только его. В июне 1937 года, чувствуя, что над его головой собираются тучи, он бесстрашно занялся спасением уникальной библиотеки, собранной знатоком архитектуры и письменной старины, старожилом Бухары Мусаджаном Саиджановым. Владелец библиотеки был известным младобухарцем, занимавшим высокие государственные посты в Бухарской республике, а впоследствии работавшим директором Самаркандского историко-краеведческого музея. Незадолго до этого (13 апреля 1937 г.) М. Саиджанов был арестован в Ташкенте органами НКВД «за контрреволюционную деятельность».

Обременённый большой семьёй и постоянно стеснённый материально, П. Салиев не мог приобрести библиотеку в личную собственность и поэтому он решил убедить руководство УзГУ выкупить её у семьи репрессированного. Приглашая доцентов исторического факультета УзГУ Абдурахмана Хамраева и Кадыра Усманова посетить семью их арестованного коллеги для осмотра библиотеки, он уговаривал поддержать его инициативу с покупкой этих книг. Напуганные политическими репрессиями, доценты историки (шёл 1937 год) категорически отказались участвовать в этом, выдвинув мотиви-

¹ ААП РУ, ф. 58, оп. 13, д. 1269, л. 2-3.

² АСНБ РУ, архив. следств. дело №П-20737, л. 1, 2

ровку, что без разрешения НКВД невозможно выкупить библиотеку М. Саиджанова.

О том, что собой представляла библиотека М. Саиджанова и насколько невосполнима была бы для науки её утрата, становится ясным из воспоминаний историка, крупного специалиста по актовым источникам О.Д. Чехович, ученицы А.А. Семёнова. Она обратила внимание своего наставника на эту уникальную коллекцию книг спустя 13 лет после неудавшейся попытки П. Салиева. Позже О.Д. Чехович вспоминала: «Надо отметить активное участие А.А. [Семёнова] в собирании не только рукописей книг, но и документов. Яркий пример – приобретение коллекции М. Саиджанова. Это было летом 1950 г. О.А. Сухарева показала мне в Бухаре дом, где, по её словам, имелись какие-то старые книги. Оказалось – потрясающая коллекция подлинников XV – XVIII вв. А.А. Семёнов был знатоком и сразу понял ценность привезённого мною (вместе с потомком Саиджанова). Он отложил в сторону все свои дела, немедленно уселся и лично просмотрел всю коллекцию. Так как её стоимость не укладывалась в рамки бюджета Института востоковедения, А.А. [Семёнов] тотчас же отправился в Президиум АН Узбекистана и рассказал лично президенту об этой находке и добился выделения специальной суммы. Только благодаря высокой степени понимания и влияния А.А. [Семёнова] мы тогда смогли купить всю коллекцию»¹.

Профессор П. Салиев знал М. Саиджанова как человека, в своё время окончившего престижное медресе Мир-Араб и европейскую школу в Кагане, умевшего сравнить достижения Востока и Запада как знатока арабского и персидского языков. Жизнь обоих исследователей была тесно связана с Комитетом по делам музеев и охраной памятников старины, искусства и природы, сокращённо Узбеккомстарисом. Муса Саиджанов, как и Пулат Салиев, занимался научно-организаторской деятельностью, являлся одним из создателей Бухарского областного краеведческого музея, а после 1925 г. возглавил Самаркандский Комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы. Первыми среди мусульман они были удостоены звания профессоров, а Муса Саиджанов стал первым среди представителей коренных жителей Узбекистана докладчиком на III международном конгрессе востоковедов, состоявшемся в 1935 г.

М. Саиджанову было предъявлено обвинение в том, что поддерживал связь с организаторами басмачества Заки Валили и Энвер-

¹ Литвинский Б.А., Акрамов Н.Б. Александр Александрович Семёнов (Научно-биографический очерк). М.: Наука. Гл. ред. вост. лит-ры, 1971. С. 141 – 142.

пашой, участвовал в создании Среднеазиатского контрреволюционного центра «Миллий Иттихад», ставившего своей задачей свержение советской власти и организацию буржуазного государства¹.

П. Салиев не мог, конечно, знать, в чём именно обвинялся Муса Саиджанов весной 1937 г. Но, в то же время, он не мог не понимать, что при таком сходстве их биографий и мировоззрений его, в конечном счёте, постигнет та же участь. В обоих случаях одной из причин была дружба с Заки Валиди Тоганом.

Ещё в 1913 г. П. Салиев познакомился в Ташкенте с Ахмед Заки Валидовым – известным башкирским тюрко-мусульманским политическим деятелем и историком, специализировавшимся по исследованию Центральной Азии и мусульманского Востока. Вторая с ним встреча произошла в 1917 г. также в Ташкенте на Туркестанском мусульманском съезде. Впоследствии знакомство с Ахмед Заки Валидовым, он же Ахмед Заки Валиди Тоган, эмигрировавшим в Турцию и обвинявшимся режимом во многих грехах, в числе которых пантюркизм, панисламизм, национализм и прочие, будет одним из роковых обстоятельств, повлиявших на трагическую судьбу П. Салиева.

Позднее в 1930 г. в секретных материалах карательных органов будет фигурировать перехваченное письмо, посланное из Берлина, на имя П. Салиева от А.З. Валидова. В этом письме Валиди просил сообщить о возможности издания и распространения в Средней Азии произведений, созданных им по истории Туркестана. Подлинник письма находился в Народном комиссариате просвещения Узбекистана, а П. Салиев получил лишь его копию. Однако это письмо легло в досье Салиева, как компрометирующий его документ.

Письмо, содержащее факты биографического характера, позволяет составить представление о настроении известного ученого и политика, оказавшегося отлученным от страны коммунистическим режимом и ставшего политическим эмигрантом. И хотя библиотеки Европы, по словам А. Валиди, были «полны до отказа неизданными древними сочинениями», представляя по этой причине огромный интерес для ученого-востоковеда, тем не менее, в письме отчётливо звучит грустный лейтмотив, обусловленный тем, что А. Валиди был лишён возможности опубликовать результаты проведённых им исследований. Его труды в эмиграции тогда оставались невостребованными.

Вот почему он, обращаясь к П. Салиеву, связанному с «Узбекским научным обществом», в надежде на то, что тот окажет содей-

¹ АСНБ РУ, архив.-следств. дело КаП-31922, Т. 1, л. 53, 54.

ствие в издании хотя бы некоторых из его работ. Среди них Валиди называет «Краткую географическую историю Туркестана» в 4 томах (том состоял из 300-400 страниц) и «К вопросу об этническом составе домонгольских тюркских племен Туркестана».

Интерес в чекистских кругах к П. Салиеву усиливается вскоре после его возвращения из Москвы в Среднюю Азию, поскольку он входил в круг ближайшего окружения Абдурауфа Фитрата – «отца узбекских чагатаистов». Вокруг него группировалась в то время фрондирующая и «неисправимая в идеологическом отношении» интеллигенция, в числе которой были Эльбек, Каюм Рамазани, Гази Алим Юнусов, Шарасул Зунун, Шакирджан Рахими, Бату, Шакир Сулейманов, Санджар Садыков, Ашурали Захири, а также его «правое крыло и правая рука» Пулат Салиев»¹.

Пристальный интерес к П. Салиеву во второй половине 20-х годов со стороны чекистов был обусловлен еще и передислокацией на службу в Узбекистан многих бывших оппозиционеров-астраханцев. В 1928 г. в УзГИЗе говорили о возможно скором приезде к ним на работу известного астраханского муллы Абдурахмана Умарова, в прошлом редактора газеты татаро-ногайских джадидов «Идель».

А. Умаров имел близкие связи с руководителями татаро-башкирского центра, расположенного в Уфе. Чекистам Узбекистана было поручено отработать версию о том, какая именно роль предназначалась А. Умарову и какое место приготовили для него Хади Файзи и Пулат Салиев. В НКВД Узбекистана полагали, что члены оппозиционной большевикам организации татаро-ногайцев в годы гражданской войны, действовавшей в пределах Астраханской губернии, постепенно собираются в Среднюю Азию, в частности в Узбекистан. Этой переброской «народов с Запада на Восток», предполагали чекисты, кто-то искусно руководит².

Немногим ранее Пулат Салиев выступил против замены арабской графики и введения нового латинского алфавита. Он открыто поддержал в этом политику Алимджана Ибрагимова, публично высказываясь, о том, что «введение нового алфавита вызывает только смех и ничего не даст, что местные латинисты работают исключительно из желания угодить русским». Привлекла внимание властей и его деятельность в писательском обществе «Кзыл-Калям».

Между тем идеологизация исторической науки в Узбекистане усиливалась. Так, в мае 1935 г. ЦК КП(б) Узбекистана рассмотрел

¹ АСНБ РУ, архив.-следств. дело №П-20737, л. 37.

² Там же.

проект решения об укомплектовании исторического факультета Узбекского государственного университета в 1935/36 учебном году членами партии. Изучалась перспектива произвести мобилизацию 30 членов партии на учёбу на исторический факультет УГУ.

Предчувствуя свой скорый трагический финал, грустно и полный пессимизма встречал профессор П. Салиев новый 1937 г. Накануне, 31 декабря, он после участия на собрании, проведённом в УзГУ по случаю юбилея Садриддина Айни, со своим знакомым Ильясовым и его супругой договорились встретить Новый год у студентки Мияровой. Собравшиеся много говорили об Айни, об его делах и успехах, шутили об его ставшей притчей «бережливости». Но вскоре разговором завладел Пулат Салиев. Полный худших предчувствий, он, сидя в кругу друзей за праздничным новогодним столом, читал стихи любимого им татарского поэта Закира Рамеева, писавшего под псевдонимом Дардменд.

*И день и ночь
Грохочет море,
А паруса рвёт ветер злой.
Не превозмочь,
Не переспорить,
Несёт корабль к земле чужой.
Волна нагрянет,
Её кручина
Швырнёт корабль страны родной.
Какая тянет Нас пучина
И жертвы требует, какой?
(«Корабль». Перевод М. Зарецкого)¹.*

Незадолго до ареста профессора П. Салиева состоялся ещё примечательный инцидент, который ему затем припомнили на допросах. В мае 1937 г. во время своего пребывания в Самарканде П. Салиев был приглашен на свадьбу к аспиранту УзГУ Нуритдину Бердиеву. В гости были также приглашены декан исторического факультета УзГУ Ибрагим Муминов, парторг истфака студент Маткарим Рахимов, доцент Абдурахман Хамраев и другие. На свадьбе женщины-узбечки, собравшиеся в женской половине дома, пели старинные обрядовые песни любовно-религиозного характера. Парторг М. Рахимов крикнул им, чтобы они спели новые песни и прекратили бы петь старинные. Услышавший это профессор П. Салиев

¹ Хисамов Нурмухаммет. «Будь настоящим соловьем...» К 130-летию со дня рождения Дардменда // Идель. 1989. № 6. С. 38-39.

страшно возмутился, вспылал и, назвав М. Рахимова дураком, добавил: «Ему нужны песни о хлопке»¹.

Направление П. Салиева в Ташкент было тем более кстати, что, начиная с 1929 г. обстановка в Узбекском государственном университете в Самарканде для него стала неблагоприятной. В том году в газете «Правда Востока» была опубликована статья Эль-Регистана под заголовком «Лай цепных собак кокандского хана», где П. Салиев вместе с Хади Файзи и Абдуллой Мустакаевым был причислен к идеологам «Кокандской автономии», то есть Туркестанской автономии и неразоблачённым контрреволюционерам.

В обстановке развязанной Эль-Регистаном травли П. Салиев участвует в создании в Самарканде Узбекского государственного научно-исследовательского института, выступает автором концепции изучения в историческом, археологическом и этнографическом отношениях древних среднеазиатских городов и кишлаков. Примечательно, что они располагались на одном из трёх древнейших торговых путей, ведущих в Восточный Туркестан, Монголию и Китай, то есть на трассах Великого Шелкового пути. Тем самым он, по существу, предвосхитил проект, введённый ЮНЕСКО в 80-е годы XX века.

Почти на полвека раньше, а именно 5 мая 1929 г. П. Салиев составил аналитическую записку, в которой обосновал свой проект просто и гениально: «Одним из торговых путей, связывающих Туркестан с Китаем, Восточным Туркестаном и Монголией, был Семиреченский торговый путь. По этому пути двигались не только торговые караваны Туркестана, но и караваны западноевропейские, византийские и держав побережья Средиземного моря совершали свои торговые операции. На этом пути образовывались с древнейших времён города и большие кишлаки. Например, города Чимкент, Сайрам, Мерке, Аулие-Ата (древний Талас) и кишлаки Суткент, Кадр, Манкент, Тулки-бас и Карабулак с древнейших времён расположены на этом пути; эти города и кишлаки существуют с V века до нашей эры... Эти местности служат объектом для этнографических, археологических, исторических и лингвистических обследований.

Исторические документы, как-то: рукописи по истории Средней Азии, ярлыки, выданные ханами и феодалами, и вакуфные документы несомненно имеют большое значение для истории узбекского народа. Вместе с тем, в названных местностях существует с древних времён кустарная промышленность, разные её виды и цеховые организации, исследование которых даёт богатый материал по изучению экономики средних веков»².

¹ АСНБ РУ, архив.-следств. дело № 11-20737, л. 19, 32.

² Эль-Регистан. Лай цепных собак кокандского хана // Правда Востока. 1929. 17 апреля.

С 1929 г. во время летних каникул под руководством профессора Пулата Салиева становятся традицией ежегодные научные экспедиции, организуемые кафедрой истории Средней Азии. В составе экспедиций принимали участие преподаватели Узбекской педагогической академии, преобразованной впоследствии в Узбекский государственный университет, а также аспиранты и студенты, среди которых были и его ученики. Впоследствии это такие известные учёные Узбекистана, как вице-президент национальной академии, академик И.М. Муминов, академик Я.Г. Гулямов, члены-корреспонденты А.М. Аминов, Р.Н. Набиев, профессор М.Г. Вахабов, доцент А.Х. Хамраев и другие.

Между тем кампания травли П. Салиева то угасала, то набирала новые обороты. Ругательная статья, характеризующая «контрреволюционную деятельность Пулата Салиева» была опубликована в одном из номеров московского журнала «Культурная революция» под заголовком «Мракобесы руководят вузом!»¹.

В 1931 г. состоялось собрание студентов, преподавателей и научных работников Узбекского государственного университета, на котором был поставлен вопрос об отстранении П. Салиева от преподавательской деятельности «за проведение контрреволюционных националистических идей в читаемых им лекциях». Выступившие оппоненты Салиева ставили ему в вину, что он указывал на неприемлемость методологии марксизма в изучении истории Востока»².

Обвинение, прозвучавшее на собрании, не было случайным. Оно явилось отголоском бурных дискуссий, происшедших в 1929 и 1930 годах, о так называемом «азиатском способе производства». В мае 1929 г. такая дискуссия о социально-экономических формациях прошла в Обществе историков-марксистов в Москве. В 1930 г. Закавказское отделение данного Общества опубликовало стенографический отчёт дискуссии по докладу Берлина «Об азиатском способе производства»³.

¹ О существовании этой статьи автору стало известно из материалов архивно-следственного дела Пулата Салиева. К сожалению, в библиотеках Узбекистана номер этого журнала обнаружить не удалось. Но поиск продолжается.

² АСНБ РУ, архив.-следств. дело № П-20737, л. 27.

³ Об азиатском способе производства. Стенографический отчёт дискуссии по докладу т. Берина. Под редакцией Болотникова А.А. и Сефа С.Е. Тифлис: Зак-книга. 1930. 152 с. (Закавказское отделение Общества историков-марксистов при Комакадемии); Спорные вопросы методологии истории (Дискуссии об общественных формациях на объединённом заседании ПОКа и Общества историков-марксистов). Харьков: Пролетарий, 1930. 239 с; Дискуссия о социально-экономических формациях (в обществе историков-марксистов, Москва, май 1929 г.) //Историк-марксист. 1930. Т. 16. С. 104-161.

В ходе проведённой дискуссии были подвергнуты критике историки и обществоведы, сторонники теории «азиатского способа производства». Они утверждали, что господство в странах Азии государственной земельной собственности, отсутствие там крупных хозяйств, непосредственное подчинение крестьян государству, особая роль государства в создании ирригационной системы, в организации сопротивления кочевников, а также наличие в восточных деспотиях развитого слоя государственной бюрократии - все эти признаки конституируют особую социально-экономическую формацию. Сторонники теории «азиатского способа производства» считали также, что аппарат государственной власти, т.е. чиновничество и бюрократия, выступает в этих государствах в качестве особого класса.

Подобная точка зрения, однако, не нашла тогда поддержки у большинства историков.

На этом же собрании было выдвинуто и другое обвинение в адрес П. Салиева. Ему инкриминировали то, что читает он свой курс лекций по истории Средней Азии, опираясь на книгу Арминия Вамбери под заглавием «Тарихи Мауранахр» («История Мавераннахра») в переводе «татарского контрреволюционного деятеля» Фатыха Каримова. По мнению критиковавших его историков-партийцев, студенты из его лекций не получали чёткого и ясного представления о действительной истории Средней Азии, поскольку указанная книга Арминия Вамбери отличалась описанием личной жизни и деятельности царей в Средней Азии и не освещала истинного положения народных масс»¹.

Противниками П. Салиева был поднят вопрос о несоответствии им звания профессора, которое он якобы получил при поддержке профессора истории председателя Государственного Учёного совета при Народном Комиссариате просвещения Узбекской ССР Зия Гимадиева и его заместителя – профессора истории Василия Яроцкого.

Впоследствии оба этих профессора были расстреляны.

Прямым результатом всех этих событий явилось то, что профессор П. Салиев около двух лет в Узбекском государственном университете не работал и лишь впоследствии был привлечен вновь. Отстранённый от преподавательской деятельности, он целиком сосредоточился на научно-исследовательской работе.

¹ АСНБ РУ, архив.-следств. дело №П-20737, л. 28.

* * *

13 октября 1937 г. профессор П.М. Салиев был арестован. Следствие по его делу длилось менее четырёх месяцев. Тянулись бессонные ночи. Они перемежались многочасовыми допросами-конвейерами. Сменявшие друг друга следователи допрашивали в течение нескольких суток П. Салиева, не позволяя ему ни на минуту сомкнуть глаз.

В своих «Воспоминаниях о моём отце...» Фаарида Пулатовна Мухитдинова писала:

«Летом 1968 года моя старшая сестра Р. Салиева, будучи в Самарканде, посетила музеи города, с детства знакомые места. Во время посещения обсерватории Улугбека встретила с пожилым директором музея Акрамовым Абдусаломом Хусаиновичем.

Разговорились. Из разговора выяснилось, что она доводится дочерью его учителю П. Салиеву, а он бывший его аспирант и, что он в 1937 году был репрессирован и сидел в одной камере с П. Салиевым. Они договорились ещё раз встретиться. Вскоре А.Х. Акрамов прибыл в Ташкент и представился маме, мы собрались в доме у сестры, где он нам рассказал о последних днях своего учителя.

«Нас в тесной, трёхъярусной камере (видимо с трёхъярусными тюремными нарами – В.Г.), рассчитанной на 50 человек, было 150 заключённых. Среди нас были и политические, и уголовники, и так называемые «басмачи» во главе с племянником известного курбаши. Часто между заключёнными происходили споры: «басмачи» задавали вопросы членам партии, советским работникам: «за что же вы все сидите, вы ведь боролись за эту советскую власть? Мы то убивали ваших, но вы же за эту власть боролись». Такие разговоры между ними велись часто. В камере было душно, не хватало воздуха, были споры и скандалы. А в разгар ссор между заключёнными я обращался к учителю, который тихо задумчиво сидел на полу, прислонившись к стене, думая о своей семье, своих трудах, библиотеке и всей обстановке в стране. Он был печален, заросший, с седой бородой.

Зная его искусство рассказчика, лектора, мы ученики, самаркандцы, просили его рассказать что-либо из истории.

Он начинал говорить, обстановка разряжалась. Его лекции были столь интересными, что захватывали внимание всех заключённых. Наступала мёртвая тишина, его рассказы завораживали слушателей. Учитель много знал и прекрасно преподносил материал. Говорил он и об эпохе Амира Темура, и о его походах, завоеваниях и вот перед нами Амир Темура скакал на коне во главе своего войска, говорил о его столице городе Самарканде, о темуридах. Перед нами оживал Хусейн

Байкара, сидящий на троне и окружённый свитой и тут же великий Алишер Навои. Он воспроизводил образ поэта так живо и отчётливо, что Навои стоял перед нами, как живой, читающий стихи.

Учитель читал нам стихи Навои. Описанные им образы все более оживали и мы переносились в другую эпоху, мы забывали о своём положении, уносились в сказочную даль и отрывались от будней - так захватывали наше внимание рассказы нашего учителя.

Мы были глубоко благодарны ему за то, что он отвлекал нас от ежедневных невзгод. После окончания рассказа учителя наступала тишина, а затем мы постепенно приходили в себя. Однажды племянник курбаши вскочил со своего места и воскликнул: «Кто арестовал этого Святого?», долго ещё возмущаясь по этому поводу. К сожалению, мне недолго пришлось быть вместе со своим учителем. Летом 1938 года я покинул камеру,* так как был отправлен в лагерь под городом Куйбышевым»¹.

* * *

7 февраля 1938 г. в соответствии с докладом некоего Федяева судом тройки было рассмотрено дело Самаркандского сектора НКВД Узбекистана по обвинению профессора П. Салиева и вынесено постановление о его расстреле и конфискации лично ему принадлежащего имущества. Приговор был приведён в исполнение 28 февраля 1938 г.²

28 июня 1956 г. в ответ на запрос жены профессора Фатимы Зарафуллаевны Салиевой о судьбе мужа был дан ответ, что её «муж... был осуждён к 10 годам в ИТЛ и, находясь в местах заключения, 28 февраля 1944 года умер от острого энтерколита»³.

Только через 18 лет семья П.М. Салиева узнала полуправду, т.е. число и месяц смерти мужа и отца, отмечая с этих пор день траура. Истинную же причину смерти и подлинный год гибели, оставшиеся в живых члены семьи узнали лишь спустя несколько десятилетий.

Репрессии по отношению к историкам сопровождались преданием анафеме и забвению опубликованных и так и не вышедших в свет завершённых или находящихся в процессе работы рукописей. Воистину, каждый век имел своё средневековье: очевидцы рассказы-

¹ Мухитдинова Ф. П. Воспоминание о моём отце и некоторые известные мне факты из жизни профессора Пулата Маджитовича Салиева (1882-1938 гг.). Машинопись. 7 с. С. 6-7. Личный архив Германова В.А.

² АСНБ РУ, архив.-следств. дело Ж1-20737, отдельная связка, л. 2.

³ Там же, отдельная связка.

вают, что в Ташкенте во дворе НКВД в 1937 и 1938 гг. день и ночь пылали костры из конфискованных и изъятых из оборота книг. Изымались и расходились по неизвестным направлениям личные библиотеки, собранные подвижниками от науки в результате титанических усилий. Лишь некоторые из запрещённых книг репрессированных авторов, хранящихся в спецхранах государственных библиотек в единичных экземплярах дошли до нашего времени. Многие были безвозвратно утеряны. Что касается конфискованных библиотек, то и после реабилитации их владельцев они не были возвращены их наследникам.

Феномен появления первого узбекского историка академического и университетского стиля, начавшего публиковать свои труды на узбекском языке типографским способом. Судьба П. Салиева по ряду обстоятельств несколько напоминает судьбу Алишера Навои. Как и Навои П. Салиев родился за пределами Узбекистана. Как и Навои, впервые обратившийся к узбекскому языку в своём поэтическом искусстве, П. Салиев впервые предпринял попытку написать полную версию истории Узбекистана на узбекском языке. Историк первым сумел осуществить академический перевод Корана, снабдив его научными комментариями, с арабского на узбекский язык. Перевод исчез во время ареста и до сих пор не найден. Во всём остальном судьба П. Салиева гораздо трагичнее, став мучеником при жизни, он и после смерти в течение продолжительного времени не получал подобающего ему места, в истории. Его замыслы и труды пришлось во многом воплощать его лучшим ученикам. К счастью, лишь очень немногие оказались недостойными его памяти.

Исчерпывающую оценку жизни и деятельности профессору Пулату Салиеву дали его ученики вице-президент Академии наук Узбекистана, среди которых академик И. Муминов, академик Я. Гулямов и другие, отметившие, что «большой вклад в развитие исторической науки в Узбекистане внёс Пулат Салиев - создатель узбекской школы историков»¹.

Много лет спустя, уже в пятидесятые годы, Джавахарлал Неру, посетивший Узбекистан, – политик, учёный и автор знаменитой трёхтомной монографии «Взгляд на всемирную историю», – поинтересовался у ученика Пулата Салиева, а тогда вице-президента Академии наук Узбекистана Ибрагима Муминова о судьбе Учителя:

¹ История Узбекской ССР. В IV-х томах. Т. III. Ташкент: Фан, 1967. С. 643; См. также первый научный очерк о П.М. Салиеве профессора Б.В. Лунина: Пулат Салиев. // Биобиблиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана. Том II. Составитель Б.В. Лунин. Ташкент: Фан, 1977. С. 107-110.

ему бы хотелось встретиться с Пулатом Салиевым, поговорить о книге «Индия под игом Англии» с её автором лично.

«Пулат Салиев давно умер», – ответил академик.

«Может быть, мне дозволено будет возложить на его могилу цветы»? – поинтересовался Джавахарлар Неру.

«Он умер в пути», – последовал ответ.

Файзулла Ходжаев: историк и государственный деятель

Файзулла Ходжаев (1896 – 1938) был одним из видных государственных деятелей Узбекистана. Родился он в семье богатого бухарского купца. Начальное образование получил в старометодной школе, а затем учился в медресе Бухары. В 1907 – 1912 гг. Ф. Ходжаев прошел обучение в Москве у частных преподавателей и уже в юношеские годы стал одним из образованнейших людей своего времени. Обладавший аналитическим складом ума, трезвостью мышления, самокритичным отношением к своим поступкам, со временем он стал незаурядной личностью, одним из крупных государственных деятелей¹.

Ф. Ходжаев вырос в Бухаре в обстановке возбуждения и брожения общества, борьбы реакционных и прогрессивных сил. Те же процессы, но на более сложном политическом уровне происходили в Москве, куда привез его отец после событий 1905 – 1907 гг. и где он прожил пять лет, обучаясь светским знаниям и языкам у частных русских и немецких преподавателей. Бесспорно, это не могло не повлиять на формирование мировоззрения и характера юного Файзуллы.

В 1913 г. Ф. Ходжаеву исполнилось 17 лет. Вернувшись в Бухару, он влился в джадидское движение. О его дальнейшей учебе сведения отсутствуют, хотя распространялись слухи, что он учился в Германии. Между тем известно, что в 1922 г. он находился там на лечении. Сам он о своей учебе за границей нигде не писал. Бытует мнение, что он преднамеренно скрывал свое обучение в Германии. Как бы там ни было, невозможно представить, что Ф. Ходжаев мог ограничиться домашним образованием – настолько удивительна его судьба, молниеносна карьера, огромно творческое наследие, аналитичен и всеобъемлющ ум. К тому же доподлинно известно, что

¹ Сафаров Р. Файзулла Ходжаев // Правда Востока. 1988. 15 мая.

немецким языком он владел в совершенстве.

Как известно, отец его Убайдуллаходжа Касымходжа оглы – один из самых богатых людей Бухары был купцом-миллионером и вел обширную торговлю каракулем в России и за границей. На протяжении пяти лет после смерти отца Файзулла продолжал его торговое дело, но, занявшись вплотную джадидской организацией, вернее, уже после формирования партии младобухарцев, был вынужден передать ведение коммерческих дел в руки брата. Однако приобретенный опыт, знание торговых отношений естественно помогли ему впоследствии в решении многих жизненно важных народнохозяйственных задач. Солидное состояние же помогло ему избежать смерти в Оренбурге, в плену у Дутова, куда он попал, когда ехал в Москву после мартовских событий 1918 г. в Бухаре. Здесь имеется в виду неудавшаяся авантюра председателя Совета народных комиссаров ТАССР Ф. Колесова, пытавшегося силой оружия заставить эмира уступить власть младобухарцам.

Знание местных условий, Корана и шариата (ведь Ф. Ходжаев обучался в бухарском медресе) побуждало его учитывать положение, возможности и стремления всех социальных слоев населения. Накануне революции в Бухаре, он был членом Туркестанского бюро младобухарской партии и выступал против формального объединения с коммунистической группой этой партии, аргументируя свою позицию тем, что это сузит социальную базу и отшатнет «все группы, хотя и революционные, и враждебные эмиру, но в то же время совершенно чуждые коммунизму и боявшегося его...». «Поэтому, – писал он, – Туркестанское бюро полагает, что не следует преждевременно выкидывать лозунг коммунизма, чтобы не отпугнуть имущие группы революционеров, буржуазную молодежь, мелких торговцев и чуждую коммунизму часть революционной интеллигенции»¹.

Ф. Ходжаев вступил в компартию лишь в 1920 г., когда стало ясно, что революция в Бухаре невозможна без большевиков Туркестана. В октябре 1920 г. он был избран Председателем Совета Народных Назиров БНСР, после национально-государственного размежевания и образования Узбекской республики на I съезде Советов Узбекской ССР – председателем Совета Народных Комиссаров и членом Президиума ЦИК УзССР. В мае 1925 г. на сессии ЦИК Советов СССР он был избран членом Президиума и одним из шести председателей ЦИК Советов СССР. Он также был членом Реввоен-

¹ Ходжаев Ф. К истории бухарской революции. Ташкент, 1926. С. 72.

совета Туркфронта и уполномоченным Наркомвоенмора СССР по Узбекистану. Ему было присвоено высшее воинское звание того времени – командующий армией. Послужной список Ф. Ходжаева велик. Мы привели лишь основные его вехи. В историографии советского периода было принято наряду с этим отмечать и «отдельные серьезные политические ошибки» Ф. Ходжаева. Эти «ошибки» на самом деле – свидетельство его объективного мышления и ведения дел, независимо от политики центра и обстоятельств. Сейчас мы имеем лишь смутные представления об участии Файзуллы Ходжаева в инициативе так называемой в те нелегкие годы «группы 18» – кучке смельчаков, получивших ярлык «иногамовщина». Дело в том, что 18 руководящих работников республики накануне II съезда Компартии Узбекистана (ноябрь 1925 г.) подали заявление на Пленуме ЦК КП(б)Уз об уходе с занимаемых ими ответственных постов. Они не могли согласиться с методами проведения земельно-водной реформы, сопровождавшейся насильственной экспроприацией собственности, засильем диктаторской политики центра в хлопковом производстве, с негативным отношением к старым кадрам интеллигенции, подбору кадров с классовых позиций, учитывающих пролетарское происхождение.

Многие историки считают спорным вопрос о причастности Ф. Ходжаева к этим событиям. Однако, даже советская литература не смогла умолчать о «колебаниях, сомнениях и ошибках» столь сложной политической фигуры, как Файзулла Ходжаев. При правильном подходе к ней между строк можно почерпнуть весьма ценные сведения. В комиссии Средазбюро ЦК ВКП(б) по разбору заявления «18» он писал: «Партийные товарищи недовольны не земельной реформой и сельскохозяйственной политикой, а кадровой политикой ЦК. Если бы на мои разговоры обратили внимание секретари ЦК, то я бы не советовал писать заявление. Товарищи недовольны не линией ЦК, а действиями Икрамова и Иванова»¹.

Тем не менее, на группу «18» был навешен ярлык оппозиционного правого уклона, «уходящего корнями своими в чуждую и враждебную пролетариату и беднейшему крестьянству среду байского землевладения и купечества»². С этим ярлыком группа и вошла в историческую литературу, а Ф. Ходжаеву затем неоднократно пришлось объяснять свое отношение к этому заявлению. Но от своей

¹ См.: Зайченко Ж. Из истории одного заявления // Человек и политика. 1991. № 1. С. 93.

² Резолюции и постановления XIX пленума Средазбюро ЦК ВКП(б). 8-10 октября 1927. Ташкент, 1927. С. 38.

причастности к его написанию он никогда не отказывался¹. По собственному признанию Ф. Ходжаева на III съезде Компартии Узбекистана², он активно участвовал в выступлении «группы 18». Конечно же, это было сказано с той целью, чтобы признание, раскаяние положило конец нападкам и разборкам. «Разбор этого вопроса был закончен еще в 1925 г.» – говорил Ф. Ходжаев. Но, как видим, в 1927 г. травля продолжалась, и на III съезде компартии вновь поднялся вопрос об ошибках Ф. Ходжаева. Среди них его отношение к джадидизму. Как уже отмечалось, он был в сердцевине бухарского джадидизма, имевшего в начале просветительский характер, но трансформировавшегося в 1916 – 1917 гг. в политическую партию младобухарцев, боровшихся за установление конституционной монархии, а затем и за преобразование Бухарского эмирата в демократическую республику.

Причастность Ф. Ходжаева к движению прогрессистов, вернее – тесная связь с этим уникальным историческим явлением, делала его образ на протяжении многих десятилетий и даже в годы застоя еще более притягательным.

Ключевое положение Ф. Ходжаева в общественно-политической и социально-экономической жизни Узбекистана в один из сложных периодов истории, его такие личные качества, как эрудиция, деловитость, колоссальная работоспособность, а также богатство использованных материалов и, прежде всего, обширные статистические сведения делают его творческое наследие ценным источником по истории республики 1920 – 1930-х годов.

Основную часть творческого наследия Файзуллы Ходжаева составляют его работы теоретического и политического характера (книги, брошюры, статьи) и публичные выступления (доклады, речи, приветствия). Их нельзя расценивать как исторические труды, однако они раскрывают события политической, экономической жизни Узбекистана середины 1920-х – середины 1930-х годов как бы изнутри глазами их очевидца и активного участника, сквозь призму его индивидуальности и профессионального мастерства, тем самым способствуя объективному освещению истории этого периода. Но между тем отражение в его работах того или иного процесса либо события не есть «зеркальный акт». Его видение своей эпохи во многом определяют мировоззрение, идеологические принципы. Конечно, он был продуктом своего времени, и его деятельность,

¹ См.: Выступления Ф. Ходжаева на III, IV съездах КП(б) Узбекистана.

² Ходжаев Ф. Избранные труды. Ташкент, 1970. Т. I. С. 391–396.

взгляды, убеждения, суждения, отраженные в его творческом наследии, были детерминированы этим временем.

И, тем не менее, в произведениях и выступлениях Файзуллы Ходжаева мы находим не только победные рапорты о достижениях и впечатляющие цифры побед, но и объективные сведения о средствах достижения этих побед, о ходе преобразовательных процессов, об ошибках, просчетах, негативных последствиях многих преобразований. Они раскрывают трудные будни этого сложного периода, чего практически нет в других источниках.

Деятельность Файзуллы Ходжаева на посту председателя Совнаркома проходила в условиях, когда в Узбекистане, как и в стране в целом, наряду с успехами в экономической и культурной жизни, создавались и развивались чрезвычайно острые негативные явления, когда коллективизация и складывающаяся командно-административная система обострили социально-хозяйственные отношения, когда начала сворачиваться демократия и демократические традиции, тезис Сталина об обострении классово-борьбы в стране породил политику чрезвычайщины и террора. В этих архисложных условиях партийные и государственные деятели повели себя по-разному, их взгляды претерпели сложную и мучительную эволюцию. Но среди руководящих кадров были люди, которые в жестких рамках тех сложных условий высказывали свои взгляды на суть происходивших событий и пытались отстаивать гуманистические принципы. Среди них был и председатель СНК УзССР Файзулла Ходжаев.

Бесспорен тот факт, что он принадлежал к партийной и государственной элите республики, выразившей своими действиями мнение официальных властей, и, как он сам неоднократно подчеркивал, был верным сыном Коммунистической партии, объединявшей не только единомыслящих, но единоедействующих ее членов. Но он занимал в этой элите свое место и часто имел свое особое мнение и отстаивал его.

В своих трудах и выступлениях Ф. Ходжаев затрагивал и анализировал самые насущные проблемы современности. Они во многом помогают исследователям в освещении таких важнейших проблем 20 – 30-х годов. XX в., как деятельность органов государственного управления, индустриализация, коллективизация, культурные преобразования и др.

После проведения национально-государственного размежевания в Средней Азии и образования самостоятельной Узбекской ССР одной из основных задач ее правительства было создание аппарата органов власти и управления. В этом аспекте работы и выступления

Ф. Ходжаева представляют большой интерес, так как отражают опыт работы возглавляемого им правительства в этом направлении.

Ф. Ходжаев особо подчеркивал то обстоятельство, что решать эту задачу правительству Узбекистана надо было в чрезвычайно трудных условиях «пестроты хозяйственной, политической и бытовой жизни различных районов республики, поскольку она сложилась из частей, стоявших на совершенно различных уровнях развития, с различным историческим прошлым». «В середине 1920-х годов, – писал Ф. Ходжаев, – бывшая Бухара и бывшая Туркесреспублика были «далеко не одно и то же»¹.

Наиболее трудной была задача организации низового советского аппарата единого типа, ибо в Бухаре еще действовали остатки эмирского аппарата, в Хорезме – остатки ханства, а на территории бывшей Туркесреспублики, хотя и существовали уже сельсоветы, но «они были очень плохо приспособлены к работе»². Он также указывал на то, что октябрьская революция в Туркестане прошла только силами европейского пролетариата, большая часть местного населения в деле организации советской власти до 1925 г. практически не участвовала³.

Одной из проблем советской власти было создание корпуса преданных ей национальных кадров или, как тогда было принято говорить, проблема коренизации соваппарата.

Ф. Ходжаев отмечал, что в 1926 г. процент узбеков в центральном соваппарате был сравнительно незначителен: областные аппараты были «узбекизированы», но недостаточно. «Причиной слабого проведения узбекизации являлся, по его словам, низкий культурный уровень населения и почти полное отсутствие лиц со специальной подготовкой»⁴.

Для решения этой проблемы была создана сеть совпартшкол и специальных курсов. Но результаты были неутешительны. В 1928 г. узбеки в органах управления составляли 29 %, а в 1929 г. – 30 %, причем значительное число их приходилось на сельские районы и некоторые округа. Такие округа, как Ташкентский, Самаркандский, Бухарский, имели в составе руководящего аппарата не более 15 % лиц коренной национальности⁵.

¹ Ходжаев Ф. Избранные труды. Т. II. Ташкент, 1972. С. 451.

² ЦГА РУз, ф. Р-837, оп. 15, д. 3, л. 2-3.

³ Там же, л. 2.

⁴ Ходжаев Ф. Избранные труды... С. 281.

⁵ ЦГА РУз, ф. Р-837, оп. 15, д. 61, л. 54.

Определенные количественные результаты с большим минусом в качественном отношении, в решении кадровой проблемы давало выдвижение рабочих и дехканской бедноты на работу в органах управления. К сожалению, Ф. Ходжаев, назвав этот источник пополнения кадров¹, не раскрывает путей претворения его в жизнь.

Другим источником становления национальных кадров, о котором Ф. Ходжаев дает нам интересную информацию, были национальные формирования Красной Армии. Узбекистан получил от прежних Бухары и Хорезма довольно значительные воинские формирования, которые были хорошо подготовленной военной силой. Их было решено использовать как опору советской власти в кишлаке. Прошедшие двухгодичный срок службы, закаленные в гражданской войне, политически обработанные красноармейцы национальных частей, по мнению руководства партии и правительства Узбекистана, становились их весьма ценными помощниками на местах. Вернувшись домой, они должны были и в мирной жизни кишлака остаться «борцами за Советы», сменить военную службу на политическую, хозяйственную и культурную деятельность в кишлаке. Все, прошедшие через военную службу, после демобилизации должны были стать «лучшей опорой Советской власти, лучшими строителями советской государственности».² Демобилизованные красноармейцы возглавляли работу сельсоветов, избирались в райисполкомы и окрисполкомы. Однако человек, прошедший школу военной дисциплины, политической грамотности и классовой непримиримости, безусловно, переносил знакомые ему приемы взаимоотношений и в мирную работу. Эти новые кадры, которые к тому же зачастую не имели даже начального образования, естественно, сами создавали и безоговорочно поддерживали стиль авторитарного руководства, создавали атмосферу, способствующую утверждению тоталитарного режима.

Партийное и советское руководство республики в середине 1920-х годов использовало национальные формирования Красной Армии как великую кузницу, «в которой выковываются основные кадры работников из коренного населения»³.

Будучи руководителем республики, Ф. Ходжаев неоднократно обращал внимание на многочисленные нарушения законности. Как писал Ф. Ходжаев в брошюре, посвященной вопросам национального размежевания в Средней Азии и 10-летию существования УзССР неправильно утверждать, что с «революционной законностью дело

¹ Ходжаев Ф. Избранные труды... С. 379.

² Там же. С. 464.

³ Там же. С. 462-463.

обстоит благополучно». «Такие факты, как судебный процесс над советскими работниками в Кермининском и других районах по делу налогового обложения говорят об обратном»¹. Выступая на январском пленуме ЦК КП(б) Уз по докладу А. Икрамова в 1936 г., он смело сказал: «Мне хотелось бы остановиться сейчас на революционной законности потому, что у нас на законы не особенно обращают внимание. В Рометанском районе мы приехали на хлопковый пункт и обнаружили 14 человек арестованных, которые ждали в этот день показательного процесса; в течение 5-ти минутного расспроса нам – секретарю райкома, мне и начальнику оперсектора – пришлось всех 14 человек освободить. Сидели за то, что уполномоченный, назначенный по заготовке хлопка, ... объезжал участки, дома, выкрикивал, и всех – кто сколько-нибудь не подходил к его шаблону, арестовали»².

Следует обратить внимание на то, что эти слова Ф. Ходжаева о беззакониях, которые имели место по всей стране, не говоря уже о высших эшелонах власти, были произнесены в 1936 г., когда уже прочно установился тоталитарный режим власти. Это дает еще одно подтверждение существованию у Ф. Ходжаева своей принципиальной позиции, в данном случае по отношению к такому важному вопросу, как законность.

Анализ работ и выступлений Файзуллы Ходжаева, в которых затрагиваются вопросы работы советов Узбекистана в 1920 – 1930-х годов, дает нам целый ряд не известных ранее сведений. Он показывает, что организационные процессы советского строительства проходили медленно и трудно, аппарат советов был громоздким, дорогим, не взаимосвязанным в своих звеньях, его работники не обладали необходимой квалификацией и этот недостаток заменяли силовыми методами руководства. Не решила проблему и организация трехмесячных курсов переподготовки советских работников различных уровней. Работники, выдвигаемые на советскую работу, копируя своих предшественников, игнорировали коллегиальность и продолжали утверждать командные методы работы. В целом, по данным Ф. Ходжаева, качество работы аппарата советов в середине 1930-х годов оставляло желать лучшего. На II сессии ЦИК Советов Узбекистана в феврале 1936 г. он отмечал, что советы пока еще не стали настоящими руководителями социалистического строительства. Добиться этого они смогут «только путем расширения коллегиальности, усиления массовой работы, вовлечения широких масс трудящихся через депутатские группы, через секции Советов, только путем

¹ ЦГА РУз, ф. Р-837, оп. 15, д. 153, л. 80.

² Там же, д. 160, л. 22.

борьбы с администрированием, только путем закрепления кадров, обучения этих кадров»¹.

Перед правительством республики в середине 1920-х гг. стояла задача – в максимально короткие сроки завершить восстановление хозяйства до довоенного уровня, т.е. до уровня 1913 г. Был взят курс на развитие крупных государственных предприятий, увеличение производительности труда и снижение себестоимости продукции².

В 1927 г. в докладах Ф. Ходжаева на II съезде Советов УзССР и III съезде КП(б)Уз была поставлена задача реконструкции хозяйства республики на основе всеобщей индустриализации страны. Решить эту задачу предполагалось путем развития, в первую очередь, отраслей промышленности по переработке продукции сельского хозяйства и использования естественных богатств (нефть, уголь, озокерит); размежевания и организационного оформления республиканской и местной промышленности; развития ремесленного производства; создания новых отраслей промышленности; организации научно-исследовательских работ по изучению природных богатств и производительных сил региона; всемерного развития тех отраслей промышленности, которые могут способствовать расширению экспорта республики.³ Для этого следовало решить проблему повышения рентабельности промышленного производства и проблему кадров – вовлечение в промышленность рабочих из коренного населения. «Эту актуальную задачу, – говорилось в докладе Ф. Ходжаева II съезду Советов УзССР, – мы сумеем выполнить, если дадим большую самостоятельность каждой непосредственной производственной единице»⁴. Это важное условие успешного развития промышленности Ф. Ходжаев особо подчеркивал потому, что уже набирала силу тенденция к жесткой централизации её управления.

К 1928 г. промышленность Узбекистана по своей социальной структуре была уже почти вся государственная: она занимала 96,3 % всего производства, кооперативная – 3,3 %, а частная – 0,3 %⁵.

Ф. Ходжаев отмечал, что в организационной структуре промышленности Узбекистана сложилось весьма своеобразное положение: все хлопкоочистительные и маслобойные заводы имели союзное подчинение, поэтому в валовой продукции республики союзной промышленности принадлежало 81,7 %, тогда как республиканской –

¹ ЦГА РУз, ф. Р-837, оп. 15, д. 136, л. 104

² Ходжаев Ф. Избранные труды... С. 41.

³ ЦГА РУз, ф. Р-837, оп. 15, д. 40, л. 1

⁴ Там же.

⁵ Ходжаев Ф. Избранные труды... С. 242.

только 14,5 %, а местной – 3,8 %. Причем вследствие быстрого развития хлопководства доля республиканской промышленности имела тенденцию к снижению: в 1926 – 1927 годах она составляла 17,3 %, а в 1927 – 1928 годах – 14,5 %¹.

Эта оторванность хлопковой и маслособойной промышленности от руководства республиканских органов при подавляющем ее удельном весе вредно сказывалась на осуществлении ее планирования, мешала успешному развитию промышленности в целом.

Наиболее слабым местом республиканской промышленности была, по мнению Ф. Ходжаева, нехватка как основного, так и, особенно, оборотного капитала. Созданная в значительной мере в довоенное время промышленность Узбекистана сильно устарела, ее оборудование было сильно изношено, оно нуждалось в капитальном ремонте и даже в полной замене. Кроме того, в республиканских органах управления промышленностью утверждалась максимальная централизация решения всех вопросов, что лишало исполнителей прав на оперативное руководство на местах, сковывало их инициативу, от чего в конечном итоге страдало производство².

Тем не менее, развитие индустриальной базы республики двигалось вперед: за 4 года первой пятилетки валовая промышленная продукция Узбекистана выросла в 3 раза. По мнению Ф. Ходжаева, в середине 1920-х годов центральной в индустриализации Узбекистана являлась проблема электрофикации, обусловленная сравнительно незначительными топливными ресурсами. Но ее решение продвигалось крайне медленно. В мае 1928 г. Ф. Ходжаев говорил только еще о необходимости поставить вопрос о переработке генерального плана электрификации Средней Азии и Узбекистана и необходимости добиться включения республики в генеральный план электрификации Союза³. Ф. Ходжаев считал, что успешному решению задач индустриализации мешали отсутствие единого руководства промышленностью, высокая себестоимость продукции, плохая переработка планов строительства.

Единое руководство производственными процессами и новым промышленным строительством было назревшей проблемой конца 1920-х годов, тем более, что республика уже располагала достаточно крепкими организациями, способными проводить эту работу самостоятельно. В республиканских же органах управления промышленностью утверждалась максимальная централизация решения всех

¹ Ходжаев Ф. Избранные труды... С. 242.

² ЦГА РУз, ф. Р-837, оп. 15, д. 40, л. 5.

³ Там же, л. 6.

вопросов, что лишало исполнителей прав на оперативное руководство на местах, сковывало их инициативу, от чего, в конечном итоге страдало производство¹.

Тем не менее в развитии промышленности Узбекистана в 1920 – 1930-е годы были достигнуты определенные успехи. За этот период в республике были построены десятки промышленных предприятий, выросли основные фонды республиканской промышленности, соответственно выросла и численность рабочего класса. Важнейшим итогом промышленного развития республики за первую пятилетку и вторую пятилетку, по мнению Ф. Ходжаева, явилось создание национальных кадров индустриальных рабочих. Однако, наряду с успехами, он отмечал наличие целого ряда крупнейших недостатков.

Республиканская промышленность не выполнила планов 1931², 1932³ и 1933⁴ гг. как по количественным, так и по качественным показателям. Слабо внедрялся хозяйственный расчет, плохо использовалось оборудование, имели место уравниловка в заработной плате, на предприятиях царил плохая организация труда и очень слабая трудовая дисциплина, происходила частая смена руководства отраслями промышленности, не хватало кадров опытных руководителей. «Политиков сколько угодно, – говорил Ф. Ходжаев, – Все кто выходят из вузов и коммунистических университетов, делаются политиками»⁵. И что самое главное, – по-прежнему ставился вопрос о низкой производительности труда, высокой себестоимости продукции и плохом ее качестве, отставании капитального строительства⁶.

Изучение трудов и выступлений Файзуллы Ходжаева, раскрывающих процесс формирования индустриальной базы Узбекистана в 1920 – 1930-х годах, показывает, что в них объективно отражены как его положительные, так и отрицательные стороны. Они позволяют сделать вывод и том, что все успехи в развитии промышленности республики определялись, в основном, количественными показателями, качественная же сторона этого процесса как в середине 1920-х, так и в середине 1930-г годов сохраняла одни и те же недостатки: низкая производительность труда, высокая себестоимость продукции, недостаток квалифицированных кадров, медленные темпы строительства.

¹ ЦГА РУз, ф. Р-837, оп. 15, д. 40, л. 5.

² Там же, д. 37, л. 9.

³ Там же, д. 136, л. 13.

⁴ Ходжаев Ф. Избранные труды... С. 167, 282.

⁵ Там же. С. 438.

⁶ ЦГА РУз, ф. Р-837, оп. 15, д. 226, л. 5; д. 90, л. 60; д.57, л. 4; д. 136, л. 45.

Противоречивые процессы, протекавшие в сельском хозяйстве Узбекистана, также нашли отражение в материалах государственной деятельности Файзуллы Ходжаева. В начале этого периода Ф.Ходжаев дал следующую характеристику сельского хозяйства Узбекистана: «Основная роль в экономике Средней Азии в 1924 г. определяется в 536 млн. руб., из них приходится на долю сельского хозяйства 455 млн. руб., так как наиболее мощные в экономическом отношении сельскохозяйственные районы вошли в состав Узбекистана, поскольку хлопководческие посе­вы – это база сельского хозяйства – в подавляющем большинстве находятся на территории Узбекистана, поэтому не будет большой ошибкой сказать, что, говоря о Средней Азии, мы преимущественно говорим об Узбекистане, хозяйственная мощь которого равна приблизительно 75 % ценности продукции всего Среднеазиатского района»¹.

Рассматривая хлопок «как главное богатство республики», правительство УзССР направляло в эту отрасль сельского хозяйства большие бюджетные средства, технику, удобрения. Одним из основных направлений решения задачи увеличения производства хлопка было увеличение его посевных площадей.

«Надо стараться, – говорилось в отчете правительства УзССР, с которым Ф. Ходжаев выступил на IV сессии ЦИК Советов УзССР I-го созыва, – чтобы развитие хлопководства находилось бы в нормальном состоянии со всем полеводством и, главным образом, с правильным севооборотом, а также, чтобы отдельные наши отсталые области нормально развивались в общей системе хозяйства, усиливая свою товарность»².

Условия для объединения крестьянских хозяйств в Узбекистане подготовила земельно-водная реформа. Ф. Ходжаев приветствовал реформу, считая ее необходимым политическим и экономическим мероприятием. По его мнению, необходимость земельно-водной реформы была вызвана тем, что земельные проблемы в кишлаке революцией не были решены, и в середине 1920-х годов в кишлаке на одном полюсе находился бедняк, владеющий одной десятиной земли и находящийся в вечном долгу у ростовщика и торговца, а на другом – крупное хозяйство, развивающееся уже на капиталистической основе. Нужно было произвести перераспределение владения землей, упоря-

¹ Правда. 1925. 12 мая.

² Материалы IV сессии Центрального Исполнительного Комитета Советов УзССР. Ташкент, 1926. С. 20.

дочить земельно-водные отношения, провести землеустроительные работы¹.

В начале 1928 г. в области сельского хозяйства на первый план выдвигались вопросы землеустройства, планирования, а также все чаще говорилось о коллективизации. Ф. Ходжаев отмечал, что землеустройство в Узбекистане в силу его специфики потребует 15 – 20 лет, что многие политические и хозяйственные стороны вопроса о преобразовании в сельском хозяйстве Узбекистана недостаточно изучены, что они достаточно серьезны и трудны. Он призывал очень осторожно подходить к внедрению коллективных форм хозяйствования на земле².

Подъем сельского хозяйства связывался с вопросом об отношении к середняку. На пленуме Среднеазиатского экономического совета Ф. Ходжаев подчеркивал, что для увеличения производства хлопка в Узбекистане опорой является середняк³. И бедняка следует подтягивать до уровня середняка⁴. Вместе с тем Ф. Ходжаев в июле 1928 г. констатировал, что кое-где допускалось административное воздействие на середняка⁵. Такая практика вскоре, как известно, получила широкое распространение.

Промежуточным этапом на пути внедрения социализма в сельское хозяйство рассматривались кредитная и потребительская формы кооперации, за ними следовало производственное кооперирование – организация колхозов, коммун, совхозов.

В ходе земельно-водной реформы начали создаваться производственные кооперативы – колхозы. В 1925 г. их было 110, в 1926 г. – 410, в 1927 г. – 832. Но, вырастали они чаще всего стихийно из-за ряда льгот, которые государство оказывало колхозам.

Ф. Ходжаев прекрасно понимал, что государственному аппарату еще «на протяжении известного времени придется по необходимости иметь дело с индивидуальными хозяйствами». Он был сторонником методов убеждения деханина, а не администрирования. Эту же мысль он развивал и в докладе на IV съезде Советов УзССР в феврале 1931 г.: «Беря курс на колхоз, нельзя забывать единоличные бедняцко-середняцкие хозяйства; не надо администрировать, надо, чтобы наши планы обсуждались массами, а не внедрялись сверху»⁶.

¹ Ходжаев Ф. Избранные труды... С. 403.

² ЦГА РУз, ф. 837, оп. 15, д. 34, л. 127-151.

³ Правда Востока. 1927, 1 февраля.

⁴ ЦГУ РУз, ф. Р-837, оп. 15, д. 29, л. 8.

⁵ Там же, д. 3, л. 85.

⁶ Ходжаев Ф. Избранные труды... С. 37.

По данным официальной статистики, к 1936 г. дехканин-единоличник был вытеснен из социальной жизни кишлака, 95 % всей сельскохозяйственной продукции давали колхозы и совхозы¹.

Но желаемых результатов не было. Решению задач увеличения производства хлопка, зерна и других сельскохозяйственных культур мешали плохая организация работы государственного аппарата, советских и партийных органов, их силовые методы работы. Ф. Ходжаев неоднократно обращал на это внимание правительства и руководства партии.

Прежде всего, по его мнению, главным недостатком в работе государственного и советского аппаратов было то, что так и не удалось добиться четкого разграничения функций. В начале 1930-х годов Ф. Ходжаев писал: «...Надо добиться, чтобы от ширката, колхоза и самой низовой советской ячейки в кишлаке, вплоть до СНК, было для всех ясно и четко установлено, кто чем должен заниматься, кто за что отвечает, кто в какие календарные сроки и что должен сделать»².

Большие недостатки наблюдались и в планировании. «Не всегда и не всюду наши планы отвечают или отражают действительность», – писал Ф. Ходжаев в 1931 г. – Очень часто это были просто «потолочные планы». В качестве примера он привел факт обнаружения в 1931 г. недосева на 150 тыс. га по сравнению с составленными ранее планами. После проверки оказалось, что сведения были ложными. Получалось, что во многих районах «если бы даже вспахать все дороги, все крыши домов, то не оказалось бы того количества земли, которое было намечено по плану»³.

В рассматриваемый период, по мнению Ф. Ходжаева, в сельском хозяйстве наблюдались многочисленные факты администрирования. Он указывал, что «руководители районов не убеждали, а приказывали, администрировали, а не руководили, пускали все на самотек»⁴. Бывали случаи, когда колхозников «заставляли сеять хлопок на солончаках и совершенно негодных и неудобных землях»⁵, им определяли планы с жесткими сроками пахоты, сева, уборки урожая.

Все это серьезно тормозило развитие всего народного хозяйства республики, а таких важных отраслей сельского хозяйства, как хлопководство и зерноводство – особенно. Несмотря на большое количество заседаний, совещаний, слетов, лозунгов и призывов,

¹ Правда Востока. 1936, 1 декабря.

² Ходжаев Ф. Избранные труды... С. 401.

³ Там же. С. 78.

⁴ Там же. С. 440.

⁵ Там же. С. 240.

планы хлопкозаготовок и хлебозаготовок из года в год не выполнялись.

В целом же можно полагать, что труды Ф. Ходжаева рисуют объективную картину развития сельского хозяйства республики в 1920 – 1930-х гг., акцентируя внимание на таких проблемах, как насаждение монокультуры хлопка, неудовлетворительное состояние животноводства, зерноводства и других важнейших отраслей аграрного сектора.

Еще один очень важный круг вопросов, который постоянно находился в поле зрения главы правительства Узбекистана, – это проблемы народного образования и здравоохранения. Культурная отсталость, как считал Ф. Ходжаев, была главным тормозом в развитии республики. «Все важнейшие задачи, стоящие перед нами, – писал он, – индустриализация страны, реконструкция ее сельского хозяйства и весь комплекс вопросов социалистического строительства... упираются в вопрос культурной революции, в работу по народному образованию. Этот участок – самое узкое место, наибольшая диспропорция существует между нашими хозяйственными достижениями и состоянием народного образования»¹.

Правительство Узбекистана прилагало огромные усилия для ликвидации культурной отсталости республики. Ф. Ходжаев в своих работах приводит многочисленные статистические материалы о росте грамотности среди населения, об увеличении количества школ, педагогов, в также росте процента учащихся из коренного населения. Однако, все это были показатели количественного роста грамотности населения. Качество же этих процессов значительно отставало.

Самым отрицательным образом на качестве преподавания сказывалась нехватка педагогических кадров, особенно из коренного населения. Значительная часть педагогов сама была малограмотна, так как эта проблема решалась, в основном, через систему краткосрочных курсов ликвидации неграмотности. По мнению Ф. Ходжаева, эти курсы практически решали задачу всего лишь ликвидации азбучной неграмотности. Тем не менее окончивших такие курсы зачисляли в разряд грамотных и направляли на работу в школу. В 1928 г. таких учителей в начальной школе было более 60 %².

Одним из недостатков в системе народного образования был также большой отсев учащихся из школ. Причем Ф. Ходжаев приводит интересную деталь: одной из основных причин отсева, по твердому убеждению социальных властей, были не слабые знания

¹ Ходжаев Ф. Избранные труды... С. 214.

² ЦГА РУз, ф. Р-837, оп. 15, д. 3, л. 80

учащихся, а их «несоответствие классовой линии». Это было одним из страшных негативных явлений новой системы. Из школ первой ступени отчисляли 7-8-9-10-летних мальчиков и девочек за то, что кто-то из их предков был купцом, торговцем или еще кем-то из «классово-чуждых элементов». Часто отчисляли, несмотря на то, что им оставалось учиться год или полтора, что они почти окончили школу. Ф. Ходжаев с большим возмущением выступал против этой порочной практики. Выступая на III съезде Советов УзССР, он подчеркивал: «Советская власть правильно или неправильно 8 лет тому назад приняла в школу студента, который обучался 8 лет. Советская власть тратила на него деньги, теперь он оканчивает. И неужели все то, что тратилось на него в течение этих лет, должно идти на ветер? ... Надо учесть, что мы нуждаемся в культурных силах, нам нужны люди, владеющие наукой, техникой... Выписываем же мы американских и немецких инженеров, что они разве более близки нам? Я думаю, что если на человека тратили деньги в течение восьми лет и никто не выявил, что он был враждебно настроен или выступил против Советской власти, мы выбрасывать его не можем ... надо чистить ..., но надо знать, кого чистить»¹.

Ф. Ходжаева очень беспокоила ситуация, которая сложилась в вузовской системе в этот период. В своем докладе на III съезде советов он говорил о том, что в вузах безжалостно отчисляют студентов «только потому, что они находятся в родственной связи с бывшими купцами, торгашами или чиновниками, ... несмотря на то, что им осталось учиться год или полтора, что они через год могут выйти уже настоящими спецами». Он называл эти действия неправильными и бессмысленными². Но, несмотря на все недостатки, самым главным итогом происходивших перемен Ф.Ходжаев считал то, что из среды узбекского народа выростали люди новых профессий: агрономы, врачи, техники, инженеры, художники, артисты, писатели³.

В материалах Ф. Ходжаева четко проходит мысль о весьма ощутимых достижениях в области здравоохранения Узбекистана за 1925 – 1937 гг. Работу Народного комиссариата здравоохранения на фоне деятельности других наркоматов Ф. Ходжаев постоянно ставил в пример: «Наркомздрав является одним из лучших комиссариатов в нашей республике, – отмечал он в своем докладе на II съезде советов Узбекистана в марте 1927 г. – Я должен сказать перед съездом, что

¹ ЦГА РУз, ф. Р-837, оп. 15, д. 61, л. 46-47.

² Ходжаев Ф. Избранные труды... С. 336.

³ Там же. С. 503.

это один из тех комиссариатов, где наши средства тратятся на нужды народа и трудящихся масс. Я должен сказать, что в аппарате комиссариата здравоохранения находятся люди науки, люди, искренне преданные своему делу»¹. Следует отметить, что такая высокая оценка работы давалась Ф. Ходжаевым довольно редко.

Изучение наследия Ф. Ходжаева показывает, что в его работах и выступлениях содержится глубокий поэтапный анализ состояния народного хозяйства Узбекистана в 20 – 30-е годы XX в. прослеживается обостряющаяся с каждым годом напряженная политическая и социальная атмосфера, которая вызывалась политикой классовой нетерпимости и утверждением командно-бюрократической системы. Ф. Ходжаев приводит немало фактов головотяпства, доведения до чистейшего абсурда и без того антинародных и антидемократических установок кампаний. Конечно, он был сыном своего времени, и его классово-партийная позиция наложила определенный отпечаток на направленность и содержание его трудов, но это никоим образом не лишает их определенной объективности. Для его работ характерен реализм, здравый смысл и взыскательность. Возможно, причина в том, что Ф. Ходжаев формировался как общественный деятель под влиянием идеологии джадидизма и младобухарцев, которые придавали приоритетное значение реформам. Кроме того, начало его государственной деятельности на посту председателя Совета народных назиров БНСР проходило в условиях перехода к НЭПу, под влиянием которого формировалась в те годы концепция государственного управления и социально-экономической политики. НЭП способствовал либерализации и демократизации политической и общественной жизни. И, наконец, следует иметь в виду, что в Узбекистане во второй половине 1920-х гг. шли в своей основе реформационные процессы и, в отличие от некоторых работников Узбекистана, стоявших на позициях жесткого революционного экстремизма, Ф. Ходжаев был сторонником политики продолжения НЭПа и принципов демократизации общества. Эту позицию он сумел сохранить до конца своей жизни, о чем свидетельствует анализ его творческого наследия.

В целом следует отметить, что в 1920-е годы не было издано ни одной крупной аналитической работы, раскрывающей «победные достижения» советской власти, ибо их объективно не было, а перед исторической наукой в то время еще не были поставлены условия, обязывающие ее исследовать не существующие явления. Но в эти

¹ Ходжаев Ф. Избранные труды... С. 194.

годы был создан целый ряд серьезных аналитических исследований экономистов, статистиков, историков, образованных (а не из выдвинутых) крупных партийных работников, каковым и являлся Ф. Ходжаев, в которых рассматривались самые острые и животрепещущие социально-экономические проблемы времени и делались далеко не марксистские выводы. Издание таких работ было возможно потому, что, во-первых, имелись высококвалифицированные дореволюционные специалисты, имевшие большой опыт научной работы, умеющие привлекать обширные статистические и документальные материалы, и, во-вторых, потому, что в 1920-е годы, как было отмечено выше, в республике еще допускались в научных исследованиях определенный плюрализм мнений и нестандартные методологические подходы. Но поскольку по поднятым вопросам и сделанным в них выводам эти работы не вписывались в сложившуюся в последующее время в исторической науке марксистскую идеологическую концепцию, они были отвергнуты советской историографией и преданы забвению. К их числу относилась и работа Ф. Ходжаева «Десять лет борьбы и строительства (К десятой годовщине Октября)».

Эта работа, по словам самого автора, была первой попыткой глобально осмыслить изменения, которые произошли в хозяйственной жизни республики за 10 лет советской власти¹. Она интересна тем, что содержит уникальные цифровые данные, характеризующие положение Туркестана в 1913, 1917, 1925 – 1926 годах, которых нет ни в одном статистическом сборнике.

Критический взгляд на происходившие процессы оставался характерным для творчества Ф. Ходжаева на протяжении всего изучаемого периода. И даже когда в начале 1930-х годов высказывать критические замечания стало не только не актуально, но и просто опасно, автор оставался верным своим принципам, хотя, конечно, наступательный характер его критики несколько затушевывается.

Именно этот критический анализ в наследии Ф. Ходжаева представляет особую ценность для исследователей, изучающих историю советского периода 1920 – 1930-х годов.

Опыт работы на посту главы правительства республики, а также личностные качества Ф. Ходжаева, его образованность, эрудиция, талант исследователя и публициста не только определили уровень информированности его работ, но и предали им большую четкость, логику изложения, конкретность и лаконизм. Они построены на

¹ Ходжаев Ф. Десять лет борьбы и строительства. Самарканд-Ташкент. 1927 / Избранные труды. Т. II. ... С. 110-157; Хўжаев Ф. Октябрьнинг ўн йиллиги. Тошкент-Самарканд, 1927 / Танланган асарлар. Т. II. Б. 122-173.

богатой источниковой базе. При их подготовке автор прорабатывал большой подготовительный материал. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в архиве документы.

В своих работах Ф. Ходжаев приводит цитаты из книги Д.Н. Логофета «Бухарское ханство»¹, а также, и это особенно ценно, высказывания Мустафы Чокаева, Пьера Ремодля и других представителей оппозиционного лагеря о национально-государственном размежевании республик Средней Азии, о развитии Узбекистана после октября 1917 г., земельно-водной реформе².

Период, когда Ф. Ходжаев возглавлял правительство Узбекистана, по его социально-политической значимости можно подразделить как бы на два этапа: первый – 1925 – 1926 гг. и второй 1930 – 1937 гг. Первый этап связан с осуществлением НЭПа, его свертыванием, активным претворением в жизнь политики индустриализации, относительной свободы творческой мысли и высказываний; второй – это время становления и утверждения тоталитарно-бюрократического режима, культа личности Сталина, свертывания демократии, активной борьбы с «классовыми врагами», период коллективизации и массовых репрессий. В творческом наследии Ф. Ходжаев отразились все характерные черты того времени.

В 1925 – 1926 годах Ф. Ходжаев смело высказывал свою позицию по многим аспектам развития народного хозяйства, давал оценки текущих событий и проводимых реформ, подводил итоги прошедших, хотя и в определенных политических рамках. В предисловии к своей работе «Десять лет борьбы и строительства» (1927) он писал: «Я лишь надеюсь, что эта брошюра ... даст возможность хотя бы частично ознакомить читателей со всей той поистине колоссальной работой, которая произведена в нашей стране рабоче-крестьянскими массами и поможет самостоятельной оценке наших октябрьских завоеваний»³. Что же он имел в виду, говоря о «самостоятельных оценках»? Это был явный намек на неприятие навязываемого Центром мнения в оценке политических событий 1917 г. Анализируя события октября 1917 г., он, вопреки сложившемуся к этому времени стереотипу о повсеместном активном участии в них широких масс, приходит к выводу о крайней пассивности местного населения Туркестана в этот период. Это явление он объясняет тем, что местного пролетариата здесь практически не было, а дехканство и беднота имели лишь «смутное представление об Октябрьской

¹ Ходжаев Ф. Избранные труды. ... С. 121-122.

² Там же. С. 165-166, 205-206, 208-211, 217, 416-417.

³ Там же. С. 160.

революции», «смутно знали тех, кто стоял во главе этого движения, и смутно представляли себе, что им несла эта новая революция»¹. Его точка зрения была определена не только его опытом в качестве очевидца и свидетеля событий, но и способностью к анализу и исследовательскими навыками, но и знанием менталитета населения Средней Азии. Отмечая, что Октябрьская революция в Туркестане была совершена преимущественно силами русского рабочего класса, поскольку широкие народные массы не были к ней готовы и слабо разбирались в происходящих событиях², Ф. Ходжаев все же, противореча себе, утверждал, что она «широко всколыхнула спящие массы народа»³. Это, конечно, был вынужденный реверанс в сторону большевистской власти.

Политический плюрализм и жесткое высказывание своей твердой собственной позиции, характерные для второй половины 1920-х годов, после 1930 г. проявляется все меньше и меньше и в весьма сглаженном виде. В это время в докладах и статьях Ф. Ходжаева все большее место, как впрочем и в практике работы всего советского и партийного аппарата республики, занимают славословия гигантских успехов, призывы к классовой непримиримости. Свобода мысли заменяется политическими штампами.

Возьмем для примера две работы Ф. Ходжаева: «К пятилетию существования Узбекской ССР» (1929 г.)⁴ и «10 лет побед» (1935 г.)⁵ посвященная десятилетию республики. Первая работа – это серьезный анализ пройденного пути с объективными оценками достижений и откровенно обсуждаемыми проблемами, возникшими в ходе поступательного развития республики. Этим проблемам посвящен специальный раздел брошюры – «О некоторых важных проблемах, еще недостаточно проработанных». Это: богарная проблема; вопросы орошения Хорезма и Кашкадарьи; вопрос энерговооруженности хозяйства и связанного с ним генерального плана электрификации; градоустройства с входящей в него проблемой старых городов; восстановления и расширения основного капитала коммунального хозяйства и улучшения его работы⁶. В разделе был дан подробный анализ этих наиболее болевых точек народного хозяйства республики и предлагались пути их решения.

¹ Ходжаев Ф. Избранные труды... С. 161.

² ЦГА РУз, ф. Р-337, оп. 15, д. 3, л. 2.

³ Ходжаев Ф. Избранные труды... С. 123.

⁴ Там же. С. 352-381.

⁵ Там же. Том 1. С. 397-411.

⁶ Ходжаев Ф. Избранные труды... С. 373.

Вторая работа, написанная всего через пять лет, – типичный политический штамп о «грандиозных» достижениях республики во главе с Коммунистической партией. Названия брошюр как нельзя лучше свидетельствуют и наличии содержательных граней между двумя этапами в творчестве Ф. Ходжаева – «К пятилетию существования Узбекской ССР» (как нельзя просто и деловито) и «10 лет побед» – что говорит само за себя. Только под давлением политической обстановки в стране такой аналитик и реалист как Ф. Ходжаев мог написать в 1935 г.: «Наши успехи в области строительства социализма создали уже на сегодняшний день такие условия, что стало неузнаваемым положение не только рабочего класса, но и миллионных масс колхозников, которые, борясь за лозунг партии «сделать колхозы большевистскими, а колхозников зажиточными», становятся по-настоящему и в действительности зажиточными»¹.

Возвращаясь к предыдущему периоду, следует отметить, что чрезвычайно острой для 1920-х годов была проблема старых городов. Они находились в крайне плачевном состоянии. Почти полуторамиллионное население старых городов республики жило в условиях колоссальной скученности, антисанитарии и жилищных неудобств. Решение проблем коммунального обеспечения, водоснабжения и благоустройства требовало больших капиталовложений. В этих условиях у части местных руководителей появилось мнение не расходовать средства на благоустройство старых городов, а строить новые и переселять туда население. Ф. Ходжаев, прекрасно понимая утопичность этой идеи, считал необходимым без лишних разговоров пытаться делать все возможное для улучшения жизни населения старых городов. Он писал: «Споры о том, нужно ли улучшать нынешние старые города или перевести население старых городов во вновь отстроенные новые города, раз и навсегда должны быть прекращены. Ясно, что несколько сот тысяч населения не разместить за два-три года в новых городах и не сумеет отстроить вновь необходимое количество жилищ. Надо не спорить на эту тему, а по возможности поддерживать существующие старые города»².

Очевидно и то, что он хорошо осознавал взаимосвязь проблемы и проблемы сохранности памятников старины: с разрушением городов разрушались памятники, а следовательно и сама история. Это была особая боль Ф. Ходжаева, считавшего, что «Тому, кто не знает своей истории – трудно понять своих предков»³. Выступая перед

¹ Ходжаев Ф. Избранные труды... С. 403.

² Там же. С. 377.

³ Там же.

активом г. Хивы 28 сентября 1933 г., он с возмущением говорил: «Возмутительно то состояние разрушения, в котором находится город Хива, возмутительно варварское отношение к памятникам старины ... В Хиве есть памятники старины, которые мы должны, безусловно, сохранить. Нам не важно то, что здесь жил хан, а важно то, что это произведение искусства, что люди вложили в него свой труд. Мы должны уважать труд этих людей, а не разрушать. Вы должны привести старый город в порядок. Требуйте на это деньги, и я помогу вам. Хиву надо сохранить»¹.

При всей своей занятости государственными делами Ф. Ходжаев занимался еще и научно-исследовательской работой: он написал два варианта работы по истории Бухарской революции, принимал участие в разработке истории гражданской войны в Средней Азии, рецензировал художественные произведения и мемуары.

Особое значение для историографии этого времени имеют труды Ф. Ходжаева, в которых он проявил себя как недюжинный историк, провел колоссальную работу по анализу исторических событий и оценке национально-освободительных и реформаторских движений начала XX в. Первая попытка дать обобщающий анализ джадидизму, ответить на вопрос, что же это такое и что дал джадидизм для общественно-политического развития страны в целом, была предпринята Ф. Ходжаевым в статье «Джадиды», опубликованной в сборнике, куда вошли также статьи Е. Фёдорова, Т. Рыскулова и С. Гинзбурга о движении коренного населения в 1925 г., восстании 1916 г. и басмачестве в Фергане². В своей статье Ф. Ходжаев впервые дал общую характеристику джадидизму в странах мусульманского Востока и уже здесь пытался связать возникновение джадидизма в Бухаре не только с внешними факторами, но и с политической и социальной ситуацией в самом эмирате, которая не могла не вызывать изменений в обществе.

Другой его труд – «Материалы к истории Бухарской революции», является важнейшим источником по истории джадидизма и в целом истории Бухары на переломном этапе конца XIX – начала XX в. Сочетание взгляда очевидца, руководителя реформаторского движения, представителя молодого продвинутого поколения Бухары с острым умом и опытом аналитика делают эту книгу особенно интересной.

Замысел её написания Ф. Ходжаев вынашивал долго. Его жела-

¹ Ходжаев Ф. Избранные труды... С. 6-7.

² Очерки революционного движения в Средней Азии. М.: Издание научной ассоциации востоковедения, 1926.

ние усилилось после выхода в 1926 г. книги Садриддина Айни «Материалы по истории бухарской революции»¹, носившей мемуарный характер. Ф. Ходжаев не был согласен с некоторыми положениями автора, но главное он понял, что необходимо более глубокое, социально-историческое изложение событий на научной основе, с привлечением необходимых документальных материалов, хотя очень высоко оценил книгу С. Айни, как историко-психологическое эссе.

Изданный в 1926 г. на двух языках – русском и узбекском, труд Ф. Ходжаева вызвал большой общественный резонанс и разошелся мгновенно. Ф. Ходжаев сумел показать в нем внутреннюю динамику джадидизма, его связь с прогрессивными движениями других стран, объяснить причины возникновения, определить этапы его развития. В памяти людей еще было живо представление о джадидизме, да и живы были сами джадиды, отдавшие все свои силы после установления советской власти в регионе развитию образования и просвещению масс.

Ф. Ходжаев ясно и четко охарактеризовал состояние региона. Привнесение в него новых форм цивилизации, вызвало рост торгового капитала, а также расслоения дехканства и разделение его на бедноту и кулачество, разложение феодальных и родовых связей. Все эти процессы стремительно проходящие в Туркестане, в Бухаре проявлялись слабее вследствие существовавшей формы власти. К тому же благодаря положению Бухары, как духовного центра ислама в Средней Азии, «всякие реформы в ней одновременно (были) и очень важными и очень трудными»².

Как объяснял Ф. Ходжаев, духовенство являлось «основным поставщиком чиновничества» и это «единение двух сил: эмира и духовенства образовывало нерушимую, казалось силу бухарского правительства», которая «монополизировала в своих руках все дело управления, суда и образования. Давать населению возможность светского образования, это значило – готовить своих противников, вбивать клин в ... окончательную систему средневековой традиции, на основании которой управлялась Бухара...»³.

Вспомним, что эмир воспользовался именно духовенством, поднявшим толпу на разгром демонстрантов в марте 1917 г., вышедших под руководством джадидов в поддержку манифеста самого же

¹ Айни С. Материалы по истории бухарской революции. М., 1926 (На узбекском языке, арабской графикой).

² Ходжаев Ф. Материалы к истории Бухарской революции. Ташкент, 1926. С. 8–9.

³ Там же.

эмира, который был отменен.

Ф. Ходжаев сам был одним из главных зачинщиков манифестации. Несмотря на то, что «русский резидент Миллер не дал своего согласия, Ф. Ходжаев, – как он писал, – дал уклончивый ответ» на вопрос Фазлитдина Мансура и Абдул-Вахида Бурханова. Это означало, что он усыпил их бдительность. Число манифестантов было внушительно – до 7 тысяч человек. Однако и против них собралась толпа в таком же количестве, крайне возбужденная и спровоцированная духовенством по указанию эмира. Во избежание кровопролития джадиды мирно разошлись. Но реакция уже успела наступить: начались репрессии и гонения джадидов. Ф. Ходжаев выехал в Новую Бухару, т.е. в Каган. Нужно спасти своих единомышленников, за судьбу которых он чувствовал себя ответственным и отчасти виновным в таком исходе. И поэтому он был вынужден обратиться за помощью к русским революционерам. Те арестовали русского резидента Шульца. Эмирское правительство под давлением этих процессов освободило арестованных джадидов Ата Ходжаева, Юсуф Заде, Айни, Мирботу, Мирза Насруллу и др.¹

Ф. Ходжаев согласился на смену Центрального Комитета младобухарской партии по настоянию ее старших членов, уступив «временно руководство делом её правому крылу». Это характеризует его как искусного стратега. Он прекрасно понимал, что допущенный временный союз в конечном итоге приведет к расколу, так как правые отчаянно не хотели вооруженной борьбы. Он понимал и то, что дальнейшие переговоры с эмиром ни к чему не приведут: теперь уже он не допустит легализации джадидов. И в очередной раз вырваться из его рук ему удалось при поддержке революционных войск Кагана. После этого позиция Ф. Ходжаева окончательно победила, покончив с многим из наследия джадидизма, в том числе с тактикой узкого культурничества и шатания в политике». Эти слова самого Ф. Ходжаева свидетельствуют о его стремлении покончить с либерализмом своих старших товарищей по партии. С этого момента Ф. Ходжаев при поддержке А. Фитрата, неуклонно повел движение в сторону революции. Это привело к отходу многих влиятельных лиц от партии, в том числе Мансурова и Мухитдина Рафоата. Это и предрешило неудачный исход колесовских событий в марте 1918 г. и очередной разгром джадидов.

1918 г. Ф. Ходжаев, эмигрировавший в Москву, возглавляет новый ЦК Московского комитета младобухарцев при представи-

¹ Ходжаев Ф. Материалы к истории Бухарской революции. Ташкент, 1926. С. 27.

тельстве Туркеспублики. Благодаря его усилиям Советская Россия, учитывая свои интересы, решает помочь в осуществлении революции в Бухаре и свержении эмира. В январе 1919 г. он обращается с просьбой об оказании материальной помощи вооружением к председателю ВЦИК Я.М. Свердлову. В январе 1920 г., возвратившись в Ташкент, он организует Туркестанское Центральное бюро младобухарской партии, которое берет уже под свой жесткий контроль Турккомиссия ЦК РКП(б). За помощь нужно было платить. Дальнейшие события в Бухаре произошли по заранее продуманному сценарию. Интересы большевистской России и младобухарцев совпали.

В предисловии к книге Ф. Ходжаев выражает свое несогласие с трактовкой С. Айни джадидизма как явления неразрывного и единого с большевизмом: Ф. Ходжаев поставил четкий барьер между этими двумя понятиями. Он действительно считал, что по своим нравственным устоям, целям и сущности джадидизм далек от большевизма.

В статье «Джадиды» Ф. Ходжаев писал, что джадидизм прекратил свое существование с образованием партии младобухарцев. В книге же он подошел к этой проблеме более взвешенно и назвал джадидизм неразрывной частью истории младобухарского движения. Но и его он дистанцировал от большевизма. В конечном итоге в своей деятельности он уже не мог обходиться без большевиков.

За два года до этого Ф. Ходжаев предельно откровенно трактует политику РКП(б) в этом направлении: «В феврале 1918 г. в Туркестане произошли события, сделавшие задачу борьбы с эмиром для Советского правительства первоочередной и насущно-необходимой задачей. Непосредственный враг советского Ташкента – Автономное правительство Ферганы было ликвидировано», оставалось сосредоточить свои силы на ликвидации эмирата, где сконцентрировались все силы, выступающие против большевиков.

Во всех своих статьях и в книге Ф. Ходжаев неоднократно подчеркивал, что «именно джадидизму мы обязаны тем, что в Средней Азии воспитывались кадры, могущие возглавить национально-революционное движение»¹. Так оно и было, если не учитывать, что революция произошла при поддержке большевиков. Именно это вызвало острую реакцию его оппонентов: «такого возглавления не было, революцию в Туркестане возглавила Российская Коммунистическая партия (большевиков), т.е. ВКП(б), политика партии в крае – это политика ВКП(б), и если и можно говорить об элементах,

¹ Ходжаев Ф. К истории революции в Бухаре... С. 45.

воспитанных джадидизмом и их роли в национальных компартиях, то можно говорить как об элементах, которые более или менее последовательно примкнули к линии ВКП(б) и поэтому очутились в рядах ВКП(б)», – писал Г. Туркестанский. Наверное, он был прав, поскольку экспортированная из России революция была чуждой народу и не отвечала интересам коренного населения Средней Азии¹. Большинство же джадидов отошло от политики после Кокандских событий. В Бухаре же это произошло позже, после осуществления революции они во главе с Ф. Ходжаевым пришли к власти. Правительство БНСР первоначально состояло, в основном, из бывших джадидов, которые, убедившись в имперской политике России, не позволившей национальной самостоятельности, ушли в ряды сопротивления, либо просто отошли от политических дел. Однако последующая история БНСР, ее руководства, внутренней борьбы, идейных течений необъяснима без знания истории джадидизма, потому что он оказывал свое влияние и на последующие события и на самого Ф. Ходжаева. В Советской историографии было принято считать, что Ф. Ходжаев, находясь в эмиграции в Москве (до революции 1920 г. в Бухаре) ознакомился с марксизмом-ленинизмом и здесь начался этап его «коммунистического прозрения». Следует отметить, что несмотря ни на что, он был принципиальным до предела возможностей. Об этом свидетельствует следующий факт: Туркестанское Центральное бюро Революционной младобухарской партии, организованное в Ташкенте, не придерживалось коммунистической ориентации и в отличие от коммунистической группы партии пыталось «использовать в борьбе против эмира все имеющиеся в Бухаре силы, в том числе многочисленных мелких торговцев, ремесленников, среднее и мелкое чиновничество», которые не понимали и не воспринимали коммунистических идей, но были за реформы. Не отрицая того факта, что программа Туркестанского Центрального бюро революционных младобухарцев была написана под влиянием программы РКП(б), отметим, что в ней подчеркивалось историческое значение джадидского движения, ставшего фундаментом младобухарской партии. Как отмечалось, Ф. Ходжаев рассматривал эти два явления как два неразрывных этапа одного процесса. Как подчеркивал он в заключении своей книги, несмотря на то, что многое из джадидизма подверглось ревизии и пересмотру, многое было принято младобухарским движением. Тем самым Ф. Ходжаев утверждал, что джадидизм заложил основу прогрессив-

¹ Туркестанский Г. Кто такие были джадиды. Ташкент: САКУ, 1926. С. 25.

ным процессам во всех сферах жизни народов Средней Азии. Он только с грустью и сожалением отмечал, что «старые джадиды» не поняли новых веяний, что не все джадиды приняли участие в строительстве новой жизни. Подводя итоги книги «К истории революции в Бухаре», Ф. Ходжаев ничего негативного в адрес новой власти, но ничего и критического в адрес джадидизма не высказывает.

Однако тоталитарный режим уже набирал обороты. Как можно было допустить, чтобы один из руководителей, фактически глава правительства, «идеологизировал» джадидизм в ущерб большевизму! В печати незамедлительно появляется статья зав. кафедрой Среднеазиатского коммунистического университета П.Г. Галузо под псевдонимом Г. Туркестанский¹, где автору, Ф. Ходжаеву, предъявляются эти обвинения. Статья была ничем иным, как социальным заказом. Ею начиналась долговременная кампания травли Ф. Ходжаева. Самого же Ф. Ходжаева вызывали на заседание Средазбюро ЦК ВП(б) и ЦК КП(б)Уз, где проходило обсуждение этого вопроса и принято решение, указывавшее на ошибочность его формулировок относительно социальной сущности джадидизма и вообще его оценки, как общественно-революционного движения. Позднее, советские историки обвиняли его и в неправильной характеристике Махмудходжи Бехбуди, которого он считал своим учителем. Ф. Ходжаев считал и писал об этом в своей книге, что едва ли кто может сравниться с М. Бехбуди по политической, общественной деятельности и разнообразию знаний.

Последнюю лепту в критику «идеологических ошибок националистического характера» Ф. Ходжаева внес секретарь Средазбюро ЦК ВКП(б) Я.К. Бауман в выступлении на Ташкентской городской партийной конференции в 1932 г. Кампания продолжалась шесть лет, пока, наконец, не вышло второе издание книги со значительными изменениями². Ф. Ходжаев был вынужден переработать её и дополнил частью о положении БНСР и национально-государственном размежевании Средней Азии. В итоге джадидизм приобрел трафаретную большевистскую характеристику: заслуги есть, но «джадиды встали на позиции контрреволюционного байства и кулачества и останутся наиболее верными слугами капитала». Изменив заключение, Ф. Ходжаев все же попытался оставить основное в прежней канве, хотя младобухарская партия называлась уже

¹ Туркестанский Г. Об одном историческом документе // Коммунистическая мысль. 1926. № 2. С. 196–198.

² Ходжаев Ф. К истории революции в Бухаре и национального размежевания Средней Азии / Избранные труды. Ташкент: Фан, 1970. С. 71–318.

организацией.

Первое издание книги (1926 г.) Ф. Ходжаева почти шесть десятилетий находилось в спецхранах библиотек и было запрещено для пользования широким кругом читателей. Сегодня её значение для изучения истории джадидского движения, истории Бухары трудно переоценить. Мы не вправе осуждать её автора за последнюю трактовку.

Говоря об исторических работах Ф. Ходжаева, нельзя не упомянуть о том факте, что 9 апреля 1933 г. на заседании редакционной комиссии XII тома «Истории гражданской войны», посвященного истории гражданской войны в Средней Азии, он был утвержден ответственным руководителем и одним из авторов главы 10 «Гражданская война в Бухаре» объемом 2 печатных листа. В авторский коллектив этой главы вошли также В.В. Куйбышев, Я.Х. Петерс, Ф. Колесов, И. Гудович. Кроме того, Ф. Ходжаев был включен в состав авторского коллектива 13 главы «Борьба с басмачеством в Восточной Бухаре»¹, но это издание в те годы так и не было подготовлено.

В феврале 1935 г. Ф. Ходжаев пишет краткие замечания на воспоминания А. Петерсона о событиях на Бухарском фронте в период гражданской войны в Туркестане. Он отмечает, что в воспоминаниях есть ряд неточностей, искажены даты и некоторые моменты его работы. Ф. Ходжаев пишет, что посылает ему свою работу «К истории революции в Бухаре»².

Еще более интересна рецензия Ф. Ходжаева на рассказ Брока «Батрак из Гиссара», видимо, присланный ему для ознакомления. Рецензия свидетельствует о внимательном прочтении рецензентом этого рассказа, так как он отмечает множество очень существенных неточностей и ошибок, свидетельствующих о слабом знании Броком быта народов Средней Азии³. Ф. Ходжаев пишет, что в рассказе неверно описаны похороны – в Средней Азии на похоронах обычно музыкальные инструменты не участвуют, а труб в Таджикистане как музыкальных инструментов вообще не было; умершего бедняка богатым шелковым халатом укрыть не могли, для этого должна была быть простая белая материя; тюрем с решетками в Средней Азии не было – это чистая выдумка автора: был зиндон; русских чиновников в Бухаре принимали всегда торжественно, поэтому они не могли приехать в санях, а должны были приехать либо в собственном экипаже, либо в автомобиле кушбеги и другие мелкие неточности. В

¹ ЦГА РУз, ф. Р-837, оп. 15, д. 134, л. 3.

² Там же, д. 189, л. 1.

³ Там же, л. 2.

целом, заключает рецензент, рассказ, помимо всего прочего, весьма слаб и в художественном отношении: например, неправдоподобно изображено бегство героини.

Сам Ф. Ходжаев очень тщательно работал над своими рукописями. Об этом свидетельствуют сохранившиеся его авторские рукописи¹ и тексты с его редакционной правкой². В качестве примера можно привести его работу над докладом о мерах подъема зернового и животноводческого хозяйства, об укреплении колхозов на слете колхозников зерновых и животноводческих районов в 1934 г.: в предложении о мобилизации усилий на выполнение «указаний вождя... нашего друга» вставлено слово «великого тов. Сталина»³. В предложении «трудящиеся ... должны понять, что единственный выход ... из состояния отсталости... путь организации культурной, зажиточной и свободной жизни для них – является путь колхоза» зачеркнуто слово «свободной»⁴. В предложении об успешном развитии сельского хозяйства «это является, наконец, результатом того, что наши партийные и советские органы и в центре и на местах стали (вставлено слово «несколько») лучше работать» (д. 117, л. 9). Сохранились также, наряду с окончательными, уже известными исследователям текстами докладов, статей, их некоторые черновики с авторскими подготовительными материалами.

Интересен также авторский вариант статьи «10 лет Советской Конституции» (1933 г.), выправленный от руки автором. Для работы характерна тщательность формулировок, хорошая редакторская работа (сняты повторы, уточнены формулировки, расставлены акценты) (д. 126). К сожалению, практически не сохранилась личная переписка Ф. Ходжаева.

Самая отличительная черта творчества Ф. Ходжаева, в том числе научного – это выражение собственной позиции и даже в более поздних работах это прослеживается достаточно четко. Однако известно, что его попытки проявить самостоятельность даже в рядовых вопросах, например, в бытность главой Совета Народных Назиров БНСР, заключить экономический договор с РСФСР напрямую, без согласования со Средазбюро ЦК РКП(б), получали решительное пресечение. Будучи председателем Совнаркома УзССР, он пытался также учитывать интересы республики и выступал против диктаторской политики центра, в частности, в вопросах хлопковод-

¹ ЦГА РУз, ф. Р-837, оп. 15, д. 81, 92, 119, 126, 153, 191, 226, 229, 235, 236.

² Там же, д. 75, 82, 84, 87, 88, 90, 91, 94, 96, 100, 117, 127, 135, 152, 167, 188, 196, 226, 234.

³ Там же, д. 117, л. 1.

⁴ Там же, л. 4.

ства. Порой он был вынужден прилагать огромные дипломатические усилия и даже одевать маску преданного подчиненного, чтобы продолжать действовать в интересах народа.

Внешне он был «верным сыном партии». Увидеть в этом беспринципность было бы поспешным заключением, непониманием, в какой трагической атмосфере приходилось ему работать. Ведь собственно для себя ему мало что было нужно. О таких людях в народе говорят «меъдаси тук», что буквально означает «сытый человек», не интересующийся материальными благами. Он верил в джадидизм, прогресс, бухарскую революцию, в будущее своей страны и поэтому спокойно пожертвовал родовым богатством, сдав государству 25 пудов литого золота, 4,8 миллионов золотых монет, 5 пудов серебрянных монет, около 7 миллионов кредитных денег, не говоря уже о землях и прочем имуществе¹.

Занимая высокие должности, он был бессеребрянником и в отличие от некоторых большевистских руководителей не набивал себе карманы. Это было известно многим и служило одной из причин поддержки немалого количества людей, занимавших ответственные посты и представлявших оппозицию линии партии в вопросах экономики и культуры. Он опирался не на Москву, а на национальные кадры, на своих соратников по джадидизму, проверенных в экстремальных ситуациях и борьбе с эмирским деспотизмом, таких как Усман Ходжаев, Абдулхай Арифов, Атаходжаев, М. Аминов и многих других, обвиненных большевиками в «пантюркизме» и измене Родине. Ф.Ходжаев был обвинен в подборе кадров по признаку родства. Г.Н. Орджоникидзе в речи на активе бухарских коммунистов 9 мая 1922 г. отметил: «Наряду с укреплением правительства, возглавляемого Файзуллою, мы должны принять все меры к тому, чтобы очистить его не только от контрреволюционных элементов, но и от родственных связей»².

Но попытка оторвать его от «националистических элементов» ни к чему не привела. Он и на посту председателя СНК УзССР пользовался мощной поддержкой интеллигенции Узбекистана и заслуженным уважением народа. Молва о нем ходила еще задолго до того, как он стал главой правительства республики. В день его приезда в Ташкент из Бухары, по воспоминаниям очевидцев, улицы были полны толпами людей, которые вышли приветствовать его, а старики подходили и благословляли. Вскоре на базаре Коффон в

¹ Ражабов Қ. Ўчиб, сўниб яна ёниш бор // Жамият ва бошқарув. 1998. № 2. 35–36-бетлар.

² ЦГА РУз, ф. 47, оп. 1, д. 264, л. 15.

старом городе состоялся многотысячный митинг. Ф. Ходжаев прибыл туда в чалме и бухарском халате и выступал перед народом. На митинге было много женщин в паранджах. Он был великолепным оратором. Народ встречал его словами о будущем республики огромными рукоплесканиями. Его эрудиция, благородный облик и даже красота завораживали людей*.

Ф. Ходжаев был вдумчивым и инициативным руководителем. Многие отрасли народного хозяйства Узбекистана получили начало своего развития благодаря его усилиям. Так, например, после поездки в Хорезм в 1933 г. он поставил перед союзным правительством вопрос о максимальном использовании природных ресурсов Хорезмской области путем коренного улучшения орошения в низовьях Амударьи, а также проведения железнодорожной линии Чарджоу – Ново-Ургенч протяженностью 500 км, что позволило бы тесно увязать экономику отдаленных областей с хозяйственной жизнью Узбекистана и Туркмении.

Ф. Ходжаеву принадлежит заслуга в разработке плана освоения новых земель строительством около 50 каналов в Ферганской и Зарафшанской долинах, в Каршинской степи и Сырдарьинской области.

Дальновидность Ф. Ходжаева помогала ему выдвигать реальные планы индустриального развития республики. Благодаря его усилиям были начаты работы по выявлению и освоению месторождений нефти в районе Хаудага, угля – в Байсуне, меди – в Алмалыке, мрамора и цветных металлов – в Самаркандской и Ферганской областях, развернуто строительство электрохимкомбината в Чирчике, текстильного комбината в Ташкенте.

Выступая на VII съезде Советов СССР, Ф. Ходжаев поставил впервые вопрос о реконструкции города Ташкента.

Все вышеприведенные факты свидетельствуют о том, что Ф. Ходжаев был высокообразованным и талантливым человеком. И хотя его творчество несло на себе довольно четкий отпечаток своего времени, он сумел сохранить в нем свою яркую индивидуальность. Безусловно, Ф. Ходжаев внес свою значительную лепту в историческую науку и как автор непосредственно исторических трудов, и как государственный деятель, документальное наследие которого является по сей день ценнейшим источником по истории изучения одного из сложнейших периодов отечественной истории.

* По воспоминаниям Рахбар Гулямовой, которой в ту пору было 16 лет. Она находилась в гостях у дяди, жившего вблизи базара, и с его семьей вышла на митинг.

ГЛАВА III. НОВЫЙ ЭТАП ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Основные характеристики советской историографической школы в Узбекистане

Советский период истории – достаточно сложный, неоднозначный и противоречивый отрезок времени, содержащий в себе как позитивные сдвиги в развитии общества, так и негативные, трагические страницы, отбросившие его на много лет назад. Этой теме в современной историографии посвящено немало трудов уже с новыми оценками и методологическими подходами. Среди них большой интерес представляют исследования по культурно-интеллектуальной жизни народов Центральной Азии и, в частности, Узбекистана в советский период. Однако анализ истории самой исторической науки, пути ее становления и развития начиная с 1920-х годов вплоть до конца XX в. пока еще не завершен, хотя предприняты отдельные попытки. Между тем историография объясняет очень многое: базовые основы исторических концепций и идеологические надстройки, их трансформации, влияние властных структур на ход исследовательских дискурсов, роль персоналий как представителей официоза, так и историков, остававшихся верными своим позициям.

С каких же методологических позиций современный исследователь должен подходить к оценке прошлой (советской) историографии?

Прежде всего, следует, очевидно, исходить из того факта, что советская историография имеет значительные научные наработки, которые, несмотря на их известную идеологическую и политическую направленность, было бы не верно игнорировать. Из того, что в советское время было создано историками, нам передано много полезной и важной информации, которая может быть использована в качестве соответствующей эпистемологической и эмпирической базы.

С другой стороны, советский опыт дает нам не только определенный пример постановки исследовательских проблем, но и их научного решения. Следовательно, современная историография опирается на предшествующий опыт историографической работы, хотя на современном этапе стоят совершенно иные, соответствующие требованиям новейшего времени теоретические задачи. Ушла в прошлое апологетика марксизма-ленинизма. В условиях независимости открылись огромные возможности для историков и историо-

графов в деле объективного осмысления истории и бесспорно, не без идеологии, которая основана уже на «формировавшихся тысячелетиями мировоззрении людей и менталитете наций»¹, способной стать прочным мостом между прошлым и будущим.

Как известно, история советского периода подразделялась на три тематических направления: индустриальное, аграрное и культурное. Соответственно этому развивалась и историография.

Касательно вопросов промышленного развития Узбекистана, советская историография фокусировала свое внимание не только на узловых проблемных направлениях этой темы – исходный уровень, формы, темпы и методы так называемого индустриально-промышленного строительства, но и на большом круге конкретно-частных аспектов. К последней группе следует отнести историографию отдельных отраслей и сфер промышленности, строительства промышленных объектов и производства средств производства, формирования национальных рабочих кадров и занятость коренного населения в промышленном производстве и т.д. Помимо этих и многих других проблем, историографы находили возможность выявлять степень отражения в литературе таких вопросов, как соотношение в экономике республики коэффициента производительности промышленной сферы и аграрного сектора, значение промышленности в формировании республиканского (и государственного – в формате СССР) бюджета, а также национального дохода и пр.²

Следует отметить, что советские историографы в целом справедливо подметили одну важную тенденцию научной исторической мысли о промышленном развитии Узбекистана. По их мнению³, практически все историки утверждали, что в годы так называемого «социалистического строительства» индустриально-промышленная сфера непременно «должна была» преобладать и доминировать над

¹ Каримов И.А. Идеология – это объединяющий флаг нации, общества, государства: Ответы на вопросы главного редактора журнала «Тафаккур» // Каримов И.А. Свое будущее мы строим своими руками. Ташкент: Узбекистан, 1999. Т. 7. С. 87.

² Алимджанов А. Некоторые вопросы историографии промышленного строительства Советского Туркестана. Ташкент, 1970. – 27 с.; Его же. Хозяйственное строительство в Туркестанской АССР в советской историографии Узбекистана (50-60-е годы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1970. – 27 с.; Желтова Г. Социалистическое строительство в Узбекистане (20-30-е годы): Историографический очерк. Ташкент, 1975. – 143 с.; Алланиязов Т. Индустриализация Каракалпакии в литературе 60-80-х годов // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. Нукус, 1987. № 4. С. 81-87; Темиров У. Советская историография социалистической индустриализации в Узбекистане: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Бухара, 1990. – 24 с. и др.

³ В этом отношении см., напр.: Иноятов К. Историографические аспекты историографии Узбекистана: Опыт историографической работы в Узбекистане (Аналитико-критический очерк). Ташкент, 1993. С. 84-85.

аграрным сектором¹. В принципе, таковы были установки компартии 1920 – 1930-х годов, общий смысл которых сводился к тому, чтобы «превратить Россию [и, соответственно, ее бывшие «национальные окраины», то есть союзные республики] из аграрной страны в индустриально-аграрную»².

Историки с сожалением отмечали тот факт, что к концу 1930-х годов далеко не во всех республиках промышленность преобладала над сельским хозяйством, а производство средств производства – над производством средств потребления³. Тогда как историографы в свою очередь лишь констатировали эту особенность исторической литературы⁴, в отдельных случаях, правда, критикуя иногда, совершенно необоснованно, отдельные положения историков⁵.

Следует также указать и на то, что историографы вслед за историками повторяли «избитые штампы» в отношении целого ряда характеристик социально-экономического (и в его составе – промышленного) развития Узбекистана на различных исторических этапах. В частности, это касалось так называемого «восстановительного этапа»⁶, в понимание которого историки вкладывали комплекс

¹ В этом контексте хотели бы обратить внимание на некоторые исследования, осуществляемые сегодня в данном исследовательском ракурсе, в современной России. См., напр.: Шаронова В. Советская политика индустриально-аграрного развития в Средней Азии (1925-1937 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. – 24 с.

² Хрестоматия по истории КПСС. М.: Высшая школа, 1966. С. 285-287.

³ Ульмасбаев Ш. Промышленное развитие Советского Узбекистана: Историко-экономический очерк. Ташкент, 1958. – 176 с.; Воробьев Ю. Выравнивание уровней экономического развития союзных республик. М.: Наука, 1965. – 170 с.; Алламурадов Д. Исторический опыт Советов Узбекистана в борьбе за победу социализма. Ташкент, 1974. – 150 с.; и др.

⁴ Карабаев С. Осуществление в Узбекистане идей В.И.Ленина о преимущественном развитии тяжелой промышленности (По материалам первой и второй пятилеток) // Труды СазПИ. Вып. 16. Ч. 2. Ташкент, 1960. С. 54-70; Юлдашев Х. Из истории развития социалистической промышленности Ташкента. Ташкент, 1960. – 89 с.; и др.

⁵ В частности, авторы коллективного историографического труда, изданного в Москве, выступили в свое время с критическим замечанием в адрес исследовательских заключений Ш.Ульмасбаева, утверждавшего, что особенностью развития промышленности в Узбекистане был опережающий темп развития тяжелой промышленности по сравнению с легкой (См. Ульмасбаев Ш. Указ. раб. С. 112). Историографы задавались вопросом - «а разве в масштабе всей страны было не так?». (Зак Л., Лельчук В., Погудин В. Строительство социализма в СССР: Историографический очерк. М.: Мысль, 1971. С. 226).

⁶ Шолохова О. Предпосылки и некоторые особенности социалистической индустриализации Узбекистана // Труды Ташк. сельск.-хоз. ин.-та. Вып. 14. Ташкент, 1961. С. 12-32; Шевченко В. Из истории борьбы рабочего класса ТАССР за восстановление промышленности (1921-1923 гг.) // Научные работы и сообщения АН УзССР. Кн. 6. Ташкент, 1963. С. 192-212; Оронюк Б. Помощь Российской Федерации среднеазиатским республикам в восстановлении промышленности (1921-1924 гг.) // Научн. зап. Ташк. ин.-та народн. хоз.-ва. Вып. 22. Ташкент, 1965. С. 46-64; Суворов В. Туркестанская АССР накануне восстановительного периода. Ташкент: Фан, 1966. – 120 с.; Каримов Р. Узбекистан в период восстановления народного хозяйства СССР (1921-1925 гг.) Ташкент, 1974. – 130 с.; и др.

государственных, организационно-технических и иных мероприятий советской власти по хозяйственному развитию и организации тех или иных сфер производства после «гражданской войны»¹.

Однако, как известно, собственно в Узбекистане не было гражданской войны как таковой². Поэтому говорить о каком-то «восстановительном этапе» вряд ли уместно. Тем более, что и сами советские историки в свое время признавали: «В Туркестане отсутствовали многие отрасли промышленности: машиностроительная, химическая, текстильная и др. Продукция этих отраслей промышленности завозилась из индустриальных районов страны. Слабое и однобокое развитие промышленности Туркестана в дореволюционный период чрезвычайно затруднило в годы гражданской войны перестройку ее работы на военный лад и явилось одним из существенных факторов, усиливших товарный голод в крае. Вследствие слабого развития промышленности рабочий класс Туркестана был сравнительно малочислен и распылен»³.

Принимая во внимание эти данные, возникает вполне резонный и риторический вопрос, что именно можно (и нужно ли) было восстанавливать в Туркестане, о каком «восстановительном этапе» в народном хозяйстве Узбекистана вообще могла идти речь, если промышленность здесь создавалась изначально?

Тем не менее, советские историографы⁴ в целом поддерживали (главным образом, по идеологическим соображениям и в силу того, что историография являлась составной частью исторических знаний) заключения многих историков в части, касающейся характеристик «восстановительного периода» в Туркестане. Следует признать, что и историки, и историографы во многом давали некорректные оценки относительно того, что в действительности происходило в Туркестане (Узбекистане). Например, совершенно неясно, почему в условиях «восстановительных нэповских процессов» местное дехканство

¹ Если говорить о гражданской войне с точки зрения советской историографии, то это историческое явление, в основном, относилось к центральным районам России. Что касается Туркестана и других среднеазиатских районов, то имевшее здесь место так называемое «басмаческое движение» в большинстве своем было движением вооруженного сопротивления советской власти.

² Поскольку Узбекистан входил в состав СССР, а в российских районах Советского союза имела место гражданская война, то общепринятое в политических и, соответственно, научно-исторических кругах понимание о том времени как о «периоде гражданской войны» автоматически переносилось и на Узбекистан.

³ Нуруллин Р. История «военного коммунизма» в Туркестане: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ташкент, 1970. С. 21.

⁴ Желтова Г. Историография социалистического и коммунистического строительства Советского Узбекистана: 1930-1970-е годы. Ташкент, 1981. – 184 с.; Касымов Ф. Минувший капитализм: Советская историография перехода народов Средней Азии к социализму. Наука, 1980. – 376 с.

неприменно должно было быть «сильно» дифференцировано? Для чего, собственно, нужна была подобная «сильная дифференциация» и что под ней вообще понималось?¹ Разве могло быть экономически и культурно отсталым большинство населения края, если здесь развивалась собственная, во многом отличная от Европы, или, скажем, той же России, и сообразная туркестанской специфике хозяйственная и культурная система, отвечающая, кстати, внутренним потребностям местных этнокультурных сообществ? И имелась ли на самом деле хоть какая-то связь между «малочисленностью местного рабочего класса» и «усилением паразитических и эксплуататорских элементов»?²

Одновременно следует также указать, что тема так называемого исходного уровня «социалистической индустриализации» в Узбекистане, носившая, по оценкам историографов, «сквозной» характер³, во многом также подтверждает вышеприведенные выводы. Что касается изучения вопросов сельскохозяйственного развития, аграрного сектора и в целом агропромышленного комплекса Узбекистана, то в советской историографии данное направление было одним из преобладающих⁴. Уже по одному только перечню опубликованных

¹ В данном контексте сами собой напрашиваются некоторые исторические аналогии, по времени относящиеся, в частности, к доколониальному периоду Туркестана, когда, по свидетельству историков 1920-х годов, «коренное население, еще до прихода русских переселенцев, чувствовало недостаток в земле. Поэтому заселение края (во время царизма) шло путем принудительной конфискации земель и являлось открытым грабежом дехканства» (Сборник научного кружка при Восточном факультете Ср.Аз. Гос. Университета. Вып. I. Глава IV: Басмачество Ферганы. Ташкент, 1928. С. 33). Не в этом ли следует искать упоминаемую историками и историографами последующих этапов советской истории «дифференциацию местного дехканства»?

² Кстати, терминологические характеристики, наподобие «паразитизма» и прочего, видятся нам далекими от научной историографии.

³ Желтова Г. Историография социалистического и коммунистического строительства Советского Узбекистана: 1930-1970-е годы. Ташкент, 1981. С. 61.

⁴ Алимджанов А. К историографии аграрных преобразований Советского Туркестана. Ташкент, 1970. – 50 с.; Иванова Л. Из ранней историографии земельно-водной реформы 1925-1927 годов в Узбекистане // ОНУ. 1970. № 10. С. 73-75; Ее же. К вопросу об изучении социально-экономических отношений и оценки земельно-водной реформы марксистами-аграрниками 20-х годов // Материалы Второй республиканской конференции молодых ученых Узбекистана. Ташкент: Фан, 1970. С. 60-64; Ее же. Претворение в Узбекистане ленинского кооперативного плана в освещении советской историографии 20-30-х годов // ОНУ. 1972. № 5. С. 62-65; Ее же. Осуществление аграрной политики Советской власти в Узбекистане (20-е годы): Историография проблемы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1987. С. 18-21; Алимова Д.К историографии участия женщин в развитии сельского хозяйства УзССР: 1921-1941гг. // ОНУ. 1979. № 5. С. 52-58; Ее же. Литература об участии женщин Узбекистана в общественном производстве в период развитого социализма // ОНУ. 1984. № 3. С. 44-49; Нуруллаев А.К историографии сельскохозяйственного отряда рабочего класса Узбекистана // ОНУ. 1981. № 9. С. 67-70; Тилеукулов С. Ирригационное строительство Советского Узбекистана и историография вопроса // Из истории истории строительства социализма в Узбекистане: Историография вопроса: Сб. научн. тр. ТГПИ им. Низами. Ташкент, 1981. С. 25-35; Ланда В. Земельно-водная реформа 1925-1929 годов в исторической литературе Узбекистана //

работ и защищенных диссертаций видно, какой объем историографической работы был проделан в советское время. Следует подчеркнуть, что и в советской, и в новейшей литературе не было дано четкого описания того, чем именно (в практической плоскости) являлись «докапиталистические аграрные отношения», т.е. в литературе писали, о чем угодно, но только не о самом содержании этих «отношений»¹. В.Непомнин отмечал: «Даже в хлопковых районах с их высокой товарностью продолжали господствовать докапиталистические методы эксплуатации крестьян, и широко были распространены различные феодальные и полуфеодальные формы издольщины (чайрикерство)»². Казалось автор как бы «собирался» дать разъяснение понятию «докапиталистических форм». Но здесь же «запутывает» читателя смысловыми нагромождениями: «В деревне существовали и тесно между собой переплетались докапиталистические и капиталистические методы эксплуатации непосредственных производителей»³. Между тем историографы, комментируя подобные тезисы, лишь «подливали масла в огонь»: «Несмотря на это, в узбекском кишлаке постепенно происходили определенные социально-экономические изменения: новые буржуазные отношения, хотя и крайне медленно, но внедрялись, обостряя классовую борьбу и усиливая социальное расслоение»⁴ и т.п.

Историография истории советского общества. Сб. научн. тр ТГПИ им. Низами. Ташкент, 1986. С. 29-36; Ее же. Аграрные преобразования в Узбекистане периода построения социализма в исторической литературе 1960-1980-х годов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1987. – 25 с.; Кривовяз Л. Проблема аграрных отношений дореволюционного Туркестана в исторической литературе: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1990. – 23 с. и др.

¹ Мы можем отослать читателя к большому кругу специальной литературы, но в ней нет четких формулировок, статистическая и фактическая информация различна, в ряде случаев носит расплывчатый характер, а выводы не имеют структурированных форм. Между тем, аграрные отношения, как, впрочем, и развитие сельского хозяйства Узбекистана и в советский период отечественной истории, и сегодня в условиях независимости, имеют не некую отстраненно-теоретическую, но, главным образом, практическую народно-хозяйственную и социально-экономическую значимость. См., напр.: Житов К., Непомнин В. От колониального рабства к социализму. Ташкент, 1939. – 120 с.; Бедринцев К. Узбекистан в народном хозяйстве // Узбекистан: Экономико-географическая характеристика. Ташкент, 1950. С. 7-16; Ризаев Г. Сельское хозяйство Узбекистана за 40 лет. Ташкент: Фан, 1957. – 90 с.; Непомнин В. Очерки истории социалистического строительства в Узбекистане (1917-1937 гг.). Ташкент: Фан, 1957. – 160 с.; Юсупов К. Аграрные отношения в Узбекистане в период строительства социализма. Ташкент: Фан, 1977. – 200 с.; Чикаев Х. Из истории подготовки к ликвидации сохранившегося феодально-байского землевладения в Узбекистане // Труды СамГУ. Вып. 125. Самарканд, 1963. С. 79-110; и мн. др.

² Непомнин В. Очерки истории социалистического строительства в Узбекистане (1917-1937 гг.)... С. 37.

³ Там же.

⁴ Желтова Г. Историография социалистического и коммунистического строительства Советского Узбекистана... С. 44.

Таким образом, в литературе не только создавались содержательные коллизии, и формировался причудливый, не ясный читателю, понятийный аппарат, но и не решался целый круг важных (с точки зрения научно-исторического и историографического познания) вопросов¹. Например, так и не было раскрыто, как именно и в чем проявлялось соотношение «докапиталистических и капиталистических методов эксплуатации»; чем «докапиталистические аграрные отношения» отличались от «докапиталистических методов эксплуатации на селе» (это одно и то же, либо совершенно разные понятийно-смысловые аспекты); что именно в «докапиталистических отношениях» влияло на «обострение классово-борьбы» и «усиление социального расслоения»?² Это не праздные вопросы, поскольку советская историография (вслед за коммунистическим официозом) ставила вопрос о переходе государств Средней Азии «к социализму, минуя капитализм»³. Последний же для советской историографии выполнял функции идеологической «матрицы», которая с точки

¹ В этой связи хотелось бы обратить внимание на весьма полезное в информативном отношении издание: Трагедия среднеазиатского кишлака: Коллективизация, раскулачивание, ссылка: 1929-1955 гг. Документы и материалы / Сост. Р. Шамсутдинов, Б. Расулов. Т. 1-3. Ташкент, 2006.

² Здесь, думается, будет уместным привести точку зрения П.Галузо, считавшего, что российский капитализм, проникая в Туркестан и все теснее смыкаясь с «системой хищнической торговли», «никаких принципиальных изменений в систему феодальных отношений в крае не вносил и не мог внести» (Галузо П. Туркестан - колония. М.: Госиздат, 1926. С. 137). Если эту точку зрения спроецировать на контекст «докапиталистических форм эксплуатации» и «усиления» в этой связи «классовой борьбы», то выходит, что в Туркестане «естественным образом» зрели предпосылки к социальной революции, а большевики лишь использовали это обстоятельство сугубо в своих политических интересах. Однако это было далеко не так, однако советская историография не смогла показать, какие именно процессы происходили в аграрном секторе Туркестанского края, что в целом далеко не лучшим образом отразилось на качественной стороне исследования данной проблематики.

³ Тот же В.Лаврентьев (историк периода 1920-30-х годов) писал, что [пролетариат] «...организовал батрачество и беднейшее крестьянство вокруг земельной реформы и тем самым выбил из-под ног полукрепостнических, полукапиталистических элементов деревни главную экономическую и политическую основу их роста и укрепления и раскрыл дорогу для некапиталистического развития среднеазиатских крестьянских хозяйств» (Лаврентьев Вл. Азия «инородцев» и Азия Советских социалистических республик // Плановое хозяйство. М., 1927. № 11. С. 205). Как видим, всего лишь в нескольких строках содержится такой обширный конгломерат терминов, понятий и смысловых «конструкций» («полукрепостнический», «полукапиталистический», «раскрыл дорогу», «некапиталистическое развитие» и пр.), что политически не ангажированный читатель сразу и не поймет, о чем именно ведется речь. А само название «Азия инородцев» по отношению к коренным среднеазиатским этносам вообще выглядит уничижительным. Историографы же, в свою очередь, обобщая и суммируя оценки историков, трактовали все эти текстовые нагромождения следующим образом: «Исследование процесса социалистического преобразования сельского хозяйства в среднеазиатских республиках составляло важнейшую задачу в разработке истории некапиталистического пути развития народов Средней Азии» и т.п. (Касымов Ф. Переход народов Средней Азии к социализму, минуя капитализм... С. 89).

зрения общественно-исторической практики по целому ряду причин и обстоятельств не была выполнима.

В историографической литературе в целом положительно оценивается исследовательская практика историков-аграрников. Считается, что «они давали ценный материал о ростках новых производственных отношений в кишлаке и ауле, об опыте ... аграрной политики, социальных переменах в среднеазиатской деревне»¹. С этим обобщающим выводом необходимо согласиться. Однако некоторые дискуссионные выводы «фактологов» оказались без внимания либо поддерживались историографами. Так, в научно-критической литературе приветствовалась точка зрения Г. Ризаева, полагавшего, что изменения в производственном укладе аграрного сектора, якобы, «развязали производительные силы в наиболее мощных экономических районах Узбекистана путем укрепления рыночных связей между дехканством и социалистической промышленностью...»². Невольно возникает вопрос, о каких рыночных связях или отношениях в условиях тогдашнего «социализма» можно было вообще говорить, если коммунисты отвергали рынок как форму и способ существования экономических/производственных отношений? Очевидно, этот вопрос мог быть вполне уместным уже в тот – советский период, когда историографы, «по полочкам разбирали» труды своих коллег по «научному цеху».

Отмечая эти моменты, нам меньше всего хочется выглядеть некими «крюкотворцами», ищущими недостатки в исторической литературе и цепляющимися за выражения и формулировки. Представляется, что дело обстоит как в постановке, так и в решении советской историографией конкретных научных вопросов, а нашей задачей является вычленение симптоматических характеристик историографической работы, выявление на отдельных конкретных примерах ее сильных и слабых сторон.

Например, нельзя не отметить такой факт: «Положительным явлением в историографии было появление брошюр и статей о земельно-водной реформе на местных языках³. Написанная простым и доходчивым языком эта литература в достаточной мере подчеркивала социально-экономическое значение проводимых преобразований в сельском хозяйстве, отвечая поставленной партийными орга-

¹ Касымов Ф. Переход народов Средней Азии к социализму, минуя капитализм... С. 101.

² Ризаев Г. Краткий очерк земельно-водной реформы в Узбекистане... С. 57.

³ В тексте приводится литература, изданная на узбекском, таджикском и киргизском языках.

нами задаче «широкой агитации и популяризации земреформы»¹. Касательно указанного выше историографического факта, это, несомненно, верное замечание. Однако публикации сугубо пропагандистского содержания («Для чего нужна земельная реформа?», «Что надо знать дехканину о земреформе?», «Что дала Советская власть трудящимся аула и кишлака?» и т.п.), рассчитанные на «воспитание широких масс» и донесение до них идей сельскохозяйственной коллективизации и «раскулачивания», вряд ли логично относить к научной литературе.

Следует также упомянуть еще одно примечательное историографическое замечание: «Несмотря на значимость этих работ² для того времени³, они в исследовательском вопросе шли более «вширь», чем «вглубь», результатом чего явилась беглая констатация событий. Кроме того, они в какой-то мере преувеличивали ... значение [земельной реформы], утверждая, что в ходе реформы было уничтожено кулачество в кишлаке, тогда, как известно, что эта задача была решена в Узбекистане лишь в процессе осуществления сплошной коллективизации»⁴.

Комментируя это положение, обратим внимание на два, как минимум, аспекта.

Во-первых, «беглая констатация событий» действительно имела место, хотя далеко и не во всех исследовательских и статистико-экономических материалах. Изучение вопросов «вширь», т.е. достаточно солидный проблемно-тематический охват изучаемых вопросов без их должного аналитико-синтетического рассмотрения (изучение «вглубь»), означает лишь одно – советские историки не имели необходимых практических навыков для ведения полноценной научно-исследовательской работы. Это особенно относится к периоду 1920 – 1930-х и первой половине 1940-х годов.

Во-вторых, «преувеличение значимости земельной реформы в раскулачивании» вряд ли следует относить к недостатку литературы описываемого периода и выставлять историкам по этому поводу соответствующий «счет». Политическая обстановка тех лет требовала от историков «научно обоснованной поддержки» (если о таковой вообще уместно говорить в данном контексте) мероприятий советской власти в аграрной сфере. Что касается самого «раскулачивания»,

¹ Касымов Ф. Переход народов Средней Азии к социализму, минуя капитализм... С. 96.

² Речь идет о трудах по вопросам преобразований в аграрном секторе Узбекистана и Средней Азии.

³ Имеются в виду 1920-30-е годы.

⁴ Желтова Г. Историография социалистического и коммунистического строительства Советского Узбекистана... С. 47.

то в сущности своей в Узбекистане кулаков как таковых не было и данный термин был больше применим к «центральным районам СССР» – России, Белоруссии, Украины и т.д., хотя, в целом, меры по надуманному «раскулачиванию» в Средней Азии органами ОГПУ все же предпринимались¹.

Отмеченные выше аспекты, освещаемые советской историографией, не единичны. В принципе, можно привести массу примеров, которые, помимо явных положительных моментов в виде собранного и обобщенного массива научной информации, могут указывать на проблемно-постановочные, содержательные, терминологические и иные изъяны советской литературы, посвященной аграрному сектору Узбекистана и мероприятиям, осуществляемым советской властью в сфере сельскохозяйственного производства.

Следует отметить и работы общего тематического конкретно-частного (дробно-тематического) плана, которые, только все вместе взятые дают общую оценку исследованиям, посвященным истории народного хозяйства Узбекистана, в том числе на отдельных отрезках времени².

¹ К данным вопросам см. современные подходы ученых в условиях национально-государственной независимости, напр.: Аминова Р. Возвращаясь к истории коллективизации Узбекистана. Ташкент, 1995. – 125 с.

² Махмудова К. В.И. Ленин об экономическом развитии Советского Туркестана // Научные записки Ташк. фин.-эконом. ин.-та. Вып. 13. Ташкент, 1961. С. 5-14; Бедринцев К. Проблемы развития производительных сил Узбекистана и задачи ученых республики // ОНУ. Ташкент, 1964. № 11. С. 5-10; Жиленкова М. Вопросы новой экономической политики в трудах В.И.Ленина // Научные труды ТашГУ. Вып. 293. Ташкент, 1967. С. 131-135; Касымбеков Ж. Историография социалистического соревнования в промышленности Узбекистана // Материалы по истории Узбекистана: Сб. ст. Ташкент: Фан, 1973. С. 408-420; Алимджанов А. Хозяйственное строительство в Туркестанской АССР в советской историографии Узбекистана (50-60-е годы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1970. – 27 с.; Лунин Б. Социально-экономическое и общественно-политическое развитие Узбекистана в период зрелого социализма: Историография проблемы // ОНУ. 1979. № 8. С.33-42; Тураев С. Современная советская историография деятельности коммунистической партии по осуществлению новой экономической политики (НЭПа) в Туркестане: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1990. – 22 с.; Новая экономическая политика в Средней Азии и Казахстане: Теория, история, суждения. Ташкент: Фан, 1989. – 128 с. и др. Косвенно либо эпизодически историографические вопросы хозяйственного развития Узбекистана в той или иной степени освещались в общих историографических трудах, посвященных развитию исторической науки республики и другим проблемно-тематическим направлениям советской историографии: Муминов И. Обществоведы АН УзССР навстречу 50-летию СССР // ОНУ. 1972. № 1. С. 3-14; Желтова Г., Исламджанова М. Рабочий класс Узбекистана в освещении советской историографии // ОНУ. 1972. № 6. С. 9-15; Ахунова М. Состояние и перспективы развития исторических исследований в Узбекистане // ОНУ. 1972. № 11-12. С. 92-96; Лунин Б. Проблема некапиталистического пути развития народов Средней Азии к социализму в советской историографии // ОНУ. 1972. № 11-12. С. 140-150; Камалов С. Развитие общественных наук в Каракалпакской АССР // ОНУ. 1973. № 1. С. 20-29; Желтова Г. Социалистическое строительство в Узбекистане (20-30-е годы): Историографический очерк. Ташкент: Фан, 1975. – 143 с.; Ее же. Историография социалистического и коммунистического строительства Советского Узбекистана: 1930-1970-е

Еще одним интенсивно исследуемым в советской историографии направлением были проблемы культурного развития, вопросы народного образования, науки, духовной сферы¹. В литературе эти моменты именовались «культурной революцией» и «коренной ломкой отношений в сфере культуры», которые имели содержательную и тематическую связку с литературой социального плана².

годы. Ташкент: Фан, 1981. – 184 с.; Зияев Х. Историческая наука в Узбекистане от XXIV к XXV съезду КПСС // ОНУ. 1976. № 2. С. 25-30; Турсунов Х., Ахунова М., Нуруллин Р. Актуальные проблемы исторической науки в Узбекистане // Коммунист Узбекистана. 1977. № 6. С. 66-72; Алимова Д. Историография участия женщин в развитии промышленности Узбекской ССР: 1925-1941 // ОНУ. 1978. № 9. С. 45-48; Ее же. К историографии участия женщин в развитии сельского хозяйства УзССР // ОНУ. 1979. № 5. С. 52-58; Ее же. Литература об участии женщин Узбекистана в общественном производстве в период развитого социализма // ОНУ. 1984. № 3. С. 44-49; Касымов Ф. Переход народов Средней Азии к социализму, минуя капитализм: Историографический очерк. Ташкент: Фан, 1979. – 168 с.; Его же. Борьба советских историков против буржуазной фальсификации опыта строительства социализма в Средней Азии: К историографии вопроса // ОНУ. 1979. № 6. С. 53-60; Его же. Минуя капитализм: Советская историография перехода народов Средней Азии к социализму. Наука, 1980. – 376 с.; Основные направления исторических исследований в Узбекской ССР // Советская историческая наука в 1975-1979 гг. М.: Наука, 1980. С. 307-312; Ахунова М. Историческая наука в Узбекистане в годы десятой пятилетки // ОНУ. 1981. № 2. С. 27-31; Юсупов Э. XXVI съезд КПСС и актуальные проблемы развития общественных наук // ОНУ. 1981. № 3. С. 3-17; Султанова М. К историографии творческой активности рабочего класса Узбекистана в условиях развитого социализма: 1966-1975 гг. // ОНУ. 1981. № 4. С. 45-47; Нуруллаев А. К историографии сельскохозяйственного отряда рабочего класса Узбекистана // ОНУ. 1981. № 9. С. 67-70; и мн. др. Приводим в этой ссылке публикации в таком количестве для того, чтобы у читателя создалось предельно полное и объемное представление о ставившихся в советскую эпоху историографических задачах.

¹ Шафир В. Критика зарубежной буржуазной историографии по проблемам культурной революции в Узбекистане // Культурная революция в СССР (1917-1965 гг.): Сб. ст. М.: Наука, 1967. С. 393-424; Алимов Х. Советская историография культурного строительства в Узбекской ССР (1938-1965 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1972. – 30 с.; Его же. Советская историография культурного строительства в Узбекистане (1938-1965 гг.) // Труды аспирантов Таш. Гос. ун.-та им. В.Ленина. Исторические науки. Ташкент: ТашГУ, 1972. С. 100-105; Его же. Некоторые вопросы историографии культурного строительства в Узбекистане (1956-1965 гг.) // ОНУ. 1972. № 9. С. 142-144; Старикова А., Желтова Г. Некоторые вопросы культурного строительства Узбекистана в трудах Акмаля Икрамова (20-30-е годы) // Из истории Узбекистана: Сб. научн. тр. ТГПИ им. Низами. Ташкент, 1975. С. 97-102; Касымов Ф. Некоторые вопросы историографии культурной революции у народов Средней Азии в переходный период (Обзор литературы) // История СССР. М., 1979. № 1. С. 133-149; Утепов К. К историографии культурного строительства в Каракалпакии // Материалы по истории, историографии и археологии: Сб. научн. тр. ТашГУ им. В.Ленина. Вып. 582. Ташкент, 1981. С. 162-167; и др., а также указ. раб. Г.Желтовой и Ф.Касымова, в которых отдельные разделы специально посвящены рассмотрению исторической литературы по данной теме.

² К наиболее разработанной, с историографической точки зрения, теме относится история «женского движения». См.: Шукурова Х. Женщина Советского Востока и ее западные буржуазные критики // Величие советского строя и бессилие его фальсификаторов. Ташкент, 1975. С. 229-234; Алимова Д. К историографии решению женского вопроса в Узбекистане // ОНУ. 1977. № 10. С. 44-47; Ее же. Историография участия женщин в развитии промышленности Узбекской ССР (1925-1941гг.) // ОНУ. 1978. № 9. С. 45-48; Ее же. К историографии участия женщин в развитии сельского хозяйства УзССР // ОНУ. 1979. № 5. С. 52-58; Ее же. Историография решения женского вопроса в Узбекистане (1917-1941гг.). Ташкент, 1980. – 156 с.; Ее же. «Худжум» в литературе 20-30-х годов и задачи обществоведов в освещении женского вопроса в Узбекистане //

В качестве иллюстрации преобладающей тенденции историографии данного вопроса в советский период приведем название одного из разделов хорошо известной в научных кругах монографии Ф. Касымова о некапиталистическом пути развития Средней Азии под названием «Историческая литература о ликвидации былой культурной отсталости среднеазиатских народов». Приведем также выдержку из этого труда¹: «Преодоление культурной отсталости, унаследованной от недавнего феодально-клерикального и колониального прошлого Туркестанского края, создание культуры нового типа представляет собой одну из самых ярких страниц истории революционных преобразований в Средней Азии, убедительно показывает, что народные массы обладают неисчерпаемыми творческими возможностями, для реализации которых в условиях социализма открывается широкий простор»².

В этой связи, как отмечала другой известный историограф Г.Желтова, в литературе были «...отражены первые шаги культурной революции и успехи культурного строительства до образования Узбекской ССР; успехи социалистической культурной революции в годы довоенных пятилеток, Великой Отечественной войны, в послевоенный период, период развитого социализма, перехода к строительству коммунистического общества и формирования коммунистической культуры»³.

Именно на этих сугубо идеологических и политических основаниях выстраивалась вся логика научно-исторической и историографической мысли республики, посвященной вопросам культуры узбекского народа. Наверняка, было бы не совсем корректным упрекать в подобной постановке вопроса советских исследователей, поскольку сама общественно-историческая практика, выстраивавшаяся на коммунистических догмах, в директивном порядке

ОНУ. 1988. № 7. С. 130-139; Ибрагимова Н., Салимова Ф. Опыт раскрепощения женщин республик Средней Азии и Казахстана и его буржуазные фальсификаторы // Коммунист Узбекистана. 1985. № 8. С. 63-83; Нуриева В. Историография деятельности Компартии Узбекистана по вовлечению женщин в социалистическое строительство (1917-1927 гг.) // Историография деятельности Компартии Узбекистана: Сб. научн. тр.-Самарканд: САМГУ, 1986. С 25-29; Асадова Ш. Вовлечение женщин Средней Азии в социалистическое строительство в исторической литературе 1960-1980-х годов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1987. – 22 с.; и др.

¹ Говоря о том, что историографические очерки Ф.Касымова носили глубокий и, можно сказать, фундаментальный характер, мы также должны принимать во внимание политическую и историческую обстановку того времени, когда они писались. Поэтому они, несмотря на свою фактологическую насыщенность, все же были пронизаны штампами советско-коммунистической идеологии.

² Касымов Ф. Переход народов Средней Азии к социализму, минуя капитализм... С. 120.

³ Желтова Г. Историография социалистического и коммунистического строительства Советского Узбекистана ... С. 94.

определяла сущность и содержательную канву научных сочинений. Но при всем том следует особо подчеркнуть, что и официальная идеология, и проводимая компартией политика, и, собственно, советская историография трансформировали реалии того времени, превращая их в некий конгломерат идеологических наслоений, подгоняя конкретную общественно-историческую практику под политические конструкты. Вполне понятно, что это сказывалось не только на степени корректности восприятия осуществляемых советской властью мер, но и на качестве «летописания» и его обобщения.

В историографии культурного развития советского Узбекистана, помимо явных недочетов, имеются также весьма ценные и «точечные» замечания. В частности, в литературе упоминалось, что авторы советского периода рассматривали вопросы, «...как правило, в общем плане: рост общей грамотности населения, состояние школьного строительства, положение с педагогическими кадрами и т.д.» Причем, «в меньшей мере в них затрагиваются проблемы развития национальных культур и процесс их взаимообогащения»¹. Кроме того, по оценкам советских историографов, серьезным пробелом в разработке вопросов культурной революции являлось отсутствие социологического и психологического изучения культурных преобразований².

Разумеется, тема культурных преобразований в годы советской власти, как и вопросы промышленного и аграрного развития, представляла собой достаточно широкий комплекс общих проблем и конкретно-частных аспектов. В целом их историографическая разработка (а точнее – анализ этой разработки) позволяет выявить общий недостаток советской литературы, когда культура Узбекистана считалась «отсталой» и «недоразвитой». И, следовательно, в соответствии с «ленинским планом построения социализма» ее, якобы, «необходимо было подтянуть» до уровня центральных районов СССР (подразумевается России). Очевидно, именно этим можно объяснить тот факт, что русский язык и русская культура вытесняли национальные компоненты, размывали богатейшее культурно-историческое наследие, вековые традиции и обычаи узбекского народа.

¹ Желтова Г. Историография социалистического и коммунистического строительства Советского Узбекистана ... С. 99.

² Акопян Н., Желтова Г., Касымов Ф. Учебное пособие по курсу «Историография истории СССР». Ч. II. Историография социалистического строительства в Узбекистане. Ташкент: ТашГУ им. В.Ленина, 1980. С. 49. Здесь же мы находим и еще одно ценное положение «К сожалению, приходится констатировать отсутствие обобщающего труда о путях формирования кадров интеллигенции, который отражал бы общие закономерности этого процесса для народов Узбекистана...».

Советская историография закрепляла все то, что в несвойственных для условий Узбекистана формах и методах осуществлялось в период так называемого «социалистического и коммунистического строительства»¹.

Резюмируя вышеизложенные положения, следует отметить, что проблемная историография общественно-исторического развития советского Узбекистана (за вычетом указанных в данной работе и некоторых других минусов) в целом являет собой солидный и во многом полезный научно-культурологический «пласт». Внимательное изучение историографической литературы позволяет проследить за основными тенденциями и процессами развития научно-исторической мысли республики, вычленить узловые и контекстные направления проблемной историографии.

Попутно укажем, что от современного исследователя требуется определенный уровень психологической проницательности, универсальности знаний и представлений о советском периоде, чтобы, по возможности, предельно корректно и объективно оценивать научные наработки советских историков и историографов. Это важно не только с точки зрения установления преемственности между поколениями ученых и научных школ, но и в целях формулирования и максимально эффективного решения современных научных задач в области проблемной историографии Узбекистана.

Михаил Евгеньевич Массон и археология Средней Азии

*Я не предполагал никогда стать ученым
М.Е. Массон*

Выдающийся среднеазиатский археолог, основоположник первой археологической школы в Средней Азии – Михаил Евгеньевич Массон родился 5 декабря 1897 г. в Петербурге в семье топографа-землемера, много лет работавшего в Самарканде.

Полностью отразить жизненный и научно-творческий путь Михаила Евгеньевича Массона в формате одного очерка не представ-

¹ Здесь, правда, следует сделать оговорку в части, касающейся создания и развития в Узбекистане принципиально новой системы образования и науки. Эти отрасли, безусловно, придали новый импульс общекультурному развитию республики, хотя, и они имели немало изъянов, «закрепленных» советскими историографами.

ляется возможным. Однако мы попытаемся через высказывания самого ученого, его учеников, соратников показать насколько неординарной личностью он был, насколько его энтузиазм, трудоспособность, дисциплинированность, требовательность и строгость и в учебном процессе, и в практических изысканиях служили примером для учеников и соратников, созданной им археологической школы.

Любовь и интерес к археологии зародились у Михаила Массона еще в школьные годы. Этому в немалой степени способствовало его знакомство с известным самаркандским археологом и краеведом В.Л. Вяткиным, который стал привлекать любознательного юношу к раскопкам на городище Афрасиаб. Здесь, очевидно, у М.Е. Массона через любовь к Самарканду с его древней историей и необыкновенными памятниками архитектуры, где отовсюду веяло ароматом минувших веков, сформировался и интерес к археологии. Позднее, будучи уже сложившимся ученым, М.Е. Массон вспоминал об этом городе: «Самарканд – Рим Средней Азии. Самарканд – город памятников»¹.

В 1944 г. на юбилейном мероприятии, посвященном 25-летию его научной деятельности, вспоминая годы, проведенные в Самарканде, М.Е. Массон отмечал:

«Я родился в Петербурге, на Васильевском острове, в гуще своего рода «Латинского квартала». Но я не отказываюсь, что я – туркестанец.

Туркестан – ныне Средняя Азия – моя вторая родина. Воспитанный великой культурой русского народа, я вырос и сложился в Самарканде. Его памятники определили мою судьбу и путь как специалиста.

Василий Лаврентьевич Вяткин, колоритная фигура на фоне регистанских медресе, с басом profundo, волнами переливавшим звуки его октавы под сводом Гуримира (как его помнят многие и многие, ходившие с ним по памятникам), – он увлек меня в Самаркандскую старину, такую живую в этом древнем городе.

И уже с 1913 года я принимал участие в некоторых его работах и самостоятельно водил экскурсии по памятникам. ... Он научил меня бескорыстно любить их, и я очень благодарен ему за это»².

В 1916 г. Михаил Массон окончил с золотой медалью самаркандскую мужскую классическую гимназию, после чего стал вопрос – какой дальше выбрать путь? В семье, окружающие люди да и директор гимназии внушали юноше, что археология – «стариковское

¹ Массон М.Е. Памятка об экскурсии по Самарканду. Самарканд–Ташкент, 1929. С. 11.

² Ртвеладзе Э. Respite post te, или Академик Массон и другие // Восток Свыше. Ташкент, 2012. Вып. XXVI. С. 90.

дело», недостойное энергичного молодого человека¹. По совету старших Михаил поступил на инженерно-строительное отделение Петроградского политехнического института. Однако уже в 1917 г. был направлен для прохождения ускоренного курса в Михайловское артиллерийское училище и затем на Юго-Западный фронт. Он сам об этих временах говорил:

«Как сын своей страны я пренебрег бывшей у меня на руках «туркестанской льготой», дававшей мне освобождение от воинской повинности, и студентом добровольно ушел в армию при призыве лиц моего возраста»².

После демобилизации М.Е. Массон вернулся в Самарканд и уже в 1918 – 1919 годы впервые приступил к полевым археологическим исследованиям, в частности, памятников древности и русел древних арыков левобережья Ферганской степи, городища Афрасиаб (раскопки руин дворцового зала Саманидов с резной алебастровой панелью IX – X вв.) и др.

В 1919 – 1923 годы М.Е. Массон заведывал местным музеем и по совместительству археологической секцией Самкомстариса*. По его словам именно Самаркандский музей был его первым «университетом».

«Там, в Музее, моими первыми учителями в части природы были энтомолог Михаил Михайлович Сиязов и чудесный старик, друг нашего дома, врач-туркестанец Павел Андреевич Благовещенский, генерал-инженер Особой армии (общевойсковое оперативное объединение соединений и частей Русской Императорской армии во время первой мировой войны) и любитель-археолог. Борис Николаевич Кастальский приобщил меня к нумизматике. Художник-антиквар Михаил Васильевич Столяров открывал для меня неизведанную область исследователя-реставратора. Системой же научного мышления при исследовательской работе я в значительной мере обязан талантливейшему архитектору-реставратору Михаилу Федоровичу Мауэру³, гордости советской реставрационной практики в Средней Азии. Но, конечно, главным учителем явился Василий Владимирович Бартольд, уделявший мне с моих молодых лет изумительное внимание и, при всей его требовательности к людям, проявлявший в отношении меня

¹ Пугаченкова Г.А. Михаил Евгеньевич Массон – основатель Среднеазиатской археологической школы. Ташкент: Университет, 1995. – 30 с.

² Ртвеладзе Э. Respite post te, или Академик Массон и другие... С. 90.

* Самкомстарис – Самаркандский комитет по охране памятников старины и искусства.

³ По его проекту осуществлялось выпрямление падающего северо-восточного минарета медресе Мирзо Улугбека в Самарканде с 1918 по 1932 годы.

снисходительность. Не формально, а по существу – я его ученик: и по отношению к труду исследователя-историка, и по тому, что стремился и стремлюсь продолжить дальше то и исходить из того, на чем он остановился»¹.

Первые годы научной и практической деятельности Михаила Евгеньевича Массона в Самкомстарисе примечательны тем, что он был самым юным сотрудником комитета, принимающим участие в деле спасения северо-восточного минарета медресе Мирзо Улугбека, построенного в 1420 г., от разрушения. В обязанности руководимой им археологической секции, несмотря на малочисленность ее состава, входило исследование фундамента минарета и самого медресе*. Осуществленные раскопки дали «исключительно интересные данные и не только с точки зрения инженерно-технической, но и для истории самого памятника»². Весь процесс многолетних (1918 – 1932) и невероятно трудоемких в научном и в практическом отношении работ в деле спасения минарета сохранился в протоколах и отчетах Самкомстариса, но благодаря брошюре М.Е. Массона с фотоиллюстрациями, опубликованной несколько десятилетий спустя, результаты этой грандиозной работы стали известны и широкому кругу общественности. *«Ничего подобного не знала до того мировая реставрационная практика в части памятников Востока»³.*

В 1923 г. М.Е. Массон был переведен в Ташкент в Главный среднеазиатский музей, который стал для него очередным «университетом». Здесь он заведывал первоначально археологическим, а затем нумизматическим отделами. При этом он как археолог, оставался одновременно и в системе «Средазкомстариса», научная деятельность в которой придала его исследованиям среднеазиатский масштаб. Параллельно исследователь слушал лекции в Туркестанском восточном институте. В период работы в Главном среднеазиатском музее его коллегами и одновременно, как он сам признается, учителями, были М.С. Андреев, И.И. Бездека, Д.Н. Кашкаров, Л.В.Ошанин⁴.

Параллельно с этим М.Е. Массон является членом секции Этнографии и Археологии Среднеазиатского отдела Русского географического общества, где исполнял обязанности ученого секретаря регулярных заседаний, проходивших в Ташкентской публичной библиотеке

¹ Ртвеладзе Э. *Respice post te*, или Академик Массон и другие... С. 90-91.

* В состав археологической секции входили В.Л. Вяткин, И.А. Кастанье и сам М.Е. Массон.

² Массон М.Е. *Падающий минарет*. – Ташкент: Узбекистан, 1968. – С. 25.

³ Там же. С. 42.

⁴ Ртвеладзе Э. *Respice post te*, или Академик Массон и другие... С. 91.

(ныне библиотека имени Алишера Навоий)¹. Он оказался в кругу таких исследователей, как Н.Г. Малицкий, Н.Л. Корженевский, А.В. Благовещенский, А.А. Семенов, М.С. Андреев, Д.Д. Букинич и др. Параллельно исследователь работал и в Ташкентской публичной библиотеке, которая стала следующим его «университетом». Об этом периоде жизни ученый вспоминал:

«... я счастливо обрел несравненного наставника и друга-учителя по части библиографии в лице тогдашнего единственного за все время подлинного ученого, директора той библиотеки – Евгения Карловича Бетгера»².

Михаил Евгеньевич Массон был необычайно разносторонним ученым. Помимо различных вопросов археологии, в том числе историографического характера³, он вел исследования по истории горного дела и металлургии⁴, гидрологии⁵, исторической топографии⁶, истории архитектуры⁷, нумизматике¹, истории развития флоры

¹ ЦГА РУз, ф. Р-2773, оп. 1, д. 251

² Ртвеладзе Э. *Respice post te*, или Академик Массон и другие... С. 91.

³ Массон М.Е. Археологические работы в Узбекистане за последние годы // Социалистическая наука и техника (СОНАТ). Ташкент, 1936. № 11; Его же. Археологические работы в Узбекистане за 1933-1935 годы // Труды III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии. Л., 1939; Его же. Археологические исследования в Узбекистане (1924-1939) // Наука в Узбекистане за 15 лет. Ташкент, 1939; Его же. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении // Труды САГУ. Археология Средней Азии. Ташкент: Издательство САГУ, 1956. Новая серия. Вып. LXXXI. С. 5-40 и др.

⁴ Массон М.Е. История древнего горного дела гор Кармазара // Отчет о деятельности Среднеазиатского отделения Геологического комитета за 1928/29 г. Ташкент, 1930; Его же. Археологические материалы к истории горного дела в Средней Азии. Горные инструменты // Среднеазиатское районное геолого-разведочное управление (САРГРУ). Бюллетень, № 2. Ташкент, 1930; Его же. К истории добычи ртути в Средней Азии // Народное хозяйство Средней Азии. Ташкент, 1930. № 5; Его же. К истории добычи асбеста в Средней Азии // За недра Средней Азии. Ташкент, 1934. № 4; Его же. Из истории добычи меди в Средней Азии в связи с прошлым Алмалыка // Академия Наук СССР. Труды Таджикско-Памирской экспедиции. М.-Л., 1936. Вып. XXXVII и др.

⁵ Массон М.Е. Проблемы изучения цистерн-сардоба // Узбекстанский комитет по охране памятников материальной культуры. Материалы Узкомстариса. – Ташкент, 1935. Вып. 8; Его же. Некоторые результаты разбора археологических материалов, добытых при работах гидрологической партии в Бухарском оазисе в 1930 году // Сборник памяти гидрогеолога М.М.Решеткина. Материалы по гидрологии Узбекистана. – Ташкент, 1935. Вып. 15 и др.

⁶ Массон М.Е. Несколько археологических данных к исторической топографии Самарканда в связи с проведением узкоколейной городской железной дороги в 1923 году // Известия Средазкомстариса. Ташкент, 1926. Вып. I; Его же. О местонахождении сада Тимура Давлетабад // Известия Средазкомстариса. Ташкент, 1928. Вып. III; Его же. Загадочное городище Канка. Из результатов работ 29-го отряда Таджикско-Памирской экспедиции // СОНАТ. Ташкент, 1934. № 10-11; Его же. Экспедиция археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.-Л., 1940. Вып. IV; Его же. Городища Старого Термеза и их изучение // Труды Узбекстанского филиала АН СССР. Серия I. Вып. 2. Ташкент, 1940 и др.

⁷ Массон М.Е. Соборная мечеть Тимура, известная под именем мечети Бибиханым // Культурно-исторические экскурсии по Самарканду // Известия Средазкомстариса.

и фауны в историко-археологическом аспекте² Средней Азии и др. Приведенные в примечаниях работы М.Е. Массона лишь незначительная часть публикаций ученого в начальные годы его научной деятельности; перечисление же всего списка займет объем отдельной брошюры.

В своих публикациях М.Е. Массон вводит в научный оборот обширные данные, смело излагает свою точку зрения по некоторым принципиальным вопросам, представляет результаты своих исследований. Вместе с тем он ставил перед наукой, в особенности археологической, все новые и новые задачи фундаментального и прикладного характера, в глобальных и локальных масштабах³.

В Центральном государственном архиве Узбекистана, а также в библиотеке Главного управления по охране и реставрации памятников Узбекистана хранятся личный архив М.Е. Массона⁴, а также его обширная библиотека, дневники, полевые записи, карты и планы, научные отчеты, рукописи докладов и сообщений, прочитанных им на заседаниях кафедры археологии и СНАКа (Студенческого научного археологического кружка), глубокое изучение которых мы планируем изучить в будущем.

В период деятельности в «Средазкомстарисе» полевая археологическая деятельность М.Е. Массона принимает все более широкий и систематический характер с охватом всей территории Средней Азии. Он осуществляет многочисленные археологические разведки, археолого-топографическое изучение Ташкента и Бухары, а также Старого Сайрама, Бешагача, Тараза и других городищ на территории Казахстана, проводит историко-археологическое обследование памятников средневекового зодчества: мавзолеев Манас в долине Таласа, Айша-биби и Бабаджи-хатун, мечети Ахмеда Ясеви в Казахстане, Башни Бурана, узгендских мавзолеев в Киргизии и др.

Ташкент, 1926. Вып. I; Его же. Регистан и его медресе // Известия Средазкомстариса. Ташкент, 1926. Вып. III; 2-е изд. Самарканд: Узкомстарис, 1929; Его же. Мавзолей Гур-эмир, усыпальница тимуридов. 2-е измененное и дополненное издание. Самарканд: Узкомстарис, 1929 и др.

¹ Массон М.Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за время с 1917 по 1927 гг. // Известия Средазкомстариса. Ташкент, 1928. Вып. III; Его же. Клад утвари мастерской фальшивомонетчика XIV века под Ташкентом // Материалы Узкомстариса. Ташкент, 1933. Вып. 4; Распространение монетных находок чекана династии Сасанидов на территории республик Средней Азии // История Иранского государства. К 2500-летию Иранского государства. М.: Наука, ГРВЛ, 1971. С. 219-236 и др.

² Массон М.Е. Из исторического архива по палеонтологии Средней Азии // СОНАТ. – Ташкент, 1934. № 1-2; Его же. Яйца страусов в Узбекистане // СОНАТ, 1935. № 5 и др.

³ Массон М.Е. Прикладные задачи археологии и их тематика в Средней Азии // Комитет наук УзССР. – Ташкент, 1937. Отдельное издание.

⁴ ЦГА РУз, ф. Р-2773.

В конце 20-х годов М.Е. Массона начинает привлекать многовековая история горного дела в Средней Азии. Чтобы глубже изучить данное направление и непосредственно быть в контакте с геологами, ученый в 1929 – 1936 годах¹ работал в Среднеазиатском отделении Геологического комитета СССР, где создал превосходную геологическую библиотеку и о котором он вспоминал:

«... я в качестве заведующего библиотекой восемь лет вел попутно исследовательскую работу в области истории горного дела. Последняя вплотную свела меня с рядом видных специалистов, как Александр Евгеньевич Ферсман, Дмитрий Иванович Щербаков и другие. Практически особенно много мне пришлось работать с геологом Борисом Николаевичем Наследовым. В среде геологической молодежи САРГРУ у меня установилось немало прочных и полезных связей с наиболее активными исследователями, ... А из библиотеки САРГРУ я унес самые теплые воспоминания о своих милейших сотрудниках, и в первую очередь о моем заместителе Екатерине Аполлоновне Анфириной и о Фани Марковне Палейник, деливших со мной много лет радости и горести совместной работы»².

В этот период ученый обследует древние рудники Карамазарских гор и Ахангарана с прилегающими районами долины Сумбара (Туркмения), Таласа (Киргизия) и другие местности. Результаты изысканий нашли отражение в целом ряде его работ³. Помимо изучения истории горного дела Средней Азии, М.Е. Массон преследовал цель – найти возможности нового их использования в народном хозяйстве⁴. Здесь следует отметить, что в исследовании данного аспекта истории ученый был пионером.

Среди всех прочих научных исследований Михаил Евгеньевич Массон занимался и пропагандой прикладных задач археологии и ее значения в решении ряда практических, научных и народно-хозяйственных проблем⁵ (история ирригации в связи с колебаниями климата, продвижением песков на оазисы и заболачиванием земель), особенно в геолого-разведочном деле, где результаты его исследований нашли в условиях Средней Азии практическое применение. В последующем им были разработаны оригинальные методы полевых

¹ Лунин Б.В. Ученый, педагог, общественный деятель // История и археология Средней Азии. Ашхабад: Ылым, 1978. С. 12-19.

² Ртвеладзе Э. Respite post te, или Академик Массон и другие... С. 91.

³ Публикации М.Е. Массона по истории горного дела перечислены выше.

⁴ Лунин Б.В. Ученый, педагог, общественный деятель... С. 13.

⁵ Массон М.Е. Прикладные задачи археологии и их тематика в Средней Азии // Комитет наук УзССР. Ташкент: Издательство Комитета наук УзССР, 1937. С. 3-19.

археологических исследований: выявление археологических «пятен» по растительному покрову, определение погребенных уровней былых поверхностей, культурных наслоений по данным энтомологического порядка. Здесь уместно будет заметить, что интерес к ботанике и энтомологии у Михаила Массона появился в подростковые годы, когда друг семьи врач Благовещенский брал юношу в загородные прогулки, где они собирали гербарии и коллекции насекомых¹.

В 1936 г. по представлению академиков И.Ю. Крачковского и И.А. Орбели и профессора А.Ю. Якубовского М.Е. Массону была присуждена ученая степень доктора археологии по совокупности научных трудов. Однако это можно считать лишь своего рода формальностью, так как Михаил Евгеньевич был истинным профессором по своему призванию. Сам ученый об этом в 1944 году говорил:

«Я не предполагал никогда стать ученым – и сделался им. Мне в голову не приходила мысль, что я буду профессором, а девять лет назад меня сделали по представлению академика И.Ю. Крачковского, академика И.А. Орбели и профессора А.Ю. Якубовского первым доктором в Средней Азии.

Я никогда не стремился к научной карьере и, наоборот, бежал от нее, с конфликтами отказываясь вступать в разные должности, но при все том так прочно вошел в науку о Средней Азии, что отставить меня от нее уже нельзя. И все попытки некоторых узко-узбекистанских научных учреждений держать меня на расстоянии – лишь уродливая нелепость, дискредитирующая их репутацию»².

Хотелось коснуться одного эпизода, касающейся биографии и семейного быта Михаила Евгеньевича, представленный Г.А. Пугаченковой:

«В те годы (имеется в виду 1920 – 1930-е годы – Ф.Ш.) семья из четырех человек (уже появился сын Вадим), ютилась в одной из комнат флигеля при бывшем дворце великого князя, преобразованного в советское время в музей. Между тем, в 1934 г. в Ташкенте был возведен один из первых четырехэтажных жилых домов с комфортными квартирами, известный под названием «Дом специалистов». Его квартиры предоставили ведущим деятелям культуры. Здесь поселили известных артистов, ведущих врачей, писателей, ученых, в числе последних ... и М.Е. Массона. В нем он прожил до конца своих дней. И*

¹ Пугаченкова Г.А. Михаил Евгеньевич Массон – основатель Среднеазиатской археологической школы... С. 4.

² Ртвеладзе Э. Respite post te, или Академик Массон и другие... С. 91-92.

* Вадим Михайлович Массон – известный ученый, пошел по стопам отца и стал историком-археологом.

сколько же людей посещало квартиру № 34 – начиная от студентов и съезжавшихся отовсюду краеведов, которым нужна была научная консультация, и до ученых, заглядывавших «на огонек» для интересной беседы! Среди приезжих, к примеру, бывали академик В.В. Струве, члены-корреспонденты АН СССР А.Ю. Якубовский, К.В. Тревер, профессора И.П. Петрушевский, А.П. Окладников, Л.А. Маргулян и многие другие»¹.

Кафедра археологии

Знаменитая среднеазиатская археологическая школа формировалась и развивалась на базе, созданной 1940 г. М.Е. Массоном кафедре археологии САГУ (затем ТашГУ, ныне Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека). Здесь с особой силой проявились широта его знаний и организаторские способности.

Работа кафедры археологии была направлена на решение важнейшей задачи – подготовка для всех центральноазиатских республик новых высококвалифицированных кадров археологов, в которых ощущался острый недостаток². Однако, Вторая Мировая война оставила свой отпечаток на набиравшем обороты развитии археологии в регионе, да и вообще всех отраслей наук. Происходит временное прекращение всех начатых раскопочных работ, в том числе юридически была упразднена кафедра археологии Средней Азии. Но на самом деле, она продолжала свою работу до конца войны³. Свою деятельность в университете в 1944 г. ученый характеризовал так:

«САГУ не был моим университетом. В нем я сам творю настоящий университет для своих слушателей и будущих учеников»⁴.

Михаил Евгеньевич Массон на протяжении почти тридцати лет возглавлял работу кафедры и воспитал не одно поколение, ныне известных во всем мире ученых-исследователей. Кроме общеобразовательных курсов для студентов-археологов истфака он разработал и читал такие курсы как «Археология Средней Азии», «Нумизматика Средней Азии», «Историческая топография городов Средней Азии». Обязательным было изучение арабского или персидского языка для

¹ Пугаченкова Г.А. Михаил Евгеньевич Массон – основатель Среднеазиатской археологической школы... С. 12.

² Массон М.Е. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении... С. 29.

³ Массон М.Е. Работы кафедры археологии исторического факультета САГУ по изучению материальной культуры Средней Азии эпохи Тимуридов // Труды САГУ. – Ташкент, 1953. Вып. XI.IX. – С. 3-15; Его же. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении... С. 35-36.

⁴ Ртвеладзе Э. Respite post te, или Академик Массон и другие... С. 91.

использования в исследованиях рукописных источников, прочтения легенд на монетах, надписей на могильниках и памятниках архитектуры¹.

Беседуя с людьми, знавшими профессора М.Е. Массона, все больше и больше убеждаюсь в том, что это была невероятно неординарная личность. Дисциплина, выработанная годами, требовательность, и в учебном процессе, и во время полевых работ, которая служила примером для студентов, соблюдалась им во всем. Академик Э.В. Ртвеладзе, ученик М.Е. Массона и Г.А. Пугаченковой, так пишет об этом:

«У Михаила Евгеньевича манера чтения лекций была иной, я бы сказал, более строгой и даже жесткой. Начиная лекцию, он неизменно запирает аудиторию на ключ, и в течение двух часов покинуть ее было невозможно.

Лекции М.Е. Массона по нумизматике Средней Азии и исторической топографии среднеазиатских городов отличались беспрецедентной доскональностью. Михаил Евгеньевич приводил множество фактов из огромного круга источников, древних и средневековых.

Исключительно интересны были и речи М.Е. Массона, которые он изредка произносил на всякого рода юбилейных торжествах. Они отличались торжественностью, некой архаичностью и всегда были оригинальны по содержанию»².

В этом можно убедиться и прочитав его речь, произнесенную в САГУ в 1944 г., в честь 25-летней научной деятельности ученого.

Большую роль в развитии научного мышления у студентов-археологов играл СНАК – студенческий научно-археологический кружок, на заседаниях которого слушались доклады, научные сообщения студентов. М.Е. Массон всегда требовал от студентов активного участия в работе заседания СНАКа и заставлял после каждого выступления определенного студента высказывать свое мнение об услышанном. Это способствовало формированию и развитию творческого мышления и уверенности при выступлении на больших студенческих конференциях. В частности, доклады студентов-членов СНАКа всегда отличались научным содержанием а сами докладчики – уверенностью во время выступления и дискуссий на РАСК* и ВАСК**.

¹ Пугаченкова Г.А. Михаил Евгеньевич Массон – основатель среднеазиатской археологической школы. Ташкент: Университет, 1995. С. 21.

² Ртвеладзе Э. Respite post te, или Академик Массон и другие... С. 88.

* РАСК – Республиканская археолого-студенческая конференция.

** ВАСК – Всесоюзная археолог-студенческая конференция.

Самым важным пунктом в период учебы для студентов-археологов было участие в полевых работах, которые проводились два раза в год – весной и осенью. Все студенты во главе с М.Е. Массоном выезжали на археологические раскопки сначала в составе Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ), а потом в составе Кашкадарьинской археолого-топографической экспедиции (КАТЭ). В экспедициях и студенты, и преподаватели придерживались строго установленной профессор дисциплины, нарушение которого наказывалось.

Вся работа кафедры была подчинена, выработанного годами «своего *credo*», 20-ти положениям¹, послужившего основой среднеазиатской археологической школы. Некоторые из них мы изложим ниже. Первым и принципиально важным было положение: «археолог не должен собирать для себя частной коллекции предметов, являющихся объектами его исследований. Все попавшие к нему археологические вещи, каким бы путем они не поступили, должны войти в общественные музейные собрания, т.е. поступить в специальные научные хранилища тех или иных организаций»². В данном положении чувствуется школа В.Л. Вяткина.

Сам ученый характеризовал созданную им кафедру и археологическую школу так:

«Школу создавал не один ее основоположник, а коллектив кафедры в целом. ... При создании кадров своей школы кафедра главное внимание уделяла их качеству. Никогда не ставилась задача готовить кандидатов в кандидаты наук, а выпускались и выпускаются научные работники, могущие самостоятельно производить исследовательские раскопки и осуществлять научную обработку добытых материалов»³.

На кафедре археологии получила знания целая плеяда ныне известных ученых. Достаточно сказать, что здесь были воспитаны пять академиков различных Академий наук (Ю.Ф. Буряков, Б.А. Литвинский, В.М. Массон, Г.А. Пугаченкова, Э.В. Ртвеладзе). Кафедру археологии закончили в последующем видные исследователи истории Средней Азии и Кавказа – Г.Е. Афанасьев, Е.А. Давидович, А. Кудрявцев, В.Н. Пилипко, Р.Х. Сулейманов, А.С. Сагдуллаев, В.И. Сариниди, В.А. Булатова, М.И. Филанович, М.Н. Федоров, Д.А. Алимова, Ш.Р. Пидаев, Т.К. Мкртычев, среди которых следует особо выделить

¹ Массон М.Е. Среднеазиатская археологическая школа ТашГУ // Труды Среднеазиатского гос. ун-та. Вып. 295. Археология Средней Азии. Ташкент, 1966. С. 3-14.

² Там же. С. 5

³ Там же. С. 11-12.

С.Б. Лунину и З.И. Усманову, последовательно сменивших Михаила Евгеньевича Массона на посту заведующего кафедры археологии и многие годы своей жизни, посвятивших обучению студентов-археологов.

Характеризуя работу кафедры и деятельность М.Е. Массона в нем академик Г.А. Пугаченкова писала:

«Возглавленная им кафедра археологии при ТашГУ, которой он руководил до ухода на пенсию, не просто обеспечивала исторический факультет чтением курса общей археологии, но здесь им и его сотрудниками читался ряд спецкурсов – от археологии Средней Азии до искусства Востока. Обязательным для студентов он сделал ежегодное участие в археологических экспедициях, благодаря чему ко времени окончания университета они уже могли проводить самостоятельные археологические раскопки»¹.

ТАКЭ – первая комплексная экспедиция

М.Е. Массон ни на один сезон не прекращал свою практическую научную деятельность. В 1936 – 1938 годы возглавил Термезскую археологическую комплексную экспедицию (ТАКЭ), охватившую обширный круг памятников древности правобережья Амударьи, от Хатын-Рабата до Старого Термеза. Цель экспедиции заключалась в комплексном изучении этого обширного и древнего городища, в основу которого был поставлен большой круг задач.

Оглядываясь назад и касаясь истории создания ТАКЭ, следует заметить, что идея исследования данного региона родилась еще в 1932 г., когда случайно у заставы Айртам на дне Амударьи были обнаружены большие скульптурные плиты с изображением трех музыкантов. Узнав о находке, Михаил Евгеньевич сразу же выехал к месту обнаружения плит. Осмотрев и изучив местность, ученый определил, что это были фрагменты декора древнего здания периода правления Кушан, представляющие большую художественную и историко-культурную ценность. В 1933 г. М.Е. Массон производит раскопки объекта, которые приводят к открытию остатков буддийского храма со святилищем внутри и статуей Будды.

Результаты произведенных исследований были изложены в докладе на III Международном конгрессе иранского искусства и археологии, проходившем в 1935 г. в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург), имевших большой резонанс, так как обнаруженные фрагменты плит были привезены на выставку в Эрмитаж. Именно это

¹ Пугаченкова Г.А. // Кумбез. 1998. № 1.

открытие молодого ученого Михаила Массона способствовало, по рекомендации маститых ученых, присуждения ему звания доктора археологии без защиты диссертации в 1936 г. В свою очередь, самого М.Е. Массона, полученные им результаты подтолкнули на комплексное исследование правобережья Амударьи, к организации которого он приступил перейдя на основную работу в Узкомстарис¹.

Уместно заметить, что одно из 20-ти положений, выработанных ученым в работе на сколько-нибудь крупных археологических объектах (в частности 4-ый принцип) – принцип обязательного комплексного подхода, а именно «в привлечении специалистов различных дисциплин и профилей, в применении разнообразных приемов методики наблюдения и обработки материалов, в охвате разновременных археологических памятников во всех культурных слоях всех эпох и всех категорий»², который способствовал получению значительных научных результатов.

Вторым новшеством, сформулированным в 10-ом положении³, который применил М.Е. Массоном в работе ТАКЭ, являлся разработанный им метод изучения объекта по растительному покрову. Суть этого метода была такова, что ранней весной на лессовых почвах Средней Азии появляются первые травы-эфемеры, которые очень быстро выгорают, совершив свой растительный цикл. М.Е. Массон обратил внимание на то, что одни из них произрастают на плотной, а другие на более рыхлой почве и предположил, что, может быть, это своего рода разграничение, указывающее где проходят кладки стен, а где лежат рыхловатые завалы помещений. В применении данного метода способствовал интерес М.Е. Массона к ботанике, зародившийся еще в детстве⁴.

Примечательно то, что последним резюмирующим 20-ым положением в списке правил было – «за археологом-исследователем, добросовестно служащим науке, сохраняется при любых условиях право честной ошибки»⁵. К этому последнему его положению, как предтече, можно добавить слова, произнесенные намного раньше:

«... каждый хорошо знает, что в человеке сочетается и хорошее и дурное. В его действиях бывают и светлые и темные поступки. В его работе наряду с полезными результатами немало и потерянного

¹ Пугаченкова Г.А. Михаил Евгеньевич Массон – основатель Среднеазиатской археологической школы. Ташкент: Университет, 1995. – 30 с.

² Массон М.Е. Среднеазиатская археологическая школа ТашГУ ... С. 5.

³ Там же. С. 6.

⁴ Пугаченкова Г.А. Михаил Евгеньевич Массон – основатель Среднеазиатской археологической школы ... С. 15.

⁵ Массон М.Е. Среднеазиатская археологическая школа ТашГУ... С. 11.

времени. Без способности сомневаться и верить, ошибаться и находить правду вряд ли есть хоть один подлинно живой исследователь, творец науки. И кто как не сам автор знает за собой массу недочетов? А сколько недоделанного, не так выполнено, не сделано и надо еще сделать? И как по сравнению со всем этим скромно выглядит то, что оформлено и завершено...»¹.

Если начнем перечислять итоги ТАКЭ, то это займет большой объем, ограничимся лишь перечислением основных открытий. В районе Термеза была обнаружена первая в Средней Азии стоянка каменного века с останками всем известного ребенка неандертальского типа. Непосредственно в Старом Термезе выявлены мощные слои античного времени, что подтверждали находки монет греко-бактрийских царей (III – II вв. до н.э.). Было установлено, что расцвет города падает на Кушанский период (I века н.э.), далее происходит кризис, выход из которого и новый подъем происходят в раннее средневековье, а особенно в X – XII вв.

Весь собранный экспедицией богатый археологический материал был передан Термезскому краеведческому музею. Научные результаты были опубликованы в двух томах под названием «Труды Термезской археологической комплексной экспедиции»².

Большой Ферганский канал

Нельзя говорить о деятельности М.Е. Массона, не затронув организацию и проведения археолого-разведочного надзора во время скоростного строительства Большого Ферганского канала (БФК) в 1939 г. С самого начала выдвинутая инициатива археологического сектора об организации экспедиции на БФК, которую возглавлял М.Е. Массон, встретила упорное сопротивление Узкомстариса. Это было связано с тем, что он должен был возглавить Согдийскую археологическую комплексную экспедицию, разрешения и осуществления которой добивался не один год, и на это бюджетом Наркомфина было выделено 41000 руб. Однако ученый не мог упустить возможности проведения «живого» дела и начались хождения по инстанциям, а параллельно теоретическая и практическая подготовка к выезду в Ферганскую долину. «БФК нельзя было оставить без археологов!»³. «Пущена была в ход казавшаяся остроумной

¹ Ртвеладзе Э. Respite post te, или Академик Массон и другие... С. 89.

² Пугаченкова Г.А. Михаил Евгеньевич Массон – основатель Среднеазиатской археологической школы ... С. 16.

³ Массон М.Е. Из воспоминаний Среднеазиатского археолога. Ташкент: Изд-во литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1976. С. 94.

по содержанию и убийственной по силе фраза о новом археологическом методе доктора археологии Массона: «подглядывание из-под кетменя колхозников»¹. Предстояла невероятно большая и оперативная работа, а именно, без всякого предварительного систематического изучения в археологическом отношении, вести оперативный археологический надзор в восемнадцати районах трех республик – Узбекистана, Киргизии и Таджикистана, по которым должно было проходить 45 дневное строительство БФК, протяженностью 265 км.

Усилия М.Е. Массона не пропали даром. Сам профессор о том, как добился разрешения вспоминает:

«До массового выхода людей на трассу оставалось несколько суток. Времени нельзя было терять. Вопрос о судьбе археологического надзора должен был быть решен немедленно, сегодня или будет поздно!»

Председатель Совета Народных Комиссаров УзССР внимательно выслушав добившегося у него часового приема начальника повисшей в воздухе экспедиции. Поверил. Понял. Поддержал. Днем 26 июля было подписано постановление СНК УзССР за № 1224. Оно утверждало в системе Комитета Наук организацию археологического надзора на БФК с правом израсходования на это из сметы Узбекстанского комитета по охране памятников 41000 рублей. В 8 часов вечера этого же дня, оставив позади пораженных таким оборотом дела администраторов и финансистов Узкомстариса, из Ташкента в сторону Ферганы выехал на приведенной в походное состояние полуторатонке начальник экспедиции (т.е. М.Е. Массон – Ф.Ш.)»².

Совершенно новые по форме организации археологические наблюдения пришлось вести всей экспедиции во главе с М.Е. Массоном, в 12 отрядов которой добровольно за счет летних трудовых отпусков и студенческих каникул вошли археологи и коллекторы. Нужно было одновременно вести наблюдение за работой 130 тысяч землекопов по всему руслу строительства. Кроме того, повсеместно, на всех участках строительства, через обращения по радио, через распространение самолетом листовок на русском и узбекском языках, велась агитационная работа о бережном отношении к археологическим находкам и оказывать содействие членам археологического надзора в их работе. В состав экспедиции входили как известные археологи, так и молодые, в числе которых: В.Д. Жуков, Т.Г. Оболдуева, Я.Г. Гулямов, топограф М.М. Кобанова, архитектор А. Зайнутдинов, фотографы А.И. Литвиненко и Е.Н. Юдицкий и др.

¹ Массон М.Е. Из воспоминаний Среднеазиатского археолога... С. 95.

² Там же. С. 96.

Результаты экспедиции превзошли все ожидания. Начальник экспедиции писал:

«Что мы знали о прошлом Ферганы? ... слабо занимались мы до сих пор Ферганой. ... Памятников материальной культуры в Фергане-то, оказывается, масса. Могли ли мы мечтать о получении археологического разреза через всю Ферганскую долину в 265 км протяжением? А теперь мы его имеем и использовали. ...

Разве может пройти бесследно то, что мы впервые одновременно большим коллективом видели остатки доброй половины из числа 70-ти «даванских городов», о которых раньше знали только по упоминаниям китайских хроник, и положили начало археолого-топографическому изучению на месте свыше десятка ферганских городских центров, некоторые из них даже установив впервые же?

Никогда еще прошлое Ферганы не было изучено так широко и так разносторонне. ... теперь мы знаем Фергану в археологическом отношении достаточно хорошо, чтобы намечать четкие перспективы в планах будущих исследовательских работ на ее территории.

Наконец, экспедиция археологического надзора на БФК оправдала себя и с точки зрения методической. В условиях новостройки «подглядывать из-под кетменя колхозников», оказывается, можно и должно»¹.

Желающих подробнее узнать о ходе работ, мы отсылаем к интересным и увлекательным воспоминаниям М.Е. Массона². Заметим лишь, что работа на трассах БФК было ярким, но кратким эпизодом в жизни неординарного ученого.

ЮТАКЭ

Самым запоминающимся в научной, практической и педагогической деятельности М.Е. Массона, безусловно является то, что с конца 1945 г. он возглавлял Южно-Туркменистанскую археологическую комплексную экспедицию (ЮТАКЭ) – одну из крупнейших, постоянно действующих экспедиций бывшего Союза. С деятельностью ЮТАКЭ связан ряд научных открытий мирового значения, в частности на городищах Нисы и Старого Мерва и прилегающих к ним территориях. Не одно поколение среднеазиатских историков-археологов получили свое «боевое крещение» именно в этой экспедиции, а именно – как вести археологические раскопки, составлять чертежи, определять датировку находки, быть дисциплинированными, писать

¹ Массон М.Е. Из воспоминаний Среднеазиатского археолога... С. 173-175.

² Массон М.Е. Археолог на строительстве Большого Ферганского канала в 1939 г. / Из воспоминаний Среднеазиатского археолога... С. 88-175.

научные статьи, уметь правильно излагать свои мысли и т.д. В этом отношении М.Е. Массон, по рассказам участников экспедиции, был весьма требовательным руководителем.

Мы не будем подробно останавливаться на работе экспедиции, так как научные и научно-популярные публикации об этом говорят сами за себя¹. Научные результаты беспрецедентной не только в масштабе бывшего Союза, но и в масштабе мировой археологии экспедиции – ЮТАКЭ нашли отражение в двух выпусках «Материалов ЮТАКЭ» и в 18-ти томах «Трудов ЮТАКЭ». Основной вклад М.Е. Массона заключался, прежде всего, в организации работы экспедиции, в создании отдельных комплексных отрядов по определенным направлениям работ: по эпохе каменного века, по периоду от энеолита до раннежелезного века, по изучению двух крупнейших городов античного и средневекового периодов (Ниса и Мерв), историко-архитектурный, этнографический, по исследованию древних торговых путей. Руководили отрядами, как опытные специалисты, так и подающие большие надежды молодые ученые².

К 25-летию экспедиции были опубликованы очерки воспоминаний участников ЮТАКЭ, рассказывающие о принципах воспитательной работы Михаила Евгеньевича Массона, о процессе подготовки молодых специалистов, о порядке проведения полевых исследований, о бытовой лагерной жизни экспедиции, которых строго придерживались «ютакинцы»³. Примечательно то, что на стене большого помещения бывшей конюшни, приспособленного для жилья ютакинцев, висел лозунг древнеримского изречения: «I, simper melius eris!» – «Ступай (вперед), всегда будешь становиться лучше»⁴.

КАТЭ

В 1963 г. под руководством М.Е. Массона началась работа КАТЭ – Кешской археолого-топографической экспедиции в Кашкадарьинской области республики, в составе которой также работали студенты и аспиранты кафедры археологии ТашГУ. Одна из главных

¹ Перечень опубликованных работ и материалов по тематике Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. К XXV-летию ее деятельности. 1946-1970. Ашхабад, 1970. – 41 с. В перечне указано 527 публикаций. По материалам ЮТАКЭ ее участниками защищено 15 диссертаций, из которых 13 на соискание ученой степени кандидата исторических наук, одна – доктора исторических наук и одна – доктора искусствоведения.

² Пугаченкова Г.А. Михаил Евгеньевич Массон – основатель Среднеазиатской археологической школы... С. 24.

³ Стиль работы и полевой быт Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (воспоминания участников). Ашхабад, 1972. – 106 с.

⁴ Там же. С. 6.

задач экспедиции состояла в составлении исторической топографии городов и историческая география долины Кашкадарьи. Научные результаты экспедиции, которые проводились до 1966 г. включительно, нашли отражение в книге М.Е. Массона «Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен», опубликованной в 1973 г.

Вспоминая о своем учителе и о последней экспедиции Михаила Евгеньевича, один из лучших его учеников академик Э.В.Ртвеладзе пишет:

«Эти вопросы (т.е. составлении исторической топографии городов – Ф.Ш.) всегда являлись, можно сказать, основными в исследованиях экспедиций, руководимых М.Е. Массоном, для которого был характерен широкий и, по возможности, полный охват во времени и пространстве ... Поэтому зачастую при небольших средствах и сравнительно малых сроках полевых работ он добивался такого объема работ и получения таких новых фактов, каковых не могли достичь другие экспедиции»¹.

В 1966 г. в рамках данной экспедиции 69-летним М.Е. Массон совершил свой последний, как оказалось потом, экспедиционный маршрут вместе с Э.В. Ртвеладзе с целью выявления археологических памятников. Это было в июне месяце, и проехать им нужно было из Карши через Касан на северо-запад, в пустынную зону (пески Сундукли), расположенную между Карши и Бухарой. Академик Э.В. Ртвеладзе вспоминает об этой поездке со всеми приключениями так:

«В маршрут выехали ... рано утром – в 5 часов 30 минут ... Михаил Евгеньевич сидел в кабине машины, я – наверху в кузове, где неизменно болтало, тем более дорога – разве это дорога! была очень трудной, да и машина – какой-то пыхтящий и сопящий грузовичок, если быть точнее – ГАЗ-53, но на удивление двигавшийся всю поездку без поломок. А археологические памятники в этой, казалось бы, совершенно безводной зоне мы все-таки нашли...

Осмотрев этот памятник, мы двинулись дальше и совсем заплутали, никакой дороги, конечно же, не было – везде барханы с редкими прогалинами. Да к тому же жара стояла жуткая, выше + 40° в тени, на солнце, значит, более + 60°, а где она, тень, в песках? Через некоторое время машина вдруг останавливается, и Михаил Евгеньевич, высунувшись из окна кабины и обращаясь ко мне, говорит: «Смотрите, Эдди (так всегда называл Э.В. Ртвеладзе М.Е. Массон – Ф.Ш.), там впереди какой-то кишлачок, я вижу даже деревья». Но я,

¹ Ртвеладзе Э.В. Вспоминая былое. Книга 1. – Ташкент, 2012. С. 143.

сколько ни всматривался, никакого кишлака не видел, и тогда стало ясно, что Михаил Евгеньевич видел мираж – нередкое явление в условиях пустынь Средней Азии. Через некоторое время то же испытал и я»¹.

* * *

Возвращаясь в сороковым годам, хотелось привести один из биографических эпизодов из жизни Михаила Евгеньевича, изложенных в воспоминаниях супруги ученого – Г.А. Пугаченковой:

«В 1943 г. на базе существовавшего в Ташкенте Узбекского филиала Академии наук Узбекской ССР (УзФАН) была основана Академия наук Узбекистана ... В списке рекомендованных ими к избранию в состав академиков и членов-корреспондентов одним из первых был назван М.Е. Массон, как высокоавторитетный исследователь, а к тому времени ведущий археолог. Однако избран он не был – во многом из-за своего независимого характера. У него сложились крайне напряженные взаимоотношения с президентом (Академии наук Узбекистана – Ф.Ш.) Т.Н. Кары-Ниязовым из-за критического отношения к возглавлявшимся последним работы по вскрытию в 1941 г. захоронений Темура и Темуридов в Гур-Эмире, а еще ранее – различию некоторых позиций по поводу обсерватории Улугбека. Этого было достаточно, чтобы и в УзФАН, и в созданную Академию наук путь для Массона был закрыт»².

Однако данный эпизод и другие научные разногласия М.Е. Массона с коллегами ни коим образом не помешали настоящему ученому сделать многочисленные археологические открытия на территории Средней Азии.

* * *

В общей сложности М.Е. Массон участвовал в 80 полевых экспедиционных маршрутных и стационарных археологических работах на территории среднеазиатских республик и Казахстана.

Профессор М.Е. Массон – автор свыше 290 научных публикаций по истории горного дела металлургии, гидрологии и метеорологии Средней Азии, исторической географии и археологической топографии среднеазиатских городов, истории местной архитектуры, изобразительного и прикладного искусства, вопросов нумизматики и

¹ Ртвеладзе Э.В. Вспоминая былое. Книга I... С. 151.

² Пугаченкова Г.А. Михаил Евгеньевич Массон – основатель Среднеазиатской археологической школы ... С. 22.

эпиграфики и т.д. Под его редакцией вышли в свет 30 сборников научных трудов и монографий.

В течении нескольких десятилетий (1930 – 1950-е годы) успехи археологического изучения Узбекистана периодически отражались в историографических статьях М.Е. Массона¹. Среди всех работ историографического характера, посвященных истории археологии Узбекистана, заслуживающим особого внимания является очерк М.Е. Массона, освещающий краткую историю археологического изучения региона, начиная с середины XIX века и вплоть до середины 50-х годов XX века². Автор очерка обратил свой взор в более ранний период (с древнейших времен), рисуя общую картину того, как обстояло дело в собирании и коллекционировании старинных предметов при дворах тех или иных правителей Востока, одновременно сравнивая это положение с Европой. Кроме того, работа отличается фундаментальностью и анализом исследований. Фактически, она восполнила все те пробелы, которые существовали в предыдущих историографических публикациях по археологии. Автор предложил свою периодизацию развития археологии в Средней Азии: 1) археологические исследования с конца XIX в. по 1917 год; 2) исследования советского периода. В частности, составлена периодизация развития археологии в Узбекистане, начиная со второй половины XIX в. до 1917 года – отдельный исторический отрезок времени, который делится на два этапа: 1) со второй половины – до середины 90-х годов XIX в.; 2) с середины 90-х годов до 1917 года. Исследования советского периода М.Е. Массон обозначил с 1917 года по 1950-е годы XX в., который разделил на пять этапов развития археологии Центральной Азии, и в частности Узбекистана: 1) 1917 – 1920 гг., 2) 1921 – 1929 гг., 3) 1929 – 1941 гг., 4) 1941 – 1945 гг., 5) 1945 – 1950-е годы.

Ученый также вел исследования по периодизации не только археологических исследований, но древней и средневековой истории Средней Азии, определением монетных находок, обнаруженных в разное время на территории Узбекистана и Туркмении.

Он является участником многих Союзных и Международных форумов, в которых выступал с докладами о развитии и новых

¹ Массон М.Е. Археологическая наука в Узбекистане за последние годы (1933-1935) // Социалистическая наука и техника (СОНАТ). Ташкент, 1936. С. 47-52; Он же. Археологические исследования в Узбекистане» // Наука в Узбекистане за 15 лет. (1924-1939). Ташкент, 1939. С. 110-120.

² Массон М.Е. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении...

теоретических и прикладных задачах истории и археологии Средней Азии¹.

29 июня 1951 г. М.Е. Массон был избран действительным членом Академии наук Туркменской ССР, а в последующем удостоен званий заслуженно деятеля науки Туркменской и Узбекской ССР.

В 1967 г. за заслуги в изучении истории горного дела и оказания помощи местным краеведам и музейным работникам М.Е. Массон был удостоен звания почетного гражданина города горняков Ахангарана. Награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Созданная М.Е. Массоном среднеазиатская археологическая школа продолжает жить и сейчас, и так называемые воспитанники этой школы и в настоящее время ведут научные исследования в различных направлениях исторической науки не только в Узбекистане, но и в других регионах бывшего Союза.

М.Е. Массон свыше шестидесяти лет своей богатой жизни посвятил служению исторической науки Центральной Азии, в том числе Узбекистана. За это время ему пришлось работать во всех республиках региона. Он являлся образцом нового типа ученого-историка-археолога, сочетавшего прекрасные знания специфики археологических исследований и их исторической интерпретации с использованием сведений письменных источников, нумизматических и других данных.

Еще в 1944 г. ученый в своем выступлении в наставлении молодым говорил:

«Разрешите, как Катону, и при этом случае еще раз повторить молодежи свое credo:

I. Недостаточно ставить себе как самоцель получение ученых степеней, – титулы и звания придут вслед за трудом сами собой.

II. Основная цель исследователя – подлинное служение Науке, а не обращенье ее в служанку.

Помните глубоко справедливые слова, сказанные в IX веке незаурядным правителем Ирана и Средней Азии Абдаллахом ибн Тахиром, что «науку следует предоставлять всякому... – наука сама сумеет позаботиться о себе, чтобы не остаться у недостойного».

И никакими званьями и титулами ее не задержать.

Будьте достойными Науки, – и без административных чародейств она от вас не уйдет. Коль скоро вы на первый план будете

¹ М.Е. Массон участник: III конгресса по иранскому искусству и археологии (Москва – Ленинград, 1935); XXV Международного конгресса востоковедов (Москва, 1960); I Всесоюзного археологического совещания в Москве (конец февраля – начале марта 1945 г.).

ставить интересы дела и Науки, – у вас никогда не появится в трудных случаях жизни при выборе решений ни сомнений, ни страхов, ни искаженной «мышинной» перспективы, будто «сильнее кошки зверя нет». Будьте всегда львятами и львами у трона Науки!»¹.

В пожилом возрасте при встрече с молодежью, Михаилу Евгеньевичу часто задавали вопрос – когда, под влиянием чего у него пробудился интерес к среднеазиатской археологии? Чтобы удовлетворить горячий интерес молодежи, М.Е. Массон создает специальную научно-популярную работу под названием «Из воспоминаний среднеазиатского археолога»², куда вошли воспоминания о трех разновременных экспедициях по Узбекистану в 20 – 30-е годы. Содержание этой очень увлекательной и интересно изложенной книги таково: 1) Рождение среднеазиатского археолога; 2) Археологическая разведка Главного среднеазиатского музея в Тойтюбе под Ташкентом в 1928 г.; 3) Археологическая разведка Айрытама на берегу Аму-Дарьи в 1933 г.; 4) Археолог на строительстве Большого Ферганского канала в 1939 г.

В 1967 г. в возрасте семидесяти лет Михаил Евгеньевич вышел на пенсию, но продолжал научную деятельность, готовил очередные тома «Трудов ЮТАКЭ», писал статьи, участвовал в работе Республиканского общества охраняя памятников истории и культуры. Не терял связи и с сотрудниками кафедры археологии, аспирантами, студентами, учениками, принимая их у себя дома. Однако, годы брали свое и 2 ноября 1986 г., не дожив одного года до своего девяностолетия, Михаил Евгеньевич Массон скончался.

Уникальная библиотека М.Е. Массона, где хранилось множество редких туркестанских изданий конца XIX в. и начала XX в., после кончины ученого была приобретена Министерством культуры Узбекистана, впоследствии переданная Главному Управлению по охране памятников истории и культуры Узбекистана, где хранится по сей день.

Несмотря на очень богатую и бурную научную деятельность, большое число публикаций, каких-либо обобщающих научно-исторических работ, посвященных жизни и научной деятельности Михаила Евгеньевича Массона еще не написано, как и не написаны и художественные произведения о нем, за исключением брошюры Г.А. Пуга-

¹ Ртвеладзе Э. Respite post te, или Академик Массон и другие... С. 92.

² Массон М.Е. Из воспоминаний среднеазиатского археолога. Ташкент: Изд-во литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1976. – 176 с.

ченковой¹ и книги «Вспоминая былое» Э.В. Ртвеладзе². До этого была предпринята попытка известного писателя В. Амлинского, который под впечатлением встречи с М.Е. Массоном на раскопках городища Старого Мерва отобразил свой взгляд на ученого и написал художественное эссе «Профессор». Будем надеяться, что создание книги, отражающего жизнь и научную деятельность столь значимого ученого, истинного профессора еще предстоит.

Историк и археолог Яхъя Гулямович Гулямов и его вклад в развитие науки

*Если мы не сохраним историю,
будущее поколение нам этого не простит.
Яхъя Гулямов*

* * *

*Люблю страницы древних книг
Их шелест робкий в тишине.
Доносит слово, плач и крик
Как будто эхо старины.*

*Я погружаюсь вглубь веков,
Листая старые тома.
Последний лист – резная дверь
Вдруг в прошлое затворена³.*

Первый археолог-узбек, известный специалист по древней истории Средней Азии, организатор науки, педагог Яхъя Гулямович Гулямов родился 1 мая 1908 г. в махалле Акмечеть города Ташкента. Его отец Гулям Махсум был учителем медресе Ходжа Ахрара, мать Сорахон-отин – учительницей. У Гулям Махсума было шестеро детей – Эшонхон, Одилкори, Яхъя, Саид Ахмад, Акромхон и Рокия. Чтобы помочь мужу прокормить большую семью, Сорахон-отин держала у

¹ Пугаченкова Г.А. Михаил Евгеньевич Массон – основатель Среднеазиатской археологической школы. Ташкент: Университет, 1995. 30 с.;

² Ртвеладзе Э.В. Вспоминая былое. Книга I. Ташкент, 2012. – 158 с.

³ Из четырехсерийного документального фильма «Умр дафтари». Мы благодарим Лолу Мухитдинову (внучку поэтессы Зульфии) за перевод стихов с узбекского языка.

себя дома мактаб для девочек. В махалле она считалась самой образованной женщиной и пользовалась большим уважением¹.

В 1918 г. после смерти отца десятилетний Яхъя остался на иждивении матери, а с 1921 г. воспитывался в детском доме-интернате, где получили образование многие представители местной интеллигенции. Примечательно, что однажды при встрече со студентами в ответ на вопрос – «Кто был Вашим первым учителем?», Я. Гулямов ответил: «*Моим первым учителем была моя мать, ее образ всегда передо мной, и всегда в моей памяти*»². Благодаря матери уже в 7 – 8-летнем возрасте Яхъя Гулямов свободно читал книги на арабском и персидском языках.

По окончании шестого класса школы в 1923 г. он продолжил учебу в Узбекском мужском институте просвещения в Ташкенте (Узинпрос), который окончил в 1926 г. К 1930 г. Я. Гулямов окончил также общественно-экономическое отделение Узбекского государственного педагогического института в Самарканде³.

В период учебы в Самарканде Я. Гулямов посещал лекции таких известных ученых, как П. Салиев, М. Саиджанов, В. Вяткин и др., которые оставили в его памяти неизгладимые впечатления. В последующем, вспоминая эти времена, Я. Гулямов характеризовал Пулата Салиева как знатока арабского, фарси и турецкого языков, глубоко изучившего письменные источники по истории Средней Азии. Именно лекции П. Салиева во многом определили его интерес к истории региона. Пулат Салиев будучи первым узбекским историком, являлся ярчайшей фигурой в начуной общественности того периода. Как один из наставников Я. Гулямова – П. Салиев ввел молодого студента в историческую науку, оказывал всемерную поддержку, в том числе и финансовую в годы учебы в Самарканде.

Однако наибольшее влияние на исследовательские интересы Яхъя Гулямова, в археологическом и востоковедческом направлениях, оказало знакомство с Василием Лаврентьевичем Вяткиным, известным знатоком Самаркандских памятников и археологом, обратившим внимание на любознательного студента, задававшего множество вопросов после каждой лекции.

Первая встреча Я. Гулямова с В.Л. Вяткиным произошла еще в 1921 г. во время экскурсии в Самарканд учеников 8-интерната Ташкента. Позже он вспоминал:

¹ Мухаммаджонов А. Яхё Гуломовни хотирлаб. Тошкент: Шарқ, 2000. Б. 4–5.

² Академик Ахё Гуломов. Тошкент, 1998. Б. 4.

³ Биобиблиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана / Составитель Б.В. Лунин. Ташкент: Фан, 1976. С. 180.

«В августе 1921 года некоторую часть воспитанников повезли на экскурсию в Самарканд, среди которых был я, будущий кинорежиссер Наби Ганиев, несколько учителей. Тогда нас разместили в ташкари (мужская часть дома) Усманбая в махалле Кошховуз. Тогда к Юсуфу Алиеву (преподаватель. – Ф.Ш.) часто приходил русский человек – высокий, с широким лбом, с лысиной на голове, в очках, примерно лет пятидесяти. Одет он был в солдатские ботинки с толстой подошвой, сильно изношенные и выцветшие светлые брюки и рубашку-каламинку с четырьмя карманами, а на голове плотная фуражка. Руки у этого человека были с выступающими венами как у кузнецов, пальцы огрубевшие и очень крупные»¹.

Однако эта первая встреча оставила далеко не приятное впечатление у тринадцатилетнего Яхьи. В немалой степени этому также способствовало то обстоятельство, что при представлении В.Л. Вяткина ученикам интерната была названа его прежняя деятельность в качестве заместителя военного губернатора области и миссионера.

Позднее, уже в период студенчества в Самарканде, узнав, что лекции по курсу «История мусульманского Востока» будет читать В.Л.Вяткин, Я. Гулямов вместе с другими студентами обратились к директору института профессору Меркуловичу с выражением недовольства. Однако их позиция в корне изменилась сразу же после первой лекции В.Л. Вяткина².

Таким образом, очевидно, именно В.Л. Вяткин был тем человек, который постепенно пробудил интерес Я. Гулямова к археологии, день за днем, поэтапно, раскрывая юному студенту премудрости археологической науки. Одновременно В.Л. Вяткин регулярно снабжал своего протеже уникальными историческими произведениями Мухаммада Джарира Табари, Мухаммада Наршахи, Жувайни и других средневековых летописцев, приобщая его, таким образом, к богатейшему письменному историческому наследию.

Педагогическая деятельность Яхьи Гулямова началась в 1929 г. там же в Самарканде в качестве ассистента открывшегося при Самаркандском педагогическом институте кабинета истории Средней Азии. На эту должность Я. Гулямова рекомендовали П. Салиев, В.Л. Вяткин и А. Фитрат. В 1931 г. он был принят на работу преподавателем Педагогического техникума в Ташкенте. Одновременно с этим он проходил обучение в аспирантуре Узбекского научно-исследовательского института при Совнарком УЗССР.

¹ Фуломов Я.Ф. В.Л. Вяткин ҳақида хотиралар // ОНУ. 1969. № 11. С. 45. (Перевод воспоминаний с узбекского осуществлен автором данной работы).

² Там же. С. 46.

Первые научные публикации Я. Гулямова, посвященные изучению и сохранению памятников материальной культуры Узбекистана¹, истории ремесла², проблеме спасения северо-восточного минарета медресе Мирзо Улугбека в Самарканде³ и другие⁴, стали появляться в начале 1930-х годов.

С 1933 по 1940 г. Я. Гулямов работал в должности научного сотрудника и ученого секретаря Узбекистанского комитета по охране памятников старины и искусства (Узкомстарис). Здесь собственно и началось его систематическое участие в различных археологических экспедициях и разведках, в частности, в экспедиции М.Е. Массона на городище Айртам⁵, где он прошел большую практическую школу. В 1936 г. в отрогах Султан-Уиздага (Хорезм) Я.Г. Гулямов провел первые самостоятельные археологические изыскания. С 1938 г. ученый принимал участие в работе Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (ХАЭЭ) Института истории материальной культуры АН СССР под руководством С.П. Толстова. *Очевидно, в эти годы и сформировался его интерес к истории и культуре древнего Хорезмского оазиса.*

С 1940 г. Я. Гулямов – сотрудник Узбекистанского филиала Академии наук СССР – сначала в качестве заведующего отделом археологии, а с 1943 г., с созданием Академии наук Узбекистана – заведывал отделом истории древних и средних веков при вновь созданном Институте истории и археологии АН УзССР. С ноября 1956 г. по октябрь 1959 г. Я. Гулямов исполнял обязанности директора данного института.

¹ Гулямов Я.Ф. Ўзбекистондаги моддий маданият обидаларини сақлаш ва ўрганиш йўлида // Моддий маданият обидаларини сақлаш ва ўрганиш Ўзбекистон кўмитаси. Материаллар. 9-тўплам. Тошкент, 1934; Его же. Ўзбекистонда қадимий обидаларни ўрганиш // Социалистик фан ва турмуш. Тошкент, 1939. № 1. Б. 20–22; Его же. Тарихий обидалар (Самарқанд ва Бухоронинг тарихий-меъморчилик обидалари) // Социалистик фан ва турмуш. Тошкент, 1939. № 12. Б. 23–25.

² Гуломов Я.Ф. Ёғоч ўймакорлиги санъати тарихидан // Машъал. Тошкент, 1935. № 3. Б. 20–22.

³ Гуломов Я.Ф. Мирзо Улуғбек мадрасасининг шимолий-шарқий (қулаётган) минорасини тўғирлаш // Социалистик фан ва турмуш. Тошкент, 1938. № 11–12. Б. 22–24; Его же. Миноранинг таъмирланиши. (Самарқанд) // Социалистик фан ва турмуш. Тошкент, 1939. № 11. Б. 32–33.

⁴ Гуломов Я.Ф. Қадимият изларидан (Кўба-Товдаги қадимий Хоразм зардуштийлар қабристони қазилмалари) // Гулистон. Тошкент, 1937. № 4. Б. 6–8; Его же. Қадимий Пойканд // Гулистон. Тошкент, 1939. № 11. Б. 32–33.

⁵ Гуломов Я.Ф. Қизилқумда (Хоразмнинг қадимий суғорилиш тарихидан) (1939 й. қазилмалар бўйича) // Гулистон. Тошкент, 1939. № 6. Б. 31–33; Его же. Қизилқумдаги қадимий маданият излари // Социалистик фан ва турмуш. Тошкент, 1939. № 7–8. Б. 39–41; Хоразмнинг суғорилиш тарихидан // Гулистон. 1940. № 8–9. Б. 16–18.

Параллельно с научной Я. Гулямов осуществлял и преподавательскую деятельность, в частности, в Ташкентском государственном педагогическом институте им. Низами (ныне ТГПУ им. Низами), где читал лекции по истории Узбекистана и археологии.

Достаточно разносторонней была сфера научных интересов Яхъи Гулямовича, однако, доминирующими направлениями оставались проблемы истории орошения Узбекистана с древнейших времен до середины XX века, а также истории древнего общества Средней Азии.

В 1943 г. Я. Гулямов под научным руководством С.П. Толстова защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме: «Хива и ее памятники».

В 1950 г. он уже защитил докторскую диссертацию на тему: «История орошения Хорезма с древнейших времен до настоящих дней». Впоследствии эта работа была издана отдельной монографией (в 1957 г. – на русском¹, в 1959 г. – на узбекском языках), которая не утратила своей научной значимости и по сей день. По сути, данное исследование явилось первой попыткой последовательного освещения на основе археологического материала истории возникновения и развития системы орошения в низовьях Амударьи с древнейших времен до 50-х годов XX в.

Важной составляющей указанной работы, наряду с археологическими материалами, стали сведения письменных источников. Сопоставляя материалы источников, Я. Гулямов попытался ответить на ряд вопросов, основной среди которых: «Почему страна, располагавшая в древности огромной земельной площадью, громадными, удобными для орошения водными ресурсами Аму-Дарьи, не смогла выйти из состояния земельной тесноты ...»².

В процессе работы с письменными источниками, в частности, с произведением хивинского хана Абулгази «Шаджара-и турк» («Родословное древо тюрков»), Я. Гулямов внес существенные коррективы в вопросе полноценного авторства. Известно, что Абулгази-хан в связи с болезнью завещал завершить свой труд своему сыну и преемнику Ануша-хану. Сопоставив различные списки рукописи, ученый пришел к заключению, что сочинение «Шаджара-и турк» было завершено не Ануша-ханом, как считалось прежде, а по поручению последнего «неким Махмуди бин Мухаммед Заманом Ургенджи». Более того, не только продолжено, но и «в значительной степени дополнено с

¹ Гулямов Я.Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957.

² Там же. С. 7.

введением новых глав». Несмотря на это, Я. Гулямов констатировал, что «самая ценная и самая основная часть этого труда принадлежит именно перу самого Абулгази»¹. Тем самым исследователь внес значимые коррективы относительно истории создания этого ценнейшего исторического произведения, посвященного истории Хорезма.

Как отмечалось Я. Гулямов построил свои исследования на основе сопоставления сведений письменных источников с результатами археологических работ. Так, работая в составе Хорезмской археолого-этнографической экспедиции под руководством С.П. Толстова, начатой в 1936 г., он осуществлял археологическую разведку Южного Хорезма. В течение восьми лет он осуществлял археологический надзор на строительстве Ташсакинского и Суанли-Ленин-ябского магистральных каналов, наблюдая за процессом чистки отдельных каналов и строительства железнодорожной линии Чарджоу–Кунград, где ученому удалось собрать, постоянно беседуя с местным населением и строителями, сведения по многим аспектам ирригации региона². В результате систематизации сведений письменных источников, народных преданий, материалов археологических работ, Я. Гулямову удалось собрать и обобщить значительный материал, результатом чего и явилась фундаментальная научная монография «История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней».

Важность данной работы была среди прочих особо отмечена руководителем Хорезмской археолого-этнографической комплексной экспедиции С.П. Толстовым:

«Работа Я.Г. Гулямова является крупным разработку одного из важнейших – по моему мнению, самого важного вопроса истории материальной культуры, точнее – истории хозяйства народов Хорезма и Средней Азии в целом. Я.Г. Гулямов не только обобщает весь этот огромный материал (имеется в виду новый материал, накопленный естественниками, инженерами-ирригаторами, археологами и историками. – Ф.Ш.), подвергая его критическому пересмотру – что одно было бы достаточным основанием для настоящей необходимости публикации его книги. Он поднимает новый большой материал первоисточников. В течение долгих лет Я.Г. Гулямов работал заместителем начальника Хорезмской экспедиции, которая, как он правильно отмечает, внесла значительный вклад в историю древней ирригации Хорезма. Очень значительная часть этого вклада принадлежит непосредственно Я.Г. Гулямову. Им, кроме того, прове-

¹ Гулямов Я.Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней... С. 12.

² Там же. С. 16.

дена огромная историко-этнографическая собирательная работа – у местного населения, особенно у старых мирабов, собран интереснейший, исключительно важный материал по ирригации Хорезма XIX – начала XX века. Наконец, весьма важное значение представляет введение Я.Г. Гулямовым в научный оборот целого ряда новых, неизвестных хивинских письменных источников (надо особо отметить практически до сих пор неизвестный труд последнего хивинского хрониста Баяни, хивинскую агиографическую литературу, неопубликованные вакуфные документы и др.), а также использование под новым углом зрения ранее известных источников (Мунши Агахи, Абулгази и др.) ... »¹.

Исследователь Т. Ширинов, характеризуя научную деятельность Я. Гулямова, отмечал следующее:

«Изучая его исследования, я могу утверждать, что домла Яхъя Гулямов сделал много научных открытий и научных подвигов. На примере Хорезма домла представил всю картину истории орошения Средней Азии с древнейших времен до наших дней»².

В марте 1955 г. Я. Гулямову было присвоено звание профессора. Уже через год, т.е. 5 октября 1956 г., он был избран членом-корреспондентом АН Узбекистана, а 25 февраля 1966 г. – действительным членом национальной Академии наук. В июне 1958 г. Я. Гулямову присвоено звание заслуженного деятеля науки Узбекистана.

Известный среднеазиатский археолог, коллега Я. Гулямова – В.А. Шишкин особо подчеркивал, что «Я.Г. Гулямов из рядового научного сотрудника вырос в маститого ученого, хорошо известного своими научными трудами по археологии»³.

Другой близкий соратник и коллега Я. Гулямова проф. Х.З. Зияев в своих воспоминаниях отмечает:

«... Домла Яхъя Гулямов был для всех нас примером. Он был наставником не только для меня, но и для всех молодых исследователей. Он был очень скромным, смелым, щедрым и гостеприимным человеком и пользовался большим уважением. Я познакомился с Яхъя-ака в 1946 году и до конца его жизни вместе работал в одном институте. Его жизнь и научную деятельность я могу разделить на три периода. ... Но, прежде всего, Яхъя Гулямов был первым археологом-

¹ ЦГА РУз, ф. 2883, оп. 1, д. 31, л. 1–3.

² Из четырехсерийного документального фильма «Умр дафтари». 1-я серия.

³ Протокол № 1 заседания Ученого совета Института истории и археологии АН УзССР от 4 января 1966 г. – Архив АН Узбекистана. С. 3–4.

узбеком, ставшим кандидатом и доктором наук, и основоположником узбекской археологической науки»¹.

Во второй половине 60-х годов XX в. в Узбекистане археологические изыскания обретают широкий размах. Этому способствовало создание в Институте истории и археологии АН РУз, вероятно, усилиями Я. Гулямова, двух отделов: 1) по изучению эпохи камня и бронзы, 2) по изучению истории орошения. Деятельность новых отделов дополнила и расширила круг научных направлений отдела археологии данного института. Исследования велись, в частности, по изучению древних и средневековых городов, поселений, культовых сооружений, могильников. Кроме того изучались стратиграфия, топография вышеназванных объектов².

В эти годы под руководством Яхъя Гулямовича продолжались интенсивные археологические работы на городище Афрасиаб в Самарканде, для сохранения целостности площади которого ученый приложил немало усилий (см. далее). Масштабные стационарные исследования на городище проводились археологами Академии наук Узбекистана, Самаркандского и Ташкентского государственных университетов, Института искусствознания, в результате которых был осуществлен значительный научный прорыв в данном направлении³.

Наряду с академической деятельностью Я. Гулямов не забывал и об учебном процессе. Так, в 1969 г. в соавторстве с Р.Н. Набиевым был издан учебник по истории для 7-х и 8-х классов восьмилетних школ на узбекском языке⁴. А к 1971 г. данное учебное пособие выдержало четвертое исправленное издание и было переведено на русский язык⁵.

Возвращаясь к научным исследованиям Я. Гулямова по истории орошения Узбекистана, следует указать, что они имели большое народнохозяйственное значение, способствовали выявлению крупных земельных массивов древнего искусственного орошения, пригодных для этой цели и в наши дни: это западная часть Бухарского оазиса, низовья реки Кашкадарья, район Нурата и др.

¹ Из четырехсерийного документального фильма «Умр дафтари». 1-я серия.

² Гулямов Я.Г. Некоторые итоги археологических работ в Узбекистане в 1967 – 1968 гг. // ИМКУ. Ташкент: Фан, 1972. Вып. 9. С. 3–10.

³ Гулямов Я.Г. Об археологических исследованиях на городище Афрасиаб в 1967 – 1968 гг. // Афрасиаб. Ташкент, 1969. Вып. I. С. 268–293 (в соавторстве с Ю.Ф. Буряковым).

⁴ История Узбекской ССР. Учебник для 7 и 8 классов восьмилетних школ. Ташкент: Укитувчи, 1969. – 108 с. (в соавторстве с Р.Н. Набиевым).

⁵ История Узбекской ССР. Учебное пособие для 7–8 классов школ Узбекистана / Перевод с узбекского. Изд. 4-е, исправленное. Ташкент: Укитувчи, 1971. – 94 с. (в соавторстве с Р.Н. Набиевым).

В последующие годы научной деятельности Я.Г. Гулямов руководил археологическими отрядами, исследующими стоянки времен палеолита, неолита, энеолита и бронзового века в низовьях Зарафшана и в других районах Узбекистана. В ходе этих работ установлен, например, исторический возраст города Бухары. Результатом исследований была публикация книги «Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана»¹, в которой ученый был одним из авторов и редактором. В рецензии на данную работу отмечалось, что выхода монографии «с таким нетерпением ждали не только археологи Средней Азии, но и специалисты по истории широкой зоны степей Евразии ... Выход книги ... является крупным научным событием ... открытие культуры на Махандарье – огромным достижением авторов»², так как в работе были затронуты важные научные проблемы.

С именем Я.Г. Гулямова связаны, в частности, первоначальные раскопки ныне широко известного могильника Заман-Баба (заманбабинской энеолитической культуры степного типа) в районе западнее Бухарского оазиса.

Ученик Я. Гулямова, ныне академик АН Узбекистана А. Мухаммеджанов, вспоминая об этих годах, писал:

«После Хорезмской археологической экспедиции домла организовал новый отряд из молодых, только вступающих на научное поприще ребят, куда входил и я, и начал исследование южных районов Узбекистана. Цель работы состояла в выявлении первобытных стоянок в низовьях Зарафшанской долины. Мы приехали на археологический объект, где произошел интересный момент. Домла поднялся на холм, и указывая рукой, стал показывать: «здесь был древний город, там были городские стены, вон там была цитадель, городские ворота находились с этой стороны, дальше был хауз (водоем. – Ф.Ш.)». Я удивился и подумал про себя: «Домла всезнающий гений что ли (домла луқмонмилар)». Однако не решился задать вопрос – «Откуда Вы это знаете?»».

Через два года в очередной сезон археологических раскопок мы поехали в Ромитанский район Бухарской области. Там мы наняли рабочих из местного населения, среди которых был мужчина постарше по имени Ешпулат. Этот мужчина стал объяснять молодым парням-рабочим, что Гулямов-домла – инженер, имеет большую подзорную трубу, наблюдая через которую из Ташкента выявляет

¹ Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент: Фан, 1966 (в соавторстве с У Исламовым и А. Аскарковым).

² Советская археология. М., 1968. № 2. С. 302.

места для поиска. Если он говорит «Копайте, здесь есть золото», значит так оно и есть»¹.

Яхъя Гулямович непосредственно участвовал и в археологическом исследовании древнего Ташкента. В частности, он возглавлял Ташкентский археологический отряд, созданный в 1967 г. на базе Института истории и археологии АН Узбекистана, в связи с ликвидацией последствий землетрясения 1966 г. Подавляющее большинство данного отряда составляли женщины-археологи, хотя Я. Гулямов не очень приветствовал их участие в археологических экспедициях, видимо, из-за тяжелых условий полевых работ, негативно влиявших на их здоровье.

Цель первого этапа работ Ташкентского отряда заключалась в оказании так называемой «скорой помощи» обреченным на гибель и исчезновение памятников древней культуры Ташкента, на основе изучения которых следовало определить время сложения и развития древнейшего городского образования в районе долины Чирчика². Следует отметить, что это был беспрецедентный случай в истории градостроительства, когда столица Узбекистана превратилась в одну огромную строительную площадку, что в свою очередь способствовало проведению широких археологических исследований территории города как на застраиваемых площадках, так и в районах, наиболее интересных в археологическом плане.

Ташкентский отряд начал свою работу на всех строительных площадках города параллельно. Финансирование этих исследований закладывалось уже в сметы строительства новых микрорайонов. Каждый сотрудник отряда отвечал за закрепленный за ним сектор, на которые была разделена вся территория города³. В процессе работ практически рождалась новая методика «городской археологии», когда зачистки стенок котлованов и траншей сочетались с извлечением из ковшей экскаваторов археологического материала или сбора его из уже вывезенного грунта⁴.

С работой Ташкентского отряда под руководством Я.Г. Гулямова связано открытие многослойной пещерной стоянки мустьерского времени, расположенной в Юго-Западных отрогах Тянь-Шаня в 70 км от Ташкента (грот Обирахмат), с работой Ферганского отряда – обнаружение палеолитических и неолитических стоянок.

¹ Из четырехсерийного документального фильма «Умр дафтари». 1-я серия.

² Древний Ташкент. Ташкент: Фан, 1973. С. 4.

³ Филанович М.И. Ташкентский археологический отряд. Путевка в жизнь. (Рукопись статьи, любезно предоставленная автором).

⁴ Филанович М.И. Вера Андреевна Булатова // Археологические исследования в Узбекистане. 2004 – 2005. Ташкент, 2006. Вып. V. С. 3-8.

Начиная с конца XIX в., в различных академических периодических изданиях республики регулярно публиковались статьи и очерки, освещающие ход археологических работ на территории Узбекистана. Подобные публикации были подготовлены Н.С. Лыкошиным, М.Е. Массоном, В.А. Шишкиным. Эта традиция была продолжена и Я.Г. Гулямовым¹. В частности, в одной из таких статей-отчетов об итогах археологических работ АН Узбекистана за 1966 г. сообщается, что год «ознаменовался созданием в Узбекистане Республиканского общества охраны памятников материальной культуры и истории». В том же году был проведен I учредительный съезд созданного Общества (30 марта 1966 г.), на котором при содействии Совета Министров Узбекистана было принято постановление: «1) об объявлении городища Афрасиаб археологическим заповедником и об улучшении его археологического изучения; 2) о проведении юбилея города Самарканда в связи с 2500-летием со дня основания»².

Мы не случайно затронули проблему охраны археологических объектов на территории Узбекистана, так как этот аспект научной деятельности Яхъи Гулямовича занимает особую нишу. В годы своего директорства в Институте истории и археологии АН Узбекистана ученый приложил огромные усилия в борьбе за сохранение археологических объектов, вплоть до неоднократного обращения к руководству Узбекистана и лично Первому секретарю ЦК КП Узбекистана Ш.Р. Рашидову. Одно из таких обращений было связано с сохранением целостности древнего городища Афрасиаб в Самарканде. В 1966 г. Министерство дорог СССР начало строительство автодороги прямо через территорию городища. Узнав об этом, Я.Г. Гулямов добился приема у Ш.Р. Рашидова *«и доложил о неслыханном кощунстве и издевательствах над выдающимся памятником»*, так как в результате строительства дороги городище Афрасиаб фактически разделялось на две половины. К тому же экскаваторы начали разрушать здание с уникальными настенными росписями, датированными VII – VIII веками. После доклада Я.Г. Гулямова Ш.Р. Рашидов лично посетил городище, и вызвав министра дорог республики, провел рабочее совещание непосредственно на городище. В ходе совещания руководитель республики отметив важное культурно-историческое значение городища, подчеркнул, что его уничтожение – неуважение к истори-

¹ Гулямов Я.Г. Некоторые итоги археологических работ Академии наук УзССР в 1966 г. // ИМКУ. Ташкент: Фан, 1969. Вып. 8. С. 8–10; Его же. Некоторые итоги археологических работ в Узбекистане в 1967-1968 гг. // ИМКУ. Ташкент: Фан, 1972. Вып. 9. С. 3–10.

² Гулямов Я.Г. Некоторые итоги археологических работ Академии наук УзССР в 1966 г. ... С. 8.

ческому наследию узбекского народа. Присутствовавший на встрече министр дорог попытался обосновать свои действия тем, что «строящаяся дорога просто делит памятник на две половины и особого урона он в этом не видит, не такой уж это грех»¹. В ответ на это заявление археолог И. Ахраров, ученик Я.Г. Гулямова, спросил чиновника: «Что бы вы сказали, если такую же дорогу проложить через центр древнего Новгорода?» (Министр дорог Узбекистана русской национальности – Ф.Ш.), на что министр без промедления ответил о невозможности подобного шага. «А почему же здесь на Афрасиабе можно это делать?» – с возмущением бросил И. Ахраров. Министр покраснел, но смолчал².

Представленная ситуация – это лишь одно из многочисленных усилий Яхъя Гулямовича в деле сохранения археологических объектов. Значительные усилия были приложены в 1970 г. в борьбе за сохранение гигантского городища Ахсикент в Наманганской области, когда «местные власти у подножия городища построили кирпичный завод и начали с одного края долбить штольни для добычи земли, из которой формовали сырцовые кирпичи, обжигали их и продавали тем, кто в них нуждался»³.

В этом важном деле Яхъя Гулямовича можно назвать преемником В.Л. Вяткина и М.Е. Массона, которые также прилагали немало усилий, регулярно вступая в переговоры и переписку с властями для сохранения уникальных исторических объектов. Это позволяло также добиваться выделения дополнительного финансирования для реставрации исторических архитектурных памятников Узбекистана.

Необходимо отметить, что с именем Я. Гулямова связаны мероприятия, направленные на определение возраста Самарканда (2500-летие). Начало было положено в 1958 г., когда в Самарканде на Афрасиабе начались стационарные раскопки, в дальнейшем превратившиеся (1965) в крупную археологическую экспедицию под руководством В.А. Шишкина. Накопившийся археологический материал вызвал бурную дискуссию в среде научной общественности, связанную с датировкой города. Одна группа ученых придерживалась позиции, сформировавшейся еще в конце XIX в., что Самарканд (Мараканда) – это столица Древнего Согда эпохи Александра Македонского. Другая группа занимала более сдержанную позицию, заключающуюся, в частности, в том, что «в античное время на этой территории

¹ Ахраров И. Академик Яхъя Гулямович Гулямов – мой учитель и наставник // Академик Яхё Гуломов замондошлари ва шогирдлари хотирасида. Тошкент: Фан, 2009. С. 30.

² Ахраров И. Академик Яхъя Гулямович Гулямов – мой учитель и наставник ... С. 30.

³ Там же. С. 27–37.

находились лишь временные поселения, а городская жизнь здесь началась с сооружением первой и второй городских стен и стены цитадели в IV – VI вв. н.э.»¹.

Вспоминая эти годы, академик Ю.Ф. Буряков пишет:

«Возглавивший экспедицию после кончины В.А. Шишкина Яхъя Гулямович поставил в качестве одной из важнейших задач изучение возраста города. ... Эти исследования позволили утверждать, что материалы и фортификация дают возможность датировки возраста Самарканда не менее 2500 лет. Когда весной 1969 г. Я.Г. Гулямов выехал на сессию археологов и этнографов в г. Ленинград, его доклад на секции среднеазиатских специалистов вызвал такой резонанс, что возглавлявший конференцию руководитель ИИМК Б.Б. Пиотровский вынес этот доклад на заключительное пленарное заседание всесоюзной сессии. Доклад Я.Г. Гулямова был полностью поддержан всеми археологами страны, и материал экспедиции явился базовым для выдвижения первой датировки юбилея Самарканда»².

Значителен вклад Яхьи Гулямовича Гулямова и в подготовке высококвалифицированных кадров-археологов. Работа в составе ХАЭЭ утвердила его в важности проведения комплексных исследований всех этапов древней истории Узбекистана, для чего необходима была подготовка высококвалифицированных национальных кадров. Для осуществления этого плана ученый стал готовить молодых специалистов-археологов из числа выпускников Ташкентского педагогического института им. Низами. Работая в данном направлении, он осуществлял важные организационные мероприятия для отправки молодых специалистов на стажировку в ведущие научные центры Москвы, Ленинграда, Новосибирска и других регионов бывшего Союза. В частности, благодаря усилиям Я.Г. Гулямова подобную стажировку в свое время прошли ныне известные археологи – акад. А. Аскарров, акад. У. Исламов, Т. Мирсаатов, акад. А. Мухаммеджанов, д.и.н. Р. Сулейманов и др.³ Под руководством Я.Г. Гулямова около тридцати исследователей из числа академических сотрудников и преподавателей вузов успешно защитили кандидатские и докторские диссертации по археологии и древней истории Узбекистана. Благодаря стараниям ученого в Узбекистане была подготовлена

¹ Буряков Ю.Ф. Роль Я.Г. Гулямова в изучении цивилизации и городской культуры Средней Азии / Рукопись выступления Ю.Ф. Бурякова на научном семинаре, посвященной в 100-летию Я.Г. Гулямова, любезно предоставленная мне самим автором.

² Буряков Ю.Ф. Роль Я.Г. Гулямова в изучении цивилизации и городской культуры Средней Азии ...

³ Там же.

целая плеяда специалистов-археологов, чьи исследования нашли широкое признание в мировом академическом сообществе.

Комплекс мероприятий, осуществленный Я.Г. Гулямовым в деле подготовки высококвалифицированных кадров-археологов, способствовал образованию в Самарканде самостоятельного Института археологии в системе Академии наук Узбекистана, который ныне носит имя Яхъи Гулямова. Обосновывая важность образования отдельного Института археологии, ученый отмечал:

«... Задача охвата больших территорий республики, отдельных городов и городищ как археологических объектов, да еще и подготовка научных кадров совершенно не под силу Институту истории и археологии АН УзССР, где археология представлена в двух секторах из девяти существующих. Практика организации и проведения археологических мероприятий показала невозможность дальнейшего сочетания этих двух самостоятельных видов научного исследования в рамках одного института. Эта практика пережита несколькими академиями союзных республик. Каждая из них исходила из обилия исследуемых памятников, объема задач и требования подготовки кадров и оказалась вынужденной поставить вопрос об организации самостоятельного института археологии. ...

В настоящее время археология в Институте истории и археологии АН УзССР представлена: 1) сектором археологии эпохи камня и бронзы, 2) сектором археологии рабовладельческого и феодального периодов, 3) лабораторией археологической технологии, консервации и реставрации стенных росписей. Объем и разнообразность археологических памятников чрезвычайно велики, а перспективы расширения археологических работ и подготовки кадров требуют придать работе новую организационную основу – учреждения самостоятельного Института археологии Академии наук Узбекской ССР»¹.

В результате было принято решение об открытии в 1970 г. Института археологии АН Узбекистана в Самарканде. Переезд в Самарканд столичных специалистов-археологов вместе с членами их семей создал для последних определенные бытовые трудности, что не могло не отразиться на качестве исследований. Эта проблема, как показывают материалы личного архива Я.Г. Гулямова, также не осталась вне поля его внимания. В частности, нами обнаружена докладная записка, адресованная в 1973 г. в вышестоящие органы, в которой он характеризовал сложившуюся ситуацию следующим образом:

¹ ЦГА РУз, ф. 2883, оп. 1, д. 16, л. 10, 12.

«Вывоз Института в 1970 г. в гор. Самарканд, как показала его трехлетняя практика работы, нисколько не способствовал укреплению кадров и процветанию института, потому что: во-первых, еще ни один институт из системы Академии наук УзССР на практике не перебрасывался в областной город. Особенно нежелательно было это в момент организации, в результате чего новый и не имеющий еще опыта Институт сильно пострадал как в организационно-финансовом, так и в моральном отношениях.

Во-вторых, для успешной работы археологов в Самарканде почти отсутствует научная база: ... (имеются в виду библиотеки, фонды музеев, центральные и ведомственные архивы, картографические учреждения – Ф.Ш.). ... сотрудники Института археологии больше половины своего рабочего времени тратят на разъезды между Самаркандом и Ташкентом. ...

В-третьих, в связи с переездом в гор. Самарканд, в момент своей организации Институт лишился почти половины квалифицированных археологов и опытных научно-вспомогательных кадров, которые в силу своих семейных и других серьезных обстоятельств остались в Ташкенте и работают не по специальности ...

Что же касается тех археологов, которые переехали в г. Самарканд ..., то трудно утверждать, что подавляющее большинство их охотно шло на это и едва ли сжилось с обстановкой. Тем более, что почти все они – уроженцы Ташкента, где имеют свои собственные дома, обжитые квартиры, личное хозяйство и окружающих родственников. От всего они оторвались ради службы в другом городе. ... Кроме того, постоянные разъезды между Самаркандом и Ташкентом стоит им больше половины их заработной платы.

В-четвертых, вся эта обстановка привела к тому, что у некоторых из сотрудников Института наступили серьезные семейные осложнения, ...»¹. В качестве подтверждения в документе приведены имена более десяти известных археологов, которые оказались в сложной ситуации.

Следующим шагом в борьбе за интересы ученых-археологов республики стало письмо Я.Г. Гулямова, адресованное 17 декабря 1973 г. Председателю Бюро Отделения языка, литературы и истории АН Узбекистана М.Х. Нурмухамедову с инициативой организации в Ташкенте Отделения института археологии АН Узбекистана. Приводя доводы в пользу организации подобной структуры, ученый отмечал:

¹ ЦГА РУз, ф. 2883, оп. 1, д. 24, л. 1–4.

«Это полезное мероприятие помогло бы: во-первых, сосредоточить и рационально использовать археологические кадры в стенах Академии наук УзССР; во-вторых, эффективно обеспечить организационные и научные связи Института археологии с академическими учреждениями, музеями, библиотеками, архивами, лабораториями, Республиканским обществом по охране памятников, Главным управлением по охране памятников и др.»¹.

Следует также отметить вклад Яхъя Гулямовича в развитие музейного дела в Узбекистане. В одной из своих докладных записок исследователь выражает искреннюю озабоченность состоянием дел в данной сфере:

«В деле упорядочения охраны памятников большое место занимает систематизация и научная пропаганда памятников материальной культуры в музейных экспозициях. Каждая экспозиция музея, безусловно, должна основываться на новейшие результаты исторических, археологических и этнографических исследований, проводимых, в основном, в академических институтах. В этом деле соответствующие коллективы научных работников должны быть неразрывно связаны с отделами и секторами институтов.

Комплексы археологических находок с городищ, курганных могильников и иных видов памятников в обязательном порядке и в полном комплексе должны поступать в фонды одного музея и вноситься в единую фондовую книгу. Передачу дублетов и целых комплексов в другие музеи нужно производить из того же музея. Таким главным музеем в республике является Республиканский музей истории, ранее находившийся в системе АН УзССР. Его необходимо вернуть в систему АН УзССР и сделать главным академическим музеем, тесно связанным с Институтом истории и археологии АН УзССР»².

Один из учеников Яхъя Гулямовича, академик У. Исламов, в своих воспоминаниях коснулся и этого вопроса:

«Яхъя Гулямов внес большой вклад в организацию, образование и обогащение экспонатов Музея истории Узбекистана и многие годы был его научным консультантом. Нас он приводил в музей для тщательного изучения его экспонатов – археологических находок, хранящихся там, после чего вывозил на археологические раскопки. Потому что изучение экспозиций музея, их анализ является своеобразным

¹ ЦГА РУз, ф. 2883, оп. 1, д. 69.

² Там же, д. 16, л. 11.

искусством и требует немалых усилий и знаний. ... Он всегда повторял, что в изучении истории роль музея имеет большое значение»¹.

Другой ученик Яхъя Гулямовича – И. Ахраров, работавший со своим наставником с 1954 г. вплоть до последних дней жизни последнего (1977 г.), особо отмечает сложность политической и идеологической обстановки, в которой Я.Г. Гулямову удавалось реализовывать свои организационные и исследовательские начинания:

«... Было трудно академику Я.Г. Гулямову, директору крупного института работать честно и бороться за развитие науки, испытывая давление даже со стороны верховной власти. Я в этой борьбе был всегда рядом с ним и мне были понятны все его тревоги»².

Немаловажное значение в научной деятельности Я. Гулямова занимала его редакторская деятельность. Под его непосредственным редакторством был издан ряд крупных научных исследований, в частности, такие фундаментальные работы, как перевод знаменитого произведения Захириддина Мухаммада Бабура «Бабур-намэ»³, обобщающая коллективная работа «История Узбекской ССР»⁴, исследования С.А. Азимджановой⁵, Х.З. Зияева⁶, В.А. Шишкина⁷, Т. Кадыровой⁸, А.Р. Мухамеджанова и Т. Нигматова⁹ и множество других.

Я. Гулямов был одним из авторов и членом главной редакционной коллегии нового, дополненного четырехтомного издания «История Узбекской ССР» (1967 – 1968)¹⁰.

В 1966 – 1969 гг. Я.Г. Гулямов являлся Председателем Объединенного Ученого совета Отделения истории, языкознания и литературоведения АН Узбекистана по приему и защите докторских диссертаций, в 1969 – 1975 гг. – Председателем Объединенного Ученого совета по истории Отделения истории, языкознания и литературове-

¹ Из четырехсерийного документального фильма «Умр дафтари». 3 серия.

² Ахраров И. Академик Яхъя Гулямович Гулямов – мой учитель и наставник... С. 27–37.

³ Бабур Захириддин Мухаммад. Бабур-намэ / Перевод Салье. Отв. ред. Я.Г. Гулямов. Ташкент, 1947.

⁴ История Узбекской ССР. Книга первая / Под ред. Я.Г. Гулямова и др. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1955. Т. I.

⁵ Азимджанова С.А. К истории Ферганы второй половины XV в. / Отв. ред. Я.Г. Гулямов. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957. – 94 с.

⁶ Зияев Х.З. Урта Осиё ва Сибирь (XVI – XIX асрлар) / Масъул муҳаррир Я.Г. Гуломо. Тошкент: Ўзфанакадашр, 1962; Его же. Средняя Азия и Сибирь / Отв. ред. Я.Г. Гулямов. Ташкент: Фан, 1962; Его же. Средняя Азия и Поволжье / Отв. ред. Я.Г. Гулямов. Ташкент: Фан, 1965.

⁷ Шишкин В.А. Варахша / Отв. ред. Я.Г. Гулямов. М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 250 с.

⁸ Кадырова Т. Из истории крестьянских движений в Мавераннахре и Хорасане в VIII – начале IX в. / Отв. ред. Я.Г. Гулямов. Ташкент, 1965. – 240 с.

⁹ Мухамеджанов А.Р., Нигматов Т. Некоторые источники к истории взаимоотношений Бухары и Хивы с Россией / Отв. ред. Я.Г. Гулямов. Ташкент, 1957.

¹⁰ История Узбекской ССР. В 4-х томах / Редколлегия: Я.Г. Гулямов и др. Ташкент: Фан, 1967-1968. Т. I – IV.

дения АН Узбекистана и с 1976 г. до конца жизни – Председателем специализированного Ученого совета по защите докторских диссертаций при Институте истории АН Узбекистана.

Я.Г. Гулямов был награжден рядом правительственных наград: в 1948 г. медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.», в 1970 г. медалью «За доблестный труд», двумя Почетными грамотами Президиума Верховного Совета УзССР, Почетной грамотой Президиума Верховного Совета ККАССР и др. В 2002 г. Указом Президента Республики Узбекистан ученый посмертно награжден медалью «Буюк хизматари учун»¹.

Примечательно то, что Яхъя Гулямович не был членом партии. В процессе написания данной работы я пыталась найти причину не вступления его в ряды членов коммунистической партии, так как он жил в тот период, когда идеологический прессинг был настолько сильным и человек, будучи занимающий определенный официальный пост, был обязан быть членом партии. Однако ответ на этот вопрос я получила случайно и неожиданно, в присланном на мою электронную почту письме внуком П. Салиева. Оказывается, в одной из бесед-воспоминаний с дочерью П. Салиева Я.Гулямов сказал: «Фаридахон², мой домла не был членом партии и я вступить в неё не буду».

Известный отечественный медиевист Р.Г. Мукминова, в судьбе которой Я. Гулямову также было суждено сыграть важную роль, вспоминала:

«Он был приветливым, доброжелательным не только на работе, но и дома был очень гостеприимным человеком. Мы к нему домой приходили как к своим родителям. Супруга Яхъи Гулямовича – Собирахон-ая, когда бы мы не приходили, приветливо встречала, накрывала на стол, готовила вкусные блюда. Ворота их дома всегда были открыты.

Когда женился мой старший сын, Яхъя-ака и Собирахон-ая пришли на свадьбу и дали благословение молодым. Я вспоминаю многие моменты в моей жизни, когда Яхъя-ака давал мне правильные советы. Он всегда был для нас примером»³.

¹ Награда была вручена его дочери Сакине Гулямовой.

² Фарида Пулатовна Мухитдинова (Салиева) – историк-востоковед, 30 лет проработала в НИИ Востоковедения АН Узбекистана.

³ Интервью из четырехсерийного документального фильма «Умр дафтари». 3-я серия.

Д.А. Алимова, руководитель Республиканского научного семинара «История узбекского народа и его государственности» имени Я.Г. Гулямова¹, отмечает:

«Есть такие личности, сила, образ и дух которых оказывают очень большую поддержку и после их смерти. Яхъя Гулямович входит в число таких людей. В 1998 году Президент Узбекистана на встрече с группой историков поставил перед учеными две задачи: первая – когда начала формироваться государственность на территории Узбекистана; вторая – когда формировалась и как развивался этногенез узбекского народа. Ставя эти задачи перед учеными-историками, первым кого вспомнил Президент, был Яхъя Гулямович»².

Президент Республики Узбекистан Ислам Каримов, отмечая заслуги Я.Г. Гулямова, подчеркнул:

«Я всегда горжусь тем, что на протяжении своей жизни и деятельности общался с людьми всесторонне развитыми, с обладателями высокого интеллекта и являюсь их современником. Одним из таких наших соотечественников был знаменитый ученый-археолог Яхъя Гулямов...»³.

* * *

За последние годы был издан ряд сборников, брошюр, посвященных памяти крупного ученого-историка, востоковеда, археолога, организатора науки, защитника исторических памятников Узбекистана Яхьи Гулямовича Гулямова⁴. Узтелерадиокомпания создала замечательные документальные фильмы под названием «Биринчи қалдирғоч» («Первая ласточка») и «Умр дафтари» («Тетрадь жизни»), в которых отражены все грани научной деятельности ученого. И это не просто. Переоценить вклад Я.Г. Гулямова в развитие и организацию исторической науки, особенно археологии, не представляется возможным. Его жизнь и научная деятельность еще долго будут служить примером не для одного поколения ученых.

¹ На протяжении 14 лет в Институте истории Академии наук Республики Узбекистан плодотворно функционирует республиканский научный семинар «История узбекского народа и его государственности» имени Яхьи Гулямова, председателем которого является профессор Д.А. Алимова. Данный научный семинар на сегодняшний день провел 69 научных заседаний республиканского и международного масштаба в городе Ташкенте и почти во всех учебных заведениях республики, где со своими докладами выступали ведущие ученые республики по всем актуальным проблемам исторической науки Узбекистана.

² Интервью из четырехсерийного документального фильма «Умр дафтари». 4-я серия.

³ Каримов И.А. Юксак маънавият – энгилмас куч. Тошкент: Маънавият, 2008. Б. 165-166.

⁴ Академик Яғё Ғуломов. Тошкент, 1998. – 68 бет; Муҳаммаджонов А. Яғё Ғуломовни хотирлаб. Тошкент: Шарқ, 2000. – 61 бет; Академик Яҳё Ғуломов замондошлари ва шогирдлари хотирасида. Тошкент: Фан, 2009. – 120 бет.

Две музы узбекской медиевистики: творческие портреты Розии Мукминовой и Ольги Чехович

Характеризуя истоки и развитие отечественной медиевистики, нельзя не вспомнить целую плеяду видных и нередко выдающихся исследователей, внесших поистине значимый вклад в формирование и развитие данного направления в Узбекистане в качестве самостоятельной и самодостаточной академической дисциплины, и чьи биографии и научное наследие могут служить в качестве потенциальных *case-study* для исследователей интеллектуальной истории Узбекистана XX столетия. Однако даже в этой замечательной плеяде личности Ольги Дмитриевны Чехович и Розии Галиевны Мукминовой можно выделить особо.

Судьба и научная биография и О.Д. Чехович, и Р.Г. Мукминовой, охватывающие значительную часть XX в., вобрали в себя многие коллизии и перипетии указанной эпохи. Обеим нашим героиням, оказавшимся в Узбекистане волею судьбы на заре своей молодости, предстояло прожить здесь всю оставшуюся жизнь, стать преданными последователями музами Клио и выбрать в качестве *profession de foi* исследование средневековой истории Средней Азии. Каждой из них предстояло оставить значимый след на данном поприще, сформировать отдельные исследовательские направления, подготовить когорту молодых специалистов и оказывать непосредственное влияние на формирование научно-исследовательской повестки.

Р.Г. Мукминовой довелось быть свидетелем гонений на «социально-чуждые элементы» конца 1920-х годов в Казани, сильнейшего голода начала 1930-х годов в Коканде, учиться в Среднеазиатском государственном университете и прослушать лекции видных исследователей из Москвы и Ленинграда, эмигрировавших в годы Второй мировой войны в Ташкент. Она была в числе первого набора аспирантов вновь образованного Института истории АН Узбекистана в 1944 г. и работала над кандидатской диссертацией в одном из «центров» мирового востоковедения – Институте востоковедения в г. Ленинграде (Санкт-Петербурге) под руководством И.П. Петрушевского, была знакома и общалась с плеядой выдающихся исследователей того периода. По возвращении в Ташкент многие десятилетия работала в Отделе средневековой истории Института истории с такими учеными, как Я.Г. Гулямов, И.М. Муминов, О.Д. Чехович и др. Впоследствии наша героиня возглавляла данный отдел и подготовила на его базе целую плеяду талантливых исследователей-медиевистов.

Ольга Дмитриевна Чехович, еще будучи молодой женщиной, только закончившей институт в Ленинграде, прибыла по распределению в Ташкент в начале 1930-х годов, здесь ей вскоре предстояло стать жертвой клеветнического обвинения в связях с «врагом народа» в самый разгар сталинских репрессий, суметь спастись, пройти обучение в аспирантуре САГУ, сделать успешную карьеру на общественном поприще в качестве лектора и пропагандиста, и одновременно заслужить широкое признание в академических кругах, в качестве ведущего исследователя средневековой Средней Азии, и основателя отдельного академического направления.

Как можно будет увидеть, судьбы наших героинь во многом схожи, в силу общего географического, временного, социального и культурного пространства, но вместе с тем они в неменьшей степени различны, отражая личностную самобытность, специфику исследовательских интересов, культурное мировоззрение и гражданскую позицию каждой из них. Им предстояло пройти собственный путь на научном и общественном поприще, столкнуться с различными вызовами, преодолеть всевозможные перипетии, оставить свой значимый след в интеллектуальном ландшафте Узбекистана. Это схожесть и разнообразие, по нашему мнению, и является тем, что определяло академический климат в узбекской науке на протяжении 40 – 80-х годов XX столетия.

Таким образом, наша интенция в рамках данной главы не представить парадные портреты указанных персоналий, а предпринять попытку проникнуть в «творческую лабораторию» исследователей, проследить генеалогию их научных взглядов, понять, под влиянием каких факторов (внешних и внутренних) выстраивалась их гражданская и научная позиция, и в более широком контексте охарактеризовать академический климат, который сформировался в академическом сообществе Узбекистана в 50 – начале 80-х годов XX века. Т.е. попытаться воссоздать ту «новую культурно-интеллектуальную историю» (по Р. Шартье), которая видит свою основную задачу в исследовании интеллектуальной деятельности, интеллектуальных процессов в их конкретно-историческом, социокультурном контексте.

Естественно, чтобы найти ответы на эти вопросы изучение, собственно опубликованных работ О.Д. Чехович и Р.Г. Мукминовой было недостаточно, необходимы информативные материалы иного рода, такие как, например, личные воспоминания людей, бывших непосредственно знакомыми с ними, данные личных архивов (если таковые существовали). В случае с Р.Г. Мукминовой, этот вопрос не

стоял так остро в силу того, что мне посчастливилось работать с ней в течение 2000 – 2005 гг. в отделе Истории средних веков Института истории АН РУз и иметь возможность личного общения. Благодаря этому, мне удалось в 2004 г. провести серию бесед-интервью с Р.Г. Мукминовой, а также проработать, хотя и в незначительной степени, материалы ее личного архива¹.

Процесс сбора сведений о жизни и творчестве О.Д. Чехович оказался гораздо сложнее и первоначально поиски были весьма малоэффективными. С самого начала мы столкнулись с достаточно парадоксальной ситуацией². Оказалось, что оставленное наследие О. Чехович, уровень ее цитируемости абсолютно неадекватны степени сохранения памяти о ней в академической среде. Ее имя не стало объектом посмертной глорификации, как это зачастую случается в местной академической традиции с учеными подобного уровня, и крайне редко упоминается в местных информационных и интеллектуальных нарративах³. Поэтому основой источниковой базы для восстановления творческого портрета этого ученого выступили материалы ее личного архива, хранящегося в фондах Центрального Государственного архива РУз (далее ЦГА РУз)⁴.

Таким образом, отличный характер источникового материала, на основе которого мы попытались построить портреты наших героинь, определил и различия в стиле нашего повествования. В случае с О.Д. Чехович, это прежде всего, материалы ее личного архива, вкуче с ее работами и фрагментами воспоминаний ее современников. В основу же творческого портрета Р.Г. Мукминовой, в свою очередь, мы положили ее собственные воспоминания и, безусловно, личный опыт знакомства, а также работы с этим незаурядным ученым и человеком.

¹ При подготовке настоящего исследования нами также привлечены материалы, подготовленные в ходе цикла интервью с Р.Г. Мукминовой, проведенного в 2002 – 2003 годы У. Абдурасуловым и Л. Ямалеевой в рамках научного проекта Национального общества молодых ученых Узбекистана.

² Представители старшего поколения Института истории и Института востоковедения АН Узбекистана, такие как Р.М. Мукминова, А.У. Уринбаев, А.Б. Вильданова, которые были близко знакомы с О. Чехович и могли поведать немало интересных сведений, скончались еще до того, как я стал более системно заниматься данным вопросом, тогда как более молодое поколение историков и востоковедов зачастую имели крайне поверхностное представление о личности О. Чехович и каких-либо штрихах ее биографии.

³ Достаточно сказать, что для большинства моих коллег из Института истории было неожиданно узнать, что О. Чехович проработала в стенах Института истории около 40 лет и именно там создала большинство своих основных трудов.

⁴ Считаю приятным долгом выразить свою благодарность моей коллеге, сотруднику ЦГА РУз М.С. Исаковой, обратившей мое внимание на материалы данного фонда.

Розия Галиевна Мукминова: образ ученого в личных воспоминаниях

Первые университеты

Р.Г. Мукминова родилась 31 декабря 1922 г. в г. Казани. Этап сложных и противоречивых социально-экономических реформ, проводимых в советском государстве, непосредственно затронул и оказал влияние на дальнейшую судьбу семьи Мукминовых. Ярлык «лишенца», который был навешан властями на отца Розии – Мухаммад Гали Миргали углы, и последовавшее за этим ущемление прав остальных членов семьи, побудили их в 1930 г. переселиться в Коканд, а позднее в 1936 г. в Ташкент.

«[...] В 1929 г. папа переехал в Коканд, а в 1930 г. туда переехали остальные члены нашей семьи (мама с 5 детьми). Вообще, в 29–30-е годы XX века из России был большой отток людей в Среднюю Азию в связи с набравшим обороты процессом раскулачивания. Людей всколыхнулось очень много, из одной деревни уезжали по три-четыре семьи. Это достаточно много. На железнодорожных станциях было трудно закомпостировать билет [...]

В Коканде, в это время был страшный голод, случались частые смерти от голода. Помню часто утром, когда шли в школу, вдоль дороги во рве лежали трупы умерших, опухшие от голода [...]».

Впоследствии, закончив с отличием в 1939 г. среднюю школу¹, Р.Г. Мукминова поступила на исторический факультет Среднеазиатского государственного университета.

Начавшаяся вскоре Великая Отечественная война внесла свои коррективы в учёбу и судьбу Р.Г. Мукминовой². В это время из Москвы и Ленинграда в связи с эвакуацией в Ташкент прибыл ряд ведущих специалистов – историков и востоковедов. Большинство из них занялось научно-исследовательской и преподавательской деятельностью на базе исторических факультетов САГУ и Ташкентского педагогического института. Благодаря этому в студенческие годы Р.Г. Мукминовой удалось прослушать лекции выдающихся специалистов по

¹ Р.Г. Мукминова закончила среднюю школу № 80, которая в то время находилась на углу нынешних улиц Узбекистанской и им. Ш. Рашидова, напротив выставочного зала Академии художеств. В указанное время школа считалась одной из лучших в Ташкенте. Ещё в школьные годы Р.Г. Мукминова проявляла склонность к общественным наукам, таким как история, литература, рисование и др. Сочиняла стихи и мечтала первоначально стать архитектором // *Личный архив Р.Г. Мукминовой. Материалы Ш.С. Камолитдина.*

² В годы войны Р.Г. Мукминова и ее сокурсники, по собственной инициативе посещали военный госпиталь, где оказывали помощь раненым солдатам // *Личный архив Р.Г. Мукминовой. Материалы Ш.С. Камолитдина.*

истории, таких как С.Б. Бахрушин, В.И. Беляев, Б.Д. Греков, М.В. Нечкина, Е.М.Пещерева, А.Ю. Якубовский и И.П. Петрушевский. Как и в случае с О.Д. Чехович, чтение и общение с этими специалистами оказали неизгладимое впечатление на Р. Мукминову и, очевидно, определили ее дальнейшее призвание. По ее собственному признанию, особенно сильное впечатление на нее произвели лекции И.П. Петрушевского и, как выяснится, во многом определили ее дальнейшее призвание.

«[...] В период эвакуации в Ташкент из ленинградского Института востоковедения прибыли крупнейшие учёные-востоковеды. Нам, студентам, очень повезло, что крупнейшие учёные читали нам лекции. По сути дела, нам преподавали люди, учебниками и книгами которых мы пользовались. Нам преподавали академик Б.Д. Греков, А.Ю. Якубовский и И.П. Петрушевский. Будучи студенткой, я с особым интересом слушала лекции И.П.Петрушевского по периоду Амира Темура и Темуридов. Ещё тогда у меня возник интерес – почему некогда могущественное государство распалось, и что за этим последовало? Позднее этот интерес и определил выбранную тему кандидатской диссертации [...] Якубовский Андрей Юрьевич – человек с хорошим чувством юмора. Во многом благодаря его лекциям у меня укрепилось стремление заниматься средневековым периодом. На факультете были организованы вечерние занятия, явка на них была необязательной. Но мы с удовольствием посещали их, организовывали семинары, делали доклады, устраивали диспуты и т.д. [...] Этот период, когда нам читали лекции крупнейшие учёные-востоковеды, оказал большое влияние на всю дальнейшую мою жизнь [...] (здесь и далее выделено нами. – У.А.)».

Очевидно, что увлеченность предметом не могла остаться незамеченной. В результате, окончив в 1944 г. с отличием учёбу на историческом факультете, Р.Г. Мукминова получила блестящие рекомендации для продолжения обучения в аспирантуре. Так, в характеристике, выданной Р.Г. Мукминовой деканатом исторического факультета САГУ от 24 июля 1944 г., в частности, отмечается, что «[...] Мукминова Р. [...] показала несомненные способности к научно-исследовательской работе [...] и имеет все данные для успешного выполнения этой работы¹».

В самый разгар войны, в сентябре 1943 г., согласно постановления СНК СССР, была образована Академия наук Узбекистана, и немногим позднее (в ноябре 1943 г.) – Институт истории и археоло-

¹ Личный архив Р.Г. Мукминовой. «Характеристика Р.Г.Мукминовой, студентки V курса», за подписью декана исторического факультета САГУ докт.ист.наук., проф. М.Левченко, заверенная печатью деканата факультета.

логии в качестве ее структурного подразделения¹. Год спустя, в 1944 г., на базе вновь образованного института был открыт первый набор в аспирантуру. Процесс подготовки кадров востоковедов и медиевистов, который до этого проводился, главным образом, на базе учреждений Москвы и Петербурга (Ленинграда), впервые стал системно осуществляться в Узбекистане с широким вовлечением интеллектуальных и организационных ресурсов республики. Благодаря своему усердию, способностям к исследовательской работе, а также рекомендациям маститых ученых, Р.Г. Мукминовой посчастливилось быть зачисленной в 1944 г. в первый набор аспирантуры при Институте истории АН Узбекистана.

«[...] Институт истории был основан при АН Узбекистана в 1943 г., а в 1944 г. уже состоялся первый набор в аспирантуру. Те, кто пришел в аспирантуру с исторического факультета [САГУ], фактически истории Средней Азии не знали. Поэтому был поставлен вопрос о специализированных занятиях по истории Средней Азии и изучении восточных языков – арабского, персидского. В аспирантуре нам ввели ряд курсов по истории Средней Азии с древнейшего периода, а также персидский и арабский языки. Персидский язык нам преподавал Михаил Степанович Андреев – известный учёный, этнограф и лингвист, член-корреспондент АН СССР, АН Узбекистана, много лет проработавший консулом в Индии, превосходный знаток жизни и быта народов Средней Азии. Он был [также] прекрасным знатоком восточных языков. Когда мы приходили к нему домой на занятия, то очень часто он брал дутар и играл на нем и пел песни на стихи Саади и других поэтов Востока. И это он так умело исполнял, что получалось у него очень красиво и интересно. В группе нас было 10 человек – это были первые аспиранты Института истории. Из них защитились только двое: я – в 1949 году и В.А.Нильсон – впоследствии известный учёный [...]».

«Путевка в жизнь»: первый набор в аспирантуру Института истории и годы в Ленинграде

Ответственным шагом для молодой аспирантки стал выбор направления специализации и темы дальнейшего исследования. И здесь в очередной раз весьма значимым оказалось мнение проф. П.И. Петрушевского, с которым Р.Г. Мукминова неоднократно консультировалась и прежде в период учебы в университете. Именно по его рекомендации молодой исследователь решила сконцентрироваться на изучении позднесредневековой истории региона, а именно: на политических процессах, происходивших в период упадка

¹ Подробнее об этом см.: Академия наук в интеллектуальной истории Узбекистана. Ташкент: Yangi nashr, 2012. С. 73 – 78.

Темуридских правителей и прихода к власти дома Шайбанидов. Ленинградский специалист также согласился взять и научное руководство над молодой аспиранткой.

«[...] я обратилась к И.П.Петрушевскому с просьбой быть моим научным руководителем. Он назначил мне встречу, для окончательного решения вопроса темы и специализации [...]. Илья Павлович поставил передо мной задачу – заниматься исследованием истории Узбекистана и первоначально мы хотели серьёзно заняться отдельными проблемами по «Бабурнаме». Несколько позднее тема была определена как «Борьба за Мавераннахр между Темуридами и Шайбанидами», которую в дальнейшем я и разрабатывала. Так моим научным руководителем стал И.П. Петрушевский. При той памятной встрече Илья Павлович поставил передо мной условие – поскольку история Узбекистана, да и вообще научное исследование требует полного погружения, а при семейной жизни это будет сложно, то я не буду выходить замуж до защиты. Тогда Галина Николаевна [Цителова-Петрушевская, супруга Ильи Павловича – У.А.] сказала: – «Так ты же сам женатый, что же ты ей такие условия ставишь?». Он ответил: «Ну, одно дело мужчины и другое – женщины! Мужчина может полностью заниматься наукой [...]».

В период обучения в аспирантуре произошло также очное знакомство Р. Мукминовой с Я.Г. Гулямовым, со сравнительно молодым, но к тому времени уже хорошо известным узбекским историком, которому в дальнейшем также будет суждено сыграть заметную роль в формировании и становлении Р.Г. Мукминовой в качестве историка-медиевиста.

*«[...] Период, который я выбрала для исследования, а именно: XV – XVIII века, будет вызывать мой научный интерес вплоть до сегодняшних дней моей жизни. С этого времени все проблемы, над которыми я работаю, относятся к указанному периоду. Таким образом, направление моего дальнейшего научного интереса дал мой научный руководитель И.П.Петрушевский, а укрепил этот интерес Я.Г.Гулямов. Это была, по сути дела, **путёвка в жизнь!**».*

Именно при непосредственном содействии Я.Г. Гулямова в 1948 г., в достаточно сложных финансовых условиях послевоенного периода, руководством Института истории было принято решение командировать Р.Г. Мукминову в Институт востоковедения Ленинградского отделения АН СССР в г. Ленинграде (ныне – Институт восточных рукописей РАН в г. Санкт-Петербурге) в целях завершения работы над избранной диссертационной проблемой.

Прибыв в Ленинград, молодой исследователь получила уникальную возможность работы в Рукописном отделе Института востоковедения, советоваться с ведущими специалистами института (И.Ю. Крачковским, А.Н. Болдыревым, С.Е. Маловым, Е.М. Пещеровой, В.И. Беляевым и др.), а также вести непосредственные консультации со своим научным руководителем, крупнейшим специалистом по средневековой истории Востока И.П. Петрушевским.

«[...]В тот период в Ленинграде были очень хорошие условия для работы. Институт востоковедения находился не в том здании, где расположен ныне – на берегу Невы, а рядом с университетом на противоположной стороне реки. Обстановка в Институте востоковедения была очень доброжелательна, здесь собрались крупнейшие учёные, проводились интересные лекции, [я] знакомилась с интересными людьми [...] Это было 5-этажное здание, и, помнится, именно на последнем этаже располагался Институт, где имелся светлый и просторный читальный зал. Я приходила в 9 утра и работала до закрытия института. Институт имел великолепный рукописный фонд и практически все рукописи, которые были мне нужны [для работы] [...]

[...] Ценно было и то, что в данном институте работали крупнейшие специалисты-востоковеды, многих из которых я знала ещё по Ташкенту. [...] Таким образом, в ходе своей работы я получала очень ценные консультации выдающихся учёных [...]».

Политический фон эпохи конца 40 – начала 50-х годов XX столетия, тотальный идеологический прессинг и различные кампании гонений со стороны сталинского режима на творческую интеллигенцию не могли, конечно же, обойти стороной молодого исследователя, находившегося в одном из интеллектуальных центров советского государства. Наиболее сильный отпечаток в памяти Р.Г. Мукминовой оставили гонения по обвинению в космополитизме на людей, работавших в непосредственной от нее близости, в частности, на известного арабиста И.Ю. Крачковского. Примечательно при этом как подобные кампании воспринимались рядовыми сотрудниками, аспирантами и молодыми исследователями.

«В 1949 г. очень часты были обвинения ряда учёных в космополитизме. Видимо, в Москве был определен ряд учёных, которых обвиняли в космополитизме, в их числе Игнатий Юлианович Крачковский. Игнатий Юлианович – человек уникальный, по-моему, он провёл в Ленинграде всю блокаду. Я про него слышала, что он в любую погоду, в любой день, независимо от самочувствия, приходил на работу в одно и то же время. Приехал из Москвы некий Климович, который возглавлял группу по борьбе с космополитизмом. Было назначено собрание, на котором планировалось

обсуждать Игнатия Юлиановича. Его обвиняли в том, что он опубликовал письмо Шамиля. Заседание по обвинению Игнатия Юлиановича продолжалось в течении 3-х дней. Помню, как в последний день он пришёл вместе с супругой. Он был очень сдержанным человеком, но здесь дал свои «обвинителям» сильный отпор. Мы все собрались в большом зале. Впереди сидели члены Президиума, далее – сотрудники Института востоковедения, а в конце зала стояла молодёжь: студенты, аспиранты. Я услышала, как невдалеке от меня студенты переговаривались друг с другом и обещали устроить Климовичу «тёмную». Игнатия Юлиановича очень любили и студенты, и аспиранты¹. Он пользовался большим авторитетом в учёном мире [...]».

Принимая во внимание условия работы, а также наличие большого числа профильных специалистов в Ленинграде, научный руководитель И.П. Петрушевский настоял на продлении научной командировки молодого исследователя вплоть до завершения диссертации и прохождения процедуры защиты. В результате Р.Г. Мукминова получила возможность задержаться в Ленинграде, завершить работу и защитить свою диссертацию в 1949 г. непосредственно в Институте востоковедения.

«[...] Когда я ехала в Ленинград (с 1-й главой диссертации), моя поездка была рассчитана на 3 месяца, т.е. я думала, что я посоветуюсь с И.П.Петрушевским и возвращусь в Ташкент. Но Илья Павлович сказал, что нет смысла ездить взад-вперёд, лучше написать и защитить диссертацию в Ленинграде и возвратиться в Ташкент. Таким образом, я задержалась в Ленинграде больше [изначально запланированного] одного года [...]».

Следует отметить, что в успешной подготовке диссертационного исследования и в проведении первых научных изысканий большое содействие оказали человеческие качества научного руководителя Р.Г. Мукминовой. Забота, оказываемая И.П. Петрушевским и его супругой Г.Н. Цителовой-Петрушевской, их соучастие в судьбе молодой исследовательницы, оставили неизгладимое впечатление у нашей героини.

¹ Речь, очевидно, идет о Л.И. Климовиче – литераторе, авторе ряда статей, а также активном участнике кампании по обличению «космополитизма», получившему благодаря своему усердию прозвище «Клеймович». «Проработка» И.Ю. Крачковского состоялась в марте 1949 г., и по воспоминаниям других очевидцев указанных событий, симпатии аудитории действительно оказались не на стороне «обличителей», см.: Ганелин Р.Ш. И.В. Сталин, А.Я. Вышинский и Ю.П. Францев в 1949 – 1953 гг.: от борьбы с космополитизмом к делу врачей // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 186.

«[...] эта поистине семейная атмосфера, которой окружили меня эти люди, очень повлияла на мою работу, ведь я была одна в незнакомом городе, и то, что рядом были родные люди, было большой моральной поддержкой для меня [...]».

Примечательно, что эти теплые взаимоотношения Учителя и Ученика оставались такими доверительными вплоть до последних дней жизни И.П. Петрушевского (19 марта 1977 г.). Ярким свидетельством тому может служить поддерживаемая ими на протяжении всего последующего периода личная переписка, в которой, помимо обсуждений вопросов научных планов и работы, предстоящих публикаций, они обмениваются фотографиями своих близких, интересуются здоровьем и делами членов семей и т.п.¹

В результате плодотворной работы, проведенной в Ленинграде, в 1949 г. Р.Г. Мукминова успешно защищает кандидатскую диссертацию «*Борьба за Мавераннахр между Темуридами и Шайбанидами (К истории образования узбекского государства Шайбанидов)*». Данная работа была положительно оценена представителями научной общественности. Высокая оценка исследованию была дана официальными оппонентами – А.Ю. Якубовским и Н.Д. Миклухо-Маклаем. Так, по мнению А.Ю. Якубовского, тема диссертационного исследования Р.Г. Мукминовой до этого времени не была разработана с такой тщательностью даже «**такими крупными специалистами, как А.А. Семенов и П.П. Иванов**»² (выделено нами. – У.А.). В отзыве на данную работу Н.Д. Миклухо-Маклай особо выделяет то, что автором, наряду с персоязычными источниками, широко используются материалы на чагатайском языке, что «*придаёт особую ценность работе...*»³.

«[...]На защите] выступил Александр Юрьевич Якубовский с положительным отзывом. Остальные отзывы были тоже положительными, работа прошла единогласно. Решение Учёного совета Института востоковедения АН было окончательным в то время, (так как состоял из крупнейших учёных-востоковедов того периода) и утверждение ВАКа было лишь формальностью [...]».

Сразу после завершения защиты произошел памятный и весьма символический инцидент с участием И.Ю. Крачковского, который можно считать той достойной оценкой молодому исследователю,

¹ Личный архив Р.Г. Мукминовой. Письма-автографы И.П. Петрушевского.

² Личный архив Р.Г. Мукминовой. А.Ю. Якубовский. Краткий предварительный отзыв о работе Р.Г. Мукминовой «Борьба за Мавераннахр между Темуридами и Шейбанидами».

³ Личный архив Р.Г. Мукминовой. Н.Д. Миклухо-Маклай. «Предварительный отзыв о работе Р.Г. Мукминовой "Борьба Тимуридов и Шейбанидов за Мавераннахр».

сделавшей первые, но весьма уверенные шаги на академическом поприще.

«[...] После своей защиты я спускалась по лестнице, а Игнатий Юлианович [Крачковский в это время] поднимался ко мне навстречу и, [проходя мимо], сказал: «Это будущее идёт навстречу прошлому!»¹.

Как видно, с самого начала своей научной карьеры Р.Г. Мукминова, оказывается вовлеченной и причастной к своеобразному академическому сообществу, которое можно условно назвать «*ленинградской школой*», представителей которого объединяла причастность к некоему «невидимому колледжу», а также схожесть академических принципов и стандартов. Эта причастность к данному академическому кругу, личные и рабочие контакты с его членами, как будет рассмотрено далее, оказывали важное влияние на развитие дальнейшей академической карьеры Р.Г. Мукминовой.

Примечательно при этом, что несмотря на поступившее предложение продолжить карьеру в стенах Института востоковедения в Ленинграде, наличие крепких рабочих контактов в местном академическом сообществе, Р.Г. Мукминова, тем не менее, выбрала Ташкент в качестве своего дальнейшего пристанища, город, которому она, по собственному признанию, «*была многим обязана в жизни*».

Возвращение в Ташкент: новые горизонты научного творчества

Итак, несмотря на соблазнительные с точки зрения дальнейшей академической карьеры предложения продолжить научно-исследовательскую работу в Ленинграде, Р.Г. Мукминова принимает решение возвратиться в Ташкент, в Институт истории АН Узбекистана.

«[...] Сразу после защиты я получила телеграмму из Ташкента из Института истории с поздравлениями и сообщением, что я уже зачислена младшим научным сотрудником в отдел Древней и средневековой истории Узбекистана.

Я радовалась больше не тому, что успешно защитилась, а тому, что теперь возвращусь в Ташкент, несмотря на благоприятное отношение учёных и вообще той научной среды к молодым кадрам. Был даже разговор о моей постоянной работе в Ленинграде. Но я отказалась, так как хотела домой к родителям, да и потому что я была обязана Институту истории АН Узбекистана и лично Я.Г. Гулямову, поэтому я решила возвращаться в Узбекистан через неделю после защиты [...]

¹ Как отмечала Р.Г. Мукминова, при этом диалоге присутствовала также племянница И.П. Петрушевского, с которой она находилась в теплых дружеских отношениях.

По возвращении в Ташкент меня хорошо встретили. Отдел древней и средневековой истории возглавлял Я.Г. Гулямов. В отделе я работала вместе с известным учёным О.Д. Чехович, так же там работала М.Ю. Усманова. Основной костяк составляли эти сотрудники [...], с нами работали также Рашид Набиев, занимавшийся XVII в. и даже более ранним периодом и Хамид Зияев [...]».

В последующих исследованиях Р.Г. Мукминовой, проводимых в Институте истории АН Узбекистана, получили дальнейшую разработку вопросы аграрных отношений, в том числе вопросы вакфного землевладения.

«[...]В 1966 г. в институте ввели новую тематику. И мне предстояло написать книгу «К истории аграрных отношений по материалам «Вакф-наме»». Это было очень сложно, и я поначалу не хотела браться. Сама по себе работа была очень сложной, особенно с набором арабского текста [...]. Написание этой книги отняло у меня почти девять лет [...]».

Результатом этого многолетнего труда стала публикация в 1966 г. фундаментального исследования Р.Г. Мукминовой "К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI века. По материалам "Вакф-наме"¹. Указанная работа была подготовлена на основе тщательной проработки и сопоставления двух списков вакфной грамоты двух медресе Шайбани-хана (*Кош-мадраса*) в Самарканде. Значение данного документа, как важнейшего источника по изучению социально-экономической истории Средней Азии, отмечалось целым рядом исследователей². По справедливой оценке И.П. Петрушевского, данная работа «[...] представляет выдающийся [*sic*] интерес не только для историков Средней Азии, но и для историков-медиевистов других стран Ближнего и Среднего Востока, работающих над проблемами аграрных отношений [...]»³.

«Выдающийся вклад в науку»: академические вершины творчества Р.Г. Мукминовой

Обширный фактический материал, собранный Р.Г. Мукминовой в результате работы с письменными источниками, позволил ей приступить к освещению и других, не менее сложных и малоизученных проблем позднесредневековой истории, в частности, вопросов

¹ Мукминова Р.Г. К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. По материалам «Вакф-наме». Ташкент, 1966.

² Иванов П.П. Хозяйство джуйбарских шейхов... С. 24; Вяткин В.Л. Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета. Справочная книжка Самаркандской области. Вып. IX. Самарканд, 1907. С. 95-107.

³ Личный архив Р.Г. Мукминовой. И.П. Петрушевский. Отзыв о работе Р.Г. Мукминовой «К истории аграрных отношений».

городской жизни и ремесленного производства Средней Азии. Важным подспорьем для освещения данной тематики послужил сборник самаркандских казийских документов, содержащий внушительный материал по таким вопросам, как например, правовое и фискальное положение ремесленного населения. Сравнительно-сопоставительный анализ свыше 700 документов из этого сборника, дополненный археологическим и этнографическим материалом, позволил ей осуществить комплексное исследование ряда важных проблем социально-экономической истории и тем самым внести весомый вклад в изучение жизни торгово-ремесленных и культурных центров Средней Азии, таких как Самарканд, Бухара, Ташкент и др. в позднесредневековый период.

Фактический материал по этим вопросам Р.Г. Мукминовой приходилось извлекать по крупицам из отдельных рукописных источников, критически сопоставляя их, выясняя значение отдельных недостаточно ясных терминов (*тиул, танхо, тамга* и др.). Этот собранный и обработанный материал лег в основу докторской диссертации Р.Г. Мукминовой.

«[...] В написании докторской диссертации важную роль сыграл Ибрагим Муминович Муминов. Он неоднократно вызывал меня и говорил, что защита нужна не только для меня лично, но и для науки Узбекистана. Это был период, когда защита не поощрялась, старались ограничить количество защищающихся. Тема [диссертационного исследования] должна была отличаться от плановой темы [разрабатываемой сотрудником в рамках института]. Мысль о докторской диссертации возникла после того, как я детально ознакомилась с самаркандскими казийскими документами. В них я обнаружила то, что мне больше всего нравилось: именно не политическую историю, а социально-экономическую жизнь. А те документы как раз очень хорошо освещали юридическое и правовое положение ремесленного населения [...].»

Примечательно что, обозначая проблему таким образом, Р.Г. Мукминова совершает принципиальный сдвиг исследовательского акцента от изучения политических процессов и структур к пониманию сущности социальных организаций, общественных отношений и тех понятий и ценностей, в которых эти социальные отношения воплощаются, т.е., заимствуя изречения Фернана Броделя, к изучению «структур повседневности». Таким образом, Розия Мукминова становится одним из первых представителей отечественной исторической школы (по меньшей мере, из исследователей-медиевистов), развивавших исследовательский тренд, приобретший

позднее широкое распространение в мировой (прежде всего западно-европейской) науке на протяжении второй половины XX – начала XXI в. под названием «социальная история».

Следует признать, что в данном направлении Р.Г. Мукминовой была проведена грандиозная работа, логическим результатом которой стала блестяще защищенная в 1972 г. докторская диссертация на тему «*Ремесло в Самарканде и Бухаре XVI в.*».

На основе фактически исчерпывающего объема данных в работе освещаются ведущие отрасли ремесла, являвшиеся основой производственных отношений в таких городских центрах, как Самарканд и Бухара (ткачество, красильное, бумажное, гончарное, металлическое производство). Диссертанту удалось также разрешить целый ряд вопросов, связанных с отношениями ремесленников и поставщиков сырья, скупщиков продукции ремесла, характером взаимоотношений между ремесленниками-мастерами и их подмастерьями, поднять много нового материала и, таким образом, внести весомый вклад в понимание целого ряда ключевых проблем, связанных с урбанистическими процессами в указанный период.

«Выдающимся вкладом в науку», назвал эту диссертационную работу видный специалист по истории средневекового Востока А.Н. Болдырев¹. «*Прекрасное знание источников XVI века....*» – отметил официальный оппонент А.М. Беленицкий². «*Мы никогда не предполагали, – писала в своем отзыве О.Д. Чехович, – даже будучи знакомы с основными из этих источников, что по этому вопросу можно собрать такое количество ценнейшего материала, какой собрала Р.Г. Мукминова*»³.

В 1976 г. на основе данной докторской диссертации Р.Г. Мукминовой была опубликована фундаментальная монография «*Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре XVI в.*»⁴. В монографии впервые был дан подробный анализ социально-экономической жизни Самарканда и Бухары в позднесредневековый период, определена роль ремесленного производства в жизни средневекового города. Как отметил Я.Г. Гулямов, «*Р.Г. Мукминова ... создала монографическое исследование, которое будет отправным источником по*

¹ Личный архив Р.Г. Мукминовой. Поздравительная открытка А.Болдырев. 21 апреля 1972 г.

² Личный архив Р.Г. Мукминовой. Беленицкий А. Краткий отзыв о диссертации Р.Г. Мукминовой «*Ремесло в Самарканде и Бухаре XVI в.*». 4 ноября 1971 г.

³ Личный архив Р.Г. Мукминовой. Протокол № 4 заседания Объединенного Учёного совета по истории Отделения истории, языкознания и литературоведению АН Узбекистана. 7 июня 1972 г. Выступление О.Д. Чехович.

⁴ Мукминова Р.Г. *Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре XVI в.* Ташкент, 1976. – 234 с.

изучению ремесленного производства в Средней Азии...."¹. По мнению известного исследователя-востоковеда К.З. Ашрафяна, "эта книга не только обогащает наше представление о средневековом городе Средней Азии, но и намечает конкретные пути к дальнейшему исследованию истории, экономики и социальной истории городов других стран мусульманского Востока"². Публикация данного труда не оставила равнодушной и научную общественность дальнего зарубежья. Издательство Академии наук Узбекистана получило более 500 заявок из ведущих библиотек и научно-исследовательских центров государств Западной Европы, США и Японии. Спустя много лет, известный японский исследователь Х. Коматцу, в своей монографии, посвященной историографии средневековых городов мусульманского Востока, справедливо назовет данный труд "**самой выдающейся работой в этой области**"³.

Следующий этап научного творчества (1976 – 1993) Р.Г. Мукминовой характеризуется исследованием широкого спектра вопросов политической, социально-экономической и культурной истории, большим количеством опубликованных работ и как следствие – международным признанием. В этот период получили дальнейшую разработку важнейшие вопросы социально-экономической истории Узбекистана. Наряду с изучением вопросов ремесленного производства и аграрных отношений исследователь уделяет особое внимание теоретическим проблемам истории среднеазиатских городов позднесредневекового периода⁴, вопросам взаимоотношений оседлого населения и кочевой периферии⁵, социальной дифференциации городского населения. Исследования, посвященные вопросам урбанизации и

¹ Личный архив Р.Г. Мукминовой. Выписка из протокола № 2 Заседания Ученого совета Института истории АН УзССР от 16 января 1974 г. Выступление Я.Г. Гулямова.

² Ашрафян К.З. Рецензия на книгу Мукминовой Р.Г. "Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI в." // ОНУ. Ташкент, 1987. № 1. С. 62.

³ Komatsu H. Historical Survey of Islamic Urban Studies. Printed in Japan, 1991. P. 292.

⁴ Бухара в XVI – XVII вв. // История Бухары. Ташкент, 1976. С. 109–119; Из истории позднесредневекового Ташкента // ОНУ. 1981. № 11. С. 30–44; Новый источник по социально-экономической истории среднеазиатского города XVI в. // Бартольдские чтения. Тезисы докладов. М., 1981. С. 61–63; Из истории культурной жизни Ташкента конца XV – XVI века // ОНУ. 1983. № 9. С. 26–30; Проблемы средневекового города Средней Азии // Я.Г. Гулямов и развитие исторических наук в Узбекистане. Тезисы докладов научной конференции, посвященной 80-летию акад. АН УзССР Я.Г. Гулямова. Ташкент, 1988. С. 63–64.

⁵ Роль государства в развитии производительных сил и взаимосвязи оседлого и кочевого населения (Узбекистан конца XV – XVII вв.) // Социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни. М., 1984. С. 236–239; Взаимоотношения оседлого населения Мавераннахра с жителями кочевых степей (XVI в.) // Вопросы советской тюркологии. Тезисы докладов и сообщений. Ашхабад, 1985. С. 290–292. (в соавт. с Б.А. Ахмедовым); Торгово-экономические взаимосвязи городов и селений Средней Азии в XVI – XVII вв. // Город на традиционном Востоке. Тезисы. М., 1988. С. 486–488.

социальной дифференциации городского населения Узбекистана, были подытожены в очередном фундаментальном исследовании "Социальная дифференциация населения городов Узбекистана в XV – XVI вв."¹. В данном труде автор выявляет основные социальные категории населения позднесредневековых городов Средней Азии, а именно: землевладельцы, купцы, торговцы, мелкие лавочники, ремесленники, городская беднота и др. Помимо этого, в указанном исследовании Р.Г. Мукминовой удалось показать социальное деление, имевшее место внутри каждой из перечисленных категорий населения.

«[...] 1980-е гг. уже обилуют количество опубликованных работ. Я освободилась от забот, дети выросли. 17-16 публикаций в год – это следствие. Я люблю заниматься домашним хозяйством, но научная работа увлекает меня намного больше [...].»

Подготовка кадров-медиевистов

Одной из очевидных проблем отечественной медиевистики, по мнению Р.Г. Мукминовой, на протяжении всего советского периода являлось ее кадровое оснащение. Это было обусловлено в немалой степени спецификой данного направления, подразумевающей работу со средневековыми письменными источниками и, следовательно, знание восточных языков. Другой немаловажной (возможно и определяющей) причиной являлся характер конъюнктурного спроса на специалистов, выражавшийся, в частности, в Институте истории в том, что молодыми кадрами оснащались, прежде всего, отделы и сектора, занимавшиеся исследованием истории коммунистической партии и, в целом, советского периода². Соответственно Отдел средневековья в этом отношении оснащался «по остаточному принципу». Несмотря на сравнительно большое количество специалистов, подготавливаемых факультетом востоковедения Ташкентского государственного университета, потенциально готовых реализовываться в качестве историков-медиевистов, подавляющее большинство из них впоследствии находило призвание в совершенно иных сферах деятельности. Именно с этим были связаны инициативы руководства Отдела, предпринятые в 70 – 80-е годы XX в.

¹ Мукминова Р.Г. Социальная дифференциация населения городов Узбекистана в XV – XVI вв. Ташкент, 1985. – 137 с.

² Достаточно отметить, что в 1980-е годы в Институте истории АН Узбекистана функционировало 6 отделов, специализировавшихся на вопросах истории партии и советского государства.

«[...] Был период, когда Я.Г. Гулямов поставил вопрос в Президиуме АН РУз о нехватке кадров [- медиевистов]. Дело в том, что [...] приём новых сотрудников в наш Отдел [средневековой истории] был затруднён, новых сотрудников в основном принимали в Отдел История партии. Я.Гулямов сумел настоять на том, чтобы в Отдел [средневековой истории] были приняты выпускники восточного факультета ТашГУ. Тогда в отдел сразу были приняты 10 или 12 человек. Из их числа продолжили работу в последующем только Н. Хабибуллаев и С. Агзамходжаев. Многие из остальных были призваны [на службу] в [советскую] армию, однако, по возвращении, не были приняты [на работу]; их места оказались переданными сотрудникам, занимающимся изучением [истории] советского периода. И опять долгое время Отдел оставался без сотрудников [...].

Тогда Я.Г. Гулямов решил заранее дать заявку, чтобы на факультете востоковедения специально готовили для нашего отдела специалистов. По распределению в наш институт были направлены 10 выпускников, из них двое остались в нашем отделе [в последующем] – Т.Рауфов и Э.Каримов. Оба позднее успешно защитили кандидатские диссертации. Впоследствии Т.Рауфов рано скончался, а Э.Каримов защитил докторскую диссертацию и сейчас является руководителем нашего Отдела».

Примечательно, что вышедшая из данных наборов группа историков-медиевистов (Н. Хабибуллаев, Э. Каримов, Г. Агзамова), подготовила свои кандидатские, а впоследствии, и докторские диссертации под непосредственным руководством Р.Г. Мукминовой и, что особенно важно, продолжает трудиться на академическом поприще по сей день. Именно эти кадры в значительной степени формировали исследовательскую повестку и контуры отечественной медиевистики (по меньшей мере, в масштабах Института истории АН РУз) на протяжении 1990-х годов и начала XXI столетия.

В 1990-е и начале 2000 годов в Отделе древней и средневековой истории Узбекистана Института истории АН РУз была создана научная школа учеников Р.Г. Мукминовой, специализирующихся на изучении различных вопросов средневекового периода. Некоторые из них работали в Отделе со своим наставником вплоть до последних дней ее жизни, другие трудятся в различных научно-исследовательских и образовательных учреждениях страны и зарубежья.

Трепетное отношение Р.Г. Мукминовой к молодым кадрам, удивительная готовность делиться опытом, знаниями, способность направлять подопечных, не ломая при этом исследовательскую индивидуальность и, наконец, теплая житейская забота о своих учениках, – это то главное, что отличало Р.Г. Мукминову-Учителя.

Международное признание и новые горизонты

Несмотря на то, что имя Р.Г. Мукминовой было уже давно и хорошо известно на Западе в кругах исследователей средневековой истории Центральной Азии, а её труды широко цитировались и, в отдельных случаях, даже выступали объектом специальных исследований¹, ей самой в силу ряда обстоятельств вплоть до конца 1980-х годов не приходилось выезжать за рубеж.

«Я ужасно удивилась, когда в 1988 г. мне впервые прислали предложение поехать за рубеж, в США. Я была удивлена и обрадована [...]. Мне показалось удивительным, что на эту поездку выдвинули меня, ведь я не была членом партии? В свое время я не вступила в партию из-за своего происхождения. И теперь это сыграло свою роль в тот момент, когда надо было проходить собеседование в Президиуме Академии наук [...]. В итоге встал вопрос: В такую «капстрану» [как США], да с такими данными [выходца из семьи «лишенца»]?! Рекомендацию мне не дали, и вместо меня поехал другой человек. Второе предложение последовало сразу через год, в Канаду. Требования стали намного мягче, и я поехала [...]».

Изменения, наметившиеся в конце 80-х годов XX столетия в общественно-политической ситуации на всем пространстве Советского Союза, еще не падение, но уже смягчение «железного занавеса», создали реальные предпосылки для более широкого ознакомления мировой научной общественности с трудами отечественных исследователей. Именно с этого времени начинается широкое международное признание научного творчества Р.Г. Мукминовой. Её первая зарубежная научная поездка состоялась в ноябре 1989 г. в Торонто (Канада), на конференцию "Тимуриды и туркменские общества в движении", на которой наша героиня выступила с докладом на тему "Ремесленники и цеховая жизнь в Самарканде в XV в."². В этом отношении весьма примечательны воспоминания «советского» исследователя, впервые на склоне лет, получившего возможность быть причастной к широкой международной академии. Впечатления от страны, города и, конечно же, от конференции, ее организации, академической атмосферы, участников

«[...] По прибытии в Торонто [...] меня, впрочем, всех нас поразило величие отеля. Таких зданий я еще не видела. Все сверкает, все блестит, все в цветах. [...] Поначалу к нам заходила горничная-мулатка,

¹ Например, дипломная работа американского исследователя Р. Макчезни (1967 г.) была посвящена историографическому анализу монографии Р.Г. Мукминовой "К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI века. По материалам "Вакф-наме".

² Mukminova R. Craftsmen and Guild Life in 15th century in Samarkand // Abstracts of the International symposium *Timurid and Turkman societies in Transition: Iran in the 15th century*. Toronto, Ontario, Canada, November 15-18. 1989. P. 12.

но, не дождавшись чаевых, забыла о нас [...].

[...] Мне очень понравился стиль проведения конференции. Те докладчики, которые должны были выступить до перерыва, сразу садились за один большой стол в центре зала, и не тратили время на то, чтобы идти к трибуне, а читали свой доклад прямо за столом. Многие зарубежные делегаты хорошо знали русский язык [...].»

Однако наибольшим вызовом для Р.Г. Мукминовой, равно как и большинства исследователей с постсоветского пространства, впервые принимавших участие на международных научных форумах, оказалось выступление с докладом перед аудиторией на английском языке.

«[...] Свой доклад я подготовила [первоначально] на русском языке. Но у меня был перевод текста, который помог мне сделать мой сын [...]. Он же мне написал и произношение слов на английском. Вечером в мой номер зашла Мария Ева Субтельни и спросила, на каком языке я хочу выступить. Прослушав мой английский вариант, она сделала пару замечаний, но в целом одобрила. На второй день она не смогла прийти, но обещала прислать другого человека, для того чтобы [еще раз] прослушать мой текст. Когда я открыла дверь, то увидела, что передо мной стоит исследователь Роберт МакЧезни. Я так и опешила! Тем не менее, стала читать свой текст, чувствуя себя так неловко, как школьник, не знающий урок. [...]. Мое выступление прошло успешно, мне задавали множество вопросов. В последующих зарубежных поездках я уже не решалась читать доклад на иностранном языке и меня снабжали переводчиками. Но в тот, первый раз я получила незабываемое впечатление [...].»

Эта первая поездка в Торонто в значительной степени расширила исследовательские горизонты Р.Г. Мукминовой. Здесь произошло знакомство с зарубежными исследователями, установлены первые научные контакты с зарубежными исследователями, с которыми впоследствии вплоть до последних дней своей жизни будет поддерживать теплые и доверительные отношения.

«[...] На этой конференции мне довелось узнать многих интересных ученых и замечательных людей, с которыми, к счастью, судьба будет сводить меня еще не раз [...]. Организаторами конференции были Лиза Голумбек и Мария Ева Субтельни. Их тематика была близка периоду Темуридов. Впоследствии мы очень сдружились [...] Один молодой ученый по имени Юрген Пауль был очень любезен и в первый же день повел нас по магазинам. Один [из магазинов], как уверял он, был молодежным, недорогим и вполне приличным [...].»

Поездка в Торонто стала началом широкой международной научной деятельности Р. Мукминовой. С этого времени наша героиня активно участвует с докладами на авторитетных международных конференциях, читает циклы лекций в ведущих научных центрах мира. Среди наиболее значимых ее визитов можно отметить участие в 1991 г. на IV Европейском семинаре в г. Бамберге (Германия), а также в работе международных конференций, проводимых во Франции (Страсбург, 1987 г.), Турции (Анкара, 1997 г.), США (Лос-Анджелес–Калифорния, 1998 г., Медисон–Висконсин, 1998 г.), Австрии (Вена, 2000 г.), Иране (Тегеран, 2001 г.) и др. Важной составляющей международной деятельности Р.Г. Мукминовой является неоднократное чтение лекций преподавателям, соискателям ученых степеней и студентам научных и образовательных учреждений Парижа (Франция), Висконсина (США), Токио и Киото (Япония).

Вместо заключения

В начале 90-х годов, XX столетия, несмотря на заметные экономические и организационные сложности, связанные с переходным периодом, деятельность и личность Р.Г. Мукминовой в этот период оставались одним из тех островков стабильности, вокруг которого сплотились и сохранились организационные и интеллектуальные ресурсы отечественной медиевистики. С начала 2000-х годов, с общими положительными тенденциями в институте под руководством Р.Г. Мукминовой стало осуществляться и постепенное кадровое и организационное усиление Отдела средних веков.

Вплоть до последних дней жизни Розия Мукминова не прекращала интенсивную научную деятельность, несмотря на преклонный возраст, оставалась активным членом различных академических советов и редколлегий, выступала с докладами на научных конференциях и активно публиковалась. Неиссякаемая жизненная энергия, неуёмная страсть и стремление к знаниям в сочетании с глубокой внутренней интеллигенцией и эрудицией, – это те факторы, которые, очевидно, определяли ее чрезвычайную востребованность как исследователя и гражданина.

В 2003 г. на представительной международной конференции, посвященной 80-летию Р.Г. Мукминовой, акад. Б.С. Юлдашев, возглавлявший в ту пору Академию наук Узбекистана, отметил: «... *История национальной Академии наук – это калейдоскоп замечательных личностей, благодаря таланту и энергии которых и формировалась фундаментальная наука Узбекистана. Р.Г. Мукминова, вне всякого сомнения, принадлежит к этой замечательной когорте. Ее имя уже*

вписано золотыми буквами в летопись академической науки Узбекистана ...».

В январе 2007 г. после непродолжительной болезни Розии Галиевны не стало. Со смертью Р.Г. Мукминовой завершилась продолжительная и очень важная эпоха в истории отечественной медиевистики.

Ольга Дмитриевна Чехович: две ипостаси историка¹

Введение

Основной акцент настоящего исследования направлен на изучение личности и творческого наследия Ольги Дмитриевны Чехович (1912 – 1982) – известного советского исследователя-медиевиста, основные вехи научной карьеры которой прошли в стенах Института истории и Института востоковедения Академии наук Узбекистана – академических учреждений, определявших, начиная со второй половины XX в. вплоть до настоящего времени, динамику исследований в области истории Центральной Азии и изучения связанных с этим письменных источников.

Интерес к личности О. Чехович определен во многом тем влиянием в советской и постсоветской историографии, которое оказали ее труды, опубликованные в течение 50 – начале 80-х годов XX в., по изучению ряда ключевых вопросов истории Центральной Азии в XIII – XIX вв. Так, например, предложенные ею разработки относительно системы классификации документальных материалов позднесредневекового периода, приемов и способов их описания, интерпретации терминологии способствовали формированию в Узбекистане того времени отдельного академического тренда, получившего название «средневековая актовая документалистика Востока»², ставшего

¹ Настоящий раздел был изначально представлен автором в виде доклада на конференции «*Russian Orientalism to Soviet Iranology: The Persian-Speaking World and Its History Through Russian Eyes*» (Колледж Св. Антония, Оксфорд, Великобритания, 30.11 – 01.12.2012).

² Под актовой документалистикой понимались экстенсивное исследование исторических документов, и их публикации факсимиле и литографских наборов оригинальных текстов, регестов и каталогов, часто с переводами, описаниями, аннотациями и комментариями. В концептуальном смысле, исследование документальных источников, отражавших по мнению советских исследователей, «повседневную практику того времени, когда они были составлены», соответствовало общей парадигме советской историографии, «основным идейным императивом» которой было изучение не просто «деяния царей и полководцев», которые в избытке содержались в многочисленных придворных хрониках, а, прежде всего, «жизни народных масс». Приоритетное значение «исторических документов» в качестве носителей «фактов», отражающих «подлинную историю того или иного общества», а также «социально-экономические отношения» и «характер господствовавших в них производственных отношений», подчеркивалось в подавляющем большинстве работ советского периода, связанных с публика-

одним из ключевых направлений советского востоковедения в республике. По свидетельству некоторых современников О. Чехович, известных советских востоковедов, развитие этого направления в Узбекистане, «созданного О.Д. Чехович на (*sic!*) девственной в то время почве», благодаря ее стараниям «вышло на одно из первых мест в СССР», в рамках советской академической науки¹.

Не менее важный (а порой и доминирующий) характер носили ее разработки в изучении таких ключевых категорий и исследовательских вопросов аграрной истории средневековой Средней Азии, как «*формы феодальной собственности на землю*», «*милк*», «*очищенный милк*», «*вакфная собственность*» и др., определив, по сути, характер большинства советских и постсоветских исследований в данном направлении.

Примечательно также, что подавляющее большинство опубликованных работ О.Д. Чехович оказались свободными от ссылок и апелляций к трудам «классиков марксизма-ленинизма», а также прочей «истматовской» риторики, характерной для большинства исследований советского периода, особенно созданных на периферии, т.е. вне центров советской ориенталистики – Москве и Ленинграде. Очевидна также и интенция автора избегать характерную риторику о «феодальной эксплуатации» и «религиозных мракобесах», (либо, по меньшей мере, оставаться сдержанной) при освещении вопросов собственности крупных религиозных и политических деятелей средневековой Средней Азии. Между тем, экономическая история с поисками доказательств «феодальной эксплуатации народных масс» была для советской медиевистики и истории (в глобальном смысле) едва ли не самым важным императивом, которому ученые должны были обязательно следовать, дабы конкретными исследованиями поддержать доминирующую идеологию.

Беседы автора этих строк с людьми, непосредственно знавшими или соприкасавшимися в своей деятельности с О.Д. Чехович², вкпе с

цией подобных материалов по истории Средней Азии, см.: Иванов П.П. Архив хивинских ханов XIX в. Исследование и описание документов с историческим введением. Л., 1940. С. 15; Документы архива хивинских ханов по истории и этнографии каракалпаков. Подбор документов, введение, перевод, примечания и указатели Ю.Э. Брегеля. М.: Наука, 1967. С. 11; Казаков Б.А. Документальные памятники Средней Азии. Ташкент: Узбекистан, 1987. С. 7.

¹ См. например: ЦГА РУз, ф. Р-2678, оп. 1, д. 9, л. 27–33 (*Отзыв А.Л. Троицкой о докторской диссертации О.Д. Чехович (октябрь, 1967 г.)*).

² Парадоксально, что несмотря на впечатляющее академическое наследие О.Д. Чехович, а также уровень ее цитируемости, абсолютно неадекватны степени сохранения памяти о ней в академической среде в Узбекистане. Ее имя не стало объектом посмертной глорификации, как это зачастую случается в местной академической традиции с учеными подобного уровня, и крайне редко упоминается в местных информационных

отмеченными особенностями ее работ, создавали образ принципиального ученого, строгого поборника академических стандартов, неизменно отстаивающего научную порядочность. Весьма часто мои собеседники использовали определение «настоящий ученый», хотя и затруднялись дать конкретное определение подобной, в известном смысле, стандартной дефиниции¹.

Эти и другие обстоятельства побудили меня обратиться к персональному Архиву О.Д. Чехович, хранящемуся в фондах Центрального Государственного архива Республики Узбекистан (ЦГА РУз). Уже поверхностное изучение материалов этого архива открыло новую грань личности О. Чехович, которая оставалась вне внимания ценителей ее научного наследия. Для меня стало сюрпризом узнать, что О.Д. Чехович, одновременно с академической работой, вела практически на протяжении всей своей карьеры активную деятельность в качестве партийного агитатора и пропагандиста. Судя по материалам архива, она занималась этой деятельностью с момента своего приезда в Ташкент из Ленинграда в 1932 г. и вплоть до своей смерти, пропагандируя среди широкой аудитории идеи и ценности советского образа жизни, практичности и пользы «для народа» коммунистических идеалов.

Налицо был некий парадокс: с одной стороны, авторитетная в стране и на Западе исследовательница, практически игнорирующая в своих главных научных трудах обязательные идеологические штампы советского подхода к истории. С другой – активный член коммунистической партии, похоже сознательно помещающая свое «Я» в советскую действительность и последовательно ее пропагандирующая. Такие особенности деятельности О.Д. Чехович во многом и определили мой исследовательский интерес, породив, по меньшей мере, несколько важных вопросов: каким образом эти, на первый взгляд, два антагонистичных образа могли сочетаться в одном исследователе, и в какой мере эти ипостаси взаимовлияли и/или взаимодополняли друг друга? Было ли это формой конформизма, попыткой оградить себя от давления режима, либо же наш протагонист чувствовала себя продуктом и частью этого «социалистического» пространства и верила в его идеалы?

и интеллектуальных нарративах Достаточно сказать, что для большинства моих узбекских коллег, в том числе из Института истории АН РУз, стало сюрпризом узнать, что основная деятельность О. Чехович (с 1945 по 1982 г.) прошла в стенах указанного института и именно здесь были созданы ее основные труды.

¹ Такие дефиниции, в частности, были использованы Маргаритой Филанович, Юрием Буряковым, а также Саидакбаром Агзамходжаевым и др.

Исследование примера биографии О. Чехович поможет, как представляется, показать, что советский востоковед (или шире – историк) с «правильной биографией» и с партбилетом в кармане могла меняться сама и, что самое главное, могла менять облик советского академического востоковедения, особенно в такой тонкой и чувствительной для советской востоковедческой школы сфере, как экономические отношения самого критикуемого «феодалного прошлого».

Я также попытаюсь опровергнуть распространенное в научной среде представление о том, что советский академизм был ограничен и тотально регламентирован интеллектуальной гегемонией советских идеологических штампов. Я также попытаюсь показать, что вовлеченность в политическую и пропагандистскую деятельность советского ученого далеко не всегда означала его неизменную академическую аганжированность.

В более широком контексте это позволит затронуть вопрос о том, можно ли рассматривать советское востоковедение как идеологически однообразное, изолированное от мира, с подчинением только задачам так называемого «Центра», т.е. строго выверенным идеологическим указаниям московских партийных, идеологических и, отчасти, академических учреждений? Эта картина покажется еще сложнее, если мы будем учитывать не однообразность собственно востоковедения (как и исторической науки в целом), но и его противоречивость, наличие разных течений и внутренней борьбы, перемещение учеными между регионом, центром и периферией, знакомство с западными работами, а также некоторую автономию от идеологии.

«Главный документалист Средней Азии ... и пропагандист»¹

Биографические сведения об О. Чехович, хранящиеся в ее архиве, как уже отмечалось, ограничены сухими данными служебных анкет, заполненных самим автором в различные годы². Однако сопо-

¹ Из письма Е.А. Давидович к О.Д. Чехович (9 февраля 1966 г.) «... Вы уже давно воспринимаемы, как Главный документалист Средней Азии (ср. Главный архитектор, Главный конструктор и проч.), глава целого направления, да к тому же и пропагандист». ЦГА РУз, ф. Р-2678, оп. 1, д. 531, л. 71.

² Следует сказать несколько слов о стиле подобных анкет-автобиографий, заполнение которых являлось необходимостью любого советского гражданина при поступлении на службу, учебу, членство в общественных организациях и т.п. Составление подобных биографий осуществлялось в соответствии со специально разработанными формами, подборка вопросов в которых позволяла отразить основную информацию о личной жизни и профессиональной деятельности автора, дающими при надобности «компетентным органам» инструмент «советской рекогносцировки» личности, особенно в тех случаях, когда речь заходила о его благонадежности, лояльности режиму, а также

ставление этих анкетных данных с публикациями и другими материалами ее архива невольно позволяет выделить два образа (ипостаси) ее служебной и академической деятельности. В первой из них О. Чехович выступает в качестве штатного агитатора-пропагандиста, члена различных политико-идеологических организаций. Во второй – как авторитетный исследователь-медиевист, признанный в широких академических кругах. При этом мы отдаем себе отчет, что подобное разделение образов условно, поскольку любая попытка разграничить подобные ипостаси выглядела бы искусственно и не отражала собственно внутренний мир человека.

Коммунист и пропагандист

Ольга Чехович родилась 14 июня 1912 г. в городе Петербурге¹. В 1929 г. поступила на исторический факультет Ленинградского университета (с 1930 г. – Историко-лингвистический институт). После окончания института в 1932 г., получив квалификацию «историка», О. Чехович по распределению приехала в Ташкент в качестве преподавателя истории Таджикского педагогического техникума, где по собственному признанию, *«вскоре перешла на преподавание на таджикском языке, который изучала сверхпрограммы в Ленинграде»*².

Однако, уже спустя год после ее приезда в Ташкент, в сентябре 1933 г., она была выдвинута штатным пропагандистом Центрального комитета Комсомольской организации Узбекской ССР (ЦК ВЛКСМ Уз), где работала вплоть до ликвидации пропагандисской группы в марте 1934 г.³ После этого была направлена в редакцию газеты Политического отдела Среднеазиатской железной дороги первоначально в качестве инструктора, а впоследствии – помощником ответственного

карьерном продвижении, вопросе о наградах и т.д. Живописное описание одной из подобных анкет, принятых в делопроизводство в середине 30-х годов XX в., т.е. в самый разгар сталинских репрессий, представлено в культовом романе советского автора А. Рыбакова «Дети Арбата» (Ташкент: Издательство им. Гафура Гуляма, 1989. С. 416 - 419).

¹ Как свидетельствуют скупые сведения служебных анкет О.Д. Чехович, ее отец Чехович Дмитрий Александрович (ум. в 1933 г.) получил свою фамилию от усыновившей его Марии Александровны Чехович – «женщины дворянского происхождения, преподававшей в воскресной рабочей школе вместе с Н.К. Крупской» (супругой В. Ленина). Кажется, что этот факт О. Чехович отмечает в своей биографии вполне сознательно стараясь ненавязчиво продемонстрировать принадлежность своей семье к сети революционных преподавателей. В связи со служебной деятельностью отца, бывшего железнодорожным служащим, семья Чехович неоднократно переезжала с места на место. Как сообщает сама Ольга Дмитриевна «до 1929 г. я жила с отцом и часто переезжала с одной железнодорожной станции на другую, по месту назначения отца». Мать Елена Петровна, урожденная Огуз, происходила из евреев-выкрестов. Скончалась от пеллагры в 1942г. в г. Ташкенте. В семье, наряду с Ольгой, воспитывалось 7 детей. См.: ЦГА РУз, ф. Р-2678, оп. 1, д. 570, л. 3, 6.

² ЦГА РУз, ф. Р-2678, оп. 1, д. 570, л. 6.

³ Там же, л. 6 об.

редактора. В 1937 г. О. Чехович уже избрана секретарем комсомольской организации Среднеазиатской железной дороги. Однако достаточно успешно начинающейся карьере на этом поприще внезапно был нанесен ощутимый удар: осенью 1937 г. О.Д. Чехович была исключена из рядов ВЛКСМ в связи с обвинениями в связях с «врагом народа». Примечательно, что среди многочисленных анкет и служебных автобиографий, хранящихся в ее архиве, О. Чехович только в одном из них приводит скупые сведения о деталях данного инцидента, ставшего, очевидно, одной из наиболее неприятных страниц ее жизни:

«[...] Осенью 1937 г. по клеветническому обвинению в том, что я, якобы, имела связь с врагом народа Хворостиным¹, я была исключена из комсомола, но вскоре восстановлена решением бюро ЦК ЛКСМ Уз [...]»².

Несмотря на то, что обвинения сняли, она была вынуждена, по всей видимости, оставить на некоторое время пропагандистскую деятельность. В этот период она поступила в аспирантуру Среднеазиатского государственного университета в Ташкенте (далее – САГУ). Однако, как показывают материалы архива, О. Чехович не прекращает свои политические «штудии», совмещая учебу в аспирантуре с преподаванием «основ марксизма-ленинизма» на Химическом факультете университета.

Попытки восстановить свои позиции на данном поприще были вновь предприняты в 1942 г., когда О. Чехович подала заявление о приеме в члены Коммунистической партии, однако парторганизация САГУ отказала в приеме с мотивировкой: *«в виду недостаточной политической зрелости»*. О. Чехович объясняет мотивы данного отказа:

«[...] одним моим публичным выступлением на защите докторской диссертации проф. А.А. Семенова³, ныне члена-корреспондента Академии [наук] СССР и орденоносца. Некоторые товарищи, стоявшие у руководства САГУ (Бродский, Муравейский и др.), как я потом узнала, имели давнишнюю вражду против Семенова и считали политически неверным, чтобы наша молодежь шла учиться у старых ученых, подобных Семенову. Поэтому мое

¹ К сожалению, нам не удалось найти какой-либо информации об этом человеке, равно как и причинах выдвижения подобного обвинения против О.Д. Чехович.

² ЦГА РУз, ф. Р-2678, оп. 1, д. 570, л. 6 – 6 об.

³ Семенов Александр Александрович (1873 – 1958) – известный исследователь-историк, востоковед. Член-корреспондент Академии наук Узбекистана (1943), академик Академии наук Таджикистана (1951), директор Института истории, археологии, этнографии АН Таджикистана (с 1954 г.) См.: Германов В. «Шейх Туркестана» // Восток свыше. Духовное и литературно-историческое издание. Вып. III. Ташкент, 2002. С. 65–69. Упоминаемая здесь защита А. Семенова состоялась в феврале 1942 г. в Среднеазиатском государственном университете в Ташкенте.

выступление с приветствием Семенову сочли признаком недостаточной политической зрелости и решили от приема в ВКПб воздержаться»¹.

Несмотря на этот отказ, после защиты кандидатской диссертации в 1943 г. и приема на работу в Академию наук старшим научным сотрудником Института истории в 1945 г. общественно-идеологическая деятельность О.Д. Чехович обретает новые масштабы. Как отмечается в партийной характеристике, выданной О. Чехович руководством Института истории в 1951 г., в эти годы, помимо собственно научной деятельности, она занимает посты Председателя Объединенного месткома АН РУз, а также заведующего агитационным пунктом при партийной организации АН РУз².

«[...] Тов. Чехович много и упорно работает над повышением теоретических и политических знаний, - отмечается также в характеристике. - [...] Активно участвует в проведении политических инструкций с сотрудниками института [...]»³.

О серьезности намерений на общественно-политическом поприще О. Чехович в эти годы может также свидетельствовать поступление ею в 1951 г. без отрыва от своей работы в Институте истории, на вечернее отделение Университета марксизма-ленинизма⁴.

Очевидно, что подобная активность не могла остаться незамеченной, и в 1950 г. она подает повторное заявление о вступлении в члены Коммунистической партии СССР. На этот раз, решение парторганизации гораздо благосклоннее и она была принята первоначально кандидатом, а год спустя, в 1951 г., уже членом партии⁵.

Со вступлением в партию значительно расширяются и масштабы ее общественно-политической деятельности, которая выходит уже за рамки собственно Института истории и Академии наук Узбекистана. На примере документов ее архива можно наблюдать достаточно активную деятельность О. Чехович на более серьезном уровне, а именно: в качестве внештатного пропагандиста Хамзинского районного отделения компартии Узбекистана, а также лектора общества «Знание». В личном архиве хранится «Дневник учета выступлений политдокладчика, внештатного лектора Хамзинского РККП Уз. О.Д. Чехович», в котором она аккуратно фиксировала сведе-

¹ ЦГА РУз, ф. Р-2678, оп. 1, д. 570, л. 3–3 об.

² ЦГА РУз, ф. Р-2678, оп. 1, д. 573, л. 1.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

ния о своих выступлениях (тема, дата, место проведения, количество слушателей) в качестве лектора на общественно-политические темы на период с 1977 до конца 1981 г, т.е. фактически до самой смерти О.Д. Чехович 27 января 1982 г.¹ Судя по дневнику, количество подобных лекций О.Д. Чехович в год только в качестве внештатного партийного лектора составляло в среднем 8 – 9².

Тематика выступлений О.Д. Чехович достаточно разнообразна: рядом с такими проблемами, как «Улугбек и сарбардарство» или «О раннесредневековых городах Средней Азии» мирно сосуществуют выступления на темы «25 съезд КПСС и образ жизни» или «Проблема социалистического образа жизни в свете новейших партийно-государственных документов». Достаточно разнообразен и контингент слушателей: это сотрудники академических учреждений, общественных организаций, коллективов заводов, воспитатели детсадов, медики и др. Об том, в частности, сообщат один из номеров столичной газеты от 1979 г., в котором упоминаются выступления О. Чехович, в числе других лекторов Хамзинского РККП «на предприятиях, учреждениях, строительных организациях и учебных заведениях» с разъяснительными лекциями об итогах «ноябрьского Пленума ЦК КПСС и второй сессии Верховного Совета СССР»³.

В архиве сохранились тексты многочисленных агитационных докладов О. Чехович. Подавляющее большинство из них изобилует идеологическими и пропагандистскими штампами из вокабуляра партийных документов того времени:

«[...] Великие вожди русского и мирового рабочего движения – Владимир Ильич Ленин и Иосиф Виссарионович Сталин являются непревзойденными мастерами смелой диалектической постановки множества запутанных социальных вопросов, и в том числе – национального [...]»⁴.

Примечательно, что подобная пропагандистская риторика характерна и для более поздних выступлений О.Д. Чехович, подготовленных уже после смерти И. Сталина. Так, в докладе 1968 г., посвященном празднованию 1 мая – Международного дня солидарности трудящихся, О. Чехович обращается к слушателям, сотрудникам Академии наук, со словами:

¹ ЦГА РУз, ф. Р-2678, оп. 1, д. 492.

² Подтверждением тому может служить также ее собственное упоминание в одном из служебных отчетов: «В январе 1975 года я выезжала в область Джизак по поручению ЦК для чтения лекций об «Обращении ЦК КПСС к партии и советскому народу». Всего в 1975 г. прочитано 9 лекций и докладов». ЦГА РУз, ф. Р-2678, оп. 1, д. 65, л. 46–47.

³ Вечерний Ташкент. 1979 г. 5 декабря. С. 2.

⁴ ЦГА РУз, ф. Р-2678, оп. 1, д. 156, л.1 (Ленинско-сталинская постановка национального вопроса, 1950).

«[...] Товарищи, – данный первомай – последний, в этом 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. Дело чести всех сотрудников Академии ... состоит в том, чтобы встретить 100-летие со дня рождения В. Ленина новыми значительными открытиями и научными достижениями во всех отраслях науки. Выше знамя пролетарского Интернационализма! [...]»¹.

Вместе с тем, на примере подобных дневников, текстов ее агитационных докладов (а также, как это будет рассмотрено далее на материалах ее научных трудов) мы можем наблюдать характерное совмещение (взаимопроникновение), а порой и борьбу этих двух основных ипостасей О.Д. Чехович. Если мы посмотрим на тематику выступлений – это не просто сухие доклады «о материалах очередного съезда», а обсуждение научно-исторических проблем, инициатива включения которых в пропагандистский календарь принадлежит, очевидно, самой О.Д. Чехович.

Да и сами доклады, имеющие, казалось бы, исключительно пропагандистскую направленность, О. Чехович разбавляет многочисленными примерами из истории, анализом различных примеров зарубежной общественно-философской мысли. Так, например, в уже упомянутом выше «первомайском» выступлении она пытается анализировать «концепцию индустриального общества», представленную в трудах американского экономиста Walt Whitman Rostow² и французского социолога Raymond Aron³, а также обосновать ее концептуальные противоречия с концепциями Маркса и Ленина о классовом антагонизме общественного развития⁴.

Итак, на примере показанной грани деятельности О.Д. Чехович мы можем проследить картину нахождения советского историка на службе власти и протворяющего и продвигающего идейные ценности режима и, как представляется, искренне верующего в его идеалы.

Однако для нас здесь интересен, прежде всего, вопрос, в какой мере эти убеждения сочетались с академическими взглядами и с кредо объективного историка? Можно ли предположить, что обе ипостати одного из самых публикуемых «документалистов» Ташкента существовали сами по себе, не влияя друг на друга или, напротив, естественно дополнялись, позволяя оставаться продуктивной в

¹ ЦГА РУз, ф. Р-2678, оп. 1, д. 96, л. 11.

² Rostow Walt Whitman – американский экономист, автор 'The Stages of Economic Growth. A non-Communist Manifesto', опубликованного в 1960 г.

³ Raymond Aron – известный французский социолог, автор книги La société industrielle

⁴ Сложно, однако, точно утверждать, была ли это личная инициатива О. Чехович, либо упоминание Rostow и Aron связано со специальными властными директивами, подразумевающими кампанию против них. Не известно также, насколько работы указанных авторы могли быть доступны широкой аудитории читателей в Ташкенте в 1968 г.

двух направлениях деятельности, в которых Ольга Дмитриевна была одинаково активна до конца своей жизни?

Ученый

Как свидетельствуют материалы архива, начало академической деятельности О.Д. Чехович связано с ее поступлением в аспирантуру исторического факультета САГУ в 1937 г. Одной из причин решения заняться научной деятельностью, как мы уже указывали выше, очевидно, стали выдвинутые против нее обвинения в связях с «врагом народа», приведшие к отставке с должности ответственного секретаря комсомольской организации. Вполне вероятно, что этому могли также способствовать и иные обстоятельства, выяснить которые пока не представляется возможным. В личном архиве содержится крайне скудная информация, характеризующая этот период ее жизни. Однако даже такая ограниченная информация позволяет выделить, по меньшей мере, два основных фактора ее ранней академической карьеры, определивших во многом характер ее последующей деятельности и сферу научных интересов.

1. Участие весной 1940 г. в комплексной научно-исследовательской экспедиции, организованной историческим факультетом САГУ и Музеем искусств Узбекистана, под руководством проф. М.С. Андреева¹ в Бухару для сбора материалов, а также изучение различных вопросов экономической и социальной истории Бухары конца XIX – начала XX столетия². В качестве ученого секретаря экспедиции в обязанности О.Чехович вменялись ведение рабочего дневника, а также систематизация и описание всех материалов,

¹ Михаил Степанович Андреев (1873 – 1948) – крупнейший исследователь - этнограф, лингвист. Начав свою среднеазиатскую научную деятельность в Самарканде в качестве толмача (переводчика) при Военном губернаторе области и тогда же начав сбор этнографических данных, благодаря своему таланту и способностям оставался успешным и при большевиках, став членом-корреспондентом Академии наук СССР (1929 г.) и в числе первых академиков Академии наук Узбекистана (1943 г.). Организатор и непосредственный участник целого ряда этнографических экспедиций в различные районы Средней Азии (Ягноб, Хуф, Нур-Ата, Маргилан). См. подробнее: Акрамова Х., Акрамов Н. Востоковед Михаил Степанович Андреев (научно-биографический очерк). Под редакцией и с предисловием Литвинского Б.А. Душанбе: Ирфон, 1973.

² Экспедиция продлилась с 10 апреля по 26 июня 1940 г. и была прекращена вследствие наступившей в Бухаре невыносимой жары. Помимо собственно М.С. Андреева и О.Д. Чехович в ней также приняли участие В.Н. Кун, Н.В. Русинов, М.С. Юсупов и Л.И. Ремпель. Сбор материала осуществлялся в рамках следующих тематических направлений: Историческая топография города; Бухарский Арк и его архитектура в конце XIX – начале XX в., «День бухарского эмира», администрация, суд, финансы, ремесло, торговля, налоговая система и войско Бухарского эмирата. См.: ЦГА РУз, ф. Р-2678, оп. 1, д. 168, л. 1-2.

собранных ее членами¹. Собранные в ходе экспедиции материалы (в настоящее время хранятся в ее личном архиве) легли в большинстве своем в основу ее диссертации «*Бухарские поземельные акты и аграрные отношения в XIX – XX вв.*», содержащей обилие упоминаний указанной экспедиции и многочисленные ссылки на ее материалы, а также выделили актовую документалистику в качестве *profession de foi* ее всей последующей жизни. Значение бухарской экспедиции для определения векторов ее дальнейшей исследовательской деятельности было отмечено и самой О.Д. Чехович в выступлении, произнесенном во время защиты кандидатской диссертации 17 декабря 1943 г.: «... я считаю эту первоначальную обработку актов во время экспедиции в Бухаре началом своей исследовательской работы ...»².

2. В начале 1940-х годов, в разгар Второй мировой войны, в Ташкент, помимо прочего, были эвакуированы важнейшие научно-исследовательские учреждения всесоюзного масштаба вместе со специалистами, в частности Институт востоковедения АН СССР (Москва) и его Ленинградское отделение³. Этот был уникальный период, когда ведущие специалисты-востоковеды и историки на протяжении ряда лет занимались исследовательской и преподавательской деятельностью в Ташкенте, оказал заметное влияние на целое поколение молодых историков Узбекистана⁴, в том числе и на О.Д. Чехович. Очевидно, не последнюю роль в формировании и укреплении научных контактов с ленинградскими исследователями сыграл ее научный руководитель М.С. Андреев, который, по мнению Б.А. Литвинского, еще в период своего обучения в Петербурге в 1897 г., традиционно поддерживал тесные контакты с ленинград-

¹ В результате осуществленных экспедиционных мероприятий было приобретено у местного населения 360 документов, 5 рукописей, 5 литографий, различные оттиски печати. Кроме того, были записаны показания и воспоминания различных лиц, имевших прежде отношение к административной системе Бухарского эмирата. См.: ЦГА РУз, ф. Р-2678, оп. 1, д. 168, л. 1–2.

² ЦГА РУз, ф. Р-2678, оп. 1, д. 66, л. 45 (*Черновик выступления О.Д. Чехович на защите ученой степени кандидата исторических наук. 17 декабря 1943 г.*).

³ В частности, в этот период в Ташкенте работали такие известные исследователи, как А.М. Беленицкий, В.И. Беляев, Е.Э. Бертельс, Н.Д. Миклухо-Маклай, О.И. Смирнова, И.П. Петрушевский, Н.В. Пигулевская, В.В. Струве, А.С. Твергинова, А.Л. Троицкая, А.Ю. Якубовский и др. Наличие такого научно-интеллектуального потенциала в Ташкенте способствовало организации в Узбекистане в 1943 г. национальной Академии наук и ее структурных подразделений – Института истории (1943 г) и Института восточных рукописей (1944), осуществлявших фактически основные исследования в области истории и академического востоковедения в республике на протяжении всего последующего периода. См. подробнее: Академия наук в интеллектуальной истории Узбекистана. Отв. ред. Алимова Д.А., Абдурасулов У.А. Ташкент: Yangi nashr, 2012. С. 77.

⁴ См. например воспоминания Р.Г. Мукминовой.

скими востоковедами¹. Эти контакты и рабочие взаимоотношения, установившиеся в Ташкенте в процессе совместной работы, имели впоследствии важное значение для О. Чехович, сформировав в ее сознании, равно как и в сознании окружающих, некую приверженность к так называемой «*ленинградской/питерской школе востоковедения*», которая, помимо следования каким то академическим стандартам и приемам, подразумевала причастность к определенному неформальному академическому сообществу, члены которого в последующем и формировали ближайший академический *network* нашей героини.

Сама О.Д. Чехович в письме к своему коллеге Арону Броудо отмечает еще одного персонажа – Александра Александровича Семенова, знакомство и совместная работа с которым вдохновила ее к выбору научной специализации:

«[...] В молодости, послушав лекции А.А. Семенова по истории Средней Азии, я была поражена обширностью его знаний, почерпнутых из подлинных исторических летописей Бухары, и это способствовало определению моей дальнейшей специализации [...]»².

Личный архив содержит рукописи и машинописные тексты наиболее ранних научных публикаций О.Д. Чехович (впоследствии так и не опубликованных), подготовленных в годы обучения в аспирантуре и посвященных различным вопросам землевладения и налогового устройства в Бухарском эмирате XIX – начала XX века.³ Несмотря на то, что указанные публикации основаны на сравнительно богатом документальном материале, собранном О. Чехович в ходе «экспедиции САГУ» и работы в различных архивах республики, их научные положения буквально пропитаны большевистскими идеологемами указанного периода и повторяют распространенный дискурс, о «мрачной и отсталой» Бухаре, «феодалские круги» которой в лице «дико-фанатичного духовенства», «кулацко-байских элементов» «зверски» угнетают «трудовые массы», обильно снабженный красочными ориентальными мотивами, как например⁴:

¹ Акрамова Х., Акрамов Н. Востоковед Михаил Степанович Андреев (научно-биографический очерк). Под редакцией и с предисловием Б.А. Литвинского. Душанбе: Ирфон, 1973.

² ЦГА РУз, ф. Р-2678, оп. 1, д. 496, л. 1.

³ Большинство этих рукописей, включая кандидатскую диссертацию О.Д. Чехович «*Бухарские поземельные акты и аграрные отношения XIX – XX вв.*», остались впоследствии неопубликованными в своем первоначальном виде.

⁴ Практически аналогичные идеологемы и вокабуляр широко задействованы в работе другого участника экспедиции САГУ, сотрудника Самаркандского краеведческого музея М. Юсупова «*Суд в Бухаре. Судостроительство и судопроизводство в Бухарском*

«[...] Бухара была рассадником всевозможных эпидемических заболеваний. Все население пило воду из стоячих прудов – хаузов. В этих же хаузах ежедневно в ней омывались, туда же спускали и зачастую нечистоты [...]. Жуткое зловоние от разрытых кладбищ, свалок, нечистот, дополняли впечатление [...] Подавляющее большинство населения состояло из крестьян, имевших в качестве орудий только первобытные омачи и кетмень. [...]»¹.

Примечательно также, что несмотря на то, что «доктрина» известного советского историка-марксиста М. Покровского² об абсолютном зле царских завоеваний была подвергнута, начиная с 1934 г., серьёзной корректировке, отдельные ее парадигмы, как можно судить по этим материалам, продолжали оставаться на вооружении советских историков, в частности, на периферии и вначале 40-х годов:

«[...] После завоевания Средней Азии царской Россией угнетение трудящихся масс Бухары удвоилось[...]. Хлынувшие сюда скупщики хлопка грабили крестьян, а от конкуренции привезенных фабричных тканей вконец разорялись ремесленники [...]»³.

Аналогичные приемы и парадигмы были использованы автором и в ее кандидатской диссертации «*Бухарские поземельные акты и аграрные отношения XIX – XX в.*», защищенной 17 декабря 1943 г.⁴

Однако, прослеживая дальнейшую генеалогию академических работ О. Чехович, можно наблюдать постепенный отход от агрессив-

эмирате в конце XIX – начале XX в.», оставшейся также неопубликованной. См.: Ркп. Самаркандского государственного музея-заповедника, № 828.

¹ ЦГА РУз, ф. Р-2678, оп. 1, д. 64, л. 2.

² Михаил Покровский (1868 – 1932) – историк-марксист, советский политический деятель. В 20-е годы признавался лидером советских историков и «главой марксистской исторической школы СССР». Для трудов М. Покровского характерно обличение имперских и шовинистических стереотипов, свойственных русской исторической науке, в частности, утверждения о «несамостоятельности» и «культурной отсталости» подчиненных Российской империей народов. Стремясь обличить внешнюю и внутреннюю политику «правящих классов», М. Покровский делал ударение на негативных (с точки зрения существующих идеологем) аспектах русской истории, ранее замалчивавшихся. В духе исторического материализма он указывал на классовое угнетение, агрессии и завоевательные войны Российской империи, ограбление ею поработощенных народов, технологическую отсталость. Уже после смерти М. Покровского с 1934 г. начинается все возрастающая кампания против так называемой «школы Покровского», которая была объявлена «антимарксистской» и «антипатриотичной». Апогеем этого процесса стало физическое уничтожение властями целого ряда историков, имевших какое-либо отношение к этой «школе».

³ ЦГА РУз, ф. Р-2678, оп. 1, д. 64, л. 7 - 8.

⁴ Материалы этой диссертации впоследствии остались не опубликованными. В личном архиве содержатся лишь отдельные части и черновые записи данного исследования. См.: ЦГА РУз, ф. Р-2678, оп. 1, д. 66.

ной пропагандистской риторики и соответствующего вокабуляра к более сдержанным и обоснованным академическим положениям и заключениям¹. Примечателен в этом отношении ряд ее работ, опубликованных в середине 50-х годов XX в. Это касается, прежде всего, статьи *«О некоторых вопросах истории Средней Азии XVIII – XIX вв.»*², опубликованной в авторитетном советском журнале *«Вопросы истории»*, носившей программный характер и, в известной мере, обозначавшей новые парадигмы советской историографии относительно характеристики исторических процессов в Средней Азии в период непосредственно перед завоеванием региона Российской империей.

В своей статье О.Д. Чехович полемизирует с авторами статьи *«К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России»*³, опубликованной несколько ранее в этом же журнале, относительно их тезиса о том, что *«вплоть до времени присоединения (sic!) [Россией Средней Азии] не было снижения междоусобной войны и феодального раздробления, которые привели с собой сильное разрушение производительных сил Средней Азии»*. Привлекая широко примеры из письменных источников О.Д. Чехович опровергает усердно поощрявшуюся до этого времени позицию и утверждает, что в конце XVIII – начале XIX в. в Средней Азии *«шел процесс преодоления феодальной раздробленности»*, выразившийся, в частности, в росте городов, развитии торговли и ремесла, расширении ирригации.

Следует отметить, что О.Д. Чехович не была пионером такого рода тезисов. Отдельные, хотя и довольно робкие, попытки в этом направлении предпринимались некоторыми советскими исследователями. Так, в 1954 г. на научной сессии в Ташкенте, посвященной вопросам истории Средней Азии и Казахстана, подобное положение, правда, с некоторыми оговорками, было высказано такими знаковыми фигурами советской академической науки, как С.П. Толстов и В.А. Шишкин. Последний, в частности, отмечал, *«что нельзя не видеть определенного оживления в хозяйственной и культурной жизни региона»* во второй половине XVIII – XIX вв., хотя тут же подчеркивая, что *«совсем не желает идеализировать это мрачное время жесто-*

¹ Возможно, по этой причине диссертационное исследование О. Чехович, равно как и другие первые ее работы, остались в последующем неопубликованными. Более того, судя по материалам архива, О.Д. Чехович всячески избегала упоминаний своей кандидатской работы как в своих последующих работах, так и подготовленных ею списках опубликованных работ.

² Чехович О.Д. О некоторых вопросах истории Средней Азии XVIII-XIX вв. // Вопросы истории. М., 1956, № 3. С. 84–95.

³ Брагинский И., Раджабов С., Ромодин В. К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России // Вопросы истории. 1953. № 8.

чайшей эксплуатации и произвола ханов»¹. В публикации О.Д. Чехович, последовавшей спустя два года после описанных событий, это положение высказывается уже более открыто в качестве установленного факта, подтвержденного многочисленными ссылками на местные источники.

Оксфордский журнал *Central Asian Review* отреагировал публикацией отзыва на работу О. Чехович, назвав подобную тенденцию «попыткой польстить национальное чувство методами, которыми не пользовались 20 лет...». «Замечательной чертой очерка [О.Чехович], – также отмечал автор, – является отсутствие упоминаний Революции и каких-либо цитат из Маркса и Ленина, которые обычно связываются с каждой новой интерпретацией истории. Даже немногочисленные упоминания о феодализме кажутся сделанными, главным образом, «ради формы»².

Первая монография О.Д. Чехович «Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве XVII – XIX вв.»³, вышедшая в свет в 1954 г., была посвящена публикации исторических документов XVII – XIX вв., так называемых «поземельных актов», отображающих различные формы транзакций с земельной собственностью в различных частях Бухарского ханства. Издание включало в себя тщательно проработанные тексты, транслитерации и факсимиле 51 документа, отобранных автором в различных рукописохранилищах Узбекистана и снабженных информативными примечаниями. Документы, подавляющее большинство которых публиковалось впервые, представляли также важный интерес, с точки зрения характера содержащихся в них реалий, а также описываемых ими форм и видов существовавших транзакций с земельной собственностью.

В небольшом введении, которым автором предварил публикуемые документы, приведен ряд выводов, касающихся землевладения в Бухаре, заимствованных ею в большинстве из своей кандидатской диссертации, однако, существенно доработанными, а также смягченными с точки зрения идеологической риторики и пафоса⁴. Очевидной

¹ Весьма в схожей манере высказался и С.П. Толстов: «Я готов поддержать В.А. Шишкина, когда он говорит, что период конца XVIII – начала XIX в. характеризуется известными, правда, очень незначительными, но прогрессивными изменениями хозяйства и культуры Средней Азии, остававшейся по-прежнему феодальной». См.: Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дореволюционный период. Ташкент: Академия наук УзССР, 1955. С.497.

² Nationalism and Progress // *Central Asian Review*. Vol. V. 1, 1957. P. 1 – 4.

³ *Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве. Акты феодальной собственности на землю XVII – XIX вв.* Подбор документов, перевод, введение и примечания Чехович О.Д.. Ташкент: Издательство Академии наук УзССР, 1954. 269 с.

⁴ В отличие от текста кандидатской диссертации здесь практически полностью опущены пассажи о «кулаках-баях», нещадно эксплуатировавших крестьян.

ценной составляющей данной публикации стало также включение целого комплекса документов, характеризующих процесс перехода в Бухаре государственных земель (*замин-и мамлака*) в безусловную частную собственность (*мулк-и хурр* или *мулк-и холис*). Рассматривая содержание подобных транзакций, автор, пожалуй, одной из первых в советской историографии выдвигает, пока еще весьма осторожно, гипотезу о «долевом» или «разграниченном» праве собственности на землю и воду между государством в лице потентата, юридическим собственником земли и непосредственными держателями-земледельцами¹.

Не случайно, что издание подобной подборки документов имело довольно широкий резонанс в академической среде и было, среди прочих, отмечено профессором Оксфордского университета известным специалистом по истории средневекового Востока В. Минорским, который в своем письме О. Чехович отметил: «Труд Вы совершили громадный и крайне нужный. Какая богатая документация и новые материалы для размышления! ...»².

Для своего времени даже такая искусственная подборка документов из различных коллекций в рамках одной публикации была примечательным достижением, и в этом смысле вполне можно согласиться с мнением В. Минорского. Однако нельзя не отметить и некоторых упущений, которые видны в подобной селективной презентации названных актов. Характеризуя авторскую логику издания, следует отметить, что работа была выполнена в характерных традициях советского источниковедения, выражающегося в селективной (возможно, подчиненной некой ограниченной идее) выборке документов, извлеченных автором из различных коллекций и объединенных в рамках одного издания, руководствуясь исключительно лишь идеей, которую вкладывал в это «объединение» автор издания. При этом практически оставлены без внимания внутренняя структура отдельных коллекций (из которых производился отбор), характер интегрированности отобранного документа с другими составляющими коллекции и т.п.

Еще одна характерная черта – очевидная склонность идеализации «фактов», вычлененных из отдельных документов, адаптация их к заведомо сформулированным положениям, восприятие их в качестве неопровержимого доказательства и «установленной истины», на основе которой выстраиваются отдельные далеко идущие заключения³.

¹ Данная гипотеза уже более уверенно развивается в ее следующей статье, опубликованной год спустя в 1955 г., см.: Чехович О.Д. Бухарские поземельные акты XVI – XIX в. // *Проблемы источниковедения*. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. С. 223–242.

² ЦГА РУз, ф. Р-2678, оп. 1, д. 473, л. 1.

³ Так, например, ссылаясь на сведения исторического сочинения начала XVIII в. «Убайдуллонама» о том, как в период возведения бухарским правителем Убайдулла-

Между тем, страсть к изучению средневековых исторических документов, желание выработать приемы и методы их классификации, описания и публикации, а также интерпретации встречаемых в них терминов, постепенно становятся (наряду с изучением земельных отношений) основным направлением деятельности О. Чехович на ближайшие годы.

В своих основных трудах, принесших, пожалуй, наибольшую известность, – «Бухарские документы XIV века»¹ и «Самаркандские документы XV – XVI вв. (О владении Ходжа Ахрара в Средней Азии и Афганистане)»², вышедших в свет соответственно в 1965 и 1974 гг., О. Чехович публикует серию документов, связанных с вакфным имуществом и личными владениями двух влиятельных средневековых суфийских лидеров – кубравийского шейха Сайфиддина Бахарзи (ум. в 1362 г.) в Бухаре и накшбандийского шейха Ходжа Ахрара (ум. в 1489 г.). Помимо собственно текстов, переводов и факсимиле документов, оба издания снабжены подробными примечаниями, а также обширной вступительной частью, в которой автор дает историческую справку об эпохе, личностях Сайфиддина Бахарзи и Ходжа Ахрара, публикуемых документах, характере социально-экономических отношений той эпохи. Примечательно, что обе работы в полной мере свободны от каких-либо ссылок на «классиков марксизма-ленинизма», а также заметно сдержаны при освещении характера социально-экономических отношений в контексте обычных для того времени толкований классового антагонизма, особенно в использовании пассажей о «феодальной эксплуатации трудящихся масс».

Вместе с тем, обращает внимание некоторая дифференцированность автора в оценке Сайфиддина Бахарзи и Ходжа Ахрара – представителей «религиозного мракобесия» и личностей, довольно неоднозначных, с точки зрения официальной советской историографии. В первом случае автор и избегает каких-либо негативных оценок, отмечая лишь его могущество и заметное влияние, в том числе и на чагатайских правителей Бухары, стремясь акцентировать

ханом (1702 – 1711) сада и замка вблизи города амиры, дабы выразить свою лояльность, явились с рабочими из числа жителей местностей, находившихся в их владении. Основываясь на этом свидетельстве, О. Чехович приходит к заключению, что в рассматриваемое время «владелец молока мог заставить живших на его земле крестьян работать у себя или в другом месте, где он укажет», что в более широком контексте «доказывало» наличие «феодальной зависимости крестьян от земельных собственников» (С. XII – XIII).

¹ Чехович О.Д. Бухарские документы XIV века. Ташкент: Наука, 1965.

² Самаркандские документы XV – XVI вв. (О владении Ходжа Ахрара в Средней Азии и Афганистане). Факсимиле, критический текст, перевод, введение и указатели О.Д. Чехович. М., 1974.

внимание скорее на освещение социально-экономических отношений и особенностях функционирования вакфной собственности погребального комплекса Сайфиддина Бахарзи. В то время как основная цель второй работы (вакфное хозяйство Ходжа Ахрара) сформулирована автором в полном соответствии с характеристиками-клише, которые в работах многих советских востоковедов прилагались к личности и деяниям самого знаменитого накшбандийского шейха Ходжа Ахрара. О. Чехович оправдывает свой выбор необходимостью введения в научный оборот «новых фактов», анализ которых «с позиций исторического материализма» будет способствовать «пересмотру роли отдельных личностей [историческое] значение которых было необоснованно преувеличено». К числу таковых О. Чехович относит и «злого гения Самарканда» Ходжа Ахрара, как она отмечает, «активного пособника феодальных правителей».

Такая амбивалентность в оценке деятельности двух суфийских лидеров, очевидно, связана с особой «демонизацией» фигуры Ходжа Ахрара в советской историографии. Тенденция негативной оценки «дервишизма», начавшаяся еще в досоветский период, вследствие ряда восстаний местного населения против колониальной владычества Российской империи, лидерами которых нередко выступали суфийские шейхи¹, в советское время приобрела более конкретное очертание в контексте концепций классового антагонизма и антирелигиозной пропаганды. В этом отношении фигура Ходжа Ахрара, характеризуемого официальной историографией как шейха-магната, политического интригана и зачинщика политических смут второй половины XV в., было очень успешно использована официальной идеологией и обрела зловещий характер². Очевидно, что публикация в одном из центральных академических издательств подобной обширной коллекции документов (включающей 18 единиц), связан-

¹ Наибольший резонанс среди них имело восстание 1898 г. в Андижане, получившее название по имени своего руководителя Дукчи Ишана. О формировании негативного отношения к суфизму в Российской империи и продолжении этой тенденции в советский период см.: Бабаджанов Б.М. Андижанское восстание 1898 года и «мусульманский вопрос» в Туркестане (взгляды «колонизаторов» и «колонизированных») // *Ab Imperio*. Казань, 2009. № 2. С. 155–200.

² Подобный тренд продолжал доминировать в советской науке вплоть до середины 80-х гг XX в., когда собственно был поднят вопрос о «переоценке» и деятельности Ходжа Ахрара. В качестве основания для этого выдвигался тезис о «частично прогрессивном» характере его деятельности, который предложил известный текстолог и востоковед А.Н. Болдырев (Еще раз к вопросу о Ходжа Ахраре. Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М.: Восточная литература, 1985. С. 47–63). См. также: Бабаджанов Б.М. К вопросу о восприятии статуса суфийского шайха (на примере Ходжа Ахрара) // *Arabia Vitalis*. Арабский Восток, Ислам, Древняя Аравия. Сборник статей, посвященный 60-летию В.В. Наумкина. М.: Восточная литература, 2005. С. 177 – 190.

ных с персоной Ходжа Ахрара, не могла быть осуществлена вне общей негативной оценочной канвы официальной историографии по отношению к этому шейху¹.

Вместе с тем, даже такой формат публикации являлся, очевидно, событием достаточно неординарным. По крайней мере, именно этим можно объяснить серьезную озабоченность близкого друга О. Чехович, известного советского востоковеда – Елены Давидович, выраженной в письме в феврале 1980 г. после выхода в свет очередной работы нашей героини, посвященной Мирзо Улугбеку²:

«Нельзя исключать и того, – отмечала Е.А. Давидович, – что нас еще успеют обвинить в идеализации феодального правителя и вообще в неверном освещении феодализма. Хорошо, если успеют уже после нас [...]»³.

В целом, помимо освещения ряда серьезных вопросов, связанных с характером вакфного хозяйства, характером и содержанием некоторых форм землевладения и землепользования в средневековой Средней Азии, указанные работы, по сути, стали первыми в Узбекистане попытками публикации сравнительно масштабных тематически связанных коллекций документов. С точки зрения логики селекции материала, это уже не отобранные документы из разных коллекций, как отмечено в вышеприведенной презентации ранних работ О. Чехович, а попытки публикации источников в хронологической, тематической и персонифицированной взаимосвязи.

В этом отношении рассматриваемые монографии О. Чехович обозначили новые стандарты в публикации средневековых актов материалов в Узбекистане, став своего рода *role-model* для последующих публикаций. Можно наблюдать, как практически все последующие работы, касающиеся публикации источников, вопросов вакфного хозяйства и земельных отношений, неизменно ссылаются на указанные исследования Ольги Чехович и пользуются ее приемами в презентации материалов.

В целом издание актов материалов, выработка приемов их классификации, описания и публикации, а также интерпретация встречаемой в них терминологии стали, по сути, одним из ключевых направлений деятельности О.Д. Чехович, по праву принесшие ей

¹ Более того, по замечанию А.Н. Болдырева, О. Чехович имела серьезные основания для своих оценок, «широко пользуясь историческими, агиографическими и документальными источниками», А.Н. Болдырев Еще раз к вопросу о Ходжа Ахраре ... С. 47–48.

² Чехович О.Д. К вопросу о воспитателе Улугбека // Из истории науки эпохи Улугбека. Ташкен: Фан, 1979. С. 10–18.

³ ЦГА РУз, ф. Р-2678, оп. 1, д. 531, л. 9.

лавры «главного документалиста Средней Азии»¹ и «первой по своей подготовленности и продуктивности»². Помимо собственно публикации целого ряда статей и монографий, касающихся классификации актовых материалов, обсуждения некоторых терминологических вопросов, ею был осуществлен ряд важных организационных мероприятий. В частности, в течение 1964 – 1965 гг. ею инициирована специальная рубрика «Материалы по терминологии исторических источников» в рамках журнала «Народы Азии и Африки»,³ организован Отдел по изучению исторической, социально-экономической и сельскохозяйственной терминологии на базе Института истории Академии наук Узбекистана⁴, осуществлена редакция ряда исследований, связанных с публикацией среднеазиатских «актовых документов»⁵.

Однако постепенно, по прошествии времени, и в этом направлении можно наблюдать качественные изменения исследовательских приоритетов в работах О.Д. Чехович – от публикации тематических коллекций документов к изучению собственно эволюции культуры и традиций документального делопроизводства на территории Средней Азии на протяжении всего исламского периода. Как показывают материалы личного архива, идея подготовки подобной работы зародилась уже давно, в частности, еще в 1967 г. в письме, адресованном своему коллеге в Москве Алексею Болдыреву и его супруге, О. Чехович признавалась:

«[...] Что касается моих планов, то после издания «Самаркандских документов» ... я надеюсь сделать вместе с А. [насом] Халидовым и А.[льфредом]

¹ Из письма Е.А. Давидович от 3 марта 1980 г. ЦГА РУз, ф. Р-2678, оп.1, д. 531, л. 9.

² ЦГА РУз, ф. Р-2678, оп. 1, д. 9, л. 19 (*Отзыв д.и.н. О.А. Сухаревой о докторской диссертации О.Д. Чехович. 06.06.1967*).

³ Как отмечала сама О. Чехович, «благодаря наличию специальной рубрики в журнале «Народы Азии и Африки» появилась возможность быстро публиковать терминологические находки, делать их общим достоянием», что давало возможность «оперативно откликаться на новые находки и координировать усилия отдельных ученых». В общей сложности в рамках указанной рубрики было опубликовано порядка 16 публикаций, посвященных терминологии документальных источников из Средней Азии и Кавказа. См. подробнее: Чехович О.Д. К истории феодальных отношений в Бухаре XVII в. // Материалы по истории Узбекистана. Ташкент: Фан, 1973. С. 13; Егани А.А., Чехович О.Д. Регесты среднеазиатских актов (с фотопроизведением публикуемых впервые) (Материалы к свободному каталогу актовых источников в собраниях СССР) // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1974. М.: Наука, 1981. С. 48.

⁴ *Отзыв д.и.н. А.Л. Троицкой о докторской диссертации О.Д. Чехович. 06.06.1967 г. ЦГА РУз, ф. Р-2678, оп. 1, д. 9, л. 28.*

⁵ В качестве примера редакторской деятельности О.Д. Чехович можно назвать работу: Материалы по истории Ура-Тюбе. Сборник актов XVII – XIX вв. Составление, перевод и предисловие Мухтарова А. Под редакцией Семенова А.А. и Чехович О.Д. Москва: Издательство восточной литературы, 1963.

Арендсом еще одну книжку – арабский документ XIII в. из Бухары¹. С.[игизмунд] Н.[атанович] Валк усиленно агитирует меня прекратить дальнейшее издание документов и (sic) документиков и заняться дипломатикой в смысле обзора структуры и истории сложения самих документов, их разновидностей и т.д. [...]»².

Возможно, что одной из причин, побудивших О. Чехович приступить к более системной разработке данной проблемы, стали ознакомление с работами зарубежных авторов, посвященных публикации материалов ранних исламских юридических трактатов (*шурут, инша'*) и документов. Следует отметить, что начиная с конца 1950-х годов, судя по личной переписке, О. Чехович начинает активно знакомиться с зарубежными публикациями (главным образом на английском и французском языках), посвященными вопросам правовой истории мусульманского Востока и, особенно, публикации документальных источников. Почти в каждом своем письме к коллегам в Москву и Ленинград она просит выслать копию той или иной работы, опубликованной на Западе, использует для этого редкие визиты зарубежных исследователей в Ташкент (например, ДжоЭнн Гросс), через своего коллегу В. Минорского устанавливает рабочие контакты с журналом «*Economic and Social History of the Orient*».

О влиянии зарубежных исследований на научные позиции, взгляды и интересы О. Чехович может свидетельствовать ее письмо, адресованное в 1973 г. исследователю из Таджикистана А.А. Егани, над редакцией работы которого она непосредственно работала. Ольга Чехович, среди прочего, предлагает автору изменить принцип составления описаний публикуемых вакфных документов, используя приемы из зарубежного опыта:

«[...] Вместо общих определений, [...] где Вы пишете: «Распоряжение, ... определяющее размер расходов из дохода земель вакфа [...]», можно написать конкретнее: «определяющее, что мутавалли должен получить столько-то, на такие-то цели, тратить столько-то и т.д.» Именно такие конкретные и содержательные описания актов я видела на днях в английском журнале «*Journal of the Economic and Social History of the Orient*» за 1973 г., где опубликован каталог маленькой коллекции [...]»³.

В личном архиве ученого хранятся ее рукописные автографы переводов на русский язык ряда работ по правовой истории региона раннеисламского периода, как «*The Function of Documents in Islamic*

¹ Имеется в виду работа: Арендс А.К., Халидов А.Б., Чехович О.Д. Бухарский вакф XIII века. Факсимиле. М.: Наука, 1979.

² ЦГА РУз, Ф.Р-2678, оп. 1, д. 495. л. 1 – 1 об.

³ Там же, л. 1.

Law» Жаннет Уакин, '*Deux Actes de Waqf d'un Qarakhanide d'Asie Centrale*' Клода Кахена¹, а также по вопросам средневековой дипломатики, как "*Die Staatsverwaltung der Grosselguen und Horazmsāhs (1038 - 1231)*" Хериберта Хорста и др.²

Важно, однако, подчеркнуть, что это не было лишь механическим заимствованием тех положений и академического инструментария, которые она встречала в читаемых ею зарубежных исследованиях. Напротив, критический анализ О. Чехович содержания этих работ, подвиг ее к необходимости тщательного ознакомления с первоисточниками по раннему мусульманскому праву, которые в свою очередь позволили значительно расширить предметное поле ее исследований. Так, в одном из своих писем, адресованных Е.А. Давидович (1 ноября 1973 г.), она отмечала:

«[...] Сейчас я погрузилась в арабские юридические трактаты. Началось это увлечение с простой и узкой задачи: надо было проверить по первоисточникам некоторые сомнительные места текста вакуфных грамот XI в., опубликованных в Париже в *J[ournal] A[siatique]*, 1967. Обнаружилась такая масса ошибок, искажений и пропусков [...] Попутно я стала читать «*Китаб аш-шурут*» подряд и тут уже была вознаграждена за свою дотошность – чего-чего в них только нет! И о милках, и об общинах, о всевозможных реальных терминах [...]»³.

Влияние этих и других зарубежных публикаций на поздние работы О. Чехович в последующем приобретает все более заметное проявление. Так, в 1979 г. ее была завершена масштабная монография «*История развития актов юридического оформления феодальных отношений в Средней Азии*»⁴, влияние вышеуказанных работ зарубежных авторов на концептуальные и теоретические выводы которой заметно уже «невооруженным взглядом».

Ознакомление с материалами ранних мусульманских трактатов и документов способствовало задумке О. Чехович нового масштабного труда «*Ремесло, торговля и налоговая система в Узбекистане в XII – XIII вв.*», которому, очевидно, предстояло стать *magnum opus* ученого. Работа была заявлена в план Института истории в 1980 г. и

¹ The Function of Documents in Islamic Law. *The Chapters on Sales From Tahawi's Kitab al-Shurut al-Kabir*, Edited with an Introduction and Notes by Jeannete A.Wakin, State University New-York Press, 1972; "Deux Actes de waqf d'un Qarakhanide d'Asie Centrale par Mohammed Khadr avec une Introduction par Claude Cahen, *Journal Asiatique*, t. 255, 1967".

² '*Die Staatsverwaltung der Grosselguen und Horazmsāhs (1038 – 1231). Eine Untersuchung nach Urkundenformularen der Zeit von Heribert Horst*'. Wiesbaden, 1964.

³ ЦГА РУз, ф. Р-2678, оп. 1, д. 60, л. 148.

⁴ Чехович О.Д. *История развития актов юридического оформления феодальных отношений в Средней Азии XII – XVI вв.*. Ташкент, 1979 (неопубликованная рукопись).

должна быть завершена в 1984 г. Однако, этим планам не суждено было реализоваться вследствие внезапной смерти ученого 27 января 1982 г.

* * *

Итак, мы проследили два образа (ипостаси) общественной и академической деятельности О.Д. Чехович. Мы увидели, с одной стороны, активного партийного пропагандиста, чьи знания и опыт успешно используются на службе Власти и чья вера в идеалы режима представляется вполне искренней. На примере показанной грани деятельности О.Д. Чехович мы можем проследить картину нахождения советского историка на службе власти и притворяющего и продвигающего идейные ценности режима, умело и профессионально пропагандирующего, в том числе и перед аудиторией, далекой от науки и вообще от интеллектуальных видов деятельности. Однако трудно утверждать, что случай О.Д. Чехович имел исключительный характер. Вовлеченность в идеологические кампании было составной частью репрезентации многих других ученых, особенно в области общественных наук, обеспечивающей потенциальную защиту, успешное продвижение в карьере, решение бытовых вопросов и т.п. Необходимо принимать во внимание, что советский режим был в высокой степени идеологизированным, хотя он осуществлял модернизацию и политику всеобщего образования и поддерживал науку, но реализовывал указанные мероприятия в жестко регламентированных рамках, не останавливаясь перед репрессиями (особенно в период И. Сталина), и жесткой политической цензурой, если что-то выходило за эти рамки. О.Д. Чехович, которая пережила сложный период в 1937 г., едва сама не стала жертвой репрессий, конечно, не могла игнорировать данное обстоятельство. Именно поэтому подобная «верность идеалам» становилась неотъемлемой частью деятельности ученых, своеобразным способом самозащиты и выживания.

Однако само по себе такое объяснение достаточно просто. Оно не объясняет, что побуждало ей заниматься также с присущей ей страстностью пропагандистской деятельностью и после смерти Сталина, когда репрессивный маховик режима был замедлен. Между тем, О.Д. Чехович продолжала активно участвовать в пропагандистских мероприятиях даже в преклонном возрасте (когда такая общественная работа рассматривалась как обязательная), уже добившись широкого признания на академическом поприще. Эти обстоятельства позволяют полагать, что она искренне верила в эти идеалы, которые так страстно отстаивала почти до конца своей жизни.

Очевидно, что О.Д. Чехович – продукт грандиозных образовательных и пропагандистских проектов советской власти, а потому мы видим ее совершенно осознанную и искреннюю активность на этом поприще. Работая с самого начала своей карьеры в Ташкенте, – одной из периферий Советского государства, она не могла не видеть воочию рациональную, пусть и изрядно заидеологизированную основу, и относительный успех интернациональной политики партии и властей, позитивные результаты индустриализации, эмансипацию женщин, секуляризацию и проч. Независимо от наших сегодняшних оценок, для большинства людей того периода они представлялись формой прогресса, положительных изменений и т.п. В этом отношении О.Д. Чехович была человеком своей эпохи, сознательно конструирующим собственное «Я» в советском контексте.

С другой стороны, мы видим также образ принципиального *академика*, пытающегося в процессе своей научной деятельности (по меньшей мере, в основных своих публикациях) постепенно отойти от идеологических клише и стандартов, выйти за их рамки заданных схем и парадигм, пытаться активно использовать мировой опыт, посредством расширения академических контактов и знакомства с зарубежными публикациями, расширяя тем самым предметное поле, концептуальные подходы и вокабуляр советского востоковедения. Пример академической деятельности О. Чехович также характерно демонстрирует, что провинциальность (в советском контексте) ученого отнюдь не означала его исследовательскую маргинальность. И в случае О. Чехович мы имеем один из немногочисленных примеров того, как советский исследователь на периферии, благодаря качеству своих исследований, получил широкое мировое признание и был вписан в мировое библиографическое пространство востоковедения.

Тем не менее, как мы полагаем, представленные образы О.Д. Чехович не антагонистичны, напротив они создают законченный образ советского востоковеда в конкретном социально-политическом пространстве. Такая кажущаяся двойственность, очевидно, отражала форму позиционирования ученого как в рамках академического сообщества, так и в более широком общественном контексте. Она позволяла, будучи в согласии с общественно-политической системой и выступая ее составной частью, вместе с тем, формировать особое социальное и интеллектуальное пространство, позволявшее отстаивать и продвигать самостоятельные академические принципы, позиции и взгляды.

Заключительные ремарки

Биография и творчество О.Д. Чехович и Р.Г. Мукминовой в полной мере воплощают в себе особенности и коллизия той эпохи. Эпохи – противоречивой и дихотомичной, с одной стороны, наполненной жестким идеологическим диктатом и, как следствие, регламентацией творчества ученых, а с другой – характеризующимся динамичным развитием академической науки и ее институциональных основ, массовыми политическими кампаниями против «национализма», но одновременно «созданием» особенностей национальных культур и исторического наследия. Естественно, что характеристика данных процессов не может быть осуществлена исключительно в черно-белых тонах.

Как мы смогли проследить на примере двух биографий, интеллектуальный облик О. Чехович и Р. Мукминовой в равной степени формировался посредством слияния двух основных тенденций: внешнего давления и внутренних потенций развития самой науки. Указанные внешние факторы, характер внутренней динамики развития исторической науки, вкупе с замечательным исследовательским талантом и трудолюбием обеих наших героинь, позволили им достичь значимых успехов на академическом поприще, сформировать важные исследовательские направления и в значительной степени оказывать непосредственное влияние на ландшафт и исследовательскую повестку медиевистики в Узбекистане.

В ходе настоящего повествования неоднократно отмечалась причастность наших героинь к некому академическому сообществу, условно именованному нами «ленинградской школой». Важно осознавать, однако, что в данном конкретном случае указанная причастность не подразумевала лишь формальное знакомство с определенным научным кругом и следование определенным академическим стандартам и традициям. Как О. Чехович, так и Р. Мукминова не просто успешно использовали богатое наследие данной академической школы, они вместе с тем развивали ее, заимствуя лучшее из международного опыта, а также из местной академической среды и интеллектуального климата, внося, таким образом, значимый вклад в то, что мы сегодня по праву именуем отечественной школой медиевистики.

Рахима Аминова – историк по велению сердца

В ряду замечательных ученых, внесших большой вклад в развитие отечественной науки, видное место занимает академик Рахима Хадиевна Аминова.

Известный ученый-литературовед Азиз Пулатович Каюмов написал замечательную книгу о своей соратнице и друге Р.Х. Аминовой. Детство А.П. Каюмова и Р.Х. Аминовой проходило в одном городе, они оба родом из Коканда, более того, оба поступили на восточный факультет Ташкентского государственного университета и стали однокурсниками. Оба были лучшими студентами и стали людьми, от которых во многом зависело развитие отечественной гуманитарной науки. Книга Азиза Пулатовича лучше всяких документов воспроизводит атмосферу их студенческой юности и уже зрелой научной жизни, где еще много раз они пересекались и поддерживали друг друга¹.

Итак, А.П. Каюмов пишет:

«Осенью 1925 года, 18 ноября в семье кокандского учителя Ходижона Амини произошло счастливое событие. Молодые родители дали своей старшей, только появившейся на свет дочери, содержательное и благозвучное имя Рахимахон, то есть «милосердная, милостивая». Дом, в котором проживала семья учителя Ходи Амини, находился на северо-западной стороне города Коканда. Эта часть сформировалась в конце XIX и начале XX века, уже после российского завоевания. Местное население называло ее просто «город». Здесь проживало «европеизированное» население. Однако здесь же обосновалось и несколько узбекских семей.

Рядом с их домом находилась школа № 1, которая среди множества учебных заведений г. Коканда была самой авторитетной. В восемь лет Рахимахон поступила туда в первый класс. Обучение в этой школе велось на русском языке, которым она владела свободно уже с детства. Таких узбекских юношей и девушек здесь было немало»².

Следует, однако, подчеркнуть, что в школу с русским языком обучения в 1930-е годы родители детей отдавали редко. Поэтому удивляет прозорливость отца Рахимы Хадиевны, предусмотревшего требование времени. Сам Азиз Пулатович объясняет это так:

«Рахимахон жила в новом городе, она окончила русскую среднюю школу. Мы даже занимались по разным программам. В те годы в русских школах Узбекистана занятия велись по стандартным

¹ Каюмов А.П. Академик Рахима Аминова (воспоминания). Ташкент: Фан, 2006. – 55 с.

² Каюмов А. Академик Рахима Аминова... С. 4-5.

программам школ Российской Федерации. А в узбекских школах – по программам, разработанным органами просвещения Узбекистана. Да и образ жизни населения старого и нового города в Коканде существенно различался. Новый город был современным. Образ мышления, одежда, повседневный быт в наших махаллях, даже сами дома тоже очень отличались. Поэтому, когда мы встретились на восточном факультете Среднеазиатского государственного Университета в Ташкенте, мы были людьми, сформировавшимися в весьма различных обстоятельствах. Другие юноши, обучающиеся в узбекской группе нашего факультета, также как и я, выросли в узбекской среде. Уйгун, Наби, Бахром из старого города Ташкента, Кувамиддин из кишлака под Ташкентом, Абдумалик – тоже из области. Да всех тут перечислять необязательно. И как бы то ни было, в те времена молодые люди, подобные мне, – выходцы из старгородской махали, не сразу становились людьми современными»¹.

В 1943 г. Рахима Аминова окончила среднюю школу и через год поступила в Университет на только что открывшийся восточный факультет. Жила она у дяди – известного ученого-физика У.А. Арифова, стоявшего у истоков развития физической науки в Узбекистане. Атмосфера в семье ученого, супруга которого была химиком и преподавала в Университете, оказала огромное влияние на формирование Р.Х. Аминовой, как ученого.

Учеба на восточном факультете, где изучались, помимо специальных предметов, арабский, персидский, турецкий, английский и русский языки, позволили в дальнейшем Рахиме Хадиевне Аминовой свободно ориентироваться в мировой литературе. О качестве обучения языков не приходится говорить, так как «учебные группы были небольшими ... в узбекской группе было 16 студентов: 15 юношей и только 1 девушка. Этой девушкой и была Рахимахон Аминова». Здесь следует отметить, что она, окончив школу с русским языком обучения, возможно, преднамеренно поступила на узбекское отделение, чтобы сбалансировать знание языков. Она была тверда в своем намерении учиться и ничто не должно было этому помешать.

А.П. Каюмов вспоминает:

«Мне запомнилось одно из наших первых занятий. Ребята еще в академический ритм не вошли. Аудитория шумит, не слушает преподавателя. Вдруг эта единственная девушка встает с места и твердо обращается к своим сокурсникам с требованием не мешать слушать лекцию! И все мы, как один, замолчали. Тут же установилась

¹ Каюмов А. Академик Рахима Аминова... С. 12.

тишина. Мы сразу поняли, что эта девушка с серьезным характером. Ее быстро признали как человека, который может серьезно повлиять на своих сокурсников, заставить их прислушаться и считаться с ней. Такой она осталась до конца учебы в Университете»¹.

Одновременно Рахимахон находила время и для общественных дел, и для спортивной подготовки. Приходится нередко сожалеть, что у такого большого ученого, как Р.Х. Аминова не было времени для воспоминаний или ведения дневника, настолько была насыщенной событиями ее жизнь, начиная со студенческих лет. Один из очень интересных эпизодов ее молодости – участие в физкультурном параде в Москве на Красной Площади после окончания войны в 1945 г. Конечно же, Рахима Хадиевна попала туда, как лучшая студентка, отличница и спортсменка. Уже в студенческие года она находила время на все: и «подтаскивать» своих сокурсников в переводах текстов (как например А.П. Каюмова, с персидского на русский) и участвовать в комсомольской работе, и ходить по книжным магазинам, и быть в числе лучших сборщиков хлопка.

А.П. Каюмов пишет:

«В 1947 г. несколько студентов университета были утверждены внештатными лекторами молодежной организации республики. С восточного факультета в их числе была Рахимахон Аминова и я – Азиз Каюмов. Эта работа была для нас всесторонне интересна и полезна. Прежде всего, мы уже могли бывать в разных областях, на бескрайних просторах родной земли. Во время и после лекций мы общались с молодежью, обогащали свой жизненный опыт. Встречи в городах, районах с молодежью, с общественностью всегда были разнообразны и впечатляюще. Полезная сторона заключалась и в том, что за эти лекции выплачивался гонорар, оплачивались также и все дорожные расходы. В дни каникул, выезжая в Ферганскую долину, можно было побывать и в Коканде, посетить родителей, встретиться с друзьями. Это было полезной добавкой к стипендии. ...

Рахимахон Аминова была одной из самых талантливых и активных лекторов. Она вообще обладала большим мастерством и высокой культурой речи. Это стало понятно уже в те юные студенческие годы жизни»².

Еще тогда в поисках своих научных интересов она пробовала разработку разных тем. Примечательно, что, будучи на четвертом курсе, под впечатлением пройденного курса о произведении «Гулистон» Саади, на персидском языке, Р.Х. Аминова написала реферат и

¹ Каюмов А. Академик Рахима Аминова... С. 6.

² Там же. С. 15.

назвала – «Мировоззрение Саади». Этот уникальный случай А.П. Каюмов, который был единственным читателем его, описывает так:

«В 1948 – 1952 гг. было беспокойно, тревожно. Только-только закончилась война. На повестке дня стояла основная задача – восстановление народного хозяйства и повышение жизненного уровня народа. ... Однако в такой державе как Советский Союз, в области идеологии происходили разные отклонения. Благо еще, когда бы они были устными, когда были бы созданы условия для свободного выражения собственного мнения, научного спора. Так нет же, обычно после споров начинались преследования, репрессии. Нередко их жертвой становились обе спорящие стороны. В то время в области идеологии сначала боролись против низкопоклонства перед буржуазным западом; потом – против космополитизма. Уже начиналась активная борьба против безыдейности и аполитичности в искусстве, в художественном творчестве. ... В Средней Азии, особенно в Узбекистане, это проходило непросто. Здешние «борцы» придумали буржуазный субъективизм, влияние «реакционного западного буржуазного востоковедения», «идеализацию феодального прошлого» и прочие «идеологические извращения», и изо всех сил с ними боролись. В результате пострадало немало талантливых, любимых народом, перспективных ученых и мастеров художественного творчества. При таких обстоятельствах взяться за разработку вопросов, касающихся мировоззрения средневекового философа и поэта шейха Муслихиддин Ширази, было фактом немалого мужества и смелости. Студентка IV курса восточного факультета Рахимаминова Аминова в сложных условиях того времени решительно приступила к изучению сущности столь сложного мировоззренческого вопроса. Она ознакомилась с доступными ей русскими, европейскими источниками по «тасаввуфу», и на их основе попыталась определить основные черты мировоззрения великого мыслителя XIII в. Саади Ширази»¹.

Она очень ценила своего однокурсника А.П. Каюмова и хотела знать его мнение о своем первом исследовании. Азиз Пулатович хранил его почти 50 лет и передал Р.Х. Аминовой в день ее семидесятилетия в 1995 г.

Однако это была лишь одна из граней ее студенческих интересов. Основной ее любовью была история, недаром она была единственной девушкой в группе, выбравшей при распределении специальностей это направление. Позднее ее интересы сфокусировались на истории XX в., и не только Узбекистана, но и всеобщей истории.

¹ Каюмов А. Академик Рахимаминова... С. 21-22.

Следует еще раз подчеркнуть, что учеба на восточном факультете дала ей хорошую образовательную базу. Знание языков, литературного и исторического наследия народов Востока в дальнейшем позволили с присущей только ей широтой знаний подходить к изучению исторических событий XX в.

Да и преподавательский состав, лекции отечественных мэтров науки и эвакуированных в Ташкент, светил исторической мысли, впитывавшиеся ее талантливый разумом, сыграли свою роль. К тому же сама обстановка на факультете, постоянные общения и дискуссии с не менее талантливыми однокурсниками: Азизом Каюмовым, Убайдуллою Каримовым, Абдукадыром Хайтметовым, Куюмиддином Мунировым и др., ставшими впоследствии известными учеными, оттачивала ее способности, хотя в своей группе она играла роль первой скрипки.

После окончания Университета в 1949 г. Р.Х. Аминова вышла замуж за достойного человека, ученого-физика С.А. Азимова и образовалась умная семья, состоявшая из симбиоза любви и науки, где были общие интересы, взгляды на жизнь и цели, определенные профессией.

В том же году Рахима Хадиевна поступила в аспирантуру Института истории и археологии Академии наук и работала под руководством известного историка И.В. Додонова. Буквально за три года она завершила кандидатскую диссертацию «Народное движение Узбекистана в строительстве ирригационных сооружений» и защитила ее в 1953 г.

«Ученый совет Института истории и археологии присудил Рахимахон Аминовой ученую степень кандидата исторических наук. В том же году она была зачислена в штат научных сотрудников Института истории и археологии, где проработала на протяжении всей жизни. С 1957 по 1975 г. она возглавляла отдел истории советского общества, а с 1975 по 1993 г. руководила отделом истории колхозного крестьянства в этом Институте. В 1963 г. Рахимахон Аминова защитила докторскую диссертацию по аграрной политике и была удостоена ученой степени доктора исторических наук. А в 1966 г. Рахима Хадиевна Аминова была избрана членом-корреспондентом Академии наук Узбекистана. В 1985 г. Рахиме Хадиевне Аминовой присвоили почетное звание «Заслуженный деятель науки Узбекистана». В 200- г. она стала академиком»¹.

¹ Каюмов А. Академик Рахима Аминова... С. 35.

Но вернемся в академический период деятельности Рахимы Хадиевны. Она пришла в Академию Наук в период, когда здесь работала целая плеяда уже известных историков, которые участвовали в формировании отечественной исторической науки в Узбекистане, в частности, академик Я.Г. Гулямов, В.А. Шишкин – крупнейшие специалисты в области археологии, академик И.М. Муминов и доктора исторических наук Х.Г. Турсунов, М.Г. Вахабов, В.Я. Непомнин и А.Х. Бабаходжаев. Директором Института, принимавшим ее на работу, был доктор исторических наук Р.Н. Набиев – известный историк, специалист по истории Кокандского ханства. Отделом этнографии руководила доктор исторических наук О.А. Сухарева, уже тогда сделавшая многое для изучения ремесленной городской культуры узбеков, узбекской семьи и общины. Период позднего средневековья истории Узбекистана изучали, заявившие уже о себе исследователи, О.Д. Чехович, Р.Г. Мукминова. Первые историографические изыскания проводились профессором Б.В. Луниным.

В интеллектуальной среде этих историков в 1950-е годы шло формирование Р.Х. Аминовой как ученого, которая выделялась своей неординарностью, решительным характером и огромной работоспособностью. С большой любовью и вдохновением она работала над изучением избранных ею тем. Многие, кто посещал зал для научных работников Государственной публичной библиотеки им. Навои, помнят как кропотливо и упорно она работала над литературой, периодическими изданиями, сидя традиционно на своем излюбленном месте, прикрытом дверью, где ей никто не мешал.

Закончив кропотливую работу, как свидетельствовала ее соратник и друг кандидат исторических наук Курбангуль Фазыловна Саидова:

«Рахима Хадиевна пришла со своей кандидатской диссертацией к своему официальному оппоненту (д.и.н., проф. Хадиче Сулеймановой, впоследствии академик. – Д.А.). Красивая, стройная, скромно одетая, она робко вошла в дом. У нее было белое лицо, тонкие черные брови и две шикарные косы вокруг головы, и ясные завораживающие, искрящиеся глаза, излучающие тепло и жизнерадостность»¹.

А ее верная подруга Нафиса Садыковна Садыкова, доктор исторических наук, профессор, бывший директор Государственного музея истории вспоминала:

¹ Рукопись сборника воспоминаний о Р.Х. Аминовой, собранный авторами данного раздела.

«К тому времени у Рахимахон был и муж, и ребенок, но, несмотря на это, она усердно училась. На ее плечах – семья, воспитание детей, трудности беременности, физические боли и ... учеба в аспирантуре!

Столько забот для одной молодой и красивой женщины. Она первой приходила в библиотеку, на ее столе горы книг, самых разных источников. К нашему приходу она уже была погружена в научный процесс. Книги она читала с жадностью. К 12 часам приходил Садык Азимович, чтобы вместе сходить на обед. Мы, ее подруги: я, Мелихон Охунова, Асия Мирпулатова первыми выбегали к нему навстречу. Волей-неволей, он всех нас приглашал пообедать. В те годы улица Карла Маркса была одной из самых центральных улиц Ташкента, там располагалось кафе «Москва». Здесь готовились очень вкусные блюда. Именно сюда каждый день привозил нас Садык Азимович и угощал всю компанию обедом. Теперь я думаю: почему мы тогда не оставляли их в покое, не позволили им обедать вдвоем? Неужели мы, взрослые люди, не понимали глупости нашего положения? А Рахимахон и Садык Азимович были людьми великодушными и щедрыми. Может быть, и замечали нашу несообразительность, но относились к нам с уважением»¹.

После защиты кандидатской диссертации центральной темой научного поиска Р.Х. Аминовой стала сложная проблема аграрных преобразований и аграрной политики государства в Узбекистане. Еще будучи совсем молодым исследователем она поставила перед собой грандиозную задачу – создать системное, капитальное исследование по этой проблеме, изучив ее на протяжении всего XX века. Исключительная работоспособность, научная эрудиция, целеустремленность дали возможность Р.Х. Аминовой воплотить в жизнь эти большие планы, она написала только по этой теме свыше 10 монографий и брошюр, в своей совокупности составивших единую тематическую систему. Ряд из этих книг был переведен на иностранные языки. Трудно найти в исторической науке аналогичные публикации, так насыщенные архивными материалами, уникальными по своей сути². В них рассмотрены основные этапы, закономерности и специфические особенности аграрных отношений в Узбекистане, национальные, социальные и демографические аспекты проблемы. Иными словами, эти труды можно назвать историей узбекского дехканства, многотрудного хлопководства и земледелия, историей столь многогранной, сколь противоречивой и драматичной. Но в те

¹ Рукопись сборника воспоминаний о Р.Х. Аминовой, собранный авторами данного раздела.

² Там же.

годы об этом можно было говорить только в близком окружении или языком цифр и фактов, что она и делала.

Ее монография «Аграрные преобразования в Узбекистане в период перехода Советского государства к НЭПу» на сегодняшний день не потеряла своей научной ценности, поскольку чрезвычайный интерес для историков представляют ее исследования деятельности первых дехканских объединений «Кошчи», первых образцов экономической активизации самой большой по численности страты населения Узбекистана. Советская власть, создавая «Кошчи» в начале 1920-х годов, надеялась использовать их в классовой борьбе и в нивелировании населения села. Однако, осознавая какая огромная сила сформировалась в этих объединениях, которая стала играть большую роль в переустройстве земельных отношений и, в целом, в социальной жизни села, власти начали процесс фильтрации. Как писала Р.Х. Аминова, в 1923 г. в результате чистки, проводимой партийными органами 29,1 % всех членов Союза «Кошчи» были исключены из его рядов¹.

Конечно же, автор писала в духе советской идеологии, подвергая критике те ошибочные решения компартии, которые были признаны ею самой и озвучены. Однако в монографии настолько много архивных данных относительно развития кооперации в сельском хозяйстве, ирригации, хлопководства и других основных ее сфер, что и сегодня она пользуется большим спросом, как одна из классических работ по истории экономики Туркестана и государственной трансформации сельского хозяйства в период НЭПа с позитивными и негативными ее чертами.

Ее интерес к этой теме был неисчерпаемым и она активно участвовала в работе общественного «Института колхозов» в качестве автора «История развития хлопководства в Узбекистане» (1983 год) и как редактор серии «История колхозов». В Институт истории к ней часто приходили председатели колхозов, простые люди, которые хотели рассказать ей, как на их судьбе отразились реформы советской власти. И Рахима Хадиевна долго и кропотливо работала с ними. Совместно с Центральным Государственным Архивом она вела большую работу по публикации архивных материалов. Было выпущено несколько томов сборников документов по аграрной истории Узбекистана, индустриализации и женскому вопросу.

Р.Х. Аминова, как и все неординарные личности отличалась разносторонними интересами в науке. Она была первой узбекской

¹ Аминова Р.Х. Аграрные преобразования в Узбекистане в годы перехода советского государства к НЭПу. Ташкент: Наука, 1965. С. 151.

женщиной, получившей звание доктора исторических наук. И это в 38 лет! В те времена считалось нормальным явлением, когда докторские защищались после 50-ти. Всего лишь в 28 она стала кандидатом наук. Она одна из первых женщин членов-корреспондентов Академии наук – в 41 год. В 43 года она стала лауреатом премии им. А. Беруни.

Между тем Р.Х. Аминова не ставила себе целью быть первой. Ее целью было изучить как можно больше и быстрее вопросы, которые ее интересовали.

И все-таки Рахима Хадиевна была не просто первой, она была неординарной. Она была, возможно, первым историком, который в своих исследованиях мыслил масштабно. Зная прекрасно английский язык, а она была одной из немногих историков, владеющих иностранным языком, знала, что пишут зарубежные советологи по истории Средней Азии. Возможно, поэтому в своей книге «Октябрь и решение женского вопроса в Узбекистане» она первая дала анализ ошибок, допущенных советской властью в проведении «Худжума».

Принято считать, что первооткрывателем в изучении этой проблемы была Х.С. Шукурова, написавшая замечательную книгу об истории женского движения в Узбекистане. Однако Рахима Хадиевна, как исследователь истории производства смогла в своей монографии «Октябрь и решение женского вопроса в Узбекистане»¹ раскрыть особенности и ход вовлечения женщин-узбечек в различные отрасли народного хозяйства при советской власти, охарактеризовав позитивные и негативные стороны использования женского труда. Знание аграрных проблем позволило ей должным образом оценить роль кооперации в эмансипации женщин, она сумела показать, что в годы НЭПа женские артели были действенной формой обучения женщин общественному труду, не только обеспечивавшие их самостоятельность, но и способствующие формированию у них нового мировоззрения².

Размышляя о коллективизации – теме, которая была одной из главных в ее исследовательской практике, она на основе архивных данных показала, конечно же, наряду с достижениями, целый ряд неверных решений советской власти, касающихся женщин сельских местностей, принятых в ходе коллективизации и приведших к печальным результатам.

Как известно, в советской историографии сложилось негативно-избирательное отношение к историко-культурному наследию, в частности, и к мусульманским школам. Мнение Р.Х. Аминовой в этом

¹ Аминова Р.Х. Октябрь и решение женского вопроса в Узбекистане. Ташкент: Фан, 1975.

² Там же. С. 196-212, 230-246.

вопросе было исключением из правил. Она высоко оценила деятельность домашних мусульманских женских школ и первых деятельниц – атун-биби, которые потом преподавали в советских школах¹. Несмотря на советскую риторику, ее монография сделала женскую проблему глубоко научной, поставив ее в ряд других серьезных направлений исторической науки.

Но главной книгой ее жизни, так называемым «magnum opus»ом стала ее последняя монография «Возвращаясь к истории коллективизации в Узбекистане», изданной в 1995 г.

Сказать, что такой опытный исследователь, как Аминова, изменила своим взглядам, было бы просто неверно. Это был достаточно сложный процесс, но вполне объяснимый. Она располагала огромным количеством документов, касающихся политики советской власти в области коллективизации, земельно-водных проблем и дальнейшего развития аграрного сектора, который она не могла использовать в советское время по известным причинам. Однако ее прежние работы не были простым восхвалением курса партии. Они содержали глубокий анализ, основанный на знании источников. И в своей последней книге Р.Х. Аминова осталась верна своей позиции. Она оценивала земельно-водные реформы советской власти 1920-х годов положительно. Это было основано на следующем: 1) одобрительное отношение к ним беднейшего дехканства, впервые получившего доступ к земле и воде; 2) в аграрной политике в республиках Средней Азии в отличие от центра страны в 1920-е годы осуществлялись более радикальные меры. В первую очередь были уравниены в правах местное дехканство и русское крестьянство, наделенное при колониальном режиме лучшими землями в ущерб местному населению. 3) Широкая материальная поддержка государством сельского хозяйства республик Средней Азии, в том числе Узбекистана. Об этом говорят следующие цифры: в 1926 г. по сравнению с 1925 г. расходная часть союзного бюджета выросла на 85 %, а по республикам Средней Азии на 197 %². Это произошло, в основном, за счет капиталовложений в сельское хозяйство. Осуществлялось и снижение сельскохозяйственного налога. Р.Х. Аминова утверждала, что благодаря этим мерам, произошел бесспорный скачок в аграрном развитии Туркестана и, в дальнейшем, республик Средней Азии.

Но в то же время Р.Х. Аминова подчеркивала, что такая «забота» о сельском хозяйстве республик проводилась с одной единственной моноцелью – иметь «свой хлопок» и стать хлопконезависимым

¹ Аминова Р.Х. Октябрь и решение женского вопроса в Узбекистане... С. 277.

² Аминова Р.Х. Возвращаясь к истории коллективизации. Ташкент: Фан, 1995. С. 7.

государством. На многочисленных примерах она показала, что постоянно происходил рост объема посевных площадей. Так, если по СССР ежегодный прирост их составлял в среднем 5 %, то по Средней Азии он достигал 16 %¹. Это привело, как известно, к необратимым результатам, индустриальной неразвитости республики и функционированию ее как сырьевого придатка Союза.

По новому выглядит и описанная ею история коллективизации, ее насильственные формы и социально-экономические последствия. Сейчас трудно определить – какое количество новых материалов автор использовал (а они несомненно есть), а какие у нее, конечно же, были, но не использовались ранее. Р.Х. Аминова не дала своей книге какое-то новое модное название, а назвала просто «Возвращаясь к истории коллективизации», подчеркивая этим, что это не перевертыш ее, и даже не переосмысление, а дополнение новыми материалами, свидетельствующими об обратной стороне медали. Она привела огромное количество данных, свидетельствующих о существовании в самом начале коллективизации альтернативного, оппозиционного мнения формам и ходу коллективизации со стороны хозяйственных и партийных работников. На архивных материалах по регионам Узбекистана Р.Х. Аминова сумела показать не только механизм осуществления коллективизации волюнтаристскими насильственными методами, но и ее морально-политическую подоплеку – приведение к одному общему знаменателю социально-экономического положения дехканства, к насильственному выравниванию экономического статуса личности². Более того, она нашла документы, письма некоторых руководителей ведомств в официальные органы, свидетельствовавшие о нарушениях, проводимых в ходе коллективизации, с предупреждением о назревании социальных взрывов со стороны населения.

Существование образованных колхозов, организация в них труда и производства показаны Р.Х. Аминовой в контексте изучения материально-технической базы, стиля и методов руководства, кадровых проблем, состояния агрономического образования.

На основе архивных документов она показала и процесс распада колхозов, даже в конце 1930-х годов. Так, по ее данным в Узбекистане в 1937 г. году было 9.201 колхозов, в 1938 – 8.452, в 1939 – 7.736³.

Анализируя 70-летнюю историю дехканства, Р.Х. Аминова нашла в нем корни бед, преследовавших его и в 1980 – начале 1990-х годов.

¹ Аминова Р.Х. Возвращаясь к истории коллективизации ... С. 7.

² Там же. С. 31.

³ Там же. С. 53.

Она писала: «Коллективизация в Узбекистане и по всей стране сопровождалась грубейшими нарушениями законности и принесла крестьянству республики немалые бедствия. Однако это не значит, что можно было бы обойтись без радикальных аграрных преобразований.

Несомненно, мелкотоварное дехканство не могло обеспечить растущие потребности общества. Проведение реформ в земледелии было насущной необходимостью. Вопрос состоял лишь в том, как это сделать: на основе НЭПа, развивая разнообразные формы кооперации, либо волевым методом, путем сведения этих форм к одной единственной сельскохозяйственной артели. Победила вторая линия – и это сказалось спустя десятилетия не только на производстве, но и на социальном, бытовом уровне жизни кишлака. Достаточно сказать, что жилищное строительство в сельской местности находится в плачевном состоянии. Основная часть жилищных построек возведена из кирпича-сырца, пахсы, дома не имеют элементарных удобств; 77% кишлаков не газифицировано. Во многих сельских районах сложилось неблагоприятное положение с обеспечением питьевой водой.

Остро стоял вопрос организации здравоохранения в сельских районах. С середины 60-х годов повысилась смертность, особенно детская. Не хватает медицинских помещений, качество медицинского обслуживания низко. Не проявляется должная забота об улучшении условий труда и быта сельчанок.

Говоря о насильственных методах проведения коллективизации, о жестких, неэкономических рычагах управления сельскохозяйственным производством, необходимо проводить грань между ними и пониманием сути производственной кооперации. Сегодняшнее сельскохозяйственное производство находится в плачевном состоянии потому, что представлено было деформированными административно-репрессивными методами.

Узел проблем, сложных и нерешенных, стоящих перед сельским хозяйством, уходит корнями в методы и формы проведения сплошной коллективизации, нанешие непоправимый урон развитию аграрного сектора»¹.

Подытоживая свое исследование, она писала: «История коллективизации в Узбекистане показывает, что широкомасштабное реформирование аграрного сектора должно, прежде всего, учитывать экономические интересы не только государства, но и отдельных производителей. Объем реформирования, его темпы должны следо-

¹ Аминова Р.Х. Возвращаясь к истории коллективизации ... С. 82.

вать за реальной оценкой существующего положения, учитывать возможные последствия вносимых изменений»¹. Трансформация экономики Узбекистана и особенно сельского хозяйства, отказ от революционных методов социально-экономического развития села, сосуществование различных форм собственности, переход к рыночным отношениям – все эти процессы, происходившие в Узбекистане с началом независимости подтвердили ее высказывание².

В центре внимания Р.Х. Аминовой были и межнациональные отношения. Впервые за многие десятилетия умолчания проблем судеб малых этнических обществ в Узбекистане она в 1980-е годы предложила поднять этот вопрос в исследованиях по национальным отношениям, зная, что эта проблема актуализировалась во всем мире и приобрела не только научный но и практический интерес. Запрет на нее в бывшем Союзе было одним из проявлений великодержавной национальной политики и дальнейшее замалчивание проблемы национальных отношений были чреватые социальными взрывами. Понимая это, Р. Аминова со своей командой приступила к поиску архивных материалов. Однако это было сопряжено с большими трудностями, так как многие материалы были закрыты. Но Рахима Хадиевна в научных поисках, используя личные знакомства, добивалась своего. Понимая значимость национальной проблематики, она сплотила коллектив ученых Средней Азии и Казахстана для написания ряда книг об актуальных проблемах национальных отношений. В результате впервые в книге «Национальные отношения в СССР на современном этапе»³, обсужденной историками не только в Ташкенте, но и в Алма-Ате, Фрунзе, изданной в 1980 г. в Москве, было рассказано о судьбах таджиков, казахов, уйгур, греков, корейцев, крымских татар и др., проживавших длительное время в Узбекистане, и их проблемах. Насколько своевременной она была, свидетельствует и то, что несколько позднее на одном из партийных съездов впервые за многие десятилетия по инициативе и рекомендации московских этносоциологов, во главе с академиком Ю.В. Бромлеем был поднят вопрос о национальных группах людей, проживавших в отрыве от своей этнической общности. В конце 1980-х годов начались и предсказанные учеными этнические катаклизмы в Карабахе, Азербайджане, Приднестровье, в Узбекистане и других регионах разваливавшегося СССР.

¹ Аминова Р.Х. Возвращаясь к истории коллективизации ... С. 82-83.

² Там же.

³ Национальные отношения в СССР на современном этапе (на материалах республик Средней Азии и Казахстана). М., 1979. 311 с.

Трудно рассказать о всех аспектах истории Узбекистана, привлечших внимание Р.Х. Аминовой и нашедших оригинальное решение в ее трудах. В творческом наследии ученого труды, статьи, выступления на самые разнообразные темы – история промышленного развития края, формирование национальной интеллигенции, культурное строительство, национальные процессы, международные связи Узбекистана и мн. др.

В 1960 – 1980-е годы, как известно, историческая наука была оторвана от внешнего мира. А причиной тому было не только различие идеологий и политических систем СССР и Запада. Историки Узбекистана, в основном, не владели иностранными языками, не знали большинства трудов западных историков и советологов. Да и центр не часто включал ученых с периферии в состав советских делегаций.

Однако Р.Х. Аминову руководители науки не могли не заметить: настолько видной фигурой она была, завоевав авторитет своим умом и ораторским искусством, и знанием языка. Кроме английского языка, она владела и восточными языками, вспомним, что она окончила восточный факультет САГУ.

Как вспоминал позже заслуженный деятель России, заведовавший сектором Института истории РАН, историк-аграрник, профессор Виктор Петрович Данилов:

«Вплоть до конца восьмидесятых годов, когда болезнь уже лишила ее возможности ездить на научные форумы, она, по рекомендации Института истории в Москве, представляла страну на самых больших и авторитетных международных собраниях. Более того, она осуществляла научное руководство аспирантами из развивающихся стран, которых мы к ней прикрепляли, зная ее добросовестность и подготовку. Так, в 1976 году под ее руководством защитил диссертацию Удого Уно из Гвинеи...

Она была включена в состав делегации в Эфиопию, когда после свержения режима Хайле Силаси к власти пришел Менгисту Хайле Мериам. На нее была возложена очень ответственная миссия: участие в разработке программы аграрных преобразований и стратегии женского движения страны, и она прекрасно справилась со своей миссией». ...

«Книги Рахимы Хадиевны постоянно издавались в издательстве «Восточная литература» в Москве, причем, не только на русском, но и на английском, арабском, хинди, дари и других языках. Поверьте, это достаточно редкое явление, чтобы труды ученого из союзной

республики публиковали в Москве, где брали на себя заботу о переводах на иностранные языки»¹.

Как видим, ее ценили в центре, особое отношение к ней было в Институте истории РАН, где она часто выступала на конференциях, особенно по аграрным проблемам. Ее одаренность не оставляла равнодушными всех тех, с кем она встречалась. Лишь недавно стало известно о том, что ее приглашали на работу в Институт истории РАН. В.П. Данилов вспоминал:

«Рахима Хадиевна и Г.Ф. Дахшлейгер были известными историками-аграрниками советского периода, Аминова была ведущим специалистом по Средней Азии, а Дахшлейгер – по России. После выхода ее (Р.Х. Аминовой – Д.А.) солидной монографии, посвященной истории аграрного вопроса, ее запоминающихся выступлений на нескольких конференциях, появилась идея пригласить ее работать в Москву. Тогда была такая практика – ярких и плодовитых специалистов собирали в столице. В одну из командировок академики Н.Волобуев, М.П.Ким (тогдашние светила в исторической науке СССР. – Д.А.) предложили ей перебраться в Москву, причем ей сразу же была предложена позиция зав.сектором Института истории СССР, где изучались аграрные проблемы Средней Азии и Кавказа, квартира и прочие блага, которыми союзная Академия Наук того времени располагала.

К нашему удивлению, она отказалась, сославшись на свою большую семью. Оказалось, что у нее было четверо детей, муж – академик и директор Института. Это было трудно понять, как ей удавалось совмещать столь успешную карьеру ученого и обширные домашние заботы»².

Среди тех, с кем она долго поддерживала творческие и дружеские контакты были видные исследователи – академики А.Л. Нарочницкий, М.П. Ким, А.О. Чубарян, Ю.А. Поляков, Ю.В. Бромлей, Т.А.Жданко, академики Кыргызстана К.К. Каракеев, В.П. Шерстобитов.

Ее очень интересовали и привлекали работы московских этнографов, изучавших Среднюю Азию, а также возникшее в 1960-е годы новое направление в этнографии – этносоциология. Поэтому она с большим интересом и уважением относилась к работам Л.М. Дробижевой, М.Н. Губогло, В.Н. Басилова и мн. др., поддерживая одновременно теплые отношения с ведущими историками республик

¹ Рукопись сборника воспоминаний о Р.Х. Аминовой, составленная авторами данного раздела.

² Там же.

Средней Азии и других регионов страны, среди которых пользовалась большим авторитетом.

Вот очередное свидетельство высокого авторитета Р.Х. Аминовой ее друга и соратника известного медиевиста д.и.н., проф. Р.Г. Мукминовой:

«Ее характеру были присущи верность и заботливость об окружающих. Как-то мы поехали с ней на научную конференцию в Башкирстан. Самолет приземлился в аэропорту Уфы ночью, было довольно прохладно, несколько участников конференции из других городов уже порядочно продрогли в ожидании транспорта. Быстро сориентировавшись, Рахима позвонила куда-то и нас сразу же увезли и разместили в гостинице.

Её имя было известно во многих городах тогдашнего Союза. И на следующий день на первой странице республиканской (местной) газеты напечатали крупным планом её фотографию. Мы жили с ней в одной комнате. К нам часто приходили и к ней проявляли особое внимание. Она же пыталась заботиться обо мне, как о младшей сестре, хотя я была старше её»¹.

Д.и.н., проф. Э.З. Нуриддинов вспоминает: *«Будучи в Москве, мне довелось встретиться с академиком А.Л. Нарочницким. В ходе беседы, узнав, что моим научным руководителем является Рахима Хадиевна Аминова, он тут же сказал: «Раз вами руководит Рахима Хадиевна, то диссертация после ее защиты получит быстрое утверждение, так как в Москве и в ВАКе ее очень уважают и ценят»².*

Наука для Р.Х. Аминовой была ее жизнью. Она работала увлеченно, получая истинное удовлетворение от работы. Она верила, что ее дело необходимо обществу. Свою любовь к науке, которую укрепили в ней ее учителя И.К. Додонов, В.В. Ершов, И.М. Муминов, Я.Г. Гулямов, она прививала и своим ученикам, всем, кто с ней соприкасался на этом пути.

Не было для нее ни должностных, ни возрастных критериев в науке. Возможно, поэтому она отказалась стать директором Института истории, когда ей это настоятельно предлагали. Она не хотела терять ни минуты в своей научной работе. Даже обеденных перерывов для нее не существовало; обед зачастую ограничивался одним бутербродом. На многочасовых заседаниях она также не теряла времени, углубившись в очередной доклад или изучение какого-нибудь материала.

¹ Рукопись сборника воспоминаний о Р.Х. Аминовой...

² Там же.

Ее верная помощница, кандидат исторических наук Инна Давыдовна Фок писала об этом:

«Будучи старше нас по возрасту, увенчанная регалиями, известная в мировой научной общественности, она не чуралась черновой работы. Часами просиживала в архиве, библиотеке наравне с лаборантами. Бывало, что приходилось задерживаться после рабочего дня. Мы тихо ворчали, вяло сопротивлялись, недовольствуясь, но Рахима Хадиевна умела разрядить обстановку шуткой, подбадриванием, и скоро нас всех увлекал азарт общей работы; объявлялся перерыв, Рахима Хадиевна доставала лепешку, делила на всех, кто-то рассказывал анекдот, не было ни старших, ни младших, все становилось равными и уже не хотелось идти домой. Она заставляла работать, но работала наравне со всеми.

В Институте одни считали Рахиму Хадиевну очень властной, другие, напротив – необыкновенно демократичной. Правы и те, и те. Она никогда не кричала на подчиненных, не унижала ни себя, ни других бранью, но перечить ей не осмеливался никто. Она не приказывала, просила, но никому не приходило в голову отказаться. Она была в курсе всех наших личных проблем, на многое смотрела сквозь пальцы – главное работа, результат.

Рахима Хадиевна была талантливым человеком. Острый ум, властность сочетались в ее характере с чисто женским артистизмом и обаянием; она была прагматиком и одновременно увлекающейся личностью. Она влияла на окружающих, даже не желая того»¹.

Откуда шли это упорство, сила, величие души? Чего она добивалась, отказывая себе во многих ежедневных радостях жизни? Возможно, сила была уже заложена в ее биографии; возможно, ей дали ее родители – кокандские интеллигенты. Но одно совершенно ясно – то, что другим казалось утомительным сидением над истлевшими бумагами – архивными материалами, для нее являлось смыслом жизни. Она писала об узбекистанских физиках, что «благодаря их самоотверженным усилиям на нашей земле вновь появились ростки мировой науки, после столетий затишья здесь выросло уже несколько поколений ученых этой плеяды «чудаков», которые вместо того, чтобы устраивать свою жизнь «как все», просиживают в лабораториях ... Были отданы все силы тому, чтобы не пересыхал ручей передачи знаний, появилась преемственность поколений»². Она была такой же «чудачкой» от истории, способной работать,

¹ Рукопись сборника воспоминаний о Р.Х. Аминовой...

² Аминова Р.Х. Слово о спутнике жизни // Куёшга интилган аллома. Ташкент: Узбекистан, 1998. С. 115.

искать, анализировать события давних лет, воспитывать сотни молодых талантов, а ее ручей всегда журчал и был наполнен кристально чистой водой. Как отмечалось выше, она была не только мастером архивного дела, но и прекрасным оратором. Вот о чем вспоминала известный ученый, доктор исторических наук, профессор Леокадия Михайловна Дробижева, занимавшая пост директора Института социологии РАН:

«Ее выступления на Всесоюзных и даже Международных симпозиумах всегда вызывали интерес, были зажигательными, точными, взвешенными, яркими. При этом, ей, как умному и взыскательному ученому, было нелегко в лимитированных рамках советской исторической науки. Она искала средства выразить своё отношение к действительности, нередко была гораздо откровеннее в официальных выступлениях, чем её многие, более ординарные коллеги»¹.

При этом ее выступления никогда не были пафосными, хотя, наверное, сочетать зажигательность с непафосностью было сложно. Скорее она была чрезвычайно убедительной в своих выступлениях, как впрочем и в работе с учениками и подчиненными, которых она жестко контролировала и они в определенной степени ее побаивались.

Однако Рахима Хадиевна не была сухим ученым, оторванным от жизни. Она очень любила жизнь и любила людей. Никогда не приходилось слышать, чтобы она плохо отзывалась о людях. Почти каждый год 18 ноября ее квартира наполнялась шумом и гамом ее коллег, учеников, бывших однокурсников. День ее рождения становился зачастую праздником, но не сколько праздником виновника торжества, сколько ее учеников и друзей. Это были традиционные «вечера у Р.Х.», как называла их молодежь. Она была настолько популярной как руководитель, что все непременно хотели попасть к ней на прием. У дверей ее кабинета всегда стояло несколько человек, ожидающих приема.

Рахиме Хадиевна была особенной и в женской дружбе. Среди ее подруг-ученых были П.Х. Азизбекова (Азербайджан), Б. Пальванова (Туркмения), Х. Шукурова (Узбекистан), Л.М. Дробижева, Т.А. Жданко (Россия). Она всегда поддерживала женщин в их стремлении заниматься научной работой. Она всемерно способствовала защите докторской диссертации киргизской исследовательницы Ж.С. Татыбековой, таджикского историка Набиевой, и ряда других представительниц науки соседних республик, не говоря уже о женщинах

¹ Рукопись сборника воспоминаний о Р.Х. Аминовой...

Узбекистана. Аминова считала, что женщина должна стремиться реализовать свой потенциал, чтобы занять достойное место в обществе. И действительно, то, что казалось изначально непреодолимым, под ее руководством превращалось в реальность.

Вокруг нее всегда находились люди, и каждому она стремилась оказать необходимую помощь. В ней нуждались все – от младших научных сотрудников до маститых ученых, даже из-за рубежа.

Удивительную историю написал Левис Сигельбаум, профессор истории Мичиганского Университета, который интересовался историей Ферганского канала. Он очень хотел встретиться с Рахимой Хадиевной, как первым историком этой проблемы (Большая часть ее кандидатской диссертации была посвящена этой теме. – Д.А.). Поговорить, к сожалению, не пришлось, его вопросы остались без ответа ввиду ее болезни. Но Сигельбаум вынес из своей поездки нечто другое, о чем свидетельствуют его записи:

«В течение моей поездки в Узбекистан в июне 1999 г. у меня были две цели. Я должен был искать дополнительную информацию о строительстве Большого Ферганского канала. Я был заинтригован тем фактом, что канал был построен меньше чем за два месяца и, похоже, обошлось без вовлечения принудительных форм рабочей силы, которые обычно использовались при строительстве каналов в Советском Союзе во времена Сталина. Могло ли быть так, что отчёты, которые я читал о мобилизации и энтузиазме масс, были истинными? Теперь, когда она могла свободно говорить об этом, я подумал, что Рахима Аминова поможет ответить мне на эти вопросы. Другая моя цель заключалась в том, чтобы выяснить, по мере возможностей, как строительство канала непосредственно повлияло на жизнь Аминовой? Почему она выбрала это как тему своей диссертации? Было ли это связано с ее личными воспоминаниями, относящимися к её детству, с людьми, которые участвовали в строительстве канала?»

Мой интерес этими личными и профессиональными вопросами был вызван тем, что я априорно выбрал ее как одну из четырёх известных персоналий, чьи жизни оказались в той или иной степени затронуты Большим Ферганским каналом. Тремя другими были: всемирно известный кинорежиссер Сергей Эйзенштейн, который пытался поставить трехсерийный фильм (Фергана) об окончательном триумфе «Человека над пустыней»; русский писатель Петр Павленко, являвшийся соавтором сценария для фильма, а после запрета на него – серии рассказов и неоконченного романа о строительной

«площадке» канала; и журналист и детский писатель Гарун Эль-Регистан, который первым описал историю проекта канала ещё в 1939 г.

То, чему я оказался свидетелем и что я испытал в тот день, я не забуду никогда (посетив Р.Х. Аминову в ее доме – Д.А.). Передо мной была гордая дочь узбекского народа, в мире с самой собой, окруженная любящими детьми и другими родственниками. Я осмелюсь сказать, что в этот обычный день я узнал так много о смысле семьи, и особенно о том, какую силу могут давать ее пожилые представители – молодым. Все это было ничуть не менее значимым, чем мои исследования. За это я считаю себя в двойном долгу и даже испытываю такую же благодарность к Рахиме Аминовой»¹.

Удивительное сочетание в Р.Х. Аминовой ученого, матери и жены было реальным. В свое время она сумела организовать свой быт таким образом, чтобы он не отнимал у нее слишком много времени, не отрывал ее от основной научной деятельности. А ведь у нее было четверо детей. Ее высокая требовательность, а иногда и оправданная жесткость и настойчивость к сотрудникам, видимо, сохранялись и в домашней обстановке, благодаря чему ее дети получили прекрасное образование (почти все они окончили МГУ) и также работают в области науки и образования. А о своем супруге, известном физике С.А. Азимове, она писала: «Я благодарю судьбу за то, что Садык Азимович всегда поддерживал мой интерес к науке ... Без его моральной поддержки я бы никогда не смогла стать доктором наук, профессором и добиться успехов в науке»².

Рахима Хадиевна всегда была окружена людьми, которые с удовольствием работали и дружили с ней. Ее большая и разносторонняя творческая работа не мешала ей иметь обширный круг друзей, который был весьма интересным и состоял из одаренных ученых, лучших представителей узбекской интеллигенции. Дружеские отношения связывали ее с семьями академиков У.А. Арипова, Я.Х. Туракулова, С.Х. Сираждинова, Т.З. Захидова, Т.А. Сарымсакова, Э.Э. Отаханова, К.А. Зуфарова, Ж.К. Саидова, О.А. Арипова и др.

Постепенно этот круг расширился за счет молодых ученых. Вместе с знаменитыми людьми, которые уже вошли в историю науки и культуры, Рахима Хадиевна дружила и с теми, кто был не так заметен в науке и жизни, но тянулся к ней, желал ее внимания, а иногда и помощи. Она помогла очень многим продвинуться в науке, а также в сложных жизненных ситуациях. В ее кабинет в минуты горя и невзгод приходили многие женщины, получившие помощь советом,

¹ Рукопись сборника воспоминаний о Р.Х. Аминовой...

² Аминова Р.Х. Слово о спутнике жизни ... С. 115.

добрым словом, реальным делом. А самое главное, она создала научную школу, более семи десятков учеников сейчас продолжают ее дело.

Очень многие, не только ученые, но и простые люди, особенно женщины, помнят ее прекрасные выступления. Ведь она более 20 лет была председателем комиссии по пропаганде знаний среди женщин, Республиканского общества «Знание», членом Республиканской комиссии по работе среди женщин, Общества по охране памятников культуры. Вместе с академиком Г.А. Пугаченковой она сделала очень многое по созданию атласа исторических памятников Узбекистана. Она не считала зазорным выезжать с лекциями в области, встречаться с простыми женщинами, выслушивать их проблемы, делиться жизненным опытом. И делала она это так, что ее образ надолго западал в души узбекских женщин.

Но не все было гладко в научной жизни Р.Х. Аминовой. Как каждый активно живущий человек, добивающийся больших успехов своей эрудицией, талантом и огромным трудом, она вызывала зависть и негативную реакцию тех посредственностей в науке, которые не работали, а лишь желали легких успехов. Ее соратники помнят попытки дискредитировать ее через анонимные письма в 1970-х годах. Комиссия, организованная городскими властями, рассмотрела «дело» и, зная Р.Х. Аминову, даже не заглянула в представленные рукописи ее книг, заполнившие огромный длинный стол.

В 1980-е годы от пресловутого «хлопкового дела» пострадали близкие родственники Р.Х. Аминовой. Однако на все эти выпады она отвечала новыми работами. Эти неприятности сделали ее еще крепче и уверенней, потому что у нее были две мощные опоры – семья и наука, внутренний мир, который был огромным и глубоким. Она многое понимала, внешне размеренная и спокойная, внутренне она оставалась всегда чрезвычайно собранной, а в голове шла постоянная аналитическая работа. От всех превратностей она уходила в свою работу, в прошлое, в историю, в которой для нее было еще много неразгаданного.

Рахима Хадиевна была удивительной и значительной фигурой в отечественной науке, оставаясь при этом чрезвычайно скромным человеком. Сотрудники помнят, каких ограничений она требовала в дни своего 60-летия, не желая делать помпы из данного события. Хотя, в действительности, она заслуживала большего, нежели лишь медали и почетные грамоты, которыми была награждена. Она жила на грани двух эпох, но осталась верна тому, что неподвластно времени – любви к профессии. Она писала об этом: «К сожалению,

наше нелегкое время, как лакмусовая бумажка определяет истинное отношение современных ученых к избранной профессии. Конечно, и в среде ученых были те, кто выбрал науку как средство безбедной жизни, и в отсутствие былых привилегий теперь ищет счастья в другом. Никто не может упрекнуть их за это – право выбора за ними. Но истинное уважение в наше трудное время вызывают именно труженики науки – титулованные и не очень, которые по велению сердца продолжают эстафету»¹.

Так по велению сердца жила и работала эта великая женщина.

«Улама» в Советском Институте востоковедения²

Институт по изучению восточных рукописей (с 1950 г. – Институт востоковедения – ИВ) АН Узбекистана был создан 17 ноября 1943 г., вместе с другими научными учреждениями Академии и одновременно с Духовным управлением мусульман республик Средней Азии и Казахстана³. Совпадение по времени создания этих двух учреждений скорее случайно. Возвращение религии легитимного статуса произошло, конечно, на правилах, диктуемых государством. К этому времени значительная часть старой элиты (в том числе, религиозной или джадидов) стала частью советского официального электората, однако на условиях отказа от религиозности и принятия советской риторики. Создание официального духовного учреждения означало так же, что вытесненные на периферию публичной жизни религиозные деятели (по крайней мере, их часть) были включены в советское официальное пространство, наделены правом голосования. Религиозность уже не означала враждебность, однако в официальном

¹ Аминова Р.Х. Слово о спутнике жизни // Куёшга интилган аллома... С. 115.

² Я с благодарностью вспоминаю покойных сотрудников Института востоковедения АН РУз П.Г. Булгакова, А. Носирова, А. Урунбаева, К. Мунирова и Д. Валиеву за предоставленную мне некогда информацию о прежних сотрудниках Института. Кроме того, я искренне признателен здравствующим бывшим и нынешним сотрудникам Института А.П. Каюмову, Л. Епифановой, Д. Юсуповой, Р. Абдуллаевой, С. Каримовой и многим другим за информацию, которая была важна в ходе написания этой статьи.

³ Духовное управление больше было известно под аббревиатурой САДУМ. См.: Бабаджанов Б.М. О фетвах САДУМ против «неисламских» обычаев // Ислам в Центральной Азии. Взгляд изнутри. Аналитическая серия Московского отд. Фонда Карнеги. Ред. М.Б. Олкотт, А. Малашенко. М.: Московский центр Карнеги. Вып. 6. 2001. с. 65–78; Он же. Среднеазиатское духовное управление (САДУМ): предыстория и последствия распада // Многомерные границы Центральной Азии / Ред. М.Б. Олкотт, А. Малашенко. М.: Московский центр Карнеги, 2002. с. 55–69.

поле продолжала квалифицироваться как политическая или идеологическая неблагонадежность (прецеденты изложены ниже).

Сотрудники с богословским образованием упомянутого Института стали одной из форм локального включения «религиозного элемента» (пользуясь вокабуляром того времени) в советское научное учреждение, или в поле «советского востоковедения». Заметим, что сотрудничество российских востоковедов с мусульманскими богословами для сугубо академических (светских) задач имело место в Российской империи или в Британии, что в той или иной степени уже изучено¹. К серьезным конфессиональным или политическим проблемам такое сотрудничество не приводило.

Однако вовлечение мусульманских ученых в советское научное учреждение, особенно в 1940-х – 1950-х годах, имело уже другие контексты, так или иначе отражавшиеся на статусе ‘улама-востоковедов². В этой статье я рассмотрю способы их адаптации к непростой действительности сталинского периода, когда они становились жертвами идеологических манипуляций и интриг. Я привлек ряд документов и газетных публикаций, связанных с переломными моментами в истории ИВ (на фоне зарождения «узбекской ориенталистики» советского типа), когда само существование *домулло* в самом идеологизированном научном учреждении Узбекистана ставилось под сомнение. По условиям того времени (большевизация, атеистическая политика) богословское образование воспринималось властями не как достоинство, а скорее как признак «политической неблагонадежности». Поэтому в их биографии в графе «социальное происхождение» обязательно включалась ремарка вроде «из бедной/средней крестьянской

¹ Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики (1950) / Избранные сочинения. Т. 5. М.: Изд-во АН, 1958. с. 82–83, 138–139; Tolz, Vera. Russia's Own Orient. The Political of Identity and Oriental Studies in the late Imperial and Early Soviet Periods. Oxford, University press. p. 75–79. Можно так же упомянуть колониального эксперта по исламу Н.П. Остроумова (ум. в 1930), который охотно сотрудничал с чимкентским (затем ташкентским) кадием Мухий ад-дином кади. См.: Остроумов Н.П. Сарты. Этнографические материалы. Ташкент, 1886. Изд. второе, дополненное. С. 142 – 143; Его же. К истории народного образования в Туркестанском крае. Константин Петрович фон-Кауфман. Устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. Остроумова (1877 – 1881 г.г.). Ташкент 1899. С. 203–204.

² Об интеграции улемов в научные учреждения Таджикской ССР см.: Stéphane A. Dudoignon. From Revival to Mutation: The Religious Personnel of Islam in Tajikistan, from De-Stalinization to Independence (1955 – 1991) // *Central Asian Survey* 30.1. 2011. P. 53-80. Похожие случаи на примере Дагестанской АССР см.: Michael Kemper and Shamil Shikhaliev, “Administrative Islam: Two Soviet Fatwas from the North Caucasus”, in A.K. Bustanov/M. Kemper (eds.), *Islamic Authority and the Russian Language: Studies on Texts from European Russia, the North Caucasus and West Siberia*. Amsterdam: Lib Univ. press. 2012. P. 55-102.

семьи», которые часто не соответствовали действительности¹. Эти документы важны как единственный источник политического и идеологического дискурса в конце сталинского периода, когда вновь обострилась проблема эпохи ранних большевиков об использовании «дореволюционных специалистов».

Старые сотрудники в новом институте

Вновь созданный Институт кратко называли «Институт рукописей» и реально к работе он приступил лишь в январе 1944 г. Основу знаменитого фонда рукописей Института составили манускрипты Отдела редких рукописей Государственной публичной библиотеки им. Алишера Навои. Заведующий Отделом был знаменитый библиограф и востоковед Е.К. Бетгер². В 1928, 1932, 1935 гг., согласно специальным постановлениям Совета народных комиссаров Уз ССР, в этот Отдел передавались рукописи и документы, написанные в арабской графике, которые хранились в областных библиотеках, в первую очередь Бухары, Самарканда, Хивы и других исторических городов. До 1935 г. было собрано более 4 тысяч рукописей³. На большинстве фолиантов ИВ АН РУз можно до сих пор увидеть печати этих учреждений и областных библиотек (Бухары, Самарканда, Коканда, Хивы и др.).

Среди сотрудников Восточного отдела библиотеки имени Навоиды были такие знаменитые востоковеды своего времени как Александр Эдуардович Шмидт, Александр Александрович Семенов (1873 – 1958)⁴, Михаил Александрович Салье, Эдуард Карлович

¹ В советское время каждый работник заполнял особый формуляр, называемый «Личный листок», а с 1961 г. – «Личный листок по учету кадров», куда заносились все данные о работнике. В «Личном листке» были такие вопросы как «В каких партиях состоял?», или «Участвовал(а) в партийных блоках внутри ВКП(б)», «Кто из родственников участвовал в контрреволюционном движении?» и т.п. В «Листках» 1961 года подобные вопросы были удалены.

² Бетгер Е.К. (1887 – 1956) и его супруга Е.Н. Бетгер (ум. в 1948 г., племянница знаменитого миссионера и востоковеда казанской школы Н.П. Остроумова). В 1920–1924 годах оба обучались на курсах арабского языка Туркестанского института Востока, который был создан в 1918 г., а с 1920 г. вошел в состав Среднеазиатского Государственного университета (создан согласно декрету В. Ленина в 1920 г. Факультет просуществовал до 1931 г. и восстановлен в 1943 г.). См.: Ирисов А. Тошкентда арабшунослик. Қисқача очерк. Тошкент, 1969. 13-б. Е.К. Бетгер / <http://www.centrasia.ru/person2>.

³ Шмидт А.Э. Знатный библиограф // Красный Узбекистан. 1935. № 144; О работе Института востоковедения АН УзССР // Известия Академии наук УзССР. 1951. № 1. С. 114 – 120.

⁴ В биографии А.А. Семенова есть эпизод, который должен был сильно повредить его карьере при новой власти большевиков. В 1914 г. он на недолгое время был назначен вице-губернатором Самаркандской области. Однако после революции он сбежал в Моршанск (его родина) и подчеркнуто отстранялся от политики, особенно при большевиках. Позже активно принимал участие в создании Среднеазиатского государственного университета, что, видимо, спасло его от ареста. См. подробнее: Лунин. Б.В. Три

Шмидт, Алексей Молчанов и другие. По инициативе А.Э. Шмидта в начале 1920 г. началась работа по описанию и каталогизации имеющихся рукописей, в которой участвовали все названные сотрудники¹. В 1935 г. к ним присоединился И. Одидлов. После начала кампании преследования востоковедов в 1939 г. и ареста А.Э. Шмидта (умер в тюрьме в 1939 г.), А.А. Семенова и др. отношение к рукописям изменилось. Их сочли частью наследия, связанного с «религиозным мракобесием», как тогда формулировали в официальных документах и газетных статьях. Рукописи удалось спасти от перевода в закрытый фонд специального хранения (т.н. «Спецхран»)². Тем не менее, рукописи оставались без особого отведенного для них помещения. Их описание с составлением картотеки продолжалось исключительно по инициативе Е. Бетгера, А. Молчанова, М. Салье и И. Одилова, которые решили поделить фонд на две части: 1. Рукописи, которые имели отношение к наукам (медицине, философии и пр.), истории, биографиям (в число которых были внесены основная часть суфийских житий / *манакибов*) и литературе; 2. Учебники медресе, различные комментарии и компендиумы сочинений по фикху, каламу, тафсиры Корана, собственно экземпляры Корана, плохо сохранившиеся и неполные рукописи (без начала и конца) и т.п. В результате, фонд разделился на т.н. «Основной» и «Вспомогательный», который позже назван «Дублетный». По официальной версии в последнем должны были сосредотачиваться некачественные или дефектные копии рукописей Основного фонда. Однако «Дублетный фонд» в основном стал хранилищем религиозных сочинений, особенно учебников для медресе³. Отдельный фонд составили литографии и печатные издания.

памятные даты (к 100-летию со дня рождения академика АН УзССР М.С. Андреева, члена-корреспондента АН УзССР А.А. Семёнова, профессора Н. Г. Маллицкого) // ОНУ. 1973. № 5. С. 34–37. В целом биография А.А. Семенова была бы особенно интересной, чтобы проследить конвертацию русского провинциального востоковеда в одного из основателей советского востоковедения в Средней Азии.

¹ Крачковский И. Очерки... С. 164, 167; Ирисов. Тошкентда... 12, 13, 15, 18-бетлар.

² Отношение к арабистике и арабскому языку в первые несколько десятилетий Советской власти было неоднообразным и тоже зависело от идеологических конъюнктур. Восточное отделение Среднеазиатского университета был открыт в 1920. В 1938 г., в связи с преследованиями востоковедов, закрыто. В 1944 г. восстановлено и снова закрыто в 1948 г. (в связи с преследованиями заведующего кафедрой Садики Мирзаева, так же принадлежащего ранее к когорте *домулла*). Арабский факультет вновь был открыт в 1958 году в связи с необходимостью в переводчиках и специалистах и в связи с активизацией «арабской политики» бывшего СССР (Ирисов. Тошкентда. 15 – 16-б).

³ Муродов А. Ўрта Осиёда хаттотлик санъатидан. Тошкент: Фан, 1971. 157-б.; Muminov A. Fonds nationaux et collections privées de manuscrits en écriture arabe de l'Ouzbékistan. // Cahiers d'Asie centrale, vol. 7, 1999. Patrimoine manuscrit et vie intellectuelle de l'Asie centrale islamique. Sous la direction d'Ashirbek Muminov, Francis Richard et Maria Szuppe. P. 17 – 38; сведения покойного А. Носирова, интервью 1986 г.

Вместе с приказом о создании Института по изучению восточных рукописей АН УзССР в том же 1943 г. вышло еще одно постановление о передаче манускриптов и документов в арабской графике из всех хранилищ республики в фонд нового Института. После этого количество рукописей Института перевалило за 15 тысяч томов. К 1971 г. из их числа было описано около 11 тысяч¹. После создания Института сбор рукописей и документов продолжался, хотя менее интенсивно и, в основном, за счет частных пожертвований и покупки книг у населения².

Первым директором Института изучения восточных рукописей был назначен А.А. Семенов (1943 – 1946). Соответственно, сотрудники Отдела восточных рукописей автоматически стали «научными работниками» нового Института, который получил в свое распоряжение дополнительные помещения в том же здании библиотеки (бывший Главный штаб и офис Генерал-губернатора). В состав сотрудников Института, наряду с упомянутыми востоковедами, были введены сотрудники, имевшие традиционное богословское образование (*мактаб, медресе*). Именно на них была возложена обязанность идентифицировать и описывать оставшуюся неописанной часть солидного фонда рукописей и около 10 тысяч литографированных изданий (книг и журналов), принимать от населения новые рукописи, оценивать их и т.д.. Созданные ими каталоги (по авторам, названиям сочинений, номерам рукописей и отдельно каталог литографированных изданий) до сих пор используется всеми сотрудниками и зарубежными исследователями для поиска и заказа рукописей и документов.

В Институте востоковедения таких сотрудников называли с пиететом «*домулла/домлалар*», «*устозлар*»³. Как мне удалось установить, в кругах религиозной элиты упомянутого САДУМ, к ним прилагали также определение «*улама*»-востоковеды (*Шарқшунос уламолар*). В этом определении не было дистанцирования или отчуждения. Богословская элита советского времени полагала, что ИВ не выполнил бы своей задачи, если бы в его стенах не работали «*улама*» – востоковеды. Большинство из них обладали хорошим богословским образованием, которое оказалось полезным Отделу редких рукописей Публичной библиотеки и затем Институту. Однако богословское образование, к

¹ Муродов А. Тошкентда. 157-б.

² Подробней об истории фонда ИВ АН РУз см.: Muminov. Fonds. P. 17 – 22.

³ *Домла* (*дāмуллā*) – обращение к религиозно грамотному человеку (синоним «*āлим*»). «*Устоз*» (*устāд*) – здесь учитель богословия. Оба термина (в особенности второй из них) в советское время одновременно прилагали к улемам, преподавателям светских учебных заведений и докторам наук и выдающимся писателям.

которому поначалу власти относились насторожено, со временем было реабилитировано.

Первыми из сотрудников Института с религиозным образованием стали: потомок бухарских ходжей (خواجه) Ибодулло Одиллов, родившийся в Ташкенте Абдулла Носиров, Абдулфаттах Абдуллаев и Ишанходжа Мухаммадходжаев¹ (их краткие биографии в приложении). Они хорошо знали арабский, персидский и тюркские языки, а некоторые из них, согласно той традиции, писали на них стихи. Кроме того, большинство из них были библиофилами и хорошо разбирались в мусульманской рукописной традиции, в сочинениях разного жанра, документах и т.д.

Особая заслуга в привлечении 'улама' в Институт принадлежит ее второму директору Вахиду Юлдашевичу Захидову (1946 – 1950). Он, будучи куратором работы Института рукописей, отыскал и привел в Институт сотрудников с религиозным образованием и хороших каллиграфов: Абдулфаттаха Расулова, Абдукадыра Мурадова, Ишанходжа Мухаммадходжаева, Баситхана Захидова и др.

Конечно, вовлеченные в круг задач Института рукописей 'улама' старались адаптироваться к новым условиям, и вполне понятна их позитивная реакция, когда обретенные ими знания и их эрудиция хотя бы частично оказались востребованными, в условиях, когда старое традиционное образование становилось чаще поводом для преследования или идеологического отчуждения. В самом начале создания Института они продолжали работу по каталогизации и краткому описанию рукописей фонда, начатую еще в Отделе восточных рукописей Государственной публичной библиотеки². Любопытно, что вплоть до 1946 г. *домулла* предпочитали писать, свои собственные биографии, отчеты в арабском шрифте на узбекском языке³, а большинство из них так и не освоили русский язык, который долгое время оставался основным языком узбекистанского востоковедения. Возможно, по этой причине языком картотеки рукописей стал узбекский (именно в арабском шрифте). Этот принцип описания карточек на узбекском заложен был И. Одилловым, карточки

¹ Здесь и ниже я привожу их имена в таком виде, каком они зафиксированы в их кратких автобиографиях и личных карточках, хранящихся в архиве ИВ АН РУз. Пользуясь случаем, выражаю благодарность нынешнему начальнику Отдела кадров ИВ АН РУз М. Баубаевой за бескорыстную помощь.

² Об этом свидетельствуют краткие отчеты сотрудников Отдела восточных рукописей, которые затем стали научными сотрудниками Института восточных рукописей. См.: Архив АН РУз, ф. 55, оп. 2, д. 262 («Учет работы в Отд. восточных рукописей за 1942–1949 гг.»).

³ Архив АН РУз, ф. 55, оп. 2, д. 262, л. 1, 7, 19, 20 и далее.

которого (с предварительными описаниями рукописей) стали основой нынешней картотеки ИВ АН РУз.

Кроме каталожной работы, 'улама' были привлечены к работе по переводу отдельных исторических сочинений и к переписыванию некоторых произведений поэтов и мыслителей прошлого, которые были признаны в качестве идеологически приемлемых символов новой республики. В этом процессе первая скрипка была отдана востоковедам. Например, известный русский и затем советский востоковед И.Ю. Крачковский полагал, что описание, изучение и публикация рукописного наследия в арабской графике станут «важными источниками для истории народов СССР» и самой необходимой частью «культурного строительства» новых наций¹.

Однако наследие средневековья требовало осторожного подхода, учитывая неприязненное отношение большевиков к религии и к наследию, которое в первые декады советской власти чаще было предметом «марксистской критики», чем изучения. Одновременно активное «нациестроительство», начавшееся примерно с середины 1920-х годов, должно было заменить доминирующую религиозную идентичность на этническую (национальную, социалистическую). Это, в свою очередь, предполагало новую интерпретацию исторического прошлого наций (народов) и соответственно, новых социалистических республик. Следовательно, обращение к прошлому и сотворение национальных историй было так же неизбежно, как и его критика.

В этой своеобразной ситуации селективного выбора и новой интерпретации истории, кроме всего прочего, нужны были приемлемые фигуры-символы для новых республик. Еще до создания ИВ первым прецедентом идеологической реинтерпретации прошлого стала фигура Алишера Навои (Навā'и). Был создан специальный Комитет по изучению и публикации его творчества, создавались словари к его произведениям. Именно к этой работе были привлечены 'улама', участие которых, однако, не шло дальше переписки произведений Навои, каталогизации и краткого описания его произведений, составление словарей неясных терминов и т.п.² Интерпретацией же его творчества и определением круга произведений, допущенных к печати, занимались преимущественно светские ученые

¹ Крачковский. Очерки. 1956. С. 160 и дальше.

² Қаюмов А.П. Ўзбекистон академиклари. Тошкент: Mumtoz so'z. 2011. 87, 88-б. Академик Қаюмов (мой основной информатор) выпускник Восточного факультета Среднеазиатского университета им. (САГУ). После окончания университета в 1951 г. он пришел на работу в ИВ и стал свидетелем и участником всех описанных ниже событий, которые, как он полагает, стали причиной «политизации статуса ИВ».

(востоковеды, филологи) или именитые советские поэты (как Айбек/Ойбек), которые тоже могли оказаться в опале, если допускали в этой сложной работе «недопустимые перегибы» (как тогда формулировали в документах и газетных статьях)¹.

Из письменного наследия Навои на долгое время был исключен религиозный компонент, а интерпретации его творчества также выглядели искусственно, однако вполне соответствовали царившим идеологемам². Позитивные определения в характеристиках фигур прошлого обязательно включали такие формулы-клише как «прогрессивные деятели», либо «материалистические взгляды» и т.п., которые давали пропуск знаменитым фигурам прошлого в плеяду исторически значимых фигур и даже национальных героев. Именно поэтому названия соответствующих книг и сборников статей тоже должны были включать приемлемые идеологические определения с соответствующими ссылками на «марксистские первоисточники». По сути, такие названия отвечали официальным идеологемам и одновременно, по задумке властей, формировали национальную историю и «социалистическую нацию»³.

Позже (после второй мировой войны) продолжался поиск «прогрессивных ученых прошлого», которых можно было без ущерба для официальной идеологии объявить наследием нации, и услуги 'улама' в этом смысле могли пригодиться. К 1950-м годам, помимо каталожной работы, они были привлечены к переводам сочинений знаменитых ученых Центральной Азии ал-Фараби, Ибн Сина, ал-Бируни и др. При этом имена *домулла*, участвовавших в переводах, включались в число авторов (см. нашу библиографию). Эти многолетние проекты и многотомные собрания, помимо несомненного научного значения, являлись для властей частью многоцелевой и сложной идеологической и политической программы властей, которая была поддержана, но по-своему интерпретирована известными востоковедами (см. выше мнение И.Ю. Крачковского).

Преимущество Узбекистана было в том, что основной фонд рукописей, составленных и переписанных в главных центрах книж-

¹ Каюмов А.П. Ўзбекистон академиклари. 128–132-бетлар.

² Подробности подготовки и проведение его юбилея, дух тогдашних публикаций освещен в упомянутом исследовании А.П. Каюмова (Ўзбекистон. 128–132-б). См. также: А. Эркинов, Б. Бабаджанов. «Нава'и» / Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. М.: Изд. фирма «Восточная литература», 2006. С. 298 – 299.

³ Яркий пример такого подхода – названия соответствующих сборников статей: Ўзбекистонда прогрессив и жтимоий фалсафий фикрлар тарихига доир материаллар (Материалы к истории прогрессивной общественной и философской мысли Узбекистана). Тошкент: Фан, 1959.

ной культуры региона (Бухара, Самарканд, Хива и др.), был сосредоточен в ИВ. И, как следствие, именно в этом Институте происходило «научное освоение» наследия этих ученых-энциклопедистов, по заслугам прославивших в качестве ученых титанов региона. Однако именно сочинения этих ученых (по характеристике вполне подходящие под идеологему «Материалистические сочинения») переводились в рамках упомянутых обширных проектов ИВ АН Узбекистана.

В этой борьбе за ученых, как за «великих представителей нации», Узбекистан, повторяем, оказался в выигрышном положении. Основной фонд рукописей, связанных с их наследием, был сосредоточен в ИВ АН РУз, и поэтому ученые в республике первыми приступили к изучению и даже освоению этого наследия. Кроме того, в регионе было мало ученых такого уровня и эрудиции, кто мог бы прочесть, понять и перевести эти сочинения. И дело здесь не только в атеистической политике советской власти, в которой к 1950 г. выросло новое поколение, оторванное от традиций прошлого и, получившее новое образование, также ограниченное знанием основ языков и изрядно отдаленное от былой религиозной традиции. Проблема была также и в самих богословах, которые были вовлечены в работу по переводам на узбекский язык сочинений ал-Бируни, Ибн Сина (Авиценна), ал-Хорезми, ал-Фаргани и др. Между тем, идеология этих ученых-энциклопедистов была больше связана с рационализмом (философией, му'тазилитским каламом и пр.) и далека от суннитского догматизма, доминировавшего в богословской среде региона в последние несколько столетий. Общая стагнация и победа схоластики сыграли свою роль в ослаблении интереса к естественным наукам, которые оказались крайне слабо востребованными и практически прекратили свою эволюцию¹. По этой причине 'улама' ИВ, получившие традиционное образование и затем вовлеченные в сферу советского востоковедения, специальными знаниями в области естественных наук не обладали. Например, *домулла* А. Расулов откровенно признавался, что полученных им религиозных знаний или в области литературы в рамках учебной программы в *медресе* и во время частных уроков, явно не хватало для работы над переводами сочинений названных ученых-энциклопедистов. В этом можно усмотреть не столько ограниченность эрудиции всех поколений *домуллы* ИВ, сколько собственно ограниченный характер схоластического и догматического образования в системе местных *медресе* и частного (также преимущественно религиозного) образования.

¹ Можно говорить о частном интересе некоторых переписчиков и ученых, кто мог составлять компендиумы медицинских или фармакологических сочинений прошлого.

Те специалисты ИВ, кто участвовал в переводах сочинений ученых-энциклопедистов и с кем мне когда-то приходилось говорить, вполне положительно отзывались об уровне знаний в арабском или персидском языках и литературе, которыми обладали те 'улама'-востоковеды, кого привлекали к переводам названных сочинений¹. Одновременно выдающиеся востоковеды со светским образованием сохраняли серьезный скепсис относительно знаний *домуллы* специальных предметов, особенно, математики, астрономии, геодезии, фармакологии, философии и даже истории, хотя такие же знания требовались и многим востоковедам, имевшим светское образование. По этой причине к переводам привлекались знаменитые советские медики, химики или математики (О. Файзуллаев, У. Каримов, А. Ахмедов и др.)². Работа над названными проектами способствовала росту опыта и эрудиции всех ученых (в том числе и 'улама'-востоковедов), кто был вовлечен в эту многолетнюю работу.

В фонде рукописей имелись такие фолианты, идентификацию и описание которых могли сделать преимущественно 'улама'-востоковеды. Речь идет о религиозных сочинениях (*фикх, тафсиры, калам* и т.п.). Источником основательной эрудиции 'улама'-востоковедов в этой области было не только и даже не столько их традиционное образование. Работа в библиотеках и хранилищах рукописей, и особенно в ИВ, открыла им возможности к значительному расширению своих знаний.

Однако не все их знания могли быть востребованы в полном объеме, особенно касательно религиозных сочинений. К тому же задачи советского востоковедения также ограничивали сферу их использования, особенно на фоне практически полного отсутствия исламоведческих исследований. Кроме того, составив значительную по объему картотеку рукописей, никто из *домуллы* (за исключением И. Одилова, включенного в число авторов первого тома) не был привлечен к составлению упомянутого выше каталога СВР, очевидно по той причине, что описание рукописей требовало специальных

¹ По замечанию привлеченных к переводам специалистов ИВ с востоковедным образованием У. Каримова, И. Абдуллаева и др., переводы 'улама' – востоковедов имели архаичную форму и нуждались в адаптации. По рассказу А.П. Каюмова, особенно скептически к знаниям *домуллы*, работавшим в ИВ, относился известный востоковед Д.Г. Вороновский (ученик А.А. Семенова).

² Вовлечение представителей естественных наук (математиков, химиков, фармакологов и философов), следует признать особым феноменом. Часть из них изучили арабский язык и включились в работу по переводу сочинений упомянутых ученых энциклопедистов средневековья. Это направление востоковедения Узбекистана (а позже и в соседних республиках) стало элитным, поскольку связано не просто со сложными текстами, но вполне соответствовало актуальной задаче изучения научного наследия средневековья.

навыков, знания принципов каталогизации, выработанной европейскими библиографами. Тем более что к тому времени уже существовали знаменитые каталоги арабских и персидских рукописей, составленные в Европе (Рьё, Броккельман и др.).

Авторы СВР (по крайней мере, первых 6–7 томов) могли опереться на уже выпущенные каталоги и даже вносить поправки в прежние описания, составленные 'улама' или исправлять допущенные ошибки в каталогах советских или европейских ученых. Кроме того, работа по каталогизации началась до создания ИВ и вовлечения в него 'улама', по инициативе А.Э. Шмидта и под его непосредственным руководством и при участии профессиональных востоковедов, работавших в Ташкенте¹ и которые имели серьезные знания о рукописной традиции и значительные навыки в их описаниях (СВР–1, Введение. С. 6–8). Из 'улама'-востоковедов в то время в этой группе работали только И. Одилов и А. Носиров (до конца войны). Они были уникальным консультантами по рукописям, написанным местными авторами и не попавшим в известные на то время каталоги. Составленная группой *домулла* картотека (карточки) рукописей, несмотря на ее некоторые недостатки², стала серьезным подспорьем для СВР.

«Случайно попавшие в научное учреждение»?

Интриги против 'улама'-востоковедов

Исследуя архивный материал, статьи (в основном популярного и информативного характера) или неопубликованные записки всех *домулла*, работавших в Институте востоковедения ал-Бируни, мне удалось в той или иной степени восстановить их биографии. Кроме того, мне, как всем сотрудникам Института востоковедения ал-Бируни, обращающимся к рукописям, приходится часто использовать некоторые работы наших *домулла* (картотеку, переписанные и

¹ Это А.Э. Шмидт, А.А. Семенов, А.А. Молчанов, Б.С. Сергеев, Е.К. Бетгер. В 30-х годах к ним присоединились А.К. Шмидт, М.А. Салье, А.А. Молчанов, В.И. Беляев, А.Д. Вороновский, Е.А. Арендс и др. См. их отчеты: Архив АН РУз, ф. 55, оп. 2, д. 262 («Учет работы в Отд. восточных рукописей за 1942 – 1949 гг.»).

² В настоящее время в ИВ АН РУз осуществляется многолетняя работа над проектом (финансируется ИВ и фондом «Герды Хенкель») по составлению электронного каталога фонда рукописей и печатных изданий Института (рук. проф. Ю. Паул, С. Гуломов). По информации С. Гуломова, картотека с первичной информацией о рукописях может быть оценена как плод уникального и многолетнего труда. Однако нередко в карточках обнаруживаются недостатки. Например, не всегда описаны все произведения, подшитые в одной рукописи, иногда не определены авторы и названия (или определены ошибочно), неточно указаны листы произведений и т.п. Хотя участники проекта не разделяли карточки по их составителям. Иными словами, составление картотеки продолжалось и после 'улама', вовлеченных в эту работу, поэтому кем и когда были составлены конкретные карточки с упомянутыми ошибками, никто не пытался определить.

восстановленные ими книги, библиографические сведения, собранные в отдельные папки и пр.)¹, без которых трудно представить работу с рукописями ИВ. Естественно, поражает та огромная работа, которую они сделали, восхищает их трудолюбие и тщательность.

В процессе работы над этой статьей мне стало ясно, что для полноценной оценки статуса *домуллы* в советском научном учреждении всего этого недостаточно. Краткие публикации о них, архивные документы или заполненные ими лично формуляры бюрократических бумаг и даже скромные авторские ремарки в переписанных ими рукописях тоже не могут полноценно воспроизвести той картины адаптации в сложную и нередко тревожную действительность научного учреждения сталинской эпохи.

Скупые отчеты первых нескольких лет существования Института (это военные и послевоенные годы) и его предшественника – отдела восточных рукописей Публичной библиотеки показывают, что учреждение занималось преимущественно каталогизацией и предварительным описанием рукописей (или, согласно отчетам того времени, «освоением»), их реставрацией, подготовкой переводов некоторых исторических сочинений². Работу по каталогизации и в основном выполняли *домуллы*, и эта работа была лишь косвенно связана с идеологическими проектами властей.

Позже, когда ИВ был вовлечен в упомянутые проекты по изучению и переводу сочинений ученых-энциклопедистов или исторических и литературных произведений, функции института расширились, а вместе с ними от *домуллы* требовалось участие в этих многолетних проектах. Однако послевоенные годы изменили эти реалии. Это эпоха, когда активизировалась внешняя политика СССР, от научных учреждений вроде Института востоковедения власти требовали экспертных оценок современного состояния Востока, особенно тех, на которые был направлен вектор внешней политики Советского Союза. В этом эмпирический опыт или знания '*улама*'-востоковедов едва ли могли пригодиться. Темы новых исследований

¹ Самые обширные ремарки и описания рукописей оставил А. Носиров. Ркп. ИВ АН РУз, №№ 2494, 2495.

² Я сужу по сборнику документов под названием «Учет работы в Отделе и Институте восточных рукописей за 1942 – 1947 годы». Архив АН РУз, ф. 55, оп. 1, д. 269, л. 1, 3, 14, 21–23 и дальше). Правда, в конце отчетов за этот период имелись приписки, свидетельствующие о том, что тогдашний директор Института А.А. Семенов и М.А. Салье привлекались в качестве консультантов для Совета Народных комиссаров Уз ССР, в Центральный комитет Компартии Уз ССР, в Академию наук СССР и другие учреждения (там же, л. 2, 14 и др.). Кроме того, судя по этим отчетам, тогда же началась подготовка рукописей к изданию каталогов (еще до создания Института). Например, к июлю 1943 года был подготовлен IV-й том Каталога рукописей или составлялась библиография к готовым томам (там же, л. 26, 56 и др.).

носили исключительно идеологический характер, хотя квалифицировались как жизненно важные темы. По словам А. Каюмова, за пределами Института нашлись «специалисты» (себя они называли «принципиальными коммунистами»), кто настаивал на актуализации названного идеологического направления при одновременном отказе от услуг «благообразных старичков» (т.е. *домулла*) и считал более важным сосредоточить исследования по современному Востоку.

Группу «принципиальных коммунистов» возглавлял А.В. Станишевский (1904 – 1994), член ВКП(б) с 1922 г., работник ГПУ/ОГПУ (с 1934 г. НКВД), путешественник и писатель¹. В 1948 г. он демобилизовался в звании подполковника, хотя остался на работе в политотделе Туркестанского военного округа (ТуркВО) и одновременно был принят в Правление Союза писателей Узбекистана². Внутри ИВ соратником А. Станишевского был ученый секретарь Института (конец 1949 – начало 1951 г., с перерывами) Александр Павлович Савицкий³,

¹ Прибыл в Туркестан 1922 г., где стал сотрудником Экономических совещаний. В силу непрофессионализма, был отстранен и в 1923–25 гг. работал в Ташкенте с документами архива Туркестанского генерал-губернатора по вопросу о Памире. Прошел подготовку на курсах ОГПУ, в 1928 г. отправлен на Памир заместителем начальника отряда «для организации противодействия английской разведке» по линии ГПУ. А. Станишевский уверяет в своих рассказах, что в те времена фактически обладал статусом неофициального правителя Памира, утверждая, что вел обширную подрывную работу против Британии. Подтверждений этому пока не обнаружено. Правда, в 1929 г. на его квартире в Хороге состоялся религиозный диспут между памирскими исмаилитами и ахмадийским проповедником из Пешавара, о чем, видимо, было доложено А. Станишевским как часть его подрывной работы против Британии (Теологическая речь исмаилита Хайдар-шо Мубарак-Шо-заде. Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Дорофеева Р. В. // Третьи востоковедческие чтения. Ташкент: Ташкентская и Среднеазиатская епархия, 2011. С. 428–454). Позже Станишевский вновь был назначен начальником Особой партии Таджикско-Памирской экспедиции, возглавлявшейся Н.Г. Горбуновым (Управляющий делами Совнаркома), с которым познакомился на Памире в 1931 г. В 1933 г. вернулся в Москву и занимался историей т.н. «басмачества» и литературным трудом под псевдонимом *Азиз Ниалло*, опубликовав несколько повестей о Памире и Гиндукуше. В 1941 г. он призван в Красную армию, но был направлен в Среднюю Азию, где, очевидно, служил в разведке Туркестанского военного округа. Этот период самый темный в его биографии. В 1947 г. Станишевский работал в Советско-афганской комиссии по разграничению на Памире. Сведения почерпнуты: Абаева Т. Г. Исследования А.В. Станишевского (*Азиза Ниалло*) о Памире // Страны и народы Востока. Вып. XVI. «Памир». М., 1975. С. 262–291. Я так же благодарю Т.Г. Абаеву за представленные дополнительные сведения об А.В. Станишевском.

² Более всего он прославился своей книгой «Пробуждение Востока» (Ташкент, 1961), написанной в стиле занимательного или приключенческого ориентализма, хотя включает в себя ряд увлекательных и романтизированных эпизодов времен первых лет революции в Туркестане.

³ По словам А. Каюмова, А. Савицкий бывший охранник тюрьмы, затем работал в ГПУ. До этого он окончил Партийные курсы и после выхода на пенсию стал активистом по распространению русского языка в Узбекистане. В ИВ был принят по рекомендации М.И. Шевердина.

который тоже был выпускником партийных курсов, не имея даже специальной языковой подготовки¹.

Директором Института по изучению восточных рукописей был упомянутый Вахид Захидов (1947 – 1950)², который, обладая светским образованием (историк, филолог), старался принять на работу молодых выпускников Факультета востоковедения Среднеазиатского государственного университета (т.е. обладателей светского востоковедного образования) и избавиться от сотрудников, вроде А. Савицкого. Предлагаемые В. Захидовым направления исследований (т.е. ориентированное на изучение рукописного наследия и «национальной истории») были уязвимы для обычной тогда критики, облакавшейся в формулы, вроде «узконациональные интересы», «отсталые от жизни исследования» и т.п. Ситуацией в первую очередь воспользовался и А.П. Савицкий, поддержанный А.В. Станишевским и М.И. Швердиным (1899 – 1984)³. В октябре 1949 г. он обратился с письмом в республиканскую Академию наук (копия послана в ЦК компартии УзССР)⁴, в котором содержались обвинения в адрес Института, проводящего, по его словам, неактуальные исследования, «сотрудники которого погрязли в бесконечном перелистывании пожелтевших листов рукописей», «в исследованиях, не отвечающих жгучим требованиям времени» и т.п. Досталось и «старейшим ученым» (*домулла*) Института, которых квалифицировали как людей, «случайно попавших в научное учреждение», «политически неблагонадежных». Авторы письма заявили: «бывшие кадрии, муфтии и муллы с религиозным мышлением, недопустимым в советском научном учреждении, вдруг и непонятно, каким образом попали в стены Института». В заключение письма в «удручающем положении Института» был обвинен В. Захидов, которому в вину ставилось также нежелание видеть «связи

¹ Его личного дела отыскать не удалось, хотя его имя фигурирует в качестве ученого секретаря в некоторых протоколах Института. Архив АН РУз, ф. 55, оп. 2, д. 39, л. 18–22. Там же имеется решение об утверждении диссертационной темы А. Савицкого «Синьцзян, как плацдарм иностранной интервенции в Средней Азии» (л. 18, 27–28). Однако защитить работу он не успел, и был переведен на идеологическую работу в Каракалпакскую АССР. Старейшие работники Института называли его «человеком Станишевского».

² О нем см. подробный очерк: Қаюмов. Ўзбекистон. 124–207-бетлар.

³ Известный советский писатель, выпускник Восточного института (Ташкент). В течение многих лет – собственный корреспондент газеты «Правда». В сороковых годах – член ЦК Компартии Узбекистана, затем редактор журнала «Звезда Востока» и заместитель Союза писателей Республики. Основная тема – романы о гражданской войне в Туркестане (о т.н. басмаческом движении).

⁴ Это письмо хранится в архиве АН РУз, однако это плохо читаемый 4-й или 5-й экземпляр машинописной копии (там же, ф. 1, оп. 1, д. 322, л. 7–11). Здесь я пользуюсь его копией из архива А.П. Каюмова.

передовых русских ученых с прогрессивными деятелями Средней Азии»¹.

Для самого Савицкого и его соратников донос имел прагматический смысл. Многие люди «революционного поколения» использовали инструмент доноса как эффективный способ для карьерного роста. По словам А. Каюмова, основной целью доноса оставался директор Института, которым, как полагали Станишевский и К^о, должен был быть русский человек.

Все эти обвинения были беспочвенны, однако позже опубликованы в газете ЦК ВКП(б) «Правда», что, по условиям того времени, было равносильно судебному обвинению. ЦК КП(б) Уз ССР и Академия наук среагировали на это письмо. Было проведено специальное заседание, решение которого было направлено в Академию и Институт по изучению восточных рукописей (1/IX 1950 г. «О работе АН Уз ССР»). Согласно этому решению, Академия наук отстранила директора В. Захидова, который был переведен начальником отдела, а директорский пост заняла молодая выпускница аспирантуры Ленинградского Института востоковедения, кандидат наук С.А. Азимджанова (директор 1950-1976). Новая директриса оказалась достаточно дипломатичной, хотя ей не удалось полностью погасить внутренний конфликт и внешние нападки на Институт. Тем не менее, она продолжила работу В. Захидова (пользуясь его же советами), правда, пытаясь расширить «Отдел по изучению стран сопредельного Востока» (руководимый бывшим разведчиком, подполковником в отставке М.Г. Пикулиным). Тогда же Институт решением упомянутого X пленума ЦК КП(б) Узбекистана от 1/IX 1950 г.² был переименован в Институт востоковедения АН УзССР, чем было окончательно закреплено основное направление его исследований – история и современное состояние стран Востока, связь с которыми уже рассматри-

¹ Тучи над В. Захидовым сгустились раньше, когда в его адрес прозвучали некоторые обвинения (слабая работа с аспирантами, плохая связь с учебными институтами и т.п.) во время отчета о работе за 1949 год (Архив АН РУз, ф. 55, оп. 2, д. 39, л. 6–8, 23 января 1950 г.; там же, ф. 1, оп. 1, д. 322, л. 37–39). Он был снят буквально через месяц после этого Отчета. Позже он был лишен академического звания, отовсюду уволен. А.Захидов отчаянно старался спасти свой статус, приступив к написанию работы «Развитие марксистской философии в трудах т. Сталина по вопросам языкознания», которую ввел в план ИВ (там же, ф. 55, оп. 2, д. 45, л. 14). Однако даже такое обычное проявление конформизма не спасла его.

² О других партийных решениях и идеологических конференциях см.: Иванов В.А. Академическая наука в Узбекистане в 50-е – 60-е годы. Роль национальных кадров в ее развитии / Академия наук в интеллектуальной истории Узбекистана. Под ред. Д.А. Алимовой, У.А. Абдурасулова. Ташкент: Yangi nashr. 2012. С. 104.

валась советским правительством в контексте собственных дипломатических, стратегических и идеологических интересов¹.

Таким образом, письмо и написанная на его основе статья изменили стиль работы ИВ, в котором теперь доминировали «исследования Зарубежного Востока», правда, сформулированные в обычном для того времени идеологическом стиле. В одной из докладных записок ИВ (в ответ на упомянутое решение ЦК ВКП(б) Узбекистана) перечислены мероприятия, «направленные на улучшение работы Института», в том числе по исследованию «современной истории зарубежного Востока». Основная проблема для налаживания работы в этом направлении заключалась в отсутствии подготовленных специалистов. Директор С. Азимджанова объяснила, что ее обращение в ряд организаций (в т.ч. в московский ИВ, другие инстанции) не увенчались успехом. В списке тех к кому обращалась дирекция ИВ и Академия наук, приглашая на работу, был Штаб Туркестанского военного округа (ТуркВО). У военных просили «командировать ряд товарищей» на работу в ИВ, в том числе «т[оварища] Станишевского»². Однако А. Станишевский перейти на работу в ИВ отказался³, хотя стал членом Ученого совета и не раз участвовал в его работе⁴. Более того, он был назначен редактором изданий ряда переводов исторических сочинений⁵, хотя не имел специальной языковой подготовки.

¹ В статистических отчетах задача ИВ определялась таким образом: «Разработка проблем истории стран зарубежного Востока, национально-освободительного движения народов этих стран, разработка реакционной сущности панисламизма и пр[очих] реакционных течений ...». И во вторую очередь указывалась работа над рукописями и каталогами (Архив АН РУз, ф. 55, оп. 2, д. 49, л. 7).

² К этому моменту в ИВ работал другой профессиональный разведчик, подполковник в отставке М.Г. Пикулин (1905-1983), который был начальником «Отдела стран сопредельного Востока». В 1921 г. он прибыл в Туркестан в составе Красной армии. В 1923 служил в Украине и тогда же стал членом ВКП(б). с 1927 г. работает в партийных органах Таджикистана (сначала в автономии, затем республике). С 1929 учится в Институте Восточных языков (Ленинград). Работал в Иране, Афганистане Синьцзяне (1933–1939). Во время войны служил в Иране (в составе контингента Советской группы войск) и выполнял обязанности редактора советской газеты на персидском языке «*Ахбар-е тазийе-йи руз*» («Новости дня») на персидском языке (к 1946 году ее тираж достиг 300 тыс. экз.). После войны работал в Политическом Управлении ТуркВО (редактор газеты). С 15 мая 1949 года работал в ИВ по совместительству, с декабря 1952 г. на полной ставке (из личного дела М.Г. Пикулина, Архив ИВ АН РУз, л. 197-199, 212 и др.). Лучшие его публикации: «Афганистан. Экономический очерк» (Ташкент, 1956 г.), «Белуджи» (Москва, 1959) и др. Насколько известно, к *домулло* Пикулин относился с пиететом.

³ Докладная записка о выполнении ИВ АН Уз ССР решения X пленума ЦК КП(б) Уз ССР от 1/IX 1950 г. / Архив АН РУз, ф. 55, оп. 2, д. 45 («Справки и докладные записки в вышестоящие организации о деятельности ИВ АН Уз ССР за 1950-1953 годы»), л. 8.

⁴ Архив АН РУз, д. 39, л. 8. Судя по контексту этой «Докладной записки», Станишевский продолжал параллельно работать в Политотделе ТуркВО.

⁵ Например, согласно протоколу № 8 от 30 июля 1950 г. (Архив АН РУз, ф. 55, оп. 2, д. 39, л. 30) он был назначен редактором переводов ряда знаменитых сочинений бухарских авторов («Мукимханская история», «История Убейдулла хана», «История Абулфейз хана»). Переводы были выполнены профессором А.А. Семеновым.

Правда, все издания, где он по протоколам был назначен редактором, вышли уже после смерти Сталина, и имя Станишевского в этих изданиях уже не фигурирует. Эти назначения выглядели своеобразным дипломатическим жестом, чтобы умерить агрессию доносчиков.

Однако до оттепели Хрущева было еще время и с «группой Станишевского» (как ее, по словам А.Каюмова, называли сотрудники ИВ) приходилось считаться. Доказав собственную значимость, Станишевский и К^о настойчиво требуют внести «боевой дух» в работу Института, генерируют идеи по «новым и актуальным направлениям», одновременно настаивая, чтобы молодым аспирантам давали «более современные и боевые темы», имея в виду изучение классовой борьбы на Востоке, «разоблачение англо-американского империализма» и тому подобные идеологические штампы того времени. Приведу небольшую цитату одного из протоколов заседания Ученого совета ИВ:

*«Т[оварищ] Станишевский определяет работу Института как не имеющую явно выраженного лица, аморфную и высказывает необходимость установления четкого, активного **наступательного** лица Института»; «Т[оварищ] Айбек соглашается с т. Станишевским и выдвигает необходимость установления усиления работы отдела Зарубежных стран Востока и необходимости разработки современных, **боевых** тем Востока»¹ (здесь и ниже выделено мной. – Б.Б.).*

Как начало действительной актуализации работы «на новом направлении» было предложено провести конференцию с символическим названием: «Панисламизм как реакционное оружие в руках американо-английского империализма», на котором Станишевский должен был прочесть доклад: «Пантюркизм на службе империалистов». Он также предлагает, чтобы конференция «носила **боевой политический характер**»². Судя по впечатлениям К. Мунирова (сотрудник ИВ в 1950 – 2007 гг.), участвовавшего на этом же собрании, А. Станишевский в озвученном проекте доклада заявил, что пантюркизм и панисламизм еще живы внутри социалистических республик Средней Азии и Кавказа. В этом же отчете по подготовке доклада Станишевский открыто заявил, что Институт востоковедения должен стать «форпостом в этой борьбе против внутреннего пантюркизма и панисламизма», хотя вместо этого «пригрел в своих стенах» бывших кадиев и мулл.

Эта речь стала тревожным сигналом, так как все участники «большой драмы» были осведомлены о сохранившейся связи

¹ См. примечание 42, а так же дело № 37 того же фонда.

² Архив АН РУз, ф. 55, оп. 2, д. 39, Протокол № 14 от 2 октября 1950, л. 18-21.

Станишевского с НКВД. В результате, многие из *домулла* Института были уволены, либо понижены в должности, что видно по записям в штатном расписании того времени, «Докладной записке ИВ» в АН Уз ССР и по другим документам. Речь идет о реакции на специальное Решение бюро ЦК КП(б) Узбекистана (от 14/IX 1951 г., «О мерах по улучшению работы ИВ АН Уз ССР»), которое было направлено в ИВ и по нему были предприняты довольно кардинальная реструктуризация ИВ с отстранением от работы *домулла*, которые были обвинены в «политической неблагонадежности». В ИВ были оставлены только два отдела: «Отдел новой и новейшей (т.е. современной – Б.Б.) истории стран зарубежного Востока» и «Отдел восточных рукописей». Другой отдел («Общественная и философская мысль народов Узбекистана»), занимавшийся переводами сочинений ал-Беруни, Ибн Сина (Авиценны), исторических сочинений и др. был передан Институту Истории и археологии (директор Р.Н. Набиев)¹. В решениях бюро Компартии и Академии сформулирована новая задача ИВ: «... главным направляющим в деятельности Института (востоковедения АН Уз ССР) является изучение и научное обобщение важнейших событий в странах зарубежного Востока, разоблачение происков англо-американского империализма и человеконенавистнических теорий панисламизма, пантюркизма, панарабизма, а так же изучение языков, этнографии народов Востока» (имелся в виду «зарубежный Восток»)². В этой же «Докладной записке» *домулла* (М. Абдурахманов, А. Насыров) были уволены, как «лица, не внушающие политического доверия», другие (А. Расулев, Э. Мухаммадходжаев) переведены на должности лаборантов³.

Таким образом, С. Азимджанова была вынуждена уволить или понизить в должности некоторых из «старейших ученых», правда, на время; вскоре они вновь были возвращены, так как работа по каталогизации, переписке и реставрации рукописей приостановилась.

¹ Позже отдел был возвращен в ИВ.

² См.: Архив АН РУз, ф. 55, оп. 2, д. 45, л. 21–24 («Докладная записка о выполнении решения бюро ЦК КП(б) Узбекистана от 14/IV 1951 г., «О мерах по улучшению работы ИВ АН Уз ССР»). Конкретные направления исследований ИВ (в рамках упомянутых решений Компартии и Академии) теперь звучали так: «Кризис колониальной системы», «Разоблачение агрессии англо-американского империализма в странах Среднего Востока» и «Подготовка к изданию восточных рукописей». Конкретные темы выглядели более идеологизированными. Например: «Панисламизм в Пакистане как орудие реакционной космополитической политики американско-английского империализма» (исполнитель Н.Г Гусева). Там же, л. 23–24.

³ Там же, л. 25.

Усилия С. Азимджановой вновь вернуть *домуллу* в Институт и продолжить организацию работ по истории и текстологии¹ вызвали отрицательную реакцию Савицкого и его соратников. Почти год спустя после упомянутого письма и через несколько месяцев после упомянутого решения ЦК КП(б) Узбекистана по Институту, почти все обвинения, приведенные в упомянутом письме-донесе были вновь публично озвучены, но на этот раз в статье А. Шмакова (протезе М.И. Швердина) с провокационным названием «Институт, оторванный от жизни» (Правда. 1951. 16 августа; Правда Востока. 1951. 17 августа). При сравнении текстов упомянутого письма-донеса и статьи, становится ясным, что Шмаков использовал письмо А. Савицкого². Правда, на этот раз обвинения были более жесткими и особенно страшными для тех «обвиняемых», чьи имена попали в статью³. Автор начал статью с критики в духе времени, сравнивая ИВ с медресе, в котором он увидел не дежурный портрет Сталина, а зарисовку медресе Мири Араб (Бухара). Из сотрудников он обратил внимание на «благообразных стариков», которые, якобы «в определенный час отвлекаются от бумаг и ... совершают молитву»⁴. В их анкетах автор будто бы нашел сведения, что они были имамами, муфтиями, муллами и кадиями⁵. Работу по каталогизации Шмаков счел непродуктивной, переводы сочинений бесполезными и т.п. На этом фоне снова прозвуч-

¹ Это видно по ее справкам о проделанной работе сотрудников ИВ (в т.ч. и *домуллу*). См.: Архив АН РУз, ф. 55, оп. 2, д. 45, л. 1–6 (с копиями) и дальше.

² А. Каюмов полагает, что текст письма в ЦК КП(б) Узбекистана в действительности составили Швердин и Станишевский. На расширенных собраниях ИВ они облекали свою критику «научного направления ИВ» в те же клише, которые позже появились в письме и затем в статье.

³ Академик А.П. Каюмов, рассказывая этот эпизод, заметил, что, впервые читая статью Шмакова, он невольно подумал, что она «могла попасться на глаза товарищу Сталину». Тогда участь упомянутых в ней лиц была бы самой страшной. Поскольку имя Каюмова тоже было упомянуто в связи с его интересом к поэтическому наследию Нодры (казнена в 1842 г.), которая в статье названа «кокандская ханша», то он тоже приготовился к самому худшему. А.А. Семенов по поводу упомянутого доноса и этой статьи сказал А. Каюмову: «Ну, что ж, пусть пишут пасквили, ведь ничего другого они делать не умеют».

⁴ А. Каюмов пояснил, что в действительности *домуллу* никогда не молились в здании Института. «Молитвой» Шмаков назвал обычный ритуал (связанный, скорее, с доисламскими обычаями), который у узбеков и таджиков называют «*омийн*». Речь идет об исключительно местной традиции, когда после трапезы сидящие проводят по лицу руками и произносят слово «*омийн/аминь*» с благопожеланиями. Теперь это делают и вполне секулярные люди, не читающие молитв. «Старики» действительно ели во время обеда на рабочем месте, но только хлеб и кипяченую воду, после чего действительно, но скорее по обычной инерции, совершали «*омийн*». Некоторые из них не читали молитв совсем.

⁵ Таких сведений в тех же анкетах мне обнаружить не удалось. Речь шла только о религиозном образовании, которое получили названные сотрудники. Впрочем, автор статьи и те, кто за ним стоял, вполне освоили метод подтасовок фактов, обычный для сталинской эпохи.

чали обвинения о том, что ИВ «далек от жгучих проблем современности» (см. выше). Сотрудникам вновь предъявлен упрек за то, что они не изучают материалы, хранящиеся в Институте, которые «разоблачают туркестанских джадидов – врагов узбекского народа, вскрывающие их связи с английскими и японскими империалистами», продолжают работать над словарем Махмуда Кашгари¹ и т.п.

Примерно такими же формулировками, как и в вышеупомянутом письме «принципиальных коммунистов», Институт обвиняется за игнорирование «актуальной темы – разоблачение панисламизма и пантюркизма» и т.п. В целом оценка работы Института в статье не профессиональна даже по меркам того времени, явно имела те же цели, что вышеупомянутое письмо, тем более что текст последнего послужил основой для статьи. Статья только однажды была обсуждена в Академии и по ней была подготовлена очередная «Докладная записка» в ЦК КП(б) Узбекистана в том смысле, что не все факты, изложенные в статье подтверждены и что большая их часть запоздала, так как соответствующие перемены в ИВ уже состоялись².

После упомянутых заседаний и решений в высоких инстанциях в ИВ так же было проведено заседание Ученого совета, на котором в повестку дня было включено «Обсуждение решения Президиума АН Уз ССР в связи со статьей «Институт, оторванный от жизни». Примечательно, что обсуждение прошло формально, и на него не пригласили Станишевского; А. Савицкий к этому времени был переведен на партийную работу в г. Нукус³. Как видно из протокола, этот вопрос не был единственным в повестке дня заседания Ученого совета ИВ и занял всего полстраницы из 6 страниц протокола. Собственно фразы этой части протокола (вроде «Институт сделал правильные выводы ...»), очевидно, демонстрируют формальный политизированный ритуал «самокритики», который избавляет покаявшегося от более жестких последствий.

Это было не последнее, но самое крупное потрясение, связанное с нападками на *домулла*. Уже в середине 1950 годов С. Азимджановой удалось большую часть прежних сотрудников восстановить на

¹ Речь идет об одном из самых ранних тюрко-арабских словарей Махмуда Кашгари (XI в.). Еще до появления письма, работу по подготовке этого словаря к изданию пытались сохранить в плане Института, предложив следующее обоснование в духе времени: «Работа над словарем Махмуда Кашгари пересматривается и дополняется на основе гениальных указаний т. Сталина по вопросам языкознания» (Архив АН РУз, ф. 55, оп. 2, д. 45, л. 14). Однако тема была передана в Институт языка и литературы.

² Информация А. Каюмова, принимавшего участие в составлении этой «Докладной записки».

³ Архив АН РУз, ф. 55, оп. 2, оп. 3, д. 27, л. 10 («Протокол № 10 заседания Уч. совета ИВ АН Уз ССР от 22 сент. 1951 года»).

работе, а позже добиться присвоения некоторым из них научных званий без защиты.

Итак, ИВ, созданный как обычное «второразрядное научное учреждение» для хранения и изучения рукописей, не мог остаться в стороне от тотальной идеологизации и политизации, которые стали обычными спутниками практически всех гуманитарных учебных и научных учреждений той эпохи. Новое направление, которое требовали актуализировать партийные органы в исследованиях ИВ, было действительно важным для Советского Союза, если иметь в виду активную внешнюю политику страны, особенно в странах Востока, будущее которого было неразлично двум мировым системам. Носители этих систем в той или иной степени идеологизировали свою внешнюю политику.

Однако в ИВ актуализация темы «Зарубежного Востока» прошла под знаком упомянутого доноса и написанной на его основе статьи. Условия в бывшем СССР порождали обычный продукт эпохи – доносчиков, легитимирующих свой статус обычным определением советского времени – «принципиальные коммунисты». Во всяком случае, «группе Станишевского» удалось придать переменам статуса ИВ не столько внешнеполитическую актуальность, сколько преимущественно идеологический вектор, что, впрочем, было обычным в советском взгляде на внешний мир. Однако «принципиальные коммунисты» (среди них бывшие сотрудники ГПУ/НКВД) продолжали искать не только внешних, но и внутренних врагов Советской власти. В этом смысле самыми уязвимыми сотрудниками оказались *домулла*, которых классифицировали обычными для того времени штампами как «политически неблагонадежные». По мнению А. Каюмова, единственное, что уберегло *домуллу* и ИВ от обычного для того времени расследования, это «принципиальные решения и самокритика», которые принимались на самом высоком уровне (ЦК компартии и Академия).

Пройденный урок и чувствительные удары «идеологической плеткой» надолго запомнились *домуллу*. После возвращения в ИВ (примерно через год-два), или работая в других учреждениях, они старались быть очень осторожными и всячески пытались адаптироваться к новым условиям, оставаясь, однако, замкнутыми и предельно корректными даже в более благоприятные времена после эпохи Сталина. Хотя стиль своего мышления (далеко не советский), который сразу угадывается в их публикациях и заметках, они изменить не смогли и, очевидно, просто не захотели.

На протяжении всей последующей научной карьеры *домуллы* Института востоковедения избегали конфликтов с идеологией системы. Хотя уже в послесталинский период прежние идеологемы и собственно идеологизированные ритуалы претерпели известную «стандартизацию», как это заметил А. Юрчак¹, и не были столь строго обязательны, по крайней мере, в личной жизни.

По словам А. Каюмова, нападки на *домуллу* еще продолжались в начале хрущевской эпохи. Но это было время, когда власти уже отказались от тотальных репрессий и, чтобы проявлять лояльность режиму, совсем не обязательно было доносить, или искать «врагов народа» в окружающей среде. Доносительство уже не имело тех последствий для потенциальных жертв, какие были обычным делом при Сталине.

«Вам можно присвоить любую научную степень без защиты».

Диссертации и публикации *домуллы*

Первую часть названия настоящего раздела, взятую в кавычки, неоднократно повторяла в своих воспоминаниях упомянутый директор Института востоковедения Сабохат А. Азимджанова (ум. в 2001 г.). С такими словами она обычно обращалась к большинству *домуллы* Института, резюмируя свой неподдельный пиетет к их эрудиции. Она часто повторяла, что готова была присвоить ученую степень всем *домуллам*, однако добавляла: «если бы такое решение зависело только от меня лично»². Сабохат Азимджановна, в частности, имела в виду основное условие процедуры защиты или присвоения научной степени без защиты диссертации, т.е. наличие диплома советского высшего учебного заведения (ВУЗа). Обойти это условие было крайне сложно. Кажется, первый случай присвоения высокой научной степени при выполнении формальностей был связан со знаменитым археологом М.Е. Массоном (академик АН Туркменской ССР), которому было присвоено звание «доктора археологии» без защиты³.

Сложнее было с теми *домуллами*, кто не имел высшего светского образования, хотя участвовал в переводах сложных текстов названных выше ученых-энциклопедистов (ал-Бируни, ал-Фараби и др.), исторических сочинений и т.д. Однако, как отмечалось, их переводы

¹ Yurchak A. Everything Was Forever, Until It Was no More: The Last Soviet Generation. Princeton, N.J.: Princeton University Press. 2006. P. 29.

² Я пользуюсь записями своих бесед с покойной С.А. Азимджановой (1996, 1997). Ее почтительное отношение к улемам-востоковедам подтверждали и другие старые работники Института (покойные Б. Маннанов, А. Урунбаев и др.).

³ Массон М.Е. Из воспоминаний среднеазиатского археолога. Ташкент, 1983. С. 22.

различных сочинений не отвечали принятым в советском востоковедении стандартам и представляли собой переложение арабского или персидского текстов на архаичный узбекский (чагатайский) язык, трудно понимаемый даже специалистами. Кроме того, написанием необходимых научных комментариев, примечаний, пояснений, введений и пр. занимались соавторы *домуллы*, обладавшие специальным светским (история, философия, математика и др.), либо востоковедным образованием. Между тем, перевод без необходимых комментариев, библиографии, введения и прочего оставался ненаучным, и представить его к защите в таком виде, не представлялось возможным. Тем не менее, прецеденты присвоения научной степени *домуллы* за участие в переводах в стенах ИВ ал-Бируни были, и они достойны внимания как уникальные образцы нового отношения властей к религиозному образованию.

Первым из *домуллы* Института востоковедения, кому удалось защитить диссертацию, стал Содик Мирзаев (1948 г.). Однако его случай был негласно признан «особым», поскольку долгое время он преподавал в светских учебных заведениях, и параллельно работал в качестве научного сотрудника в ряде советских научных учреждений. Тем более он держался в стороне от *домуллы*, подчеркивая свою секулярность.

В истории ИВ были более показательные случаи. Одним из тех, кто получил звание кандидата наук (1962 г.) без защиты диссертации, оказался Абдулфаттох Расулов¹. За участие в узбекских переводах произведений ал-Бируни, ал-Фараби, Ибн Сина и др., Расулов был награжден государственными премиями (отмечены в его «Личном листке»). По инициативе С. Азимджановой, А. Расулов подал прошение в Академию с просьбой представить ему звание кандидата филологии без защиты диссертации по совокупности выполненных работ. После долгой «бумажной истории» и бюрократических проволочек, представленные документы (с рекомендациями многих ученых²) были отправлены в Москву, откуда вскоре пришло подтверждение о выдаче диплома кандидата филологических наук А. Расулеву³.

Прецедент показал лояльность союзной ВАК (как тогда называли Высшую аттестационную комиссию по присуждению научных степеней [ВАК], расположенную в Москве), а значит и государства к обладателям религиозного образования в научной сфере. Прежние

¹ Ирисов. Тошкентда. 54-бет.

² Среди них такие известные арабисты и иранисты как Б. Халидов, А. Арендс, М. Салье, У. Кармов и др.

³ Архив ИВ АН РУЗ, Папка «'П', 'Р'», л. 65 (копия диплома).

опасения были преодолены и *домулла* получили прецедент нового (более лояльного) отношения к их статусу. Вслед за А. Расулевым, кандидатские диссертации без особых осложнений защитили А. Джуванмардиев (1963), А. Муродов (1971), С. Муталибов (1972) и другие.

Интересен и другой факт, связанный с едва ли не самым основным требованием к претендентам на ученое звание. Им необходимо было представить диплом о высшем образовании. В случае *домуллы*, кто претендовал на защиту, потребовались бумажные свидетельства об окончании религиозного учебного учреждения, которое могло квалифицироваться как «высшее учебное заведение». По тогдашним правилам (с 60-х по 80-е годы прошлого века) к «высшему учебному заведению» было приравнено медресе. В «Личных листках» сотрудников из *домуллы* в графе «Образование» в те годы появилось новое определение: «Медресе (высшее учебное заведение старого/специального типа)», либо: «Высшее (старого типа)»¹. Эти формулы в графе «Образование» заменили старые, которые кратко обозначались как «духовное» (вариант – «духовническое»), либо «медресе (религиозное)», каковые определения носили, скорее, отрицательный оттенок. Такая перемена после смерти Сталина означала, что отношение к религиозному образованию (тем более к дореволюционному) квалифицировалось скорее положительно, имея в виду специфику области науки и знания, т.е. работу со средневековыми рукописями и соответствующими темами. Кроме того, в следующей графе «Личного листа» (после «Образование») имелась графа «Специальность». Здесь во все времена *домуллы* писали обычно «арабский, персидский языки», не указывая других предметов, основных в медресе. В 60-е – 80-е годы прошлого века этот пункт в «Личных листах» так же был изменен на: «Филология (арабский и персидский языки)»².

Однако по старой традиции в медресе не выдавались специальные «дипломы», что стало еще одним препятствием на пути к вождьленному диплому кандидата наук. Чтобы доказать наличие высшего духовного образования, *домулла* Расулеву пришлось собирать свиде-

¹ Еще более мудреная классификация образования написана в «Личном листке» у одного из *домуллы* ИВ Хакимджанова Юнуса: «Медресе (старометодное высшее учебное заведение, отделение гуманитарных наук)». Архив ИВ АН РУз, Папка «Х», л. 1.

² Единственное исключение – свидетельство об окончании медресе, выданное А. Муродову, в котором перечислены предметы, которым он обучался в медресе. В частности, здесь, кроме предметов по грамматике и синтаксису арабского языка (*сарв, нахв* и др.), указаны теологические курсы (*фикх, хадис, тафсир* и др.). Однако названия предметов написаны в арабской графике и не переведены на русский. См. Архив ИВ АН РУз, Папка «М», л. 73.

тельства своих однокурсников по медресе¹. Очевидно, что претенденту на научное звание приходилось доказывать собственное «высшее теологическое» образование.

Несмотря на доказанное наличие «высшего духовного образования», претенденты на научную степень из *домуллы* не могли обойти другое требование к советским работам – наличие ссылок на труды «классиков марксизма-ленинизма» и документы форумов компартии. В случае отсутствия ссылок на такого рода работы и партийные документы шансов на успешную защиту и утверждение диссертации во всесоюзной ВАК было мало. Однако в большинстве случаев (уже начиная с 1970 г.) такие ссылки приобретали вид идеологических декораций в диссертациях и публикациях многих ученых, если, конечно, работа не носила специальный характер, связанный с дежурными темами о роли Компартии в каких-то глобальных событиях. Сложнее было с публикациями в области востоковедения. Здесь ссылки на партийные документы, речи партийных лидеров и «классиков марксизма-ленинизма» тоже оказывались формальными и иногда появлялись в виде обычных на то время реверансов «партии и правительству», как это не раз вынужден был делать А. Расулев (см. в его краткой биографии).

Еще более показателен в этом смысле пример *домуллы* А. Муродова, который тоже защитил диссертацию по теме: «Из истории искусства каллиграфии Средней Азии» (1967). Несколько лет спустя он опубликовал книгу под тем же названием на узбекском языке (*Ўрта Осиё хаттотлик тарихидан*). По словам П.Г. Булгакова, в первоначальном варианте диссертации (и, соответственно, книги) автор следовал традициям средневековых биографических словарей (типа *тазкира*), что было заметно даже в языке изложения. Это, конечно, было далеко от предъявляемых к научным работам требований. После первого обсуждения в Отделе рукописного наследия ИВ было решено передать представленную работу А. Муродова на стилистическую редакцию и по возможности привести в соответствие стилю монографических исследований советского востоковедения, поскольку работа в представленном виде не соответствовала принятым

¹ Вот, например, текст одного из них, в котором подтверждается «высшее духовное образование» А. Расулева: «Свидетельство. Абд ал-Фаттах Расулев, начиная с 1906 года, учился в ташкентском медресе (высшее учебное заведение старого типа) 'Шайхантахур' у мудариса Мулла Туляган Ахунда по существующему тогда методу и закончил медресе в 1917 г. Мы свидетельствуем по поводу этого факта, поскольку в это же время мы сами жили и учились в том же медресе. Подписали: Мулла Муслим Рахмджан о'гли, Шариф-хан Ма'руф-ханов, Мулла Наки Ну'манов. 5 марта, 1954 год». Текст написан на узбекском (арабским шрифтом) и затем был переведен на русский и заверен Ученым секретарем ИВ АН Уз ССР. Архив ИВ АН РУЗ, Папка «'П', 'Р'», л. 35, 36).

стандартам. Эту работу выполнил А. Урунбаев, который сам много лет пользовался консультациями А. Муродова. Однако сильно изменить диссертацию и книгу не удалось, и поэтому по стилю языка и структуре обе работы обрели, так сказать, эклектический вид, т.е. оказались чем-то вроде осовремененных биографических словарей «тазкира». Еще более забавным оказалось то обстоятельство, что в списке использованной литературы (С. 196–197 книги) указаны работы К. Маркса и Ф. Энгельса «Об искусстве» (Москва, 1937), русский и узбекский варианты статьи В.И. Ленина «О литературе и искусстве» (Москва, 1957; Ташкент, 1958). Однако в самой работе А. Муродова они не использованы и ссылок на них нет. Очевидно, в этом случае мы также имеем дело с необходимой «идеологической декорацией», без которой диссертационные работы и монографии к защите и публикации не допускались.

Таким образом, *домулла* в советском/узбекском востоковедении прошли сложный путь. Привлеченные поначалу к работе с рукописями уже в конце сталинской эпохи они оказались жертвами неприязненного к себе отношения и сполна ощутили все особенности религиозной и идеологической политики большевиков. Затем, со сменой эпохи, когда отношение к выпускникам «медресе старого типа» стало лояльным, а их профессиональный статус и образование в исследованиях рукописной традиции фактически были приравнены к обладателям высшего светского образования («востоковедам»), *домулла* оказались счастливыми исключениями либерализации советской идеологии. Их диссертации стали своеобразными пропусками в советское востоковедение и советскую же историческую науку. Однако это не означало, что все из них научились писать в стиле и по методу, принятому в советском востоковедении или истории.

Джадиды в узбекском востоковедении

Кроме *домулла*, особый статус в востоковедении и исторической науке Узбекистана занимали бывшие реформаторы (джадиды). Сотрудники Института также причисляли их к *домулла*, поскольку они имели традиционное религиозное образование. Правда, они попали в Институт довольно поздно, уже после смерти Сталина, поскольку большая их часть оказалась в числе репрессированных режимом.

Известно, что как особое религиозное, социальное и политическое движение, джадиды начинали с попыток изменить способ образования, сопровождая свою деятельность критикой богословов

консервативного направления¹. Кроме того, сами реформаторы были неоднообразными. Одни из них придерживались более умеренных взглядов в отношении форм и пределов модернизации *уммы* (не расставаясь собственно с религией и ратуя лишь за упрощение ритуалов); они относили себя к «правому крылу» джадидизма. Другие («левое крыло») отстаивали более глубокие социальные, политические и технологические перемены в обществе и оказались на одной политической и идеологической платформе с социалистами и затем с большевиками. Путь левых джадидов был достаточно символичным: от реформации религии к ее отрицанию².

Еще в начале советской власти многие из джадидов увлекались историей, успели оставить интересные работы с использованием местных источников или документов³. Одним из первых реформаторов правого крыла джадидов, кто оказался затем в числе сотрудников Института по изучению восточных рукописей, был Ибодулло Одилов. Правда, он подчеркнуто отрицал свою принадлежность к джадидам (особенно после репрессий против них), хотя долгое время поддерживал связь с теми из них, кто удачно ассимилировался в реалии советского режима, прежде всего, с Садриддином Айни (см. в краткой биографии И. Одилова).

Из числа леворадикальных джадидов, кто оказался сотрудником ИВ АН Узбекистана был Лазиз Азиззода (Азиз-заде). Его первоначальное образование, естественно, было религиозным, а его дед был известен как профессиональный каллиграф (см. ниже в его биографии). В первые годы власти большевиков, Азиззода активно участвует в акциях новой власти, сделав затем приличную по тем временам карьеру. Он был близок со многими революционерами из джадидов, и позже стал позиционировать свою идеологию именно как джадидскую. Однако это обстоятельство сыграло крайне негативную роль в его жизни. Арест в 1927 г. прервал его карьеру.

Возврат Азиззода из тюрьмы произошел почти через 25 лет. Реабилитацию он (подобно многим его бывшим соратникам, кто

¹ Halid Adeb. The Politics of Muslim Cultural Reform - Jadidism in Central Asia. Berkeley, Los Angeles, London, 1998.

² Журнал «Haqīqat» как зеркало религиозного аспекта в идеологии джадидов. Вводная статья, критический обзор и факсимиле: Б.М. Бабаджанов. Ташкент-Токио: CIAS, 2007. С. 42-45, 46, 48-49.

³ См., например: Фитрат А. Три документа по аграрному вопросу в Средней Азии // Записки Института востоковедения АН СССР. 1933. Вып.2. С. 24–37. Можно так же привести в пример почти все номера журнала «معاریف و اوقوتگوچی» (Образование и учитель) за 1928 и 1929 год, в которых регулярно появлялись статьи бухарского джадида Муссы Саиджанова, посвященные разным историческим темам. В них заметен критический взгляд на прошлое, однако «марксистская критика» ханских режимов еще не заметна.

остался в живых) воспринял как восстановление «революционной справедливости» и даже как личный триумф. Однако комплексы «незаслуженного преследования» остались надолго. И Азиззода, и Джуванмардиев всегда старались подчеркнуть личную значимость «в победе революции», «защите революционных завоеваний», и позиционировали себя как персоны, стоявшие «у истоков революционного дела и победы социализма»¹.

Формально Азиззода состоял в отделе обработки рукописей, в той или иной степени принимая участие в работе над рукописями. Тем не менее, основное время тратил на составление записок и воспоминаний о своих былых соратниках по революционным преобразованиям в Туркестане.

Во всяком случае, Азиззода вполне серьезно относился к своему статусу советского партийного деятеля со стажем, внесшего значительный вклад в победу и становление социализма в Средней Азии, и потому полагал, что более чем заслужил того, чтобы церемония его погребения должна была пройти в стиле официальных советских похорон знаменитых личностей².

Похожий путь прошел Абдулладжан Джуванмардиев (1892–1979). Он родился в Коканде, где получил традиционное образование. Затем сошелся с местными джадидами и принял активное участие в масштабном проекте раннего советского времени по ликвидации

¹ Это цитаты из его многочисленных брошюр и книг с воспоминаниями о первых революционерах Ташкента и Средней Азии. Правда, Азиззода остается достаточно осторожным и нигде не говорит открыто о репрессиях, добавляя в конце биографий некоторых расстрелянных лиц обычную фразу «умер в 1937/38/39 году» (См., например: Азиззода Лазиз. Янги хаёт курашувчиари. Тошкент: Фан. 1976. 11, 16-б.). Джуванмардиев в автобиографии пишет, что активно участвовал в становлении советской власти в Ферганской долине (см. приложение).

² В ИВ АН РУз до сих пор пересказывается курьезная история, связанная с тем как Л. Азиззода еще при жизни подготовил собственную могилу и сценарий своих похорон, во время которых должна была играть национальная музыка и русские (европейские) похоронные марши, произноситься речи над могилой и т.п. Азиззода лично определил состав Похоронной комиссии (обычно создаваемой при похоронах видных партийных и государственных чиновников), назначил председателя этой Комиссии, раздал им всем составленный им сценарий церемонии его погребения вместе с надмогильными речами, записал на магнитофон музыку, которая должна будет сопровождать собственно похороны. Как говорили мне все мои интервьюёры, такое поведение «героя революции» не было проявлением старческих болезней. Ирония случая состояла даже не в том, что его своеобразная подготовка к собственным похоронам выдавала желание Азиззода остаться в истории даже самым фактом своей смерти. Двое его друзей, кого Азиззода уговорил стать Председателями Комиссий на его будущих похоронах и которые, как он полагал, переживут его, один за другим умерли раньше него. Усмотрев в этом «злой рок», никто из его близких не согласился стать «Председателем похоронной комиссии Азиззода». Ирония судьбы на этом не закончилась. Тщательная подготовка похорон оказалась напрасной, а судьба распорядилась иначе: после смерти, Азиззода был похоронен в обычном мусульманском стиле, с молитвой *джаназа*, без речей и музыки.

безграмотности. В своей автобиографии он подчеркивает тот факт, что участвовал в «борьбе против басмачества», много сделал для укрепления Советской власти в Туркестане и затем в Узбекистане (см. его краткую биографию в приложении).

С момента деятельности в Институте он активно приступил к работе над разного рода документами по земельным и водораспределительным вопросам. Интересно, что перед защитой диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, диплом А. Джуванмардиева об окончании юридических курсов не был признан достаточным для статуса «востоковеда». Как многие другие его коллеги из *домулла*, он предъявляет справку об окончании медресе (см. в приложении) и указывает приобретенную в нем специальность – филолог арабист, юрист. Такая формальность (признание «духовного образования») показала, что *домулла* обрели, наконец, статус «грамотных востоковедов», наряду со своими коллегами в Институте, кто закончил Восточный факультет университета.

Заключение

Еще до того, как я приступил к работе над этой статьей, под впечатлениями некоторых рассказов моих старших коллег, мне казалось, что группа *домулла* в советском научном учреждении, несмотря на прессинг, оставалась образцом верности старым этическим нормам и даже примером архаичности, сохранившейся под видом внешней «советизации». Это вполне подтверждали их фотографии, с которых на зрителя смотрят серьезные «старорежимные лица». Тем более, я не раз слышал разные рассказы о том, что в личной жизни и приверженности к религиозной обрядности большинство *домулла* не сильно менялись. В суровые сталинские времена они продолжали исполнять предписанную религиозную практику, хотя преимущественно молились в собственных домах. После смерти Сталина, когда религиозность не рассматривалась как уголовное преступление, большая часть *домулла* ИВ посещали несколько мечетей (в системе САДУМ) Ташкента, особенно в пятничные дни и во время молитв на мусульманские праздники (*'ид ал-курбан* и *'ид ал-фитр*). Такие рассказы внушали мысль о том, что круг *домулла* в ИВ был каким-то особенным и очень архаичным мирком.

Позже, когда мне пришлось ближе знакомиться с их работами, записками, публикациями, сравнивать разнообразные интервью о них людей, кто близко знал их, я начал понимать, что даже такая локальная и небольшая среда *'улама'*-востоковедов не гомогенна, в

той или иной степени подвержена влиянию советского стиля жизни, риторики и мышления.

Оказалось, что знания, эрудиция и навыки *домуллы* тоже не были исключительными, по крайней мере, едва ли могли быть достаточными для составления и публикации полноценного каталога имеющихся рукописей ИВ. Символично, что к этой работе в свое время был привлечен только И. Одилов. В составлении же первых 7–8 томов упомянутого знаменитого каталога (СВР) непосредственное участие приняли русские (затем советские) и узбекские востоковеды с светским образованием, которые, тем не менее, опирались на картотеку, составленную *домуллой*.

Примерно то же можно сказать и об их переводческой деятельности. Как отмечалось, большинство из *домуллы* не обладали требуемыми знаниями в тех разделах наук (математика, астрономия, тригонометрия, медицина и др.), которые были необходимы для перевода сложнейших сочинений средневековых ученых-энциклопедистов (исключением был С. Мирзоев). У *домуллы* так же не было необходимых навыков по изданию источников, их академическому переводу с комментариями; они не знали даже правил сносок на литературу, что видно по тем публикациям (книгам, статьям¹) и запискам, которые они оставили. Знания европейской литературы (в первую очередь востоковедной) тоже было весьма ограниченными. О знании теоретического языка советских исследований вовсе не приходится говорить.

По большому счету, освоить язык советской истории и советского востоковедения, скажем 50-х годов XX в., в качестве методологического инструмента не удалось многим востоковедам Ташкента, получившими советское образование. Среди них можно назвать таких знаменитостей, как У. Каримов, А. Урунбаев и многих других. Возможно по этой причине (видя очевидные противоречия и нонсенс большинства догм провинциального марксизма), такие ученые ограничились своей деятельностью исключительно проблемами источниковедения, текстологии и переводами.

Возвращаясь к *домуллой*, замечу, что в критический момент, когда их присутствие в Институте было под угрозой, оказалось, что именно они лучше всего и полноценно выполняют работу с введением в картотеку рукописей и литографированных изданий фонда. В дальнейшем некоторые из них смогли доказать, что способны поучаствовать в обширной переводческой и издательской деятель-

¹ Самый примечательный пример – упомянутая книга А. Муродова (*Ўрта осие хаттолик тарихидан*).

ности Института. Таким образом, не сумев (а чаще просто не пожелав) ассимилироваться с новыми идеологическими и социальными реалиями, *домулла*, тем не менее, проявили хорошую способность к адаптациям.

Приспособление группы сотрудников с богословским образованием к условиям нового режима и советского научного учреждения, носившего статус «политически и идеологически важного института»¹, было разнообразным и зависело от множества обстоятельств. Едва ли можно говорить, что их адаптация воплощалась одинаково. Восприятие целей режима, судя по их работам, было своеобразным. Одни из них адаптировались с явной неохотой, другие пытались отыскать в советской действительности позитивные стороны, превращаясь иногда из объектов перемен в их субъекты. Самые яркие примеры в последнем случае – Л. Азиззода, А. Джуванмардиев, всегда подчеркивающие свою связь с идеями революции и становления Советской власти в Туркестане. Они почти полностью порвали с прошлым, остались верны советским идеалам даже после того, как оба оказались жертвами репрессии и многолетней ссылки. Интересно, что после этого они не только не разочаровались в социализме. Напротив, оба сознательно конструируют свое советское «я» и подчеркивают его в своих автобиографиях, во всех своих публикациях, в которых помещают себя рядом со своими героями («пламенными революционерами»). Как удачно заметил Йохан Хельбек, такие личности сознательно персонализировались в рамках советской идеологической доктрины, помещая в нее свое «я»². Это наблюдение вполне можно приложить к Л. Азиззода или А. Джуванмардиеву.

Другие (как А. Расулев) в своих работах часто публично выражали дежурную благодарность «партии и правительству» за созданные условия работы. В этих политических реверансах можно усмотреть отголоски серьезной психологической травмы, ставшей результатом нападков конца сороковых и начала пятидесятых годов прошлого века, когда над большинством *домулла* нависла угроза увольнения с обычной формулой «политической неблагонадежности». С тех пор *домулла* старались демонстрировать свою политическую лояльность либо ограничивались полным невмешательством во внутренние дела Института, совершенно поглощаясь порученным

¹ Цитата из Отчета ИВ АН Уз ССР за 1951-1953 годы. Архив АН РУз, ф. 55, оп. 2, д. 44, л. 4.

² Hellbeck J. *Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin*. Harvard Univ. Press. 2006. p. 12-13. Правда, в своей книге Хельбек говорит преимущественно о раннем советском и сталинском времени. Более позднее советское время для него период «зрелого цинизма» или «двойственного языка». См.: Хельбек Й. "Советская субъективность" – клише? // *Ab Imperio*, № 3 2002. С. 402.

делом (или как тогда говорили, «работать, не поднимая головы от рукописи»). Это был вид самозащиты и, возможно, отвлечения от навязанной им действительности¹. Другой вид самозащиты обретал забавный вид. При необходимости *домулла* украшали свои публикации неуместными идеологическими декорациями, так же состоящими из горячих благодарностей партии и правительству, или формальных ссылок на «классиков марксизма» в публикациях и диссертациях².

Во всяком случае, перемены и новые штампы официальной идеологии не могли обойти стороной *домулла* ИВ, даже тех, кто скрыто сопротивлялся ассимиляции. С того момента, когда статус этого учреждения не ограничивался научной (кабинетной) работой, а официально интерпретировался в качестве «идеологического форпоста Востока» (как тогда формулировали в советских газетах), «*улама*»-востоковеды долгое время рассматривались официальными и добровольными идеологами власти как нечто политически чуждое. Это очень напоминает статус «буржуазных специалистов», которых советская власть была вынуждена привлечь для восстановления экономики, и затем отказалась от их услуг. Те же из «старых специалистов», кто не проявлял желания адаптироваться под идеологические требования режима, были отстранены от работы (в лучшем случае), либо привлекались к уголовной ответственности по знаменитой 58-й статье Уголовного кодекса (обвинение в саботаже с хорошо знакомой классификацией «враг народа»).

Впрочем, *домулла* Отдела восточных рукописей Публичной библиотеки (предтечи ИВ) смогли избежать репрессий. После того, когда в конце 30-х годов XX в. начались чистки среди востоковедов (были арестованы А. Шмидт, были сосланы А. Семенов, А. Молчанов и др.), грозное НКВД не тронуло *домулла*. Из них А. Носиров полагал, что ему в известной мере повезло, и он отсидел на высылках только три года (см. его краткую биографию). То, что ему или И. Одилову

¹ По словам покойного К. Мунирова, он, будучи молодым аспирантом, застал *домулла* А. Муродова со слезами на глазах и с рукописью на руках. Муниров забеспокоился и спросил его, в чем дело и чем он может помочь. Муродов ответил: «Нам осталось сбежать только в рукопись от волнений этой жизни» (*Бул ҳаётнинг ташвишларидин шул кўлёмаларга қочиб қутулмоқ қолди бизларга*). Кажется, что это был момент активного преследования *домулла*.

² Использование работ «классиков марксизма» советскими марксистами и историками – это особая тема исследований. Хотя уже сейчас можно сказать, что часть условно «светских востоковедов» использовали марксистскую риторику для формулировки далеко немарксистских идей. Очень схожие наблюдения работ академических ученых сделано в сборнике: Антропология академической жизни: адаптивные процессы и адаптивные стратегии / Ред. Г. Комарова. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2008.

удалось избежать преследований, он объяснял это тем, что основными жертвами репрессий среди востоковедов Узбекистана стали в большей степени те, кто имел какой-нибудь общественный статус и «был слишком заметен» (*нуфузи ва мартабаси баландроғи*). Кажется, что это достаточно резонное, но не полное объяснение логики репрессий, которые в действительности по серьезному достигли ИВ только в конце эпохи Сталина, и потому обошлись без тотальных жертв, когда можно было позволить себе ограничиться формальной (бумажной) самокритикой (как это видно по протоколам ИВ), а «чистки рядов» сделать временными. Главными защитниками *домуллы* оказались молодая директор ИВ Сабохат Азимджанова, а так же группа сотрудников и членов Ученого совета (А. Семенов, В. Захидов, знаменитый писатель Г. Гулом и др.), кто понимал истинное значение и важность работы этих скромных тружеников.

Другим важным и далеко идущим результатом советской оптимизации и реконструкции Института исследований восточных рукописей стала переориентация его деятельности и, следовательно, изменение его названия на «Институт востоковедения», что важно было бы оценить в контексте идеологии советского востоковедения тех лет. Уже первое название Института следовало русским или имперским традициям. Название «Институт по изучению восточных рукописей» вполне укладывалось в рамки академического ориентализма, традицию которого отстаивал такой видный арабист как И.Ю. Крачковский, пытаясь кратко определить его функции в рамках «культурного строительства». Название нового института было идеологически приемлемым, чем, казалось бы, более точные названия, вроде «Институт мусульманского рукописного наследия». Судя по отчетам проделанных работ, сотрудники Института в первые годы его существования (прежде всего *домуллы*) выполняли преимущественно именно эту функцию, изучали рукописное наследие мусульманских авторов, составляли картотеки их сочинений, делали переводы и т.п.

Позже (во второй половине 1940-х годов) тихая и почти незаметная жизнь Института по изучению рукописей закончилась. Он был вовлечен в более масштабные проекты (научные по форме, но идеологические по сути¹), основной целью которых было изучение и перевод произведений названных выше ученых-энциклопедистов, поэтов и мыслителей прошлого. Их наследие, как отмечалось, было признано национальным. Уже тогда идеологические конструкты в

¹ Конечно, это не умаляет научного значения названных работ сотрудников ИВ.

национальной политике бывшего СССР (под лозунгом «свободное развитие наций») побуждали наполнять исторические пространства новых социалистических республик национальными нарративами и искать в прошлом героев, чаще всего, создавая их креативные (воображаемые) образы.

Одновременно акцент на «национальном наследии» всегда рисковал попасть под обвинение в «национализме», «местничестве», «популяризации феодальных ханских режимов и средневекового мистицизма»¹ и т.п. Так случилось со знаменитым писателем и переводчиком Айбеком, которому поставили в вину попытку популяризовать тюркский эпос «Алпамыш», а также творчество «феодалного правителя» Захир ад-дина Мухаммада Бабура². Позже похожие обвинения были адресованы самому плодовитому арабисту-востоковеду Института востоковедения М. Салье³. Такие же обвинения-клише в прозвучали в упомянутом письме-доносе и затем в критической газетной статье, особенно в адрес *домуллы* – наиболее уязвимый в таких случаях «класс востоковедов», ассоциируемый с «пережитком», не способным ассимилироваться. Хотя инициаторами в возрождении «позитивного наследия» *домуллы* не выступали никогда, несмотря на то, что оно было им ближе всего.

Во всяком случае, под настойчивым давлением добровольных и официальных идеологов от науки, произошла перемена исследова-

¹ В 1953 г. началась работа над составлением 3-го тома знаменитого каталога «Собрание восточных рукописей ИВ АН Уз ССР», посвященный суфийским сочинениям и биографиям знаменитых мусульманских мистиков. Однако ИВ и академия, после долгого обсуждения, не решилась преодолеть идеологический запрет. В результате президент АН Узбекистана обратился к знаменитому академику АН Таджикистана (и члену ЦК КП(б) Таджикской ССР) Бободжану Гафурову с просьбой написать особое введение к тому, «в котором политически заостренно излагалась бы сущность суфизма» (Архив АН РУз, ф. 1, оп. 1, д. 334, л. 39). За туманной фразой партийного вокабуляра («политически заостренно») крылась просьба представить критическую статью в отношении суфизма. Ответа Б. Гафурова в папке нет. По-видимому, он отказался, так как упомянутый том СВР вышел (1955) без его предисловия.

² Қаюмов. Ўзбекистон. 62-63, 148-бетлар.

³ В этом отношении показательно выступление доктора наук арабиста М. Салье, который начал работу над произведениями ал-Фараби (Архив АН РУз, ф. 55, оп. 3, д. 27, л. 22. Текст Протокола № 5 от 5 апреля 1951 г). М. Салье заявил, что он «дезориентирован заявлениями Райнова» (доцент Исторического факультета Университета). К товарищу Райнову обратился Отдел идеологической работы ЦК КП(б) Уз ССР с просьбой оценить наследие ал-Фараби на предмет возможного «возрождения его памяти как ученого-материалиста» и проведения его 1000-летнего юбилея. Однако в своей экспертной записке Райнов назвал ал-Фараби мистиком и предложил воздержаться от проведения его юбилея. М. Салье обвинил Райнова в некомпетентности, поскольку «эксперт не знает арабского (языка)» и «ориентировался на неправильные иностранные переводы». М. Салье заверил, что его перевод более корректный, и он позволяет по-другому оценить наследие ал-Фараби. Его поддержал В. Захидов. По словам А. Каюмова, до этого М. Салье получил устный выговор за то, что пытается возродить память ученого-мистика.

тельских приоритетов Института и его названия. «Злободневные и жгучие темы» по современному состоянию «Востока» оказались на первом плане, и во всех отчетах последующих лет их обсуждение на ученых советах выносятся на первый план, а более привычная работа по переводам, академическим исследованиям или каталогизации обсуждаются в последнюю очередь¹.

В результате был образован фактически новый «Институт востоковедения» на Востоке, став самым показательным продуктом советского идеологического концепта о «двух Востоках»². Появившаяся еще в 1930-х годах формула «Зарубежный Восток» стала объектом идеологической и внешнеполитической манипуляции и была закреплена в качестве «жгучего жизненного направления» для советского (в том числе и узбекского) востоковедения.

«Зарубежный Восток» оказался «другим». Одновременно в докладах на ученых советах ИВ Среднеазиатские республики СССР называются «Маяками социализма на Востоке»³. Советская идеология пыталась представить «Социалистический Восток» не просто как удачное воплощение ленинской идеи о «скачке из феодализма в социализм, минуя капитализм». «Социалистический Восток» должен был быть презентован в качестве позитивного примера странам «Зарубежного Востока», который начал освобождаться от колониализма и, естественно, искал пути собственного развития. Похоже, что советские партийные бонзы увидели шанс расширить «социалистический лагерь», представив «Зарубежному Востоку» пример лучшего Востока.

Итак, в момент «переориентации» исследовательских векторов ИВ критика «Зарубежного Востока» оказалась едва ли не главной темой советской пропаганды. «Другой/Зарубежный» Восток воспринимался в традиционно ориенталистском и имперском контекстах. Это был «плохой Восток», отсталый, упорно придерживающийся «средневековых традиций», который погряз в панисламизме, пантюркизме и прочих «измах» и вдобавок оказался угнетаемым англо-американским империализмом⁴. Однако в нем, с точки зрения офици-

¹ См., например, протоколы ученых советов первых лет после публикации упомянутой статьи в газете «Правда»: Архив АН РУз, ф. 55, оп 3, д. 27.

² Именно так была названа статья академика Гулома Г. «Два Востока» (Правда Востока. 1950. 15 апреля, № 88/7988). В ней он обрисовал положительные перемены в «социалистическом Востоке» и подчеркнул негативные последствия колонизации в «Зарубежном Востоке».

³ Архив АН РУз, ф. 55, оп. 3 д. 27, л. 3, 8, 9 и далее.

⁴ Для этого достаточно посмотреть на работы востоковедов ИВ АН Уз ССР, начиная с 1950 и вплоть до начала 70-х годов. Позже исследования обрели более прагматический и аналитический характер.

альной идеологии, росли и усиливались классовые противостояния, сопровождаемые борьбой за независимость. Такие подходы и идеологические штампы имели еще одну цель. Важно было внушить объектам «социалистического рывка» из средневекового феодализма в социализм, что их «социалистический Восток» позитивный, правильный и процветающий. А зарубежный «Восток» неустойчивый, «угнетаемый», хотя уже готовый к потрясениям классовой и антиколониальной борьбы.

Во всяком случае, в результате официального давления Институт по изучению рукописей превратился в подлинный советский Институт востоковедения. Однако почти тотальная идеологизация исследований «Зарубежного Востока» сослужила весьма дурную службу этому направлению в советском и особенно узбекистанском «востоковедении». Желая актуализировать направление исследований в рамках заданных марксистских догм и идеологии (вернуть в советскую жизнь «институт, оторванный от жизни»), исследователи «Зарубежного Востока» в большинстве своем оказались еще более отвлеченными от действительного понимания сложнейших политических, религиозных и социальных процессов, происходивших в нем и которые они пытались передать с помощью принятых идеологических догм и штампов.

После независимости Институт сохранил свое прежнее название (Институт востоковедения Академии наук), которое, правда, стало наполняться иными смыслами, связанными больше с изучением, публикацией и популяризацией рукописного наследия и национальной истории. Медиевистика и исламоведческие исследования стали обычными в научных планах ИВ АН РУз. Однако Институт не может остаться в стороне от происходящих в стране и регионе процессов. В начале независимости акценты переосмысления («формирования») прошлого наполняются новыми идеологемами. Термин «великие ученые» стал толковаться значительно шире, и в нем особое место заняли местные мусульманские богословы, которые изрядно потеснили прежних столпов, имидж которых был условно «секулярным» (ал-Беруни, ал-Фергани и др.), по крайней мере, связан с их рационалистической (му'тазилитской) идеологией.

В современном Узбекистане акценты исторических исследований изменились, отражая бурный и неоднозначный процесс национального возрождения, а так же реисламизации (в консервативных формах). Теперь исламоведческие исследования (обретающие чаще всего апологетические формы) как бы компенсируют многолетнее умалчивание атеистического прошлого, а объектами многочислен-

ных публикаций большей частью становятся биографии ученых схоластов, факихов и их трудов. Институт востоковедения АН РУз не остался в стороне от этих процессов, внося долю академизма в этот процесс.

Прошлое как бы вновь повторилось в стенах ИВ, правда, в несколько ином виде. В последние десяток лет среди молодых сотрудников Института появилась группа исследователей, которые некогда получили официальное или неофициальное религиозное образование. Кроме того, они проучились в светских учебных учреждениях и получили соответствующие дипломы и значит право работать в ИВ, в чем и проявилось реальная толерантность религиозной политики государства. Отношение к верующим сотрудникам со стороны условно секулярных сотрудников Института в целом вполне терпимое. Они без всякого препятствия оправляют свои религиозные ритуалы в ближайшей мечети.

Однако стиль их исследований остается во многом религиозно-апологетическим, который, впрочем, иногда меняется под влиянием внешней среды. Естественно, они предпочитают выбирать исключительно исламоведческие направления исследований, стараясь наполнить их своими смыслами и восприятиями. Однако когорта этих сотрудников не обладает теми же знаниями, эрудицией, навыками и опытом, какими обладали *домулла*. Так что нынешнее вовлечение религиозно воспитанных молодых сотрудников в стены Института, во многом унаследовавшего былую структуру и цели светского научного учреждения, лишь отдаленно напоминает былую историю с *домулла*.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Краткие биографии некоторых 'улама'-востоковедов, работавших в ИВ АН РУз

Ибодуло Одилов/Одиллий/عبداللہ عادلئى (1872–1944)

Родился в Бухаре. Его отец Одил х^ваджа (عادل خواجه) был потомственным переплетчиком книг (*саххаф*) (Акмалова. Б. 76). Это обстоятельство благоприятствовало тому, что И. Одилов по классовой принадлежности был признан потомком «трудовой интеллигенции» и, следовательно, пригодным для работы в ИВ АН РУз¹.

Одил х^ваджа был знатоком арабской, персидской и тюркской литературы, собирал собственную библиотеку. Своего сына Ибодулло

¹ Из архива картотеки Отдела кадров ИВ АН РУз. Архив АН РУз, ф. 55, оп. 2, д. 45.

он отдал учиться в мактаб и затем на короткое время в медресе. Параллельно Ибодулло с 15 лет работал вместе с отцом и освоил профессию переплетчика. Однако он не бросил учебу, продолжив ее у некоторых знаменитых богословов Бухары и знатоков арабской грамматики. После смерти отца в 1890 году, работал самостоятельно и параллельно в частном порядке продолжал обучаться у ряда бухарских богословов, в первую очередь каллиграфии. Он стал наследником библиотеки отца, сам занимался сбором редких книг и прославился как библиофил (Муродов. 155-156-б; Акмалова. 76-б).

После свержения ханского режима в Бухаре и создания Бухарской Народной Социалистической Республики (БНСР; 1920–1924), И. Одилов был сотрудником библиотеки имени Ибн Сина (Бухара). Через шесть лет приступил к работе в Областной библиотеке Самарканда и затем в 1935 г. переведен в Ташкент в Государственную библиотеку имени Навайи в Отдел редких рукописей и изданий¹. Тогда же специальным приказом комиссариата республики в этот отдел были перевезены около 5,5 тысяч рукописей из бывшей библиотеки Назирата (Министерства) культуры и образования бывшей БНСР, Самарканда и других исторических городов Узбекистана². Здесь И. Одилов продолжал заниматься систематизацией и предварительным описанием этих книг, начав составлять картотеку (т.н. «фишки», то есть идентификационные карточки с названиями рукописей, авторами, мест переписки, именами переписчиков и т.п.), которая используется до сих пор. Тогда же И. Одилов (вместе с А. Молчановым, Е. Бетгером) предложили поделить фонд нового Института на две группы: «Основной» и «Дублетный» фонды (см. об этом выше).

После его смерти составление картотеки рукописных произведений продолжили его преемники из улама-востоковедов А. Абдуллаев, А. Расулов, А. Носиров и др. (о них см. ниже). И. Одилов составил подробные записки об авторах рукописей, о произведениях по истории и особенно по суфизму, литературе, истории и фикху. Эти записки позже использовались при составлении первых томов знаменитого каталога «Собрание восточных рукописей Академии наук УзССР» (СВР). Однако в качестве соавтора он был включен только в авторский коллектив Первого тома СВР (Ташкент, 1952).

¹ По рассказу А. Носирова, инициаторами перевода И. Одилова в Ташкент были А.А. Семенов, А.Э. Шмидт и Е.К. Бетгер, которые познакомились с ним и стилем его работы и описания источников еще в Самарканде. В том же 1960 г. А.Э. Шмидт опубликовал статью про И. Одилова, в которой высоко отозвался о «товарище Одилове», как о неутомимом исследователе, знатоке рукописей, биографий их авторов и т.п. (Шмидт. Знатный библиограф).

² До этого первый раз книги с областей перевозились в 1924, 1928 и 1932 годах.

Одновременно И. Одилов приступил к реставрации некоторых книг, позже открыв специальную реставрационную мастерскую при Институте восточных рукописей, которая продолжила работу в ИВ (Муродов. 156-157-б). И. Одилов обладал обширной эрудицией в области письменных источников, и поэтому его основной задачей была идентификация сочинений, которые не вошли в картотеку.

Одним из любимых его авторов был Ибн Халдун, чью рукопись в институте он переписал и вновь переплел в традиционном стиле (Муродов. 156-б). Однако каких-либо статей или заметок о нем он не сделал, опасаясь, что они будут использованы против него. В целом И. Одилов переписал 23 экземпляра редких и трудно читаемых рукописей, среди которых, сборник писем из знаменитого «Альбома Нава'и» (архивный № 2178)¹. Нужно сказать, что этот и подобные сборники писем написаны особыми видами почерков (*дивани, шикасте, та'лик*) и без диакритических точек, что затрудняло чтение текстов. Эту работу И. Одилов выполнил с успехом². В конце одной из переписанных им рукописей, Одилов оставил автограф (13 мая 1939 года), в котором в традиционном стиле средневековых переписчиков выражал надежду, что переписанные им письма «откроют завесу тайны с этих *рисала*» и помогут читателям и исследователям понять «мысли и кредо, поведение и деяния» Мир Алишира Нава'и и его респондентов. В конце копии он приписал: «Мне скромному (переписчику) достаточно того, чтобы на страницах истории обо мне осталась память» (Муродов. 159-б).

И. Одилов был в переписке с такими известными реформаторами как Абдурауф Фитрат (ум. в 1838), упомянутым Садр-и Зийа (1870–1932), Садриддином Айни (1878–1954) и др. (Акмалова, 76-б). Сотрудник Института Абдулла Носиров (так же из когорты «домулло») рассказывал, что И. Одилов до конца своих дней переписывался с Садриддином Айни, однако опасался отправлять оригиналы своих писем в арабском шрифте (на фоне атеистической борьбы) и просил некоторых сотрудников переписывать его письма кириллицей.

¹ Ранее «Альбом» хранился в библиотеке знаменитого кадия и библиофила Бухары Мухамад-Шарифа Садр-и Зийа, который оставил свой автограф по поводу самой рукописи на форзац-листе оригинальной рукописи (Муродов. 159-б.). Чтение этих писем оказалось крайне сложным делом, поскольку в них отсутствовали диакритические точки. Позже часть писем (с переписанных обычным почерком текстов) были опубликованы А. Урунбаевым с переводом на русский язык (Урунбаев. Письма) и затем им же в сотрудничестве с Джо-Энн Гросс на английском языке (Jo-Ann Gross, Asom Urumbaev, 2002).

² В этой работе принимал участие старейший сотрудник ИВ из *домулла* А. Муродов (Муродов. 158-б.).

Абдулфаттох ('Абд ал-Фаттох) Расулов (1888–1977)

Родился 1888 году в районе Шайхантаур (Шайх Хаванди Тахур) города Ташкента, в семье садовника. Учился в мактабе и семь лет (1910–1917) и в медресе Шайхантаура, где учил арабский, фикх, калам, правила рецитации Корана, основы тафсира и др. (Ирисов. Тошкентда. 51–52-б; Абдуллаев. Абдулфаттох. 155–156-б). После этого продолжил учебу у частных преподавателей (в частности у Убайдаллах Махдума). Частная учеба включала в себя чтение (*мутала'а*) сочинений по морфологии и синтаксису арабского языка, по фикху, каламу, с подробным и углубленным разбором прочитанного текста и способов использования знаний на практике. Одновременно А. Расулов учился каллиграфии у муллы Мухаммад-Амин Махдума¹.

В 1918 г. легко прошел отборочный конкурс (помогло «крестьянское происхождение», то есть сына садовника) и поступил на восьмимесячные курсы для учителей начальных школ. Досрочно и с отличием закончив эти курсы², А. Расулов участвовал в государственной программе по ликвидации безграмотности и преподавал некоторых школах Ташкента историю, грамматику узбекского языка, начальную математику.

В связи с интенсивной инфляцией и обесцениванием советских денег в 1923 г. А. Расулов оставил преподавание и нанялся в рабочие бригады по ремонту и строительству. По его словам, это спасло его семью от голодного существования, а его самого от первой чистки «религиозного элемента», начавшейся в конце 1920-х годов. Он пишет в своей автобиографии: «То, что я попал на такую работу³, оказалось правильным решением, так как в то время в результате грубой политики [властей], исчезли многие выпускники медресе вроде меня» (Ирисов Тошкент. 54-б). В 1942 г. А. Расулов был призван в рабочие батальоны Красной армии.

В 1944 г. он был комиссован из армии и сразу же приглашен в Академию наук. После собеседования с первым Президентом Акаде-

¹ Ирисов, Тошкентда. 52-53-б. Здесь приведена автобиография А. Расулова с перечислением учебников (фикх, калам, мистическая литература, арабский язык, коранистика и проч.) по которым занимались в *мактабах* и *мадраса*. Интересно, что эта автобиография (Ирисов, таже), написанная в 1962 г., составлена отнюдь не в советском стиле, а ее вокабуляр и стилистические штампы заимствованы из местной агиографической литературы (типа *манкиб*, *макамат*).

² Судя по кратким ремаркам А. Расулова, поначалу на курсах для подготовки учителей использовались некоторые учебники мадраса, например, учебник по математике *Чахар 'амал* (Четыре [математических] действия), сборники стихов поэтов-мистиков (Бедил, Машраб и др.). См.: Ирисов. Тошкентда. 53-б.

³ Имеется в виду то, что А. Расулов оказался в составе «класса трудящихся», что в известной степени гарантировало от репрессий.

мии наук Т.Н. Кары-Ниязи, с первого сентября был принят на работу в Институт изучения восточных рукописей в качестве младшего научного сотрудника. На него были возложены обязанности составления карточек и сбор сведений из рукописей о природных катаклизмах в регионе (землетрясения, наводнения, засухи и проч.). Одновременно, чтобы доказать «важное значение Института востоковедения для народного хозяйства Республики» А.А. Семенов поручает ему собирать сведения о хлопководстве в Средней Азии.

А. Расулов в своей автобиографии признается, что работа в Институте оказалась для него очень полезной в смысле самообразования. В своей краткой автобиографии он замечает: «Работа в Институте востоковедения и общение с его научными сотрудниками стало для меня большим источником знаний. Составляя карточки на книги, я познакомился с содержанием большого количества книг, узнавал много новых авторов, о которых раньше даже не слышал» (Ирисов. Тошкентда. 54-55-б).

С 1948 г. А. Расулов был привлечен к переводам ряда философских и медицинских сочинений Ибн Сины, ал-Фараби, ал-Бируни и др. За эти работы в 1962 г. ему было присвоено звание кандидата филологии без защиты (единственный прецедент в истории ИВ АН РУз). По этому поводу он пишет в своей автобиографии: «В 1962 году мне было присвоено звание кандидата филологических наук. Работа в институте стала для меня и моей семьи великим счастьем. Я до окончания своего века буду благодарен своему покойному отцу и учителям за то, что побудили меня учиться. Я благодарен моим дорогим друзьям в Институте. Я и мои потомки так же благодарны Партии и Советскому правительству, которые заботятся о людях, за создание условий для моей нынешней деятельности ...» (Ирисов. Тошкентда. 55-б). Благодарности коммунистической партии и Советскому правительству А. Расулов выражает в предисловиях почти всех своих переводов¹.

Одновременно А. Расулов переводил на узбекский язык разные исторические и литературные сочинения (с арабского и персидского языков). Среди них знаменитое сочинение X века «Тарих-и Наршахи» (1961), сочинение Мрза Кадира Бедиля «Нукат» и др. (Ирисов. Тошкентда. 54-б).

В 1956 г. за многолетний и добросовестный труд А. Расулов был награжден Почетной грамотой Верховного Совета УзССР. В 1962 году ему было присвоено звание кандидата наук без защиты (по совокуп-

¹ См., например, его предисловие к узбекскому переводу ал-Бируни: Абу Райхон Беруний (973–1048). Тошкент: Фан, 1968. 34–35-б.

ности опубликованных работ). В 1971 г. А. Расулов удостоился Государственной премии им. ал-Бируни вместе с такими именитыми востоковедами как У. Каримов, П. Булгаков, с которыми он тесно сотрудничал (Ирисов. Тошкентда. 54-б; Абдуллаев. Абдулфаттоҳ. 157-б).

Его консультациями в трудно понимаемых местах арабских текстов пользовались знаменитые востоковеды А.К. Арендс, Я.Г. Гулямов, М. А. Салье, П.Г. Булгаков и другие (Абдуллаев. Абдулфаттоҳ. 159-б). Умер Расулов 1 января 1977 года. Ритуальную молитву над его телом перед похоронами (*джаназа*) читал самый знаменитый муфтий САДУМ Зийа ад-дин (Зиёвуддин) Бабаханов (информация покойного А. Урунбаева, 2000 г.).

Абдукодир ('Абд ал-Кадир) Муродов (1893–1974).

Его полное имя: 'Абд ал-Кадир ибн Бирди-Мурад ал-Хаббаз ибн Шах-Ни'мат Аллах ибн Шах-Рустам ибн Шах-Хасан ибн Шах-Бадалахунд Хафиз-Кухаки аш-Шаши ал-Муради/Мурадов. Родился в Ташкенте. Учился в мактабе, с 1907 по 1917 годы продолжил учебу в ташкентском медресе Абу-л-Касима (возведено 1856 г.). Каллиграфии обучался у своего дяди по отцу Шах-Мурада Махдума. Затем учился арабскому языку и хадисам¹ у ваххабитского улема из Сирии Шами ат-Тараблуси (Шами-домулла)². А. Муродов переписал каллиграфическим почерком одно из сочинений своего учителя³. Шами-дамулла прибыл в Ташкент в 1919 г. и уже через несколько лет начал сотрудничать с большевиками, которые для укрепления своей власти поначалу привлекали на свою сторону богословов. В частности, Шами-домулла на одном из съездов богословов в Ташкенте (1922)

¹ Правда, в своей биографии А. Муродов написал более осторожную фразу: «Кейн суриялик адиб ва олим Мухаммад ибн Са'ид ал-Асалийдан араб тили ва адабиётини ўргандим» («Затем обучался арабскому языку и литературе у сирийского литератора и ученого Мухаммада ибн Са'ида ал-'Асали») См.: Муродов. Ўрта Осиё. 160-б. Естественно, в своей публикации А. Муродов не мог открыто писать о курсах по хадисам. Обращает на себя внимание презентация Шами-домулла (см. следующее примечание) как «литератора и ученого». В этом можно усмотреть не только сознательное сокрытие А. Муродовым действительного статуса и рода деятельности репрессированного мухаддиса, но и попытку реабилитировать своего учителя.

² Основатель группы «Ахл-и хадис» в Ташкенте (1919 – конец 1920-х гг). Позже богословская позиция «Ахл-и хадис» станет основой в идеологии т.н. «ваххабитов». Полно его имя – Са'ид Мухаммад ибн Мухаммад ибн 'Абд ал-Вахид ибн 'Али ала 'Асали ат-Тараблуси аш-Шаши ад-Димашки (ум. в 1932 г. в Хорезме). В среде местных богословов старшего поколения (в советское время) известен как Шами-домулла. См. подробнее: An Islamic Biographical Dictionary of the Eastern Kazakh Steppe. 1770–1912 Qurban-'Ali Khalidi / Ed. by Allen J. Frank & Mirkasim Usmanov. Leiden, Boston: Brill, 2005. P. 70, 148; Muminov Fonds; Бабаджанов Б.М., Муминов А.К., фон Кюгелген А. Диспуты мусульманских религиозных авторитетов в Центральной Азии в XX веке: критические издания и исследования источников. Алматы: Дайк-Пресс. 2007. С. 57–61. Шами-дамулла был учителем многих знатоков арабского языка в Ташкенте (Ирисов. Тошкентда. 11-б.).

³ Muminov. Fonds. P. 244; Он же. Предисловие к «Диспуты». с. 60.

выступил с одобрением «исламского социализма (в духе идей Джамал ад-Дина ал-Афгани) и призвал богатых делиться с бедняками (Ash-Shami. P. 3). А. Муродов вошел в группу сильнейших учеников этого богослова из Сирии. Однако в 1925 г. Шами-домулла начали преследовать органы ГПУ и он отдалил от себя своих учеников, в том числе и А. Мурадова¹. На короткое время А. Мурадов уехал в пригород и работал в сельской земледельческой коммуне (из Личного дела, Архив ИВ АН РУз).

В 1927 г. А. Муродов поступил на учительские курсы и работал учителем в начальной школе. В 1938 г. приглашен на работу в Публичную библиотеку УзССР и одновременно на Восточный факультет Среднеазиатского государственного университета (читал основы каллиграфии). В 1940 г. в связи с началом подготовки к юбилею Алишера Навая, был привлечен на работу во вновь созданный Комитет по подготовке к юбилею поэта (из Личного листка).

В 1942 г. был призван в армию и участвовал в боях. Комиссован в 1944 г. в связи с ранением и сразу принят в ИВ. Активно участвовал в составлении картотеки (*фихрист*), восстановлении и переписке рукописей. Особенно знамениты его работы по восстановлению утраченных листов некоторых произведений, переписанных для высокопоставленных лиц тимуридского двора (Навои и др.). Позже участвовал в переводах медицинских, географических и исторических сочинений Ибн Сина, Якута ал-Хамави, ал-Истахри (Муродов. 161-б).

В 1967 г. А. Муродов году защитил диссертацию на соискание научной степени кандидата филологических наук и на основе диссертации опубликовал книгу «*Ўрта Осиё хаттотлик санъатидан*» (Из истории искусства каллиграфии Средней Азии).

А. Муродов организовал неофициальные курсы по каллиграфии и определению стиля почерков для сотрудников Института (Муниров. 153-154-б). В 1962–1970 годы преподавал в на Факультете восточных языков Ташкентского государственного университета (арабский язык и каллиграфию).

Кроме того, в 1968 г. А. Муродов (совместно с А. Носировым) восстановил тексты и затем подготовил эскизы для реставрации надписей мавзолея Гури Амир и часть куфической надписи медресе Улугбека (из рассказа А. Носирова).

¹ Muminov. Fonds. P. 245.

Солих Муталибов (1900–1972)

Родился в 1900 году в Ташкенте. С 1912 до 1918 года учился в медресе. Затем совершенствовал свои знания в арабском и персидском в частном порядке. В 1922 г. решил сменить направление деятельности в связи с тем, что многие медресе остались без средств к существованию. В том же году закончил курсы преподавателей по ликвидации безграмотности и затем работал в Ташкенте, Самарканде, городах Ферганской долины в качестве учителя в бригадах по ликвидации безграмотности. В 1930-1932 годах издал ряд учебников и методических руководств по преподаванию в начальных классах основ литературы. С 1932 г. работал в Институте педагогики воспитания, где продолжает издавать методические руководства для преподавателей узбекского языка и литературы. В 1936 г. поступает в аспирантуру Института языка и литературы и заканчивает ее в 1938 г. Через год защищает диссертацию («Глагольные конструкции в современном узбекском языке». Ташкент, 1939, Институт языка и литературы).

В 1946–1950 годы работал в Институте востоковедения АН УзССР начальником Отдела каталогизации и реставрации рукописей. В 1951 г., в связи со статьей в газете «Правда (16 августа, 1951) был уволен и проработал некоторое время в Институте языка и литературы. Затем, с 1958 г. работал на восточном факультете Ташкентского государственного университета.

(Источник: личное дело Салиха Муталибова. Архив ИВ АН РУз, папка “М”).

Хакимджанов Юнус. (1893–1966).

Родился в Ташкенте. Учился в мактабе (1901–1910) и медресе (1910–1925). До окончания медресе работал в составе бригад по ликвидации безграмотности (1920–1921), затем каллиграфом в издательстве «Туркистон». В 1923–1932 годах работал обычным садовником, опасаясь репрессий. В 1932 г. перебрался в Синьцзян¹, где участвовал в революционных событиях на стороне Китайской народной армии Мао Цзедунa. Затем был назначен новым правительством Китая. В 1952 г. был Председателем мусульманского общества Китая (Пекин). В 1956 г. вернулся в Советский Союз в составе репатриированных из Китая граждан СССР. В том же году был устроен в ИВ АН УзССР, где проработал до самой смерти (1966 г.).

¹ А. Каюмов полагает, что Хакимджанов Юнус был направлен в Китай органами ОГПУ в составе многочисленных «вынужденных эмигрантов», на которых возлагалась обязанность помощи китайским революционерам против гоминдановцев.

Ю. Хакимджанов привлечен к переводам некоторых произведений Абу 'Али ибн Сины, ал-Бируни («История Индии»), переписал ряд исторических сочинений из фондов ИВ и т.п.

(Источник: Личное дело из архива ИВ АН РУз, папка “Э – Я”).

Мирзаев Содик (1885–1967)

Полное его имя: Мирза садик ибн Мирза Мухаммад аш-Шаши. Родился в Ташкенте в семье мастера по выделке кожи. С 1897 по 1903 учился в мактабе, а с 1903 по 1917 – в медресе. В 1918–1920 был учителем в начальной школе, преподавал математику. Параллельно был мударрисом в реформаторском медресе и обучал студентов арабскому языку. Затем работал преподавателем математики на РабФаке в Ташкенте. В 1930–1939 годах руководил лабораторией при Естественно-историческом кабинете и составлял справки на основе старых рукописей по минералам и лекарственным травам. Параллельно преподавал математику в техникумах. В 1939–1941 годах принят в Институт языка и литературы, где принимал участие в составлении «Толкового словаря к произведениям Навои». Затем перевелся в Публичную библиотеку и работал вместе с И. Одидовым. С созданием Института по изучению восточных рукописей, стал его сотрудником (с 1944 г.) и работал над переводами некоторых исторических сочинений и параллельно принимал участие в составление каталога рукописей и литографированных изданий. С 1947 и по 1953 годы участвовал в переводах сочинений Ибн Сины (Авиценны) по фармакологии, ал-Хоразми по математике, а так же над переводом ряда исторических сочинений. Одновременно (с 1944 и по 1950 год) преподавал арабский язык на Восточном факультете САГУ, деканом которого являлся в 1948–1949 годах и признан лучшим знатоком арабского языка.

Садык Мирзаев первым из *домулла* защитил диссертацию кандидата филологических наук в 1948 г. (тема: «Аруз у Навоий»). Он стал лауреатом множества премий и авторских патентов по лекарственным препаратам.

(Источники: Личное дело. Архив АН РУз, ф. 55, оп. 3, д. 157, л. 130–140; Б.З. Халидов. История кафедры филологии (Востфака ТашГУ). Копия неопубликованной ркп.)

Лазиз Азиззода (1897–1987)

Внук известного богослова и каллиграфа 'Абд ал-Хакк катиб ибн 'Абдухалим-кари ('Алим-кари; 1808–1886 г.). 'Абд ал-Хакк учился в Бухаре и затем был мударрисом одного из медресе Ташкента. 'Абд ал-

Хакк был хорошим врачом, в 1881–1884 годах после хаджжа посетил ряд стран Ближнего Востока и Турцию. В Стамбуле он в течении 3 лет обучался каллиграфии и одновременно преподавал арабский язык (Муродов, 160-б.).

Азиззода родился в Ташкенте, здесь же учился в мактабе и затем в медресе старого типа (до 1918 г.), которое не успел окончить. После Октябрьской революции участвовал в ряде молодежных движений, близко сошелся с реформаторами и политическими деятелями из круга джадидов низшего и среднего звена. Работал в отделе пропаганды и идеологии при ЦК КП(б) до 1938 г.

В 1939 г. был арестован по «делу джадидов». Реабилитирован в 1954 г. и принят на работу в ИВ АН Уз ССР, где проработал до самой смерти. В институте в основном занимался составлением карточек на рукописи и их описаниями. Параллельно публиковал свои воспоминания о первых революционных лидерах большевистского движения, воспоминания о джадидах и т.п. Основная его книга по реформаторскому движению в Туркестане (Туркистоннинг ўйғониш тарихидан / Из истории пробуждения Туркестана. Написана в 1925, переписана и дополнена в 1954–60 гг.) не опубликована и осталась в виде рукописи.

(Архив ИВ АН РУз, папка “Л – М”)

Джуванмардиев Абдулладжан (1892–1978).

Родился в Коканде. Отец был земледельцем. В 1900 по 1905 годы учился в мактабе, затем в медресе «‘Али» в Коканде, которое закончил в 1917 г. После Октябрьской революции учился на курсах учителей (до 1920 г.) и параллельно работал в школе по ликвидации безграмотности, преподавая в основном солдатам Мусульманского полка Красной армии. Затем активно участвовал в становлении советской школы вместе с джадидами, с которыми он близко сошелся еще на курсах преподавателей. Его публикации тех лет¹ показывают, что он был сторонником радикальных джадидов, выступавших на стороне большевиков.

С 1922 по 1930 годы работал (по комсомольской мобилизации) в Ферганском областном суде. Тогда же поступил на вечернее отделение Юридических курсов и окончил их через два года. По собственным словам А. Джуванмардиева в тех же годах он «активно боролся с басмачами²», а так же «во время кампании раскрепощения [эмансипации – Б.Б.] женщин, присудил к высшей мере наказания – расстрелу

¹ Их список Джуванмардиев привел в «Личном листке»: Архив ИВ АН РУз, ‘Д’ и ‘Н’, л. 7–8.

² То есть с вооруженными отрядами, выступавшими против Советской власти.

– двух мужчин за убийство своих жен, бросивших паранджу»¹. С 1930 по 1937 год А. Джуванмардиев работал Уполномоченным президиума судебных защитников в Коканде и Намангане.

С 1935 г. параллельно с работой учился в Ташкентском юридическом институте (заочное отделение), которое не успел закончить в связи с арестом в 1937 г. по ложному обвинению в «поддержке националистических планов джадидов». Ссылку отбывал в городе Углич Ярославской области и затем в Краснодарском краю.

В 1948 г. Джуванмардиев был полностью оправдан. Окончательно реабилитирован 28 января 1957 г. С мая 1957 г. начал работать в ИВ АН Уз ССР, где проработал до самой смерти.

Его главный труд: «Земельно-водные отношения в Фергане в XVI-XIX веках» (Ташкент: Фан, 1965), в которой он ограничился публикацией некоторых документов, не делая обширных выводов. За два года до выхода этой книги, Джуванмардиев представил это исследование на звание кандидата наук и успешно защитил по ней диссертацию (1963). Интересно, что для подтверждения «высшего духовного образования» (по принятым тогда правилам) Джуванмардиев представил свидетельство своего однокурсника по медресе в Коканде Сахибаева Фазилджана².

(Источник: Личное дело А. Джуванмардиева Архив ИВ АН РУз, папка “Д”, “Н”).

Носиров/Насыров Абдулла (1900–1986)

Родился в Ташкенте в семье кустика-переплетчика. Окончил мактаб и медресе (в 1921 г.). Затем учился каллиграфии в частном порядке. Параллельно стал собирать старые рукописи и прослыл как библиофил. В частном порядке он составлял картотеки лицам, кто имел книги на арабском, персидском и тюркских языках. Это был его первый опыт как библиографа. С 1922 г. работал в разных библиотеках и занимался составлением карточек на книги, журналы и газеты. В 1933 г. А. Насыров был арестован по сфабрикованному делу с обвинением «растрата»³. В 1936 г. был оправдан и восстановлен на работе в должности библиотекаря.

В 1940 г. Насыров начал работать в Отделе восточных рукописей Государственной публичной библиотеки в Ташкенте (совместно с Е.К.

¹ Автобиография А. Джуванмардиева. Архив ИВ АН РУз, ‘Д’– ‘Н’, л. 6.

² Так же, ‘Д’– ‘Н’, л. 13.

³ О своем аресте он упомянул только однажды в автобиографии (написана на узбекском языке принятым тогда латинским шрифтом). Архив АН РУз, ф. 55, оп. 3, д. 107, л. 33 (Личное дело Насирова Абдуллы). В более поздних автобиографиях эпизод с арестом не упомянут. Там же, л. 17 и дальше.

Бетгером и А. Молчановым). С 1944 г. стал сотрудником Института по изучению восточных рукописей и принимал участие в составлении картотеки рукописей (*фихрист*) и параллельно работал в библиотеке Института.

В 1952 г. был на короткое время уволен из ИВ в связи с публикацией в газете «Правда» статьи с критикой работы Института. Однако его увольнение было оформлено с формулировкой «по болезни»¹. Восстановлен в июле 1953 г.

С 1963 г. вышел на пенсию по болезни, хотя продолжал работать в Институте востоковедения АН РУз до самой смерти.

Известны около трех десятков научных и научно-популярных статей А. Насырова, опубликованные в основном на узбекском языке. Кроме того, он переписал каллиграфическим почерком полтора десятка рукописей, пришедших в негодность (среди них «*Тухбат ан-наззар*» Ибн Баттуты). Он был награжден различными премиями и наградами АН Уз ССР.

(Источник: Личное дело А. Насырова, Архив АН РУз, ф. 49, оп. 3, д. 107).

Борис Владимирович Лунин – патриарх среднеазиатской школы историографии

Ученый-историограф обязан иметь учеников, тех, кто наследует не только его гипотезы, концепции, идеи, неосуществленные замыслы, но и «историографический почерк» – стиль и технику научного поиска и осмысления эмпирического материала. Формирование небольшой, но своеобразной школы профессора Б.В. Лунина пришлось на конец 80 – начало 90-х годов XX в. Его учениками называют себя многие историографы республик Средней Азии. И действительно, среднеазиатская историографическая школа, сложившаяся в Узбекистане вокруг Б.В. Лунина, заслуживает всемерного внимания.

Зарубежные историки, прежде всего Европы и США, начинают проявлять интерес к историографическим исследованиям в Узбекистане с конца 1950-х годов. Опыт, накопленный узбекистанскими историографами, изучается за рубежом, где, между прочим, до последнего времени исследования по историографии специально не выделялись и не ставились.

¹ Архив АН РУз, ф. 55, оп. 3, д. 107 (Личное дело Насырова Абдуллы). (машинописный лист «Автобиографии» без пагинации).

Создатель новых направлений в области исторической библиографии, истории науки, историографии и источниковедения, один из зачинателей энциклопедического жанра (библиографические словари, большие, малые, краткие энциклопедии) в государствах Центральной Азии Борис Владимирович Лунин в течение своей 75-летней научной деятельности подготовил и опубликовал 25 монографий, 50 брошюр и свыше 600 статей.

Как историограф, Б.В. Лунин возвратил сегодняшнему поколению множество забытых имен исследователей Центральной Азии. Он стал своеобразным ретранслятором ориенталистики между XIX и XXI веками. Сам он довольно скромно оценивал свой вклад в науку. В своём ответе на критическую рецензию известного ориенталиста Ю.Э. Брегеля¹ Б.В. Лунин писал следующее:

«Совершенно понятно, что конкретный анализ в том широком и глубоком плане, какой явно имеет в виду рецензент, и не входил в сферу внимания автора книги ... Кстати сказать, такого рода капитального, всеобъемлющего исследования по истории отечественного востоковедения (при наличии отдельных серьёзных и ценных работ в этом направлении) пока ещё не появилось. Создавать его автор книги – рядовой работник науки не предполагал и не предполагает»².

Борис Владимирович Лунин родился 18 июля 1906 г. в Женеве (Швейцария), где его отец и мать проживали временно вместе с дедом по отцу, политическим эмигрантом Виктором Игнатьевичем Луниным – известным революционным демократом. В молодости он был сотрудником П.Г. Чернышевского, узником Петропавловской крепости. Умер В.И. Лунин в 1913 г. в Москве на пути к новому месту жительства после тюремного заключения и высылки его из Армавира (Кубань) по распоряжению наместника императора на Кавказе. Отец, Владимир Викторович Лунин, юрист по образованию, частный поверенный. Заочное избрание на Кубани членом I Государственной думы, где Владимир Викторович Лунин был одним из лидеров фракции трудовиков, позволило его семье вернуться в Россию.

Б.В. Лунин учился в Пятигорской мужской гимназии (после октября 1917 г. в школе II ступени). Со школьной скамьи он приобрел к работе кружка юных археологов, организованного преподавателем истории – кавказоведом Д.М. Павловым. Под его руковод-

¹ Брегель Ю.Э. Б.В.Лунин. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент: Наука, 1965. – 408 с.; Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. М., 1968.

² Лунин Б.В. О некоторых вопросах методики и методологии историографических исследований в свете одной рецензии // Материалы по истории Узбекистана. Под ред. профессора Зияева Х.З. и др. Ташкент: Фан, 1973. С. 174.

ством вел научно-вспомогательную работу по Северо-Кавказскому институту краеведения и домику-музею М.В. Лермонтова в Пятигорске (хранитель и экскурсовод). В начале 20-х годов вместе с членами археологического кружка Б.В. Лунин участвовал в раскопках курганов с древними погребениями северо-кавказских племен в окрестностях Пятигорска. Был Членом Правления 1-го Северо-Кавказского краевого общества учащихся – любителей археологии.

По переезде семьи в Ростов-на-Дону Б.В. Лунин некоторое время был вольнослушателем Донского археологического института, сдал экстерном часть экзаменов, но к остальным не был допущен из-за несовершеннолетия. По рекомендации проф. А.И. Яцимирского, а также других ученых в 1923 г. он был принят в состав членов Донского общества археологии и истории при Ростовском государственном университете.

В 1920 – 1930-е годы. Б.В. Лунин вел энергичную научно-организационную и исследовательскую работу на постах члена Правления и ученого секретаря Северо-Кавказского краевого Общества археологии, истории и этнографии (1925 – 1931); Председателя его Археологической секции (1928); ученого секретаря и заместителя председателя Северо-Кавказского (позднее Азово-Черноморского) бюро краеведения (1926 – 1927); ученого секретаря и заместителя заведующего областным бюро государственной охраны и изучения памятников революции, культуры и искусства при Президиуме Ростовского облисполкома и старшего научного сотрудника Ростовского областного музея краеведения (1937 – 1941).

В середине 1930 г. Б.В. Лунин вместе с несколькими членами правления общества: горным штейгером М.Б. Краснянским, инженером А.Т. Стефановым и другими был арестован. Обвинялся по стандартной ст. 58 УК «как один из активных участников постоянных поквартирных собраний работников и краеведов, объединенных на поприще работы над составлением археологической карты», на самом же деле, дескать, стремившихся увести «краеведение в прошлое в ущерб настоящему», сохранить «приверженность к буржуазно-дворянской науке и противостоять науке марксизма-ленинизма». После восьмимесячного пребывания «во внутренней тюрьме» Б.В. Лунин был приговорен к условной ссылке на три года в г. Фрунзе (ныне – г. Бишкек) и выпущен на свободу.

Вслед за этим Северо-Кавказское краевое общество истории, археологии и этнографии наряду с другими научно-краеведческими организациями подобного типа прекратило свое существование. Но сохранилась библиотека Б.В. Лунина – уникальное собрание, насчи-

тысящее 15 тыс. книг, включая множество редких изданий по истории Дона и Кавказа. Ею пользовались ученые, литераторы и краеведы. К великому сожалению, во время Второй мировой войны она исчезла.

Известный археолог проф. В.А. Городцов, посетивший в 1928 г. Ростов-на-Дону, обратил внимание на научные начинания Б.В. Лунина в сфере археологии и с тех пор стал оказывать ему всяческую поддержку, называя его «восходящей звездой археологии Северного Кавказа». Многолетняя переписка и непосредственное общение с В.А. Городцовым оказали большое влияние на дальнейший путь Б.В. Лунина как археолога и историка. Памяти своего наставника впоследствии он посвятил первую книгу «Очерки истории Подонья-Приазовья» (Ростов-на-Дону, 1949 г.)¹.

Б.В. Лунин – один из основоположников научно-краеведческой работы в сфере археологии, истории и музейного дела на Дону и, в известной мере, на Северном Кавказе. «С именем Б.В. Лунина связано и начало, и расцвет советского краеведения в Ростове-на-Дону. И не только старожилы, но и молодое поколение любителей старины хорошо знают его как неутомимого работника, так много сделавшего на своём веку. Без преувеличения можно сказать, что в годы, которые провел Б.В. Лунин в Ростове, вряд ли еще кто сделал столько для популяризации истории Дона, сколько привелось сделать ему, ученому-краеведу, преподавателю ростовских вузов, музейному работнику, лектору»². Так характеризуется его научная деятельность в одном из популярных изданий Ростова-на-Дону.

Как археолог, внимание специалистов он привлек работами по обследованию и описанию некоторых дольменов Западного Кавказа, изданной в 1935 г. большой сводной работой «К вопросу о развитии хозяйственных форм доклассового (родового) общества в бассейне нижнего Дона» (в соавторстве), увидевшей свет в 1937 г. в Москве, публикацией «К вопросу о действительном возрасте «подкумского человека» в свете археологических данных».

С Елисаветовского городища им был доставлен, описан и издан уникальный для низовьев Дона мраморный рельеф IV в. до н.э. с

¹ О В.И. Луине см.: Балуев В.П. Страницы жизни и деятельности демократа-революционера В.И. Лунина // История СССР. М., 1959. № 6. С. 129-134; Белименко Н. В.И. Лунин (1843-1913). Армавирский краеведческий музей. Армавир, 1975. – 8 с.; Аксаев Е.Д. [Город] Армавир. Краснодар, 1976. С. 11, 85-87; Михайлов М. Виктор Игнатьевич Лунин – политический и общественный деятель. Армавир, 1916. – 120 с.; Целлер Г. Революционное движение в Армавире // Пролетарская революция. М., 1925. № 10. С. 78-100; Лунин Виктор Игнатьевич // Деятели революционного движения в России. М., 1930. Т. 3 и др.

² Гегузин И. Энтузиаст краеведения // Вечерний Ростов. 1976. 20 июля.

изображением «погребального пира». Ряд публикаций посвящен находкам предметов древности большого научного значения, в том числе серебряной чаши с пунктирной надписью «от царя Пакора» и изображениями сцены вакхического цикла из станицы Даховской на Кубани. Он был не чужд нумизматических интересов («К нумизматическим находкам на Недвиговском городище», «Новые находки золотых подражаний статерам Лисимаха на Кавказе», «Материалы к описанию некоторых неопубликованных древних монетных находок на территории Дона и Кубани», «Древний монетный клад из станицы Мелеховской» и др.). Совместно с М.А. Миллером Б.В. Лунин вел раскопки некрополя IV в. до н.э. у основания Беглицкой косы близ Таганрога, с С.А. Вязигиным – раскопки в Азове на месте нахождения остатков каменных ворот гетуэзской Таны. Он осуществлял многочисленные археологические разведки на территории древних поселений Нижнего Дона.

Перу Б.В. Лунина принадлежал ряд книг и брошюр: «К истории донского казачества», «Азов, Ростов, Таганрог. К истории городов Ростовской области», «Старый город (Черкасск)», «Первобытные люди на Дону и Кубани», «Саркел», «Азовское осадное сидение» и др. Он был участником ряда пленумов Государственной Академии истории материальной культуры (Ленинград), Первого Всероссийского музейного съезда (Москва, 1931 г.).

Публикации Б.В. Лунина по археологии и истории Дона и Северного Кавказа получали положительную оценку таких видных ученых, как В.А. Городцов, С.А. Жебелев, П.П. Ефименко, Е.Г. Кагаров, И.Ю. Крачковский, Н.И. Новосадский, П.Н. Черняев и др.

Б.В. Лунин вел и преподавательскую работу в высших учебных заведениях (Ростовский-на-Дону финансово-экономический институт, Северо-Кавказский научно-исследовательский институт, Московский энергетический институт и др.), вёл активную просветительскую работу в Ростовском областном лекционном бюро и других организациях.

Война прервала работу Б.В. Лунина. Его призвали на воинскую службу. В 1942 г. он – политрук военного госпиталя Фронтового эвакуационного пункта, находившегося в составе действующей армии, функционировавшего в прифронтовой полосе, а затем в полевых условиях. За образцовое выполнение своих обязанностей и высококвалифицированное обслуживание раненых бойцов и командиров Военный Совет Южного фронта 8 июня 1942 г. присвоил Б.В. Лунину звание старшего политрука.

За самоотверженную работу по спасению тяжелораненых бойцов при бомбежке Б.В. Лунин имел благодарности от командования («был контужен, но продолжал работу до конца, воодушевляя других»).

С 1942 по 1953 г. – Б.В. Лунин был старшим преподавателем и начальником социально-экономического цикла в военно-учебных заведениях

Туркестанского военного округа (Чирчик, Термез, Алма-Ата, Самарканд, Ташкент), имел воинские звания капитана, майора, подполковника. Он вел многолетнюю преподавательскую работу в вечернем Офицерском институте, был внештатным лектором-пропагандистом Туркестанского военного округа.

С 1953 г. (после демобилизации из рядов Вооружённых сил) и до самого конца своей жизни Б.В. Лунин работал в Академии наук Узбекистана (ученый секретарь Института истории и археологии Академии наук Узбекистана, Отделения общественных наук при Президиуме Академии наук Узбекистана, старший научный сотрудник, а с 1968 г. – заведующий Отделом историографии Института истории Академии наук Узбекистана).

В 1956 г. Б.В. Лунин защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук («Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане») и в 1966 г. – доктора исторических наук («Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении»). 7 сентября 1970 г. он утвержден в ученом звании профессора.

С 1967 г. – старший преподаватель и с 1970 г. – профессор кафедры истории Института повышения квалификации преподавателей общественных наук при Ташкентском государственном университете (спецкурсы историографии и источниковедения). В 1961 г. избран почетным членом университетской кафедры археологии.

Его первые публикации по Средней Азии стали появляться, начиная с 1943 г. («К истории города Термеза», рецензии на работы С.П. Толстова, В.А. Шишкина и др.). Среди фундаментальных работ по историографии Средней Азии книги: «Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане», «Туркестанский кружок любителей археологии» (1958), «Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX – начало XX в.» (1962), «Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении» (1965), «Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения (Жизнь и деятельность Н.И. Веселовского)» (1979), «Жизнь и деятельность академика В.В. Бартольда» (1981); а также такие публика-

ции, как «Из истории первого высшего востоковедного учебного заведения в Средней Азии» (1962), «Из истории создания системы высшего образования в советской Средней Азии» (1971), «Восточный факультет. Краткий очерк истории востфака ТашГУ» (1981), «Из истории становления и развития советского востоковедения в Узбекистане» (Москва, 1975 г.), «Востоковедение в республиках Средней Азии после 1917 года» (Москва, 1983 г.) и др.¹. Ряд статей посвящен истории изучения жизни и творчества выдающихся ученых и мыслителей средних веков – Абу Райхана Беруни, Ибн Сины, Алишера Навои.

Особый интерес для исследователей и широкой общественности представляет монография Б.В. Лунина «Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане (Туркестанский кружок любителей археологии (1895 – 1917))». (Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958. 320 с.). Она посвящена изучению деятельности одной из дореволюционных научно-краеведческих организаций и представляет собой одну из первых публикаций историографического характера по Средней Азии. В основу работы положено освещение более чем двадцатилетней деятельности Туркестанского кружка любителей археологии. Этот кружок внес заметный вклад в дело накопления первичных материалов и фактических данных о памятниках материальной и духовной культуры народов Средней Азии. Следует отметить, что деятельность названной организации получила у Б.В. Лунина исчерпывающее освещение.

К работе Туркестанского кружка любителей археологии (ТКЛА) приложимы слова о том, что научные общества России конца XIX и начала XX в. не носили официального характера и имели общественный характер. Из книги явствует, что с самого начала создания ТКЛА в нем действовали носители двух тенденций: с одной стороны, сановники, генералы, с другой – выразители настроений прогрессивно мыслящей интеллигенции: учителя, врачи, инженеры, агрономы, рядовые служащие и чиновники. Именно эта часть членов Кружка и внесла значительный вклад в прогрессивное направление туркестановедения. Критический подход к изучаемым материалам позволил Б.В. Лунину дать объективную характеристику работы Кружка в целом и наиболее активных его представителей, из числа которых вышел ряд крупных ученых, – М.С. Андреев, Н.Г. Маллицкий, А.А. Семенов и др.

¹ Изучению и популяризации научного наследия В.В. Бартольда посвящено более 35 публикаций Б.В. Лунина.

Автор справедливо подчеркивает, что октябрьский переворот 1917 г. вызвал глубокий раскол в среде интеллигенции, из которой вышли многие члены ТКЛА. Некоторые из них, будучи в прошлом представителями колониальной администрации, – В.П. Наливкин, Н.П. Остроумов, Н.С. Лыкошин, – оказались не у дел. Б.В. Лунин проводит реконструкцию таких ярких страниц истории Кружка, как открытие его членами ряда наскальных изображений Саймалы-Таш, так называемые Боролдайские письма и других древнетюркских (орхонских) надписей в долине реки Таласа, сирийско-несторианских надписей на христианских кладбищах Семиречья, знаменитых Бия-Найманских оссуариев, остатков самаркандской обсерватории Улугбека. Освещались также деятельность Кружка по учету и описанию различных памятников древности, архитектурных сооружений Туркестанского края, проводившиеся Кружком археологические разведки и раскопки, работы его в области эпиграфики, нумизматики, изучении письменных источников, фольклора и этнографии.

Б.В. Лунин цитирует забытые высказывания прежних исследователей, воспроизводит их формулировки, что позволяет хорошо передать колорит времени деятельности ТКЛА. Не всегда равноценное освещение автором научных заслуг отдельных туркестановедов отмечалось сразу после выхода книги. Известного деятеля, как писал профессор И.М. Джаббаров, возьмем, к примеру, фольклориста и этнографа Абубекра Ахмеджановича Диваева (1856 – 1932). Б.В. Лунин досконально собрал всё, что характеризует А.А. Диваева как археолога-краеведа. Однако занятие археологией не стояло на первом плане деятельности А.А. Диваева, и в этой области он не оставил значительного следа в науке. Гораздо большей и заслуженной известностью пользуются его фольклорные и этнографические наблюдения. Между тем как раз именно этой стороне дела в книге уделено значительно меньше места¹.

Автор правильно считал, что смысл работы по истории ТКЛА, прежде всего, заключается в том, что деятельность Кружка, его открытия вызывали живейшее участие и интерес многих известных русских востоковедов, вели к научным дискуссиям в общероссийском масштабе, как, например, в вопросе о датировке и правильном чтении орхонских и несторианских надписей. Открытия Кружка порождали обширную литературу.

¹ Джаббаров И. Критика и библиография. Б.В. Лунин. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895-1917), Ташкент, 1958. – 320 с.; Советская этнография. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. № 5. Сентябрь-октябрь. С. 161-163.

Автор данной монографии впервые вводит в научный оборот неопубликованную переписку В.В. Бартольда с членами ТКЛА. В тексте содержатся данные, имеющие большое значение для понимания социальных взглядов этого крупнейшего ученого и уяснения многих сторон русского востоковедения в целом. Необходимо особо отметить обильный научный аппарат книги, в котором дано до полутора тысяч подстрочных примечаний, содержащих множество ссылок на архивные источники и литературу, в том числе на множество малоизвестных, утерянных публикаций. С этой точки зрения научный аппарат рецензируемой книги сам по себе является ценным библиографическим указателем.

Встречаются отдельные фактические неточности. Так, на стр. 96 неверно указан год смерти этнографа М.С. Андреева – 1947 вместо 1948. Книга иллюстрирована рядом редких портретов В.Л. Вяткина, А.А. Диваева, Н.Г. Маллицкого и др. К сожалению, отсутствовали портреты видного этнографа М.С. Андреева, первооткрывателя орхонских надписей в долине Таласа В. А. Каллуара, военного инженера археолога Б.Н. Кастальского. И поныне вызывает удивление, что полезная книга Б.В. Лунина опубликована Издательством Академии наук Узбекистана незначительным для того времени тиражом – 650 экземпляров, вследствие чего уже через несколько дней после выхода она стала малодоступной.

Жизнь и деятельность академика В.В. Бартольда – одно из ярких, замечательных явлений в истории отечественного востоковедения. Его творческое наследие вошло в золотой фонд науки. Сочинения Бартольда опубликованы в девяти томах и десяти книгах (1963 – 1977-е годы). Имя ученого, многочисленные ссылки на его труды не сходят со страниц востоковедческой отечественной и зарубежной литературы. О нем много написано. Однако создать наиболее подробный историографический очерк о прославленном ученом в виде отдельного монографического исследования впервые попытался патриарх среднеазиатской историографической школы Б.В. Лунин¹.

Б.В. Лунин рассматривает жизнь и деятельность В.В. Бартольда в тесной связи с историей развития отечественного востоковедения. Это усиливает познавательное значение книги и привлекает к ней внимание не только специалистов, но и широкого круга читателей. Она существенно дополняет отечественную литературу о богатей-

¹ Лунин Б.В. Жизнь и деятельность академика В.В. Бартольда. Средняя Азия в отечественном востоковедении. Ташкент: Фан, 1981. – 224 с.

шем социально-экономическом и культурном прошлом Средней Азии как крупном регионе Востока.

Автор довольно подробно знакомит нас с ранней биографией В.В. Бартольда, хорошо передает влияние на молодого ученого атмосферы Петербургского университета, выпускником восточного факультета которого он являлся. В этой связи приводится множество, в том числе малоизвестных, сведений о В.В. Бартольде как ученом и человеке, а также о его ближайших учителях и научном окружении.

Существенную часть научной биографии В.В. Бартольда составили его поездки за рубеж, где он изучал ценные восточные рукописи. В 1893 г. он впервые приезжает в Среднюю Азию. Автор подробно останавливается на значении этой поездки для дальнейшей исследовательской деятельности ученого. Важнейшим этапом в ней стала защита диссертации на тему «Туркестан в эпоху монгольского нашествия». После опубликования одноименной монографии и других работ В.В. Бартольда (в конце прошлого – начале нынешнего века) по истории монголов XI – XIII столетий «пальма первенства» в изучении этой большой проблемы перешла к российской ориенталистике. Б. Лунин рассматривает важнейшие труды ученого, созданные В.В. Бартольдом до октябрьского переворота 1917 г. по истории и исторической географии Средней Азии, по истории ислама и Арабского халифата, а также его публикации историографического характера.

Универсальность интересов, присущая большинству востоковедов того времени, сказала, как верно отмечает автор, и на творчестве В.В. Бартольда. Его работы по археологии, нумизматике, эпиграфике, отчасти этнографии не составляли основы научных изысканий и, тем не менее, отличались высоким научным уровнем, являя собой органически неотъемлемую часть его научного наследия.

В книге хорошо освещена и такая важная черта В.В. Бартольда – ученого, как стремление придать своим даже фундаментальным исследованиям прикладной характер. В частности, им были собраны исторические и историко-географические сведения для выяснения возможностей расширения системы искусственного орошения земель Средней Азии путем восстановления и реконструкции заброшенных оросительных каналов. Эта проблема интересует и сегодня отечественных исследователей разных специальностей.

В.В. Бартольда связывало многолетнее и плодотворное сотрудничество с учеными Средней Азии. Оказывая энергичное содействие местным научно-краеведческим организациям, помогая им своими

высококвалифицированными советами и консультациями, крупнейший ученый страны заботился о том, чтобы краеведческие начинания были свободны от дилетантизма. В.В. Бартольд активно выступал в местной прессе, публиковался в местных научных изданиях.

Жизнь и труды В.В. Бартольда в период после октябрьского переворота освещены в книге также удовлетворительно. Крупная роль ученого в становлении и развитии отечественного востоковедения, его кипучая и многогранная научно-организаторская и просветительская деятельность, новые труды по истории Средней Азии, других стран Востока и по истории ислама – вот круг вопросов, на которых автор останавливается детально. В.В. Бартольд читал лекции в первом в Средней Азии организованном в Ташкенте университете, принимал участие в создании нового тюркского алфавита. Особенно рельефно он предстает перед нами как ученый и общественный деятель на страницах, рассказывающих о его руководящей работе в Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук, в академическом Музее антропологии и этнографии, на посту председателя отдела Средней Азии Академической комиссии экспедиционных исследований, Туркестанского отдела Комиссии естественных производительных сил Российской Академии наук, заведующего разрядом археологии Средней Азии Академии истории материальной культуры в Санкт-Петербурге¹.

В книге рассмотрены концептуальные взгляды В.В. Бартольда на сущность, содержание и ход исторического процесса в Средней Азии и других странах Востока, приведены его наиболее характерные в этом плане высказывания и выводы. Удачно показан целостный мировоззренческий облик ученого. Б. Лунин полемизирует с рядом исследователей, высказывающих подчас различные точки зрения на этот счет. Тщательно анализируя научное наследие В.В. Бартольда, автор приходит к выводу, что взгляды ученого на ход и сущность исторического процесса в целом не выходили за рамки идеалистической трактовки вопроса при наличии, однако, многих стихийно материалистических определений социальной основы отдельных исторических явлений. Б. Лунин убедительно доказывает неправоту мнения, что период деятельности В.В. Бартольда после октябрьского переворота 1917 г. был временем существенного пересмотра им своих идейно-мировоззренческих позиций. Октябрьский переворот, как правильно подмечает Б.В. Лунин, застал ученого на исходе пятого десятилетия жизни, когда научные взгляды его

¹ Шаниязов К. Критика и библиография. Выдающийся историк Средней Азии // Коммунист Узбекистана. Ташкент. 1982. № 9. Сентябрь С. 91-95.

сложились уже прочно. Процесс идейной перестройки ученого не получил значительного отражения в его публикациях последнего периода жизни (1918 – 1930-е годы).

Особый интерес представляют страницы книги, содержащие анализ общественно-политических взглядов и убеждений В.В. Бартольда. Б. Лунин, говоря о прогрессивности мировоззрения ученого, которое ставило его на голову выше большинства современных ему востоковедов, в то же время избегает ненужной идеализации воззрений В.В. Бартольда, неоправданных преувеличений на этот счет, встречающихся в научной литературе. Как и подобает историографу, автор объективно отмечает сильные и слабые, положительные и теневые стороны концепций В.В. Бартольда.

Б.В. Лунин в 20-е годы XX в. продолжил свои исследования. Об этом свидетельствуют такие исторические очерки, как «Таджики» (1925), «Киргизы» (1927), «Очерк истории туркменского народа» (1929), «История культурной жизни Туркестана» (1927), «Хлопководство в Средней Азии с исторических времен» (1924), биографический очерк об Алишере Навои и др. Эти первые в своем роде работы, констатировал автор монографии, отличавшиеся добротной фактической основой, максимально возможной при тогдашнем уровне знаний, стройностью и последовательностью изложения, предшествовали появлению новых работ по истории народов Средней Азии и объективно в определенной степени облегчали выход в свет последних. Строгая научность текста книги сочетается с доступностью изложения. Обилен ее вспомогательный аппарат, надежно обосновывающий документальную часть книги.

Несмотря на отдельные недочеты (в отдельных случаях: хронологическая непоследовательность изложения, мелкие повторы, реализованность несомненной полезности ознакомления учёных и широкой общественности с содержанием и значением неопубликованных работ В.В. Бартольда по Средней Азии), монография и поныне представляет наиболее полное исследование из всех вышедших о жизни и деятельности академика В.В. Бартольда – одного из корифеев мирового востоковедения.

Труды по историографии снискали Б.В. Лунину репутацию одного из основных зачинателей такого важного направления в области общественных наук, как историография Средней Азии. Так, академик А.Н. Кононов писал, что среди появившихся в тюркоязычных республиках СССР «новых книг (по истории изучения отечественной тюркологии и востоковедения в целом) следует выделить

серию монографий Б.В. Лунина»¹, Академик М.В. Нечкина отмечала, что книга «Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения» представляет собой «большой новый шаг в историографии». Академик Академии наук Туркменистана М.Е. Массон подчеркнул, что Б.В. Лунин – «крупнейший в СССР знаток истории развития знаний о Средней Азии в части общественных наук за два последних столетия»². Проф. В.В. Гинзбург и Т.А. Трофимова отметили, что Б.В. Лунин написал «прекрасный очерк, посвященный деятельности лиц, занимавшихся специально или попутно антропологическим изучением Средней Азии в дореволюционное время». Академик Академии наук Кыргызстана В.П. Шерстобитов считал, что «изыскания Б.В. Лунина в области историографии в своей совокупности стали целым явлением очень большого масштаба и в научном, и в познавательном-воспитательном плане»³. По мнению профессора А.М. Беленицкого (Москва), «неутомимая работа Б.В. Лунина ... по историографии Средней Азии является ... замечательным научным подвигом ...»⁴.

Заведующий кафедрой иранской филологии восточного факультета Ленинградского государственного университета проф. А.Н. Болдырев указывал: «Делается большое и важное дело и делается мастерски ... Все дорожащие честью отечественной науки глубоко признательны Б.В. Лунину»⁵.

Как отмечала проф. В.А. Крачковская, «весьма ценна монография (Б.В. Лунина) «Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении». Особенно полезен обширный раздел «Восточные рукописи. История собирания, изучения, издания» с подразделениями, посвященными собиранию рукописей и актовых материалов. Автор привлек громадный библиографический материал («1412 цитат») и необходимо «переиздание этой нужной книги»⁶.

Крупнейший востоковед В.Ф. Минорский (Кембридж) подчеркнул следующее «Искренне радуюсь деятельности Б.В. Лунина по сохранению памяти уже исчезнувших ученых на основе осуществляемых им архивных изысканий. В науке ушедшие и существующие сливаются в одно содружество. Труды Б.В. Лунина говорят о появле-

¹ Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России // Дооктябрьский период. М. 1982. С. 3, 10.

² Массон М.Е. Культура Туркмении в средние века // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1980. Т. XVII. С. 8.

³ Из собраний Отдела историографии Института истории Академии наук Узбекистана.

⁴ Из собраний Отдела историографии Института истории Академии наук Узбекистана.

⁵ Там же.

⁶ Эпиграфика Востока, XIX. Л., 1969. С. 119.

нии нового имени серьезного и дотошного исследователя, которого не пугают горы материала... Делается чрезвычайно полезное дело. Закрепляется память об ученых пока она жива. Автор стремится найти равнодействующую старых корней и новых деревьев. Кропотливые труды Б.В. Лунина заслуживают высокой оценки»¹.

Известность и признание получили также составленные Б.В. Луниным библиографические очерки о дореволюционных и советских деятелях гуманитарных наук в Узбекистане и частично во всей Средней Азии (биографические очерки, указатель их публикаций и литературы о них). В книгу «Историография общественных наук в Узбекистане» (1974) вошли данные о 65 ученых и краеведах дореволюционного времени, в книгу «Библиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана» (Ч. I, 1976; Ч. II, 1977) – сведения о 232 ученых XX в. Книги эти стали настольными для изучающих историю развития гуманитарных знаний в Средней Азии².

Помимо этого, в различного рода изданиях им напечатаны статьи о жизни и деятельности ряда археологов, историков, востоковедов и краеведов страны (Л.Я. Апостолов, В.В. Бартольд, С.Ф. Войцеховский, Д.Г. Вороновский, В.Л. Вяткин, Я.Г. Гулямов, А.А. Диваев, А.Н. Дьячков-Тарасов, В.Д. Жуков, Ш.Й. Ибрагимов, Г.А. Иноземцев, Е.Ф. Каль, А.Н. Кононов, А.М. Листопадов, М.Е. Массон, Р.Н. Набиев, И.И. Ногин, С.Ф. Ольденбург, Л.В. Ошанин, Г.Н. Прозрителев, Н.Н. Раевский, А.Н. Самойлович, А.А. Семенов, В.Ф. Смолин, И.И. Умняков, П.А. Фалев, В.А. Шишкин, А.Э. Шмидт и др.).

В специальных очерках им были также воскрешены из забвения имена и заслуги туркестанских краеведов, любителей археологии, нумизматики и истории, сподвижников работавших в Средней Азии русских ученых-востоковедов (Абу Сайд Махзум, Акрам Аскар, Мирза Бухари и др.).

Кроме того, следует отметить книги «История исторической науки в Узбекистане. Краткий очерк» (1970, в соавторстве) и «История Узбекистана в источниках [Древний период]». Составитель Б.В. Лунин (1984).

Статьи посвященные археологии и нумизматике «К вопросу о функциональном назначении сфероконических сосудов в связи с

¹ Из писем Институту истории Академии наук Узбекистана от 12 марта 1960 г. и 20 февраля 1963 г.

² Лунин Б.В. Историография общественных наук в Узбекистане. Библиографические очерки. Ташкент: Фан, 1974. – 386 с.; Его же. Библиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана. Ташкент: Фан, 1976. – 439 с.; Его же. Библиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана. Ташкент: Фан, 1977. Т. II. – 424 с.

одним рукописным источником XVI в.» (1961), «Сквозь завесу столетий» (1962), «Неопубликованный текст лекции академика В.В. Бартольда по нумизматике Средней Азии» (1964), «История и древность Туркестана в трудах Всероссийских археологических съездов» (1965), «Под курганом – часы столетий» (1966), «К топографии и описанию древних монетных кладов и отдельных монетных находок на территории Узбекистана. По архивным данным» (1969), «Последние годы деятельности Восточного отделения Русского археологического общества» (1979), «Из истории первых находок и сборов древних монет на территории Туркменистана» (1980), «Прозревая даль времен (Из истории изучения историко-культурного наследия кушан)» (1983)

Из числа публикаций историко-этнографического характера следует выделить: «Из неопубликованных материалов 1876 г. к описанию народного рыбного промысла каракалпаков. По данным из архива Н.И. Веселовского» (1967), «Некоторые данные к изучению социальной направленности кукольного театра Узбекистана» (1973), «Материалы к историографии истории народов Средней Азии и Казахстана конца XVIII – начала XX в.» (1975), «Начальный этап этнографических исследований в Узбекистане. 20-е годы XX в.» (1985).

Борис Владимирович известен также работами в области библиографии. С 1955 по 1979 г. им публиковались ежегодные «Библиографические указатели литературы по археологии, истории, этнографии философии и праву Узбекистана». В их числе: «Библиографический, именной и географический указатели к Протоколам и сообщениям Туркестанского кружка любителей археологии» (1959), указатели литературы по истории и памятникам материальной культуры кушанского периода, истории, культуре и искусству времени Темуридов, истории Бухары, Самарканда, Хорезма и других городов Средней Азии, о жизни и деятельности Абу Райхана Беруни, Ибн Сины и др.

В общей сложности перу Б.В. Лунина принадлежит свыше 500 научных публикаций¹. Под его редакцией Государственной библиотекой Узбекистана имени Алишера Навои и Фундаментальной библиотекой Академии наук Узбекистана изданы первая, вторая и четвертая части фундаментальных указателей литературы по истории

¹ Без учета (за отдельными исключениями) многочисленных научно-популярных и публицистических журнальных и газетных статей общественно-политического и историко-культурного содержания. Указатели публикаций см.: Список научных публикаций Бориса Владимировича Лунина. К 60-летию со дня рождения. Ташкент, 1967. – 32 с. (Академия наук Узбекской ССР. Институт истории и археологии; 316 названий за 1924 – 1967 гг.); Список основных работ доктора исторических наук Б.В. Лунина, опубликованных в 1967 – 1976 гг. Составитель Милибанд С.Д. // Народы Азии и Африки. М., 1976. № 5. С. 191–193; Список за 1967 – 1976 гг. // ОНУ. Ташкент, 1976. № 7. С. 54–57.

Узбекистана, указатель литературы по истории Ташкента, книга, посвященная столетию библиотеки (1870 – 1970)¹.

С 1957 г. Б.В. Лунин являлся членом редакционной коллегии, а с 1967 г. – заместителем главного редактора ежемесячного журнала «Общественные науки в Узбекистане», издаваемого Академией наук Узбекистана.

Б.В. Лунин – ответственный редактор свыше 30 научных трудов (книг) различных авторов и сборников коллективных работ. Он являлся членом Главной редакционной коллегии 14-томной Узбекской Энциклопедии, двух томов «История Самарканда», двух томов «Интеллигенция Узбекистана», второго тома «История Узбекистана», сборников «Научные работы и сообщения (молодых ученых Узбекистана)» и многих других трудов.

Многочисленные публикации Б.В. Лунина увидели свет на страницах таких известных журналов, как «Вопросы истории», «Отечественная история», «Вестник древней истории», «Российская археология», «Наука и жизнь», «История науки и техники», «Народы Азии и Африки» и др.

Б.В. Лунин до самого ухода из жизни не терял связи с Донским краем. В 1949 – 1951 гг. им изданы «Очерки истории Подонья-Приазовья» (I и II книги), в 1960 и 1971 гг. двумя изданиями вышла книга «Степан Разин. Краткий исторический очерк», в 1962 г. – «История Дона. Указатель советской литературы» (в соавторстве). Его перу принадлежат несколько разделов и ряд статей в издаваемых в Ростове-на-Дону научных трудах, сборниках и журналах. В 1985 г. он завершил работу над книгой «Азовская эпопея 1637 – 1641 гг.».

После ухода из жизни в ознаменование заслуг перед мировой исторической наукой имя академика Российской академии естественных наук Бориса Лунина было присвоено одной из улиц в городе Ростове-на-Дону.

Публикации Б.В. Лунина по истории, историографии, археологии, этнографии и исторической библиографии подчеркивают его неизмеримую роль как патриарха узбекистанской историографической школы.

¹ О нем как библиографе см.: Советская библиография. М., 1976. № 5. С. 91-92 и в кн.: Библиография в моей жизни. Ученый, писатель, рабочий, инженер о роли библиографии в их работе и творчестве. М, 1984. С. 91-99.

Тарихшунос Фарход Ҳабибович Қосимов

Макон ва замонда тарих кечди. Тарихчи тарихни оқ қоғозга муҳрлади. Хўш, у қандай тарихни ёзди ва тарихни қандай ёзди. Тарихшунос бу саволга жавоб беришга урнаб кўрди...

Тарихчининг илмий билимлар ривожига кўшган ҳиссасини у яратган тарих манзарасига путур етказмай кўрсатиш, фаолиятининг аксиологик аҳамияти, холис таҳлили ва баҳоси Тарих фани тарихчиси томонидан амалга оширилиб, бу тарихшунос профессионалик даражасининг интеллектуал имкониятларига кўпайтирилганлиги натижасига бевосита боғлиқдир. Чунончи, тарихшунос бу мураккаб жараёнда универсал тарихчи сифатида, яъни – ўтмиш тарих ҳақидаги билимлар соҳаси мутахассиси, айни пайтда бу билимларни моделлаштириш, тақдим қилиш усуллари ва вариантларини билувчи ҳам етказувчидир. Ўзбекистон тарих фанида ана шундай масъулиятни ўз зиммасига олган ва уни олим ибрати даражасида адо этган *Фарход Ҳабибович Қосимов* эди. Тарих фани дарғаларидан бири бўлган Фарход Ҳабибович Қосимов ҳеч муболағасиз Ўзбекистонда тарихшунослик соҳаси тамал тошини кўйган деб эътироф этиладилар.

Фарход Қосимов 1941 йил 10 октябрида қадимий Бухоро шаҳрида таваллуд топди. Бу азим шаҳарга дахлдорлик унинг келажаги, тақдири ва ҳаёт йўлини белгилади. У 1958 йилда ўзининг билимдон ўқитувчилари билан донғи чиққан 10-мактабни тугатганидан сўнг, Бухоро давлат педагогика институтининг тарих-филология факультетига ўқишга кирди. Институтни битиргач Бухоро вилояти Гиждувон туманидаги ўрта мактабда тарих фани ўқитувчиси бўлиб ишлади. 1964 – 1967-йилларда Самарқанд давлат университети тарих факультетида аспирантурада таҳсил олди. 1968 йилда Ўзбекистон Фанлар академияси Тарих институти қошидаги Илмий Кенгашда номзодлик диссертациясини ҳимоя қилди. 1977 – 1980-йилларда Москвада докторантурада илмий-тадқиқот олиб борди ва 1980-йилда докторлик диссертациясини муваффақиятли ҳимоя қилиб, тарих фанлари доктори илмий даражасига эришди. 1967 – 1969-йилларда Самарқанд давлат университетида бир муддат фаолият кўрсатгач, 1969 йил сентябридан то умрининг сўнгги нафасигача (2006 йил 10 декабрь) Бухоро давлат педагогика институтида (1992 йилдан Бухоро давлат университети) ишлади. 1960 – 70-йилларда Бухоро университетида шаклланган зиёлилар гуруҳининг тан олинган етакчиси бўлди: институт газетаси муҳаррири, кафедра мудири, факультет декани, институт ректори лавозимларида фаолият кўрсатди. Совет даврида туғилиб вояга етган Ф. Қосимов бу давр зиддиятлари ва ютуқларини

ўзидан кечирди: уруш ва урушдан кейинги мураккаб замон қийинчиликларидан азият чекди. Ўз даврининг фарзанди сифатида унинг ғояларига ишонса-да, бироқ йўл қўйилаётган хатоликлардан ҳам кўз юммади. Бир сўз билан айтганда мавжуд бюрократик тизимнинг ҳиссиз “мурвати”га айланмади, замонасозлик қилмади. Ҳамма вақт бўлаётган воқеа-ҳодисаларга аниқ позициясига эга бўлган, ўзига хос шахс сифатида ёндашди.

Фарҳод Ҳабибович Қосимов XX асрнинг 60-йиллари охирида “Тарихшунослик” фанми? “Бу соҳа умуман керакми?” деган баҳслар кечаётган бир пайтда фан оламига ўзининг мустақил илмий қарашларига эга бўлган тадқиқотчи сифатида кириб келди. Ўзбекистонда тарихшунослик бўйича биринчилардан бўлиб номзодлик ва докторлик диссертациясини ҳимоя қилди.

Шу ўринда тарихшунослик ҳақида. XX аср ўрталарига келиб Тарих фанида тарихни ёзувчи шахсга нисбатан қўлланилган, кенг маънода ишлатилган тарихшунос, тарихшунослик¹ тушунчаси ва атамасининг янгича илмшунослик мазмуни шаклланди. Яъни, тарихшунослик – бу тарих фанининг тарихи. Бу даврга келиб Тарихшунослик тарих фанининг мустақил бир соҳаси сифатида тарихий билимлар тизимида муҳим ўринга эга бўла борди. Тарихшуносликка бўлган бундай эътиборнинг ошиши тарих фанининг “ривожини”, тарихчиларнинг назарий-методологик муаммоларга бўлган қизиқишининг, катта ҳажмдаги ва турлича тарихшунослик манбаларининг тўпланиши билан бегиланди. Чунончи бу соҳанинг тадқиқот объекти – тарихшунослик манбасига айланган, тадқиқотчилик концепцияси шаклида ифодаланган – тарихий билим ҳисобланади.

Тарихшунослик ҳақида илмий тарихий тадқиқотлар ва тарих фани ривожини ҳақидаги илмий билимлар тизими сифатида фикр юритадиган бўлсак, ватан тарихшунослиги ривожини контекстида 1950-йилларнинг охири, ва 1960-йилларни “тизимли эпизодик” ривожланиш даври деб шартли равишда характерлаш мумкин. Гап шундаки бу даврда тарихшунослик ёрдамчи функцияларни бажарувчи “мавқега” эга бўлиб, унинг предмети атрофида собиқ СССР илмий тарихий доираларида кизгин баҳслар олиб борилаётган эди².

¹ Историография сўзи грекча *istoria* – расследование ва *grajw* – пишу, деган маънони англатиб, унинг аниқ таржимаси – описание расследование. Ҳозирги замон адабиётида тарихшунослик деганда тарих фани тамойиллари ҳақида гап кетиб, умуман тарих фани тарихи; ёки маълум мавзуга доир адабиётлар доираси тушунилади.

² Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. В.Иллерицкого, И.Кудрявцева. М.: Мысль, 1971. – 340 с.; Поликарпов В. «Новое направление» 50-70-х гг.: Последняя дискуссия советских историков // Советская историография. М.: Интекс-РО, 1996. 20-35-бетлар.

Бу мавзу муҳокамасига бағишланган бир қатор илмий анжуманлар тарихшуносликнинг тарихий билимлар тизимида ўз объекти, предмети, функциялари ва вазифаларига эга бўлган махсус соҳага айланишида муҳим омил бўлди.

Бугунги кунга келиб тарихчилар ҳамжамиятида тарихшунослик предметини тарих фанининг тарихидан кўра кенгрок, фанлараро майдонда тушуниш тенденцияси кузатилмоқда. Тарихшуносликни фан сифатида фаншунослик, маданият тарихи, ижтимоий тарихлар туташган ҳолда мушоҳада қилиш қарор топмоқда. Бу муносабат билан илмий билимларни нафақат ишлаб чиқилиши балким унинг истеъмоли ва ёйилиши жараёнига ҳам эътибор берилмоқда. Замонавий тадқиқотчилар тарихшунослик турмуши, маданий макон, ижтимоий маданий анъана, интеллектуал ландшафт, интеллектуал дискурс каби категорияларга тез-тез мурожаат қилмоқдалар. Бу ўринда тарихшунос у ёки бу концепциянинг нафақат тайёр ҳолати, балким индивидуал-шахсий компоненти, вужудга келиш жараёни, ёйилиши, таъсири ва тақдири билан ҳам қизиқмоқда. Бугунга келиб Тарихшунослик тарих фанининг тарихи сифатида интеллектуал тарихнинг бир қисми эканлигини англадик.

Фаншунослик тафаккурида сўнгги ўн йилликлар давомида тайёр билимлардан кўра, унга эришиш усулларига кўпроқ эътибор қаратиб келиняпти. Бу эса ўз навбатида фаол ижодий шахсга, илмий ҳамжамиятлар дунёсига, улар ичидаги норматив белгиловчи қадриятларни ўрганишга бўлган қизиқишни рағбатлантиради.

Бироқ бундай фаншунослик ишланмалари анча қийинчиликлар билан 1960-70-йилларда тарихшунослик таҳлили амалиётига кириб келди. Тарихчиларнинг фаншуносликка бўлган бундай анъанавий эътиборсизлигини коммунистик қоидалар ва совет ғоявий қолиплари занжирида бўлганлиги, шунингдек интеллектуал жараёнларнинг вужудга келиши, кристаллашуви, ва маълум позицияга мужассамлашувини амалда тасвирлашнинг реал қийинчиликлари мавжуд бўлганлиги билан изоҳлаш мумкин.

1968 йилда ЎзФА Тарих институтида тарихшунослик бўлимининг ташкил топиши Ўзбекистонда тарихшуносликнинг мустақил соҳа сифатида ривожланишида муҳим роль ўйнаганлигини алоҳида таъкидлаш лозим. Шу ўринда Ўзбекистонда бу соҳа шаклланиши ва ривожидида мазкур бўлимнинг биринчи раҳбари Б.В. Лунининг хизматларини ҳам эътироф этиш жоиздир¹.

¹ Алимова Д., Зияева Д., Германов В. К 95-летию со дня рождения Б.В. Лунина // Ўзбекистон тарихи. 2001 йил. 3-сон. 58-61-бетлар.

Ф. Қосимов 1960-йилларда Ўзбекистонда тарихшунослик соҳа-сида тамал тошини қўйган олимлардан бири ҳисобланади. Унинг илмий йўналиши ва тадқиқот мавзуси бевосита маълум муаммо тарихшунослиги таҳлилига бағишланди¹.

Авваламбор “муаммо тарихшунослиги” нима ва у “оддий тарих-шунослик” дан қандай фарқ қилади деган саволга жавоб беришга уриниб кўрамиз. Муаммо тарихшунослиги маълум бир муаммони ёритувчи илмий ишлар, у ёки бу муаммо мавзувий “блокларга² кирувчи алоҳида олинган тадқиқотларнинг бирлашмасидир. Муаммо тарихшунослигида “ўрганилаётган масала бўйича турли илмий мактаблар ва йўналишлар концепциялари таҳлили марказий ўринни эгалласа, концепциялар таҳлилида эса уларнинг келиб чиқиши мето-дологияси, концепциялар генезисини ўрганиш ҳал қилувчи аҳамият-га эга”³. Муаммо тарихшунослиги ҳақида гапирадиган бўлсак, бу соҳа Ўзбекистонда 1970-йилларда, Г. Желтова, Ф. Қосимов ва бошқа бир қатор тадқиқотчиларнинг монографик асарлари⁴ чоп этилиши билан вужудга келди. Бу тадқиқотчилик йўналишидаги тизимли иш тўғри-сида шуни таъкидлаш ўринли бўладики, айнан шу даврдан бошлаб нафақат умумлаштирувчи балким, таҳлилий-танқидий мазмундаги капитал асарлар чоп этила бошлади. 1970 – 1980 йилларда муаммо тарихшунослиги ривожлана бориб, бу соҳада жиддий тадқиқотлар амалга оширилди, диссертациялар ҳимоя қилинди⁵, кўплаб мақола-лар эълон қилинди.

XX асрнинг 60-йилларида расмий дунёқараш мафкураси сифа-тида марксизм ҳукмронлик қилган ва партия диктатураси шароитида тарихий тадқиқотларни амалга оширишда буларга хос талаблар ва ғоявий кўрсатмалардан четга чиқиб бўлмас эди. Шунга қарамай Ф. Қосимов илмий таҳлилни имкон даражасида мустаҳкам ғоявий қолиплардан чиқиб, тарихшунослик жараёнини барча мураккаб-

¹ Касымов Ф. Переход народов Средней Азии к социализму, минуя капитализм. Таш-кент: Фан, 1979. – 168 с.; Шу муаллиф. Минуя капитализм: Советская историография перехода народов Средней Азии к социализму. М.: Наука, 1980. – 376 с.

² Бу “блокларни” равшанлаштириш учун шундай мисоллар келтирамиз. Мс., хўжалик ҳаёти тарихшунослиги; маданият, фан, таълим масалалари ҳақидаги адабиётлар; миллий озодлик ҳаракати ҳақидаги илмий билимлар ривож тарихи; в.х.

³ Сахаров А. О некоторых вопросах историографических исследований // Сахаров А.М. Методология истории и историография. М.: Наука, 1981. 151-бет.

⁴ Желтова Г. Социалистическое строительство в Узбекистане (20-30-е годы): Историо-графический очерк. Ташкент: Фан, 1975; Шу муаллиф. Историография социалистичес-кого и коммунистического строительства Советского Узбекистана (1930-1970-е годы). Ташкент: Фан, 1981; Касымов Ф. Переход народов Средней Азии к социализму, минуя капитализм. Ташкент: Фан, 1979. – 168 с.; Шу муаллиф. Минуя капитализм: Советская историография перехода народов Средней Азии к социализму. М.: Наука, 1980. – 376 с

⁵ Алимова Д. Историография решения женского вопроса в Узбекистане. Авт. дис. на соиск уч. ст. к. и. н. Ташкент, 1980.

ликлари ва ички зиддиятлари билан холисона ёритишга уринди. Илмий жамоатчилик шу тўғрисида қимматли мақолаларга эга бўлди.

Ф.Х. Қосимов 1977 – 1980 йилларда Москвада ФА СССР тарихи институти докторантурасида тарих фанлари доктори, профессор В.Шерстобитов илмий маслаҳатчилиги остида тадқиқот олиб борди. Бу йилларда институтнинг “СССР халқлари умумий муаммолари” бўлимини бошқарган академик В.Шерстобитовнинг хотирлашича: «XX аср Ўрта Осиё халқларининг қолоқликдан инсоният тараққиётининг юқори чўққиларига ўтиши миқёси ва кўлами жиҳатидан мисли кўрилмаган давр бўлди. Минтақа (Худуд) ижтимоий ҳаётида рўй берган ўзгаришлар моҳияти ва механизми ижтимоий фан вакиллари - тарихчилар, файласуфлар, социологлар в.б. илмий йўналишларини белгилади. Натижада минглаб нашрлардан иборат катта ҳажмдаги илмий маҳсулот вужудга келди. Тадқиқотлар йўналиши истиқболни белгилашда, уларнинг қимматли, аҳамиятли томонини ажратиб олиш, тадқиқотчилар диққат доирасидан четда қолган муаммоларни аниқлаш учун тарихшунослик таҳлилинини амалга ошириш вақти етганди. Бироқ кундалик ишлар билан ниҳоятда банд бўлган Бўлим жамоаси узоқ вақт мобайнида ниҳоятда долзарб, катта ҳажмдаги бу мураккаб иш билан шуғулланишга кириша олмаётган эдилар. Қолаверса ўзида тадқиқотчилик тажрибаси, иш қобилиятини уйғунлаштирган, муаммони ва регионал адабиётларни ҳар томонлама биладиган мутахассис йўқ эди. Ф.Х. Қосимов билан бўлган мулоқотлардан сўнг, унинг айнан мана шундай сифатларга эга эканлигига ишонч ҳосил қилдим ва бу иш билан шуғулланишни таклиф қилдим. ... Бирмунча иккиланишлардан сўнг Фарҳод Ҳабибович таклифимга рози бўлди. Тез орада мўлжалланган тадқиқот мавзуси нафақат Бўлимда, балким академик М.В. Нечкина раҳбарлик қилаётган тарихшунослик бўйича Илмий кенгашда ҳам маъқулланди. Бошланғич босқичда Ф.Х. Қосимов ва илмий маслаҳатчи сифатида менга бўлажак тадқиқот структураси устида талайгина меҳнат қилишга тўғри келди. Ўнлаб вариантлар ишлаб чиқилди ва бекор қилинди. Биз охири асос қилиб масала назариясини ишланганлик ҳолатини, шунингдек мавзунинг сиёсий, иқтисодий, ижтимоий-маданий жиҳатларини ўрганиш имконини берадиган муаммовий-мавзувий принципда тўхталдик”¹.

Совет даврида Москвада айниқса ижтимоий фанлар соҳасида камдан-кам Ўзбекистонлик тадқиқотчилар докторлик диссертациясини ҳимоя қилишга муяссар бўлар эдилар. Турли хил қийинчи-

¹ Шерстобитов В. Слово о Ф.Х. Касымове // Ибратли умр саҳифалари. Тошкент: Фан, 2007. 89-90-бетлар.

ликлар, тил тўсиғи, талабларнинг мураккаблиги буларнинг барчаси кўпгина тадқиқотчиларни бирмунча чўчитар ва ...

Ф.Х. Қосимов 1979 йилда СССР тарихи институти илмий кенгашида докторлик диссертациясини ниҳоят юксак даражада ҳимоя қилди. Унинг расмий оппонентларидан бири, мазкур институтнинг ўша пайтдаги директори академик Д.Л. Нарочницкий бу тадқиқотни беқиёс ишлар сирасига киритди. Шунингдек ҳимояда иштирок этган академиклар И.И. Минц, М.П. Ким в.б. Фарҳод Қосимовни чин дилдан қутладилар. Бу мамлакат етакчи илмий марказининг ўзбек олимини эътирофи бўлди.

Бундай юқори даражадаги диссертация, Ф.Х. Қосимовнинг тадқиқотини¹ ушбу институт ўз грифи остида “Наука” нашриётида чоп этди. *“Бу институт (ноширлик лимити ниҳоятда чекланган бир пайтда) штатсиз муаллифнинг китобини чиқарган камдан-кам учрайдиган ҳолат эди”*² – деб хотирлайди В.Шерстобитов.

Ф.Х. Қосимовнинг “Минуя капитализм: Советская историография перехода народов Средней Азии к социализму” монографияси конкрет муаммо тарихшунослигига доир бўлсада, айти пайтда тарихшунослик тадқиқотлари мазмуни ва принциплари ҳақида умумий кўрсатмаларга эга эди. Бугунги кунда ҳам ушбу асар ниҳоят катта ҳажмдаги илмий ахборотни ўзида мужассамлаштиргани ва тарихшунослик соҳасида тадқиқотчилик техникаси ва усулларини ўрганишда аҳамиятини йўқотган эмас. Мазкур монография ҳозирга қадар тарихшунослик тадқиқотининг барча: яъни ғоявий-методологик, тарихшунослик, конкрет-тарихий даражасида бажарилган энг мукамал намунаси ҳисобланади. Китобда тарихшунослик тадқиқотини кенг назарий методологик контекстга киритиш зарурати асослаб берилган бўлиб, бу ижтимоий-сиёсий воқеликни тарих фани ривожининг ҳар бир босқичига таъсирини тан олишни англатар эди.

Фарҳод Ҳабибовичнинг тарихшунослик иши ҳақида фикр юритар эканмиз, у тузилишига кўра ўрганилаётган мавзуга доир барча манбаларни имкони борича тўла жалб қилишга асосланган бўлиб, (олим таъбири билан айтганда “историографическая полнота”) деталлаштирмаган ҳолда амалга оширилган чуқур таҳлил эса, унинг тадқиқотчилик майдонини ташкил қилибгина қолмай, олим “тарихшунослик маданиятининг анъанавий юқори даражаси”ни ҳам белгилайди. Тарихшуносликни турли синфларнинг сиёсий ғоялари ва дунёқарашлари тарихи соҳаси билан чегаралаб қўйиш мумкин

¹ Касымов Ф. Минуя капитализм: Советская историография перехода народов Средней Азии к социализму. М.: Наука, 1980. – 376 с.

² Шерстобитов В. Слово о Ф.Х. Касымове ... 91-бет.

эмаслигини огоҳлантириб, тарихий билимлар ривожининг ички мантиғи мавжудлигини таъкидлайди. Тарихшуносликнинг яхлит, тизимли, табиатини асослар экан, тарих фани ривожини ички қонуниятларини аниқлаш ва англашни унинг ажралмас вазифаси деб ҳисоблади. Олимнинг тарихшунослик фаолияти давомида унинг тадқиқот предметини амалда нафақат тарих фани тарихи балки тарихий тафаккур тарихи белгилаганлигини кузатамиз. Бошқача айтганда тарихий билимлар тўпланиш, тадқиқотчилик услубларининг такомиллашуви жараёнини ёритиш билан бирга, тарихий англаш ривожининг умумий қонуниятларини аниқлаш инсон ижтимоий фаоллигининг алоҳида бир шакли сифатида муҳим ўрин тутганлигини кўра-миз. Катта илмий салоҳият, таҳлилий тафаккур соҳиби бўлган бу олим, тарихшуносга хос илмий интуицияси кучлилиги билан фан истиқболини кўра билишда юксак маҳоратга эга эди. Илмий тадқиқотлари диапозони кенглиги, ўз ишига ниҳоятда масъуллик ва жиддийлик билан ёндошиш, ҳозиржавоблиги билан ажралиб турар эдилар.

XX асрнинг 1986 – 1992 йилларида Ф.Ҳ. Қосимов Бухоро давлат педагогика институтининг ректори лавозимида ишлади. Унинг ректорлик фаолияти совет жамиятида турғунлик ва инкироздан қутулиш учун “демократия ва ошкоралик” шиори остидаги қайта қуриш йилларига тўғри келди. Оқибати ўйланмаган, сохта шиорлар остида амалга оширилган бу сиёсат жамият ҳаётида туб ўзгаришлар ибтидоси ва одамлар тафаккурида ўзлигини англаш, тарихий ҳақиқатни тиклаш жараёнини бошланишига туртки бўлди. Бир томонда умри интиҳосига етган СССРни сақлаб қолишга уринаётган кучлар, иккинчи томонда вужудга келган имкониятдан фойдаланиб, миллий ўлкаларда миллий ўзликни англаш, миллий тил, миллий давлатчилик асосларини тиклаш йўлидаги соғлом кучлар ўртасидаги маънавий тўқнашувлар авж олди. Ана шундай мураккаб, зиддиятлар авж олган пайтда институт жамоасини бошқариш, талабаларни таълим ва тарбия жараёнини ташкил қилиш ва тўғри йўналтириш ректор Ф.Қосимовдан эҳтиёткорлик, маслага йўлида собитқадамлик, ўрни келганда катта жасорат ҳам талаб қилди. Бу давр олим ҳаётининг илмий, маъмурий, давлат ва жамоатчилик ишининг энг қизгин палласи бўлиб, Ф.Ҳ. Қосимов ректорлик лавозимида ишлаган йиллар Бухоро давлат педагогика институти (университети) ривожидан муҳим босқич бўлди. Бу илм даргоҳига иқтидорли, илмий тадқиқот истагида бўлган истеъдодли, ташаббускор ёшларни қабул қилишга алоҳида эътибор қаратилди, талабалар, ўқитувчилар, илмий ходимлар сони ошди. Университетнинг моддий-техника базаси мустаҳкамланди.

Фарход Ҳабибович университет жамоаси эътиборини ўқув жараёнини такомиллаштиришга, илмий изланишлар самарадорлигини оширишга қаратди. Янги илмий йўналишлар, мутахассисликлар, кафедралар, лабораториялар вужудга келди. Раҳбарнинг тарихчи эканлиги эса тарих факультети ҳаётида алоҳида аҳамият касб этди. Унинг шахсий ва илмий алоқалари натижаси ўлароқ Москва, Тошкент, хориждан етакчи тарихчи олимлар маъруза ўқишга таклиф қилиндилар. СССР ФА Тарих институтининг олимлари, тарих фанлари доктори Л.У. Юсупов, Ш.Ф. Мухаммадьяровлар, Германиялик олима Ингеборг Бальдауф, ЎзР ФА Тарих институтининг етакчи илмий ходимлари махсус курслардан талабаларга дарс ўтдилар. Бу амалиёт ҳозирда ҳам давом этмоқда, академик институт тадқиқотлари натижалари махсус курслардан маърузалар орқали талабаларга етказилиб, фан ва таълим муштараклиги таъминланмоқда. Ф. Қосимов раҳбарлиги йилларида юқори малакали тарихчи мутахассисларни тайёрлашга алоҳида эътибор қаратилди. Тарих факультети институтдаги энг илғор жамоа, институт эса Республика олий мактаблари орасида пешқадамлардан бири бўлди.

Ф. Қосимовнинг ректорлик давридаги бошқарув усулини унинг замондошлари *“Фарход Ҳабибович XXI асрга хос раҳбар эди. Европача, дунёвий стилдаги раҳбар эди”*¹, – деб эътироф этишади.

Раҳбарлик лавозими унга эришган ҳар инсон учун маълум маънодаги “лакмус қоғози”. Инсоннинг моҳияти ва чин сифатлари айнан шу жараёнда намоён бўлади.

*“Фарход Ҳабибович бу лавозимда (ректорлик) зоят маҳорат ва тадбиркорлик билан ишлади. Ҳатто унга гараз нияти билан боқиб, турфа ташкилотларга “сермазмун” хатлар йўллаган касбдошларига ҳам ёмонликни соғинган эмас”*².

Раҳбарлик лавозимида иш тақозоси билан баъзида ноўрин, ноҳақ хафа қилган ҳамкасбларидан пайти билан узр сўраш, хатосини тузатишни *“илмига амали бўлган мард одамлар тан олади”*³ деб баҳолашди. Қолаверса, *“... Замона зайли, мансабларнинг шон-шухрати насл насаби пок олимнинг феъл-атворида таъсир этмади. У ҳеч қачон, ҳатто лавозимларда ўтирганида ҳам кибру ҳавога берилмади. Виждон амрига қулоқ тутиб, ҳалол-пок умргузаронлик қилди”*⁴.

¹ Абдуллаев С. Слово о моём учителе // Ибратли умр саҳифалари. 11-бет.

² Воҳидов Р. Одамийлик ва тарих илмида Фарход эди // Ибратли умр саҳифалари. 25-бет.

³ Азимов С. Илм амали билан шарафлидир // Ибратли умр саҳифалари. 13-бет.

⁴ Азимов С. Илм амали билан шарафлидир ... 12-бет.

Ф.Ҳ. Қосимов Бухорода яшаб ижод қилган бўлсада вилоят ва марказни боғлаб турган залворли бир занжир бўлдилар. Фарҳод Ҳабибовичнинг номзодлик ва докторлик диссертацияси устида ишлаш ва ҳимояга тайёргарлик жараёни маълум маънода Ўзбекистонда тарихшунослик тадқиқотлари маркази бўлган ФА Тарих институтида кечди. Олимнинг илмий фаолияти то умрини охиригача бевосита мазкур даргоҳ билан чамбарчас боғлиқ бўлди.

“Фарҳод Ҳабибович Тарих институти тарихшунослик бўлимида докторлик диссертацияси муҳокамасида нутқи, фикрларининг теранлиги, муаммони тақдим қилишда ўзига хослиги билан барчани мафтун қилиб, бетакрор бир таассурот қолдирдиларки, шу пайтдан бошлаб бўлимдагилар ва бошқа тадқиқотчилар учун “оқ ҳавас” предметиға айландилар” - деб хотирлайди профессор Д.Алимова.

Фарҳод Ҳабибович ЎР ФА Тарих институтида илмий тадқиқотларни мувофиқлаштирувчи кенгаш, Докторлик ва номзодлик диссертациялари ҳимояси бўйича ихтисослашган Кенгаш, Ўзбекистон тарихчиларини махсус нашри “Ўзбекистон тарихи” журнали таҳририяти аъзоси эдилар. Институтда тарихшунослик тадқиқотларига оппонентлик қилиш ёки тақриз бериш ҳақида масала турганда биринчи навбатда Бухоро ва Ф.Ҳ. Қосимов номи тилга олинарди. Фарҳод Ҳабибович институт илмий кенгашлари ишида имкони борича фаол иштирок этишга ҳаракат қилиб, ўз фикр-мулоҳазаларини принципал бир тарзда тақдим қилар эдилар. (Бухоро ва Тошкент ўртасида мунтазам қатнаш қанчалик қийин бўлмасин, айниқса соғликлари панд берган пайтда.) Ф.Ҳ. Қосимов “Ўзбекистон тарихи” журналининг доимий муаллифларидан бири эди. Ўзбекистон тарихининг долзарб мавзуларига оид мақола сўраб мурожаат қилганимизда, журналга тақдим қилинаётган мақола мавзусига, матнни равон тарзда ўқувчига етказишга жиддий аҳамият берардилар. Умуман илмий тадқиқотларга ниҳоятда масъулият билан чуқур, кенг ёндошув, ҳар бир жумлага сайқал бериш ва бетакрорлик Ф.Ҳ. Қосимов салоҳияти ва қаламига хос эди¹.

Ф. Қосимов фаолиятининг яна бир муҳим ва асосий қирраси бу педагоглик эди. У Бухоро давлат педагогика институти (университети) тарих факультетида талабаларга “Тарихшунослик”, “Ўзбекистон тарихи” фанларидан, “Ўрта Осиё ва Россия муносабатлари”, “Тарих фалсафаси”, “Махсус тарих фанларини ўқитиш услубиёти”, “Тарихшунослик муаммолари” каби махсус курслардан маъруза ўқиди. Тарих фани истиқболи, уни етук кадрлар билан таъминлаш мақсадида

¹ Алимова Д., Асадова Ш. Илмни азиз, фанни муқаддас деб билар эди // Ибратли умр саҳифалари. 15-18-бетлар.

Жаҳон тарихи кафедраси хузурида “Тарихшунослик, манбашунослик ва тарихий тадқиқотлар усулиёти” ихтисослиги бўйича магистратура очилиши ташаббускори бўлди.

Фарход Ҳабибовичнинг маърузалари янги илмий ахборотга бойлиги ва тафаккурининг теранлиги, шахсига хос бўлган дилраболик, чексиз эрудиция каби сифатлар талабаларни унга сари интилишларини кучайтирарди. Бир қарашда ниҳоятда жиддий ва салобатли кўринган бу ўқитувчи талабалар билан эркин муносабат ўрнатиш маҳоратига эга эди.

Фарход Ҳабибович таълим жараёнида илмий иш олиб боришга иқтидори ва мойиллиги бор талабаларни маслаҳатлари билан илмий йўналтириб, тадқиқотчилик фаолиятига рағбатлантирар ва қўллаб-қувватлардилар. Тарих ва фалсафа соҳасида номзодлик ва докторлик илмий даражасига эришган бу талабалар устоз номини чуқур эхтиром ва миннатдорлик билан ёдда тутадилар. Улар: Г. Наврўзова, А. Жумаев, У. Рашидов, К. Мастонов, С. Раупов, Ҳ. Тўраев, З. Саидова, М. Курбнова, М. Орипова, Ш. Асадова, Ш. Ҳайитов, А. Ҳамроев бу рўйхат тўлик эмас ва уни анчагача давом эттириш мумкин. Фалсафа фанлари доктори, профессор Г. Наврўзованинг эслашича: *“Устозимиз Қосимов Фарход Ҳабибович ўша вақтдаёқ (бу XX асрнинг 70-йиллари) ҳозирги кун талабида бўлган ўқитишнинг илғор педагогик технологиялари асосида маъруза ва амалий машғулот ўтардилар. У киши тарихий воқеа ҳақидаги асосий факт ва зояларни айтиб, “Сизнингча бундан кейин воқеалар қандай ривожланган?” – деб, аввал бизнинг фикримизни олиб, кейин воқеанинг асл ҳолатини баён этардилар. Натижада талабалар маърузаларда фаол қатнашарди ва хотираларимизда мустаҳкам сақланарди”*¹.

Фарход Ҳабибовичнинг юриш-туриши, ўзини тутиши, касбига муносабати талабалар учун намуна мактаби ва тақлид манбаси эди. *“Дид билан ораста кийинган, ўзбек, рус ва тожик тилларида равон сўзлашадиган, ўз фанини чуқур биладиган, самимий устозимизга ҳавас қилардик, маърузаларидан қолмасликка интилардик”*².

*“... илмга жиддий муносабатда бўлган тарих факультети талабаларидан кўпчиликлари кийинишда, қаддини рост тутиб қўл ташлаб юришда, нутқ ифода этишда домладан ўрнак олишга ҳаракат қилишар, унчалик ўхшамасада имкон қадар ўхшатишга интилишарди”*³ – деб хотирлайди тарих фанлари доктори Ш. Ҳайитов.

¹ Наврўзова Г. Устози аввал // Ибратли умр саҳифалари. 53-бет.

² Орипова М. Устозим ҳақида // Ибратли умр саҳифалари. ... 57-бет.

³ Ҳайитов Ш. Илмда устоз, ҳаётда ибрат // Ибратли умр саҳифалари. ... 105-бет.

Фарход Ҳабибовичдан талабалик йилларида сабоқ олган, кейинчалик бир кафедрада хизмат қилган Азалшо Ҳамроев: *“Мен ўз устозимдан китобнинг қадрига етиш, китобсеварлик фазилатини ҳам ўрганганман. Домланинг бой кутубхонаси бўлиб, мен бир неча бор китоблари дид билан терилган шу кутубхонага кириб, ўзимга керакли манбаларни ўқиш учун олардим. ...Илмий ишим юзасидан В.В. Бартольднинг асарлари тўпламидан фойдаланишга тўғри келиб қолди. ...Мен китобларнинг тўлиқ тўпламини бериб туришга домлани кўндиришга муяссар бўлдим. Шунда эртаси куни домла келиб: “Мен гўёки бир нарсамни йўқотган одамга ўхшаб қолдим. Мени хазинамнинг энг сара гавҳарлари бўлмиш бу китоблар ҳеч қачон кутубхонамдан ташқари чиққан эмас эди. ... биринчи марта китоблар кутубхонамни тарк этдию, мен ҳам кечқурун ухлагандек бўлмадим”, – деганларида устознинг китобга бўлган меҳрлари нақадар баланд эканлигини ҳис қилган эдим”¹* – деб эслайди.

“Устознинг яна бир ибратли хислатлари – шогирдларнинг муваффақиятидан фахрланиш, истеъдодини ҳурматлаш эди. Газетада, журналда, бирор мақоламизни ўқиб қолсалар, телевидениедаги чиқишларимизни кўриб қолсалар, албатта бизни табриклар эдилар. Ҳар бир табрик – бир дуо эди”²–деб хотирлайди тарих фанлари доктори Ҳалим Тўраев.

Ф.Ҳ. Қосимов тарих соҳасидаги илмий ишларга раҳбарлик қилиб, Ўзбекистонда олий малакали мутахассис кадрларни тайёрлашга муносиб ҳисса қўшди. Унинг илмий раҳбарлигида Ш. Мухамедов, У. Рашидов, У. Темиров, Ф. Аминов, Л. Мухаммаджонова, Г. Остонова “Ватан тарихи”, “Тарихшунослик, манбашунослик ва тарихий тадқиқот усуллари” ихтисослиги бўйича номзодлик диссертацияларини ҳимоя қилдилар³. Ўз соҳасининг йирик билимдони бўлган Ф.Қосимов шогирдларини кам ўрганилган ва долзарб муаммоларни тадқиқ қилишга йўналтирди. Зотан бу муаммоларнинг ҳал қилиниши том

¹ Ҳамроев А. Китобга меҳр // Ибратли умр саҳифалари. ... 113-114-бетлар.

² Тўраев Ҳ. Устоз ҳақида // Ибратли умр саҳифалари. ... 80-бет.

³ Мухамедов Ш. Историография коммунистических организаций Средней Азии (1917-1925 гг.) Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1990. 25 с.; Рашидов У. Освещение деятельности Советов Узбекистана в советской исторической литературе (1917-1990 гг.) Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент: ТашГУ, 1991; Темиров У. Освещение проблемы индустриализации Узбекистана в советской исторической литературе. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент: ТашГУ, 1992.; Аминов Ф. 1920-1930-йилларда Марказий Осиёда амалга оширилган ижтимоий-иқтисодий ва маданий ўзгаришларда халқлар ҳамкорлиги тарихшунослиги. Тарих фанлари номз. дисс. автореф. Самарқанд: СамГУ, 1995.; Мухаммаджонова Л. Общественно-политическая ситуация в Бухаре в начале XX века и развитие демократического движения (1908-1920 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент: ИИ АН РУз, 1999. – 32 с.; Астанова Г. Историография политических процессов в Бухаре в (1920-1924 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент: ИИ АН РУз, 2008. – 30 с.

маънода тарихшунослик жараёнини англашни бойитишга хизмат қилди. Фарход Ҳабибович шогирдларига тарихшунослик тадқиқотини олиб бориш методикасини, энг муҳими – тарих, унинг жамият ҳаётидаги ўрни ва аҳамиятини англашни кунт билан ўргатди.

Фарход Ҳабибович ўз ўқувчиларини ҳурмат қилар ва улар билан ишлай олар эди. Ўзининг ниҳоятда бандлигига қарамай уларнинг ишини синчковлик билан ўқишга, таҳлил қилишга вақт топар, тажрибаси ва илмий маслаҳатини, қўлидан келган ёрдамини аямаслик, уларнинг илмий истиқболи ҳақида қайғуриш Қосимовга хос эди. 2006 йилнинг октябрь ойларида Тошкентга, Тарих институтидаги Докторлик ва номзодлик ҳимояси бўйича ихтисослашган илмий Кенгаш йиғилишига ташриф буюрган Ф.Қосимов институт директори, илмий Кенгаш раиси Д. Алимова ҳузурига кириб, соғлигининг ёмонлашгани, юрак хуружи тез-тез безовта қилаётгани ҳақида гапириб, чўнтақларидан бир ховуч турли хил дориларни кўрсатиб, шогирдларининг илмий ишига раҳбарлик ва ҳимояси тақдирини институт етакчи ходимларига, соҳа олимларига ҳавола этишни таклиф қиладилар. *“Фарход Ҳабибовичдан бу каби шикоятни биринчи марта эшитдим. “Сизга касаллик ва ундан шикоят қилиш асло ярашмайди. Илмий кенгаш фаолиятида Сизнинг иштирокингиз жуда муҳим, тарихшунослик ихтисослиги бўйича мутахассислар ҳали ҳам камчил, қолаверса бу соҳа бўйича кадрлар тайёрлашда раҳбарлик ва илмий тажрибангиз зоятда керак”,- дедим. Афсус, бу менинг кўп йиллик илмий сафдошим, ҳаммаслагим Ф.Қосимов билан бўлган сўнгги суҳбатим экан”¹, - деб хотирлайди профессор Д.Алимова.*

Маълумки, илмий анжуманлар олим тадқиқотчилик фаолияти натижаларини жамоатчиликка етказадиган асосий минбар ҳисобланади. Фарход Ҳабибович ўз умри давомида ана шундай минбарлардан кўплаб марталар туриб ҳамкасабаларига, жамоатчиликка илмий мушоҳадаларини тақдим қилди. Авваламбор Ф.Ҳ. Қосимов ўзи фаолият кўрсатаётган БДУ Тарих факультети ва институт илмий анжуманларида талабалар ва касбдошлари олдида тарих фанининг ютуқлари ва муаммолари, тарихшуносликнинг долзарб масалалари ҳақида маърузалар қилиб, ўзига хос бир илмий муҳитни шакллантирди. Қолаверса Ўзбекистон тарихига доир билимларни, Ўзбекистон тарих фани ютуқларини республика, халқаро микёсдаги анжуманларда (Тошкент, Самарқанд, Бухоро, Москва, Варшава, Париж) юксак масъулият ва маҳорат билан тарғиб қилдилар. Тилга ва талаффузга ниҳоятда эътиборли бўлган, нутқ маданиятини мукаммал ўзлаштир-

¹ Профессор Д. Алимова билан бўлган шахсий суҳбат.

ган, чиройли овоз соҳиби жумлаларни ипга маржон терилганидек тизиб, ўзбек ва рус тилларида бир хилда равон маъруза қилганида, тингловчилар диққатини тамомила ром этиб, эҳтиромини қозонди.

“... 2006 йилнинг 7 декабрда шаҳримиздаги (Бухоро) Абу Али ибн Сино номли саройда Ўзбекистон Конституцияси қабул қилинганлиги муносабати билан тантанали йиғилиш бўлиб ўтди. ... Домламиз Ўзбекистон Конституциясига бағишлаб 40-45 дақиқа маъруза қилиб, бахтимиз қомусининг мамлакатимиз ва халқимиз ҳаётидаги тарихий ўрнини илмий нуқтаи назардан тушунтириб бердилар. Лекин йиғилиш аҳли шунда Фарҳод Ҳабибовичнинг нотиқлик санъатидан охирги марта баҳраманд бўлаётганини билмас эди”¹.

Ф.Ҳ. Қосимов сийратининг яна бир сифати бу муносиблик. Юртига, оиласига, фарзандларига, устозларига, эътиқодига, касбу-корига муносиблик-бу унга хос бетакрор фазилат эди.

Фарҳод Ҳабибович туғилиб ўсган юрти Бухорони муносиб фарзандлик меҳри билан жуда қаттиқ севар, жаҳон цивилизациясидаги бу қадим шаҳар тарихининг зукко билимдони ва тарғиботчиси эди. Бухоро тарихига доир юздан ортиқ илмий мақолалари ва асарлари² Бухоро тарихини абадийлаштириш ва авлодларга етказишдаги олимлик ҳиссаси бўлди.

Бухоролик тарихчилар уни вилоят Тарихчилар жамиятининг раиси бўлишга муносиб кўрдилар. Профессор Ф. Қосимов “Ўзбекистонда демократик жамият куриш назарияси ва амалиёти” (Президент И.А. Каримов асарлари асосида) фанидан илмий унвон ва даражаларга талабгорлардан қабул қилинадиган махсус имтиҳон комиссиясининг минтақавий раиси, вилоят Топономик комиссияси, Фахрийлар кенгаши аъзоси, БухДУ Фахрийлар Кенгаши раиси каби жамоатчилик вазифаларини масъуллик билан бажарди.

Устозлар ўғитига содиқлик, унга шогирдларни ҳам даъват қилиш Ф. Қосимов феълининг яна бир сифати эди. Фарҳод Ҳабибович билан турли йилларда бир мактабда таълим олган, кейинчалик домла билан бир кафедрада ишлаган М.Қурбонова шундай хотирлайди:

“... Мактабимиз ўқитувчилари бутун илмини тўкиб солганидан, тарих-филология факультетини тугатганларидан, (балки гайбдан

¹ Рашидов У. Устоз отадек улуғ // Ибратли умр саҳифалари. ... 64-бет.

² Қосимов Ф.Ҳ. Бухоро республикаси тарихшунослиги. Бухоро, 1995. – 85 б.; Шу муаллиф. Драма революция и правда истории. (Формирование историографии советизации Бухары и Хорезма). Бухара, 1996. – 86 с.; Шу муаллиф. Темурийлар даврида Бухоро. Бухоро, 1996. – 91 б.; Шу муаллиф. Бухоро-Париж: асрлар садоси (ўзбек ва француз тилларида). Бухоро, 1997. – 197 б.; Бухоро: тарих саҳифалари. Мақолалар тўплами. (Масъул муҳаррир Қосимов Ф. Ҳ.) Бухоро, 1999. – 183 б.

берилган истеъдоддандир) Фарҳод Ҳабибович истаган мавзуда имловий хатосиз ижод қила олар ва биз шогирдларни ҳам шунга ўргатар эдилар. Устоз ушбу ўғитни такрорлашдан чарчамас эдилар: “10-мактабни тугатганлар хатосиз ёзиши керак!”¹.

Фанга ҳалол хизмат қилиш, билимдонлик ва ҳамиша ўз устида кунт билан ишлаш, камтарлик, принципиаллик каби сифатлар Ф.Ҳ.Қосимов сиймосида мужассамлашди. Касбдошлари ва бўлажак олимлар учун бу инсон тимсоли муносиб намуна бўлишдек меросга айланди.

“Фарҳод ака вафотидан биров кейинроқ бир даврада у кишининг фазилатлари ҳақида гап борганда кекса тарихчи олим Воҳид Қурбонов изтиробли ўкинч билан шундай деди:

– Фарҳод Ҳабибович сиймосида илму фан улкан олимидан, Бухоро эса суюкли фарзандидан айрилиб қолди, биродарлар... Фарҳоджон ҳақиқий олим, ҳақиқий одам эди. ... Ҳақиқий зиёли эди...

Домланинг бу сўзлари давра аҳли суҳбатига энг муносиб хулоса эди”².

Ф.Ҳ. Қосимовнинг олим, педагог, жамоат арбоби сифатида шаклланиши Бухоро ва Самарқандда кечди (1967-1969 йилларда Самарқанд давлат университетиде ишлади). Энг азиз ва қадрдон дўстлари ҳам шу ерда қолди. Ҳаётининг асосий мазмуни Бухоро билан боғлиқ бўлди у, на Самарқанд ва Москвада ишга қолиш, Тошкентда раҳбарлик лавозими таклифига кўнди. 1980 йилда Москвада докторлик диссертациясининг муваффақиятли ҳимоясидан сўнг “Институт маъмурияти (СССР ФА СССР Тарихи институти) Фарҳод Ҳабибовични Москвага ишга ўтказиш масаласини қаттиқ қилиб қўйди. Бу таклифга хушмуомалалик билан берган рад жавобини Фарҳод, одатий ҳаёт тарзини ўзгартириш кеч эканлиги, қолаверса ватанида кўпроқ фойдаси тегиши билан асослади”³. Унинг ҳаёти ва илмий ижод йўли бунинг амалдаги исботи бўлди.

¹ Қурбонова М. Устознинг бебаҳо ўғитлари // Ибратли умр саҳифалари. ... 93-бет.

² Воҳидов С. Дарёдиллик // Ибратли умр саҳифалари. ... 28-бет.

³ Шерстобитов В. Слово о Ф.Х. Касымове // Ибратли умр саҳифалари. ... 91-бет.

ГЛАВА IV

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ УЗБЕКИСТАНА В ТРУДАХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ XX ВЕКА

“Sovetological Islamology” : история академического тренда в исследованиях и персоналиях (1940 – 1980-е годы)

Вопросы религиозной жизни мусульманского населения и в целом проблемы ислама в советский период являются одними из важнейших и ключевых в истории Узбекистана XX столетия и в последние годы неизменно концентрируют на себе все больший интерес отечественных исследователей-исламоведов. Между тем, в западной англо-американской¹ историографии, начиная со второй половины XX в., был накоплен значительный научно-теоретический и практический задел в данном направлении, требующий, на наш взгляд, тщательной обработки, систематизации и анализа.

Системное и целенаправленное изучение Центральной Азии в англо-американской историографии приходится на события, следовавшие после Второй мировой войны, когда вследствие начавшейся «холодной войны» – идеологического и военно-политического противостояния между двумя антагонистическими системами и блоками, возглавляемыми США и СССР, в западной науке происходит формирование самостоятельной дисциплины – *советологии* – направления научных исследований, получившего развитие в США и Западной Европе и концентрировавшегося на комплексном исследовании СССР.

Одним из приоритетных направлений советологии являлось изучение различных аспектов исламской религии и ее эволюции в мусульманских зонах советского государства, и в частности в Центральной Азии на протяжении советского периода. Обширный корпус работ по данному вопросу, опубликованный в англо-американской историографии на протяжении второй половины XX в., по тематической направленности, характеру публикаций и методам исследования формировал специализированную суб-дисциплину в рамках советологии, названной одним из видных американских

¹ Используемый нами термин «англо-американская историография» подразумевает западные англоязычные работы, а также работы американских исследователей на английском языке.

исследователей-исламоведов Девином ДеУизом «советологическим исламоведением»¹.

В процессе своей эволюции на протяжении большей части второй половины XX века советологическое исламоведение пережило процесс расширения предметного поля, совершенствования методологического инструментария, а также институционального оформления посредством формирования специализированных научно-исследовательских центров и отделов при университетах, организацию профилирующих периодических изданий и т.п.

Попытаемся рассмотреть основные идейные и структурные предпосылки формирования советологического исламоведения, институциональное формирование и становление данного академического направления, расширение предметного поля.

Также попытаемся осветить отдельные стороны биографии и научной деятельности видных западных исследователей, в контексте деятельности различных национальных школ, публикации которых формировали дискурс, «задавали тон и направленность» центрально-азиатского советологического исламоведения, а также проанализировать их научно-исследовательские подходы в изучении данного вопроса.

Кроме того, отдельное внимание будет уделено штрихам биографии и научного творчества Александра Беннигсена и Эндерса Уимбуша, чьи труд и деятельность оказывали непосредственное влияние и формировали академическую повестку данного академического направления.

Зарождение и эволюция англо-американских научных центров по изучению ислама в Центральной Азии советского периода

Октябрьский переворот 1917 г. в России и последующее включение центральноазиатских республик в состав вновь образованного государства большевиков, антагонистичного по своей сути, обусловили рост интереса к данному региону. Как отмечал известный американский историк и политический деятель Дж. Кеннан, «русской революции» принадлежит «... статус значительного политического события нынешнего века»². Историческая наука США восприняла переворот 1917 г. и его последствия в качестве «мирового катак-

¹ DeWeese D. Islam and the legacy of Sovietology: A Review Essay on Yaacov Roi's Islam in the Soviet Union, in: *Journal of Islamic Studies*. Oxford Centre for Islamic Studies, Vol. 13:3, 2003. P. 298.

² Kennan G. The Russian revolution. Fifty years after. Its nature and consequences // *Foreign Affairs*, 1967. October. P. 10.

лизма», как разрушение естественного состояния общества, как уничтожение прав отдельных государств на самостоятельное существование и развитие. Именно поэтому вскоре после данного исторического события в США начинается бурный интерес к сбору информации и детальному изучению истории народов СССР, в частности центральноазиатских республик. При этом англо-американская ветвь западной историографии на всем протяжении XX в. приобретает позиции доминирующего направления в формировании и развитии научно-исследовательских дискурсов по изучению Центральной Азии. Таким образом, октябрьский переворот в значительной степени повлиял на формирование основ «буржуазной» историографии.

Дальнейший рост антагонизма между двумя системами обусловил формирование на Западе таких направлений идеологической мысли, как «антисоветизм» или «антикоммунизм» – совокупности идей, идеологий и политических доктрин, направленных против коммунистической идеологии, соответствующих политических течений и методов правления. Важным и неотъемлемым компонентом данного направления стала его научно-исследовательская составляющая, условно втиснутая советской историографией в рамки «академического антикоммунизма»¹.

События, последовавшие после окончания Второй мировой войны, в значительной степени обострили противостояние двух антагонистических систем, негласное соревнование между двумя крупнейшими державами того периода – СССР и США. В истории данный период получил название «холодной войны», и его характерной особенностью стала глобальная геополитическая, экономическая и идеологическая конфронтация между Советским Союзом и его союзниками, с одной стороны, и США и их союзниками – с другой, длившаяся с середины 1940-х до начала 1990-х годов – периода, когда происходит распад СССР.

Так как важное место в системе антисоветизма отводилось сбору и анализу сведений о Советском Союзе, именно к этому времени следует отнести формирование *советологии* – направления научных исследований, получившего развитие в США и Западной Европе и концентрировавшегося на комплексном исследовании СССР. Объектами исследования советологии в первую очередь являлись: философия марксизма-ленинизма, коммунистическая идеология, внутренняя и внешняя политика СССР, экономика и политическая

¹ Марушкин Б.И. История в современной идеологической борьбе // Строительство социализма в СССР сквозь призму антикоммунистической историографии США. М.: Мысль, 1972. С. 13.

история, социальная структура общества, право, география, искусствоведение, демография, культура и религия. Следовательно, советология представляла собой своего рода универсальную научную дисциплину, занятую изучением «советского феномена» во всех его проявлениях, а потому объединяла несколько самостоятельных отраслей знания.

Важное значение в системе советологии отводилось изучению ислама в традиционно мусульманских регионах СССР, и в частности в центральноазиатских республиках. Следует отметить, что ислам и религиозная политика в Центральной Азии были и остаются объектом пристального внимания западных исследователей. Как отмечает американский исследователь Девин ДеУиз даже *«несмотря на развал советского государства, изучение религиозной жизни традиционно мусульманского населения бывшего СССР продолжает оставаться доминирующей среди академической «традиции», которая может быть названа «Советологическим исламоведением»*¹.

В целом, советологическое исламоведение было сконцентрировано на комплексном изучении ислама и религиозной жизни населения в мусульманских районах советского государства, в частности в Центральной Азии, чтобы лучше понять влияние советской эры на жизнь мусульман. Данное направление советологии получило в нашем исследовании название «центральноазиатское советологическое исламоведение».

Бесспорен тот факт, что одной из причин интенсивного интереса западных исследователей к мусульманской Центральной Азии являлось геополитическое расположение региона, который, по мнению американского исследователя Эдварда Оллворта, *«...имеет особое значение для осведомленных людей», так как «он (Центральноазиатский регион. – Х.А.) играл и играет важную роль во внешних отношениях Советского Союза, Народной Республики Китая, стран Ближнего Востока, и Южной Азии. Говоря вкратце, Центральная Азия имеет ключевое значение по причине своего геополитического расположения между землями Запада и Востока, Севера и Юга»*².

Не менее важной причиной интереса западных исследователей к данному региону можно считать то, что это была единственная часть Советского Союза с коренным неевропейским большинством населения, преимущественно тюркского происхождения. Вследствие этого, был весьма распространен тезис о возможном противостоянии мусульманской Средней Азии и России, а также дальнейшем

¹ DeWeese D. Islam and the legacy of Sovietology... P. 298.

² Allworth E. *Central Asia: a Century of Russian Rule*, 1989. P. 15.

конфликте, представляющем потенциальную угрозу существованию СССР. Одними из основных объектов исследования центрально-азиатского советологического исламоведения являлись взаимоотношения русского и коренного мусульманского населения, а также советская религиозная политика в отношении мусульман.

В целом эволюцию центральноазиатского советологического исламоведения во второй половине XX в. в контексте событий международной политической жизни указанного периода можно, по нашему мнению, условно разделить на следующие этапы:

- первые послевоенные годы, эскалация «холодной войны», начало сбора и накопления материала о СССР, в частности, о его центральноазиатских республиках;

- 1950-е годы – активизация процесса деколонизации британских и французских колоний. Центральноазиатский регион рассматривается западными исследователями в контексте колониальной политики СССР в данном регионе;

- 1960-е годы – изменение вектора политики СССР на Ближнем Востоке; в связи с этим западные исследователи пытались анализировать характер и итоги политики советского правительства в мусульманских регионах СССР, в частности в Центральной Азии, и на основании этого прогнозировать дальнейшее развитие советской политики в контексте всего Ближневосточного региона;

- конец 1970-х – начало 1980-х годов – революционные события в Иране, ввод советских войск на территорию Афганистана; реакция мусульманского населения центральноазиатских республик на эти события;

- вторая половина 1980-х годов – начало политики гласности и ее влияние на религиозную ситуацию в Центральной Азии;

- начало 1990-х годов – развал СССР, номинальное прекращение существования советологии как научной дисциплины.

Институциональное становление и генезис предметного поля

Советологическое исламоведение, опираясь на богатые научно-организационные традиции и структуры западной науки, впоследствии по мере своего развития было представлено значительным числом научных центров, школ, направлений. Начало исламоведению в США в рамках изучения Ближнего Востока было положено в Пристонском университете в 1935 г. с созданием *Отделения восточ-*

ных языков и литературы. Особый упор делался на изучение вопросов идеологии¹.

В послевоенные годы в США и Англии создаются десятки специальных центров и институтов, программы которых в рамках изучения СССР включали и изучение истории Центральной Азии. Следует отметить, что именно США выделялись по числу таких учреждений, масштабам работы и количеству публикуемых изданий. Американский историк С. Зеньковский писал, что если до послевоенного времени историей Центральной Азии интересовались в большей степени «туристы» и «политики», то в послевоенные годы, особенно в 1950-е, данный регион начинает представлять значительный интерес и для ученых².

Среди первых научно-исследовательских центров по изучению истории народов СССР следует выделить **Русский институт при Колумбийском университете**, созданный в 1946 г. Основной его задачей являлось проведение исследовательской работы в области социальных и гуманитарных наук, имевших отношение к России и Советскому Союзу. Исследователь Филипп Мосли в своей статье, посвященной данному институту, отмечал, что «... именно Вторая мировая война ... обнаружила необходимость в систематическом и всестороннем исследовании неевропейских стран ... Одним из результатов этого стало развитие так называемых «региональных исследований» – программ изучения и исследования, направленных на расширение наших знаний не только о России, но и о мусульманском мире ... Около 40 % выпускников начали службу в различных органах правительства в качестве аналитиков советской системы, а также аналитиков соседних территорий...»³.

Таким образом, Русский исследовательский центр при Колумбийском университете, являясь крупнейшим на тот период научным центром по комплексному изучению истории СССР, в частности Центральной Азии, специализировался на подготовке специалистов-советологов для различных учреждений и структур США⁴. Согласно сведениям советского исследователя Б.И. Марушкина, занимавшегося непосредственно вопросами американского советоведения, «... по

¹ См.: Тодер Ф.А. «Филантропия» Рокфеллеров и изучение Востока в США // Против фальсификации истории Востока. М., 1961. С. 28-29.

² Zenkovsky S. American research on Russia's Moslems // The Russian review. Vol. 18. 1959. № 3. P. 201.

³ Mosely Ph. The Russian Institute of Columbia University // Proceedings of the American Philosophical Society. Vol. 99. №1. Ideology and Reality in the Soviet system. January 27, 1955. P. 36-38. (<http://www.jstor.org/stable/3143693>)

⁴ Manning A. C. A history of Slavic Studies in the United States. Milwaukee, 1957. P. 80-81.

числу защищенных докторских диссертаций в 1960 – 1964 годах (Русский. – Х.А.) институт вышел на первое место в США ..., а его печатная продукция насчитывала сотни монографий, сборников, статей ... Упор в научно-исследовательской деятельности института делается на историю советского периода»¹. В целом, при данном институте получили подготовку примерно 2/3 квалифицированных американских специалистов по СССР, причем значительное внимание уделялось подготовке специалистов в области центральноазиатских исследований. Так, согласно информации, приведенной в «Справочнике Колумбийского университета за 1971 – 1972 гг.», в учебной программе «Советские национальные проблемы» главное место занимало изучение данного вопроса в республиках Центральной Азии².

В 1982 г. Русский институт был переименован в *Институт Харримона по специальным исследованиям России и СССР (Institute of Harriman on Advanced Study of Russia and USSR)*. Для характеристики целей и задач вновь образованного института весьма примечательна выдержка из текста выступления его учредителя Др. Харримона: «Моя цель предельно ясна. Я намерен стимулировать и поддерживать специальное изучение советского вопроса. Основывать политику на незнании и иллюзии очень опасно, политика должна быть основана на знании и понимании»³. Таким образом, научный центр при Колумбийском университете явился первым академическим центром в США, специализировавшемся на проведении интердисциплинарных исследований СССР, в том числе имевшим ряд исследовательских программ по Центральной Азии.

Однако наиболее крупным центром по изучению СССР, особенно вопросов межэтнических отношений, являлся Гарвардский университет в Кембридже (штат Массачусетс)⁴. В 1948 г. при университете был организован *Русский исследовательский центр*, который, согласно известному казахстанскому «разоблачителю фальсификаторов» К.Л. Есмагамбетову, стал «мозговым трестом» всего американского советоведения⁵. Уже в 1954 г. при Русском исследовательском центре был организован Центр по изучению Ближнего и Среднего

¹ Марушкин Б.И. История и политика. Американская буржуазная историография советского общества. М.: Наука, 1969. С. 91-92.

² См.: Известия. 1972. 7 сентября.

³ <http://harrimaninstitute.org>

⁴ Более подробно об этом центре см.: Игрицкий Ю., Плимак Е. Питомник клеветников. Русский исследовательский центр в Гарварде // История СССР. М., 1961. № 5.

⁵ Есмагамбетов К.Л. Действительность и фальсификация. Англо-американская историография о Казахстане. Алма-Ата: Изд-во Казахстан, 1976. С. 59.

Востока¹. Научные исследования в Центре велись под руководством известного английского исследователя Г. Гибба, специалиста по Ближнему и Среднему Востоку. По свидетельству американского исследователя С. Зеньковского, Гарвардский университет и его Исследовательский центр выросли в начале 50-х годов XX в. «в главный центр русско-мусульманских исследований в стране»².

Следующим важным центром по проведению советологических, и в частности центральноазиатских исследований, был *Русский и Восточноевропейский институт в Блумингтоне (The Russian and East European Institute (REEI))*. Основанный в 1958 г. при университете Индианы в городе Блумингтон, он являлся одним из лидирующих в США по количеству и качеству исследований в рамках русских и восточно-европейских исследований. В 1963 г. при этом же Индианском университете был создан *Институт советского и восточноевропейского права*. Данный институт также являлся ведущим мировым центром по академической экспертизе всей Центральной Евразии. Характерной особенностью данного научного центра являлась подготовка высокоспециализированных исследователей с отличным знанием центральноазиатских языков.

Другим не менее важным исследовательским академическим учреждением, специализировавшемся на вопросах советологии являлся *Центр восточно европейских и русско евразийских исследований* при Университете Чикаго. Данный центр представляет отдельный интерес для нашего исследования, поскольку именно в нем в 1972 г. началась исследовательская деятельность известного советолога А. Беннигсена – основателя отдельной школы центральноазиатского исламоведения.

Начало деятельности данного центра положено в 1903 г. с открытия курсов русского языка. Центр окончательно сформировался и получил нынешнее название в 1965 г. С тех пор он продолжает координировать и стимулировать исследования по Восточной и Центральной Европе, включая государства Балтии, Балкан, Кавказа, а также Центральной Азии³.

Ведущее значение вышеописанных научных центров в формировании советологического исламоведения было также подтверждено рядом известных американских исследователей-исламоведов – Д. ДеУизом, Н. Шахрани, Э. Уимбушем в ходе научных интервью,

¹ Инояттов Х. Против фальсификации истории победы Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент: Узбекистан, 1976. С. 319.

² Zenkovsky S. American research on Russia's Muslims... P. 201.

³ <http://ceeres.uchicago.edu/>

проведенных с ними автором настоящего исследования в период с января по апрель 2010 г.¹

Среди других известных центров по подготовке американских советологов следует отметить *Институт славяноведения Калифорнийского Университета* (Беркли), *Русский исследовательский центр Йельского университета* (Нью-Хейвен, Коннектикут), *Институт СССР и Восточной Европы Ниагарского Университета*, *Центр по исследованию России Луизианского университета*, однако они не имели каких-либо специальных программ по изучению Центральной Азии. Частично исследования по центральноазиатскому региону осуществлялись также в Иллинойском, Сиракузском, Канзаском, Миннесотском, Нью-Йоркском, Мичиганском, Пенсильванском, Питтсбургском, Корнельском, Висконсинском и других университетах².

Параллельно с ростом числа учреждений, занимающихся центральноазиатскими исследованиями в США, велось интенсивное накопление материалов и пополнение источниковой базы научно-исследовательских центров. Ограниченный доступ западных исследований к исследуемому региону и к местным архивам в условиях «железного занавеса» обусловил тот факт, что существенной и важной особенностью советологии являлся крайний недостаток первичной информации об обществе, экономике и народном хозяйстве, устройстве и функционировании государственной и политической системы СССР. В силу этого, важными каналами получения информации являлись материалы журналистики и сведения разведок, а в процессе научной обработки информации большое значение имели вторичный анализ данных, метод включенного наблюдения и метод экспертных оценок.

В целом же основу источниковой базы исследований англо-американской советологии по изучению Центральной Азии составил следующий корпус материалов. Во-первых, накануне и во время формирования самой советологической науки в распоряжении западных исследователей уже находились сведения по истории региона, представленные трудами английских, немецких, французских путешественников, дипломатов, ученых, исследованиями русских

¹ Так, во время личных бесед с проф. Эндерс Уимбушем (получил образование в Университете Чикаго), проф. Девином ДеУизом (Университет Индианы), проф. Назиф Шахрани (преподавал в Гарвардском университете, ныне Университет Индианы) и другими исследователями мы просили указать наиболее влиятельные центры по изучению Центральноазиатского региона в исследуемый период. Ими были в первую очередь названы Университет Чикаго, Университет Индианы и Гарвардский университет как главные центры по подготовке специалистов по региону (Полевые записи автора. Март – апрель, 2010 г.).

² Марушкин Б.И. История и политика ... С. 93.

востоковедов, а также работами эмигрантов, например Мустафы Чокая, Зеки Валиди Тогана, Баймирза Хайита, М. Ривкина и др. Относительно значимости данного корпуса данных, известным специалистом в области национального вопроса в СССР, а также истории центральноазиатского региона Э. Олворт отмечал, что *«на сегодняшний день вряд ли у кого-либо возникает сомнение в том, что во время и после Второй мировой войны эмигранты из СССР – активисты, журналисты и ученые заложили основу для изучения советского национального вопроса в Соединенных Штатах.... Без их вклада в предмет и неустанную настойчивость ... американскому научному сообществу потребовалось бы намного больше времени для понимания сути проблемы...»*¹.

Во-вторых, отдельные западные исследователи, деятели культуры и частные лица, получавшие возможность посещения СССР, предпринимали попытки пополнения источниковой базы по Центральной Азии путем скупки частных коллекций и различного рода материалов, приобретения микрофильмов архивных документов, мемуаров, различных записок.

В-третьих, систематически выписывались публикуемые в СССР издания: периодика, книги, монографии, различные справочники и т.д.

Столь систематическая и кропотливая работа в накоплении сведений о СССР, и в частности о Центральной Азии, вскоре дала свои результаты. При американских научных центрах, специализировавшихся на исследованиях в области советологии, начали создаваться крупные библиотеки, значительно облегчившие работу последующих поколений западных исследователей. Так, к примеру объемами собранной литературы, имеющей то или иное отношение к Центральной Азии, выделялись: библиотека Колумбийского университета, коллекция Гарвардского университета, Гуверовская библиотека при Стэнфордском университете, основанная в 1922 г. бывшим президентом Г. Гувером и преобразованная в 1941 г. в Гуверовский институт войны, революции и мира и др.².

Важным аспектом развития советологии, на наш взгляд, следует также считать регулярное издание и распространение печатной продукции ведущих научных центров советологии, посредством которой шел процесс обмена исследовательской информацией,

¹ Allworth E. Restating the soviet nationality question/Soviet nationality problems. Columbia University Press. 1971. P. 2-3.

² The Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Stanford: Stanford University Press, 1963. P.18.

апробации новых разработок, совершенствования методологических подходов. Наиболее авторитетными в этом отношении являлись периодические издания «Славянское обозрение» (*Slavic Review*), «Русское обозрение» (*Russian Review*), «Проблемы коммунизма» (*Problems of Communism*).

История Центральной Азии, а также вопросы ислама в данном регионе отражались в таких печатных изданиях, как «Религия в коммунистических странах» (*Religion in Communist lands*), «Центральноазиатское обозрение» (*Central Asian Review*), выходявшее в Лондоне с 1953 по 1968 гг. и «Центральноазиатское обозрение» (*Central Asian Survey*), основанное в 1982 г. в Оксфорде. Остановимся подробнее на описании двух последних изданий, являвшихся, пожалуй, наиболее влиятельными в мире центральноазиатского советологического исламоведения.

Таким образом, судя по дате образования большинства научных центров, мы можем заключить, что именно в 1950-е годы советологическое исламоведение оформляется в отдельную дисциплину, начинают формироваться и получать дальнейшее развитие первые научно-исследовательские центры по изучению мусульманских регионов СССР, начинает расти число специалистов по данному региону. По словам казахстанского исследователя, одного из основоположников зарубежного центральноазиоведения К. Есмагамбетова, Центральной Азии в американской литературе посвящалось наибольшее число советоведческих трудов¹. Так, в 1958 г., на конференции, посвященной десятилетию Русского исследовательского центра Гарвардского университета, проф. Д. Армстронг заявил, что мусульманские национальности Советского Союза являются для американских историков предметом «тщательного изучения»².

Несомненно, что англо-американское центральноазиатское исламоведческое направление сформировалось в рамках советологических или славяноведческих исследований, однако вскоре сумело трансформироваться в отдельную дисциплину.

Интенсивное развитие американского исламоведения в данный период связано, прежде всего, с ростом интереса к странам мусульманского мира, главным образом, к региону Ближнего и Среднего Востока. Для 50-х годов XX в. характерно начало изменения советской политики на Ближнем Востоке, являвшегося регионом стратегической значимости, и выступавшего главной «ареной противоборства» между двумя антагонистическими блоками. Важность данного

¹ Есмагамбетов К.Л. Действительность и фальсификация... С. 62.

² American research on Russia. Edited by Fischer H. Bloomington, 1959. P. 18.

фактора для изучения Центральной Азии отмечал известный советолог Дж. Уилер: «Растущий интерес советского правительства к Ближнему Востоку делает крайне важным изучение отношения Советского государства к Исламу...»¹. Таким образом, автор говорит о привлекательности изучения советской Центральной Азии как модели для исследования отношений СССР с другими мусульманскими регионами.

Можно сделать вывод, что в 1950-е годы Центральная Азия изучалась преимущественно с целью определения уровня успеха советской политики в регионе, а также степени ее влияния на новые государства, образованные на Ближнем Востоке. По мнению исследователя Вилл Майера, автора работы «Ислам и Колониализм. Западные перспективы на Советскую Среднюю Азию» (*“Islam and Colonialism. Western perspectives on Soviet Central Asia”*), 1950-е годы можно с уверенностью отнести к периоду, когда произошло зарождение современного изучения Центральноазиатского региона западными исследователями².

К началу 1960-х годов можно наблюдать процесс консолидации результатов ранних зарубежных работ и формирование определенного дискурса относительно вопросов ислама в Центральноазиатском регионе. В это время западных исследователей все больше привлекает вопрос политической динамики между центральным правительством СССР и окраинными мусульманскими республиками. Основным вопросом в этих работах выступало определение того, является ли СССР колониальной империей, аналогичной Британии и Франции или нет. Согласно исследователю Г.С. Давтяну, одному из ведущих специалистов в области американского советоведения, «в середине 1960-х годов в США насчитывалось около 20 учреждений, специально изучавших СССР и страны социалистического лагеря»³.

В 1970-е годы только в США в распоряжении «советологической индустрии» находилось более ста университетских центров, исследования которых охватывали широчайший спектр вопросов жизни мусульманского населения СССР и политики последнего в отношении ислама⁴.

Начавшаяся во второй половине 1980-х относительная либерализация различных сторон жизни, политика гласности обусловили

¹ Will M. Islam and Colonialism. Western perspectives on Soviet Central Asia/Central Asia Research Forum Series. London, 2002. P. 17.

² Там же.

³ Давтян Г.С. Об университетском образовании в США. Ереван, 1959. С. 40-41.

⁴ Бырбаева Г. Б. Центральная Азия и Советизм: концептуальный поиск евро-американской историографии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. С. 34.

значительный рост интереса к региону. Так, согласно официальному сайту Гарвардского университета, в 1980-х годах академические изыскания в рамках советологии, а также центральноазиатских исследований в данном научно-исследовательском центре получили значительный стимул в связи с реформами М. Горбачева, а политическая либерализация в СССР создала ранее несуществующие возможности для взаимодействия с советскими гражданами, учеными и чиновниками¹.

Распад СССР и образование новых независимых государств стали переломным моментом, внесшим значительные изменения в то, как стала изучаться Центральная Азия на Западе. Формально, с развалом СССР, советология как научное направление потеряла свою значимость и перестала существовать. Фактически же бывшие советологи продолжают сегодня свои исследования под другой вывеской, так как выживание советологии на западном интеллектуальном рынке было возможно только при условии быстрой адаптации к новым вызовам времени². В это время значительно облегчается доступ западных исследователей к местным источникам, а также формируется новая генерация исследователей. Американский исследователь Джон Шоберлайн в своем докладе, посвященном динамике и развитию центральноазиатских исследований на Западе, отмечает, что число западных исследователей резко возрастает примерно с 400 в 1991 г. до около 3 000 в 2007 г.³

В настоящее время на Западе продолжает функционировать целый ряд научно-исследовательских центров по изучению центральноазиатского исламоведения, в том числе и его советской истории. Характерной чертой настоящих учреждений является то, что они были созданы на базе предыдущих так называемых Русских институтов. Ныне отделы по изучению Центральной Азии при британских и американских университетах принято называть Центрами по Русским и Центрально - Евразийским исследованиям (Centers for Russian and East Eurasian Studies)⁴. Практически при всех

¹ http://daviscenter.fas.harvard.edu/about_us/history.html.

² Примаченко Я.Л. Распад СССР и кризис американской советологии: проблемы поиска новых методологических подходов // Власть и Общество в истории: Геополитические изменения в на постсоветском пространстве в конце XIX – начале XX в. Международная летняя школа Международной Ассоциации Институтов истории стран СНГ. Кишинев, 2008. С. 187.

³ Schoeberlein John. The Growth and Development of Central Asian Studies in the West. Доклад, представленный в IFEAC (Французский Институт Исследования Центральной Азии), Ташкент, 2007, 11 июня.

⁴ Так, к примеру в течении зимнего семестра 2010 года мы имели возможность прохождения научной стажировки в Центре Русских и Центрально Евразийских исследований при Университете Мичиган (Мичиган, США), а также посещения некоторых крупных

крупнейших американских университетах имеются центры и департаменты, разрабатывающие специальные центральноазиатские программы по изучению истории ислама в регионе. Среди них можно отметить Гарвардский университет¹, Университет Индианы², Мичиганский Университет³, Университет Монтаны, Университет Огайо⁴ и многие другие.

Среди современных английских университетов, проводящих исследования по истории народов Центральной Азии, можно выделить Институт русских и восточноевропейских исследований в Глазго, Бирмингемский, Эбердинский, Эдинбургский, Манчестерский, Кембриджский, Оксфордский университеты.

Говоря о формировании и развитии научно-исследовательских центров по изучению истории народов СССР, в частности Центральной Азии, нельзя не упомянуть что данные учреждения получали широкую спонсорскую поддержку со стороны влиятельных американских фондов. Именно с финансовой поддержкой крупных фондов Рокфеллера, Карнеги, Форда создавались многие русские и восточноевропейские институты и центры. Так, Русский центр при Колумбийском университете был создан в результате финансовой поддержки фонда Рокфеллера. Известно, что только в 1960 г. данное учреждение получило от Фонда Форда более 5 миллионов долларов для исследования «неевропейских районов», из них около 3 миллионов на «изучение СССР и других районов Азии»⁵. Крупнейший Центр русских и центральноазиатских исследований при Гарвардском университете был образован на базе финансовых субсидий корпорации Карнеги. Будучи лидирующим центром, разработавшим региональную

американских университетов, в рамках деятельности которых проводятся исследования по Центральноазиатскому региону: Центр Дэвиса по Русским и Центрально Евразийским Исследованиям при Гарвардском университете (Кембридж); Отдел Центральноевразийских исследований при Университете Блумингтон (Блумингтон, Индиана); Центр по Евразийским исследованиям при Огайском университете (Колумбус, Огайо)

¹ Центр Дэвиса по Русским и Центрально Евразийским Исследованиям при Гарвардском университете (Кембридж, Массачусетс).

² Следует отметить, что Индианский университет на сегодняшний день входит в список наиболее престижных центров по изучению Центральной Азии. При университете функционирует Отдел по Центрально Евразийским Исследованиям, который получил свое нынешнее название в 1993 году. Так к примеру, в рамках Отдела по Центрально Евразийским Исследованиям действует Центр Языков Центральноазиатского региона (Center for Languages of the Central Asian Regions (CeLCAR)), миссией которого является «повышение интереса к центральноазиатским языкам и знания о регионе, его культуре, на благо стратегических национальных нужд».

³ Центр Русских, Восточно Европейских и Евразийских Исследований при Мичиганском университете (Анн-Арбор, Мичиган).

⁴ Центр по Евразийским исследованиям при Огайском университете (Колумбус, Огайо).

⁵ Иноятов Х. Против фальсификации истории победы советской власти в Средней Азии и Казахстане. – Ташкент: Узбекистан, 1976. С. 18.

программу по изучению центральноазиатских республик, он впоследствии получал миллионные дотации и от фонда Форда.

Таким образом, на исследовательские работы по изучению советской Центральной Азии, подготовку кадров-советологов выделялись значительные финансовые средства различных американских фондов. Помимо спонсорской поддержки частных лиц и благотворительных фондов широкую финансовую поддержку деятельности исследовательских центров по изучению Центральной Азии оказывали правительственные учреждения, в частности Государственный департамент и Пентагон.

Как видно, развитие советологии, характер и направленность отдельных исследований не в последнюю очередь обуславливались интересом представителей политического истеблишмента и крупных финансовых кругов. Естественно, все это не могло не сказаться и на качестве публикуемых работ, отдельные из которых не были лишены излишней политизированности и идеологизированности. Этот процесс находит подтверждение, в частности, и в событиях недавнего исторического прошлого. События 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и последовавшая кампания по борьбе с международным терроризмом, обусловили заметный рост интереса к Центральноазиатскому региону. Существенные финансовые средства, выделяемые правительством США на развитие центральноазиатских исследований, повлекли выход в свет значительного количества публикаций по вопросам ислама в регионе. При этом, по признанию американского исследователя Девина ДеУиза, число молодых западных исследователей стало расти прямо пропорционально качеству проводимых исследований, которым не удалось избежать приверженности к заданным клише и стереотипам¹.

Вместе с тем, как справедливо отмечает Г. Бырбаева «...советоведение как неразделимая «дисциплина истории и политологии» смогло к 60-м годам XX века отказаться от заказных клише по отношению к Советскому Союзу как об абсолютном зле и перешло в лоно академических подходов...»².

Таким образом, несмотря на то, что генезис советологии, как научной дисциплины во многом определялся политической повесткой дня, в частности, эскалацией «холодной войны», серьез-

¹ Такое мнение высказал и проф. Девин ДеУиз, который считает, что в настоящее время на научном поприще все больше выступают неспециалисты, которые затем свободно пускаются в размышления об исламском вопросе в регионе. Материалы личных бесед автора с проф. Девинем ДеУизом. (март, 2010 г., г. Блумингтон (США)).

² Бырбаева Г. Центральная Азия и Советизм... С. 14.

ными финансовыми и интеллектуальными вложениями со стороны представителей политического и экономического истеблишмента западных стран, советологические научные дисциплины в процессе своей эволюции смогли трансформироваться в фундаментальные научные разработки.

Национальные школы по изучению центральноазиатского советологического исламоведения и их видные представители

Как отмечалось интерес западных исследователей к Центральной Азии, и в частности к религиозной жизни населения, в советский период, был зачастую связан с политической повесткой дня. Эпоха «холодной войны» послужила сильнейшим импульсом для развития центральноазиатских исследований и, следует признать, нередко определяла характер и направленность исследований. Вместе с тем, как и в любой академической среде, на Западе присутствовал вполне научный интерес к изучению данного региона.

В целом обширный корпус работ центральноазиатского советологического исламоведения по содержанию и тематической направленности был условно подразделен нами на следующие группы:

- исследования с характерно выраженной антикоммунистической и антисоветской направленностью, стремящейся дискредитировать политику советской власти в отношении мусульманского населения Центральной Азии;

- академические работы, освещающие религиозную историю региона, проводящие параллели между Центральной Азией и остальными частями мусульманского мира, затрагивающие процесс исламского «возрождения»;

- работы популярно-публицистического характера, принадлежащие перу представителей неакадемической среды: путешественников, любителей, и просто интересующихся историей региона.

По национальной принадлежности исследователей англо-американского альянса в рамках советологических исследований можно подразделить на несколько основных групп: французы, британцы, канадцы и американцы. Особую группу могут составить эмигранты из СССР, которые жили при советской власти, а позднее, перебравшись в Европу или США, начали активную научную деятельность. Однако необходимо отдавать отчет, что подобная классификация весьма условна, ибо один и тот же исследователь может попадать под несколько категорий. К примеру, А. Беннингсен, будучи эмигрантом из России, впоследствии стал основателем французской

школы исследований центральноазиатского ислама и, вместе с тем, свою основную научную деятельность осуществлял в США.

Британская школа

Научные учреждения Великобритании были весьма активны в подготовке специалистов по истории СССР, в том числе и народов Центральной Азии. Значительная роль в развитии центральноазиатского советологического исламоведения в Англии принадлежит деятельности Дж. Уилера (Geoffrey Wheeler) (1897 – 1990) – одному из крупнейших британских исследователей, занимавшихся историей Центральной Азии в советский период. Продолжая традицию своего отца, в 1915 г. он начал службу в рядах английской армии в Индии, Палестине и на Мальте, уже в 1926 г. стал британским военным атташе в Мешхеде, Иране. В 1946 г. Дж. Уилер начал работу в посольстве Соединенного Королевства в Тегеране в качестве советника по восточным вопросам, а в 1950 г. возвратился в Лондон¹. После ухода с государственной службы в 1953 г., он начинает свою исследовательскую деятельность, основав и возглавив первый **исследовательский центр по изучению Центральной Азии** при колледже Св. Антония в Оксфорде (Лондон). В это же время происходит его назначение на должность главного редактора журнала «Центральноазиатское обозрение» (Central Asian Review), который на тот момент представлял собой первое крупное периодическое издание по Центральноазиатскому региону. Вплоть до 1968 г. Дж. Уилер фактически курировал исследования по Центральной Азии, осуществлявшиеся на территории Соединенного Королевства.

Во многом благодаря своей военной и дипломатической службе на Востоке этот английский исследователь имел четкие представления об исламе и мусульманском образе жизни. Дж. Уилером был подготовлен ряд информативных статей об исламе в СССР, в частности в Центральной Азии². Среди его работ следует также отдельно отметить монографию, изданную в 1964 г. «Современная история советской Центральной Азии» (***The Modern History of Soviet***

¹ Подробнее о жизнедеятельности Дж. Уилера см.: Myer Will. Islam and Colonialism. Western Perspectives on Soviet Central Asia. Routledge Curzon: London, 2002. 272 p.

² Wheeler G. Cultural developments in Soviet Central Asia // Journal of the Royal Central Asian Society. 1954. Vol. 41. № 3. P. 179-189; Его же. Russia and Islam: new trends in soviet policy // Central Asian Review. 1956. Vol. 4. № 1. P. 1-3; Его же. Race relations in Soviet Muslim Asia // Journal of the Royal Central Asian Society. 1960. Vol. 47. № 2. P. 93-105; Его же. Islam in the USSR // Central Asian Review. 1961. Vol. 9. № 4. P. 335-351; Его же. The Muslims of Central Asia // Problems of Communism. 1967. Vol. 16. № 5. P. 72-81; Его же. National and religious consciousness in Soviet Islam // Religion and the Soviet State: a dilemma of power. Edited by Hayward M., Fletcher W. London: Pall Mall, 1969; Его же. The Russian presence in Central Asia // Canadian Slavonic Papers. 1975. Vol. 17. № 2-3. P. 189-202.

Central Asia”)¹. Наряду с общим описанием истории края, Дж. Уилер в своей работе дает весьма резкую оценку политики советских властей в отношении мусульман, в частности, относительно насильственного раскрепощения женщин, запрета на посещение святых мест и проведения мусульманских обрядов и обычаев.

Автор приходит к заключению, что политика советской власти по отношению к мусульманскому населению находилась в прямой зависимости от вектора внешней политики СССР и, как, считает Дж. Уилер, действия государства не всегда, вопреки устоявшемуся мнению, носили ярко выраженный антимусульманский характер, а были более гибкими и определялись конкретными целями, которые преследовало советское руководство на тот или иной период. Выход в свет данной работы вызвал большой резонанс среди представителей советской историографии, занимавшихся «разоблачением западных фальсификаторов»². Так, исследователи Р.Х. Аминова и В.И. Шафир выступили на страницах журнала «История СССР» с ответной статьей, в которой пытались показать «несостоятельность высказываний Дж. Уилера»³. По их мнению, отличительной чертой работ британского исследователя, равно как и статей редактируемого им журнала «Центральноазиатское обозрение», является *«мнимый объективизм, под дымкой и завесой которого малоинформативному читателю навязывается превратное представление об исторических судьбах народов советских среднеазиатских республик ...»*⁴.

В целом анализ работ Д. Уилера позволяет сделать заключение, что для него было характерно рассмотрение «советского» ислама в контексте «культурных развитий», причем подчеркивая социальную силу ислама, нежели его институциональные особенности. В его понимании ислам в Центральноазиатском регионе представлял собой некую социальную связь, соединяющую все соседние народы. Примечательно следующее его высказывание: *«Было бы ошибочным рассматривать народ Центральной Азии... как часть корпоративной мусульманской идентичности. Тем не менее, если и существует какая-либо социальная или даже политическая связь между народами*

¹ Geoffrey W. The modern history of Soviet Central Asia. New York: Frederich A. Praeger, 1964. – 272 p.

² См.: Хидоятов Г.А. Джеффри Уиллер переписывает историю советской Средней Азии // Вопросы истории. М., 1967. № 2. С. 12-18; Дахшлейгер Г.Ф. История ничему не научила // Партийная жизнь Казахстана. 1966. № 8.

³ Аминова Р.Х., Шафир В.И. По поводу последней книги Дж. Уилера «Народы Советской Средней Азии» // История СССР. М., 1969. № 3. С. 216-222.

⁴ Там же. С. 216.

*Центральной Азии, помимо расы, традиционного языка и культуры, то это, возможно, только ислам ...»*¹.

Другим не менее известным британским исследователем, занимавшимся изучением ислама в советской Центральной Азии, был Олаф Карое (Olaf Caroe) (1892 – 1981). Как и Дж. Уилер, он в течение долгого времени служил в Индии, а в 1947 г., в результате начавшегося процесса деколонизации, был отправлен на пенсию. Вскоре после этого в 1951-1953 гг. он организовывает **Тюркологический центр**, проводивший исследования по тюркоязычным народам, в том числе и СССР².

Одна из наиболее известных его работ «*Советская империя: турки Центральной Азии и сталинизм*» (“**Soviet Empire: The Turks of Central Asia and Stalinism**”)³, вышедшая в 1953 г. Основное внимание О. Карое акцентирует на жизни мусульман Центральной Азии в царский и ранний советский период. Работы данного исследователя были весьма важны, так как он ввел в научный оборот значительный объем нового материала из русскоязычных, советских и тюркских источников.

Среди прочих британских советологов-исламоведов, изучавших религиозную ситуацию в Центральной Азии послевоенного периода, следует выделить Уолтера Коларца (ум. в 1962 г.) — британского советолога чешского происхождения. В 1939 г. он обосновался в Великобритании и начал работу в аналитической службе ВВС.

Для нашего исследования представляют интерес несколько его работ У. Коларца. Одно из первых его исследований – «*Россия и её колонии*» (“**Russia and Her Colonies**”; 1952)⁴, ставшее объектом жесточайшей критики со стороны представителей советской историографии. Примечательно, что именно работы У. Коларца наряду с Дж. Уилера в большей степени подвергались критике со стороны советских ученых, относивших их к «ярким приверженцам антикоммунизма и антисоветизма», пытавшихся распространить «*наиболее злостную клевету на роль русского народа по отношению к народам Советского Востока*»⁵. Тем не менее, эта оценка не может считаться объективной, ибо хорошо известно, что многочисленные «ответы фальсификаторам», принадлежащие перу советских исследователей

¹ Geoffrey W. Cultural developments in Soviet Central Asia... P. 179-189.

² Myer W. Islam and Colonialism... P. 104.

³ Caroe O. Soviet Central Asia: the Turks of Central Asia and Stalinism. London: Macmillan. 1953. 120 p.

⁴ Kolarz W. Russia and her colonies. Hamden, Conn: Archon Books. 1967. 334 p.

⁵ Иноятов Х.Ш. Ответ фальсификаторам истории советской Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1962. С. 134.

осуществлялись в рамках строгих идеологических клише и нередко с подачи партийных органов.

Особый интерес У. Коларца к религиозной теме нашел отражение в его работах «Ислам в Советском Союзе» (*“Islam in the Soviet Union, 1917 – 1960”*)¹ и наиболее известном его исследовании «Религии в Советском Союзе» (*‘Religion in the Soviet Union’*; 1961)². К наиболее важным тезисам, выдвинутым данным автором, следует отнести положение о том, что роль ислама в жизни народов традиционного мусульманского ареала в советский период не сводилась к собственно религиозным практикам, которые по его мнению находились, в целом, в упадке, но оставалась значимой на уровне самоопределения и повседневных обычаев местного населения.

Французская школа

Говоря о французской школе исследования ислама в советской Центральной Азии, прежде всего, следует остановиться на некоторых фрагментах научного наследия ее основателя – А. Беннигсена, автора ряда монографий и многочисленных статей, считающегося одним из западных ученых-пионеров в изучении ислама и религиозной политики в традиционно мусульманских регионах бывшего СССР. Его также характеризуют как исследователя, чьи работы по центрально-азиатскому исламу и по сей день находятся в ряду наиболее цитируемых среди современного поколения западных исследователей. Детальный анализ научного наследия А. Беннигсена представлен в следующем разделе.

Значительную роль в изучении тюркских народов СССР было суждено сыграть соратнице А. Беннигсена французской исследовательнице Шанталь Лемерсье Келькеже (Chantal Lemercier Quelquejaye). Результатом плодотворного сотрудничества А. Беннигсена и Ш.Л. Келькеже стал выход в свет значительного числа публикаций по вопросам ислама в Центральной Азии. Большею частью они концентрировали свое внимание на изучении мусульманского национализма в Российской империи – вопросе, представлявшим наибольший интерес для Ш. Келькеже. Апогеем их совместной работы стала публикация монографии «Ислам в Советском Союзе» (*“Islam in the Soviet Union”*)³, которая охватывает широкий спектр вопросов по истории и современному для того периода состоянию ислама в среднеазиатских республиках СССР.

¹ Kolarz W. *Islam in the Soviet Union, 1917-1960*. Karachi-Dacca, 1960. 72 p.

² Kolarz W. *Religion in the Soviet Union*. – New York: St. Martin’ Press, 1961. 518 p.

³ Bennigsen A., Lemercier-Quelquejaye Ch. *Islam in the Soviet Union...*

В конце 1970-х – начале 1980-х годов в связи с событиями на Ближнем Востоке: началом ввода советских войск на территорию Афганистана и революцией в Иране, Ш. Келькеже начинает активно писать о стратегии СССР в отношении данного региона. Так, к примеру, она пишет о том, что «*Центральноазиатский регион становится своеобразным мостом для советской политической деятельности на Ближнем Востоке*»¹. Автор приходит к выводу, что советские власти используют Центральную Азию в качестве «образца» советской политики в отношении мусульман.

К плеяде известных французских исследователей, написавших работы в русле советологии можно по праву отнести Элен Каррер д'Анкосс (Helene Carrege d'Encausse), урождённую Зурабишвили (родилась 6 июля 1929 года в г. Париже), историка, политолога, специалиста по истории России.

Э. Каррер д'Анкосс, как и А. Беннигсен, родилась в семье эмигрантов из России, значительное число которых после октябрьского переворота 1917 было вынуждено расселиться в различных частях Европы. Еще во время обучения в Университете Сорбонны она проявляла интерес к истории и политологии. Впоследствии, будучи преподавателем, она перешла на работу в Институт политических исследований в Париже.

Известность к Э. Каррер д'Анкосс пришла после выхода в свет в 1978 г. ее работы «*Раскол империи. Бунт Советских Социалистических Республик*» (“*Decline of an Empire. The Soviet Socialist Republics in Revolt*”), в которой она анализирует внутренние этнические и конфессиональные противоречия в советском государстве и делает прогноз о скором распаде СССР². При этом главной угрозой советскому строю автор называет не противодействие со стороны Запада, а высокий уровень рождаемости в республиках Центральной Азии.

Важное место в научном наследии Э. Каррер д'Анкосс занимает статья на французском языке «*Организация официального ислама в СССР*» (“*Oragisation officiele de 'Ilsam en USSR*”)³, впоследствии опубликованная на английском языке в переводе и под редакцией Д. Уилера. Исследователь Вилл Майер, осуществив сравнительный анализ двух текстов данной статьи, наглядно продемонстрировал искажение смысла некоторых положений работы, появившиеся в

¹ Lemercier- Quelquejay Ch. The USSR and the Middle East // Central Asian Survey. Vol. 1. 1982. № 1. P. 47

² d'Encausse H. C. Decline of an empire. The Soviet Socialist Republics in Revolt. New York: Newsweek Books, 1979. – 304 p.

³ d'Encausse H.C. Organisation officiele de l'Islam en USSR // l'Afrique et l'Asie. Vol. 52. № 4. P. 5-28.

ходе ее перевода. Так, характеризуя уровень религиозного образования в медресе Мир Араб в Бухаре? Э. Каррер д'Анкокс во французском варианте статьи отмечает, что «... учебная программа показывает, насколько консервативно и традиционно образование, даваемое в СССР», в то время как в переводе Д. Уилера данная фраза выглядит следующим образом: «учебная программа в большинстве случаев такая же как и в других медресе Дар-ул-Исламия, за исключением того, что инструкции представлены на очень низком уровне»¹.

Следует отметить, что вывод, сделанный французской исследовательницей, находит свое подтверждение в архивных материалах. Нам известно, что «... с 1961 по 1966 г. не было набора в медресе (медресе Мир-Араб в Бухаре. – Х.А.), а среди преподаваемых предметов преобладали чтение Корана, тавсиф, хадис, каллиграфия, арабский язык и литература, история СССР, география, обществоведение, политическая экономика, русский язык, узбекская советская литература, физическая культура и фоторабота»². Таким образом, учебная программа медресе была жестко регламентирована и исходила из интересов советского государства.

Как и большинство представителей французской школы антропологии Э. Каррер д'Анкокс весьма критически оценивала деятельность САДУМа, как учреждения, способного удовлетворять религиозные потребности миллионов мусульман. Жесткий контроль со стороны Центра за деятельностью данного учреждения, по ее мнению, не давал возможности дополнительного религиозного развития мусульман региона.

В отличие от большинства других советологов французская исследовательница имела возможность посетить республики Центральной Азии в 1958 году³, что позитивно отразилось на качестве ее работ, в частности, в вопросах общего представления о регионе и понимания его специфики.

Американская школа советологического исламоведения

Весомый вклад в развитие советологического исламоведения внесен американскими исследователями, которые представляли различные школы и направления.

Характеризуя американскую группу советологов, прежде всего, следует отметить Ричарда Пайпса (Richard Edgar Pipes, род. 11 июля 1923 г.) – специалиста по истории России и СССР, профессора истории Гарвардского университета, одного из крупнейших американских

¹ См. Myer W. Islam and Colonialism... P. 140.

² ЦГА РУз, ф. 2456, оп. 1, д. 460, л. 3.

³ Myer Will. Islam and Colonialism... P. 138.

советологов времен холодной войны. Ричард Пайпс родился в польском городе Цешин в еврейской семье. В октябре 1939 г. его семья бежала из оккупированной немецкими войсками Польши и через Италию приехала в США. Р. Пайпс учился в колледже Маскингам (Muskingum) в Огайо. В 1943 году поступил на службу в американскую авиацию, получил американское гражданство. После окончания войны был демобилизован, вскоре поступил в Корнелльский университет, затем продолжил образование в Гарвардском университете. После защиты докторской диссертации в 1950 г. начал работать в Гарвардском университете, в 1963 – 1996 гг. в качестве профессора, а с 1996 г. – почётного профессора. В 1968 – 1973 гг. был директором Исследовательского Центра по изучению России при Гарвардском университете, проводящем в том числе и исследования по Центральной Азии, а в 1973 – 1978 гг. – главным научным консультантом Института по исследованию России при Стэнфордском университете.

С 1980 по 1982 годы Р. Пайпс являлся членом Национального совета безопасности США и советником Президента Рейгана по проблемам российско-американских отношений. Он традиционно занимал жесткую позицию по отношению к коммунистическому режиму. Неоднократно был в СССР, поддерживал контакты с советскими диссидентскими движениями. В целом Р. Пайпс относился к радикальной части советологов, в чьих работах характерно прослеживались антисоветский и антикоммунистический настрой.

Научное наследие Р. Пайпса представлено в том числе рядом работ по истории мусульман Центральной Азии¹. Следует отметить, что в отличие от французских советологов, которые в освещении вопросов религиозной политики в регионе использовали преимущественно советские источники, американским исследователем были также широко привлечены и устные источники – показания очевидцев, информация эмигрантов, проживавших в США².

В целом, характеризуя состояние ислама в Центральной Азии, Р. Пайпс связывал его дальнейшую эволюцию с колониальным вопросом, он полагал, что потеря исламской «отчетливости» станет следствием или предшествованием процессов ассимиляции, руссификации и советизации. Например, в 1957 г. в своей обзорной статье «*Советское влияние на Центральную Азию*» (*“The Soviet Impact on Central Asia”*), опубликованной в журнале «*Проблемы коммунизма*» (*“Problems of*

¹ Pipes R. Muslims of Soviet Central Asia: trends and prospects // Middle East Journal. 1955. Vol. 9. № 2. P. 147-162; № 3. P. 295-308; Его же. The Soviet impact on Central Asia // Problems of Communism. 1957. Vol. 6. № 2. P. 27-28.

² Myer W. Islam and Colonialism... P. 111.

Communism”), он констатировал: «В целом в условиях жесткого прессинга советской политики ислам в Центральной Азии подвергся в единственном поколении процессу, «секьюляризации», процессу хорошо известному в западном религиозном опыте.... Это не подразумевало руссификацию, однако, только те черты русской культуры которые соотносились с общей исторической эволюцией мусульманского общества, то есть те, которые склонялись к вестернизации, оказали наиболее длительное влияние ...»¹.

Остальные работы Р. Пайпса концентрировали свое внимание, главным образом, на России и имели несколько иной хронологический и тематический диапазон, в силу чего их освещение в рамках данного параграфа представляется нецелесообразным.

Известным американским историком, изучавшим Центральную Азию, является Эдвард Оллворт (Edward Allworth, родился в 1920 г.). В годы Второй мировой войны служил в американских войсках в Северной Европе. В последующем начал научную и преподавательскую деятельность в сфере русско-тюркских исследований в одном из крупнейших центров по подготовке специалистов по России и Центральной Азии – Колумбийском университете. Э. Оллворт являлся также директором Центра по изучению Центральной Азии, а также директором Программы по советским национальным вопросам. Приоритетное внимание в своих исследованиях он придавал вопросам национализма в СССР, а также некоторым аспектам средневековой истории Центральной Азии. Его перу принадлежит исследование «Современные узбеки с XIV века до наших дней: культурная история» (***The Modern Uzbeks From the Fourteenth Century to The Present: a Cultural History***)², вызвавшая широкий резонанс среди представителей не только советской, но и западноевропейской историографии. Не останавливаясь на подробном критическом анализе данной работы, выходящей из тематических и хронологических рамок нашего исследования, считаем уместным привести высказывание исследователя-медиевиста Ю.Брегеля о данном исследовании и его авторе: «...Его (Эдварда Оллворта – Х.А.) основными интересами являются этнические отношения и интеллектуальная история (в основном литературная) Центральной Азии при русском и советском правлении. Он читает современную литературу на узбекском, и он опубликовал ряд ценных работ по вышеобозначенным аспектам. Однако он никогда не занимался исследованием дорусской истории

¹ Pipes R. The Soviet impact on Central Asia... P. 30-31.

² Allworth E. The modern Uzbeks from the fourteenth century to the present: a cultural history. Stanford, CA: Hoover Institution Press, 1990. – 410 p.

Центральной Азии и никогда не читал сам первоисточники по этим ранним периодам; его познания заимствованы исключительно из вторичных источников. И данная книга показывает, что эти знания зачастую весьма некорректны»¹.

Другим результатом исследований Э. Оллворта являлся его вклад в коллективную монографию «Центральная Азия, 130 лет русского доминирования: исторический обзор» (*“Central Asia, 130 years of Russian Dominance: A Historical Overview”*)², переиздававшуюся несколько раз. В 1994 г. вышло в свет третье издание данной монографии, в которой были представлены публикации видных советологов, специализировавшихся на Центральноазиатском регионе.

Значительную роль в развитие центральноазиатских исследований на Западе, в частности религиозной истории региона, в советский период, внес американский исследователь Эндерс Уимбуш – ученик и последователь А. Беннигсена.

Среди других американских исследователей в той или иной степени затрагивавших вопросы религиозной ситуации в регионе в советский период, следует отметить также Вильяма Фирмана (William Fierman) – в 1971 г. выпускника университета Индианы, продолжившего затем обучение в отделении центральноазиатских исследований Гарвардского университета. В настоящее время он является профессором центральноазиатских исследований в Университете Индианы, директором Азиатского и Уральского Национального ресурсного центра. В перечне его научных интересов приоритетное место занимают вопросы трансформации образа жизни и религиозного сознания центральноазиатских народов в советский период³. В. Фирман неоднократно имел возможность посещения Узбекистана еще в советские годы, в 1976 – 1977, 1983 и 1988 годы. В ходе этих визитов ему удалось собрать обширный, в том числе и устный, материал о национальном и религиозном вопросе в регионе.

Таким образом, мы видим, что посещение региона, сбор материала на месте рассматривались англо-американскими исследователями в качестве важного инструмента для расширения представлений о регионе, более глубокого понимания его внутренней специфики. И это обстоятельство непосредственно отражалось на качестве и новизне их исследований.

¹ Bregel Yu. Notes on the Study of Central Asia... P. 32.

² Allworth E. Central Asia, 130 years of Russian dominance: A historical overview. Duke University Press. 1994. – 650 p.

³ Fierman W. Glasnost in Practice: the Uzbek experience // Central Asian Survey. 1989. Vol. 8. № 2. P. 1-45; Его же. The Soviet “Transformation” of Central Asia // Soviet Central Asia. The Failed Transformation. Edited by William Fierman. Westview Press: Boulder, 1991. P. 11-35.

Падение «железного занавеса» в значительной степени облегчили доступ американских исследователей к региону и к местным источникам, вследствие чего в значительной степени возросло количество молодых ученых из США, специализировавшихся на вопросах истории ислама в регионе. Сбор материалов стал возможен в рамках научных обменов между различными научными учреждениями, отсюда и растущий интерес к новому региону, и появление более качественных работ. В последнее десятилетие XX в. в США сформировалась новая генерация молодых исследователей, которые изучают, в том числе и советский отпечаток на жизнь мусульман в регионе. Среди первых американских исследователей того периода можно выделить Дугласа Нортропа, Марианну Камп, Лауру Адамс, Шошанну Келлер и др¹.

Отдельную группу исследователей, как мы уже упоминали представляют выходцы из России и Центральной Азии, которые весьма активно участвовали в процессе накопления и распространения знаний о регионе. Так, из числа данной группы исследователей уместно упомянуть Назифа Шахрани – профессора антропологии, ведущего американского специалиста по центральноазиатским и ближневосточным исследованиям Университета Индианы (Блумингтон, Индиана)², а также Баймирзу Хаита осевшего в Германии после событий Второй мировой войны, автора многочисленных статей и работ на немецком, английском и турецком языках, преимущественно по истории Туркестана³.

В целом участие эмигрантов-выходцев из России и Центральной Азии наложило заметный отпечаток на характер советологических исследований и их идейную направленность. Владея в совершенстве русским и местными центральноазиатскими языками, отдельные из них сделали успешную карьеру на научном поприще, заняв ведущие посты в американских университетах и, таким образом, получив возможность оказывать непосредственное влияние на организацию советологии и подготовку специалистов, экстраполируя при этом

¹ См.: Northrop D. *Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia*. Cornell University Press, 2004. – 392 p; Kamp M.R. *Unveiling Uzbek Women: Liberation, Representation and Discourse, 1906-1929*. Chicago, Illinois, 1998. 230 p.; Keller Sh. *To Moscow, not Mecca // The Soviet Campaign against Islam in Central Asia. 1917-1941*. Praeger Publishers, California, 2001. 277 p.; Khalid A. *The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Tsarist Central Asia*. University of California Press, Berkeley, Los Angeles, London, 1998. – 400 p.

² См.: Shahrani M. N. “From tribe to *umma*”: comments on the dynamics of identity in Muslim Soviet Central Asia // *Central Asian Survey*. 1984. Vol. 3. № 3. P. 27-38.

³ См.: Shahrani M. N. “From tribe to *umma*”: comments on the dynamics of identity in Muslim Soviet Central Asia // *Central Asian Survey*. 1984. Vol. 3. № 3. P. 27-38.

³ Hayit B. *Basmatschi Nationaler Kampf Turkestans in den Jahren 1917 bis 1934*. German edition. – 464 p.

свои диссидентские настроения и неприятие политики советских властей на эти процессы.

Подводя итоги, можно заключить, что для формирования и развития советологического исламоведения были характерны следующие тенденции. С момента формирования советологии эволюция данной научной дисциплины на Западе происходила в тесной взаимосвязи с «политической повесткой дня», основным содержанием которой являлась эскалация «холодной войны», усиление идеологического и политического антагонизма двух мировых сверхдержав, олицетворявших противостояние двух систем.

Важным этапом развития советологии являлась ее институционализация, осуществлявшаяся посредством организации при ведущих западных университетах научных центров и отделений по изучению СССР и, в частности, центральноазиатских республик, финансирование которых осуществлялось как из государственного бюджета, так и средств представителей политико-экономического истеблишмента.

Для первых десятилетий развития советологии было характерно формирование национальных (американской, французской, британской) школ, опиравшихся на присущие данной стране научные традиции и методологический инструментарий, а также осуществлявших советологические исследования в контексте политических приоритетов данного государства.

Советские республики Центральной Азии, в частности характер протекавших здесь этнических и конфессиональных процессов, воспринимались советологами в качестве наиболее уязвимой зоны СССР. Именно этим, в немалой степени, определялся повышенный интерес к данному региону со стороны исследователей, а также специалистов пропагандистов и политологов. Вместе с тем, Центральноазиатский регион и его история стали преимущественно рассматриваться как часть «советских» или «даже российских и восточно-европейских» исследований, что, по нашему мнению, отрицательно отразилось на качестве исследований, ибо гораздо более целесообразным являлось изучение региона в контексте его связей с более широким исламским миром.

Следует также отметить, что значительное число советологов-исламоведов не имели базового образования по истории и культуре исламского мира и не обладали глубокими познаниями в языках как местных центральноазиатских народов, так и классических трудов мусульманских теологов, которые, на наш взгляд, были необходимы для изучения Центральной Азии. В лучшем случае исследователи

владели русским языком, знание которого было недостаточно для проведения комплексных и всесторонних исследований региона.

Вместе с тем, представителям советологического исламоведения, осуществлявшим свои исследования в условиях жестко регламентированного доступа в регион и крайне ограниченной источниковой базы, удалось подготовить ряд фундаментальных работ по различным аспектам истории ислама в Центральной Азии, методологический инструментарий и научные оценки которых существенно отличались от однозначных клише советской историографической традиции и представлявших иной альтернативный взгляд на историю центральноазиатского ислама и общества в эпоху советской власти. К бесспорным заслугам советологической школы следует отнести разработку уникальных методик анализа вторичных источников и скрупулезной обработки полученного материала, а также налаживание механизма перманентного обмена мнениями и новейшими научными разработками посредством специализированных периодических изданий и регулярно действующих семинаров и конференций.

Александр Беннигсен и развитие «советологического исламоведения» (60 – 80-е годы XX века)

Вторая половина XX столетия период противостояния двух антагонистических систем характеризуется формированием целого ряда исследовательских школ в рамках советологического направления западной науки. В частности, наблюдается заметный рост интереса зарубежных исследователей к освещению различных аспектов жизни и истории мусульманской части СССР. В рамках настоящего раздела мы остановимся подробнее на исследованиях французской школы исследований ислама в республиках Центральной Азии, в частности на некоторых фрагментах научного наследия ее основателя Александра Беннигсена, автора ряда монографий и многочисленных статей, считающегося одним из западных ученых-пионеров в изучении ислама и религиозной политики в традиционно мусульманских регионах бывшего СССР.

Александр Беннигсен, сын востоковеда Адама Павловича Беннигсена и Феофании Владимировны Хвольсон, родился в 1913 г. в Санкт-Петербурге¹. После октябрьского переворота 1917 г. их семья

¹ Говоря точнее, А. Беннигсен родился 20 марта 1913 г. в канун праздника Навруз. Последнее обстоятельство, по свидетельству его ученика Э. Уимбуша, было предметом особой гордости французского ученого и имело для него важное символическое значение.

была вынуждена эмигрировать в Эстонию, а позднее в 1924 г. в Париж, с которым и связаны основные этапы его жизни. После окончания своего обучения он получил место на кафедре «Истории неарабского ислама» в *Ecole Pratique autes Etudes* и занимал этот пост вплоть до выхода на пенсию в 1983 г. Одновременно с этим, начиная с 1969 г., А. Беннигсен читал лекции по истории ислама в СССР в ряде американских университетов, первоначально в Университете Ротчестера и Индиане, а затем с 1971 г. в Университете Чикаго, Висконсина и Флориды¹.

Интересно проследить процесс формирования научных интересов А. Беннигсена. После окончания Второй мировой войны он, продолжая семейную традицию изучения неевропейских языков, начал заниматься персидским и тюркским языками. Среди его учителей был известный французский иранист Хэнри Массе. Одновременно с этим А. Беннигсен устроился в администрацию Премьер-министра (*Precedence de la Consul*) Французской Республики, где впервые получил системный доступ к источникам на русском языке, в том числе и к газетам, написанным на языках народов Центральной Азии. Однажды в его руки попала газета «*Кизил Узбекистон*» на узбекском языке. А. Беннигсен крайне заинтересовался содержанием данной газеты, однако, не имея возможности прочтения материала на узбекском языке, был вынужден привлечь молодого кыргыза по имени Худойберген, который и помог французскому исследователю перевести статью, оказавшуюся стенографическим отчетом Первого послевоенного съезда коммунистической партии Узбекистана. Этот эпизод, по мнению учеников и биографов А. Беннигсена, сыграл большую роль в его решении заниматься языками и историей тюркско- и ираноязычных народов СССР².

К этому же периоду относятся его знакомство и совместная исследовательская работа с молодой французской исследовательницей Шанталь Лемерсье-Келькеже, с которой он впоследствии напишет ряд интересных работ по истории Центральной Азии до и после октябрьского переворота³.

ние. Материалы личных бесед автора с проф. Э. Уимбушем (март, 2010 г., г. Вашингтон (США)).

¹ Материалы личных бесед автора с проф. Э. Уимбушем. (март, 2010 г., г. Вашингтон (США)).

² Wimbush S.E., *Alexandre A. Bennigsen: a somewhat casual and not altogether dignified portrait / Turco-Tatar Past Soviet present. Studies presented to A. Bennigsen.* Edited by Ch. Lemercier quelquejey, G. Veistein, S.E. Wimbush. Paris, 1986. P. 7.

³ См.: Bennigsen A., Lemercier Quelquejey Ch. *The Evolution of the Muslim Nationalities of the USSR and their Linguistic Problems.* Oxford: Central Asian Research Centre, 1961. 55 p.; *Islam in the Soviet Union.* London: Praeger, 1967. 272 p.; Muslim religious conservatism and dissent,

Исследование "*Islam in the Soviet Union*" ("*Ислам в Советском Союзе*")¹, подготовленное в соавторстве с французским историком Шанталь Лемерсье-Келькеже одна из первых фундаментальных работ А.Беннигсена по истории ислама в СССР. Первоначально работа была издана на французском языке в 1960 г., а в последствии в 1967 году вышел в свет и ее английский аналог. Исследование весьма информативно и длительное время считалось одной из важнейших работ по истории национальных меньшинств в СССР. В первой главе «*Мусульманская Россия до 1917 года*» авторы дают краткий обзор завоевательной политики царской России в регионе, а также дальнейшей политики империи в отношении мусульманского населения. Вторая глава посвящена событиям периода 1917 – 1923 гг. триумфу большевиков, а также «*мусульманскому национальному коммунизму*». Третья и четвертая главы посвящены политике советской власти в отношении ислама с 1920 по 1960 г., а также характеризуют религиозный уровень населения региона в исследуемый период. Авторы подробно останавливаются на официальной практике ислама и его повседневной параллельной деятельности, описывают семейные традиции и обряды мусульманского населения.

Вопросы взаимоотношения советской власти и ислама в Центральной Азии, а также в целом религиозной политики Центра по отношению к мусульманскому населению являлись доминирующими на протяжении всего периода развития «*советологического исламоведения*». Примечательно, что А. Беннигсеном в рамках указанного труда была разработана определенная периодизация специфики государственного курса по отношению к исламу в исследуемый период в зависимости от ужесточения или сравнительного послабления силового давления со стороны союзного центра. Указанная периодизация была взята в дальнейшем на вооружение значительным большинством исследователей-советологов.

Так, период с 1918 по 1928 г., по мнению А. Беннигсена, характеризовался либеральной позицией большевистского руководства по отношению к исламу; с 1928 до начала Второй мировой войны – этап гонений; 1941 – 1960 гг. – период «временного облегчения»; 1960-1964 гг. – начало нового периода давлений, 1965 – 1970 – некоторое послабление; 1970-е годы – период жесткой политики и напряженных отношений; начало 1980-х годов – установление более терпи-

In: *Religion in Communist Lands*. Vol. 6. P. 3, P. 153-161; *Islam in Muslim Republics*, In: *Islam and the State in the World today*. Edited Olivier Carre. (Manohar, 1989). P. 131-158.

¹ Bennigsen A., Chantal Lemercier-Quelquejaye. *Islam in the Soviet Union*, (London: Praeger, 1967).

мого отношения, а к концу 1980-х годов – формирование дружественной политики.

В целом авторы весьма скептически охарактеризовали попытки советской власти искоренить ислам в традиционно мусульманских регионах страны. *«Ни отчеты советской прессы, ни наблюдения, проведенные зарубежными посетителями, как европейскими, так и мусульманскими, не в силах сформировать точную идею о настоящей силе ислама в СССР»* - отмечали А. Беннигсен и Ш.Лемерсье-Келькеже¹.

В заключении авторы делают выводы об особенностях эволюции ислама в советский период, а также выражают мнение о скором прекращении изоляции мусульман СССР от остального мусульманского мира.

Активно используя советские источники и статистические данные о количестве населения в стране, западные авторы публикуют ряд работ, посвященных демографическим аспектам советского общества.

Другое исследование А. Беннигсена *“Muslim National Communism in the Soviet Union. A Revolutionary Strategy for the Colonial World”* (*“Мусульманский Национальный Коммунизм в Советском Союзе. Революционная Стратегия для Колониального Мира”*)², подготовленное в соавторстве с американским историком Эндерсом Уимбушем – одним из последователей А. Беннигсена, который и по сей день занимается изучением истории Евразии, подробно рассматривает эволюцию доктрины национального коммунизма в Центральной Азии и на Кавказе. Авторы пытаются доказать, что идеи мусульманского национального коммунизма сохранились и даже получили распространение в обществах Китая, Алжира и Индонезии.

Следует отметить, что 1950 – 1960-е годы в англо-американской историографии – это период, когда так называемый «мусульманский фактор» было принято рассматривать в контексте изменений в демографическом облике советского общества, а именно в удельном росте «мусульманского» населения относительно славянского. Данная тенденция воспринималась многими западными исследователями в качестве потенциальной угрозы советскому обществу, а следовательно и существованию всего государства. Так, например, исследователь Э. Уимбуш констатировал, что резкое увеличение количества мусульман в период с 1926 по 1959 г. в СССР является

¹ Bennigsen A., Chantal Lemercier-Quelquejay. Islam in the Soviet Union. New York: Praeger, 1967. P. 181.

² Bennigsen A., Wimbrush Enders S. *Muslim National Communism in the Soviet Union. A Revolutionary Strategy for the Colonial World.* (The University of Chicago Press), 1979.

одним из наиболее значимых событий внутренней жизни Союза, что в свою очередь подчеркивает необходимость решения увеличивающихся неотложных проблем, с которыми сталкивается государство в сфере региональной и военной безопасности»¹.

На 1980-е годы приходится наибольшее количество публикаций А. Беннигсена. В 1983 г. он, в соавторстве со своей дочерью Марией Броксап, которая продолжила семейную традицию и в настоящее время занимается изучением Центральной Азии, публикует известную работу "*The Islamic threat to the Soviet State*" ("*Исламская угроза Советскому Союзу*")². В первой главе авторы совершают исторический экскурс в распространение ислама на территориях, входивших на момент написания в состав СССР, описывают этапы завоевания Российской империей этих территорий, и более подробно останавливаются на попытках советского государства решить «*мусульманскую проблему*». Глава «*Советские Мусульмане и зарубежный мусульманский мир*» характеризует взаимоотношения мусульман России с остальным мусульманским миром на примере влияния российского реформаторского движения 1883 – 1917 гг. и деятельности мусульманских национал-коммунистов 1918-1928 гг. на зарубежный мусульманский мир. Отдельное место в главе уделяется анализу взаимоотношений мусульман СССР с их единоверцами в период «железного занавеса», а также в постхрущевское время – в период относительного послабления, когда Ташкент становится центром различных конференций, симпозиумов, проводимых Среднеазиатским духовным управлением мусульман (САДУМ) с приглашением значительного количества мусульман из-за рубежа.

В оценке данной тенденции авторы характерно отражают распространенное в среде советологов мнение об изменении в 70-е годы XX в. отношения советских органов к исламу вследствие нового этапа в отношениях между СССР и Ближним Востоком. Согласно данному тренду, союзный Центр начинает более активно использовать представителей официальных исламских учреждений для достижения поставленных целей в отношении политики советского государства на Ближнем Востоке. Так, власти начали привлекать значительное количество мусульман из Центральной Азии, и, в частности, из Узбекистана, в качестве экспертов, переводчиков, пропагандистов, политических, административных и технических кадров

¹ Wimbush S. Enders. The Soviet Muslim Borderlands// The Last Empire. Nationality and the Soviet Future. Edited by Robert Conquest. California: Hoover Institution Press. 1986. P. 220.

² Bennigsen A., Marie Broxup. The Islamic threat to the Soviet State. New York: St. Martin's Press, 1983.

на Ближнем Востоке. Среди основных задач СССР в данном направлении было «*доказать всему миру свободу, благополучие и процветание ислама в СССР*», а также продемонстрировать, что «*Советский Союз – это лучший друг и партнер исламского мира*»¹. В связи с этим в рассматриваемый период наблюдается заметное увеличение количества проводимых САДУМом международных мероприятий: конференций, конгрессов и симпозиумов с приглашением представителей мирового мусульманского сообщества. Несмотря на то, что все международные контакты строго контролировались и регламентировались Центром, эта деятельность значительно расширила культурные и духовные контакты с единовѣрцами из-за рубежа. Исследователь Эдвард Лаззерини отмечал, что «... *мусульманское духовенство наслаждалось контактами с зарубежными мусульманами, но в то же время стояло на службе советских интересов, поддерживая его (СССР. – Х.А.) международные цели, культивируя образ религиозной свободы и экономического процветания исламских народностей в СССР, настаивая на историческом и фундаментальном вкладе советского ислама в общую культуру уммы, и стремясь к достижению влиятельных позиций в международных мусульманских организациях*»².

Авторы также останавливаются на ключевых событиях 1980-х годов – войне в Афганистане и Иранской революции и дают характеристику реакции советских мусульман на них. В заключение авторы приходят к выводу, что «... *исламская религия (в СССР – Х.А.) выживет, хотя несомненно потеряет в течение последующих 20 лет число верующих ... как последствие широкого антирелигиозного прессинга (советских властей – Х.А.)*»³.

Следует отметить, что к 80-м годам XX столетия вопрос о росте мусульманского населения СССР как потенциальной угрозе дальнейшему существованию данного государства начинает приобретать доминирующий характер в англо-американской научно-исследовательской литературе.

Следование данному исследовательскому тренду прослеживается и в рассматриваемой работе А. Беннигсена и М. Броксап. В частности, в заключительной главе работы «*Советский Ислам в перспективе – мусульмане и русские в 2000 году*» авторы рассматривают потенциальные угрозы существованию СССР в контексте

¹ Bennigsen A., Broxup M. The Islamic Threat to the Soviet State. New York, 1983. P. 104.

² Lazzerini Edward. *Through the Contact Lens Darkly: Soviet Muslims and Their Foreign Co-Religionists. 1926-1986. Political and Economic Trends in Central Asia*. Edited by Shirin Akiner. British Academic Press, 1994. P. 156).

³ Bennigsen A., Broxup M. The Islamic Threat to the Soviet State. P. 144.

мусульманского фактора, в частности, возросших показателей рождаемости в центральноазиатских республиках. Согласно прогнозам авторов, в 2000 г. общая численность населения СССР должна была составлять 300-310 млн. чел., при этом доля «мусульманских» народов от 22 до 25% от общего числа (около 66 – 75 млн. чел)¹.

Одна из широко затрагиваемых в работах последующих англо-американских авторов проблема о взаимоотношениях официального и параллельного ислама в Узбекистане в рассматриваемый период, также была охарактеризована в работе *“Mystics and Commissars. Sufism in the Soviet Union”*² («Мистики и Комиссары. Суфизм в Советском Союзе»), написанная в соавторстве с американским исследователем Эндерсом Уимбушем в 1985 г. Будучи одним из наиболее используемых впоследствии советологами, данное исследование представляет собой попытку освещения всего спектра деятельности суфийских братств на территории СССР. Как констатировал исследователь Вальтер Коларц, в советский период « ... в Центральной Азии настоящий вал религиозной жизни наблюдался не в городах, а на окраинах, где официальная мусульманская администрация с центром в Ташкенте имела весьма незначительное влияние.... Имелось большое количество незарегистрированных, но все же активных мечетей, существование которых советские власти игнорировали, так как административные меры против них могли повлечь местные недовольства и волнения»³. При этом, согласно позиции западных советологов, с конце 1950-х годов, наблюдалось «противостояние между официальным исламским учреждением и параллельными течениями в вопросе религиозных правил в незарегистрированных святых местах»⁴.

Рассматривая данную исследовательскую повестку, А. Беннигсен и Э. Уимбуш подробно останавливаются на структуре и организационной составляющей суфийских братств, их практике, как то: проведение зикра, суфийские публикации, паломничество к «святым местам», политическая и социальная деятельность братств. Среди проблемных вопросов данной темы, на которые по ряду причин еще не возможно получить точный ответ, авторы выделяют: «... первое, возможно ли идентифицировать контакты между советскими суфийскими организациями и подобными мусульманскими

¹ Bennigsen A., Broxup M. The Islamic Threat to the Soviet State. P. 130.

² Bennigsen A., Wimbush S. Enders. *Mystics and Commissars. Sufism in the Soviet Union*. USA: University of California Press, 1985.

³ Kolarz Walter. *Islam in the Soviet Union. 1917-1960*. Karachi, 1960. P. 54

⁴ Bennigsen A., Wimbush S. Enders. *Mystics and Commissars*. P. 41.

организациями вдоль советских границ? ... Второе, возможен ли компромисс между советской властью и суфийскими организациями? ... Третье, каково место суфийских братств в политической жизни советских республик? ... Четвертое, можем ли мы предсказать будущее суфизма в Советском Союзе? ...»¹.

Отдельное внимание авторами работы было уделено деятельности САДУМа как проводника в деле сохранения религии, традиций и культуры мусульман Центральной Азии. По их мнению, официальный ислам представлял собой «... интеллектуальный «общий персонал», ... несмотря на все неприятные дела, которые он должен был вести от имени советской власти, он имел способность достижения чистоты и честности веры, примеряя советскую догму с исламским прогрессом»².

Авторы также выразили озабоченность активизацией деятельности различных радикальных религиозных группировок вдоль границ СССР, в частности в Афганистане, Иране, а также в Турции, Пакистане, Китае и Арабском Ближнем Востоке.

Еще в одной работе ***“Soviet Muslims and the Muslim World. Soviet Nationalities in Strategic Perspective”*** («Советские мусульмане и Мусульманский мир. Советские нации в стратегической перспективе»), опубликованной в 1985 г., А. Беннигсеном автор выражает общее для советологического направления мнение о том, что «железный занавес» надежно изолировал Центральноазиатский регион от остального мусульманского мира: паломничество к мусульманским святыням в Саудовской Аравии, Иране и Ираке было весьма ограниченным, дипломатические контакты с представителями мусульманского мира скудны. В частности, А. Беннигсен писал, что «... когда иностранные мусульмане посещали Советский Союз, они ехали в Москву, Киев или Ленинград – редко в Баку или Ташкент. В течение всего этого периода советские лидеры избегали использования своих мусульман за рубежом. Они не нуждались ни в помощи религиозных лидеров, ни мусульманских коммунистов, а когда представители мусульманского населения Средней Азии или Кавказа устраивались в советские посольства на Ближнем Востоке, то, как правило, это была работа низкого технического уровня - в качестве водителей или переводчиков, но никогда как эксперты»³.

¹ Bennigsen A., Wimbush S. Enders. *Mystics and Commissars*. ... P. 110-113.

² Bennigsen A., Wimbush S.E. *Mystics and Commissars. Sufism in the Soviet Union*. P. 45.

³ Bennigsen A. *Soviet Muslims and the Muslim World. Soviet Nationalities in Strategic Perspective*. Edited by S.E. Wimbush. New York, 1985. P. 217.

Очередным результатом плодотворного сотрудничества А. Беннигсена с Э. Уимбушем стала публикация в 1986 г. работы *“Muslims of the Soviet Empire. A Guide”* («Мусульмане советской империи. Путеводитель»)¹, рассчитанной скорее на широкий круг читателей, интересующихся исламом, в частности, в мусульманских регионах СССР. Исследователь Х. Брэкер характеризуя ее как «важнейшую энциклопедию», отмечает: «Авторы ставят перед собой цель – собрать основную информацию о многочисленных и разнообразных мусульманских народностях советского государства (часть 2), а также выявить в их основных чертах местное и внешнее влияние на социальную и политическую эволюцию советских мусульман (часть 1)»². Особый интерес вызывают материалы первого параграфа второй части работы, в которой представлены статистические данные о количестве мусульман в Узбекистане с 1926 по 1979 г. и сведения об их укладе жизни. В целом, можно констатировать, что данная работа в рассматриваемый период могла использоваться в качестве учебно-информационного пособия для широкой читательской аудитории, интересующейся исламом в СССР.

В 1989 г. выходит в свет коллективная монография *“Soviet Strategy and Islam”* («Советская стратегия и Ислам»)³, в авторский коллектив которого входил и А. Беннигсен, посвященная эволюции взаимоотношений официальных властей и ислама в рамках советского государства. В ее первой части «Советский исламский истэблэшмент как стратегический инструмент» авторы поэтапно иллюстрируют политику советской власти по отношению к мусульманам, начиная со времен Второй мировой войны, образованию, деятельности официальных мусульманских учреждений. Особое место уделяется «брежневской исламской стратегии», позволившей мусульманам среднеазиатских республик относительно расширить контакты с единоверами за пределами «железного занавеса», а также особенностям «советской исламской стратегии» вследствие начала военных действий в Афганистане в конце 1979 г.

Необходимо отметить, что, помимо вышеобозначенных работ, перу А. Беннигсена принадлежит значительное количество статей, описание которых не представляется возможным в формате данной

¹ Bennigsen A., Wimbush E.S.. *Muslims of the Soviet Empire. A Guide*. C. Hurst&Company, London, 1986.

² Hans Braker. Foreword.

³ Bennigsen A., Paul B. Henze, Tanham G.K., Wimbush S.E. *Soviet Strategy and Islam*. (Basingstoke: Macmillan, 1989).

статьи. Часть его работ была опубликована на французском языке¹, отдельные из которых представляли собой перевод уже опубликованных англоязычных изданий. В 1983 г. впервые вышла в свет его работа «Мусульмане в СССР» на русском языке².

В последующем, благодаря активной научной деятельности А. Беннингсена, формируется так называемая «школа Беннингсена», к представителям которой, помимо плеяды французских, относился и целый ряд молодых американских исследователей-советологов. Некоторые из них считали себя последователями А. Беннингсена и разделяли общие научные взгляды³, иные могли выступать с критикой тех или иных его положений⁴, однако все они рассматривали А. Беннингсена как одного из основоположников школы по изучению ислама в СССР и признавали его вклад в исследование Центральноазиатского региона.

В целом, исследования А. Беннингсена, подготовленные в условиях жестко ограниченного доступа как к исследуемому региону, так и связанным с ним источникам, заложили важную научно-теоретическую основу для дальнейшего развития «советологического исламоведения» на Западе.

Как отмечает исследователь Стефен Бланк, под руководством А. Беннингсена «формируется целый ряд поколений исследователей, которые в настоящий момент весьма известны в области исламоведческих и советологических исследований как в академических, так и в правительственных кругах»⁵.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что А. Беннингсен являлся приверженцем той части советологов, которые стремились посредством своих исследований дискредитировать образ «врага». Именно поэтому его работы не лишены заметной доли политизированности и попыток трактовки событий и процессов в заранее заданных клише. С критикой работ данного исследователя неоднократно

¹ См. напр.: Bennigsen A., Chantal Lemercier-Quelquejau. Les mouvements nationaux chez les Musulmans de Russie. (Paris, Mouton, 1960); они же. Les musulmans oubliés : l'Islam en U.R.S.S. aujourd'hui. (Paris: Maspero. 1981); Bennigsen A. Sultan Galiev, le père de la révolution tiers-mondiste. (Paris : Fayard, 1986); Bennigsen A. *Le soufi et le commissaire : les confréries musulmanes en URSS*. (Paris : Éditions du Seuil, 1986) и др.

² Беннингсен А. Мусульмане в СССР. YMCA Press, Париж, 1983.

³ К примеру французская исследовательница Шанталь Лемерсье Келькеже (Chantal Lemercier Quelquejau), редактор журнала 'Central Asian Survey' Мэри Броксап (Marie Broxup), американский исследователь Эндерс Уимбуш (S. Enders Wimbush) и др.

⁴ Одна из его студенток, впоследствии известная американская исследовательница исламской истории в Центральной Азии Марта Брил Олкотт (Martha Brill Olcott) выступала с критикой некоторых позиций Беннингсена.

⁵ Stephen Blank. Obituary. Alexandre Bennigsen, 20 March 1913-2 June 1988: Central Asian Survey, 1989, Vol. 8:1, P. i-ii.

выступали и представители советской историографии, которых мы условно называем «разоблачителями фальсификаторов». Так, к примеру, К. Шадиев в своей работе «Критика концепций буржуазной советологии о положении ислама в республиках Средней Азии (по материалам англоязычной литературы)» выступил с резкой критикой работ А. Беннигсена, обвиняя его в одностороннем, а порой и откровенно противоречивом подходе в изучении ислама в Центральной Азии, и, в частности, в Узбекистане в советский период¹.

В современной западной науке также присутствуют вполне заслуженные тенденции критики письменного наследия представителей советологических дисциплин, в частности и А. Беннигсена. Так, отдельные исследователи-медиевисты упрекают А. Беннигсена в недостаточном знании истории региона и специфики местного ислама, а также излишней политизированности его работ. В частности, Ю. Брегель в своей обзорной статье *“Notes on the Study of Central Asia”* («Заметки к изучению Центральной Азии») отмечает, что в работе А. Беннигсена и В. Уимбуша *“Mystics and Commissars. Sufism in the Soviet Union”* явно прослеживаются характерные для советологической школы подходы к изучению центральноазиатской истории. Ю. Брегель особо выделяет, что: «... Беннигсен не являлся специалистом по Исламу (а Уимбуш тем более)..., его работы имели более политический характер нежели исторический. Он не изучал и не мог изучить историю центральноазиатского ислама на основе первоисточников... Их изучение суфизма в Советском Союзе было основано преимущественно на советской антирелигиозной литературе... Книга полна больших и маленьких ошибок и в отношении современной ситуации с суфизмом, и особенно его истории...»².

Ученик Ю. Брегеля, ныне известный ученый-медиевист, Девин ДеУис продолжая данную тему, отмечает: «... мучаясь от недостатка информации и проблематичных источников и, таким образом, изобилуя методологическими проблемами, которые так никогда и не были серьезно разрешены ни учениками Беннигсена, ни критиками его школы, подход Беннигсена был в некотором отношении пионерским в поднятии профиля людей и вопросов, которые зачастую игнорировались широким кругом Руссоцентричных Советологов. ... он (подход Беннигсена. – Х.И.) оказал стесненное и даже пагубное воздействие на

¹ Шадиев К. Критика концепций буржуазной советологии о положении ислама в республиках Средней Азии (по материалам англоязычной литературы): Дис. ... канд. истор. наук. Ташкент, 1987. 169 л.

² Bregel Yuri. Notes on the Study of Central Asia, in: *Papers on Inner Asia*, #28, Indiana University, Bloomington, 1996. P. 52.

изучение ислама в советской среде, так как его выводы и подходы привели к повторению и подражанию, нежели к серьезной критической дискуссии и вызову ... »¹.

Конечно, приходится констатировать, что в условиях «холодной войны» политизация научных исследований в большей или меньшей степени была свойственна для большинства западных советологов, в том числе и для Александра Беннигсена. Кроме того, на качестве исследований, безусловно, сказывались недостаток архивных материалов и невозможность доступа в регион для сбора материала. В связи с чем значительная часть работ опиралась, главным образом, на советскую атеистическую литература, а западные авторы зачастую были вынуждены домысливать либо читать между строк.

Вместе с тем, все же следует подчеркнуть роль Александра Беннигсена в создании школы исследования Центральной Азии в послевоенный период, подготовке плеяды специалистов, и публикации обширного количества изданий, посвященных различным аспектам жизни мусульман в СССР. Он, несомненно, был и остается одним из наиболее значимых исследователей Центральной Азии советского периода, а его работы продолжают оставаться наиболее цитируемыми в современных западных исследованиях.

В этой связи работы англо-американских исследователей, посвященные различным аспектам эволюции ислама в Средней Азии в советский период, вне всякого сомнения представляют собой фундаментальное письменное наследие западной исторической науки и могут служить базой для последующих исследований религиозной ситуации в Центральноазиатском регионе.

«Постколониальные» теории в англоязычной историографии Центральной Азии

Историческая репрезентация колониальных сообществ традиционно вызывала жаркие диспуты в академическом сообществе, равно как и среди широкой общественности. Важное значение в этом смысле, к примеру, имел выход в свет работы Эдварда Саида «Ориентализм»², обозначившая постколониальное направление исследо-

¹ DeWeese Devin. Islam and the legacy of Sovietology: a review essay on Yacov Roi's Islam in the Soviet Union: Journal of Islamic studies. (Oxford Center for Islamic Studies), Vol. 13:3, 2002. P. 300.

² Саид Э.В. Ориентализм. М., 2006. С. 635.

ваний, имевшей в последующем, как своих известных последователей, так и непримиримых оппонентов в политических науках, литературе, философии, кино, феминизме и других.

Постколониальная теория, как интеллектуальный дискурс, предполагает анализ социальных и культурных последствий колонизации метрополией «подчиненных» народов и того, как конкретное колонизируемое общество воспринимало себя в условиях социально-политической отторгнутости. С другой стороны, объектом постколониального дискурса выступает Империя, использовавшая административный ресурс в проведении своего особого позиционирования (например, «цивилизаторской миссии») и создавшая образ «туземного большинства». Критический анализ постколониализма стал применяться относительно недавно в исследованиях на пространствах СНГ. Хотя, А. Халид в своей статье «Culture and Power in Colonial Turkestan» («Культура и власть в колониальном Туркестане») пессимистично оценивает современную российскую историографию, считая, что в большей части работ российских историков, проблема Центральной Азии, не рассматривается в постколониальном дискурсе. Он пишет: *«Многие ключевые черты ортодоксальной историографии, отретушированные при Сталине не изменились: о том, что Российская империя создавалась через аннексии (присоединение), а не завоевания и что вхождение в Российскую империю, в конечном счете, имело «прогрессивное» значение для разных народов империи. Этот нарратив остается притягательным для постсоветской Российской аудитории, поскольку обеспечивал современной России имперскую родословную без осуждения колониализма»*¹.

Среди отдельных специалистов по Центральной Азии, использующих концептуальную логику постколониальной традиции, следует отметить, в частности, работы С. Горшениной².

В статье «Крупнейшие проекты колониальных архивов России» С. Горшенина рассматривает использование генерал-губернатором Туркестана фон Кауфманом таких информационных проектов, как «Туркестанский сборник», «Туркестанский альбом» и др., как способ

¹ Khalid Adeeb. Culture and Power in Colonial Turkestan. Cahiers d'Asie Centrale 17/18 | 2009 // <http://asiacentrale.revues.org/1278>

² Горшенина С. Крупнейшие Архивные проекты России: Утопичность тотальной Туркестаники генерал-губернатора Константина Петровича фон Кауфмана. Ab Imperio, 3(2007): 1-64; Извечна ли маргинальность русского колониального Туркестана, или войдет ли постсоветская Средняя Азия в область пост-исследований. Ab Imperio, no. 2 (2007): 209-58.

имперской репрезентации края, и обеспечение контроля над производством знания, решая, таким образом, представление о нем.

Касаясь же собственно поля и масштабов применения постколониальной теории, С. Горшенина, равно как и поддерживавший ее впоследствии британский историк А. Моррисон, отмечают относительно позднее вовлечение ее инструментария в исследованиях истории Российского колониального владычества, в том числе и в Туркестане¹.

Философия «постколониализма» на примере Туркестанского генерал-губернаторства сравнительно широко представлена в работах ряда англо-американцев – А. Халида, Д. Сахадео и некоторых других. Несмотря на критику отдельных положений вышеозначенной теории (наиболее характерным примером может служить дискуссия между А. Халидом и Н. Найтом опубликованная в журнале «Критика»² о природе «русского» ориентализма), она тем не менее, продолжает оставаться доминирующим направлением в репрезентации образов колониального прошлого. (Центральное место в постколониальных исследованиях занимает концепция *Подчиненного (Subaltern)* – групп коренного населения, занимавших маргинальные позиции в колониальных государствах, и находившихся вне основного имперского дискурса. Предшествующие имперские подходы к объяснению и пониманию колонизируемого сообщества, представляли оценки «нецивилизованных» и «варварских», абсолютно пассивных масс народа и выражали негативное восприятие традиционной жизни автохтонного населения.

Между тем, как отмечает А. Моррисон: «... ни одно колониальное государство не было столь могущественным практически или идеологически, чтобы осуществлять полный контроль часто предполагаемый постколониализмом, ни одно колонизируемое население не было пассивным и доверчивым настолько, чтобы это сообщество, менталитет и вера легко манипулировались»³.

Свойственное европейской колониальной стилистике отображение различия между «Мы» и «Они» и создания образа *Другого* (Востока) в значении отсутствия «цивилизованности», «рациональ-

¹ Morrison A. The Pleasures and Pitfalls of Colonial Comparisons. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 13, 4 (Fall 2012) P. 924.

² Khalid A. Russian history and the debate over orientalism // *Kritika*. N.S. Bloomington. 2000. Vol. 1, N. 4. P. 691–699; Knight N. On Russian orientalism: A response to Adeeb Khalid // *Kritika*. N.S. Bloomington. 2000. Vol. 1, N.4. P. 701–715.

³ Morrison A. Указ. сочинение. С. 923.

ности», «власти закона» не подразумевало восприятия истории с точки зрения самих колонизируемых.

Поэтому, для того чтобы быть «услышанными», подчиненные группы населения, должны были следовать европейским стандартам понимания, и аргументации. Таким образом, подобные подходы не давали настоящего «голоса» (мнения) колонизируемым группам.

Известные теоретики «постколониальной» теории – Гаятри Чакраворти Спивак и Белл Хукс¹ отмечали, что для реальной передачи «истинного» голоса «угнетенного», ученые должны отойти от посреднической позиции между колонизаторами и угнетенными, избегая доминирования автора над объектом своего исследования. Так, например, американский исследователь Гаятри Чакраворти Спивак, известная в своей работе «*Can the Subaltern Speak?*» («Может ли подчиненный говорить?»), превосходно демонстрирует каким образом «голос» простой индийской женщины периода Британской Индии может быть отражен в колониальных архивах и то, каким образом предшествующие (до-постколониальные) исследовательские концепции и подходы оставляли без внимания этот голос, практически оставляя обширные группы общества не услышанными.

Рассмотрим еще ряд примеров применения постколониалистской логики в зарубежных исследованиях по колониальному прошлому Центральной Азии.

В монографии британского историка А. Моррисона «*Russian Rule in Samarkand 1868 – 1910. A Comparison with British India*» («Российское правление в Самарканде 1868 – 1910. Сравнение с Британской Индией») помимо характеристики неэффективности административной системы Туркестанского генерал-губернаторства, автором достаточно последовательно охарактеризованы некоторые оценочные модели восприятия официальными лицами поведенческих мотивов коренного населения². В частности, А. Моррисон выделяет феномен «фанатизма» в риторике колониальных функционеров при отражении отношения к разного рода действиям со стороны местного населения. Так, в отчете Областного губернатора, говорится о сложном положении, в котором оказался джизакский преподаватель русско-туземной школы некий Мулла Нур Мухаммад. Вследствие

¹ Spivak Gayatri Chakravorty. "Can the Subaltern Speak?" in Cary Nelson and Larry Grossberg, eds. *Marxism and the interpretation of Culture*. Chicago: University of Illinois Press, 1988: 271-313; Hooks, Bell. *Marginality as a Site of Resistance*, in R. Ferguson et al. (eds), *Out There: Marginalization and Contemporary Cultures*. Cambridge, MA: MIT, 1990:

² Morrison A.S. *Russian Rule in Samarkand 1868-1910. A Comparison with British India*. Oxford University Press 2008. P. 66-73.

назначения в указанную местность нового муллы, поощрявшего враждебное отношение населения к русско-туземной школе, резко упала и посещаемость¹. По мнению британского исследователя, этот случай вполне мог быть и вымыслом (или же попросту носить характер обычного бытового конфликта в среде местного населения), однако, в контексте оценочных определений в рапортах колониальной администрации он обретал экстремальное значение и наделял местное население некими устойчивыми предрассудками. Подобные примеры (донесений и отчетов), содержащие подозрение и тревогу чиновников относительно мотивации и поступков местного населения (в данном случае относительно распространения «мусульманской пропаганды» в мактабах и других учебных заведениях), по мнению А. Моррисона, зачастую носили параноидальный характер².

В Монографии другого известного американского исследователя Джефа Сахадео «*Russian Colonial Society in Tashkent 1865 – 1923*» («Российское колониальное общество в Ташкенте») также приводятся некоторые модели репрезентации колониального Ташкента. Автор, в частности, прослеживает характер саморепрезентации колониальных структур и навязывания подобного образа местному населению. В качестве примера, Сахадео освещает установленную практику особого приветствия генерал-губернаторов в центре города перед строем войск и делегаций местного населения, а также различного рода парады и процессии (в честь взятия Ташкента или погребения генерала фон Кауфмана). Автор, в частности, приводит известное описание Н.П. Остроумова: «*Процессия должна произвести сильное впечатление на местных.... Туземные части городов собирали большие группы населения всех возрастов; женщины и дети наблюдали за парадом с крыш своих домов. Особенно для местных женщин это был шанс увидеть подобную массу русских мужчин и женщин разных возрастов и социальных категорий. Все местное население с удивлением смотрело на эту процессию, для которого у них не было своего эквивалента*»³. По мнению Сахадео, посредством подобных мероприятий, помимо прочего, власти демонстрировали коренному населению и пытались привить представление о превосходстве и силе империи. С другой стороны, исследователь считает, что позиции и голос некоторых групп местного населения отнюдь не был пассивным, имея в виду участие некоторых ташкентских джадидов в

¹ Morrison A.S. Russian Rule in Samarkand 1868-1910... P. 70.

² Там же С. 73.

³ Sahadeo Jeff. Russian Colonial Society in Tashkent 1865-1923. Indiana University Press, Bloomington, 2007. P. 52.

дебатах городской Думы в 1905 г. В частности, критикуя колониальные порядки через печатные издания «Таракки», «Хуршид», «Туджор» и др, они возмущались отсутствием освещения улиц и больниц в старгородской части Ташкента, а также их санитарными условиями и т.д.

Критикуя уровень жизни населения джадиды, пользовались вакубуляром и категориями, что и представители туркестанских властных структур, но в другой тональности. Об этом пишет американский историк А. Халид. В своей работе «Representations of Russia in Central Asian Jadid Discourse»¹ («Репрезентации России в дискурсе джадидов Центральной Азии») на основе анализа отдельных произведений джадидов, характеризуя оценочную канву их критики некоторых устоев традиционного мусульманского общества. он приводит высказывания прогрессистов, высмеивавших в «модернистском» ключе некоторые бытующие в регионе практики. Так, например, Халид обращается к «Рассказам индийского путешественника» Абдурауфа Фитрата, в которых живо описывается история болезни индийского путешественника в бытность его в Бухаре, обращение его к местному практику традиционной медицины, который не сумел объяснить природу болезни индийского гостя и вынудил последнего отказаться от услуг этого врача. Далее критика в духе «ориенталистских» оценок звучит так: *«Разочаровавшись еще раз он, в конце концов, настоял на том, чтобы его лечил русский врач, поведавший также о состоянии здоровья жителей Бухары, и далее речь о неблагоприятной ситуации в регионе»*².

Между тем, как подчеркивает А. Халид, *«Было бы неоправданным ожидать откровенный антиориентализм (в смысле откровенной критики империализма и эпистемологических структур их производящих) в произведениях местных интеллектуалов. Скорее полезно было бы сфокусироваться на манере, в которой колониальные интеллектуалы адаптировали доминантные дискурсы метрополии для своих собственных целей»*³.

Таким образом, несмотря на то, что использование принципов (и философии) постколониальной теории представлено преимущественно в работах западных историков и социологов – где анализ российской колониальной системы занимает незначительное место,

¹ Khalid Adeeb. Representations of Russia in Central Asian Jadid Discourse // (Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700-1917). Indiana: Indiana University Press, 1997. P. 188-202.

² Там же. С. 190-191.

³ Там же. С. 200.

постколониализм тем не менее следует рассматривать в качестве перспективного подхода в понимании колониальной истории и евроцентристских оценок «не западного мира».

Подходы в дискурсе об империях предлагают некий консенсус: *«Мир империй не был однозначно разделен на колонизаторов и колонизируемых: в некоторых обстоятельствах народы видели определенные преимущества во вхождении, пусть в роли субальтерной группы, в большое и мощное политическое объединение. Предприниматели, желавшие расширить возможности для добывания богатства, люди, стремившиеся использовать внешнюю силу для борьбы с местными тиранами, да и сами агенты имперской власти – все использовали возможности, создаваемые империями»*¹. Аналогичны соображения А.Халида, относительно восприятия некоторой категории населения русско-туземных школ в вышеуказанном русле»². Другими словами содержание колониальной жизни не обязательно всегда предполагало однозначно негативное восприятие её подчиненным населением. С другой стороны, мы видим предельно критичный нарратив постколониализма, где империи оставались «самими собой» с их особым восприятием населения, самопозиционированием и т.д. Репрезентация подчиненного данная в исследовании показывает разные вариации проблемы. И причем сделаны они с акцентированием на потребности и желания самого субъекта. По этому поводу примечательны исследования двух американских специалистов по истории Центральной Азии – Кэмп и Норттропа. Дуглас Норттроп считает, что в Subaltern studies (исследования подчиненного) центральной темой должна быть проблема сопротивления части населения политике советской власти называвшейся «Худжум». Так, анализируя сопротивление духовенства, он отмечает, что метод слухов и угроз играли свою роль. Д. Норттроп пишет: *«От женщин, путешествовавших в повозке вблизи Афганской границы, например, можно было услышать саркастические песни о падении Советской власти: «В магазинах нет ничего, а Советская власть бессильна, поэтому я не собираюсь снимать паранджу»*³. *«Один имам утверждал, что Советская власть перевернула все вверх дном: она не признает веры, а только разрушает. Теперь настает конец света, люди прекращают молиться, не*

¹ Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое издательство, 2010. – 426 с.; Джейн Бурбанк, Фредерик Купер. Траектории империи... С. 337.

² Adeeb Khalid. Culture and Power in Colonial Turkestan. Cahiers d'Asie Centrale 17/18 | 2009 : Le Turkestan russe : une colonie comme les autres? // <http://asiacentrale.revues.org/1278>

³ Douglas Northrop. Veiled Empire. Gender & Power in Stalinist Central Asia. Cornell University Press. Ithaca and London, 2004. P. 176.

посещают мечетей. Сейчас они снимают покрывала с женщин, а если женщины делают это сами, тогда они все станут кафирами; Мусульмане не должны терпеть это. Бог открыл землю и все эти люди пользуются ею для себя. Сейчас правительство чувствует свою силу, но это не продлится долго, в наших (священных) книгах Бог завещал нам, что этому (режиму) придет конец»¹. Позиция проповедницы Восходящая Луна вторит: «Одна из отин призывала О мои сестры! Не открывайте свои лица перед мужчинами, как советуют грешные Большевики. Не навлекайте на себя гнев Божий»². Следует отметить, что Д. Нортропом эти сведения были извлечены из донесений агентов ОГПУ. Нет сомнения, что такая позиция имело место среди населения. Особенно это касается его мужской части. Однако и поддерживающих Худжум было немало.

Марианна Кэмп, считает, что кроме того муслимовалось мнение о женщине не снявший паранджу как нравственно падшей, когда она говорит о настроении населения: «Ассоциация между снятием паранджи и проституцией были усилены слухами, так что любая не покрытая узбечка независимо от своего характера рисковала прослыть проституткой на улице, и ложные слухи о ее деятельности могли быть быстро распространены через соседей»³.

Прослеживая историю униженных женщин Центральной Азии как наиболее уязвимой группы Кэмп подчеркивает позитивное отношение самих женщин к изменением их статуса, предложенного Советской властью утверждая, что они не были пассивными субъектами. Жалобы в письме (к редактору газеты «Алем-и Нисван») жительницы Коканда – Таджи служит таким примером: «В то время как другие демонстрируют большие усилия, мы Сартянки к сожалению находимся в глубоком сне, не осознавая этого. Если бы только несколько строк на страницах какой-либо газеты поведали бы о безразличии и бесправии сартянок в сравнении с крымскими и казанскими женщинами. Если о нашем деградирующем состоянии напишут или покажут, то в будущем мы были бы рады реформам как и все остальные, и с большей надеждой уповали на обладание равными правами». Обращаясь к редактору она продолжает: «Мы слышали, что образование очень ценно в вашей работе. Мы не можем похвастать соответствующими усилиями и действиями. Мы должны заметить, что едва ли одна из ста сартянских женщин умеет читать и писать,

¹ Douglas Northrop. Veiled Empire. Gender & Power in Stalinist Central Asia.... P. 204.

² Там же. С. 203–204.

³ Marianne Kamp. The New Woman in Uzbekistan. Islam, Modernity, and Unveiling Under Communism. University of Washington Press. Seattle & London, 2006. P. 170.

остальные девяносто девять не знают ничего кроме того как нужно выглядеть гуляя в парандже»¹.

Однако, в отличие от Д. Нортропа она не считает местное мужское население жертвой русского колониализма. Сопротивление (колониальным) властям и *«мужское сопротивление»* было не только формой сопротивления против расового и классового угнетения, но также средством притеснения женщин. И далее: *«Те узбеки, что выбрали убийство женщин за снятие паранджи, не были жертвами Российского колониализма; они были действующей силой, оппозицией Советскому государству и идеям узбекских реформаторов (которых уполномочили Советы)»².*

Марианой Кэмп «угнетаемый человек» рассматривается вне зависимости, кем продуцируется насилие: *«Жестокость широко распространенных убийств и насилий, как ответ на снятие паранджи осуществленных узбеками против узбеков, почти никогда не затрагивающие русских, предлагает мне совсем другую интерпретацию. Фемцид в форме убийств узбекских женщин опрометчиво снявших паранджу, послужил для других серьёзным уроком: лучше принять паранджу и жить в изоляции и даже выступить в поддержку ношения паранджи, чем рисковать собственной жизнью за перспективу «освобождения»³.*

Однако М. Кэмп не совсем права критикуя национальных реформаторов, таких как М. Бехбуди и А. Фитрат за их отношение к женскому образованию с точки зрения мужского сознания. На самом деле они рассматривали этот вопрос в тесной связи с реформированием семьи, воспитания молодого поколения, понимая, что много зависит от образования женщин. Но конечно реформаторы не ставили конкретно проблему их участия в общественной жизни.

Таким образом, использование принципов (и философии) постколониализма на примере Центральной Азии показанные в ряде англоязычных работ, позволяет увидеть механизм презентации *«другого»* в ориенталистских терминах и стереотипах, а также восприятие российских социальных программ с точки зрения *«подчиненных»* (как реакция и последствие). Однако в то же время некоторые предостережения, например А. Моррисона⁴ об осторожном использовании этого подхода также очень уместны. Подходы М. Кэмп и Д. Нортропа

¹ Marianne Kamp. The New Woman in Uzbekistan... С. 36–37.

² Там же. С. 13.

³ Там же. С. 202.

⁴ Alexander Morrison. The Pleasures and Pitfalls of Colonial Comparisons. Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History 13, 4 (Fall 2012) p. 922-23

очень продуктивны, так как они демонстрируют разные векторы восприятия населением окружающего мира, своего положения и т.д. И если первый исследователь рассказывает об особенностях судеб женщин как наиболее угнетаемой группы населения (на основе интервью, мемуаров и архивных данных) находившейся меж двух огней – колониальными политическими программами и оппозицией населения. То для Д. Нортропа, основа субальтерного компонента (российские архивы, сведения ОГПУ) это в основном голоса оппозиционно настроенного мужского населения. Как пример восприятия угнетенными имперских социальных экспериментов. Так или иначе, постколониальная философия исследований, являет современную перспективу анализа определенных ракурсов колониальной истории как «доминантной парадигмы» в англоязычной литературе, представляя продуктивный подход и для отечественной историографии.

Взгляды американского исследователя Адиба Халида на историю Центральной Азии начала XX в.

Известный американский историк и антрополог пакистанского происхождения Адиб Халид, специализирующийся в основном по социальным и культурным вопросам прошлого Центральной Азии и поныне является крупнейшим западным специалистом по этому региону. Безусловно, сейчас А. Халид не нуждается в каком-то особом представлении, этот исследователь прекрасно знаком специалистам и читателям. Однако именно о нем мы расскажем и представим некоторый экскурс в его работы, касающиеся колониального времени (в особенности использования логики социальных капиталов в историческом исследовании), а также попытаемся проследить как менялись его взгляды (и менялись ли вообще), например, его рассуждения об уникальности российских колониальных практик. Бесспорно, его профессиональные интересы затрагивают не только проблемы колониального прошлого Центральной Азии, он проводит сравнительные исследования по исламу в Османской империи и на Кавказе. Однако, в основном, работы А. Халида посвящены населению Центральной Азии со времен Российского завоевания до сегодняшнего дня. Центральное место в ней занимает проблема ислама при имперском и Советском режимах¹. Интерес к этому региону у Халида

¹ Khalid Adeeb. The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. University of California Press. Berkeley · Los Angeles · Oxford, 1999. – 336 p.; Он же. Representations of Russia in Central Asian

возник не случайно, вероятно еще в отрочестве, во многом благодаря, как писал он сам, родителям, у которых была семейная библиотека с книгами по истории Центральной Азии, всячески поддерживавший его интерес. В дальнейшем, уже в университете Висконсин-Мэдисон он знакомится с работами французского социолога Пьера Бурдьё, с его теорией капиталов, использованной в его диссертационной работе, впоследствии вышедшей отдельной монографией: «The Politics of Muslim Cultural Reform», над которой он проработал почти десять лет. В этой серьезной монографии Халид воплотил наиболее популярные в то время тенденции в гуманитарных дисциплинах – не политизированный подход к изучению деятельности туркестанских джадидов, – сделав подробную социально-культурную презентацию, а этап их политического участия оценил, как неудачный опыт. Стоит отметить, что во многом это исследование стало дискурсообразующим. На наш взгляд наиболее интересным представляются некоторые его воззрения, касающиеся вопросов применимости критики ориентализма к истории России и связанные с этим дебаты с американским ученым Натаниэлем Найтом и комментариями российского историка М. Тодоровой.¹

Диспут о применимости логики ориентализма (в нашумевшей одноименной работе Эдварда Саида «Ориентализм»²) в исследованиях о Российской империи на примере ее Центрально-Азиатских колоний столкнул героя нашего повествования в своеобразную философско-историческую дуэль с Натаниэлем Найтом. В этом споре, мы достаточно четко видим позицию А.Халида находящего «Российский случай» адекватным ключевым высказываниям в работе Саида. По этому поводу российский историк Мария Тодорова отмечает: *«Для Халида работа Саида представляет собой яркий критический очерк, раскрывающий механику того, как власть использует знания для расширения своего господства; Саид для него является скорее источником вдохновения, чем архитектором научной модели»³.*

Халид пишет: *«Само утверждение, что Россия не вписывается в дихотомию Восток/Запад, поскольку она, в действительности, к Западу не принадлежит, и что русский ориентализм «особенный», поскольку отличается от «настоящей», европейской, версии, –*

Jadid Discourse // Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700-1917. Bloomington: Indiana University Press, 1997. P. 188-202; Он же. Culture and Power in Colonial Turkestan // Cahiers d'Asie Centrale. no. 17-18 (2009). P. 403-436 // <http://asiacentrale.revues.org/1278> и др.

¹ Тодорова. М. Есть ли русская душа у русского ориентализма? Дополнение к спору Натаниэля Найта и Адиба Халида // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005. С. 344-360.

² Саид Э.В. Ориентализм. М., 2006. С. 635.

³ Тодорова.М. Есть ли русская душа у русского ориентализма? ... С. 348.

предполагает, разумеется, что существуют четко определенные границы самой Европы¹. И далее. «С начала XIX столетия некоторые российские интеллигенты утверждали, что Россия отличается от Европы; и историки России слишком часто принимали это утверждение, как оно есть, не исследуя тех целей, которые преследовались этими риторическими заявлениями. Мы часто склонны не замечать совершенно очевидного факта – того, что это заявление о русском «своеобразии» было сформулировано на основе традиции, укорененной в немецком романтизме».

Вопрос о своеобразии колониального опыта России, Адибом Халидом сводится к дублированию имперских практик Западной Европы, здесь он пишет: *«При этом мы не должны упустить из вида тот факт, что к началу XIX века «Восток» стал самостоятельной аналитической категорией в русской мысли, ассоциируясь с деспотизмом, фанатизмом, обманом, насилием и эротизмом и ничем не отличаясь от расхожих представлений о «Востоке» в остальной Европе»².*

Российский историк Мария Тодорова по этому поводу пишет: *«Я не разделяю и оптимизма Халида относительно того, что «как только мы признаем всю искусственность понятий «Европа» и «Запад», а также «Азия» и «Восток», мы сможем двигаться вперед, к политике их развенчания, и оставим миф об уникальности России покоиться с миром». Простое понимание искусственности категорий не поможет избавиться от реальности их влияния и, что еще важнее, избавиться от той действительности, которая порождает эти категории (даже если они уже полностью разоблачены)»³.*

Как видим А. Халид относится к российскому варианту ориентализма, как ключевому актору в колониальной истории Центральной Азии. Современная Российская историография также не обойдена его вниманием, в частности А. Халид в своей статье «Culture and Power in Colonial Turkestan» ее оценивает достаточно пессимистично считая, что в большей части работ российских историков, проблема Центральной Азии, не рассматривается в постколониальном дискурсе. Он пишет: *«Многие ключевые черты ортодоксальной историографии отретушированные при Сталине не изменились: о том что Российская империя создавалась через аннексии (присоединение), а не завоевания и что вхождение в Российскую империю, в конечном счете,*

¹ Халид А. Российская история и спор об ориентализме // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005. С. 318

² Там же. С. 319.

³ Тодорова. М. Есть ли русская душа у русского ориентализма? ... С. 349.

имело «прогрессивное» значение для разных народов империи. Этот нарратив остается притягательным для постсоветской Российской аудитории, поскольку обеспечивал современной России имперскую родословную без осуждения колониализма»¹. В главе Репрезентации России в дискурсе джадидов Центральной Азии А. Халид говорит о том, что благожелательное отношение прогрессистов к колониальной власти было нечто большим, чем просто страх перед цензурой и сигналом политической покорности. Так, он писал: «Я бы стал утверждать, что существовало определённое восхищение русскими среди джадидов просто потому, что они (русские) представляли собой имперскую мощь. И имперская нация обладала большой силой, влияющей на развитие знаний и джадиды восхищались носителями этой силы»².

Халид обращается к «Рассказам индийского путешественника» Абдурауфа Фитрата, в которых живо описывается история болезни индийского путешественника в бытность его в Бухаре, обращение его к местному практику традиционной медицины, который не сумел объяснить природу болезни индийского гостя и вынудил последнего отказаться от его услуг. Далее критика в духе «ориенталистских» оценок звучит так: «Разочаровавшись еще раз он, в конце концов, настоял на том, чтобы его лечил русский врач, поведавший также о состоянии здоровья в Бухаре, и речь о неблагоприятной ситуации в регионе»³.

Рассуждая о продуктивности подхода П. Бурдьё, в социально-исторических исследованиях, Халид применяет его в своей работе «The Politics of Muslim Cultural Reform» перенося внимание со структур диктующих «правила», на социальных агентов (джадидов), разворачивающих свою деятельность на «логике практик», продуцируя, таким образом стратегию действия, при учете ограничений, которые налагают структуры. Конфронтация джадидов с традиционалистами, полемика на страницах газет и журналов по актуальным проблемам современности, непростые отношения с официальными лицами администрации – все это объект исследовательского интереса Халида.

В этой связи не безынтересно также описание исследователем

¹ Khalid Adeeb. Culture and Power in Colonial Turkestan. Cahiers d'Asie Centrale 17/18 | 2009: Le Turkestan russe : une colonie comme les autres? // <http://asiacentrale.revues.org/1278>.

² Russia's Orient. Imperial Borderlands and Peoples 1700 – 1917 // Representations of Russia in Central Asian Jadid Discourse. Indiana, 1997. P. 194.

³ Khalid Adeeb. Representation of Russia in Central Asian Jadid Discourse / Russia's Orient. Imperial Borderlands and Peoples 1700 – 1917. Indiana, 1997. P. 190-191.

позиций прогрессистов по вопросу положения женщин Центральной Азии. В отличие от своего соотечественника Марианны Кэмп, делающей упор на «голосе» самой женщины, ее инициативах (agency), Адиб Халид останавливается на критике джадидами устоявшихся взглядов в отношении женщин, предлагавших расширить правовой статус женщин, постулируя это общественной, семейной и политической необходимостью: *«Нации требовалась крепкая, стабильная семья, только это могло обеспечить условия прогресса. Эта была фундаментальная причина оппозиции джадидов к полигамии»*¹. Правда Кэмп в своей книге рассуждает несколько глубже Халида, в частности, мы находим весьма интересные критические замечания о некоторых рассуждениях М. Бехбуди и А. Фитрата относительно образования женщин². По ее мнению, они в частности М. Бехбуди исходили из того, что умственные способности женщины не позволяют выдвигать к ней особые требования. Это мнение является спорным. У прогрессистов региона была иная ценностная схема, в которой улучшение положения женщин видели в культурном аспекте через образование. По мнению джадидов от этого зависела судьба мусульманского сообщества и его внутреннего состояния.

Научные работы Адиба Халида внесли значительный вклад в исследования по Центральной Азии. Например, его первый значительный труд о мусульманской культурной реформе «The Politics of Muslim Cultural Reform. Jadidism in Central Asia» стал и вовсе дискурсообразующим, который и в некоторой степени ориентиром в исследованиях для его западных коллег, а также наших отечественных историков. Возможно, мы даже можем говорить о том, что его научные изыскания совершили «смену парадигм» в изучении колониальной истории в духе научных революций Т. Куна, поскольку они обозначили некий отход не только от сугубо политического и политизированного угла презентации истории региона второй половины XIX – XX вв. предложив продуктивные, междисциплинарные подходы в восприятии определенного среза (Центрально-азиатские джакиды) мусульманского сообщества в контексте имперского окружения. Конечно, он остается достаточно критичным в отношении российской историографии, так же как и в отношении Центрально-Азиатской. Слабые рабочие связи с отечественными учеными косвенно на это указывают, однако это не мешает уже сейчас рассматривать его как маститого «классика» зарубежного Туркестановедения.

¹ Khalid Adeeb. The Politics of Muslim Cultural Reform. Jadidism in Central Asia. University of California Press Berkeley. Los Angeles-Oxford, 1999. P. 226.

² Marianne Kamp. The New Woman in Uzbekistan. Islam, Modernity, and Unveiling Under Communism. University of Washington Press. Seattle & London, 2006. P. 24.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. НАЧАЛО XX ВЕКА: НОВОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ	9
Исхакхан Ибрат и его труды по истории Ферганы.....	9
Абдулла Авлонийнинг маърифат ва тарих ҳақидаги қарашлари.....	20
Абдурауф Музаффарзода мушоҳадасида Туркистон тарихи ва маданияти масалалари.....	32
Туркистон ўтмиши ва келажаги Мухтор Бакир асарларида.....	43
ГЛАВА II. АЛЬТЕРНАТИВНОЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗНОМЫСЛИЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА	52
Николай Маллицкий: на службе империи и науки.....	52
Вадим Чайкин и его альтернативное постижение истории	78
Шерали Лапин – лидер «кадимистов», историк, политик.....	97
Василий Вяткин и Самаркандская старина.....	111
Профессор Пулат Салиев: судьба и драма	124
Файзулла Ходжаев: историк и государственный деятель	150
ГЛАВА III. НОВЫЙ ЭТАП ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	181
Основные характеристики советской историографической школы в Узбекистане.....	181
Михаил Евгеньевич Массон и археология Средней Азии.....	194
Историк и археолог Яхъя Гулямович Гулямов и его вклад в развитие науки.....	216

Две музы узбекской медиевистики: творческие портреты Розии Мукминовой и Ольги Чехович	235
Рахима Аминова – историк по велению сердца.....	280
“Улама” в Советском Институте востоковедения	301
Борис Владимирович Лунин – патриарх среднеазиатской школы историографии.....	348
Тарихшунос Фарҳод Ҳабибович Қосимов.....	364

ГЛАВА IV. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ УЗБЕКИСТАНА В ТРУДАХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ XX ВЕКА	378
“Sovetological Islamology”: история академического тренда в исследованиях и персоналиях (1940 – 1980-е годы).....	378
«Постколониальные» теории в англоязычной историографии Центральной Азии	416
Работы Адиба Халида и его взгляд на историю Туркестана	425

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ УЗБЕКИСТАНА
В XX ВЕКЕ

КБК: 82.11 (5Ў36) 7
М.45
УДК: 94 (575.1)
001.0891.(575.1)

Технический ред. Ф. Ш. Шамукарамова
Редакторы: А.С. Михерёва
М.Т. Садыкова

Бичими 60x84 ¹/₁₆. Ризограф босма усули. Times гарнитураси.
Шартли босма табағи: 25,5. Адади 300. Буюртма № 57
Баҳоси келишилган нархда.

«GEO FAN POLIGRAF» МЧЖ босмаҳонасида чоп этилган.
Босмаҳона манзили: 100170, Тошкент ш., Дўрмон йўли кўчаси, 24-уй.

Издательство Navro'z
ISBN 978-9943-381-99-5